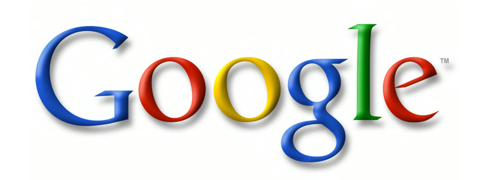
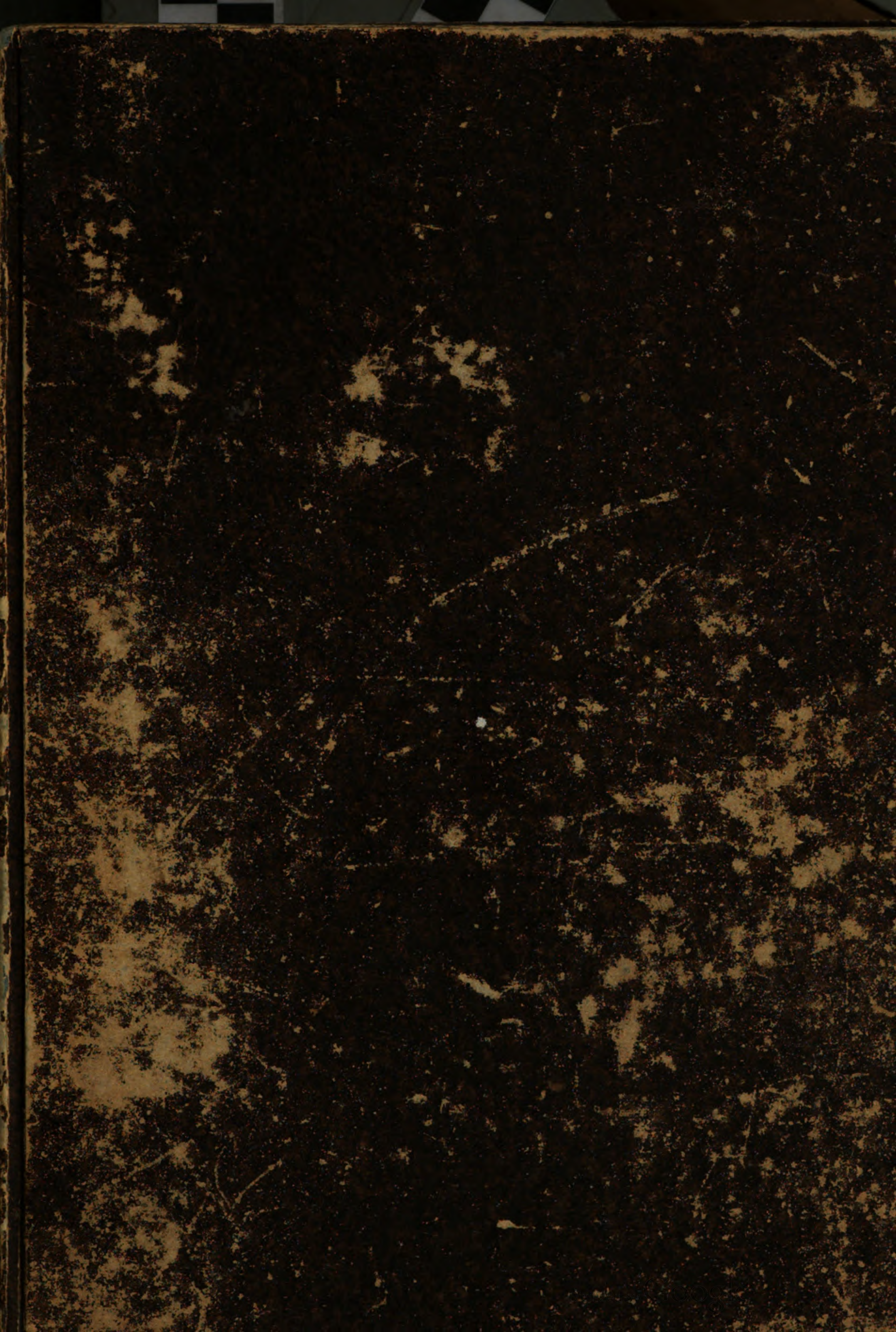
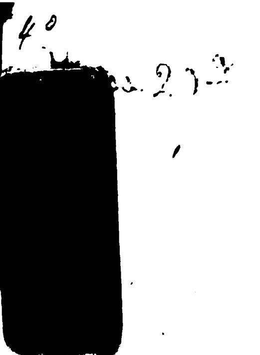

ИСТОРІЯ РУСОВЪ.

Всеуважаемому Наставнику
Ивану Михайловичу
Гёрингу
от [illegible].

13/XII 1848.
Москва.

ИСТОРІЯ РУСОВЪ

или

МАЛОЙ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Георгія Кониского,

Архіепископа Бѣлорускаго.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1846.

По Опредѣленію Общества. 1846 года, генваря 26-го дня.

Секретарь Общества О. Бодянскій.

ИЗДАНО НА ИЖДИВЕНІИ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Давно уже Малоросіяне желали видѣть напечатанной „Исторію Русовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго *Георгія Кониского*." Много говорили, время отъ времени, что тотъ, другой, сбираются издать ее, даже печатаютъ; но, по сю пору, ее нѣтъ, какъ нѣтъ! Имѣя нѣсколько списковъ етой исторіи, я выбралъ лучшій изъ нихъ, подвелъ къ нему изъ прочихъ разнословія, и потомъ предложилъ Императорскому Обществу Исторіи и древностей Россійскихъ издать его въ свѣтъ, что и исполняется нынѣ. Время отъ времени я намѣренъ тоже самое сдѣлать и съ прочими письменными источниками Малой Росіи, лѣтописями, записками, описаніями, и т. п., на пр., съ Шафонскимъ, Симоновскимъ, и др. А потому, я просилъ бы всѣхъ, кто только имѣетъ и желаетъ видѣть въ непродолжительномъ времени етѣ и подобные имъ памятники напечатанными, присылать мнѣ оные, какъ секретарю Общества, для снятія съ нихъ списковъ и немедленнаго помѣщенія въ „ЧТЕНІЯХЪ." Искреняя благодарность и признательность современниковъ, занимающихся исторіею, равно какъ и самаго потомства, будетъ лучшей наградой тѣмъ, кои воньмутъ етому призыву. Пора уже, давно пора, не скрывать подобнаго рода богатствъ подъ спудомъ и тѣмъ, сколько можно, облегчить изученіе и познаніе исторіи Южныхъ Русовъ для всѣхъ и каждаго, особенно же самыхъ Рускихъ. Благо, что есть вѣрный и *скорый случай* исполнить ету священную обязанность истиннаго сына своего народа и отечества.

О. Бодянскій.

Февраля 9-го, 1846. Москва.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Малой Россіи до времень нашествія на нее Татарь, съ Ханомъ ихъ Батыемъ, соединена съ Исторіею всея Россіи, или она-то и есть единственная Исторія Россійская; ибо извѣстно, начало сея Исторіи, вмѣстѣ съ началомъ правленія Россійскаго, берется отъ Князей и Княжествъ Кіевскихъ, съ прибавленіемъ къ нимъ одного только Новгородскаго Князя Рюрика, и продолжается до нашествія Татарскаго безпрерывно, а изъ сего времяни бытіе Малой Россіи въ Общей Россійской Исторіи едва упоминается; по освобожденіи же ея отъ Татаръ Княземъ Литовскимъ Гедиминомъ, и совсѣмъ она въ Россійской Исторіи умолчена. Посему предлагаемая здѣсь Исторія Малороссійская писана на два періода, т. е. до нашествія Татарскаго экстрактомъ, а отъ сего нашествія пространно и обстоятельно.

Историковъ и Лѣтописцевъ сего времяни было въ Малой Россіи довольно. Но какъ сія страна, какъ бы созданная или осужденная для руинъ, отъ частыхъ нашествій иноплеменниковъ, а еще частѣйшихъ набѣговъ и браней отъ народовъ сосѣднихъ, и наконецъ отъ непрестанныхъ междоусобій и побоищъ, претерпѣла всѣхъ родовъ разоренія, губительства и всесожженія, и, такъ сказать, обагрена и напоена кровію человѣческою и покрыта пепломъ, то въ такой несчастной землѣ, можно ли было что либо сберечь цѣлое? А по сей причинѣ взята сія Исторія изъ лѣтописей и записокъ Бѣлорускихъ, яко изъ страны единоплеменной, сосѣдствующей и отъ руинъ Малоросійскихъ удаленной.

Извѣстный ученостію и знатностію Депутатъ Шляхетства Малоросійскаго, господинъ Полетыка, отправляясь по должности Депутатства въ великую оную Имперскую Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенья, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную Исторію. Онъ относился о семъ къ перво-

начальному учителю своему, Архіепископу Бѣлорускому, Георгію Конискому, который былъ природный Малоросіянинъ, и долголѣтно находился въ Кіевской Академіи Префектомъ и Ректоромъ. И сей-то Архіерей сообщилъ Господину Полетыкѣ Лѣтопись или Исторію сію, увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ каѳедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшихъ Малоросійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій Гетманъ Малоросійскій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего, Гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что притомъ она вновь имъ пересмотрѣна и исправлена.

Господинъ Полетыка, сличивъ ее со многими другими лѣтописями Малоросійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненіяхъ по Коммиссіи. И такъ Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть достовѣрною. Одни воинскія дѣйствія покажутся, можетъ быть, инымъ сомнительными, яко множественны суть. Но разсуждая о положеніи земли сея между народами, почти непримиримыми, судя о временахъ и обстоятельствахъ, въ которыя народъ сей всегда почти былъ въ огнѣ и плавалъ въ крови, надобно заключить, что сего народа все упражненіе и ремесло состояло въ войнѣ и убійствахъ. Одна Польша все то доказываетъ. Она тогда только была могущественна и страшна, когда имѣла у себя войска Малоросійскія; а коль скоро ихъ лишилась, тотчасъ же упадать начала, а послѣдствія ея извѣстны.

Историки Польскіе и Литовскіе, справедливо подозрѣваемые въ баснословіяхъ и самохвальствѣ, описывая дѣянія народа Рускаго, яко бы въ подданствѣ у Поляковъ бывшаго, затмѣвали всемѣрно великіе подвиги ихъ, подъятые на пользу общаго отечества своего и Польскаго. Самыя даже постановленія и преимущества ихъ въ семъ отечествѣ скрывали, сближая, какъ можно, народъ сей къ рабскому состоянію и ничтожеству. А когда дошла повѣсть ихъ до временъ гоненій и тиранствъ Польскихъ, на народъ Рускій произведенныхъ, поводомъ выдуманной отъ

нихъ Уніи, а паче какъ дошло до освобожденія народа сего отъ ига Польскаго собственнымъ своимъ мужествомъ и безпримѣрною почти храбростію, то тутъ изрыгнули писатели оные всѣ свои поношенія и всѣхъ родовъ неправды и клеветы на сей народъ и на ихъ вождей и начальниковъ, называя ихъ непостояннымъ и бунтливымъ хлопствомъ, по своевольству, будто, и буйству своему бунты и нестроенія поднявшимъ. Но дѣла Гетмановъ Рускихъ: Косинскаго, Наливайка, Остряницы и наконецъ великія дѣла Хмельницкаго, переписки ихъ и деклараціи, доказываютъ тому весьма противное, и всякъ здравомыслящій человѣкъ увидитъ въ нихъ истину несомнительную и подвиги благородные и справедливые; увидитъ притомъ и признаетъ умный, что всякое твореніе имѣетъ право защищать бытіе свое, собственность и свободу, и что къ тому оно снабдено самою природою или Творцемъ своимъ достаточными орудіями или способомъ.

О мужествѣ и предпріимчивости народа Рускаго совѣтуется баснословцамъ и критикамъ заглянуть въ Исторіи Греческія, Римскія и другія иностранныя; и они имъ покажутъ Кагана, Кія, Оскольда, Святослава, Владиміра, Ярослава, и другихъ великихъ Государей или Князей Рускихъ, воевавшихъ славно съ воинствомъ Рускимъ въ Европѣ, Азіи, Греціи, и на самыя столицы ихъ Константинополь и Римъ нападавшихъ. И такому народу, поживши нѣсколько въ соединеніи съ Поляками и Литовцами во всегдашнихъ почти войнахъ за ихъ и за свое отечество, можно ли было потерять природную свою храбрость, которая потомъ и надъ самими Поляками и Литовцами довольно наконецъ себя показала?

Но не смотря на все то, съ сожалѣніемъ должно сказать, привнесены нѣкоторыя нелѣпости и клеветы въ самыя лѣтописи Малоросійскія, по несчастію, творцами ихъ, природными Рускими, слѣдовавшими по неосторожности безстыднымъ и злобливымъ Польскимъ и Литовскимъ баснословцамъ. Такъ, на пр., въ одной учебной исторійкѣ выводится на сцену изъ Древней Руси, и ли нынѣшней Малоросіи, новая нѣкаясь земля при Днѣпрѣ, названная тутъ Украиною, а въ ней заводятся Польскими Королями новыя поселенія и учреждаются Украинскіе козаки; а до того сія земля будто была пуста и необитаема, и Козаковъ въ Руси не бывало. Но видно господинъ писатель такой робкой исторій-

ки не бывалъ нигдѣ, кромѣ своей школы, и не видалъ въ той сторонѣ, называемой имъ Украиною, Рускихъ городовъ, самыхъ древнихъ или, по крайней мѣрѣ, гораздо старѣйшихъ отъ его Королей Польскихъ, то есть: Черкаса, Крылова, Мишурина и стараго Кодака при рѣкѣ Днѣпрѣ, Чигирина при Тясминѣ, Умани при Росѣ, Ладыжина и Чагарлыка при Бугѣ, Могилева, Рашкова и Дубосара при Днѣстрѣ, Каменнаго Затона и Бѣлозерска у вершины Лимана. Изъ сихъ городовъ были иные провинціальными и областными Рускими городами чрезъ многіе вѣки. Но у него все это пустыня, и Князи Руские, выводившіе великія флотиліи свои въ Черное море изъ рѣки Днѣпра, то есть изъ самыхъ тѣхъ странъ, и воевавшіе на Грецію, Синопъ, Трапезонтъ и на самый Цареградъ съ войсками областей оныхъ, преданы имъ ничтожеству и забвенію; равно какъ и сама Малоросія возвращена кѣмъ-то изъ Польскаго владѣнія безъ усилія и добровольно, и бывшія при томъ, отъ войскъ Рускихъ противъ Поляковъ и ихъ Королей и посполитого рушенья, тридцать четыре кровопролитныя брани, не заслуживаютъ того, чтобы отдать сему народу и его вождямъ за подвиги ихъ и геройство должную справедливость. Однако, кто что ни говори, а всегда конецъ дѣло блажитъ. Пріиди и виждь!

ИСТОРІЯ РУСОВЪ

или

МАЛОЙ РОССІИ.

Народъ Славянскій, произшедшій отъ племени Афета, сына Ноева [1], названъ Славянами по родоначальнику и Князю своему Славену [2], потомку Росса Князя внука Афетова [3]. Онъ, переселясь изъ Азіи отъ временъ Вавилонскаго языковъ смѣшенія [4], сталъ обитать отъ горъ поясныхъ [5] или Рифейскихъ и отъ моря Каспійскаго на Востокѣ, до рѣки Вислы и моря Варяжскаго на Западѣ, и отъ Чернаго моря и рѣки Дуная отъ Полудни, до Сѣвернаго океана и Балтійскаго моря на Сѣверѣ. Доказательствомъ тому есть Исторія Преподобнаго Нестора Печерскаго и его послѣдователей и предшественниковъ, ту Исторію писавшихъ, кои всѣ были Академики или Члены того главнаго [6] училища, которое во Славянахъ [7] заведено было въ городѣ Кіевѣ Кириломъ, философомъ Греческимъ, скоро по введеніи туда религіи [8] Христіанской. А взята она изъ книгъ Священныхъ библій и изъ [9] древней обширной библіотеки, въ Кіевѣ собранной, но въ нашествіе варваровъ и бывшія руины погибшей; отъ чего и самыя училища крылись въ однихъ монастыряхъ и подземныхъ жилищахъ, даже до дней Рускаго избирательнаго Князя или Гетмана Сагайдачнаго и Митрополита Кіевскаго Петра Могилы, древнюю Академію Кіевскую возстановившихъ.

Не меньшимъ доказательствомъ означенныхъ предѣловъ Славянскихъ суть опустѣлые города и развалины, Славянскимъ языкомъ называемые, и надписи, ихъ литерами и нарѣчіемъ писанныя на камняхъ, кладбищахъ и статуяхъ каменныхъ; тоже названіе рѣкъ, озеръ, горъ и улусовъ, въ степяхъ Крымскихъ, Заволжинскихъ и на островѣ Таманѣ, или древнемъ Тмутараканѣ находящихся; что все очевидно свидѣтельствуетъ Славянское тамо жительство. А замѣченные нѣкоторыми писателями въ тѣхъ предѣлахъ иноплеменные Славянамъ народы, какъ-то: Киммеріане или Готты, Маіоты [10], Гунны и другіе, наравнѣ съ ордами Понтійскаго Царя Митридата, были перехожія чрезъ Славянскую землю и иностранныя [11] колоніи, нашедшія съ Востока и Сѣвера и по краткомъ здѣсь пребываніи удалившіяся въ страны полуденныя и западныя. Да и самые почитавшіесь за жильцовъ при Черномъ и Азовскомъ морѣ Греки и Генуэзцы [12], не что иное были, какъ купцы, поселившіесь съ согласія Славянъ на ихъ приморскихъ земляхъ ради обоюдной торговой пользы; а бывшія съ городами ихъ Херсономъ, Феодосіею и Босфоромъ у Славянъ войны, значатъ однѣ маловремянныя сосѣднія ссоры, кончавшіяся удовлетвореніями.

Историки сопредѣльныхъ съ Славянами народовъ, Птоломей, Геродотъ, Страбонъ, Діодоръ и другіе, приписывая Славянамъ древность самую отдаленную, за 1610-ть лѣтъ до Рождества Христова извѣстную, говорятъ, что они, ведя съ сосѣдями безпрестанныя войны и преслѣдуя переходившихъ ихъ землю иноплеменныхъ народовъ, зашли и переселили колоніи свои за рѣку Дунай до моря Адріатическаго въ Иллиріи и отъ горъ Карпатскихъ до рѣки Одра; а на западныхъ берегахъ Балтійскаго моря оселили всю Померанію, ихъ нарѣчіемъ такъ названную. Но даютъ сіи Историки Славянскимъ племенамъ различныя названія, судя по образу ихъ жизни и виду народному, на прим. Восточныхъ Славянъ называли Скиѳами или Скиттами по кочевой жизни и по частому переселенію съ мѣста на мѣсто; Полуденныхъ Сарматами по острымъ ящуринымъ глазамъ съ прижмурковю; и Русами или Русняками [13] по волосамъ; Сѣверныхъ приморскихъ Варягами называли по хищничеству и по засадамъ, ожидающимъ прохожихъ; а въ срединѣ отъ тѣхъ живущихъ по родоначальникамъ ихъ, потомкамъ Аѳетовымъ, называли: по Князю Русу [14], Роксоланами и Россами, а по Князю Мосоху, кочевавшему при рѣкѣ Москвѣ и давшему ей сіе названіе, Москвитами и Мосхами: отъ чего впослѣдствіи и Царство ихъ получило названіе Московскаго и наконецъ Россійскаго.

Сами Славяне и того больше названій себѣ надѣлали. Болгарами называли тѣхъ, кои жили при рѣкѣ Волгѣ; Печенѣгами тѣхъ, кои питались печеною пищею; Полянами и Половцами живущихъ на поляхъ, или степяхъ безлѣсныхъ; Древлянами жильцовъ Полѣсныхъ [15], а Козарами — всѣхъ таковыхъ, которые ѣзживали верхомъ на коняхъ и верблюдахъ и чинили набѣги; а сіе названіе получили наконецъ и всѣ воины Славянскіе, избранные изъ ихъ же породъ для войны и обороны отечества, коему служили въ собственномъ вооруженіи, комплектуясь и перемѣняясь также своими семействами, Но когда во время военное выходили они внѣ своихъ предѣловъ, то другіе гражданскаго состоянія жители дѣлали имъ подмогу, и для сего положена была у нихъ складка общественная или податъ, прозвавшаясь наконецъ съ негодованіемъ Дань Козарамъ.

Воины сіи, вспомоществуя часто союзникамъ своимъ, а паче Грекамъ, въ войнахъ съ ихъ непріятелями, переименованы отъ Царя Греческаго, Константина Мономаха, изъ Козаръ Козаками, и таковое названіе навсегда уже у нихъ осталось. Описываемыя жъ у нѣкоторыхъ писателей войны Славянъ съ Печенѣгами, Половцами, Козарами и другими Славянскими народами бывшія и безсправочно иноплеменничьими войнами называемыя, значатъ не иное что, какъ междоусобныя самихъ Славянъ брани за рубежи областные, за отгонъ скота и за другія притязанія и ссоры Князей ихъ произходившія; а ошибки отъ историковъ произошли по множеству разныхъ названій, одному и тому же народу приписуемыхъ.

Справедливость сего доказывается тѣмъ, что описанные выше прямо иностранные народы, т. е. Готты, Гунны и другіе, извѣстны по Исторіямъ и преданіямъ, откуда они вышли и куда пошли; а о сихъ ничего того нѣтъ, и какъ бы они съ неба опустились и въ землю вошли, не оставивъ и потомства своего; чего Исторія никакъ терпѣть не должна, яко баснословнаго.

Такимъ образомъ часть Славянской земли, отъ рѣки Дуная до рѣки Двины и отъ Чернаго моря до рѣкъ Стыря, Случи, Березины и Донца, и Сѣви [16] лежащая, получила названіе Русь, а народъ, на ней живущій, названъ Русами и Русняками [17] вообще. Впослѣдствіи сія жъ самая земля дѣлилась названіемъ на Чермную или Червоную Русь по землѣ, производящей красильныя травы и червецъ въ странѣ полуденной, и на Бѣлую Русь по великимъ снѣгамъ, выпадающимъ въ сторонѣ сѣверной. Провинціальныя дѣленія той земли были Княжества: Галицкое, Переяславское, Черниговское, Сѣверское, Древлянское и главное или Великое Княжество Кіевское, которому всѣ другія подчинены были. Князья или Верховные начальники выбираемы были отъ народа въ одной особѣ, но на всю династію, и потомство выбраннаго владѣло по наслѣдію. Изъ сихъ Князей знатнѣйшіе по Исторіямъ: Каганъ, воевавшій Грецію и осаждавшій флотиліею своею и сухопутнымъ войскомъ столичный городъ Константинополь, спасшійся чудомъ Богоматери; Кій, основатель города Кіева и Княжества сего имени; побѣдоносные въ войнахъ Оскольдъ и Диръ, воевавшіе славно съ Греками и Генуэзцами на морѣ и сушѣ, разорившіе славные города Синопъ и Трапезонтъ, и поразившіе на голову войска непріятельскія при рѣкѣ Осколѣ; Игорь, избившій коварно Оскольда и Дира и самъ убитый Древлянами; Святославъ, покорившій себѣ Болгаръ Задунайскихъ и тамо жившій въ городѣ Переяславцѣ, нынѣшнемъ Рущукѣ; и Владиміръ, первый крестившій всю Россію.

И сей Владиміръ, сверхъ означенныхъ Княжествъ, соединивъ всѣ другія Славянскія Княжества, раздѣлившіясь подъ разными названіями между его братьями и родственниками, былъ одинъ надъ ними Самодержцемъ и назывался Великимъ Княземъ Рускимъ и Царикомъ надъ всѣми Князьями, и будучи могуществень и страшенъ въ войнахъ, безпрерывно съ сосѣдями производимыхъ, сыскалъ отъ нихъ и отъ народовъ отдаленныхъ отмѣнное уваженіе, почему всѣ Державы искали его дружбы, а для удержанія ея предлагали ему свои вѣры или религіи. Но онъ, извѣдавъ первѣе ихъ, основательно предпочелъ всѣмъ Христіанскую Греческаго или Іерусалимскаго исповѣданія, и въ 988 г. по Рождествѣ Христовѣ, отправясь съ войскомъ къ приморскому городу Херсону, крестился тамо отъ Грековъ и женился на Греческой Царевнѣ Аннѣ; а воротясь въ Кіевъ, крестилъ семейство свое и народъ. Прежде же крещенія всѣ Славяне имѣли вѣру восточныхъ язычниковъ, и признавая единаго Бога Вседержителя, почитали символомъ или жилищемъ его солнце, а орудіемъ гнѣва его громъ или перунъ. Почему и чествовали

солнце воспаленіемъ огня, яко его образа, и вверженіемъ въ него начатковъ отъ всего прозябаемаго, называя праздникъ сей Купалою.

Крещеніе Владимирово почитается третьимъ въ лѣтописяхъ Славянскихъ; первое у нихъ введено во дни Апостольскіе, благовѣстіемъ Апостола Андрея Первозваннаго, приплывшаго кораблемъ изъ Чернаго моря и рѣкою Днѣпромъ къ той Кіевской горѣ, которая и по основаніи города Кіева всегда Андреевымъ холмомъ [18] называлась, и на которой послѣ создана во имя его церковь. Сей же Апостолъ рѣкою Десною былъ тогда и въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, благовѣстилъ Евангеліе и почудился употребленію тамошнимъ народомъ бань своихъ, въ которыхъ, по словамъ его, разжигался каждый человѣкъ на подобіе раскаленнаго камня, сѣкъ себя хворостомъ до изможденія [19], а потомъ повергаясь съ журчаніемъ въ рѣчную воду, выходилъ оттуда живъ и бодръ, какъ бы никогда не разжиганъ [20] и не битъ. Рѣки оныя до упадка Чернаго моря имѣли воды возвышеннѣй отъ нынѣшнихъ и пороги на Днѣпрѣ не были открыты. Второе крещеніе произвела бабка Владимирова, Великая Княгиня Кіевская Ольга, которая сама крестилась въ Царѣградѣ и была наречена по крещеніи Еленою.

По кончинѣ Владимира Перваго, скоро кончилось и соединеніе Царства его. Сыновья и племянники Владимировы раздѣлили его на двѣнадцать Княжествъ, оставивъ однако же по прежнему верховнымъ надъ всѣми Великое Княжество Кіевское, въ коемъ главнѣйшіе [21] отъ прочихъ Князей были: Ярославъ Владимировичь, распространившій и утвердившій Христіанство, сочинившій чрезъ избранныхъ мужей Рускіе законы, учредившій въ Кіевѣ главное училище Богословія и другихъ изящныхъ наукъ, съ обширною изъ Греціи выписанною библіотекою, и соблюдшій [22] первенство свое со славою; Владимиръ Второй, названный Мономахомъ по дѣду его съ матерней стороны Императору Греческому, Константину Мономаху, по которому и онъ признанъ отъ Греческой Имперіи Царемъ Рускимъ и получилъ на то дѣдовскую корону, со всѣми другими Царскими регаліями. Но возставшія [23] раздѣломъ Княжествъ междоусобныя войны, за первенство и наслѣдство между Князьями всегда продолжавшіясь, первѣе ослабили Великое Княжество Кіевское, потомъ и совсѣмъ его разорвали, и съ 1161 года назвались [24] Великими Княжествами: Галицкое въ Чермнорусіи, [25] Владимирское на Клязьмѣ и наконецъ Московское по городу Москвѣ. Но и тѣ Княжества, славилися первенствомъ своимъ по 1238 годъ; а съ сего года нашествіе войною Мунгальскихъ Татаръ, подъ начальствомъ Хана ихъ Батыя, внука Чингис-Ханова, всѣ Княжества удѣльныя и великія разрушило почти до основанія; города ихъ и селенія разорены и многіе сожжены; Князья и воинства избиты, а оставшіесь разсѣялись по отдаленнымъ Сѣвернымъ провинціямъ, и съ сего времени большая часть Рускихъ Княжествъ подпали Татарскому игу. И хотя Княжества опять возстановлены, но пребывали они съ Князьями

своими въ подданствѣ Татарскихъ Хановъ, которые, взимая дань съ народа, поставляли въ нихъ Князей и ихъ перемѣняли по своему произволенію, что продолжалось по 1462 годъ, въ который Князь Московскій Иванъ Васильевичь, Третій сего имени, пользуясь слабостію Татаръ, изнемогшихъ междоусобными войнами и раздѣлами, отказалъ Хану Ахмату отъ [26] ежегодной дани съ народа и отъ [27] своего повиновенія; а внукъ сего Князя, Иванъ Васильевичь Четвертый, названный Грозный, совокупивъ многія Княжества Рускія во едино, въ 1547 году переименовалъ себя изъ Князя Царемъ и Самодержцемъ Московскимъ, и съ того времяни навсегда уже Царство Московское и его владѣтели симъ названіемъ титуловались, съ переименованіемъ наконецъ Царства Московскаго на Россійское, которое, для различія отъ Чермной и Бѣлой Руси, называлось Великою Россіею; тѣ же [28] обѣ Руси вмѣстѣ названы тогда Малою Россіею.

Княжества Малой Россіи, претерпѣвъ въ нашествіе Батыя и его Татаръ въ 1240 г. большее отъ другихъ пораженіе, по мѣрѣ упорнаго имъ сопротивленія и кровопролитныхъ битвъ, разорены были также до основанія; Князья ихъ и воинство выбиты; города разрушены и сожжены, и народъ остался подъ игомъ Татарскимъ, а иной укрывался въ Бѣлорусіи и землѣ Древлянской или Полѣсіи; знатнѣйшія же фамиліи съ немногими Княжескими семействами удалились въ сосѣдственное Княжество Литовское, и тамо пребывая, многія соединились родствомъ съ владѣтельными и вельможескими фамиліями тамошними, и помощію сего подвигнули Литовскаго владѣтельнаго Князя Гедимина освободить ихъ землю отъ владѣнія Татарскаго и соединить ее съ своею державою подъ одно право и начальство.

Посему Гедиминъ Князь въ 1320 году, пришедши въ предѣлы Малоросійскіе съ воинствомъ своимъ Литовскимъ, соединеннымъ съ Рускимъ, состоявшимъ подъ командою воеводъ Рускихъ Пренцеслава [29], Свѣтольда и Блуда [30], да Полковниковъ Громвала, Турнила, Перунада, Ладима [31] и иныхъ, выгнали изъ Малоросіи Татаръ, побѣдивъ ихъ на трехъ сраженіяхъ, и на послѣднемъ главномъ при рѣкѣ Ирпенѣ, гдѣ убиты Тымуръ и Дивлетъ, Князья Татарскіе, Принцы Ханскіе [32]. За сими побѣдами возстановилъ Гедиминъ правленіе Руское подъ начальствомъ выбранныхъ отъ народа особъ, а надъ ними устроилъ намѣстникомъ своимъ изъ Руской породы Князя Ольшанскаго, послѣ котораго были изъ сей же породы многіе другіе намѣстники и воеводы; но знатнѣйшій изъ нихъ извѣстенъ Симеонъ Александровичь [33], воевода и Князь Кіевскій и Слуцкій, возобновившій въ 1470, году церкви и монастыри Кіевскіе, Батыемъ разоренные и болѣе двухъ сотъ лѣтъ опустѣлыми бывшіе. Права же и обычаи Рускіе не токмо подтвердилъ Гедиминъ тамошнему народу во всемъ ихъ пространствѣ, но ввелъ ихъ и въ своей землѣ вмѣстѣ съ письменами или грамотою Рускою; почему и доднесь въ Княжествѣ Литовскомъ видны по древнимъ архивамъ и у частныхъ особъ старыя приви-

легіи и другіе документы, писанные письмомъ Рускимъ, а коренное право Руское, извѣстное подъ именемъ судныхъ статей и собранное въ одну книгу, Статутъ называемую, переведено послѣ съ Рускаго на языкъ Польскій [34], что и въ самой той книгѣ при концѣ напечатано.

О таковомъ соединеніи Руси [35] съ Литвою хотя и повѣствуютъ нѣкоторые писатели, что яко бы Князь Литовскій Гедиминъ произвелъ его силою оружія своего, побѣдивъ при рѣкѣ Ирпенѣ Князей Рускихъ и ихъ воинство; но сіе послѣдовало съ Князьями Татарскими, а не Рускими, и переворотъ произшествія того внесенъ въ Исторію ошибкою весьма грубою; ибо извѣстно по всѣмъ лѣтописямъ и самимъ достовѣрнымъ преданіямъ и такъ сказать осязательнымъ, что по покореніи Ханомъ Татарскимъ Батыемъ всѣхъ Княжествъ Рускихъ, пребывали они во владѣніи Татарскомъ: Великоросійскія съ 1238, а Малоросійскія съ 1240 года, слѣдовательно Литовскому Князю въ 1320 году воевать было въ Руси не съ кѣмъ болѣе, какъ только съ Татарами; да и по самимъ [36] трактатамъ, привилегіямъ и пактамъ, соединяющимъ Руській народъ съ Литвою и Польшею, видимо есть, что онъ соединялся и договаривался, яко вольный и свободный, а отнюдь не завоеванный. Хотя же и было нѣсколько войска Рускаго между Татарами, воевавшими съ Гедиминомъ, а между начальниками ихъ были конечно и отродки Княжескіе; но они принуждены были быть между ими по власти своихъ владѣтелей, воюя за ихъ интересы, вопреки своимъ, обыкновенно страха ради Татаръ, готовыхъ истребить семейства ихъ и жилища при малѣйшемъ подозрѣніи. А что точно обладали Татары Малоросіею наравнѣ съ другими Княжествами Рускими, о томъ, сверхъ записокъ и преданій, и сверхъ остатковъ руинъ, Татарами въ землѣ сей причиненныхъ, доказываютъ самые гербы ихъ Магометанскіе на древнихъ церквахъ и колокольняхъ подъ крестами остающіеся [37], то есть полумѣсячія, Магометанствомъ [38] за святость почитаемыя [39], кои во время Татарскаго владѣнія одни [40] постановляемы были на тѣхъ зданіяхъ по ихъ принужденію, а по сверженіи ига Татарскаго оставлены они сначала въ подножіи креста на знакъ уничтоженія святыни Магометанской силою и знаменіемъ креста Господня; потомъ осталось сіе обычайнымъ употребленіемъ мастеровъ, кресты оные дѣлающихъ, ради ихъ украшенія.

И такъ пребывая Малоросія въ совершенномъ единствѣ съ Княжествомъ Литовскимъ, оказала сему Княжеству великія и важныя услуги, ратоборствуя за него со многими непріятельствовавшими народами, а паче съ безпокойными и заносчивыми Крыжаками, Ливонцами и Прусами, отъ коихъ многія учинены пріобрѣтенія въ пользу Княжества Литовскаго, во взаимность и благодарность Литовцамъ за помощь ихъ Малоросіянамъ противъ Татаръ. А когда сіе Литовское Княжество въ 1386 году чрезъ Князя своего Ягайла [41], сына Ольгердова, а потомка Гедиминова, соединилось въ одну дер-

жаву съ Королевствомъ Польскимъ посредствомъ супружества сего Князя съ Гедвигою, Королевою Польскою, наслѣдницею Польской короны, по которой и Князь оный, крещенный того года, Февраля 14-го дня, возведенъ и признанъ Королемъ Польскимъ подъ именемъ Владислава Перваго, то и Малоросія, подъ древнимъ названіемъ Руси, соединилась тогда вмѣстѣ съ Литвою въ Королевство Польское на трактатахъ и условіяхъ, равномѣрно всѣмъ тремъ народамъ [42] служащихъ, въ которыхъ между пространными положеніями главное заключалось въ сихъ достопамятныхъ [43] словахъ: „Принимаемъ и соединяемъ, яко равныхъ къ равнымъ и вольныхъ къ вольнымъ." Сіе постановленіе отъ времяни до времяни каждымъ Королемъ при коромаціи подтверждаемо было подъ названіемъ *Пакта Конвента*; и на основаніи того по тогдашнему правительственному формуляу учреждены въ трехъ оныхъ націяхъ три равные Гетмана, съ правомъ намѣстниковъ [44] Королевскихъ и верховныхъ военачальниковъ и съ названіемъ: одного короннымъ Польскимъ, другаго Литовскимъ, а третьяго Рускимъ.

На содержаніе Гетмановъ и другихъ важнѣйшихъ урядниковъ опредѣлены староства или [45] ранговыя деревни и прочія угодья, а для резиденціи Малоросійскаго Гетмана назначенъ городъ Черкасъ [46], пониже Кіева, надъ Днѣпромъ лежащій; провинціальное же дѣленіе земли было на воеводства и повѣты, и Рускихъ воеводствъ учреждено тогда четыре: Кіевское, Брацлавское, Волынское и Черниговское, совмѣстно съ Сѣверіею, названною Сѣверія Дукатусъ. Чины правительственные и самые Гетманы съ урядниками городскими и земскими, выбираемы были изъ рыцарства вольными голосами и утверждаемы Королемъ и Сенатомъ; а Сенатъ составлялся изъ особъ, выбранныхъ Сеймомъ или общимъ собраніемъ, которое составляли Депутаты, посылаемые отъ народа, состоявшаго тогда изъ трехъ классовъ: [47] шляхетства, духовенства и посполитства.

Шляхетство, по примѣру всѣхъ народовъ и державъ, естественнымъ образомъ составлялось изъ заслуженныхъ и отличныхъ въ землѣ породъ и всегда оно въ Руси именовалось рыцарствомъ, заключающимъ въ себѣ Боляръ, произшедшихъ изъ Княжескихъ фамилій, урядниковъ по выборамъ, и простыхъ воиновъ, называемыхъ Козаками по породѣ [48], кои производя изъ себя всѣ чины выборами и ихъ по прошествіи урядовъ возвращая въ прежнее званіе, составляли одно рыцарское сословіе [49], искони тако самымъ ихъ Статутовымъ правомъ утвержденное, и они имѣли вѣчистою [50] собственностью своею однѣ земли съ угодьями, а посполитствомъ владѣли по правамъ и рангамъ, и повинность посполитыхъ была установлена правами. А владѣвшіе ими въ отношеніи власти ихъ надъ посполитствомъ, считались и назывались отчичами или вотчинниками, отъ слова [51] и власти, взятыхъ по древнимъ Патриціямъ, то есть отцамъ народнымъ, управлявшимъ первоначальными [52] семействами и обществами народными, съ кротостію и характеромъ отеческими.

Духовенство, выходя изъ рыцарства по избраніи достойныхъ,

отдѣлялось только на службу Божію, а по земству имѣло одно съ ними право.

Въ поспольствѣ считались живущіе въ городахъ купцы и мѣщане, а по селеніямъ свободные міряне, войсковые оклады [53] платящіе, и подданные Боляръ и урядниковъ. Всѣ они подчинены были своимъ Магистратамъ и Ратушамъ, въ коихъ засѣдали выбранные отъ нихъ Войты и Лавники, и судились по правамъ Магдебургіи, издавна въ Польшѣ введеннымъ. При таковыхъ гражданскихъ постановленіяхъ и религія Руская Греческаго или Іерусалимскаго исповѣданія уравнена съ Римскою Католическою на одинакія права и преимущества, яко свободная и союзница, и утверждена привилегіями Королевскими и Сеймовыми Конституціями [54].

Полуденная часть Руси или Малоросіи [55] т. е. Галиція, съ своими округами, не принадлежитъ въ составъ нынѣшняго Малоросійскаго съ Польшею соединенія; ибо она послѣ нашествія Батыя съ Татарами и по ослабленіи и истребленіи Князей тамошнихъ, переходила первѣе изъ рукъ въ руки то къ Венгерскимъ, то къ Польскимъ Королямъ; наконецъ досталась совсѣмъ Польшѣ по притязанію наслѣдственному Королей тамошнихъ, женившихся на Княжнахъ Рускихъ Галицкихъ. И Король Польскій Казимиръ Третій или Великій, въ 1339 году завладѣлъ безпрепятственно главнымъ ея городомъ Львовомъ, Княземъ Кіевскимъ, Львомъ Даниловичемъ, построеннымъ, и всею тою страною. Забравъ въ за́мкахъ ихъ безсчетныя суммы и неоцѣненныя драгоцѣнности, какъ бы въ приданое своей посесіи, присоединилъ ее къ Польшѣ подъ одинакое съ нею право, и раздѣлилъ тогда же на губерніи или воеводства. Почему весьма ошибаются тѣ писатели, кои, приписывая все завоеваніямъ Польскимъ, полагаютъ за одно нынѣшнее соединеніе съ Польшею Литвы и Малоросіи съ прежнимъ непосредственнымъ завладѣніемъ Польшею Галиціи, которая въ семъ соединеніи, въ договорахъ и пактахъ, при томъ заключенныхъ, не имѣла никакого участія. Однако Казимиръ Великій, соединяя Галицію съ Польшею, убѣжденъ бывши справедливостію и уважая Венгерцевъ, всегда за нее интересовавшихся, уравнилъ во всѣхъ преимуществахъ шляхетство и народъ тамошній съ шляхетствомъ и народомъ Польскимъ, а равномѣрно и религію Рускую Греческаго исповѣданія съ религіею Католическою Римскою, и утвердилъ все то своими привилегіями и пактами. И сія часть Малоросіи, такъ же какъ и вся оная земля, никогда оружіемъ Польскимъ покорена не была, а только помощію Польскою и Литовскою освобождена отъ другихъ владѣтелей и притязателей, каковы были Татары и Венгерцы. Доказательствомъ тому есть между прочимъ привилегія Короля Казимира Великаго, въ 1339 году, Марта 17-го дня состоявшаясь, такого содержанія: „Обачивши утыски и „фрасунки люду Рускаго, оскудѣ„лаго Ксенжентами тутешними и „якъ ихъ нивѣчать Кроли Венгер„скіе, отродки нахальныхъ Беловъ „и Коломановъ, якіи издавна зем„лю ону собѣчили и нищили безъ

„слушныхъ причинъ але начальствомъ и здрадами, обороняемъ „и приврочуемъ людъ той къ „Державы и Королевству нашему „Польскому на вѣчныя времяна, „яко жъ есть онъ намъ единоплеменъ, отъ одной крови нашей Сарматицкой порожонцы, и намъ „тежъ кревною посесіею принад„лежный, поневажъ мы отъ предковъ нашихъ и Княжни Галицкой урождены есьмы, и прет о ус„тавуемъ, жебы земля Галицкая „зъ ея ксенженствами подѣліоная „на воеводствы и повяты, прилу„чона и зъедночона зоставала за „Короною и Державою Польскою „вѣчно и безъ повручения, и же„бы оборона ей была певна и не „одмовна. Рыцарству же Рускому, „віосками и околицами мѣшкаю„чему, мѣти права свои и свобо„ды на добра и набытья зупель„не, якъ се установлено шляхет„ному Рыцарству Польскому, зъ „якымъ едночитися тымъ, якъ зъ „ровными [56] и свободными во вшеля„кихъ [57] справахъ и урядахъ, и „выборы судовыи чинити и вныхъ „судитись по еднему праву, ко„ронному [58] Польскому. Тежъ и „посполъству бути на одныхъ пра„вахъ и повинностяхъ зъ по„сполъствомъ Польскимъ. А нале„жите до вѣры, альбо Религіи „Католической Руской, то мѣти „ее водномъ поваженню зъ Рели„гіею Католическою Польскою, „яко ся здавна такъ они були; а „диспута о едносцяхъ [59] ихъ нале„же до капланства, а не до мир„ского люду, якимъ бути мендзы „собо злагодне и боронити ой„чизну и вшелякій интересъ ей „спрановати куждему въ своей вѣ„рѣ свободне и безъ зневаги.“

По соединеніи Малой Россіи съ Державою Польскою, первыми въ ней Гетманами оставлены потомки природныхъ Князей Рускихъ, Свѣтольдовъ, Ольговичевъ или Олельковичевъ и Острожскихъ, кои по праву наслѣдства, признанному и всегда уважаемому отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, правительствовали своимъ народомъ [60] уже въ качествѣ Гетмановъ и воеводъ по конституціямъ Королевства, а не по достоинствамъ Княжескимъ. И сіе продолжилось до пресѣченія ихъ Династій въ мужеской линіи, что и въ Литовскомъ Княжествѣ съ тамошними Княжескими фамиліями устроено было и такъ же продолжалось. Изъ сихъ гетмановавшихъ Князей Рускихъ Венцеславъ Свѣтольдовичъ, защищая воинствомъ своимъ общее Королевство Польское отъ страшныхъ тогда Нѣмецкихъ Крыжаковъ, расширявшихъ завоеванія свои при берегахъ [61] Балтійскаго моря, оказалъ первому Королю своему, Владиславу Ягайлу [62], и всему его Королевству знатныя услуги. И когда въ 1401 году отъ Магистра Крыжацкаго Магнуса, послѣ многихъ съ нимъ сшибокъ и перемирій, присланы къ Королю Владиславу съ нарочитымъ посланникомъ два окровавленные меча, означающіе по тогдашнему рѣшительную и жестокую войну и вызовъ на оную, то Венцеславъ, по повелѣнію Королевскому, соединясь съ воинствомъ Польскимъ и Литовскимъ, имѣвъ притомъ своего войска тридцать семь тысячъ, при воеводахъ Ольговичу и Острогету, да при полковникахъ: Рогдаю, Полеличу, Громвалу, Колядичу и Купалдѣю, наступилъ съ ними на Крыжаковъ око-

ло городка Динабурга, и между тѣмъ, какъ они по Нѣмецкимъ своимъ строямъ поворачивались и были во всегдашнихъ движеніяхъ и оборотахъ, Венцеславъ позади своихъ войскъ провелъ знатную часть пѣхоты подъ начальствомъ Рогдая къ низкому берегу рѣки Двины, и оттоль вломившаясь пѣхота въ средину стана Крыжацкаго, ударила на нихъ Рускими своими копьями въ тылъ и во всѣ стороны, и привела ихъ въ смятеніе, а окружавшія войска напали тогда на нихъ со всѣхъ сторонъ и сдѣлали рѣшительное имъ пораженіе, такъ что сочтено ихъ убитыми и въ плѣнъ взятыми до патидесяти тысячь. Запасы и снаряды со всѣмъ станомъ достались въ добычу побѣдителямъ, и такимъ образомъ надолго Крыжаки оные усмирены.

Король Владиславъ, бывъ чрезвычайно доволенъ и признателенъ къ такимъ важнымъ услугамъ[63] Гетмана Венцеслава и всего Рускаго воинства, наградилъ ихъ разными почестями и подарками; а когда отъ чиновъ Литовскихъ учинены нѣкоторыя попытки на преимущества и имѣнія чиновъ Рускихъ и ихъ рыцарства, то онъ, по представленію о томъ Гетмана въ 1409 году, Апрѣля 13 дня, издалъ подтвердительную привилегію на пакты [64] соединенія, и она есть слѣдующаго содержанія: „Промышленіемъ Божескимъ и доброю волею нашею и становъ нашихъ народныхъ, зъедночивши мы Дѣдычное княжество наше Литовское и подлеглыя ему отъ своей воли княжества Рускія зъ народомъ и королевствомъ Польскимъ, установили есьмо на те и подписали достаточныя пакты едночения. Але нѣкоторые чины Литовскіе, якъ ся ускаржано намъ отъ Гетмана Рускаго, не уймуются ничовать зупельной едности зъ ними чиновъ Рускихъ и шляхты тутейшой побытомъ вызволеня ихъ отъ ярма Татаровъ. И пре то мы уставуимъ и повторѣ стверждаемъ ухундованы [65] и укрѣплены пакты зъ едночения народу Рускаго зъ народомъ Польскимъ и Литовскимъ, и буты имъ яко ровный зъ ровными и вольный зъ вольными вѣчнѣ и непреложнѣ, и права свои Рускіи тримати безъ прешкоды, якось они слушны есть и за тымъ пріенты въ Княжеству нашемъ Литовскимъ заедне зъ письмомъ [66] Рускимъ, альбо Славянскимъ [67], и по нимъ всѣ суды мѣты и справы одержи вати и добрами своими дѣдычными и набытыми обладати и якъ хотя оборочати не оупречне [68] и безъ прешкоды иншими правами. Тежъ и лицарству Рускому зъ лицарствомъ Польскимъ и Литовскимъ едность державы, яко ровный зъ ровнымъ, на каждыхъ справахъ и урядахъ, безъ жадной упреки и неваги. А претензіи альбо докоры о давнимъ поратунку люду Руского отъ ярма Татарского найбарзѣй ничуемъ и касуемъ, яко ты справы знатне одплачоны и одслужоны лицарствомъ Рускимъ противъ супостатовъ Литовскихъ зрадливыхъ Ливонцовъ и тыхъ нестатечныхъ Крыжаковъ и иншихъ наступцовъ на ойчизну, одъ якихъ Русняки слушно насъ оборонили [69] и головы свои на плацу положили, и за докору ихъ сроги кары и навязки на виновайцовъ укладамы.“

По кончинѣ Короля Владислава Ягайлы наслѣдовалъ сынъ его старшій, Владиславъ Второй, прозванный Ягелономъ. Онъ коронованъ 1434 года, и первымъ попеченіемъ имѣлъ храненіе и утвержденіе постановленій отца своего, по которымъ въ Княжества Рускія, раздѣленныя на воеводства и повѣты, подтвердилъ выбранныхъ изъ тамошнихъ княжескихъ и шляхетскихъ фамилій Воеводъ, Кастеляновъ, Старостъ и Судей [70], со всѣми другими урядниками, сравнивая ихъ и все шляхетство или рыцарство Руское честію и вольностію съ Польскими чиновниками и шляхтою, что хранить и наслѣдникамъ своимъ присягою утвердилъ, изданною въ 1435 году, Марта 7 дня, привилегіею своею тако узаконилъ: „Воеводства „Рускія зъ рицерствомъ и народомъ „тутешнимъ поставляемъ и утвер„ждаемъ на тыхъ правахъ, при„вилегіяхъ и вольностяхъ, якія „имъ одъ отца нашего поставлены „и утверждены при зъединоченю „добровольномъ Руси и Литвы зъ „Державою Польскою, и да не „важитъ нихто въ оныхъ воевод„ствахъ нашихъ ничевати правъ „ихъ и привилеевъ въ дѣлахъ зем„скихъ и рицарскихъ, тежъ и въ „религіяхъ отеческихъ наслѣдован„ныхъ добрая воля и свобода да „не отъемлется, ни насилуется, и „рицарство шляхетское Руское зъ „рыцарствомъ шляхетскимъ Поль„скимъ и Литовскимъ, и тѣ наро„ды зупельне зъединочатся, яко „ровный зъ ровнымъ и свободный „зъ свободнымъ, и яко единопле„менны суть и доброю волею ед„ность свою ухундовали и укрѣ„пили вызволившися одъ ярема „Татарского общею ратію Рускою, „и Литовскою предъ Гедимина „праотца нашего, и теперь въ имѣ„ніяхъ своихъ и побыткахъ да „имутъ Русняки свободу и волю „свою не преслѣдовану и не на„силуему, и судятся въ нихъ одъ „самихъ себя; а въ суды земскіе „и градскіе избираютъ судей и „урядниковъ вольными голосами „по правамъ своимъ и статутамъ, „якіе утверждаемъ и заховуемъ „на вѣчныя времена и за посессо„ровъ нашихъ о нихъ ручаимся.“

По сей привилегіи и по пактамъ соединенія Короли Польскіе: Казимиръ Четвертый, братъ Владиславовъ, Янъ Албрехтъ и Александръ, сыны Казимировы, права оныя присягали, при коронаціяхъ подтверждали, а другіе по нихъ бывшіе Короли, какъ то: Жигизмунты и прочіе привилегіями своими ихъ возобновляли.

Король Владиславъ Ягелонъ Второй, утвердивъ распоряженія гражданскія внутреннія, принялся за дѣла внѣшнія воинственныя. Но въ сихъ столько былъ счастливъ и удаченъ, сколько имѣлъ въ нихъ превратностей, и политика его, то бодрственная, то безпечная, упала; наконецъ на главу его, вскруженную высокомѣрнымъ духовенствомъ Римскимъ. Онъ въ 1435 году чрезъ пословъ своихъ подтвердилъ миръ съ Турками, прекративъ преждебывшія съ ними пограничныя распри и несогласія. Султанъ ихъ Амуратъ Первый, имѣвши тогда войну съ Цесаремъ Нѣмецкимъ за Сербію и Венгрію, просилъ Короля убѣдительно взять между ими посредничество и помирить ихъ въ ихъ распряхъ или сдѣлать ему помощь въ вой-

нѣ оной; за что обѣщавалъ ему великія суммы, либо уступку въ областяхъ своихъ, сопредѣльныхъ съ Польшею. Король отъ всего того отказался, а въ 1439 году взялъ сторону Венгерцевъ, и выступивъ съ арміею своею противъ Турковъ, разбилъ ихъ дважды въ Трансильваніи, а наконецъ сошедшись съ Султаномъ на границахъ Венгерскихъ, побѣдилъ и его на главномъ сраженіи не далеко отъ рѣки Дуная, принудивъ Султана съ остаткомъ разбитой арміи своей ретироваться за Дунай. Плодомъ сихъ побѣдъ было то, что Венгерцы признали Владислава своимъ Королемъ, чѣмъ и былъ онъ у нихъ дѣйствительно чрезъ пять лѣтъ. Султанъ, такъ же признавъ его въ семъ достоинствѣ, уступилъ ему всѣ свои претензіи на Венгрію, а Король опять заключилъ съ Султаномъ миръ и утвержденъ оный съ обѣихъ сторонъ клятвами и трактатами; и за симъ награждая онъ свое воинство, сдѣлалъ великія пожалованія и надачи чинамъ и войску Рускому, отлично содѣйствовавшему во всѣхъ его побѣдахъ; а было ихъ въ сихъ походахъ сорокъ три тысячи семь сотъ человѣкъ подъ командою воеводъ: Кіевскаго Свѣтольдовича и Сѣверскаго Ольговскаго, да полковниковъ: Блудича, Дулепы, Претича, Станая, Бурлія и Артазія, коимъ, между другими дарами Королевскими, жалованы отъ него гербы и золотые коряки на поворозахъ, то есть на шнурахъ шелковыхъ, повѣшенныхъ черезъ плечо и подобныхъ нынѣшнимъ эксельбантамъ или кавалеріямъ.

Миръ оный не долго продолжался, и Король въ 1444 году нарушилъ его самымъ вѣроломнымъ и постыднымъ образомъ. Папа Римскій Евгеній IV-й, знавъ отвагу Королевскую и храбрость его воинства, впервые почти побѣдившаго такъ громко силы Турецкія, страшныя до того всей Европѣ, подговорилъ Короля опять напасть на Турковъ, воевавшихъ тогда съ Венеціянами и Далмацкими народами, которые, бывъ христіанами Греческаго исповѣданія, просили Папу о вспоможеніи имъ противу Турокъ, обѣщеваясь за то принять его религію и верховное надъ собою Іерарщество. Король отговаривался долго великимъ для него порокомъ и тяжкимъ грѣхомъ за вѣроломство и нарушеніе клятвъ, учиненныхъ съ Султаномъ Турецкимъ при заключеніи съ нимъ недавняго мира. Но Папа буллою своею разрѣшилъ Короля отъ всѣхъ клятвъ и обязанностей его съ Турками, увѣряя, что клятвы съ невѣрными ничего не значатъ и Христіане отъ нихъ всегда могутъ быть свободны. Въ дополненіе къ тому прислалъ онъ своего легата, Кардинала Іульяна Чезарини, къ Королю съ хорошимъ мѣшкомъ золота, который никогда съ нимъ не разлучался, а Король, собравъ заразъ достаточныя силы, и не извѣщая о томъ Султана, выступилъ въ его провинціи и проходя ихъ прямо непріятельски, переправился за рѣку Дунай, направляя походъ свой къ городу Адріанополю. Султанъ, свѣдавъ о нашествіи на области его Короля Польскаго съ арміею своею явною войною, безъ объявленія на то причинъ, протестовался народамъ, его окружавшимъ, свидѣтельствовался небомъ и землею,

воздѣвая къ нимъ руки, и наконецъ клялся всѣмъ, что есть святѣйшее въ мірѣ, что онъ не подалъ никакихъ причинъ къ нарушенію съ Поляками мира и торжественныхъ клятвъ, его утверждавшихъ, и заключилъ такимъ изреченіемъ: »Презрѣли Гяуры »своего Бога, споручителя мир»ныхъ условій; призову жь и я »Его въ свою помощь!«

Между тѣмъ, какъ Король Польскій выбиралъ себѣ дорогу къ Адріанополю, второй столицѣ Султанской, и воображалъ притомъ о множествѣ корыстей тамошнихъ, могущихъ достаться ему въ добычу, Султанъ Амуратъ, прошедъ скоропостижно со многочисленною арміею Балканскія горы, засталъ Короля и армію его около города Варны. Сраженіе началось и продолжалось съ крайнимъ ожесточеніемъ Турковъ, злобившихся на Поляковъ за наглое нарушеніе ими мира, и съ примѣрнымъ мужествомъ войскъ Польскихъ, окураженныхъ прежними побѣдами. Султанъ безпрестанно разъѣзжалъ по своей арміи и ободрялъ воиновъ помощіею своего Аллаха, мстителя вѣроломства, котораго неумолкно призывалъ; а Король, также разъѣзжая по своимъ войскамъ, поощрялъ ихъ благословеніемъ Святѣйшаго Папы и присутствіемъ его Кардинала. Наконецъ поборники Аллаховы превозмогли послѣдователей Папскихъ. Армія Польская была разбита и разсѣяна, Король убитъ, а Кардиналъ бросился въ рѣку, съ намѣреніемъ переплыть ее на лошади; но золото, наполнявшее его карманы и отяготившее сего всадника, погрузило его на дно рѣчное и съ нимъ вмѣстѣ погибло. Войска Рускія были на семъ сраженіи въ числѣ тридцати тысячь подъ начальствомъ воеводы своего Ольговскаго, и полковниковъ Тризны, Гудима, Бурлія, Станая, Претича и иныхъ. Они, по разбитіи всей Польской арміи, спасались въ Булгарію, а народы тамошніе, бывъ Русинамъ единовѣрны и единоплеменны, изъ Славянскаго рода отъ рѣки Волги изшедшіе, давали имъ безопасныя у себя убѣжища и проводили ихъ скрытыми путями за рѣку Дунай; но изъ нихъ до половины чиновниковъ и рядовыхъ пало на сраженіи.

Во дни Короля Александра, сына Казимира Четвертаго, а брата Албрехтова, пресѣклась мужеская линія Князей Рускихъ въ послѣдней отрасли ея, Князю Семеону Олельковичу; и по силѣ постановительныхъ конституцій Королевства, въ 1506-мъ году избранъ отъ рыцарства первый Гетманъ Рускій, Пренцлавъ *Лянцкоронскій*, изъ фамиліи Сенаторской, зять Князя Острожскаго, и свойственникъ Короля Александра, за которымъ была въ супружествѣ Елена, также Княжна Руская, названная отъ Поляковъ схизматичкою, и за тѣмъ [7], не коронованная. Сей Гетманъ оказалъ для Королевства Польскаго великія и важныя услуги, побѣдивъ на трехъ сраженіяхъ Турковъ, Татаръ и Волоховъ, нападавшихъ на Галицію и Волынь и стремившихся во внутренность Польши къ столичному городу Кракову. Плодомъ сихъ побѣдъ было отобраніе отъ Турковъ и Татаръ Малоросійскихъ земель около Днѣстра и при устьи Днѣпра, отъ временъ наше-

ствія Батыева захваченныхъ. Для охраненія навсегда отъ нихъ границъ сего края, учреждена тогда изъ Козаковъ Малоросійскихъ сильная стража между Бесарабіи и Крыма, надъ рѣкою Днѣпромъ, пониже пороговъ или за порогами, на сей рѣкѣ имѣющимися, гдѣ Козаки, ради всегдашняго пребыванія, подѣлали укрѣпленія или редуты, названные засѣками отъ сѣченія деревъ, на палисады употребленныхъ. Отъ чего въ послѣдствіи Козаки, тамо засѣвшіе, названы Запорожскими Козаками; мѣсто же пребыванія ихъ названо Сѣчью Запорожскою, и Козаки первые перемѣнялись другими, изъ жилищъ ихъ командированными. Наконецъ, принимая приходящихъ къ нимъ охотниковъ изъ холостыхъ Козаковъ, ловлею звѣрей и рыбы, а не меньше добычею заграничною споваженныхъ, составили многолюдное общество Козацкое; а что бы имъ не мѣшало ничто быть готовыми ко всякимъ предпріятіямъ, рѣшились сіи Козаки оставаться навсегда безженными. Такимъ образомъ завелась Сѣчь Запорожская, и замѣнила прежнюю стражу пограничную. Правительство, признавши ихъ полезными, учредило между ими по ихъ выборамъ старшинъ и главнаго Атамана, Кошевымъ названнаго, и оставила по прежнему въ командѣ Гетмана Малоросійскаго, коему они и мѣсто ихъ пребыванія принадлежали всегда. Для содержанія же и снабженія войска сего наданы и отведены ему достаточныя земли Малоросійскія, съ угодьями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и пороговъ, между рѣчекъ Конской, Самары, Калміуса, Ташлика и Буга.

По Гетманѣ Ланцкоронскомъ выбранъ въ Гетманы Князь Дмитрій *Вишневецкій*, и онъ бывши Гетманомъ во время мирное, славился гражданскими добродѣтельми, поправлялъ разоренные города и публичныя зданія, наблюдалъ за правосудіемъ и правленіемъ земскихъ и городскихъ урядниковъ, возбуждалъ народъ къ трудолюбію, торговлѣ и хозяйственнымъ заведеніямъ, и всякими образами помогалъ ему оправиться послѣ разорительныхъ войнъ, и за то все почтенъ отцемъ народа. Въ его время зимою случилось прорваться между стражею пограничною Крымскимъ Татарамъ въ нижнюю Подолію, называемую Побережье. Они тамо разграбили нѣсколько мѣстечекъ подъ часъ ярманковъ и угнали не мало скота; но какъ дѣлали они сіе хищнымъ образомъ, такъ что военныя команды нигдѣ настичь и схватить ихъ не могло, то поражены они самою судьбою, или нечаянною жестокостію воздушныхъ стихій. Когда возвращались они въ свои улусы съ обыкновенною торопливостію, захватилъ ихъ въ степяхъ необычайный снѣгъ съ страшною вьюгою или фугою, отъ чего они ни ѣхать, ни пути своего видѣть не могли, а принуждены стоять по шею въ снѣгу. Сдѣлавшійся послѣ того жестокій морозъ съ вѣтромъ возвѣщалъ имъ неминуемую гибель, и они, порѣзавши своихъ лошадей и скотъ, повлазили въ ихъ туловища и искали спасенія въ слабой и краткой сей теплотѣ, но всѣ до послѣдняго тамъ погибли, и найдено ихъ по веснѣ болѣе четырехъ тысяхъ труповъ.

По кончинѣ Гетмана Князя Вишневецкаго въ 1514 году выбранъ

Гетманомъ Князь Евстафій *Ружинскій* который, въ молодыхъ лѣтахъ обучаясь и вояжируя долго въ чужихъ краяхъ, а паче по Германіи и Франціи, пріобрѣлъ въ разныхъ наукахъ, особливо въ военной, великое знаніе. Первымъ его стараніемъ было произвесть въ Малоросіи реформу войскамъ и устроенію ихъ другимъ отъ прежняго [72] образомъ. Войска сіи по древнему заведенію считались въ жилищахъ своихъ по околицамъ изъ одного селенія, и по куренямъ, изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ селеній составленнымъ, и назывались всѣ жильцы вообще куренною или околичною шляхтою, служивые изъ нихъ старые товариствомъ, а молодые Козаками. Курени и околицы управлялись выбранными изъ нихъ Атаманами и товарищами, кои и маловажныя ихъ распри разбирали и мирили [73] ихъ; а по земскимъ спорамъ и тяжбамъ и по важнымъ дѣламъ [74] разбирались и судились въ повѣтовыхъ и городскихъ судилищахъ. По службѣ жъ вѣдомы были хорунжими повѣтовыми, отъ которыхъ чинились смотры и описи Козакамъ и ихъ вооруженію, и у нихъ блюлись знамена или хоругвы повѣтовыя, подъ стражею товарискою, на коихъ гербы были, съ одной стороны повѣтовый, а съ другой національный. Но когда надобно было собираться войску для походовъ, то отъ хорунжихъ оповѣщано по куренямъ, чтобы собиралось войско на назначенныя верховнымъ начальствомъ сборныя мѣста, каковыми часто бывали Бѣловѣжъ за Нѣжиномъ и Крыловъ за Днѣпромъ, и иные, гдѣ изъ собравшихся Козаковъ и товариства составлялись полки и сотни, и въ нихъ избирались вольными голосами всѣ чиновники высшіе и нижніе, кои въ тѣхъ чинахъ считались только во время службы или походовъ, а по возвращеніи въ жилища обращались въ прежнее состояніе съ названіемъ товарищами, то есть заслуженными и съ увагою въ голосахъ, коими отъ другихъ преимуществовали. Такое древнее заведеніе поводомъ было ко многимъ своевольствамъ и злоупотребленіямъ Козацкимъ. Они собирались часто безъ позыву хорунжихъ, а паче въ мѣстахъ пограничныхъ, выбирали начальниковъ, составляли полки такъ называемые охочекомонные, и чинили набѣги въ Турцію, Молдавію и Крымъ подъ предлогомъ освобожденія плѣнниковъ изъ неволи, а въ самомъ дѣлѣ для полученія добычи, отъ чего многія съ тѣми народами заводились ссоры и самыя войны.

Гетманъ Ружинскій, по изволенію Короля Сигизмунда Перваго, пресѣкая своевольства и нестроенія, учредилъ въ Малоросіи двадцать непремѣнныхъ Козацкихъ полковъ, въ двѣ тысячи каждый, назвавъ ихъ по знатнѣйшимъ городамъ, какъ-то: Кіевскій, Черниговскій, Сѣверскій, Переяславскій, Каневскій, Черкаскій, Чигиринскій, Уманскій, Корсунскій, Брацлавскій, Калжинскій [75], Кропиванскій, Острянскій, Миргородскій, Полтавскій, Гадяцкій, Нѣжинскій, Лубенскій, Прилуцкій и Винницкій. Каждый полкъ раздѣлилъ на сотни, названныя такъ же по городамъ и мѣстечкамъ. Во всякій полкъ опредѣлилъ выбранныхъ товариствомъ и Козаками изъ заслуженныхъ товарищей полков-

никовъ, сотниковъ и старшинъ полковыхъ и сотенныхъ, кои оставались въ чинахъ на всю уже ихъ жизнь и завели съ тѣхъ поръ чиновное въ Малоросіи Шлехетство, или такъ сказать наслѣднее Болярство, зависѣвшее прежде отъ выборовъ и заслугъ, по примѣру всѣхъ другихъ народовъ и земель благоустроенныхъ Христіанскихъ. Полки оные наполнены тогда и впредь наполняемы были выбранными изъ куреней и околицъ Шляхетскихъ молодыми Козаками, записанными въ реестръ военный до положеннаго на выслугу срока, и отъ того названы они реестровыми Козаками; половина ихъ конная изъ каждаго полку всегда содержала въ полѣ, а другая пѣшая содержала въ городахъ гарнизоны, и при надобности вспомогала и комплектовала первыхъ. Одѣяніе и вооруженіе положено у нихъ легкое и одинакое, и они его по образцамъ исправляли. Въ мирное время изъ собственнаго имѣнія, и пропитаніе имѣли отъ домовъ своихъ; а на случай войны и походовъ положено жалованье изъ скарбу Малоросійскаго каждому Козаку по червоному въ годъ и по кафтану тузынковому на два года, а иногда и по кожуху. Старшинамъ сотеннымъ вдвое противъ Козака, а сотникамъ вдвое противъ старшинъ; полковники же, старшины генеральные обозные и старшины полковые, имѣли определенныя ранговыя деревни, и другія наддачи. Артилерія, обозы и вьюки съ запасами, провіантомъ и фуражомъ снаряжались отъ скарбу и посполства. Оружіемъ были, у конницы копья, стуцеры, пистолеты и сабли, а у пѣхоты ружья, копья и кинжалъ, кои выписывали и доставали изъ Швеціи и Турціи.

Экзерциція въ войскѣ оставалась старинная съ поправкою, и обыкновенный маршъ колонный назывался иттить сакмою. Для марша въ опасности строились въ треугольникъ, а изъ него построить фронтъ значило становиться въ лаву; но для атаки, а паче для обороны, устроена вновь сильная изъ трехъ шерингъ батава, похожая во всемъ на древнюю Греческую, а потомъ Римскую фалангу, которая во всей Европѣ введена подъ именемъ баталіона де каре; построеніе конницы въ пѣхоту равнялось нынѣшнему драгунскому пѣшему строю. Для помѣщенія охотниковъ или волонтеровъ, всегда собиравшихся изъ убожи или такъ называвшихся гултаевъ, устроено пять полковъ охочекомонныхъ, называвшихся по фамиліямъ полковниковъ, производимыхъ Гетманами, и они содержаны на стражѣ пограничной, въ низу рѣкъ Самары, Буга и Днѣстра, и получали ежегодно небольшое жалованье, а больше довольствовались звѣриною и рыбною ловлею; за поведеніе ихъ отвѣчали полковники; число же ихъ не опредѣлено, но полкъ считался не болѣе пяти сотъ человѣкъ.

По устроеніи такимъ образомъ войска Малоросійскаго, когда въ 1516 году Ханъ Крымскій Меликъ-Гирей, по союзу его съ Княземъ Московскимъ Василіемъ Ивановичемъ, шелъ войною на Польшу и Малоросію, то Гетманъ Ружинскій съ войсками Малоросійскими и Польскими, по повелѣнію Короля Жикгимунта,

гимунта, выступя къ нему на встрѣчу, и сошедшись на границахъ Малоросійскихъ надъ рѣкою Донцемъ, при городѣ Бѣлгородѣ, далъ себя атаковать Хану, который, по обыкновенію Азіятскому, окружилъ своимъ войскомъ съ трехъ сторонъ. Войска Гетманскія были примкнуты тыломъ къ рѣкѣ и своему обозу; Татары произвели страшный крикъ и пустили тучи стрѣлъ; конница Гетманская, спѣшившаясь и построенная въ батаву, а пѣхота выстроенная такъ же фалангою, встрѣтила натиски Татарскіе сильнымъ огнемъ изъ ружей и пушекъ, и производя пальбу безпрерывно во все Татарское стремленіе, сдѣлали имъ сильное пораженіе, и они, ощутивъ великую свою гибель, начали удаляться. Но Гетманъ съ мѣста своего не велѣлъ никому трогаться, а показывалъ видъ, что онъ только въ силахъ обороняться, а не наступать: почему Татары, дѣлая во весь день свои напуски, на ночь отступили на нѣсколько верстъ въ степь и расположили обширный свой станъ безпечно. Гетманъ, имѣвъ войско свое неутомленное, выступилъ съ нимъ съ полночи въ походъ, и идучи нарочито тихо, сблизился къ стану Татарскому на самой зарѣ. А какъ Татары обыкновенно держатъ лошадей на паствѣ, а не у коновязей, то Гетманъ выслалъ отрядъ конницы съ приготовленными завремянно бумажными ракетами, кои будучи брошены на землю, могли перескакивать съ мѣста на мѣсто, дѣлать до шести выстрѣловъ каждая. Конница оная, васкакавъ на становище Татарское, зажгла свои ракеты, бросила ихъ между лошадей Татарскихъ и причинила въ нихъ великую сумятицу; онѣ перепугавшись, бѣгали во весь опоръ по табуну, волочили и топтали своихъ всадниковъ и сторожей, а между тѣмъ всѣ войска Гетманскія, съ пальбою изъ ружьевъ и артиллеріи, напали на станъ Татарскій, прошли его насквозь, поражая смѣшенныхъ и обезумленныхъ Татаръ, и такъ разбили Хана и его войска на голову, забрали станъ его со всѣмъ багажемъ, и обремененные корыстями, возвратились со славою въ свою землю.

Возвращаясь Гетманъ Ружинскій отъ Бѣлгорода Рускаго, встрѣченъ былъ Турками и Татарами, выступившими изъ Бѣлгорода или Акермана Татарскаго, что въ Бессарабіи. Они, извѣстясь о побѣдѣ надъ Ханомъ Крымскимъ и о потеряніи имъ всего стана своего съ великимъ богатствомъ, предпріяли отнять богатства оныя у Ружинскаго, напавши на него нечаянно и въ расплохъ, почти обыкновенный у возвращающихся войскъ съ похода удачнаго. Но Ружинскій былъ не такъ безпеченъ, какъ Татары думали; онъ, свѣдавъ отъ граничныхъ разъѣздовъ, что Татары Бѣлгородскіе съ тамошними, гарнизонными Турками выступили на Очаковскую степь, удалилъ заразъ тяжести свои въ Уманщину, а самъ съ войсками, переправясь чрезъ рѣку Бугъ, засѣлъ въ очеретахъ и байракахъ при рѣкѣ Кодымѣ. И какъ только Татары съ Турками притягнули къ Бугу, то онъ, наступивъ на нихъ нечаянно со всѣхъ сторонъ, сыгралъ съ ними такую роль, какую они для него готовили и разбивъ ихъ на голову, гналъ остатки до самаго Акермана, отнялъ у нихъ все, что ни имѣли,

и умножилъ свои добычи, которыя раздѣлилъ Полякамъ и своему войску. Отъ сего времени Поляки, обращаясь часто съ войсками Малоросійскими и почитая ихъ храбрость и мужественный характеръ, завели съ ними тѣсную и искреннюю дружбу и служили многіе изъ нихъ въ полкахъ Малоросійскихъ, поставляя себѣ за честь, даже знатное шляхетство, именоваться Козаками. Отъ такаго общаго названія Рускихъ воиновъ Козаками, вышла въ послѣдствіи та ошибка, въ которую впали всѣ писатели Малоросійскіе и Польскіе, полагая въ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ, что послѣ Гетмана Князя Михайла Вишневецкаго, всѣ другіе Гетманы выбираемы были изъ простыхъ или реестровыхъ Козаковъ. Но это весьма несправедливо и здравому разсудку предосудительно; ибо Козаки всегда имѣли въ полкахъ и провинціяхъ своихъ многихъ чиновниковъ разныхъ степеней, какъ-то: Старшинъ генеральныхъ, полковыхъ и сотенныхъ, и земскихъ урядниковъ. И какая же стать или что за правило, мимо такого числа чиновниковъ, выбирать простыхъ Козаковъ? А когда сіе приписывается уваженію заслугъ и достоинствъ, то натурально, что офицеры, заслуженнѣе и достойнѣе отъ простыхъ воиновъ, и вошли въ чины свои непремѣнно по симъ качествамъ; обходить же ихъ въ выборахъ Гетманскихъ значило бы нѣчто вздорное, одни неудовольствія, возмущенія и междоусобіе приносящее. А вѣроятно произошли у писателей таковыя нелѣпыя о выборахъ заключенія по общему слову или названію, употребительному и теперь между воинствомъ, что всякій Генералъ есть солдатъ а Гетманъ — Козакъ, слѣдовательно всѣ офицеры и рядовые суть воины, и названія сіи всѣмъ имъ свойственны и приличны. О Козакахъ Рускихъ, а паче о Малоросійскихъ и о самомъ ихъ названіи, странная нѣкая повѣствуютъ нѣкоторые писатели. Они, какъ бы препираясь между собою, говорятъ: одни, сіи Козаки суть пришельцы въ Русь, то изъ Скиѳіи или отъ Татаровъ, то изъ Кабарды Черкаской; а другіе утверждаютъ, яко бы остатки иноплеменнаго народа Козарскаго. Польскіе жъ историки показываютъ еще, будто они набирались изъ разной вольницы или сволочи, и поселены отъ ихъ Королей на пустыхъ земляхъ внизу рѣкъ Днѣпра и Буга. Но таковыя нелѣпыя мнѣнія значатъ больше, чѣмъ ошибки историческія, и не приводя другихъ истинъ, опровергаетъ ихъ самый разсудокъ; ибо то неоспоримо, что всякой народъ долженъ имѣть своихъ воиновъ и по необходимости изъ самихъ себя, чтобы ввѣрять свою судьбу и безопасность не иностранному, а своему воинству, а иначе было бъ крайнее безуміе и неосторожность, похожія на то, какъ бы заставить стеречь коршунамъ голубей, а волкамъ овецъ. Названія же воинамъ даются обыкновенно на языкѣ каждаго народа по доспѣхамъ или вооруженіямъ ихъ, и потому видны въ одномъ народѣ жолнеры, въ другомъ янычары и спаги, а во иныхъ солдаты и жандармы; а дальше названія сіи раздѣляются на конныхъ и пѣшихъ; отъ чего такъ же извѣстны названія по мушкету мушкатеровъ, по карабинамъ карабинеровъ, и такъ далѣе.

Такимъ образомъ и Рускіе воины назвались конные Козаками, а пѣшіе стрѣльцами и сердюками, и сіи названія суть собственныя Рускія, отъ ихъ языка взятыя, на примѣръ стрѣльцы по стрѣльбѣ, сердюки по сердцу или запальчивости, а Козаки и Козаре, по легкости ихъ коней, уподобляющихся козьему скоку. Что бы же были они иностранцы или пришельцы, и Рускій народъ ввѣрилъ бы такимъ бродягамъ судьбу свою и безопасность, сего ничто не доказываетъ, и выдумки о томъ и заключенія суть безразсудны. Равно и мнѣніе Польскихъ историковъ, приписующихъ заведеніе Козаковъ ихъ Королямъ, касается только до холостыхъ Запорожскихъ Козаковъ, собравшихся въ низу Днѣпра изъ Рускихъ охотниковъ, о коихъ Исторія пространно повѣствуетъ. Осѣдлые жъ и запасные Козаки, названные отъ того реестровыми Козаками, были во всѣхъ провинціяхъ и повѣтахъ Рускихъ, и видны они доселѣ по древнимъ кашмутамъ [76] и самымъ осѣдлостямъ, т. е. околицамъ и куренямъ. А Короли Польскіе, Владиславъ Второй и Стефанъ Баторій, чрезъ Гетмановъ своихъ Рускихъ, хотя дѣлали о Козакахъ распоряженія, но то касалось только до управленія и комплектованія ихъ полковъ, конныхъ Козацкихъ и пѣшихъ сердюцкихъ, которые набирались изъ семействъ Козачьихъ, жительствовавшихъ околицами и куренями своими во всѣхъ воеводствахъ Рускихъ, и касалось еще до умноженія ихъ чиновниковъ и урядниковъ, а отнюдь не до новыхъ заведеній Козачества, о чемъ свидѣтельствуютъ самые тѣхъ Королей привилегіи и универсалы, здѣсь описанные. Ежели же полагать первоначальное Козачество отъ Скиѳовъ и Козаровъ, то все тоже выйдетъ, что они произошли отъ своего племени Славянскаго; ибо извѣстно, что Скиѳы, или говоря правильнѣе Скиты, были Славяне [77], т. е. при Волгѣ и Кавказѣ живущіе, а Козаре, точные предки Рускихъ Козаковъ, были жительствомъ по всей Руси, яко избранные изъ того же народа на службу отечества.

Черкасами называли и писали всѣхъ почти Малоросіянъ, а не однихъ Козаковъ; но называли ихъ такъ одни Велико-Россіяне для отличія отъ своихъ жителей, и давали имъ названіе по главному ихъ городу Черкасу, состоящему при рѣкѣ Днѣпрѣ, гдѣ Гетманы Рускіе резидовали и былъ верховный трибуналъ сей земли. Давать же народамъ названія по главнымъ ихъ городамъ весьма обычно въ цѣломъ свѣтѣ. Такъ называли Москалями всѣхъ Россіянъ по городу ихъ Москвѣ, и Царство сіе долго такимъ названіемъ титуловалось; также называются нынѣ Генуэзцы, Венеціяне и другіе народы по своимъ городамъ. Когда же спрашивать еще, почему городъ Черкаскъ названъ Черкасомъ? то уже тонкость сія будетъ такъ нерѣшительна, какъ бы и о многихъ другихъ въ свѣтѣ городахъ, не имѣющихъ свѣдѣнія о началѣ своего названія. Но то уже справедливо, что народъ Черкасы, за Азовскимъ моремъ и рѣкою Дономъ обитающіе и на который многіе писатели указываютъ, никогда въ Руси городовъ на свое имя не строилъ, да и у себя ихъ не имѣетъ, и сей народъ по виду

своему и положенію жительства своего въ предѣлахъ Славянскихъ, т. е. между древняго Княжества Тмутараканскаго и рѣки Волги, справедливѣе почитаться можетъ произшедшимъ отъ племенъ Славянскихъ, смѣшавшихся съ Грузинами и Татарами, чѣмъ отъ него выводить воиновъ Славянскихъ, цѣлыми милліонами отъ Черкасъ многолюднѣйшихъ, и кои выставляли на войну великія свои арміи. Касательно же Татаръ, то они, бывъ пришельцами въ землѣ Руской, натурально воиновъ своихъ Русинамъ [78] не давали, а напротивъ того съ ихъ воинами вели всегдашнія брани и никогда съ народомъ Рускимъ не мѣшались, слѣдовательно, Козаки Рускіе отъ нихъ произойти никакъ не могли.

По кончинѣ Гетмана Князя Ружинскаго, въ 1534-мъ году выбранъ Гетманомъ изъ Есауловъ Генеральныхъ *Венжикъ Хмельницкій*. Онъ имѣвъ повелѣніе отъ Короля Жигмунта Перваго отражать войскомъ своимъ великую Орду Татарскую, собравшуюсь изъ Крыма и Бессарабіи и пробиравшуюсь чрезъ Молдавію и Волынь въ Польшу на грабежъ и ея опустошеніе, выступилъ съ войскомъ своимъ реестровымъ въ Волынь, а охочекомонные полки и Запорожскихъ Козаковъ, раздѣливъ на многія партіи, разослалъ для прикрытія границъ съ той стороны, отъ которой шли Татары, повелѣвъ имъ нападать на Татаръ при ихъ походахъ и ночлегахъ и удаляться отъ нихъ, подаваясь къ главному войску. Такими маневрами обманувшись Татары, почитая всѣ нападавшія на нихъ войска малозначущими и коихъ имъ опрокинуть и прогнать всегда можно, шли далѣе безпечно и насунулись на станъ Гетманскій около города Заславля. Гетманъ, передъ тѣмъ укрѣпивъ станъ свой вагенбургомъ, изъ обоза построеннымъ, и оставивъ въ немъ нѣсколько пѣхоты съ тяжелою артиллеріею, самъ со всѣмъ главнымъ войскомъ скрылся за рощи и пасѣки городскія [79]. И какъ только Татары окружили по ихъ обычаю обозъ Козачій и начали перестрѣлку, поднявши великій крикъ, то Гетманъ, выступивъ изъ закрытаго мѣста, ударилъ съ тыла и во фланги непріятелю, и сдѣлавши одинъ выстрѣлъ изъ ружей и пушекъ, сталъ поражать копьями и саблями. Татары, изумясь нечаяннаго нападенія и будучи сбиты сильнымъ залпомъ и окружены съ трехъ сторонъ войсками, оробѣли, замѣшались и разбѣжались врозь по полямъ. Гетманъ, отрядивъ тотчасъ назначенныя прежде сего войска, велѣлъ имъ гнать и поражать Татаръ съ тылу, и знавши Татарскую хищную ухватку, удобно на бѣгу соединяться, оборачиваться и нападать, приказалъ своему войску отнюдь не разсыпаться по одиночкѣ, а держаться кошеевъ [80], что значатъ нынѣшніе взводы или плутонги; самъ же съ главнымъ корпусомъ шелъ срединою и отбилъ всѣ Татарскіе вьюки съ запасами. Татары не преминули на бѣгу соединиться и оборотясь нападать на все войско. Но у Гетмана готова была для сего сильная батава съ артиллеріею, которая тотчасъ ихъ отражала и въ бѣгъ обращала. И такимъ образомъ Гетманъ, поразивъ и разсѣявъ Татаръ, возвратился со славою и великою добычею къ За-

славлю и получилъ отъ Короля благодарственные похвальные листы, а отъ Поляковъ вездѣ, куда приходилъ, тріумфальныя встрѣчи. Во дни Гетмана Венжика, на бывшемъ въ Варшавѣ главномъ Сеймѣ, когда о уравненіи Литовскаго и Рускаго Шляхетства съ Шляхетствомъ Польскимъ, предложены были на подтвержденіе прежнія начальныя привиллегіи и всѣ законоположенія, то Король Сигизмундъ Августъ, подтверждая и поставляя ихъ на всѣмъ прежнемъ основаніи, изданною 1563 года, Іюня 7 дня, привиллегіею, между прочимъ узаконилъ: „Дозволяемъ рыцарству Литовскому и Рускому привиллегіи правъ и вольностей земскихъ внести и вписать въ новосочиняемый Статутъ, такимъ образомъ, какъ и въ коронѣ Польской оныя вписаны, и равномѣрно употреблять, вольностями своими пользоваться, и имѣть, такъ какъ прежде сего, чинъ рыцарскій Шляхетскій обоихъ народовъ Литовскаго и Рускаго то употребляли и пользовались.“ А когда на другомъ послѣ того бывшемъ главномъ Сеймѣ, отъ Депутатства Рускаго взошли представленія о притязаніи, нѣкоторыми чинами Литовскими, а паче бывшими въ землѣ Руской по выборамъ на урядахъ, посольства Рускаго [81] въ свое вѣчистое послушаніе, то тотъ же Король Сигизмундъ Августъ, повторяя и подтверждая всѣ прежде бывшихъ Королей Польскихъ привиллегіи, въ данной отъ себя 1569 года, Іюня 7[82] дня привеллегіи, такъ узаконилъ: „Землю Рускую и Княженіе Кіевское и всѣхъ оныя земли жителей вообще и каждаго „особливо отъ послушанія, владѣ„нія, должностей и повелѣній Великаго Княжества Литовскаго на „вѣчное время изъемлемъ, освобож„даемъ и къ Польскому Королев„ству, какъ ровныхъ къ ровнымъ, „свободныхъ къ свободнымъ, и „какъ собственный и истинный къ „первому и къ собственному тѣлу и „главѣ, со всѣми вообще и съ каж„дымъ особливо, съ городами, „мѣстечками, селами, повѣтами или „уѣздами, и всѣми ихъ, каковыя бъ „ни были, имѣніями, оную землю „и Княженіе Кіевское предречен„ной Коронѣ или Королевству „Польскому присовокупляемъ и „соединяемъ.“

По смерти Гетмана Венжика Хмельницкаго избранъ Гетманомъ изъ Воеводъ Князь Михайло *Вишневецкій.* Онъ въ 1569 году имѣлъ повелѣніе отъ Короля Сигизмунда Августа идти съ войскомъ Малоросійскимъ на оборону отъ Турковъ и Татаръ осажденнаго ими города Астрахани, въ помощь войскамъ Царя Масковскаго, Ивана Васильевича Грознаго, которому Король одолженъ былъ возвращеніемъ Польшѣ завоеваннаго Царемъ города Полоцка съ его окрестностями. По сему повелѣнію Гетманъ съ полками реестровыхъ Козаковъ отправился въ походъ изъ города Черкаса, и идучи походомъ, присоединилъ къ себѣ пограничные охочекомонные полки и часть Запорожскихъ Козаковъ, и съ сими силами, пробираясь степями, достигъ города Астрахани, а тамо обозрѣвши станы Турецкій и Татарскій, стоявшіе порознь около города, расположилъ и свой станъ новыше непріятельскихъ при рѣгѣ Волгѣ, и укрѣпивъ его окопами и артиллеріею, повелѣлъ дѣ-

лать наѣздникамъ своимъ частые шармицеры или перестрѣлки около становъ непріятельскихъ, а самъ между тѣмъ съ сильнымъ корпусомъ конницы всякой день наѣзжалъ на станъ Турецкій, и обойдя его вокругъ съ перестрѣлкою изъ ружей, возвращался въ свой станъ. Продолжая Гетманъ такіе наѣзды нѣсколько дней, послалъ въ одну ночь надежнаго старшину въ городъ, съ повелѣніемъ, чтобы гарнизонъ и жители въ назначенный имъ день, сдѣлали вылазку изъ города и повели фальшивую атаку на Турецкіе шанцы, бывшіе между городомъ и ихъ становъ. Воротившійся изъ города старшина, прополэшій въ оба пути ночью, увѣрилъ Гетмана о готовности гражданъ и гарнизона по его назначенію. Гетманъ сдѣлалъ также назначеніе и помочнымъ Московскимъ войскамъ, окопавшимся на одной Волжской косѣ, чтобы они въ тотъ же день подступили пѣшіе подъ станъ Татарскій и занимали бы его своею атакою. За симъ распоряженіемъ, въ первое утро на самой зарѣ, выступилъ Гетманъ съ конницею, построенною въ лаву или длиннымъ фронтомъ, а позади ее толстою фалангою построились пятнадцать тысячь пѣшихъ Козаковъ, вооруженныхъ копьями, саблями и ружьями. Конница шла впереди и по флангамъ закрывая пѣхоту, и какъ только корпусъ сей сталъ виденъ изъ города, то граждане съ гарнизономъ сдѣлали вылазку по условію, съ великимъ крикомъ и пальбою разсыпались около шанцевъ Турецкихъ, показывая видъ ихъ окружить. Гетманъ съ своимъ корпусомъ приближался къ стану Турецкому, и Турки, видя и считая его разъѣзжающимъ по прежнему, ни мало о немъ не уважали, а бѣжали большими толпами изъ стану въ шанцы на помощь ихъ войскамъ. Корпусъ, вставши въ самую ближайшую отъ стана дистанцію, мгновенно раздался въ стороны и далъ мѣсто пѣхотѣ, которая съ возможною опрометчивостію ударила на станъ, вломилась въ него, овладѣла пушками и, проходя по немъ, поражала Турковъ, неожидавшихъ вовсе такого нападенія. Бѣгущіе изъ стана Турки дали знать въ шанцы о своемъ пораженіи, и оттоль толпами поспѣшали на освобожденіе стана. Но Козаки, засѣвшіе въ немъ, встрѣтили ихъ изъ-за окоповъ артиллеріею и ружейными выстрѣлами столь удачно, что большая часть пала на мѣстѣ, а остальные, смѣшавшись, не знали, куда бѣжать. Гетманъ съ конницею напавъ на нихъ въ ту самую пору, поразилъ ихъ въ другой разъ и прогналъ къ стану Татарскому, куда бѣжали и оставшіесь въ шанцахъ Турки, а граждане съ гарнизономъ заняли шанцы безъ всякаго почти сопротивленія. И такимъ образомъ Астрахань отъ осады освобождена. Турки, дождавшись ночи, ушли къ своимъ Черкескимъ границамъ, а Татары ихъ прикрывали. Гетманъ Вишневецкій, получивъ при Астрахани въ станѣ Турецкомъ великую добычу, раздѣлилъ ее между войсками своими и Московскими, отдавъ симъ послѣднимъ и всю тяжелую артиллерію Турецкую, но отдѣливъ притомъ часть добычи на скарбъ Малоросійскій. Симъ поступкомъ войска Малоросійскія, а паче Козаки Запорожскіе и охочекомонные, крайне огорчились и явно

роптали на Гетмана; и въ одну ночь отдѣлившись ихъ болѣе пяти тысячь человѣкъ, ушли изъ стана Гетманскаго. Проходя внизъ по рѣкѣ Дону, остановились въ устьѣ его на одной косѣ, выше города Азова, на сопротивномъ его берегу, и построили тамъ городъ Черкаскъ, на имя своего города, Черкаса, гдѣ, оставшись они навсегда, жили первѣе безъ женъ, по примѣру Запорожцевъ, потомъ, приглася къ себѣ Донскихъ Козаковъ, въ маломъ числѣ жившихъ въ своемъ городкѣ, называвшемся Донскимъ, на мѣстѣ нынѣшняго Донскаго монастыря бывшемъ, соединились съ ними и переженились, принявъ всѣ обычаи тѣхъ Козаковъ, и сдѣлавъ городъ сей главнымъ всему войску Донскому, отъ нихъ и отъ приходящихъ къ нимъ одноземцевъ знатно умножившемуся.

На мѣсто Вишневецкаго, выбывшаго изъ должности Гетманской посольствомъ его отъ Короны въ земли иностранныя, въ 1574 году, избранъ въ Гетманы Обозный Генеральный, Григорій *Свирговскій*. Онъ, по волѣ Рѣчи Посполитой Польской, управлявшей чрезъ министровъ своихъ Польшею, по выѣздѣ изъ нея Короля Генриха во Францію, призванъ былъ отъ Господаря Волошскаго, Іоанна Лыпулы, на помощь народу своему противу Турковъ, на него нападавшихъ, и вступя въ Молдавію съ войскомъ Малоросійскимъ, далъ первую баталію Туркамъ около города Сороки, 23 Апрѣля, 1575 года, гдѣ, разбивъ Турковъ совершенно, положилъ главнаго Пашу ихъ, Кара-Мустафу и многихъ съ нимъ чиновниковъ Турецкихъ, и отправилъ ихъ со многими знаменами и добычею въ Варшаву. Послѣ сей побѣды, раздѣлилъ Гетманъ войска свои на двое, и одну часть, подъ командою Полковника Савы Ганжи, командировалъ къ главному городу Волоскому, Букаресту, а съ другою пошелъ самъ чрезъ Ясы къ Галацамъ; между тѣмъ послалъ нарочнаго въ Сѣчь Запорожскую, съ повелѣніемъ къ Кошевому Феську Покотылу, чтобы онъ выслалъ пѣхоту свою на лодкахъ въ Черное море и приказалъ не допускать дессантовъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣстръ [85]. Кошевой выправилъ сію экспедицію въ наилучшемъ порядкѣ и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Запорожцы, разъѣзжая своими лодками по Черному морю и въ устьяхъ обѣихъ рѣкъ, перехватили и полонили многія суда съ войскомъ и воинскими припасами; а войдя въ Дунай, многія прибрежныя крѣпостцы и жилища разорили и выжгли. Гетманъ и Ганжа съ войсками своими, проходя Молдавію и Валахію, встрѣчали Турецкіе корпуса и партіи, и ихъ всегда счастливо разбивали и разгоняли. Очиствъ сіи земли отъ нашествія Турецкаго, когда поворотилъ Гетманъ отъ Дуная къ Бессарабіи подъ городъ Килію, то тутъ предательскимъ образомъ извѣщенъ былъ отъ Армянина, что въ городѣ томъ хранятся безцѣнныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и Валахіи, и положенныя въ городѣ подъ стражею небольшаго гарнизона, въ ожиданіи, пока суда Запорожскія съ моря и Дуная удалятся и ихъ въ Турцію перевезть будетъ можно. Гетманъ, привыкнувъ побѣждать несравненно большія силы и

укрѣпленія Турецкія, рѣшился тотчасъ осадить Килію и взять ее приступомъ. Распорядивши войска на приступъ и не оставивъ въ стану своемъ обыкновеннаго резерва и укрѣпленія, началъ скоропостижную атаку съ трехъ сторонъ; но взорванныя отъ Турокъ въ двухъ мѣстахъ мины, подняли Гетмана и множество съ нимъ Козаковъ на воздухъ, и сдѣлали совершенную разстройку и гибель, а напавшіе за тѣмъ со всѣхъ сторонъ Турки, перерѣзали съ тылу премногихъ Козаковъ, а остальныхъ разогнали, и они, скитаясь долго по Молдавіи, нашли корпусъ полковника Ганжи и съ нимъ воротились въ свои границы.

На мѣсто погибшаго Гетмана Свирговскаго, въ 1576 году избранъ Гетманомъ изъ полковниковъ *Ѳедоръ Богданъ*, Онъ, собравъ и дополнивъ потерянныя Свирговскимъ войска, и имѣвъ повелѣніе отъ царствующаго тогда Короля, Стефана Баторія, преслѣдовать Крымскихъ Татаръ, нападавшихъ въ отсутствіе Свирговскаго на границы Малоросійскія и плѣнившихъ тамошній народъ, отправился со всѣмъ войскомъ въ Крымъ, въ 1577 году, весною. Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи Запорожской пять тысячь пѣхоты въ лодкахъ, подъ командою Есаула Войсковаго, Нечая, приказавъ ему, выплывши въ Черное море, пристать на Крымскихъ берегахъ около городовъ Козлова и Керчи [84] и запереть тамошнія гавани до прибытія своего къ тѣмъ городамъ. При проходѣ Гетмана по Крымской степи, встрѣчали его многія Татарскія полчища; но онъ ихъ храбро принимая, всегда съ великимъ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое Гетманъ предвидѣвши заврременно. пріуготовился, и поворотя отъ Лимана Днѣпровскаго до Орской или Перекопской линіи, атакованъ былъ между Кинбургскихъ кучугуровъ и каменнаго Даріева моста всѣми Татарскими ордами подъ командою самаго Хана Дивлетъ-Гирея. Наступленіе ихъ, крикъ народный и топотъ конскій подобилися грозной бурѣ, все опрокидывающей. Армія Малоросійская шла четырьмя батавами, построенными такъ, что обозъ ея и конный резервъ были въ серединѣ, а артиллерія, разставленная по всѣмъ фасамъ, могла дѣйствовать вокругъ арміи. Непріятель допущенъ былъ къ фронту на ружейный выстрѣлъ, и тогда открыта была пальба со всѣхъ орудій и продолжалась безпрерывно болѣе часа. Навалившіеся на фронтъ панцырные всадники и наѣздники Татарскіе, приняты и поражены копьями. Поднявшійся между тѣмъ сильный вѣтръ прочистилъ воздухъ отъ дыма, показалъ страшныя тучи мертвецовъ Татарскихъ, покрывшихъ тѣлами всю окружность Козацкой арміи. Гетманъ примѣтивъ, что Татары, отступая къ линіи, растянулись по обѣимъ сторонамъ моста, соединяющаго косу Кинбурскую съ Перекопскою степью, двинулся къ мосту и вершинѣ залива, и отрѣзавъ знатную часть Татаръ отъ ихъ полчищъ, выпустилъ на нихъ конный резервъ, подкрѣпленный одною батавою, которые, пригнавъ Татаръ къ заливу, всѣхъ тамо перебили и перетопили, а остав-

шіеся на другой сторонѣ, сколько ни порывались помочь отрѣзаннымъ, не успѣли въ томъ ни мало за водою и за пальбою изъ стану Гетманскаго, и убрались за линію. Войска Козацкія пришли къ линіи безпрепятственно, и Гетманъ, разсудя что штурмовать ее медленно и убыточно, переправилъ знатную часть конницы ночью чрезъ Гнилое море или Сивашъ въ бродъ и вплавь; а она, дошедши съ той стороны къ первымъ воротамъ на линіи, отбила ихъ и впустила всю армію, которая, напавъ на городъ Оръ, называемый Перекопомъ, взяла его штурмомъ, и выбивъ весь гарнизонъ до послѣдняго человѣка, разорила укрѣпленія и предала городъ огню. Отъ Перекопа продолжала армія походъ свой въ боевомъ порядкѣ до города Кефы, и заставъ его осажденнымъ съ моря и отъ горъ Запорожскими Козаками, произвела съ ними генеральный на него приступъ и въ короткое время имъ завладѣла и предала все убійству, грабленію и огню, оставивъ живыми однихъ своихъ плѣнныхъ, числомъ обоего пола до пяти сотъ душъ. А какъ поворотили войска обходить горы Кефскія для нападенія на Бахчисарай и Козловъ, то при рѣкѣ Салгирѣ встрѣтили ихъ Ханскіе посланники изъ знатнѣйшихъ Мурзъ, поднесли Гетману дорогіе подарки и просили его отъ имени Хана о заключеніи мира. На миръ согласились съ условіемъ собрать и возвратить всѣхъ плѣнниковъ Рускихъ и въ залогъ того дать пятнадцать Мурзаковъ [84] аманатами. Все то со стороны Татаръ было исполнено, и Гетманъ, получивъ еще 713 плѣнниковъ [85], воротился въ Малоросію съ превеликою добычею. Морскимъ войскамъ повелѣлъ онъ посѣтить тѣ города Турецкіе, кои покупали у Татаръ и держали въ неволѣ плѣнниковъ Рускихъ, и войска сіи, напавъ нечаянно на приморскіе города: Синопъ, Трапезонтъ и на многія мѣстечки, предали ихъ огню и мечу, доставъ у нихъ нѣсколько своихъ плѣнниковъ и премножество добычи.

Во дни сего же Короля Баторія, когда силы Турецкія безпрестанно [86] нападали на Христіанъ вверхъ по рѣкѣ Дунаю живущихъ, и отъ ихъ Государей и Князей прошено у Короля помощи, то Король далъ повелѣніе Гетману Богдану сдѣлать съ войсками Малоросійскими сильную диверсію въ земли Турецкія, отдаленныя отъ границъ Польскихъ, и отвлечь ихъ силы отъ сосѣдствующихъ съ Польшею Христіанъ. Гетманъ, выправивши напередъ въ Черное море Запорожскаго Есаула Нечая, съ тремя тысячами Козаковъ Запорожскихъ на ихъ лодкахъ, отправился самъ со всѣмъ войскомъ Малоросійскимъ на степи Крымскія и, перешедъ ихъ въ виду Орской линіи и Татаръ, ни мало походу его не мѣшавшихъ, вступилъ въ предѣлы Донскихъ Козаковъ недавно смѣшавшихся съ Запорожскими. Сіи Козаки приняли Гетмана и войско его дружелюбно и сдѣлали имъ всѣ походныя вспоможенія, а паче переправою войскъ на судахъ своихъ за рѣку Донъ, а послѣ за рѣку Кубань [87]. Гетманъ, проходя за Дономъ земли Черкескія, не предпринималъ противъ нихъ ничего непріятельскаго. И Черкесы, посматривая на вой-

ско съ удивленіемъ, не дѣлали никакихъ покушеній враждебныхъ, а продавали войску скотъ свой и другіе съѣстные припасы съ видомъ пріятельскимъ. Переправившись за Кубань, Гетманъ открылъ непріятельскія дѣйствія надъ Турецкимъ [88] народомъ, предавая все встрѣчающееся огню и мечу. Запорожскіе Козаки, плавая лодками у береговъ сей земли, дѣлали такія же разоренія прибрежнымъ селеніямъ. Народы сіи, не ожидая такихъ нападеній и будучи безъ пріуготовленій къ оборонѣ, спасались однимъ бѣгствомъ и укрывательствомъ. И такъ проходя Гетманъ съ войсками всю Анатолію, посѣтилъ и главные ея города, Синопъ и Трапезонтъ; однако не дѣлая къ крѣпостямъ ихъ приступа, за неимѣніемъ нарочитой къ тому артиллеріи, выграбилъ и выжегъ одни ихъ форштаты, а достигнувъ предмѣстій Цареградскихъ съ восточной стороны тамошняго пролива, напалъ на нихъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ Турокъ, удивленныхъ такимъ нечаяннымъ нападеніемъ, спасаться бѣгствомъ на судахъ въ самый Царьградъ. Войско же Малоросійское, разграбивъ и зажегши предмѣстія, отступило назадъ къ Черному морю, и на проливѣ, переправясь Запорожскими лодками и другими морскими судами, у Турецкихъ береговъ забранными, вступило въ Болгарію, провозгласивъ тамошнему народу, что они, яко единовѣрные и единоплеменные, ничего непріятельскаго имъ дѣлать не будутъ. Болгары, симъ успокоенные, провожали войска Козацкія до самаго Дуная, дѣлая въ путевыхъ надобностяхъ всевозможное пособіе и тутъ же извѣстили Гетмана, что Турки, нападавшіе на Сербію и другія Христіанскія по Дунаю баннатства [89], воротились скоропостижно назадъ и потянулись къ Адріанополю. Гетманъ, переправясь чрезъ Дунай на Запорожскихъ и добычныхъ судахъ, между городовъ Силистріи и Варны, вступилъ въ Молдавію, и поровнявшись съ городомъ Киліею, напалъ на него нежданно на разсвѣтѣ, и взявши штурмомъ, вырѣзалъ всѣхъ Турковъ и Армянъ, и городъ разграбилъ и выжегъ до основанія, отмщевая, такимъ образомъ, смерть погибшаго въ семъ городѣ предательствомъ Гетмана Свирговскаго и премногихъ съ нимъ Козаковъ Малоросійскихъ, а за симъ воротился Гетманъ съ войскомъ въ свои границы со славою и добычею многою.

Король Баторій, Монархъ исполненный благоразумія, праводушія и всѣхъ превосходныхъ качествъ, санъ его украшающихъ, воздалъ Гетману и всему войску Малоросійскому достойную справедливость, наградивъ заслуги ихъ подарками, почестями и другими преимуществами, мужество отличающими. Гетману, имѣющему клейноты Польскіе: булаву или жезлъ повелителя и знамя съ гербомъ Бѣлаго Орла, прибавилъ клейнотъ Азіятскій, бунчукъ, означающій побѣды надъ Азіатскимъ народомъ. Для резиденціи Гетмана и всего Малоросійскаго Трибунала, воздвигнулъ на имя свое при рѣкѣ Сеймѣ городъ Батуринъ, а въ Черкасахъ повелѣлъ имѣть Гетману своего Намѣстника или Полеваго Гетмана [90], называвшагося послѣ Наказнымъ Гетманомъ, каковы прибавлены и другимъ двумъ

въ Польшѣ Гетманамъ [91]. Въ Генералитетъ Малоросійскій прибавилъ двухъ Генеральныхъ Есауловъ и одного Бунчужнаго Генеральнаго, а въ полки опредѣлилъ по одному судьѣ и по одному писарю, повелѣвъ Козакамъ судиться по службѣ и во всѣхъ дѣлахъ, до особы служивой касающихся, въ своихъ полкахъ и сотняхъ; а только по дѣламъ земскимъ разбираться по прежнему, яко шляхтѣ, въ судахъ повѣтовыхъ. Отъ сего въ послѣдствіи родилось у нѣкоторыхъ писателей то ошибочное заключеніе, что, яко бы всегда [92], Козаки и по всѣмъ ихъ дѣламъ, даже и земскимъ, судилися особымъ какимъ-то правомъ Козацкимъ, отмѣннымъ отъ шляхетскаго. Но это мнѣніе весьма несправедливо и опровергается самыми приговорами судебными, въ архивахъ имѣющимися, по которымъ всѣ разборы земскіе и городскіе производились и взысканія присуживались между Козаками и ихъ чиновниками по Статутовымъ артикуламъ, для шляхетства узаконеннымъ; одни же служивые, то есть реестровые, да и то во время службы, судились отъ ихъ старшинъ правомъ воинскимъ, единственно до особы касающимся. Хотя же самыя судилища городскія и повѣтовыя во время руинъ и гоненій, за Унію происходившихъ, и отъ упадка чиновнаго шляхетства Малоросійскаго, въ Католичество Римское и въ Поляцтво обратившагося, разрушились и измѣнились, а дѣла ихъ по должности перешли было въ полки и сотни, но и тутъ судились также Козаки и удовольство получади по правамъ ихъ шляхетскимъ, особаго же для нихъ права нигдѣ не видно. Даже и самые Поляки, сдѣлавшись послѣ непримиримыми Козакамъ врагами, права сего никогда у нихъ не отнимали, а напротивъ того остающаяся и до днесъ между ими околичная шляхта (изъ Козаковъ произшедшая, ничѣмъ отъ нихъ не разнствующая и большею частію не имущая собственныхъ земель своихъ, а на владѣльческихъ, подъ Чиншею или на оброкѣ, живущая) пользуется у нихъ по одной породѣ всѣми правами и преимуществами шляхетскими. Ежели же поводомъ такого противорѣчія есть тотъ пунктъ, который послѣ руинъ въ статьяхъ Козацкихъ положенъ: „Чтобы никто изъ „чиновъ постороннихъ и не Ко„зацкихъ, въ дѣла ихъ войсковыя „не мѣшался; а гдѣ будетъ два „Козака, тамъ они третьяго су„дить могутъ,“ то сія статья сама собою доказываетъ, что рѣчь въ ней идетъ о дѣлахъ и разборахъ войсковыхъ, а отнюдь не земскихъ. Но при всемъ томъ и она права шляхетскаго у Козаковъ не отнимаетъ, ибо само право сіе, изъ первыхъ преимуществъ шляхетскихъ, узаконяется свободою судиться шляхтѣ чрезъ своихъ выборныхъ [93] судей, а не иныхъ. Трибуналъ Малоросійскій состоялъ изъ семи Департаментовъ или отдѣленій: 1-й изъ нихъ значилъ верховное правительство и назывался Генеральная Канцелярія съ верхнею Аппеляціею, отколь выходили универсалы Гетманскіе и всѣ повелѣнія; 2-й Генеральный Судъ Градскій; 3-й Генеральный Судъ Земскій; 4-й Коммиссаріатъ, ревизовавшій дѣла подкоморскіе и имѣвшій вмѣстѣ Дирекцію надъ публичными зданіями, дорогами

и переправами; 5-й Скарбовая Канцелярія, вѣдавшая доходы и расходы національные; 6-й Военный Регименть, управлявшій военными дѣлами; и 7-й Ревизіонный Комитеть, ревизовавшій всѣ счеты скарбовые и воинскіе, отъ коего и фискальство зависѣло надъ всѣми чинами и адвокатами, чтобы они точно исправляли предписанныя имъ должности.

Для награды заслугъ товариства, въ полкахъ и сотняхъ невмѣстимаго, учредилъ Король Баторій три класса или степени товарищей войсковыхъ. Въ первую степень жалованы Бунчуковые Товарищи, и чинъ ихъ равнялся Обозному Полковому, а служба въ войскѣ или походѣ имѣла мѣсто при клейнотахъ національныхъ, т. е. надъ [94] бунчукомъ и знамемъ; въ мирное же время опредѣлялись въ знатныя Комисіи повелѣніемъ Гетманскимъ и Генеральной Канцеляріи. Во вторую степень жалованы Войсковые Товарищи, и они [95] по службѣ войсковой также имѣли мѣсто въ штатѣ Гетманскомъ и у клейнотъ національныхъ, а въ жилищахъ своихъ занимались Комисіями, отъ Генеральной Канцеляріи и ея Департаментовъ назначаемыми, а чинами считались противъ [96] Сотниковъ. Въ третью степень производились Значковые Товарищи; они имѣли мѣсто на службѣ въ полкахъ при полковомъ знамени, а при повышеніи производились въ Войсковые [97] Товарищи. Всѣхъ оныхъ степеней Товарищи на чины свои имѣли отъ Гетмана универсалы и служили они въ своей [98] землѣ и въ походахъ на собственномъ своемъ коштѣ, но за долговремянныя и отличныя службы награждаемы были отъ Гетмановъ деревнями, хуторами и другими пожалованіями.

Король Баторій во всѣхъ отношеніяхъ къ Рускому воинству и народу былъ такой патріотъ, каковымъ почитался у Римлянъ Императоръ Тить, сынъ Веспасіановъ, т. е. другъ и отецъ человѣчества. Онъ правотою своею и кротостію вселилъ [99] во всѣ народы Королевства своего духъ единства и братскаго согласія. Не слышно были между ними никакихъ споровъ ни о породахъ, ни о преимуществахъ, и ниже о религіяхъ, умы народные часто возмущающихъ. Самое даже Духовенство, склонное обыкновенно къ преніямъ и присвоенію себѣ правомыслія, подобилось тогда агнцамъ непорочнымъ златаго вѣка или пастырства Адамова, и что всего восхитительнѣй, то было согласіе чистое и [100] обѣихъ главныхъ религій, Римской и Руской. Когда отлучался надолго Епископъ Римскій, то поручалъ паству или правленіе своей Епархіи Епископу Рускому; когда же, напротивъ, отлучался Епископъ Рускій, то также поручалъ Епархію свою въ правленіе Римскому Епископу, и все было у нихъ въ послушаніи и любви, прямо Христіанской.

Признательность и милость Короля Баторія къ воинству и народу Рускому объясняются въ привиллегіи его, состоявшейся 1579 года, Апрѣля 19 дня, въ которой такъ написано: „Взглядомъ и увагою велкихъ працъ и рыцарства войскъ „Рускихъ, якіе вони показали и „завше оказують въ оборонѣ и „разшыреню общей отчизны отъ

„супостатовъ и извыклыхъ претен„даторовъ зарубежныхъ, найбар„зей отъ тыхъ треклятыхъ ино„племенныхъ Магометанцевъ и бу„сурмановъ, плюндрующихъ отчиз„ну и завертаючыхъ въ неволю „людъ Христіанскій, яко ся и не„давно за Королевство наше учини„лося, але милостію Божескою и „звитяжествомъ [101] вѣрного Гетмана „нашого Руского Богдана и войска„ми его Козацкими знатне одверну„то и отплачено, уставуемъ и под„тверждаемъ вси права, вольности и „привилегіи войска того и всего „народа Руского, антецессорами на„шими постановленныя и утвер„жденныя, и якъ изъ вѣковъ у нихъ „бувало, тако да пребудеть на „вѣчныя времена и да неважить „никто одминяти и нарушати правъ „и свободъ въ добрахъ вѣчистыхъ „и набытыхъ и во всякихъ маєт„кахъ, а властны воны шафовать „имы по своей воли и судитысь „объ ихъ въ своихъ Судахъ зем„скихъ и гродскихъ, въ якихъ „засѣдати выбраннымъ отъ рыцар„ства особамъ и судыти по сво„имъ правамъ и статутамъ Ру„скимъ; а належито до рыцарства „войскового, тымъ судытись въ „обозахъ и табурахъ своихъ отъ „судей войсковыхъ, якыхъ мы въ „каждомъ полку учредить пове„лѣли, еднакъ справа до нихъ на„лежить о бремени воина и маетку „его движимомъ, донелѣ же кто „козакуетъ и вписанъ въ реестры „войсковыи, а за повроченьемъ въ „повѣты и околицы, судытися во„ны учнуть въ судахъ повѣтовыхъ „и гродскихъ, яко станъ Шляхет„ный и Шляхетство Руское въ „чинахъ, урядахъ и реестровомъ „козацтви знайдуечесь, едность „и равенство имуть зъ Шляхет„ствомъ Польскимъ и Лытевскимъ, „яко же при первомъ зъедноче„нію Руси зъ Польшею и Лит„вою уложено есть и утверждено, „и мы тое подтверждаемъ и захо„вуемъ. Трибуналу Рускому от„правовать дѣла свои по прилич„ности въ новосозданномъ гроди на„шомъ Батуринѣ, а якъ потреба „укажеть, то и въ Черкасахъ; „тежъ и Гетману Рускому резидо„вать въ томъ гродѣ, а въ Чер„касахъ мѣти намѣстника своего „изъ Генералитета войскового, я„кый мы знатно розширыли и за„оздобыли, умноживъ и классы „товариства Бунчукового, Войско„вого и Значкового, якымъ помѣща„тись подъ бунчукомъ и при пол„ковыхъ хоругвахъ, а бунчукъ жа„луемъ мы Гетману на знакъ зви„тяжства его зъ войскомъ своимъ „надъ народомъ Азіятичнымъ, одъ „якого и клейнодъ сей добутъ пра„цею Гетманскою и кровію Ко„зацкою.“

По смерти Гетмана Богдана, случившейся скоро послѣ его походовъ, въ 1579 году избранъ въ Гетманы изъ Полковниковъ Павелъ *Подкова*. Онъ былъ породы Волошской, изъ фамиліи Князей или Господарей тамошнихъ. Долговременныя заслуги войску Малоросійскому и отличные подвиги его въ дѣйствіяхъ военныхъ, дали право къ сему избранію. Въ его правленіе свержень былъ съ своего достоинства Петръ Подкова, Господарь Волошскій, взбунтовавшимись Волохами. Онъ убѣжалъ къ Гетману Подковѣ, племяннику своему, и упросилъ его о своемъ возстановленіи. Гетманъ, отрядивъ семь полковъ реестровыхъ Козаковъ и два полка охочекомон-

ныхъ, отправился съ ними въ Валахію. На двухъ сраженіяхъ Волохи были разбиты и разсѣяны войсками Малоросійскими. Гетманъ приближился къ главному городу Бухаресту, чтобы его осадить, но встрѣтившіе изъ города чины, Духовенство и народъ, упрашивали Гетмана быть Господаремъ, вмѣсто его дяди, который тутъ же съ Гетманомъ находился и далъ на то свое согласіе. Гетманъ, по долгомъ отлагательствѣ, убѣжденъ былъ, наконецъ, просьбами и клятвами Волоховъ принять у нихъ Господарское достоинство и вступить для того въ городъ. По совершеніи учрежденныхъ на таковъ случай обрядовъ и празднествъ, Подкова остался на правленіи Господарства Волошскаго, а войска Малоросійскія при Полковникахъ и другихъ чинахъ отпустилъ въ Малоросію, съ благодарственною грамотою ко всѣмъ Чинамъ и Козакамъ за ихъ къ нему благоволеніе и усердіе. При себѣ оставилъ Подкова Козаковъ съ двадцать, самыхъ къ нему приверженныхъ, а съ прочими разставался, какъ съ родными, въ слезахъ и сѣтованіи. Но какъ только сіи выступили въ свои жилища, то получили извѣстіе о смерти Гетмана. Воротившіесь съ тѣломъ его Козаки, разсказали, что онъ убитъ предательски: одинъ вельможа, запросивъ Господаря въ загородный свой домъ крестить младенца, имѣлъ тамъ готовыхъ убійцъ изъ прежнихъ мятежниковъ. Они, напавъ на Подкову нечаянно въ самомъ домѣ, отрубили ему голову топоромъ, положа ее на порогъ, а съ нимъ убили одного Старшину и двухъ Козаковъ Малоросійскихъ. Тѣло Подковы съ головою погребено Козаками съ честію въ Каневскомъ монастырѣ.

На мѣсто убитаго Гетмана Подковы, выбранъ въ Гетманы въ 1582 году Есаулъ Генеральный Яковъ *Шахъ*, [103], и первымъ его стараніемъ было отмстить Волохамъ смерть Гетмана Подковы, который былъ великій Шаху другъ, а Козакамъ весьма любезенъ. Онъ доносилъ Королю, что Турки, взявши въ свою протекцію Валахію и Молдавію, и усиливаясь особливо въ Валахіи, приближаются къ границамъ Польскимъ и Рускимъ. И потому отъ Короля Баторія послано Гетману повелѣніе беречь границы и умножить на нихъ войско и разъѣзды. Гетману сего и надобно было. Онъ, умноживши войско, послалъ оное разъѣздомъ внизъ Днѣстра, а самъ съ большою силою отправился вверхъ по той рѣкѣ, и поймавъ около границъ нѣсколько Турковъ воинскаго званія, отослалъ ихъ къ Королю въ доказательство своего бдѣнія. Между тѣмъ, сдѣлавъ скоропостижный походъ отъ границы въ Валахію, напалъ на городъ Бухарестъ, выбилъ и выжегъ его предмѣстія, а замокъ взялъ въ осаду, требовалъ отъ гражданъ выдачи виновниковъ смерти Гетмана и Господаря Подковы, угрожая въ противномъ случаѣ превратить все въ пепелъ и кучу камней. Граждане не закоснѣли исполнить его требованія, и выдали семнадцать человѣкъ виновныхъ съ самимъ Бояриномъ, Подкову на смерть предавшимъ. Гетманъ, обрѣзавъ имъ уши и носы, велѣлъ повѣсить ихъ въ виду гражданъ, съ надписью, прибитою на церкви Никольской: „Тако караются вѣроломцы и зрадцы, продивающіе кровь христіанскую не-

винную." Правительство Турецкое не оставило безъ претензіи нападеніе Гетмана съ войскомъ на Валахію и Бухарестъ. Султанъ ихъ требовалъ чрезъ посланниковъ своихъ удовлетворенія отъ Короля Польскаго, а между тѣмъ заарестовать велѣлъ всѣхъ купцовъ Польскихъ и Рускихъ, торговавшихъ въ Молдавіи, Валахіи и Крыму. Король Польскій, приступая къ удовольствованію Турецкихъ претензій, предалъ Гетмана суду, и насланнымъ въ военный Малоросійскій Трибуналъ универсаломъ повелѣлъ старшинѣ Генеральной и всему войску судить Гетмана. Онъ былъ отрѣшенъ отъ Гетманства и осужденъ на вѣчное заточеніе въ монастырь Каневскій, гдѣ по волѣ его посвященъ въ монахи и кончилъ жизнь свою спокойно въ монашествѣ.

На мѣсто Гетмана Шаха, въ 1583 [105] году избранъ Гетманомъ изъ Полковниковъ Демянъ *Скалозубъ*. Въ началѣ его правленія Крымскіе Татары, поводомъ несогласія правительствъ Польскаго и Турецкаго за произшествіе Волошское, напали воровски [106] на границы Малоросійскія и плѣнили нѣсколько сотъ человѣкъ около мѣстечекъ Опошнаго и Котельвы. Гетманъ, по первому о томъ извѣстію, тотчасъ отправился съ конницею своею на Крымскую степь, въ намѣреніи перенять Татаръ съ плѣнными, не допустя ихъ до Орскаго Перекопа; но въ томъ не успѣлъ, а свѣдалъ отъ пойманныхъ языковъ, что они убрались уже за Перекопъ и выжгли всю степь на день пути къ Перекопу. Гетманъ, отступя въ свои границы, доносилъ Королю о непріятельскихъ отъ Татаръ поступкахъ и получилъ въ резолюціи повелѣніе, чтобы, не открывая явной войны, въ которую Турки, будучи теперь безъ дѣла, вмѣшаться могутъ, старался плѣнныхъ вызволить искуснымъ образомъ. Гетманъ, не признавая въ семъ пунктѣ другаго искуства, кромѣ военнаго, далъ секретное повелѣніе Запорожскому Кошевому, Нечаю, умножить свои лодки до возможнаго количества и приготовить ихъ и войско свое въ тайную экспедицію. Скоро за симъ прибылъ Гетманъ съ显 коннымъ войскомъ къ Сѣчи, и спѣшивши тутъ три полка реестровыхъ Козаковъ, посадилъ ихъ съ такимъ же числомъ Запорожцевъ на лодки, выправилъ въ море подъ командою Писаря войсковаго Запорожскаго Ивана Богуславца, и полковника Малоросійскаго Карпа Перебійноса. Партизанамъ симъ повелѣлъ Гетманъ пройти Лиманомъ и морскимъ берегомъ до приморскихъ Крымскихъ городовъ, запереть ихъ гавани, и выходящія изъ нихъ суда пересматривать и отбирать Русскихъ плѣнниковъ, если они въ нихъ найдутся, а одному отряду судовъ подойти къ вершинѣ Перекопскаго залива, повыше Сербулацкой [107] пристани. За симъ распоряженіемъ отправился Гетманъ съ довольнымъ числомъ конницы и пѣхоты къ Орской линіи, и подойдя къ ней, заперъ обои ея ворота, показывая видъ перебираться чрезъ [189] линію. Между тѣмъ приплылъ въ заливъ Перекопскій первый отрядъ судовъ Запорожскихъ, въ кои перебрался самъ Гетманъ ночью, не оповѣщая войску, а повелѣлъ только Обозному Генеральному, Якову Сурмылѣ, командовать

войскомъ и продолжать покушеніе пробраться за линію, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Татары, боясь вступленія Козацкаго внутрь Крыма, поскорѣй сбывали плѣнниковъ своихъ въ приморскіе города, гдѣ ихъ отнимать на лодкахъ будетъ можно. Отплывши Гетманъ въ море, соединился тамъ съ своею флотиліею, и назначивъ ей разныя гавани Крымскія, поплылъ самъ въ заливъ Керчинскій, отдѣляющій Крымъ отъ острова Тамана, гдѣ надѣялся застать самую большую переправу плѣнниковъ. Но какъ только вошелъ въ заливъ, то вышедшими изъ Азовскаго и Чернаго моря военными Турецкими судами былъ окруженъ, и по долгомъ сраженіи взятъ въ плѣнъ со всѣми, оставшимися отъ сраженія войсками, и отвезенъ въ Цареградъ, и тамо уморенъ голодомъ. Равно и Писарь Богуславецъ захваченъ былъ Турками въ плѣнъ при городѣ Козловѣ; но послѣ Запорожцами вырученъ помощію Семиры, жены Паши Турецкаго, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ Малоросію и была его женою. Прочія жъ войска Казацкія съ Обознымъ Сурмилою и Полковникомъ Перебійносомъ воротились въ свои границы.

На мѣсто Скалозуба, въ 1592 году избранъ Гетманомъ изъ Есауловъ Генеральныхъ заслуженный въ войскѣ Малоросійскомъ, природный шляхтичъ Польскій, Федоръ *Косинскій*, и въ его время началась извѣстная оная эпоха ужаса и губительства для обоихъ народовъ, Польскаго и Рускаго, эпоха, умолченная по Исторіямъ, или легко въ нихъ описанная, но которая, потрясши Польшу до самаго основанія, и колебавши ее болѣе ста лѣтъ, низринула, наконецъ, въ бездну ничтожества, а народу Рускому давши испить самую горестную чашу, каковую и во дни Нерона и Калигулы не всѣ Христіане вкушали, преобразила его въ иной видъ и состояніе. Это значитъ Унія, выдуманная въ Римѣ Папою Климентомъ VIII и принесенная какимъ-то Польской породы Прелатомъ, Михайломъ Кунинскимъ [110]. Она явилась здѣсь въ лисьей кожѣ, но съ волчьимъ горломъ. Епископы Рускіе и Митрополитъ ихъ, Кіевскій Михаилъ Рогоза, со многими Архимандритами и Протопопами, въ 1595 году приглашены были самымъ лестнѣйшимъ образомъ въ городъ Брестъ Литовскій, на совѣтъ Братерскій. Названо сіе собраніе Духовнымъ Греческой Церкви Соборомъ. Предсѣдательствовавшій въ немъ Нунцій Папежскій со многимъ Римскимъ Духовенствомъ, низпославъ Рускому Духовенству благословеніе Папское и даръ Святаго Духа, воззывалъ его къ единовѣрію и сопричастію славы обладающаго міромъ и въ сочлены повелителя вселенной. Въ приданное къ тому обнадеживали наддачею Епископамъ и монастырямъ деревень съ подданными, а Бѣлому Священству по пятнадцати домовъ въ послушаніе или рабство изъ ихъ же прихожанъ. Сіе дѣйствительно и исполнено опредѣленіемъ Короля и Сената, слѣпо повиновавшихся изволеніямъ Папскимъ. Духовенство Руское, прельстясь порабощеніемъ себѣ толикаго числа своихъ соотчичей и чадъ духовныхъ и не заботясь ни мало о обязанностяхъ

109

своихъ предъ Богомъ, предъ общею Церковію и предъ народомъ, ихъ избравшимъ, подписали согласіе на Унію и присягою то утвердили. И сихъ предателей было восемь Епископовъ и одинъ Митрополитъ, Рогоза, съ Архимандритами и Протопопами, а именно: 1-й Ипатій, Епископъ Владимірскій и Брестскій, Прототроній Константинопольскіи; 2-й Кирилъ Терлецкій, Епископъ Луцкій и Острожскій, Ексархъ Патріаршескій; 3-й Ермогенъ, Епископъ Полоцкій и Витебскій; 4-й Іоаннъ Гоголь, Епископъ Пинскій и Туровскій; 5-й Діонисій, Епископъ Холмскій и Бѣльскій; 6-й Иннокентій Борковскій, Епископъ Черниговскій и Остерскій; 7-й Ираклій Шеверницкій, Епископъ Волынскій и Почаевскій; и 8-й Ѳеоктистъ, Епископъ Галицкій и и Львовскій. А не соблазнившихся Епископовъ, возвысившихъ санъ свой Пастырскій благоразуміемъ и твердостію, прямо Апостольскою, устояло только три: Сѣверскій Іоаннъ Лежайскій, [111] потомокъ Князей Сѣверскихъ; Переяславскій Сильвестръ Яворскій, и Подольскій Иннокентій Тупталькій,[112] да Протопопъ Новогородскій, Симеонъ Пашинскій. Сіи мужи, исполнившись ревности по вѣрѣ своей древней Апостольской и по отечественнымъ законамъ и обрядамъ, возражали соборищу оному, препирали его, и наконецъ торжественно предъ нимъ и предъ цѣлымъ свѣтомъ протестовали, что они, бывши Членами Великой Каѳолической Церкви Греческой и Іерусалимской, и не имѣвши отъ ея Патріарховъ и всего Духовенства согласія и позволенія на перемѣну догматовъ и обрядовъ, древними вселенскими соборами утвержденныхъ, не признаютъ вводимыхъ въ нее новостей и творцовъ ихъ законными и правильными, и весьма отъ нихъ, яко отъ самозванства и заблужденія, отрицаются. Соборище оное, по многихъ словопреніяхъ и угрозахъ, не поколебавши сихъ столповъ Церкви, предало ихъ оскорбленію и [113], урѣзавши имъ бороды, изгнало изъ сонмища своего, осудивъ на лишеніе сана ихъ и должностей.

Гетманъ Косинскій, свѣдавши о заводимыхъ въ Брестѣ новостяхъ толикой важности, тотчасъ здѣлалъ сильныя отъ себя представленія, одно къ Королю и Сенату, а другое въ самое Брестское собраніе. Въ первомъ доносилъ онъ яко намѣстникъ Королевскій и министръ правленія, „что перемѣна „въ вѣрѣ и обычаяхъ народныхъ, „въ Брестѣ заводимая Духовенст„вомъ безъ согласія народнаго, есть „преткновеніе, весьма опасное и не„удобоисполнимое, и что согласить „умы человѣческіе, и совѣсть ка„ждаго, есть дѣло почти не чело„вѣческое, а Божіе, и онъ не на„дѣется удержать народъ въ слѣ„помъ повиновеніи Духовенству и „своевольно нововводимымъ въ Цер„ковь правиламъ, и проситъ пра„вительство отвратить зло оное, „или дать время народу на раз„мышленіе.“ Въ собраніе Брестское писалъ Гетманъ, яко глава народа, „что собравшіесь туда Руское „Духовенство не имѣетъ отъ чи„новъ націи и отъ народа ника„кого полномочія на введеніе въ „ихъ вѣру и обряды перемѣнъ и „новостей, а безъ того не имѣетъ „оно власти и сими обременять „народъ своевольными ихъ прави-

„лами и вымышленіями; и что сіе „Духовенство, бывъ избрано въ „ихъ должности отъ чиновъ и „народа, и содержано на ихъ же „коштѣ, можетъ всего того ли„шиться отъ тѣхъ же чиновъ и „народа при ихъ неудовольствіи; „а онъ, Гетманъ, ни за что тутъ „не ручается, и совѣтуетъ собра„нію пріостановить постановленія „свои до общаго размышленія и „сужденія." На сіи Гетманскія представленія, правительство и собраніе, сдѣлавъ ему притворное снисхожденіе, звали его на совѣтъ въ Брестъ. Но когда онъ туда прибылъ, то тотчасъ былъ арестованъ и преданъ суду Соборища Римскаго и Рускаго, кои, давъ ему вину апостата или отступника, осудили его на смерть, и замуровавши въ одномъ кляшторѣ въ столпъ каменный, названный клѣткою, уморили голодомъ. И такъ Гетманъ Косинскій, за ревность свою къ благочестію и спокойствію народному, учинился первою жертвою Уніи. Козаки, свѣдавъ о его заключеніи, собрались въ числѣ семи тысячъ и отправились къ Бресту для его освобожденія. Но Польскія войска, встрѣтивши ихъ подъ мѣстечкомъ Пяткою, сразились съ ними и были разбиты на голову и разогнаны; но Козаки въ живыхъ уже Косинскаго не застали и дали сигналъ ко всеобщей брани.

По умерщвленіи такимъ варварскимъ образомъ Гетмана Косинскаго, дано отъ Правительства Польскаго повелѣніе Гетману Коронному занять Малоросію войсками Польскими, ввесть во всѣ ея города гарнизоны и запретить строжайше чинамъ и Козакамъ имѣть элекцію на выборъ Гетмана, а Духовенству Рускому, возвратившемуся изъ Собора Брестскаго, дѣлать всемѣрную помощь въ обращеніи церквей и народа въ Унію. Духовенство начало сію работу окружными посланіями своими ко всѣмъ церквамъ и народу, въ коихъ оно такъ изъяснялось: „Ревнующіе о правовѣріи, „мы, отцы Церкви Рускія, изво„леніемъ Святаго Духа въ Брестѣ „собравшіеся, судя и разсудя смут„ное состояніе нынѣ Іерархіства „Церкви Греческой, съ нами еди„новѣрной, и трудное наше въ „требахъ церковныхъ съ нимъ сно„шеніе, препинаемое дальностію „пути и злыми навѣтами варва„ровъ, ту водворившихся, яко же „есть извѣстно всему свѣту, что всѣ „Греческіе и Іерусалимскіе Пат„ріархи, народы и церкви подпа„ли съ давнихъ лѣтъ подъ иго „невѣрныхъ бусурманъ, Турковъ, „и отъ нихъ вводятся въ невольный „тотъ народъ Агарянскіе обычаи, „Христіанству противные, да и са„мое Богослуженіе ихъ и обряды „Христіанскіе насилуются отъ тѣхъ „проклятыхъ иноплеменниковъ ча„стыми прещеніями и озлобленмі„ями, отъ чего не слышно уже у „нихъ вовсе трезвоновъ церков„ныхъ, воззывающихъ Христіанъ „на молитву, и не видно процессій, „украшающихъ обряды и служе„ніе Христіанское; а Московское „Христіанство, бывши намъ тоже „единовѣрнымъ, заразилось съ дав„нихъ лѣтъ расколомъ Стригольщины, отъ Жидовства произшед„шимъ, и ересію, недавно внесен„ною отъ Армянскаго мниха, Мар„тина, въ Константинополѣ осу„жденнаго, а въ Кіевѣ всенародно „сожженнаго. А посему не довлѣетъ

„намъ, православнымъ сущимъ, и „общенія съ таковыми косными народами имѣти. И тако изволися „Святому Духу и намъ отцамъ Церкви, послѣдуя многимъ нашей религіи Христіанамъ, Италійскимъ, „Венеціанскимъ, Иллирическимъ и „Греческимъ, соединиться по прежнему съ Церковію Римскою Католическою, сирѣчь древнею Апостольскою, съ которою наша религія и была чрезъ многіе вѣки въ „сорвершенномъ единствѣ и согласіи, но отторгнута навѣтомъ строптиваго Константинопольскаго Патріарха, Фотія, безъ слушныхъ „причинъ, але по его тщеславію, „и за то видимы суть кары Божія „на Греки и ихъ Церковь. Чрезъ „то воззываемъ васъ всѣхъ, отцовъ „Церкви Руской, возлюбленную „братію нашу о Христѣ, и васъ, „чада Духовныя, православныхъ мірянъ, соединиться къ нашему единомыслію и приложитися къ Церкви прежней нашей Вселенской „Римской, идѣже всѣ Апостолы, „и верховнѣйшій изъ нихъ Петръ „Святый, животъ свой за нее положили, а преемникъ его, святѣйшій Папа, нынѣ со славою владычествуетъ, его же чтутъ вси „царіе и владыки земные, и всеі „душно ему раболѣпствуютъ, и его „же Святѣйшее благословеніе и „на васъ, православные Христіане, „буди и буди!“ По обнародованіи во всѣхъ селеніяхъ и парафіяхъ сего посланія, припечатаны были къ каждой церкви особыя Епистолы, возвѣщающія объ оной перемѣнѣ и уговаривающія народъ къ повиновенію власти, по Божію смотрѣнію и милости, тако устрояющей на пользу ихъ, душевную и тѣлесную; непокоривые преступники угрожаемы были анаѳемою и отлученіемъ отъ Церкви. Между тѣмъ какъ Духовенство перемѣняло церковные антиминсы и требники, и выдумывало формулы на прославленіе и чествованіе своего Папы, войска Польскія, имѣвшія повелѣніе вспомоществовать Духовенству при введеніи имъ Уніи, исполняли сіе сугубо, и бывъ разставлены при всѣхъ знатнѣйшихъ церквахъ, а паче въ городахъ и мѣстечкахъ, съ обнаженными саблями принуждали народъ клѣнчить въ церкви и бить себя въ груди по Римски, а при чтеніи Символа вѣры прибавлять извѣстное реченіе о Святомъ Духѣ. При семъ возносимы были сабли надъ головами народа, съ угрозами: рубить неповинующихся ихъ велѣнію. Но сія вся начало только болѣзнемъ бѣ.

Чины и Козаки Малоросійскіе, недопускаемы бывши въ главный городъ ихъ, Черкасъ, занятый гарнизономъ Короннаго Гетмана Польскаго, собрались въ городѣ Чигиринѣ и, по довольномъ и предовольномъ совѣтованіи, приговорили единогласно, на основаніи стародавнихъ правъ ихъ и привиллегій, Королями и договорными пактами утвержденныхъ, выбрать Гетмана съ должностію и преимуществомъ прежнихъ Гетмановъ. И за симъ приговоромъ, въ 1596 году выбрали Гетманомъ Генеральнаго Есаула, Павла *Наливайка*, и отъ него со всѣми чинами и войскомъ, чрезъ депутата и посланника своего, полковника Лободу, послана къ Королю, Жикгимунту Третьему, просьбу таковаго содержанія: „Народъ „Руской, бывъ въ соединеніи, перьвѣе съ Княжествомъ Литовскимъ, „потомъ и съ Королевствомъ Польскимъ, не былъ никогда отъ нихъ

„завоеваннымъ и имъ работнымъ, „но, яко союзный и единоплеменный, отъ единаго корене Славянскаго альбо Сарматскаго произшедшій, добровольно соединился „на одинакихъ и равныхъ съ ними правахъ и преимуществахъ, „договорами и пактами торжественно утвержденныхъ, а протекція „и храненіе тѣхъ договоровъ и „пактовъ и самое состояніе народа „ввѣрены симъ помазанникамъ Божіимъ, Свѣтлѣйшимъ Королямъ „Польскимъ, яко же и Вашему „Королевскому Величеству, клявшимся въ томъ при коронаціи „предъ самимъ Богомъ, держащимъ въ десницѣ своей вселенную и ея царей и царства. Сей „народъ въ нуждахъ и пособіяхъ „общихъ соединеной націи ознаменовалъ себя всемѣрною помощію и единомысліемъ союзнымъ „и братерскимъ, а воинство Руское прославило Польшу и удивило вселенную мужественными „подвигами своими во бранехъ и „въ оборонѣ и разширеніи Державы Польской. И кто устоялъ „изъ сосѣдствующихъ державъ противу ратниковъ Рускихъ и ихъ „ополченія? Загляни, найяснѣйшій Королю, въ хроники отечественныя, и онѣ досвѣдчутъ „тое; вопроси старцевъ своихъ, „и рекутъ тебѣ, колико потоковъ „пролито крови ратниковъ Рускихъ за славу и цѣлость общей „націи Польской, и коликія тысячи и тмы воиновъ Рускихъ пали остріемъ меча на ратныхъ поляхъ за интересы ея. Но врагъ, „ненавидяй добра, отъ ада изшедшій, возмутилъ священную оную „народовъ едность на погибель „обоюдную. Вельможи Польскіе, „сіи магнаты правленія, завиствуя „правамъ[151] нашимъ, потомъ и кровію стяжаннымъ, и научаемы Духовенствомъ, завше мѣшающимся въ дѣла мірскія, до ихъ не „надлежныя, подвели найяснѣйшаго Короля, нашего Пана и „отца милостиваго, лишить насъ „выбора Гетмана на мѣсто покойнаго Косинскаго, недавно „истраченнаго самымъ неправеднымъ, постыднымъ и варварскимъ „образомъ, а народъ смутили нахальнымъ обращеніемъ его къ „Уніи! При таковыхъ отъ магнатства и Духовенства чинимыхъ „намъ и народу утискахъ и фрасункахъ, не поступили еднакъ „мы ни на что законопреступное „и враждебное; но, избравши себѣ „Гетмана по правамъ и привилегіямъ нашимъ, повергаемъ его „и самихъ себя милостивѣйшему „покрову найяснѣйшаго Короля „и отца нашего и просимъ найуниженнѣйше Монаршаго респекту и подтвержденія правъ нашихъ „и выбора; а мы завше готовы „есьмы проливать кровь нашу за „честь и славу Вашего Величества „и всей націи!“ Посланный съ сей прозьбою Полковникъ Лобода имѣлъ у Короля приватную аудіенцію, и на ней Король, удивляясь поступкамъ его Министерства, не отписалъ, однако, ничего къ Гетману и войску Малоросійскому, а сказалъ Лободѣ, что онъ при первомъ Сеймѣ будетъ стараться уничтожить затѣи Министровъ и Духовенства; а до того времени велѣлъ Гетману и войску вести себя мирно и злагодно съ войсками и чинами Польскими.

Гетманъ Наливайко отправилъ во всѣ города и повѣты чиновниковъ и товариство, а въ знатнѣйшіе

послалъ самаго Полковника Лободу, съ универсаломъ, извѣщающимъ о его выборѣ по правамъ и привиллегіямъ отечественнымъ, и о вступленіи своемъ въ правленіе по изволенію Королевскому, совѣтуя и повелѣвая притомъ чинамъ, войску и народу не предпринимать ничего враждебнаго противу консистующаго въ городахъ и селеніяхъ войска Польскаго, а ожидать о выводѣ онаго поведнія отъ верховной власти; въ разсужденіи же Уніи вести каждому себя спокойно, слѣдуя своей совѣсти. Короннаго Польскаго Гетмана извѣстилъ также Наливайко о его правленіи по изволенію Королевскому. Но скоро за симъ приходили къ Гетману извѣстія изъ городовъ и повѣтовъ, что посланные отъ него чиновники и товариство поруганы, прогнаны, а многіе и побиты Поляками, и что войска Польскія собираются къ Черкасамъ и Бѣлой Церкви въ полномъ вооруженіи. Посему Гетманъ Наливайко принужденнымъ нашелся собрать и свои войска къ Чигирину и сталъ обозомъ при рѣкѣ Тясминѣ, гдѣ, укрѣпивши станъ свой окопами и артиллеріею, ожидалъ начинанія отъ Поляковъ. Они скоро появились въ числѣ множественномъ подъ начальствомъ Короннаго Гетмана, Жолкевскаго. Наливайко сначала выставилъ противъ нихъ, на возвышенномъ мѣстѣ, три бѣлыя хрещатыя хоругви, то есть, знамена съ крестами, на нихъ вышитыми, и съ подписью или девизомъ: „Міръ Христіанству, а на начинщика Богъ и Его крестъ.“ Поляки, насупротивъ знаменъ, миръ возвѣщающихъ, выставили на шибеницѣ трехъ Малоросійскихъ чиновниковъ, Богуна, Войновича и Сутигу, отъ Гетмана въ городъ посланныхъ и тогда же, въ виду обоихъ войскъ, повѣшенныхъ, съ надписью: „Кара бунтовцомъ!“ За симъ явленіемъ началась отъ Поляковъ атака на станъ Козацкій. Наливайко заблаговременно учредилъ въ скрытомъ мѣстѣ за станомъ сильную засаду изъ отборныхъ войскъ, построенныхъ фалангою, и когда началась обапольная съ орудій и ружьевъ жестокая пальба и сдѣлалось круженіе дыма, онъ вывелъ свою фалангу изъ засады и ударилъ опрометчиво на самый центръ арміи Польской; а въ ту самую пору двинулись Козаки впередъ изъ стана и, поставивъ Поляковъ въ два огня, смѣшали ихъ и произвели страшное между ими пораженіе. Убійство и сѣча продолжались болѣе семи часовъ. Козаки, имѣя въ виду безчестно умерщвленныхъ и висящихъ своихъ собратій, такъ ожесточились и остервенились противъ Поляковъ, что и слышать не хотѣли о згодѣ или пардонѣ. Раненыхъ и павшихъ на землю, въ другой разъ добивали, бросавшихся въ рѣку и утопавшихъ вытягивали арканами и рѣзали; словомъ сказать: спаслись бѣгствомъ только одни, имѣвшіе отмѣнно быстрыхъ коней, а прочіе пали на мѣстѣ и порозницею по степи. При разборѣ и погребеніи тѣлъ сочтено, а по Козацки накарбовано, мертвыхъ Поляковъ 17,330 человѣкъ. Мертвецы сіи были наволочены великими ярусами вокругъ шибеницы, гдѣ товариство висѣло, и тамъ зарыты, а висѣвшіе съ торжествомъ сняты, везены и погребены въ церкви Соборной Чигиринской Преображенія Господня, съ надписью на гробахъ невинна-

го ихъ страданія за отечество и вѣру Православную.

Гетманъ Наливайко по первомъ съ Поляками сраженіи, такъ счастливо произведенномъ, раздѣлилъ войска свои на двое: одну часть, подъ командою Полковника Лободы, послалъ въ города Заднѣпровскіе и Задесенскіе, съ повелѣніемъ выгонять оттуда Поляковъ и Духовенство, зараженное Уніею; а самъ, съ другою частію войска, пошелъ тою стороною, что между рѣкъ Днѣпра и Днѣстра. Проходя обѣ части войскъ въ свои назначенія, имѣли многія сраженія съ Поляками, собиравшимися изъ городовъ и селеній Малоросійскихъ и вновь приходящими къ нимъ на подкрѣпленіе изъ Польши и всегда ихъ на голову разбивали и разгоняли, получая въ добычу обозы ихъ и вооруженія. И такимъ образомъ очищая Гетманъ Малоросію отъ Поляковъ и Уніи, принужденъ былъ два города свои, Могилевъ надъ Днѣстромъ и Слуцкъ надъ Случью, запершіесь съ сильными гарнизонами Польскими и многими уніятами, чинившими крѣпкія вылазки, доставать штурмомъ, при чемъ оба тѣ города сожены и разорены были до основанія, а Поляки выбиты до послѣдняго. И всѣ сіи походы, сраженія и штурмы произведены были въ три съ половиною мѣсяца. Наконецъ, сошедшись Гетманъ съ Полковникомъ Лободою при рѣкѣ Сулѣ [117], напали тамъ на обозъ съ войсками двухъ Гетмановъ Короннаго и Литовскаго, укрѣпленный окопами и палисадами, окружили его и четыре дня штурмовали, и уже часть укрѣпленій опрокинули, но пріѣхавшіе тогда же изъ Варшавы посланники Королевскіе сдѣлали всему конецъ. Король писалъ ко всѣмъ тремъ Гетманамъ, чтобы брань и вражду тотчасъ они прекратили и на вѣчный миръ и утвержденіе правъ и привиллегій Рускихъ подписали въ лицѣ обоихъ войскъ трактатъ, и присягою его утвердили; а онъ, Король, со всѣми чинами и Сеймомъ, даровавъ войску и народу Рускому полную амнистію, забывая вѣчно все прошедшее, подтвердили уже пакты ихъ и привиллегіи на вѣчныя времена. И такъ первая война съ Поляками кончена, трактатъ подписанъ и присягою съ обѣихъ сторонъ утвержденъ. Войска, изъявляя наружную пріязнь и косо посматривая одинъ на другаго, разошлись во свояси.

Гетманъ Наливайко, распустя войско и воротясь въ Чигиринъ, старался всемѣрно возстановить прежнее устроеніе и порядокъ въ городахъ и повѣтахъ, войною разрушенные, и очистить церкви и Духовенство, Уніею зараженныя. Нѣкоторые изъ Духовенства прямо отстали отъ сея заразы, а другіе притворялись быть таковыми; но всѣ они сожалѣли о потеряніи власти надъ народомъ, отъ Поляковъ слишкомъ имъ наданной: ибо сверхъ порабощенныхъ имъ по пятнадцати домовъ изъ парафіянъ, владѣемыхъ ими какъ невольниками, повиненъ всякъ парафіянинъ договариваться съ попами о платежѣ имъ за главныя требы Христіанскія, каковы суть: Сорокоусты и Суботники по умершимъ и вѣнчаніе новобрачныхъ. Въ таковыхъ случаяхъ бывали продолжительныя и убѣдительныя прозьбы прихожанъ предъ попа-

ми, и называлось то еднать попа, и попы, изчисляя достатокъ просителя, вымогали какъ можно большей заплаты, а сіи о уменшеніи ея просили съ поклонами до земли, а часто и со слезами.

Отъ сего-то вышла извѣстная пословица народная: „Жениться не страшно, а страшно еднать попа.“ Сей мерзостный обычай, съ тѣхъ поръ вкравшійся, продолжается, по несчастію, и до днесь, и попы, сверхъ установленныхъ имъ доходовъ, дѣлаютъ свои безстыдныя вымогательства и мытничества по прежнему, и полагаютъ даже за требы Христіанскія, какъ-то: Сорокоусты, Суботники и другія, по своему произволенію, и никто о томъ не プоречетъ и не возопіетъ.

Между тѣмъ въ 1597 году настало время посылать въ Варшаву Депутатовъ на Сеймъ валный или главный; а ихъ всегда посылано четырехъ отъ воеводствъ, трехъ отъ уряду Гетманскаго и войска, а пять отъ городовъ знатнѣйшихъ и посполъства. Въ числѣ войсковыхъ депутатовъ досталось быть Полковнику Лободѣ, Судьѣ Полковому, Өедору Мазепѣ, и Сотнику Кіевскому, Якову Кизиму. Они со всѣми другими Депутатами туда и выправлены. Но и самъ Гетманъ восхотѣлъ съ ними ѣхать, не столько для Сейма, какъ ради принесенія Королю своему усерднѣйшаго почтенія и повиновенія, о которомъ онъ всегда помышлялъ. По пріѣздѣ Гетмана и Депутатовъ въ Варшаву, въ первую ночь взяты они на квартирахъ подъ караулъ и повержены тогда же въ подземную темницу, а по двухъ дняхъ безъ всякихъ спросовъ и сужденій, вывели Гетмана и съ нимъ Лободу, Мазепу и Кизима, на площадь и, объявивъ имъ вину гонителей на вѣру Христову, посадили живыхъ въ мѣднаго быка, и жгли быка того малымъ огнемъ нѣсколько часовъ, пока вопль и стонъ страдальцевъ былъ слышенъ, а наконецъ тѣла замученныхъ въ томъ быку сожжены въ пепелъ. Сіе жестокое и безчеловѣчное варварство выдумано Римскимъ Духовенствомъ по правиламъ и мастерству ихъ священной инквизиціи, а произвели его въ такое безстыдное дѣйствіе вельможи Польскіе, владѣвшіе, вмѣстѣ съ Примасомъ, всѣмъ Королевствомъ; ибо надобно знать, что власть Королевская съ 1572 года, то есть, со времени перваго избирательнаго Короля, Генриха Валезскаго, вызваннаго въ Польшу изъ Франціи, и отъ своевольства Поляковъ опять во Францію воротившагося, была весьма ослаблена; а отъ другаго Короля, Сигизмунда, посвятившаго себя изъ малолѣтства въ санъ духовный и изъ кляштора въ Короли призваннаго, и совсѣмъ власть оная упала, а присвоили ее себѣ вельможи или магнаты Королевства и Духовенство Римское, державшіе Короля за одну проформу. Самые Сеймы народные не что иное были, какъ твари магнатовъ и Духовенства, подобранныя ими и ихъ партіями изъ, такъ называемой, убогой или чиншевой шляхты и факторовъ ихъ городскихъ, кои чрезъ все время Сеймовъ одѣвались и содержались на коштѣ вельможъ и кляшторовъ. Историки Польскіе, Вагнеръ и другіе, сколько ни увеличивали винъ Ковацкихъ и сколько не прикрывали само-

властныхъ посягательствъ вельможъ и Духовенства Римскаго на землю Рускую, пишутъ, однако, что „миссія Духовенства Римскаго, „замысливъ произвесть въ Руской „религіи реформу, для единства „съ своею, слишкомъ поспѣшила „совершить ее такъ нагло и такъ „отважно въ народѣ грубомъ и все„гда воинствующемъ; а Министер„ство правительственное, стремясь „на староства и маентки урядни„ковъ Рускихъ, и того больше оши„бокъ надѣлало. Оно, давши амни„стію первому ватажцѣ Козацко„му, Наливайку, и его сообщни„камъ, въ торжественныхъ съ ними „трактатахъ, клятвами утвержден„ныхъ, а Духовенствомъ не право „разрѣшенныхъ, наконецъ, забра„вши фортельно на Сеймѣ наці„ональномъ, всѣми народами за „святость чтимомъ, потратило ихъ „самымъ варварскимъ образомъ, „противъ чести, совѣсти и всѣхъ „правъ народныхъ, и вмѣсто того, „чтобы врачевать болѣзнь народ„ную, больше ея язвы разстра„вило.“

По истребленіи Гетмана Наливайка такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ Сейма или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Рускій. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда Депутатовъ Рускихъ отъ Сейма національнаго, а всего Рыцарства отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ старостъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Рускихъ, и самыхъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Руское названо Хлопами; а народъ, отвергавшій Унію, Схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малоросійскіе насланы Поляки съ многочисленными штатами, города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками. Имъ дана власть все тое дѣлать народу Рускому, что сами схотятъ и придумаютъ, и они исполняли наказъ сей съ лихвою, и что только смыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Рускимъ безъ угрызенія совѣсти. Грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, и о разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Рускія силою или гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати 119 и болѣе человѣкъ въ цугъ. На прислуги сему Духовенству выбираемы были Поляками самыя краснѣйшія изъ дѣвицъ Рускихъ. Церкви несоглашавшихся на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и поло-

жена за всякую въ нихъ отправу денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ злотыхъ [120]. Жиды, яко непримиримые враги христіанства, сіи вселенскіе побродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для ихъ скверноприбыточество, и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской, повиненъ ктиторъ идти къ Жиду, торжиться съ нимъ и, по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а Жидъ при томъ, насмѣявшись довольно Богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чтимое [121], называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено.

Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, содѣлавшимъ еще замѣчательнѣе всей землѣ эпоху. Чиновное Шляхетство Малоросійское, бывшее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными пронсками, посулами и дарами, закупило знатнѣйшихъ урядниковъ Польскихъ и Духовныхъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними и, мало по малу, согласилось, первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣдствіи сіе Шляхетство, соединяясь съ Польскимъ Шляхетствомъ свойствомъ, родствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой породы своей Руской, а всемѣрно старалось, изуродовавъ природныя названія, пріискивать и придумывать къ нимъ Польское произношеніе и называть себя природными Поляками. Почему и доднесь видны у нихъ фамиліи совсѣмъ Рускаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и по ихъ нарѣчію быть не могло, на примѣръ: Проскура, Чернецкій, Кисиль, Воловичь, Сокирка, Комаръ, Ступакъ и премногія другія, а изъ прежняго Чаплины назвался Чаплинскій, изъ Ходуна Ходинскій, изъ Бурки Бурковскій, и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего были то, что имѣнія сему Шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ Шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они, въ разсужденіи народа Рускаго, всѣ систему политики Польской, и подражая имъ, гнали прелиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малоросійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ Козаковъ, въ чемъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну не малую убыль, не были дополнены другими; отъ скарбу и жилищъ Козацкихъ запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные начальники воинскіе, перевернувшись въ Поляковъ, сдѣлали въ полкахъ великія вакансіи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены, и Козаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся, безъ настырей и вождей. Самые курени

Козацкіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной Шляхтѣ своей, обратились въ Поляковъ и ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы Шляхетскія. Недостаточные реестровые Козаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствамъ, а съ ними и всѣ почти охочекомонные, перешли въ Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ, съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ Козаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ, а напротивъ того знатнѣйшіе Запорожскіе Козаки перешли въ полки Малоросійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы; отъ чего въ сихъ полкахъ видимая сдѣлалась перемѣна.

Въ сіе смутное [122] для Малоросіи время, когда все въ ней дышало злобою, мщеніемъ и отчаяніемъ, возникло новое зло, какъ бы самымъ адомъ устроенное на пагубу людскую. Въ 1604 году нѣкто Москвитянинъ, проживавшій въ домѣ воеводы Сандомирскаго, Юрья Мнишка, назвался Московскимъ Царевичемъ Дмитріемъ, о которомъ прежде носился слухъ, что онъ въ малолѣтствѣ убитъ происками Боярина тамошняго, Годунова, по немъ въ Москвѣ воцарившагось. Но сей, называвшійся Царевичемъ, утверждалъ и манифестовалъ, что онъ есть дѣйствительно Царевичъ, спасшійся отъ смерти убійствомъ другаго младенца, церковничаго сына, на мѣсто его подставленнаго. Со стороны Царя Годунова доказано въ Польшѣ переписками съ Послами, убитаго Царевича совершенно знавшими, что тотъ Царевичъ точно въ мертвецахъ, а называющійся имъ бродяга есть лишенный дьяконства монахъ, Гришка Отрепьевъ. Но, не смотря на такія доказательства, двоякіе интересы взяли свою силу: Воевода Мнишекъ хотѣлъ видѣть дочь свою, Марину, Царицею Московскою, выдавши ее замужъ за называвшагося Царевичемъ тамошнимъ, съ которымъ у нихъ о семъ соглашеніе, и для того стряпалъ за него у Короля Польскаго и у Сената, а Король съ Поляками, пользуясь симъ случаемъ, хотѣли, сдѣлавши претендатора онаго Царемъ Московскимъ, подѣлиться съ нимъ царствомъ его и удовлетворить тѣмъ заматерѣлую вражду свою на царство Московское. И потому предпринято выставить всѣ силы Польскія противъ силъ Московскихъ въ пользу Самозванца. Театромъ же зрѣлища того опредѣлена судьбою сѣверная Малоросія. Войска Московскія, предводимыя многими Воеводами, Боярами, Думными Дьяками и многими Окольничими и Стольниками разныхъ степеней, вошли первые въ Малоросію и, пройдя въ ней пограничный городъ, Сѣвскъ, переправились черезъ рѣку Десну при городѣ Сѣверскомъ-Новгородѣ, а миновавши его, расположились станомъ на горахъ Новгородскихъ, по дорогѣ Черниговской. Граждане Новгородскіе и всѣ повѣта тамошняго жители, отъ временъ Епископа ихъ, Лежайскаго, и Протопопа Пашинскаго, поруганныхъ за благочестіе на соборищѣ Брестскомъ, питавшіе ненависть къ Уніятству и ихъ творцамъ, были вновь оскорблены Поляками отборомъ у нихъ двухъ монастырей, противъ замка мужескаго

Успенскаго, и, на Ярославлѣ горѣ, дѣвичьяго Покровскаго, изъ которыхъ первый обращенъ въ Базиліянскій кляшторъ, а другой передѣланъ на кляшторъ Доминиканскій. А потому не имѣли они никакого усердія къ Полякамъ и ихъ интересамъ. Напротивъ того врожденная склонность къ единовѣрцамъ и однородцамъ дѣлала ихъ всегда приверженными къ народу Рускому или Московскому. И за тѣмъ въ проходъ ихъ войскъ не только не оказали имъ ничего непріятельскаго; но и въ надобностяхъ путевыхъ явно имъ пособствовали, обнаруживъ сею неосторожностію вражду свою къ Полякамъ.

Войска Польскія, окружавшія самозванца Отрепьева, шли отъ Чернигова, подъ предводительствомъ Коронного Гетмана, Калиновскаго, и, Полковника Сѣверскаго, Ивана Заруцкаго, опредѣленнаго отъ Короля надъ войсками Малоросійскими Наказнымъ Гетманомъ. Они, приближась къ Новгороду Сѣверскому, расположили станъ свой при Соленомъ озерѣ, у вершинъ обширныхъ и глубокихъ рвовъ, заросшихъ лѣсомъ, кои нѣкогда наполнялись водою и окружали Новгородъ. Правый изъ нихъ назывался Ладейною пристанью, по входившимъ въ него ладіямъ, когда въ рѣкѣ Деснѣ вода была возвышеннѣе, а лѣвый звался Ярославскимъ потокомъ или ручьемъ, по теченію его у Ярославли горы. Съ первыхъ дней происходили отъ обѣихъ армій одни попытки и шармицеры между обоими станами; наконецъ открыта генеральная баталія отъ Польской стороны. Пользуясь означенными рвами, введена была въ нихъ ночью Малоросійская пѣхота, и на разсвѣтѣ ударили Поляки съ трехъ сторонъ на станъ Московскій. По долговременной сѣчи, вломились въ него Поляки и произвели великое съ обѣихъ сторонъ убійство; наконецъ выбили Московскія войска изъ ихъ стану, завладѣли имъ и гнали тѣ войска до склоненія горъ въ рѣку Десну. Тутъ они раздѣлились на двое: одна часть, пользуясь байраками и зарослями, ушла въ гору по рѣкѣ до мѣстечка Гремяча и переправилась тамъ чрезъ Десну, а другая часть увалилась въ Новгородъ и заперла позади себя городскія ворота. Поляки, гнавшіе Московскія войска, приступили къ городу и начали его осаждать; а Малоросійскія войска съ Полковникомъ Заруцкимъ, отступивъ къ монастырю Преображенскому, послали къ Градоначальнику, Березовскому, и ко всѣмъ гражданамъ своихъ чиновниковъ, уговаривая ихъ объявить убѣжавшихъ въ городъ Московцевъ военноплѣнными и ворота отворить. Но между симъ, такъ наглымъ произшествіемъ, граждане по необдуманности, или не будучи въ силахъ, выпустили Московцевъ въ нижнія ворота къ рѣкѣ и дали способъ переправиться черезъ рѣку. Поляки же, выбивъ городскія ворота, вломились въ городъ и, ищущи Московцевъ, убивали всѣхъ, имъ встрѣчающихся; а свѣдавъ, что Московцы выпущены изъ города, обратили всю злость свою на гражданъ. Убійство надъ ними произведено всеобщее; не щадя ни пола, ни возраста, умерщвляли всѣхъ безъ пощады. Несчастные сіи граждане, бывъ не вооружены и безо всякаго сопротивленія, только что крестились и молились Богу и своимъ убій-

цамъ; но сіи безъ угрызенія совѣсти закалали жертвы свои въ полномъ неистовствѣ; женщины и дѣвы, по изнасилованіи, были перебиты; младенцы, послѣ убитыхъ матерей, ползавшіе по улицамъ, поднимаемы были на копьяхъ, а иные схвачены за ноги и убиты головами объ стѣны; словомъ сказать, кровь человѣческая лилась вездѣ ручьями, а трупы валялись кучами. Нѣкоторые изъ молодыхъ гражданъ убѣжали было въ замокъ, который почитался неприступнымъ, яко на высокой горѣ укрѣпленный и великими самородными рвами окруженный. Но какъ онъ былъ не въ оборонительномъ состояніи и съ слабымъ гарнизономъ, то вошедшіе въ него безъ сопротивленія Поляки выбили въ немъ бывшихъ людей до послѣдняго, а наконецъ, разграбивъ городъ и церкви, зажгли его со всѣхъ сторонъ и обратили въ пепелъ. Послѣ такого всегубительства пребывалъ городъ сей въ запустѣніи многія лѣта, и народъ околичный ѣздилъ на торги свои обыкновенно въ городъ Путивль; отъ чего извѣстныя около Новгорода дорога, гора и перевозъ названы Путивльскими. Самозванецъ, по истребленіи Новгорода, обратился съ войсками на городъ Сѣвскъ, а оттоль дальше по дорогѣ Московской; но, не доходя до города Кромъ, въ Комарницкой волости, былъ окруженъ и разбитъ войсками Московскими. Войска Малоросійскія, съ Командиромъ своимъ Заруцкимъ, злобясь на Поляковъ за Новгородское побоище, слабо имъ помогали, а только спасли Самозванца и привезли его въ городъ Батуринъ, гдѣ онъ вновь ополчился, и какъ послѣ играли они роли свои съ Заруцкимъ, исторія ихъ описываетъ.

Въ продолженіе на Малоросію Польскихъ гоненій, полки Малоросійскіе иные соглашены въ послушаніе Короннаго Гетмана, а другіе, согласясь съ Козаками Запорожскими, въ 1598 году выбрали себѣ Гетманомъ Обознаго Генеральнаго, Петра *Конашевича Сагайдачнаго*, и онъ первый началъ писаться Гетманомъ Запорожскимъ, а по немъ и всѣ бывшіе Гетманы въ титулахъ своихъ прибавлять войско Запорожское начали. Имъ послѣдуя, титуловались также Полковники и Сотники Малоросійскіе, да и самое войско Малоросійское часто Запорожскимъ войскомъ называлось. А вошло названіе сіе въ обычай какъ для различія отъ тѣхъ полковъ, кои были въ послушаніи Коронныхъ Гетмановъ, такъ и для удержанія правъ своихъ на выборы, кои Поляками при всѣхъ случаяхъ воспящаемы и пресѣкаемы были въ селеніяхъ Малоросійскихъ; а Запорожскіе Козаки, напротивъ того, вошедши въ выборы Малоросійскіе, прежде сего для нихъ чуждые, и бывъ удалены отъ селеній и отъ сообщенія съ Поляками, могли удобно сберечь права и свободы войсковыя и отвращать отъ нихъ насилія Поляковъ. Между тѣмъ Гетманъ Сагайдачный, свѣдавъ, что Татары Крымскіе, пользуясь замѣшательствами Малоросійскими, сдѣлали въ пограничныя селенія набѣги и угнали въ Крымъ многихъ плѣнниковъ Малоросійскихъ, отправился съ пѣшимъ войскомъ на лодкахъ Запорожскихъ въ Черное море, гдѣ одна половина войска поплыла къ городу Кефѣ, а другая

съ самимъ Гетманомъ вышла въ Сербулацкой пристани на берегъ и прошла мимо горъ Кефскихъ къ тому же городу и, атаковавъ городъ сей отъ моря и отъ горъ, взяла его штурмомъ. Плѣнники, въ немъ найденные, освобождены и забраны войскомъ, а жители выбиты до послѣдняго и городъ разграбленъ и сожженъ. Гетманъ, пройдя горами къ городу Козлову, сдѣлалъ предмѣстіямъ его то же, что и Кефѣ; а жители, убравшись въ замокъ, просили пощады и выпустили всѣхъ плѣнниковъ съ великими дарами къ Гетману, который, кончивши такъ счастливо свою экспедицію, возвратился съ плѣнными и великою добычею въ свои границы.

Поляки, въ опровержение Гетмана Сагайдачнаго, а болѣе, чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ Малоросійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ Поляками Гетманомъ изъ Сотниковъ Демьяна *Кушку*, и онъ, вздумавъ прославить себя военными успѣхами и заслужить общее тѣмъ уваженіе, отправился съ войсками своими въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ Христіанъ, тамошними Татарами на границахъ Подоліи забранныхъ; но, приближась къ городу Акерману, былъ атакованъ Турками и Татарами и отъ нихъ взятъ въ плѣнъ и истребленъ. На мѣсто сего Кушки, Поляки, съ послушными имъ полками, для одинакихъ причинъ, то есть, во вредъ Сагайдачному, выбрали Гетманомъ старшину Козацкаго, прозываемаго *Бородавку*; но Сагайдачный, поймавъ его, разъѣзжающаго для возмущеній по Малоросіи, предалъ суду войсковому, которымъ и осужденъ, яко самозванецъ и возмутитель народный, на смерть и разстрѣлянъ предъ войскомъ. Поляки видя, что всѣ войска Малоросійскія преклонны къ Сагайдачному и имѣвши въ помощи его нужду, для отраженія Турковъ, шедшихъ войною на Польшу, подтвердили Сагайдачнаго Гетманомъ на всю Малоросію.

Гетманъ Сагайдачный, забравъ въ команду свою всѣ войска Малоросійскія и имѣвъ предписаніе отъ Короля Жикгимунта III-го, отправился, вмѣстѣ съ войсками Польскими, противу Турокъ и, встрѣтивши ихъ за Днѣстромъ, въ Буковинѣ, повелъ на нихъ фальшивую атаку съ одними легкими войсками; а пѣхоту, между тѣмъ, устроилъ съ своею конницею и артиллеріею на двухъ возвышенностяхъ, закрытыхъ зарослями. Турки, по обыкновенной Азіатской запальчивости, гнали легкія войска въ полномъ жару и разстройствѣ; а сіи, всегда подаваясь назадъ съ легкими перестрѣлками, дѣлали передъ ними обыкновенный кругъ маякомъ и завели Турокъ въ середину построенныхъ войскъ Польскихъ и Малоросійскихъ между возвышенностей и кустарниковъ. Войска сіи, вдругъ сдѣлавъ съ двухъ сторонъ сильные залпы артиллеріей и ружьями, повергли Турковъ цѣлыя тысячи; а конница, обхвативъ съ тылу и боковъ, перемѣшала ихъ и совсѣмъ разстроила, такъ что Турки, метаясь въ безпамятствѣ, то въ ту, то въ другую, сторону, были всѣ перебиты и переколоны, а спаслись одни бросившіе оружіе свое и знамена на землю и опустившіеся въ одну балку, гдѣ, положась ницъ, про-

сили пощады, и тогда же получили ее. Побѣдителямъ досталась въ добычу вся артиллерія Турецкая, весь ихъ обозъ съ запасами и все вооруженіе, у живыхъ и мертвыхъ собраное; мертвецовъ же ихъ при погребеніи сочтено 9,715 человѣкъ, въ плѣнъ взято болѣе 1000, и въ томъ числѣ семь Пашей разныхъ степеней и семнадцать человѣкъ другихъ чиновниковъ; да убѣжало отъ обозу и скрылось въ заросляхъ и байракахъ болѣе тысячи.

Гетманъ, отправивъ всѣхъ плѣнниковъ и все излишнее съ аммуниціей и запасами въ Каменецъ-Подольскій, для препровожденія въ дальнѣйшія оттоль назначенія, продолжалъ походъ свой между Молдавіи и Валахіи, преслѣдуя Турковъ, которыхъ встрѣтивъ нѣсколько отрядовъ и корпусовъ на походѣ, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство съ великими ихъ потерями. Наконецъ сблизился къ главной арміи Турецкой, расположенной при городѣ Галацѣ, подъ командою Сераскира, Паши Силистрійскаго, Топалъ-Селима. Гетманъ, обозрѣвъ ея положеніе и укрѣпивъ станъ свой окопами и артиллеріею, ожидалъ на себя Турецкаго нападенія. Но примѣтивъ, что рѣкою Дунаемъ приходятъ на судахъ свѣжія въ Турецкую армію подкрѣпленія, рѣшился самъ атаковать Турковъ. И въ одно утро, на самой зарѣ, выступилъ изъ стана своего, построилъ пѣхоту свою въ двѣ фаланги, и прикрывъ ее конницею, повелъ на станъ Турецкій, который однимъ фасомъ и тыломъ примыкалъ къ рѣкѣ и строеніямъ форштата. Первый выстрѣлъ Турецкой артиллеріи направленъ былъ на конницу Гетманскую, которая и потерпѣла отъ него не малую въ лошадяхъ потерю. Но скоро за выстрѣломъ вдругъ конница удалилась въ стороны, а пѣхота одною фалангою опустилась къ рѣкѣ и, обошедъ при самой водѣ фланговую батарею Турецкую, не давъ ей вновь зарядить пушекъ, ввалилась въ станъ Турецкій и въ форштатъ городской и, сдѣлавъ выстрѣлъ изъ ружьевъ, начала работать копьями; а другая фаланга во всей опрометчивости, бросясь ползкомъ на окопы Турецкіе и произведя ружейный выстрѣлъ на Турковъ, окопы защищавшихъ, устремилась на нихъ съ копьями. Конница же между тѣмъ дѣлала натиски свои съ другихъ сторонъ стана Турецкаго, развлекая силы ихъ во всѣ стороны, и по долгомъ убійственномъ сраженіи Турки, наконецъ, опрокинуты и побѣжали въ городъ. Они, обстрѣлявшись ружьями и пистолетами, не могли ихъ скоро заряжать вновь; а Козаки всегда поражали ихъ копьями, противъ которыхъ саблями и кинжалами обороняться почти невозможно, или оборона сія очень противу копьевъ слаба есть. Погоня за Турками сдѣлана только до рѣки и замку, а дальше производить ее запрещено было Козакамъ, и они получили себѣ въ добычу весь станъ Турецкій со множествомъ артиллеріи, запасовъ и богатствъ. Наконецъ, подвезена была тяжелая артиллерія къ замку и начата изъ оной пальба. Но Турки, сѣвши на суда, убрались за Дунай, оставивъ городъ съ одними жителями, которымъ, яко Христіанамъ, никакого зла не причинено.

Гетманъ, оставляя Галацъ, направилъ походъ свой въ Бессарабію. Но подоспѣвшій къ нему гонецъ изъ Варшавы привезъ отъ Короля повелѣніе, чтобы онъ возвратился съ войсками въ свои границы, а Турковъ оставилъ въ покоѣ, потому что отъ ихъ Правительства учинено перемиріе и соглашаются на вѣчный миръ. Гетманъ, приближаясь къ своимъ границамъ, отпустилъ отъ себя войска Польскія, и, продолжая походъ въ Малоросію, встрѣтилъ при Бугѣ другаго гонца, изъ Сѣчи Запорожской посланнаго, чрезъ котораго увѣдомляетъ его Кошевой Дурдило, что Крымскіе Татары, пользуясь заграничною отлучкою Гетмана и войскъ Малоросійскихъ, прошли своима станами за рѣку Самаръ, на грабежъ въ восточную Малоросію. Гетманъ, оставивъ пѣхоту свою слѣдовать обыкновеннымъ маршемъ въ свои жилища, съ конницею поспѣшалъ форсированнымъ къ Днѣпру, а переправясь чрезъ него, расположился скрытно въ лугахъ Днѣпровскихъ около устья Конскихъ Водъ, и посылалъ къ рѣкѣ Самарѣ частые разъѣзды для развѣдыванія о поворотѣ изъ Малоросіи Татаръ. Чрезъ нѣсколько дней прибѣжали къ нему, запыхавшись, разъѣзжіе Козаки и возвѣстили, что Татары съ превеликимъ ясыремъ и со множествомъ всякаго скота перебираются чрезъ Самару и при ней имѣтъ будутъ свой ночлегъ. Гетманъ, отправясь на всю ночь съ войскомъ своимъ къ Самарѣ, напалъ тутъ на самой зарѣ на табуръ Татарскій, обширно расположенный по теченію рѣки; первый выстрѣлъ изъ пушекъ и ружей и произведенный крикъ разогналъ верховыхъ Татарскихъ лошадей, а самихъ Татаръ обезумилъ и привелъ въ крайнюю робость. Они, шатаясь по табуру, не знали что дѣлать, а Козаки, проходя лавою чрезъ весь лагерь, кололи и рубили ихъ почти безъ всякой обороны. Плѣнники обоего пола, увидя неожиданную себѣ помощь, развязывали одинъ другаго и принялись также за Татаръ съ самою злобною жестокостію. Копья и сабли Татарскія, оставленныя на ночь въ кучѣ, были для плѣнниковъ готовымъ вооруженіемъ, и Татары отъ собственнаго оружія погибали тысячами. Такимъ образомъ истреблены Татары всѣ до послѣдняго, такъ что не осталось изъ нихъ никого, кто бы возвѣстилъ въ Крыму о ихъ погибели. Весь табуръ Татарскій со всѣмъ тѣмъ, что они ни имѣли, достался побѣдителямъ въ добычу, а плѣнники Малоросійскіе, до нѣсколько тысячь обоего пола душъ, не только что освобождены изъ неволи, но и награждены лошадьми и вещами Татарскими достаточно, и возвратились въ свои жилища, равно и Гетманъ съ своимъ войскомъ прибылъ въ резиденцію свою благополучно и со славою многою.

Гетманъ Сагайдачный, послѣ означенныхъ походовъ, никакихъ другихъ самъ не предпринималъ, а при обыкновенныхъ и всегдашнихъ почти безпокойствахъ и набѣгахъ пограничныхъ, командировалъ Наказнаго Гетмана своего, Петра Жицкаго [123] и Старшинъ Генеральныхъ и Полковниковъ съ корпусами и командами, смотря по надобности и силамъ противнымъ. И бывши самъ спокойнымъ правителемъ Гетманства, поправлялъ

внутренніе безпорядки правительственные и воинскіе, воспящалъ усильно Уніятство, возвращалъ изъ него церкви, и въ томъ числѣ и соборную Кіевскую Софію, созидалъ вновь ихъ, и между тѣмъ построилъ Братскій Кіевскій монастырь на Подолѣ, подъ распоряженіемъ того же Наказнаго Гетмана, Петра Жицкаго, яко въ архитектурѣ свѣдущаго; надалъ сему монастырю достаточныя деревни и возобновилъ въ немъ, съ помощію Митрополита Кіевскаго, Петра Могилы, древнюю Кіевскую Академію, заведенную со временъ послѣдняго крещенія Россіи, но отъ нашествія на Россію Татаръ крывшуюсь въ разныхъ монастыряхъ и пещерахъ. И поживши Сагайдачный въ полной славѣ великаго и важнаго Гетмана Малоросійскаго болѣе двадцати лѣтъ, скончался въ Кіевѣ, въ 1622 году, и погребенъ въ церкви того созданнаго имъ Братскаго монастыря, коего почитался онъ главнымъ Ктиторомъ.

Поляки, уважая храбрость и заслуги Сагайдачнаго, не смѣли при немъ явно производить въ Малоросіи своихъ наглостей, да и самая любимая ихъ Унія нѣсколько пріутихла и простыла. А что знатнѣйшее Малоросійское Шляхетство все почти обратилось къ нимъ въ Католичество и осталось въ Руской религіи изъ народа одно среднее и низшее сословіе, то дали они новый титулъ Уніятству, назвавъ его: „Хлопска вяра.“ По смерти Сагайдачнаго возобновили они прежнее гоненіе въ народѣ и политику на разстройство войскъ Малоросійскихъ; почему и подчинили войска реестровыя Коронному и Литовскому Гетманамъ, выборъ же въ Малоросійскіе Гетманы весьма запрещенъ, а ранговыя Гетманскія имѣнія разобрали и раздѣлили между собою магнаты Польскіе. На народъ, кромѣ обыкновенныхъ податей, подымныхъ и поземельныхъ, наложены еще индукта и евекта, т. е., пошлинный сборъ съ покупки и продажи всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и со всѣхъ другихъ вещей и животныхъ, въ продажу и покупку производимыхъ; и всѣ тѣ сборы были общіе, со всѣхъ жителей Малоросійскихъ взымаемые. А для держащихся православія или Греческой религіи особая, сверхъ того, положена подать, похожая на дань Апокалипсическую, во дни Антихристовы описываемую; и для сего предъ праздникомъ Воскресенія Христова по всѣмъ городамъ и торжищамъ продаваемые міряпамъ обыкновенные на пасху хлѣбы, были подъ стражею урядниковъ Польскихъ. Покупающій пасху Уніятъ долженъ имѣть на груди лоскутъ съ надписью: „Уніатъ;“ таковой покупаетъ ее свободно; не имѣющій же начертанія того на груди своей платитъ дань по тинже и по половинѣ ея отъ хлѣба, смотря по величинѣ и цѣнамъ тѣхъ хлѣбовъ. Въ знатнѣйшихъ городахъ и торжищахъ отданъ сборъ сей пасочный также въ аренду или откупъ Жидамъ, которые, взимая дань сію безъ пощады, распологали еще и число пасокъ, какому хозяину сколько по числу семейства имѣть ихъ должно, и потому силою ихъ накидали; а у таковыхъ хозяевъ, кои сами пекли пасочные хлѣбы, досматривали Жиды и цѣнили при церквахъ на ихъ освященіи, намѣчая всѣ хлѣбы какъ базарные, такъ и въ домахъ

печеные, крейдою и углемъ, чтобы они отъ дани не угоненули. И такъ производя Жидовство надъ Христіянами въ ихъ собственной землѣ такую тяжкую наругу, сами между тѣмъ отправляли пасхи свои свободно и проклинали Христіанъ и вѣру ихъ въ синагогахъ своихъ, на Руской землѣ устроенныхъ, невозбранно; а Поляки тѣмъ утѣшаясь, всѣ пособія и потачки Жидамъ дѣлали.

Султанъ Турецкій, Османъ Второй, свѣдавъ о возобновившейся у Поляковъ съ Козаками давней враждѣ, и надѣясь, что Козаки слабо врагамъ своимъ помогать будутъ, повелѣлъ войскамъ Турецкимъ нападать на границы Польскія, присутствуя самъ въ городѣ Бухарестѣ. Отъ стороны Поляковъ командированъ противъ Турокъ Гетманъ Коронный, Станиславъ Жолкевскій, съ войсками Польскими, при которыхъ было и Малоросійскихъ шесть полковъ тысячныхъ, съ Есауломъ Генеральнымъ, Потребичемъ, а прочіе разставлены отъ стороны Крыма для удержанія Татаръ отъ ихъ набѣговъ. Король Польскій, Сигизмундъ, находился поблизу своей арміи, на Волыни. Войска Польскія сошлися съ Турецкими въ урочищѣ на Цецорѣ и дали баталію съ упорнымъ стремленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Она продолжалась болѣе пяти часовъ съ перемѣннымъ счастіемъ и, наконецъ, рѣшилась побѣдою надъ Поляками, кои были разбиты и разсѣяны. Козаки Малоросійскіе, бывъ при семъ между двумя врагами, тайными и явными, работали, обыкновенно, какъ на панщинѣ, или какъ невольники работаютъ. Но когда дошло дѣло до пораженія и разстройства Польскаго, тутъ они доволвно себя показали, сдѣлавъ отступъ неустрашимый и порядочный съ сильною своею баталіею, которою много спасли и Поляковъ, скрывшихся за ихъ ряды. При множествѣ побитыхъ и полоненыхъ войскъ Польскихъ и Козацкихъ, убитъ тамъ и Сотникъ Черкаскаго полка, Михайло Хмельницкій; а сынъ его, юный Зиновій Хмельницкій, взятъ въ плѣнъ и отведенъ съ прочими въ Турцію.

Хмельницкій оный есть потомокъ Венжика Хмельницкаго, прежде бывшаго Гетмана Малоросійскаго; онъ, считаясь въ боярахъ или чиновной Шляхтѣ Малоросійской, имѣлъ въ вѣчистомъ владѣніи своемъ мѣстечко Субботовъ съ хуторами и знатными угодьями, а въ немъ каменную церковъ и монастырь, предками его и имъ сооруженныя. По службѣ воинской имѣлъ онъ чинъ Сотника въ реестровомъ Черкаскомъ полку; но по характеру, вспомогаемому хорошимъ достаткомъ, значилъ вельможу края здѣшняго. Въ супружествѣ за нимъ была дочь Гетмана, Богдана, Анастасія, и отъ сего супружества рожденный сынъ, Зиновій Хмельницкій, получилъ, при крещеніи его, другое имя, дѣдовское съ матерней стороны, Богдана, данное ему, по обычаю Римскихъ Католиковъ, отъ воспріемнаго отца его, Князя Сангушка. Сей Зиновій Хмельницкій, яко единственный сынъ у отца своего, воспитанъ имъ въ Варшавѣ, попеченіемъ прямо отеческимъ и иждивеніемъ вельможескимъ. Всѣ тогдашніе классы изящныхъ наукъ прошелъ онъ подъ руководствомъ

найлучшихъ учителей, щедротою пріобрѣтенныхъ. Природная острота и дарованія оправдали старанія отеческія и учительскія. При другихъ его знаніяхъ, особливо искусенъ онъ былъ въ первѣйшихъ Европейскихъ языкахъ, а паче въ Латинскомъ и Греческомъ, за что отмѣнно любили его и почитали Римское Духовенство и Польскіе вельможи; да и самъ Король Сигизмундъ лично его зналъ и всегда отличалъ между сверстниками. А посему, когда Зиновій, бывши волонтеромъ при отцѣ своемъ на ораженіи Цецорскомъ, полоненъ Турками и ими проданъ изъ Царьграда въ Крымъ тамошнему мурзѣ, именемъ Ярысу, то Король, выкупивъ его изъ Крыму своею суммою, оставилъ у дѣлъ при своемъ Кабинетѣ и въ чинахъ своей гвардіи. Онъ, въ 1629 году, бывши съ войсками Королевскими въ походѣ противъ Волоховъ и Венгровъ, полонилъ командою своею двухъ Князей Волошскихъ, Кантемировъ, и представилъ ихъ Королю.

Зиновій, находясь при Королѣ, посѣщалъ однажды отечество свое, Малоросію и, свѣдавъ здѣсь, что Польское правительство, подъ распоряженіемъ Чаплинскаго, намѣстника Гетманскаго, или иначе дозорцы Чигиринскаго, по планамъ и разводамъ инженеровъ Французскихъ, въ 1638 году воздвигнуло нарочито сильную крѣпость, Кадакомъ названную, надъ рѣкою Днѣпромъ, между предѣловъ Малоросійскихъ и Запорожскихъ устроенную съ политическимъ умысломъ, чтобы воспящать сообщенію между сихъ единокровныхъ народовъ, а паче ихъ войскъ, одно другому вспомогающихъ, восхотѣлъ посмотрѣть Зиновій устроеніе оной и, бывши на томъ мѣстѣ, вопрошенъ былъ Чаплинскимъ на языкѣ Латинскомъ: „Подтвердитъ ли онъ мнѣніе всѣхъ знатоковъ, что крѣпость сія есть непобѣдимая?“ На сіе отвѣчалъ Хмельницкій съ кротостію на томъ же Латинскомъ языкѣ: „Что онъ „еще не слыхалъ и нигдѣ не читывалъ, чтобы созданное руками „человѣческими, не могло быть „такими же человѣческими руками разрушено, а одно твореніе „Божіе есть прочно.“ Чаплинскій, сочтя изреченіе сіе за слова возмутительныя или замыслъ какой значущія, тотчасъ арестовалъ Хмельницкаго и отослалъ подъ стражу въ Чигиринъ. Но дочь Чаплинскаго, Анна, освободя секретно Хмельницкаго изъ-подъ стражи, дала способъ уѣхать ему и возвратиться въ Варшаву, гдѣ онъ жаловался на Чаплинскаго Королю, и получилъ въ удовлетвореніе то, что Чаплинскому, въ наказаніе за своевольный и оскорбительный поступокъ его надъ гвардейскимъ офицеромъ, обрѣзанъ былъ, чрезъ стражника Скобичевскаго, [124], одинъ усъ.

Умножившіеся отъ Поляковъ разнообразные Малоросіянамъ налоги, притѣсненія и всѣхъ родовъ насилія, подвигнули, въ 1623 году, Константина Ивановича, Князя Острожскаго, Воеводу Кіевскаго, принесть самыя убѣдительнѣйшія жалобы Королю и Сенату о горестномъ состояніи народа Рускаго, доведеннаго до крайности урядниками и войсками Польскими, управлявшими Малоросіею, и что мѣра своевольства ихъ и безчинія превосходитъ всякое терпѣніе:

По симъ жалобамъ много ходотайствовалъ Владиславъ, Королевичь Польскій, командовавшій многократно войсками Малоросійскими и уважавшій отличныя заслуги ихъ воинскія при походахъ на Лифлянцовъ и въ Померанію и Гданскъ, въ пользу союзной Швеціи, и преполезныя всему Королевству Польскому, которое такъ худо за нихъ имъ платило. Другъ Владиславовъ, Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, также вступался за сіе дѣло, представляя Королю и Сенату чрезъ Министра своего, резидующаго въ Варшавѣ, „что предпріятія и подвиги обоихъ союзныхъ Королевствъ, Польскаго и Шведскаго, на пользу „обоюдную, всегда усовершенствованы были постоянною храбростію и мужествомъ войскъ Руских, „составлявшихъ центръ арміи Польской; а безпримѣрное ихъ послушаніе къ начальству и терпѣніе нуждъ и тягостей воинскихъ всегда его удивляло и восхищало, яко самовидца и соучастника тѣхъ ихъ подвиговъ; а „потому онъ, бывши ими много „одолженъ, никогда спокойно смотрѣть не можетъ на чинимыя войску тому и народу, ихъ составляющему, безчеловѣчныя насилія „и варварство отъ своеволія распутныхъ Поляковъ, весьма худо повинующихся своимъ правительствамъ и почти до безначалія доведшихъ, и что правленіе Польское, допустившее войска свои и Шляхту до анархіи, а владѣльцевъ и вельможей поставившее въ деспотизмъ, самый неограниченный, и права частныя и общенародныя всегда презирающій, сомнительно есть въ удержаніи союзовъ, съ дружескими „Державами заключенныхъ и однимъ надежнымъ правленіемъ обезпеченныхъ.“

По такимъ важнымъ представленіямъ и жалобамъ, правительство Польское, обнадеживъ народъ Руской и патріотовъ его своимъ вниманіемъ и скорымъ пособіемъ, исполнило все то обыкновенно по Польски, т. е., до перваго Сейму, состоящаго въ пиршествахъ и самохвальствахъ; и Козаки Малоросійскіе, соединенно съ Запорожскими, въ 1624 году принуждены выбрать себѣ Гетманомъ Полковника Корсунскаго, Тараса *Трясила*, не употреблявшаго послѣ сего названія, и съ нимъ подняли оружіе противъ Поляковъ оборонительное. И по сей системѣ, не чиня они надъ Поляками никакихъ поисковъ, собрались къ городу Переяславлю и, расположивъ станъ свой между рѣкъ Трубежа и Альты, ожидали начинаній Польскихъ. Поляки стягались со всей Малоросіи, а частію и изъ Польши, и собравшись въ великихъ силахъ подъ командою Короннаго Гетмана, Конецпольскаго, повели атаку на станъ Козацкій, укрѣпленный обозомъ и артиллеріею съ окопами. Нападеніе повторяемо и всегда отбиваемо было нѣсколько дней съ великимъ урономъ Польскимъ. Наконецъ, Козаки, дождавшись Польскаго праздника, Панскимъ тѣломъ называемаго, который они отправляютъ съ пальбою и пиршествами, выслали въ ту ночь ползкомъ знатную часть пѣхоты своей въ одну ближайшую балку, и на разсвѣтѣ ударили съ двухъ сторонъ на станъ Польскій, вломились въ него и, заставъ, многихъ Поля-

ковъ полунагими, перекололи ихъ, всѣхъ противившихся имъ истребили, а прочихъ перетопили въ рѣкѣ и разогнали, получивъ станъ ихъ со всѣми запасами и артиллеріею въ свою добычу.

Послѣ сего пораженія Польскаго, названнаго *Тарасовою ночью*, были Козаки раздѣлены на многіе корпусы и партіи, и командированы Тарасомъ для очищенія селеній Малоросійскихъ отъ Поляковъ и Жидовъ, ихъ фаворитовъ; а себѣ взялъ Тарасъ удѣлъ на работу сію, самый пространнѣйшій. Вся месть Козацкая пала тогда на тѣхъ невѣрныхъ. Они избиты цѣлыми тысячами безъ всякой пощады, а только съ приговоромъ и припѣвомъ арендъ ихъ пасочныхъ, и какъ они надъ ними ругались угольными своими мѣтами или значками. Правительство Польское, получивъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ и объ изгнаніи Поляковъ изъ всей Малоросіи, и что Жиды, ихъ прожектанты и лазутчики, съ талмудами своими также не были забыты и получили за мытничество свое довольное возмездіе, не предпринимало тогда ничего противъ Малоросіи, боясь Короля Шведскаго, который, считая за обиду, что представленіе его о Козакахъ Малоросійскихъ такъ худо уважено Сеймомъ Польскимъ, привелъ войска свои въ движеніе на ихъ границахъ, показывая видъ къ нападенію на Польшу. Поляки же притомъ береглись и отъ стороны Царства Московскаго, въ которомъ, во время междоусобій и замѣшательствъ тамошнихъ, произходившихъ отъ многихъ Самозванцевъ и притязателей Царства того, достали себѣ городъ Смоленскъ съ его уѣздами, и всѣми силами добычу сію охраняли. А Тарасъ, побывши Гетманомъ со славою девять лѣтъ, скончался спокойно.

По смерти Тараса, въ 1632 году избрали Козаки Гетманомъ изъ Полковыхъ Обозныхъ Семена *Перевязку*; но политика его, сопровождаемая коварнымъ предательствомъ отечества, скоро лишила его сего достоинства. Онъ, будучи знатно обдаренъ и обольщенъ вельможами Польскими, присвоивавшими себѣ многія имѣнія ранговыя Гетманскія и другихъ урядниковъ, преклонился на ихъ сторону и тайно помогалъ ихъ предпріятіямъ. И Поляки, мало по малу, ввели все почти то въ Малоросію, что Тарасомъ покойникомъ очищено было; а для подкрѣпленія своихъ работъ, ввели и войска Польскія въ мѣста знатнѣйшія. Козаки, замѣтивши поведеніе Гетмана Перевязки подозрительнымъ и вреднымъ, отрѣшили его отъ Гетманства и предали суду воинскому; но онъ, помощію Жидка, крамара Лейбовича, очаровавшаго, яко бы стражу, проданнымъ отъ него для караульныхъ табакомъ, бѣжалъ изъ-подъ стражи и укрылся въ Польшѣ.

На мѣсто низверженнаго *Перевязки*, въ 1633 году избранъ отъ Козаковъ и чиновъ ихъ Гетманомъ Хорунжій Генеральный, *Павлюга*. Но когда онъ, скоро послѣ выбора, началъ собирать и умножать войска для подкрѣпленія правъ своихъ и народныхъ, то Коронный Гетманъ, Конецпольскій, со многочисленными войска-

ми Польскими, напавъ заблаговременно на Павлюгу и на войско его подъ селомъ Кумейками, разбилъ ихъ и выгналъ изъ стану, который достался Полякамъ въ добычу; а Козаки съ Гетманомъ шли оборонительно пѣшие до мѣстечка Боровицы, гдѣ, укрѣпившись въ замкѣ, ожидали вспоможенія отъ разсѣянныхъ войскъ своихъ. Но Гетманъ Конецпольскій предложилъ Козакамъ миръ, съ подтвежденіемъ прежнихъ правъ и привиллегій войсковыхъ и всей націи, и съ условіемъ принять въ Гетманы прежде выбраннаго Перевязку, а Павлюгу, исключивъ изъ войска, оставить спокойно въ его имѣніи. Миръ былъ подписанъ и клятвами утвержденъ; но продолжался онъ потоль, пока Козаки были въ укрѣпленіи; а какъ скоро вышли они изъ замка и, разстроившись, начали расходиться по своимъ дорогамъ, то Поляки тотчасъ явили обыкновенное свое вѣроломство и, напавъ на разстроенныхъ Козаковъ, многихъ изъ нихъ перерубили и перестрѣляли безъ обороны, а у другихъ ограбили всю ихъ збрую и обрѣзали усы и чупрыны. Гетмана же Павлюгу, Обознаго Гремича и Есауловъ Побѣдима[125], Летягу, Шкурая и Путыла, забрали подъ караулъ и, оковавши желѣзомъ, отослали въ Варшаву, съ донесеніемъ, что они полонены во время сраженія. Правительство Польское, безъ всякихъ о томъ изслѣдованій и справокъ, повелѣло Гетману Павлюгѣ живому содрать съ головы кожу и набить ее гречаною половою, а Старшинамъ его отрубить цѣликомъ головы и ихъ, вмѣстѣ съ чучелою Гетманской головы, отослать на позоръ въ города Малоросійскіе. По сему велѣнію выставлены были головы оныя на сваяхъ въ Нѣжинѣ, Батуринѣ, Уманѣ и Черкасахъ, а чучела Гетманская въ Чигиринѣ; а потомъ сожжены всенародно подъ часъ ярмарокъ.

На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ, въ 1638 году, Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій, Стефанъ *Остряница*, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго заслуженнаго товарищества Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ, Ланцкоронскій, съ войсками своими Польскими не преставалъ нападать на города и селенія Малоросійскія и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Остряницѣ великаго искуства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянныя и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ, собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю. И первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Приднѣпровскіе города, на обоихъ берегахъ сея рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій Козацкихъ, по причинѣ наведеныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совер-

шемной безпечности, и потому они вездѣ были разбиты, а упорно защищавшіеся истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались Казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные найлучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Лянцкоронскаго, который, съ главнымъ войскомъ Польскимъ, собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Остряница тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападенія и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ Козаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ, Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а Козаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнныя ими на позорищѣ въ городахъ отрубленныя головы ихъ собратій, злобились на Лянцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное. Наконецъ, здѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ, и произведши дымъ, почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, а вломясь въ нихъ, ударили на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крикъ и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія, уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстное и самое губительное. Они оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, черетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ, Лянцкоронскій, съ лучшею, но немногою, конницею заблаговременно бросился въ рѣку и, переправившись чрезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался Козакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Козаки, по сей славной побѣдѣ, воздѣвали руки къ небесамъ и благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребали тѣла убіенныхъ, и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4,727 человѣкъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстьми, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ и, настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ, ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагось въ замкѣ. Онъ, не допустивъ Козаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ ихъ на встрѣчу церковную процессію со крестами, хоругвами и Духовенствомъ Рускимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Остряницу и его войско, чтобы они преклонились на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщанію и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обѣихъ Гетмановъ чиновники и, написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ

артикуловъ и всѣхъ правъ и привиллегій Козацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

Гетманъ Остряница, разославъ свои войска, иныя по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, съ Генеральною Старшиною и многими Полковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ, для принесенія благодарственныхъ Богу моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, сдержали трактатъ свой, въ Полонномъ заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у Козаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ; а Духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отметало, яко Схизматическія и суду Божію не подлежащія. По симъ страннымъ правиламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпіоновъ своихъ, Жидовъ, о поѣздѣ Гетмана Остряницы съ штатомъ своимъ, безъ нарочитой стражи, въ Каневъ, тутъ въ монастырѣ его окружили многолюдною толпою войскъ своихъ, пришедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневскаго, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они, перевязавъ весь штатъ Гетманскій и самаго Гетмана, всего тридцать семъ человѣкъ, положили ихъ на простыя телѣги, а монастырь и церковь тамошнія, разграбивъ до послѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ, и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближась къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо, по два вмѣстѣ связанныхъ, и каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую они ведены конницею по городу съ тріумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что Схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземельныя тюрмы и въ оковы. Жены многихъ, захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтныхъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей за отцовъ своихъ. Но они симъ только пищу кровожаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь ничего имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повлечены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ. Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и варварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому и самому свирѣпому Японцу не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устрашило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывала процессія Римская со множествомъ Ксензовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малоросіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами, съ ихъ орудіями. Гетманъ Остряница, Обозный Генеральный Сурмило, и Полковники: Недрыгайло [126], Боюнъ [127] и Рындичъ были колесованы, и имъ, переломавши поминутно руки и ноги, тянули изъ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники: Гайдаревскій [128], Бутримъ, Западій [129], и Обозные: Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы полковые: Постыличъ, Гарунъ, Сутига [130], Подобай, Харкевичъ, Чудакъ и Чурай, и Сотники: Чупрына, Околовичъ [131], Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ, прибиты гвоздями къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленнымъ огнемъ. Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребыло, Ахтырка, Потурай, Бурлій и Загныбѣда, растерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу. Старшины: Ментяй [132], Дунаевскій, Скубрій, Глянскій, Завезунъ, Косырь, Гуртовый, Тумаръ и Тугай, четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ; но скоро замолкли. Женамъ симъ, по невѣроятному тогдашнему звѣрству, обрѣзавши груди, перерубили ихъ до одной, а сосцами ихъ били мужей, въ живыхъ еще бывшихъ, по лицамъ ихъ; оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду ихъ отцовъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголья и раздували шапками и метелками.

Главные члены человѣческіе, отрубленные у замученныхъ чиновниковъ Малоросійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги, развезены по всей Малоросіи и развѣшаны на сваяхъ по городамъ. Разъѣзжавшія притомъ войска Польскія, наполнившія всю Малоросію, дѣлали все то надъ Малоросіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они, между прочимъ, нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малоросіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцовъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Рускія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, а утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на исподницы Жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники и исподницы, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. Такимъ образомъ Малоросія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ

ней подобилось тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ присяжныхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться.

Войска Малоросійскія, разогнанныя изъ ихъ жилищъ и квартиръ, были въ послѣднемъ разстройствѣ и изнеможеніи. Однако жь еще разъ собрались они порозницею при рѣкѣ Мерлѣ, и тамъ, вмѣстѣ съ Запорожцами, въ 1639 году, выбрали Гетмана изъ Есауловъ Полковыхъ, Карпа *Полтора-Кожуха*, который всемѣрно старался умножить свои войска и возстановить съ ними свободу Малоросійскую, но ни какъ не успѣлъ. Ибо Поляки всѣ пути пресѣкли къ сообщенію съ ними войскъ Заднѣпровскихъ и Задесенскихъ, кои подчинили Гетманамъ Коронному и Литовскому, а въ Малоросію наслали для управленія жителями своихъ Воеводъ, Кастеляновъ, Коммиссаровъ и Старостъ, изъ природныхъ Польскихъ фамилій, которые для народа были совершенно волки хищные, а не пастыри, и народъ испилъ отъ нихъ прегорькую чашу лютости и мщенія. Покушались Поляки и на Полтора-Кожуха, чтобы его съ войскомъ, при немъ бывшимъ, истребить; но онъ, держась пограничнаго края близъ степовъ Крымскихъ и Запорожскихъ, всегда наѣзды ихъ отражалъ удачно, и многихъ чиновниковъ ихъ воинскихъ, переловивъ въ наѣздахъ, даровалъ Татарамъ въ Крымъ, а въ замѣну отъ нихъ получалъ барановъ и рогатый скотъ для прокормленія своего войска. А между тѣмъ, по приглашенію Крымскаго Хана, ходилъ Полтора-Кожуха съ войсками своими и Татарскими на отраженіе многочисленныхъ Калмыцкихъ ордъ, вышедшихъ отъ границъ Китайскихъ и нападавшихъ на предѣлы Татарскіе, и, побѣдивъ на многихъ схваткахъ Калмыковъ, прогналъ ихъ за Волгу и оказалъ тѣмъ знатную услугу Хану и его Татарамъ. Поживъ Полтора-Кожуха въ семъ промыслѣ три года, померъ въ таборѣ войсковомъ на степяхъ, а погребенъ въ пустомъ Славянскомъ городѣ, Каменномъ Затонѣ, и гробомъ ему служила порожняя горѣлочная бочка.

На мѣсто Гетмана Полтора-Кожуха, въ 1642 году выбранъ Козаками въ Гетманы Обозный Полковой Максимъ *Гулакъ*; но и сей одинакую съ Полтора-Кожухомъ имѣлъ участь, и покушенія его на умноженіе войскъ и освобожденіе Малоросіи отъ ига Польскаго были тщетны. Когда онъ вышелъ было съ войсками къ рѣкѣ Тясмину для поиску надъ Поляками, то множествомъ ихъ, подъ командою Чернецкаго, Старосты Чигиринскаго, былъ разбитъ и разсѣянъ, и обозъ съ запасами и артиллеріею потерянъ. И такъ пребывалъ онъ въ тѣхъ же пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ и Полтора-Кожуха, держался и мѣлъ при себѣ реестроваго войска только 7-мь тысячь человѣкъ, и съ тѣми ходилъ къ сосѣднимъ народамъ на толоку, то есть, помогалъ между

ними слабѣйшимъ. И когда Крымцы его зазывали, то воевалъ онъ на ихъ коштѣ, на Черкесовъ, на Волжинскихъ Хановъ и на Калмыковъ, и много тѣмъ одолжилъ Крымцовъ ко взаимности. А когда званъ отъ Царей Московскихъ, то воевалъ онъ съ ними на Заволжинцовъ и Донцовъ; и наконецъ запрошенъ былъ онъ Султаномъ Турецкимъ противу Персовъ, имѣвшихъ тогда съ Турецкимъ Султаномъ войну, и ходилъ на коштѣ Турецкомъ съ войскомъ своимъ за Кубанъ въ Анадолію, гдѣ, соединясь съ Пашою Турецкимъ, Джезаромъ, проходилъ съ нимъ и войсками Турецкими до Персидскаго города, Эривана, побѣждая Персидскіе корпусы, съ ними встрѣчавшіеся, и на нихъ нападая всегда удачно. А при Эриванѣ полученъ Султанскій фирманъ съ объявленіемъ мира, и Гетманъ Гулакъ возвратился съ сего похода счастливо и обдаренъ Султаномъ весьма знатно; между прочимъ жаловалъ Султанъ Гетману и войску свои Императорскіе клейноды, бунчукъ и перначъ, осыпанные каменьями и жемчугами. Гетманъ, поживъ въ семъ достоинствѣ пять лѣтъ, скончался; а по его кончинѣ войска, при немъ бывшія и умалившіяся нарочито отъ походовъ и долгаго некомплектованія новыми, соединились съ Запорожскими Козаками и разошлись по ихъ зимовникамъ, имѣвъ, однако, своихъ начальниковъ и курени.

Правительство Польское, издавна запрещавшее и возбранявшее выборы Гетмановъ Малоросійскихъ, умыслило, наконецъ, держать въ войскѣ Малоросійскомъ Наказныхъ Гетмановъ изъ старшихъ ихъ Генеральныхъ и Полковниковъ, каковъ покажется преданнѣйшимъ на сторону Польскую, дабы удержать тѣмъ войска сіи отъ запрещенныхъ имъ выборовъ. И по сему плану, въ 1646 году опредѣленъ и объявленъ въ Чигиринѣ Наказнымъ Гетманомъ Есаулъ Генеральный и Полковникъ Чигиринскій, Иванъ *Барабашъ*, а при немъ въ сочленахъ оставленъ прежде выпущенный отъ Кабинета Королевскаго и пожалованый отъ Короля Жикгмунда Третьяго Писаремъ Генеральнымъ, Зиновій Богданъ Хмельницкій, который задолго передъ тѣмъ женился на дочери Дозорцы Чаплинскаго, Аннѣ, нѣкогда освободившей его изъ-подъ ареста. Онъ имѣлъ отъ нея сыновей, Тимоѳея и Юрія, Хмельницкихъ. Сей мужъ, будучи великаго разума и искуства, въ 1647 году уговорилъ и понудилъ Наказнаго Гетмана, Барабаша, внесть представленіе къ Королю отъ лица всея Малоросіи, въ которой онъ есть теперь верховнымъ начальникомъ, слѣдовательно и опекуномъ народнымъ, о чинимыхъ народу сему отъ Польскихъ войскъ и начальниковъ несносныхъ гоненіяхъ, насильствахъ и крайнемъ его порабощеніи и разореніи. Королемъ тогда былъ *Владиславъ Четвертый*, извѣстный Рускій патріотъ, ходатайствовавшій нѣкогда за войска Рускія у Короля отца своего, вмѣстѣ съ Густавомъ, Королемъ Шведскимъ. Представленія Барабаша принялъ Владиславъ благосклонно, предлагалъ ихъ на разсужденіе и уваженіе Сенату и чинамъ Польскимъ, доказывая имъ въ сильныхъ выраженіяхъ, взятыхъ изъ бытія и примѣровъ разныхъ народовъ во

вселенной, „что всякое правленіе „насильственное и тиранское, како„во теперь наше въ Руси[133], никог„да не было прочно и долговремен„но, но, яко нѣчто вынужденное и „взаимными интересами и согла„сіемъ неукрѣпленное, всегда оно „разрушалось и съ трескомъ пада„ло. А что народъ Рускій съ горо„дами, селеніями и землями своими „соединялся съ Польшею добро„вольно на одинакія и равныя съ нею „права и преимущества, сего опро„вергнуть мы ни чѣмъ не можемъ, „яко утвержденнаго торжественны„ми договорами и пактами, въ при„виллегіяхъ и архивахъ хранящи„мисъ. Ежели же на опроверженіе „того поставлять причиною возму„щенія народныя, то справедли„вость требуетъ противоставить „имъ и гоненія ихъ, нарушающія „права и свободы народныя.“ Магнаты и чины Королевства, большею частію преклонны бывши на сторону Примаса Королевскаго, яко особы первенствующей духовной, на вся разрѣшающей, держались его совѣтовъ и мнѣній, и обезсиливъ съ нимъ издавна власть Королевскую, и сдѣлавъ ее одною проформою, расхитили и подѣлили между собою премногія имѣнія національныя, Польскія и Рускія, и потому на перемѣны, стяжанію и самолюбію ихъ противныя, весьма не согласовали. И Король, по многихъ словопреніяхъ и уговорахъ, видячи, что онъ ни въ чемъ не успѣваетъ, нашелся принужденнымъ выговорить посламъ Малоросійскимъ и написать къ Наказному Гетману ихъ и войску, между прочимъ, сіи достопамятныя слова: „Поневажъ вы „воины есте и имаете у себе мушкеты и сабли, то что вамъ воз„браняетъ стать за себя и за свою „свободу? Ибо видно жребій вашъ „таковъ, чтобы имѣть все отъ „меча, и даже самую свободу; а „я помогать вамъ не въ силахъ, обу„реваемъ будучи партизанствомъ „и ихъ факціями.“

Наказный Гетманъ, Барабашъ, получа рескриптъ Королевскій, объявилъ его только одному Писарю Генеральному Хмельницкому; но и то по необходимости, яко Канцлеру націи, а отъ прочихъ чиновъ вовсе его утаилъ, держась стороны Поляковъ, отъ которыхъ онъ былъ знатно обдаренъ и имѣлъ съ ними нарочитую дружбу. Хмельницкій многократно уговаривалъ Барабаша объявить Королевское изволеніе чинамъ, народу и войску, дабы ихъ ободрить благоволеніемъ къ нимъ толь справедливаго и милостиваго Монарха, и дать знать изъподъ руки Полякамъ, чтобы они вѣдали мысли Королевскія, пособствующія невинности народной, своеволіемъ насилуемой, и страшились бы обороны, позволяемой самимъ Монархомъ. Но Барабашъ, упоенный дарами Польскими и усыпленный ихъ льщеніями, ни на что оное не уважалъ, и принудилъ Хмельницкаго исполнить самому тотъ долгъ начальства, который онъ Барабашъ учинить былъ обязанъ. Хмельницкому оставалось употребить великое искуство, чтобы достать у Барабаша Королевскій рескриптъ, со тщаніемъ имъ хранимый, и огласить его чинамъ и войску. Благопріятный случай скоро ему въ томъ способствовалъ. Для новорожденнаго младенца въ фамиліи Хмельницкаго надобно было имѣть при крещеніи воспріемника; къ сему упрошенъ

Хмельницкимъ Барабашъ, и онъ со всею свитою своею отправился изъ Чигирина въ жилой домъ Хмельницкаго, въ мѣстечко Субботовъ; а тамо, по совершеніи надъ младенцомъ таинства крещенія, начались обыкновенныя въ такихъ случаяхъ пиршества, на которыхъ употчиванъ Барабашъ и штатъ его съ умышленнымъ стараніемъ. Хмельницкій, снявши у соннаго Барабаша съ руки перстень и забравши перначь и шапку съ кокардою, достоинство Барабашево означающія, отправился съ ними ночью въ Чигиринъ и, явясь у жены Барабашевой, показалъ ей знаки мужніе, требуя у нея выдачи нужныхъ писемъ изъ кабинета Барабашева, яко бы имъ, Барабашемъ, для самонужнѣйшихъ надобностей и скоропостижно испрашиваемыхъ. Жена Барабашева, видя знаки мужніе и зная должность Писаря Генеральнаго, до котораго дѣла письменныя особливо принадлежатъ, отворила Хмельницкому кабинетъ мужній, и онъ нашелъ въ немъ извѣстный рескриптъ Королевскій и другіе важные акты, до народа Рускаго и правъ его относящіеся, забралъ ихъ и отправился изъ Чигирина прямо въ Запорожскую Сѣчь, и прибылъ туда 7-го Августа, 1647 года.

Въ Сѣчи Запорожской Хмельницкій нашелъ готовыхъ и способныхъ подъ ружье Козаковъ только съ небольшимъ триста человѣкъ, а прочіе разсѣяны были по ихъ промысламъ и ловитвамъ рыбнымъ и звѣринымъ. Къ нимъ призвалъ и собралъ Хмельницкій реестровыхъ Козаковъ, оставшихся отъ командованія Гетмана Гулака и въ зимовникахъ Запорожскихъ проживавшихъ, три тысячи сто пятнадцать человѣкъ, коимъ объявя изволеніе Королевское, позволяющее на оборону отечества, соглашалъ ихъ поднять оружіе противъ Поляковъ, общихъ своихъ супостатовъ. Козаки сіи, не дождавшись почти окончанія рѣчи Хмельницкаго, единогласно возгласили готовность свою на всѣ его предпріятія въ пользу отечества, и тогда же прикрыли Хмельницкаго шапками своими, въ знакъ выбора его въ Гетманы; но онъ, отклонивъ выборъ до общаго войсковаго и всѣхъ чиновъ согласія, вызвался предводительствовать ими въ прежнемъ своемъ чинѣ, и скоро за симъ предпріялъ завладѣть городомъ Кадакомъ, наполненнымъ Польскими войсками, чтобы симъ возстановить по прежнему сообщенія Малоросіи съ предѣлами Запорожскими. Атаку надъ Кадакомъ произвелъ Хмельницкій скоропостижно, и штурмъ, учиненный имъ нечаяннымъ образомъ, споспѣшествовалъ его намѣреніямъ весьма удачно. Спѣшившіеся Козаки, одною ихъ половиною дѣлали приступъ фальшивый со стороны степной, и производя пальбу и крикъ, лежачи на землѣ, обратили на себя все вниманіе и оборонительныя мѣры войска Польскаго; а другая половина пѣшихъ Козаковъ подползла берегомъ Днѣпровскимъ подъ самую крѣпость и водяными воротами вошла въ нее съ малымъ сопротивленіемъ; а внутри крѣпости ударили Козаки въ тылъ Польскихъ войскъ со всею опрометчивостью и произвели въ нихъ страшное убійство. Поляки тогда уже увѣрились о впаденіи непріятеля въ крѣпость, ког-

да имъ побѣждены были. Дѣйствовавшіе отъ степу Козаки, свѣдавъ, что товарищи ихъ сражаются внутри крѣпости, перемѣнили притворную атаку свою на дѣйствительную и вломились въ крѣпость при слабомъ сопротивленіи, и тѣмъ докончали пораженіе войскъ Польскихъ на голову, такъ что не остался изъ нихъ ни одинъ, которой бы возвѣстилъ роду своему о ихъ истребленіи. Оставшаяся въ городѣ воинская аммуниція, со многими всѣхъ родовъ запасами, досталась въ добычу побѣдителямъ, и знатно помогла вооружить армію Козацкую.

По овладѣніи городомъ Кадакомъ, Хмельницкій назначилъ его сборнымъ мѣстомъ для войска Малоросійскаго, и послалъ въ околичные города и селенія окружные листы, съ извѣщеніемъ о предпріятіи его на оборону отечества и съ прописаніемъ послѣдовавшаго на то письменнаго соизволенія Королевскаго, и чтобы войска Малоросійскія, отложась отъ Наказнаго Гетмана, Барабаша, дознаннаго зрадцы и предателя отечественнаго, контрактующаго тайно и явно съ Поляками на пагубу народную, собирались къ нему, въ Кадакъ, для дальнѣйшихъ совѣтованій и предпріятій. Скоро за симъ оповѣщеньемъ прибыли въ Кадакъ три тысячи человѣкъ реестровыхъ Козаковъ: Полтавскій, Миргородскій и Гадяцкій, и части другихъ полковъ, удалившихся отъ Барабаша въ ту пору, когда онъ вновь приводилъ къ присягѣ войска своего командованія на вѣрность службы ихъ, при поискахъ надъ Хмельницкимъ и его сообщниками. Барабашъ, скоро свѣдавъ о предпріятіи и успѣхахъ Хмельницкаго, тотчасъ далъ знать о томъ Коронному Гетману, Павлу Потоцкому, а онъ также, въ самой скорости, послалъ на помощь къ Барабашу сына своего, Стефана, съ девятью тысячами Польскихъ войскъ, кои, соединясь съ Барабашемъ въ городѣ Черкасахъ, учинили тутъ распоряженія къ нападенію на Хмельницкаго. Барабашъ, бывъ тогда объявленъ отъ Короля Гетманомъ Малоросійскимъ, имѣлъ при себѣ пять тысячь реестровыхъ Козаковъ, присягнувшихъ ему въ вѣрности, кои сѣли съ нимъ на струги и лодки и отправились Днѣпромъ внизъ, съ тѣмъ, чтобы осадить Хмельницкаго въ Кадакѣ и съ рѣки, сдѣлать въ городъ высадку; а Гетману Потоцкому, съ тринадцатью тысячами реестровыхъ и Польскихъ войскъ, осадить Кадакъ отъ степу и пресѣчь Хмельницкому и войску его всякую ретираду.

Хмельницкій, знавши о намѣреніи Барабаша и распоряженіяхъ его съ Потоцкимъ, сдѣлалъ и свои распоряженія къ оборонѣ. Онъ для флотиліи Барабашевой построилъ на одной косѣ Днѣпровской, вышедшей далеко въ рѣку, сильную батарею и, снабдя ее тяжелою артиллеріею и пѣхотою съ длинными копьями, прикрылъ все то насаженнымъ вокругъ батареи тростникомъ и кустарникомъ. А въ Кадакѣ оставилъ небольшое число пѣхоты, приказавъ ей всегда показываться на валахъ и батареяхъ городскихъ, и, расхаживая съ мѣста на мѣсто, увеличивать число свое; самъ же со всѣмъ коннымъ и пѣшимъ войскомъ скрылся въ байракахъ за нѣсколько верстъ передъ Кадакомъ. Войска Польскія шли степомъ, вровень съ плавучею по Днѣпру флотиліею

Барабашевою; и какъ только сближилась и насунулась флотилія сія на батарею, то произведенъ съ ней сильный залпъ изъ пушекъ, весьма удачно наведенныхъ по судамъ, съ которыхъ многія были разбиты и повреждены, а остальныя, отяжелемы бывши навалившимися въ нихъ изъ разбитыхъ судовъ людьми, начали приставать въ безпорядкѣ къ берегамъ. Хмельницкій по первому изъ пушекъ выстрѣлу вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ изъ байраковъ и ударилъ во фланги и тылъ войскъ Польскихъ, неожидавшихъ таковаго нападенія. Сраженіе было тяжкое и убійственное. Хмельницкій, врѣзавшись съ своими войсками въ середину Польскихъ, смѣшалъ ихъ и отнялъ всю артиллерію непріятельскую, а затѣмъ, поражая непріятеля своими выстрѣлами и копьями, противъ которыхъ всегда Поляки трепещутъ и стоять не могутъ, загналъ ихъ между города и Днѣпра въ узкое мѣсто и тамо простыхъ драгуновъ и жолнеровъ Польскихъ истребилъ до послѣдняго, а чиновниковъ ихъ и всѣхъ реестровыхъ Козаковъ принудилъ положить оружіе и отдаться въ плѣнъ; и сихъ чиновниковъ осталось сорокъ три человѣка, а въ томъ числѣ и Гетманъ Потоцкій.

По истребленіи Хмельницкимъ Польскихъ войскъ, бросился онъ къ реестровымъ Козакамъ, приплывшимъ съ Барабашемъ на флотиліи; онъ засталъ ихъ на берегу Днѣпра, устроенныхъ къ оборонѣ. Хмельницкій, не дѣлая на нихъ нападенія, велѣлъ выставить противу нихъ бѣлое крещатое знамя съ провозглашеніемъ: „Миръ Христіанству." Потомъ пригласилъ къ себѣ подъ знамя всѣхъ чиновниковъ и многихъ Козаковъ, отложившихъ отъ себя оружіе, и такъ говорилъ имъ: „Помыслите, братіе и други, помыслите и разсудите, противу кого вы вооружились и за кого хотите брань съ нами имѣть, и кровь свою и нашу втуне проливать? Я и окружающее меня товариство есть единокровная и единовѣрная ваша братія; интересы и пользы наши одни суть съ пользами и нуждами вашими. Мы подняли оружіе не для корысти какой или пустаго тщеславія, а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей, и жизни чадъ нашихъ, а равно и вашихъ! Всѣ народы, живущіе во вселенной, всегда защищали, и будутъ защищать вѣчно, бытіе свое, свободу и собственность, и самыя даже пресмыкающіяся по землѣ животныя, каковы суть звѣри, скоты и птицы, защищаютъ становища свои, гнѣзда свои и дѣтища свои до изнеможенія; и природа, по намѣренію Творца всѣхъ и Господа, снабдила разными къ тому орудіями въ самыхъ членахъ ихъ. Почто же намъ, братіе, быть нечувствительными и влачить тяжкія оковы рабства въ дремотѣ и постыдномъ невольничествѣ, въ собственной еще землѣ своей? Поляки, васъ вооружившіе на насъ, суть общіе и непримиримые враги наши; они уже все отняли у насъ: честь, права, собственность и самую свободу разговора [184] и вѣроисповѣданія нашего; остается при насъ одна жизнь, но и та ненадежна и несносна самимъ намъ; да и что за жизнь такая, когда она преисполнена горестей, страховъ и всегдашняго отчаянія? Предки наши, извѣст-

„ние всему свѣту, Славяне или Савроматы и Русы, соединясь съ Литовцами и Поляками добровольно и ради обоюдной защиты отъ иноплеменниковъ, пришли къ нимъ съ собственною своею природною землею, съ своими городами и селеніями и своими даже законами и со всѣмъ, въ жизни нужнымъ. Поляки ничего имъ и намъ не давали ни на одинъ пенязь, а заслуги наши и предковъ нашихъ, оказанныя Полякамъ въ оборонѣ и расширеніи Королевства ихъ, извѣстны суть всей Европѣ и Азіи; да и сами Поляки хрониками своими очевидно тое доказываютъ. Но пролитая за нихъ кровь наша и избіенныя на ратныхъ поляхъ тысячи и тьмы воевъ нашихъ награждаются отъ Поляковъ однимъ презорствомъ, насиліемъ и всѣхъ родовъ тиранствами. И когда вы, о братья наши и други, когда не видите униженія своего отъ Поляковъ и не слышите презрѣнныхъ титуловъ, наданнымъ вамъ отъ нихъ, то есть, титуловъ хлопа и Схизматика, то вспомните, по крайней мѣрѣ, недавнія жертвы предковъ вашихъ и братіи вашей, преданныхъ коварствомъ и измѣною и замученныхъ Поляками самымъ неслыханнымъ варварствомъ. Вспомните, говорю, сожженныхъ живыми въ мѣдномъ быкѣ Гетмана Наливайка, Полковника Лободу, и другихъ; вспомните ободранныя и отрубленныя головы Гетману Павлюгѣ, Обозному Гремичу и инымъ; вспомните наконецъ Гетмана Остряницу, Обознаго Сурмила, Полковниковъ: Недригайла, Боюна и Рындича, коихъ колесовали и живымъ жилы тягли, а премногихъ съ ними чиновниковъ вашихъ, живыхъ же на спицы воткнули и другими лютѣйшими муками жизни лишили. Не забывайте, братія, и о тѣхъ неповинныхъ младенцахъ вашихъ, коихъ Поляки на рѣшеткахъ жарили и въ котлахъ варили. Всѣ оные страстотерпцы замучены за отечество свое, за свободу и за вѣру отцовъ своихъ, презираемую и ругаемую Поляками въ глазахъ вашихъ. И сія мученики, неповинно пострадавшіе, вопіютъ къ вамъ изъ гробовъ своихъ, требуя за кровь ихъ отмщенія и вызываютъ васъ на оборону самихъ себя и отечества своего.“

Едва кончилъ Хмельницкій рѣчь свою, возстало въ войскѣ волненіе и поднялся шумъ, яко духъ бурный; всѣ начали бросать оружіе и кричать: „Готовы умереть за отечество и вѣру православную! Повелѣвай нами, Хмельницкій, повелѣвай и веди насъ, куда честь и польза наша требуютъ. Отмстимъ за страдальцевъ нашихъ и за поруганіе вѣры нашей, или умремъ со славою. Да не увидимъ болѣе поношеній нашихъ, не услышимъ стону потомства нашего! Одно насъ теперь смущаетъ только, что мы клялись предъ Богомъ и учинили присягу на евангеліи о вѣрномъ послушаніи Барабашу, сему врагу отечества и предателю нашему! „Вынужденныя клятвы неважны, отвѣчалъ Хмельницкій, „и Богъ всевидѣцъ обратитъ ихъ на главу того, кто ихъ вынудилъ и призывалъ имя Его всуе. Законы Божественные, естественные и гражданскіе всегда такія клятвы уничтожаютъ; и вы отъ нихъ свободны; а больше всѣхъ клятвъ обязаны вы своему отечеству, самою природою, и вѣрѣ святой, симво-

„номъ онъ, вами исповѣдуемымъ. О
„семъ поборайте и за нихъ стойте;
„а болѣе сихъ жертвъ ничего отъ
„васъ не требуется.“

Козаки, убѣжденные рѣчами Хмельницкаго, устремились искать Барабаша, чтобы предать его на судъ войска, и нашли его, спрятавшагося въ одномъ суднѣ; но какъ выведенъ былъ изъ судна на берегъ, то, вырвавшись изъ рукъ Козацкихъ, бросился онъ стремглавъ въ рѣку и утопился; а Козаки тогда возгласили: „И погибе нечестивый! Да погибнетъ же и память его съ шумомъ!“

Хмельницкій, соединивъ Барабашевы войска съ своими, провозглашенъ и утвержденъ отъ нихъ Гетманомъ Малоросійскимъ, Октября 15-го дня, 1647 года, и первымъ попеченіемъ его было возстановить и устроить полки реестровые на прежнемъ основаніи по планамъ Гетмана Ружинскаго, и разставить ихъ на кантониръ-квартиры въ Черкасахъ, Чигиринѣ и Уманѣ съ ихъ округами, отколь Поляки и Жиды заблаговременно убрались къ границамъ Польскимъ, а въ полки Малоросійскіе ежедневно приходили новыя войска изъ Малоросіи, и тутъ они формировались и вооружались. А между тѣмъ Гетманъ Хмельницкій отправилъ плѣнныхъ чиновниковъ Польскихъ и самаго ихъ Гетмана Потоцкаго въ Крымъ къ Хану, Исламъ-Гирею, даруя ихъ Хану для полученія надежнаго и прибыточнаго за нихъ выкупа. Просилъ онъ притомъ Хана о заключеніи съ нимъ союза противъ Поляковъ, напоминая о прежнихъ союзахъ и услугахъ Гетмановъ, Гулака и Полтора-Кожуха, съ войсками Малоросійскими, Крыму оказанныхъ, и объясняя, между прочимъ, что ни мало Поляковъ и войскъ ихъ не страшится, а только опасны ему одни ихъ подкупы и коварства, которыми они многихъ Гетмановъ и чиновниковъ Малоросійскихъ предательски къ себѣ захватили и перемучили, и теперь такимъ же оружіемъ грозятъ поступить, огласивъ въ народѣ знатную сумму червонцевъ за его предательство и измѣну, каковы въ партизанствахъ и факціяхъ суть обыкновенны.

Ханъ Исламъ-Гирей, поблагодаря Хмельницкаго за такой хорошій подарокъ, отказался, однако жъ, отъ союза его съ нимъ и съ Малоросіею, поставляя непреоборимыми тому причинами мирное положеніе Султана, Его Императора, съ Польшею, и ссору Султанскую съ сильными сосѣдними державами Европейскими и Азіятскими, въ которыя и Татарскія войска непремѣнно будутъ употреблены. А совѣтовалъ онъ Хмельницкому принять къ себѣ за гвардію друга его Мурзу, Тугай-Бея, съ его ордою, состоящею изъ четырехъ тысячь; но и то подъ видомъ найму, на что сей Мурза имѣетъ исключительное право или особую привиллегію, а онъ за поведеніе и вѣрность Мурзы и за войска его ручается и отвѣчаетъ, обѣщевая во всемъ прочемъ быть несомнѣннымъ Хмельницкому пріятелемъ и покровителемъ, яко испытавшій многократно непостоянство Поляковъ и знающій совершенно коварный ихъ характеръ, за что поклялся онъ себѣ быть вѣчнымъ имъ непріятелемъ. Хмельницкій, бывши хорошій политикъ въ дѣлахъ ми-

нистерскихъ, сего только и желалъ, чтобы свѣдать мысли Ханскія въ разсужденія Поляковъ, а коресподенція его съ нимъ для того начата, дабы предварительно преклонить Хана на свою сторону, предупреждая Поляковъ, о которыхъ онъ зналъ, что не преминутъ подарками своими и посулами склонять Хана на свою сторону, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, сдѣлалъ войсками своими диверсію въ Малоросію. И такъ, согласясь Хмельницкій на Ханскія предложенія, послалъ въ Крымъ сына своего, Тимоѳея, для договора съ Тугай Беемъ и пребыванія его, съ тайными наставленіями, при дворѣ Ханскомъ, въ характерѣ министра.

Гетманъ Хмельницкій, ратоборствуя во всю зиму на Поляковъ, послалъ на нихъ отряды войскъ своихъ во всѣ селенія Малоросійскія, позади своихъ позицій состоящія, и очистилъ отъ нихъ и отъ Жидовства ту часть Малоросіи по самый Кіевъ и Каневъ. Бывшія изъ нихъ на стражахъ начальства и мытничества избиты до послѣдняго; а имущество ихъ и вооруженіе забраты на войско. Знатнѣйшее же шляхетство Польское, то есть, ихъ вельможи, какъ то: Князь Вишневецкій, Яблонскій [135], воевода Кисиль [136], и многіе другіе, жившіе въ Малоросійскихъ городахъ и мѣстечкахъ, прежде бывшихъ ранговыхъ Гетманскихъ и урядничьихъ, а послѣ захваченныхъ ими своевольно и присвоенныхъ себѣ въ вѣчность, по надачѣ, яко бы, Сената и Рѣчи Посполитой, которыми они совершенно владѣли, именно, въ Лубнахъ, Золотоношѣ, Трахтемировѣ и иныхъ, выправлены съ честію изъ городовъ оныхъ, во уваженіе, что изъ нихъ иные были Руской породы, обратившіеся въ первыя гоненія въ Католичество и Полячство; а другіе, бывши въ чинахъ и должностяхъ Малоросійскихъ, управляли народомъ и должностями съ благоразуміемъ и кротостію. И таковымъ всѣмъ никакого озлобленія не сдѣлано, а только за провладѣніе неправильнымъ образомъ Малоросійскими имѣніями взыскана съ нихъ контрибуція деньгами, лошадьми, военными снарядами и хлѣбомъ; и то все употреблено на войско. Равно и Жиды, признанные народомъ въ хорошемъ поведеніи и невредными, а полезными въ общежительствѣ, искупились цѣною серебра и вещьми, для войска надобными, и отпущены за границу безъ озлобленія.

Въ началѣ 1648 года имѣлъ Хмельницкій готоваго при себѣ войска, хорошо вооруженнаго, сорокъ три тысячи семь сотъ двадцать человѣкъ, и въ томъ числѣ реестровыхъ Козаковъ 35 тысячь, охочекомонныхъ или волонтеровъ 4,900, да Запорожскихъ Козаковъ 3,820 человѣкъ. Съ перваго Апрѣля того года, свѣдавши онъ, что Коронный Гетманъ, Павелъ Потоцкій, со многочисленною Польскою арміею, собравшись при Каменцѣ Подольскомъ, идетъ внизъ по рѣкѣ Днѣпру къ Уманщинѣ, выступилъ противъ него съ двадцатью пятью тысячами войска, оставивъ прочее въ крѣпкомъ положеніи при рѣкѣ Бугѣ резервнымъ корпусомъ. И идучи внизъ по рѣкѣ Егарлику, выслалъ противъ арміи Польской нѣсколько партій легкихъ войскъ, и повелѣлъ

имъ, нападая на авангардъ Польскій, удаляться отъ него скоропоспѣшно, показывая видъ, что они противъ ихъ трусятъ, и всѣ войска Козацкія отъ того бѣгутъ къ границамъ Татарскимъ. А между тѣмъ поворотилъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ въ степъ къ Желтымъ Водамъ, гдѣ, укрѣпивъ на возвышенности обозъ свой окопами и тяжелою артиллеріею и оставивъ въ немъ нѣсколько пѣхоты съ подъемными лошадьми, построенными вмѣсто конницы, скрылся ночью всторону отъ обоза за очерета и балки тамошнія. Гетманъ Потоцкій съ войсками Польскими, гоня передъ собою партіи Хмельницкаго, насунулся на обозъ Козацкій, за который партіи сего скрылись, и возмечтавъ, что все отъ него бѣжитъ и кроется, безъ должнаго размышленія и пріуготовленія, не укрѣпивъ даже обоза своего, повелъ заразъ атаку на станъ Козацкій. Произведенная съ обѣихъ сторонъ пальба изъ пушекъ и ружьевъ причинила обыкновенный громъ и трескъ, а поднявшійся отъ того дымъ помрачилъ горизонтъ и покрылъ сражающихся. Хмельницкій въ ту самую пору со всѣмъ войскомъ вышелъ изъ закрытья и, прошедъ обозами Польскими до самаго тылу ихъ войскъ, ударилъ на нихъ во всей опрометчивости, и сдѣлавъ первый, весьма удачный, выстрѣлъ изъ пушекъ и ружьевъ, напустилъ потомъ копьями. Поляки, только что узнавъ о нападеніи непріятеля, начали на него оборачиваться, но уже имъ побѣждены и смѣшаны были. Убійство произведено жестокое и повсемѣстное. Поляки, обстрѣлявшись на обозъ Козацкій, не успѣли собраться съ новыми зарядами, оборонялись однѣми саблями; но сабли противъ копьевъ есть оборона весьма слабая, и Козаки перекололи ими Поляковъ болѣе двѣнадцати тысячь, и въ томъ числѣ убиты Сенаторскія дѣти: Шембекъ и Сапѣга, и многіе Полковники и другіе знатные люди. Окончилось тѣмъ, что они разбѣжались въ великомъ безпорядкѣ и куда кто видѣлъ, оставивъ обозъ свой со всѣми снарядами и запасами въ добычу Козакамъ. На погонѣ схвачено въ плѣнъ чиновниковъ Польскихъ сорокъ девять человѣкъ, въ томъ числѣ самъ Гетманъ Потоцкій. Сраженіе сіе произходило Апрѣля 8-го, въ день Субботный, и Хмельницкій, отправивъ на мѣстѣ благодарственныя Богу мольбы за такую знатную надъ непріятелемъ побѣду, похоронилъ мертвецовъ своихъ и Польскихъ, а живыхъ плѣнниковъ Польскихъ и Гетмана ихъ, Потоцкаго, отослалъ въ новый даръ къ Хану Крымскому, отъ коего получилъ благодарственный адресъ, съ увѣреніемъ о непремѣнной дружбѣ его къ Хмельницкому и ко всей націи Малоросійской, и съ обнадеживаніемъ о готовности своей на ихъ помощь, въ случаѣ нужды и коль скоро откроется къ тому возможность.

Гетманъ Хмельницкій, отправившись отъ Желтыхъ Водъ, поспѣшилъ съ войсками Козацкими къ городу Каменцу Подольскому, который почитался, наровнѣ съ Кадакомъ, непобѣдимою у Поляковъ крѣпостью, и былъ гнѣздомъ или сборнымъ мѣстомъ для войскъ Польскихъ, направляемыхъ на Малоросію. Резервному корпусу своему,

бывшему подъ командою Писаря Генеральнаго, Максима Кривоноса, велѣлъ слѣдовать съ правой стороны арміи надъ рѣкою Бугомъ. Приближась къ Каменцу, засталъ тамъ Хмельницкій новаго Гетмана, Калиновскаго, съ свѣжими Польскими войсками, расположеннаго станомъ подъ батареями крѣпости. Онъ расположилъ и укрѣпилъ станъ свой въ виду непріятельскаго и въ теченіи первыхъ дней производилъ объѣзды и осмотръ стана Польскаго и крѣпости, съ легкими съ обѣихъ сторонъ перестрѣлками; а 16-го числа Мая, на самой зарѣ, повелъ Хмельницкій атаку на станъ Польскій съ боку крѣпости, подъ которую еще съ полуночи подползла, съ нижней стороны, знатная часть его пѣхоты съ одними ружьями и копьями. И когда съ стороны Козацкой началась на станъ Польскій сильная пальба изъ пушекъ и ружьевъ и произведенъ нарочито великій крикъ отъ войска, то въ то самое время пѣхота Козацкая, выскакавшая завременно и отворившая себѣ проходы въ крѣпости за водою, ввалилась чрезъ нихъ во внутрь крѣпости. Гарнизонъ тамошній, не ожидавшій никогда съ этого мѣста нападенія, яко со стороны неприступной и самою натурою, то есть, каменною скалою укрѣпленной, оборотясь, къ тому мѣсту спиною, смотрѣлъ внимательно на происходившее внизу за крѣпостью сраженіе, а Козаки, напавъ на него нечаянно въ тылъ, повергли большую часть солдатъ гарнизонныхъ копьями на землю, а остальные изъ нихъ, хотя, оборотившись на непріятеля, и принялись за оборону, но уже было поздно и все разстроено, и они истреблены Козаками всѣ до единаго. И такъ, очистивъ Козаки крѣпость сію отъ гарнизона, обратили съ батарей ея пушки на станъ Польскій, и произвели въ немъ ядрами и картечами великое пораженіе. Поляки, ощутивъ гибель свою изъ той крѣпости, которую почитали своею защитою, пришли въ изумленіе и разстройство и начали въ крайнемъ безпорядкѣ бѣжать изъ стана; а Хмельницкій, примѣтивъ удачное дѣйствіе пѣхоты своей изъ крѣпости и побѣгъ Поляковъ изъ ихъ стана, наступилъ всѣми силами на оный и, занявъ его съ малымъ сопротивленіемъ, погнался конницею своею за бѣгущими Поляками, изъ коихъ спаслись не многіе бѣгствомъ, а прочіе были избиты, и станъ достался въ добычу побѣдителямъ, со множествомъ артиллеріи и всякихъ запасовъ. При погребеніи обосторонниxъ убитыхъ сочтено тѣлъ Польскихъ, въ крѣпости и внѣ оной, 12,713, а Козацкихъ только 377, и сіе великое неравенство приписывается удачному взятію крѣпости и стана, съ слабымъ сопротивленіемъ отъ Поляковъ, и ихъ оплощности.

Въ Каменцѣ Подольскомъ оставилъ Хмельницкій достаточный гарнизонъ Козацкій, а разкомандировавъ оттоль многіе корпусы и деташаменты во всю Малоросію, сопредѣльную съ рубежами Польскими и Литовскими, повелѣлъ начальникамъ тѣхъ командъ выгонять и истреблять Поляковъ и Жидовъ, гдѣ они ими найдены будутъ, а паче примѣчать за движеніемъ войскъ Польскихъ и Литовскихъ внутрь ихъ земель, и ихъ отражать при границахъ, а ему давать о томъ знать для вспомо-

ществованія. И сіи детаппрованные были: Обозный Генеральный, Носачь, и Полковникъ Дорошенко въ Галицію и Княжество Острожское; Писарь Генеральный, Кривоносъ, и Полковникъ Лукашъ Шаблюка, черезъ Кіевъ, къ городу Слуцку и рѣкѣ Случи, а Есаулъ Генеральный, Родакъ [137], и Полковники: Остапъ Нестелій [138] и Федоръ Богунъ къ рѣкѣ Припети и далѣе въ Литву, Хорунжій Генеральный Буйносъ и Полковники охочекомонные: Яковъ Гладкій и Кондратъ Худорбай [139], за Черниговъ, въ Полѣсье и Сѣверію; а самъ Хмельницкій, съ главнымъ войскомъ, проходя Малоросію срединою, остановился при городѣ Бѣлой Церкви и оттоль, 28 Мая, разослалъ въ Малоросію прокламацію свою или универсалъ слѣдующаго содержанія:

„Зиновій Богданъ Хмельницкій, „Гетманъ славнаго войска Реестроваго и Запорожскаго и всея по „обѣимъ сторонамъ Днѣпра сущей „Украины Малоросійской, вамъ „всѣмъ Малоросійскимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра Шляхетнымъ и Посполитымъ, большаго и меньшаго чина, людямъ, „а особливо шляхетно урожонымъ Козакамъ, щстой [140] братіи нашей, симъ универсаломъ „нашимъ ознаймуемъ, ижъ не „безъ причинъ нашихъ слушныхъ „мусилисьмо зачать войну и поднять оружіе наше на Поляковъ, черезъ которое що ся, при всесильной помощи Божеской, на Жолтой водѣ Апрѣля 8-го, а потомъ „подъ Каменцомъ, Маія 16-го, надъ „ними Поляками стало, то всѣмъ „Вамъ уже совершенно есть вѣдомо. Теперь же, по двоихъ оныхъ „надъ Поляками неровныхъ битвахъ нашихъ, скоро получили вѣдомо, же они тѣмъ несчастіемъ „своимъ разгнѣваны и разъярены „будучи, не только сами Панове и „Княжата около Вислы и за Вислою многія на насъ стягаютъ и „совокупляютъ войски, але и самаго найяснѣйшаго Короля своего, „Владислава, Пана нашего милостиваго и отца ласковаго, на насъ „подмовляютъ и возбуждаютъ, абы „со всѣми силами своими, пришедши въ Украину нашу Малоросійскую, латво насъ огнемъ и мечемъ завоевали, и мешканье наше сплюндровавши, разорили и „въ прахъ и пепелъ обернули, а самыхъ насъ выбили, другихъ же въ „немилосердую неволю забрали и „на иншія далечайшія за Вислу „мѣста выпроводили, славу нашу „не только въ части свѣта Европейскаго право славленую, но и „въ одлеглыхъ за моремъ Чернымъ „странахъ Азіатскихъ довольно „народамъ тамошнимъ вѣдомую, „испразднили и поглотили. Постановилисьмо въ намѣреніи нашемъ не противъ Короля, Пана „нашего милостиваго, а противъ „Поляковъ гордыхъ, за ни зацо „имаючихъ его Королевскія высоковажныя привилеи, намъ Козакамъ и всѣмъ обще Малоросіянамъ данныя, права и вольности „наши древнія, при насъ заховуючія и укрѣпляючія, мужественнымъ и небоязненнымъ, при помощи Божіей, станути сердцемъ „и оружіемъ. Для сего, притягнувши отъ Каменецка [141], и ставувши „обозомъ нашимъ войсковымъ тутъ „подъ Бѣлою Церковью, пишемъ „до васъ сей универсалъ, чрезъ „который зазываемъ и заохочуемъ „васъ всѣхъ Малоросіянъ, братію „нашу, къ намъ до компаніи воен-

„ней, а тое прикладуемъ и над-
„ствуемъ, какъ они Поляки, под-
„лугъ ихъ же кроникаровъ Поль-
„скихъ свидѣтельстви, отъ насъ, Са-
„вроматовъ и Русовъ уродившись
„и изшедши, и заедино съ почат-
„ку съ самовласною братiею на-
„шею, Савроматами и Русами, був-
„ши, а несытой славы и богат-
„ства душевреднаго себѣ ищучи,
„отъ сопребыванiя съ предками
„нашими древнихъ оныхъ вѣковъ
„отдѣлялись и иное именованiе,
„еже есть Ляхи и Поляки, себѣ
„учинивши и за Вислу заволок-
„шись, на чужихъ грунтахъ и
„земляхъ, тамъ, между знамени-
„тыми рѣками, Одрою и Вислою,
„засѣли; многимъ околичнымъ зем-
„лямъ и панствамъ Нѣмецкимъ и
„инымъ западнымъ и полуночнымъ
„сошкодивши и державы ихъ, съ
„людьскими населенiями, звоевав-
„ши и разбойническимъ образомъ
„прошлыхъ оныхъ древнихъ вѣ-
„ковъ утрутавши и украивши себѣ,
„завладѣли. Потомъ, за прошествi-
„емъ многихъ временъ, въ селенi-
„яхъ своихъ понадъ Вислою, въ про-
„странныхъ тамошнихъ чуждыхъ
„земляхъ расплодившись и умно-
„живши, а пророченными людски-
„ми шкодами и издырствами недо-
„вольны будучи, повстали напра-
„сно и безсовѣстно, яко же иногда
„Каинъ на Авеля, на Русовъ аль-
„бо Савроматовъ, власную съ древ-
„ности природную братiю свою,
„и за предводительствомъ Короля
„своего, Казимира Великаго, уже
„имъ сего имени Третьяго, року отъ
„Рождества Христова 1333, альбо
„1339, злаща умалившимся и
„оскудѣвшимъ тогда Кiевскимъ и
„Острожскимъ и инымъ истиннымъ
„Рускимъ Княземъ нашимъ, за-
„воевавши ихъ своей несытости,
„привлащали и подчинили истин-
„ныя съ древнихъ вѣковъ земли и
„провинцiи Сарматскiя альбо Ко-
„зацкiя, нашi Русiя, отъ Подоля,
„Волыня и Волохъ посполу и ажъ
„до самаго Вильня и Смоленска,
„долгiя и обширныя границы свои
„имущiя, а именно: землю Кiев-
„скую, Галицкую, Львовскую,
„Хелмскую, Белзскую, Подоль-
„скую, Волынскую, Перемышлев-
„скую Мстиславскую, Витебскую и
„Полоцкую. И не только въ упоми-
„нутыхъ земляхъ и провинцiяхъ
„нашихъ Рускихъ славное имя на-
„ше Козацкое изпразднили, але,
„що найгорше и найжалостнѣйше,
„всѣхъ оныхъ, братiю нашу, Рок-
„солановъ, въ невольническое под-
„данское ярмо запрягши, отъ вѣры
„отеческiя Православныя, душеспа-
„сительныя Грекороссiйскiя, от-
„торгнули и до пагубной Унiи
„и Римскаго заблужденiя силою,
„гвалтомъ и многими надъ совѣстiю
„Христiанскою мученiями и тиран-
„ствомъ привлекли и приневолили,
„всѣхъ первыхъ Князей и Коро-
„лей своихъ Польскихъ, благоче-
„стiе наше Грекороссiйское хра-
„нившихъ и утвердившихъ, при-
„виллегiи и мандаты презрѣвши,
„уничтоживши и цале противъ по-
„литики шляхетской и доброй со-
„вѣсти ихъ скасовали. Но гды и
„того душевреднаго, въ погибель
„влекущаго, Схизматическаго ихъ
„несытаго учинку (еже благоче-
„стiе святое на Унiю обернули и
„честь Козацкую въ нечестiе и
„незнанiе претворили), заздрость
„ихъ и гордость мало быти пока-
„зывала, то, наконецъ, положились
„було, мимо волю Королевскую,
„Пана нашего милостиваго, и изъ
„самихъ крайнихъ и остатнихъ,
„отъ Поль Дикихъ будучихъ, яко

„то: Чигирина, Трахтемирова „Переяслова, Полтавы и иныхъ „многихъ городовъ и селъ, по обѣихъ сторонахъ рѣки Днѣпра „зостаючихъ, Украины Малоросійскія, властной, предковѣчной отчизны нашей, отъ Святаго „Равноапостольнаго Князя Владимира Кіевскаго, святымъ крещеніемъ Русь просвѣтившаго, благочестіемъ истиннымъ и непоколебимымъ сіяющихъ знатнѣйшихъ „людей и Козаковъ, выгубити и выкоренити; а самимъ поспольствомъ „альбо посполитымъ народомъ нашимъ завладѣвши, и не только „въ ярмо невольничье ихъ запрягти, но, по своей безбожной „волѣ, и душевредную правиламъ „священнымъ и святыхъ отецъ нашихъ противную приняти Унію, „чего уже певные были знаки и „документы, когда не только многихъ Козаковъ и мѣщанъ, братію „нашу, псы дозорцы Лядскіе, поѣли и когда плётками фальшиве „панамъ [142] своимъ оскаржовали, „и въ потеряніе головъ ихъ приправили, и добрами и имѣніями „ихъ завладѣли, що и мнѣ, Хмельницкому, отъ нецнотливаго сына „и брехуна, Чаплинскаго, дозорцы „Чигиринскаго, пришлось було „терпѣти и головы позбути; але „и вѣру нашу Православную завжде ругали и безчестили, священниковъ нашихъ благочестивыхъ, гдѣ колвекъ изъ якой, хотя найменшой, причины безчествуючи, ругаючи, бьючи, разкровавляючи, власы и брады выдирали и урѣзовали. Якія жь „вамъ самимъ всѣмъ Малоросіянамъ отъ нихъ Поляковъ и Жидовъ, ихъ арендаровъ и любимыхъ „факторовъ, по сіе время являлися обиды, тяжести, озлобленія и „разорeнія, тутъ мы тыхъ не вымеюемъ, поневажъ вы сами объ нихъ „вѣдаете и памятуете. Тое только „тутъ вамъ припоминаемъ, ижъ до „такой пришли було есте неволи „у Поляковъ, же двомъ або тремъ „на мѣстѣ въ улицѣ или въ дому „своемъ сшедшимся, заказано и „невольно було вамъ съ собою поговорити и о потребахъ своихъ „господарскихъ побесѣдовати, безъ „чего акты Христіанскіе и весельные быти не могуть. И що Богъ „Творецъ далъ человѣку уста на „глаголаніе, тые Поляки строгими „указами своими заграждали и нѣмствовати надъ политику и всего „свѣтные звычаи вамъ було приказали. Якое несносное бремя и „устъ заключеніе поневажъ милость „Божія всемогущая благословила „и помогла намъ оружіемъ нашимъ „военнымъ отсѣкти и одомкнути, „побѣжденіемъ знаменитымъ въ „двухъ вышереченныхъ побѣдахъ „Поляковъ супостатовъ нашихъ. Теды да будеть о томъ присно хвалимо и превозносимо имя Его Божественное, яко не презри безустниковъ воздыханія и слезъ вашихъ, чрезъ Поляковъ пролитыхъ „и проливаемыхъ! А що мы нынѣшнюю съ Поляками учинили войну безъ вѣдома и совѣта вашего „всенароднаго, за тое вы насъ не „ужасайтеся! Гды жъ мы учинили „такъ для лучшей пользы вашей „и нашей, научившися осторожности и лучшаго воинскаго управленія съ прикладу прежнихъ „братій нашихъ, подъ Кумейками „и на устьи рѣки Тясмина съ Поляками недавно прошлыхъ временъ войну имѣвшихъ, которые „поневажъ прежде войны своей „универсалами своими, до васъ во „всю Украину засланными, увѣдо-

„мили Поляковъ о своемъ противномъ ихъ намѣреніи. Теды тѣмъ „увѣдомленіемъ предостереженные „Поляки, якъ надлежало запобѣгти „злу своему, приготовились и на „побѣжденіе ихъ войскъ Козацкихъ приспособились. И мы тежъ „тановаго несчастливаго случая „удержалися ажъ по сіе время „съ симъ универсаломъ о началомъ съ Поляками дѣлу военномъ увѣдомленіемъ нашимъ. А „теперь, якъ вѣдати вамъ, всѣмъ „обще Малоросіянамъ, о томъ доносимъ, такъ и до компаніи военной на предлежащее съ ними жъ „Поляками дѣло военное васъ вызываемъ и заохочуемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на Унію претворенная, „кому изъ васъ любима цѣлость „отчизны нашей, Украины Малоросійской, и честь ваша шляхетская, отъ Поляковъ уничтожаемая, весьма посмѣваемая, попираемая и поругаемая, тотъ „всякъ не якъ отродокъ, но якъ „зычливый и любезный сынъ отчизны своей, по выслушаніи сего универсальнаго ознайменья нашого, къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковь на добрыхъ коняхъ „и съ исправнымъ оружіемъ, неоткладне прибувати и вспольнѣ съ „нами, прикладомъ старовѣчныхъ, „валечныхъ и многимъ народомъ въ „околичныхъ странахъ славныхъ „предковъ своихъ, станути мужественно и небоязненно, при всемогущей помощи Божіей, противъ „Поляковъ, своихъ грабителей, „злобителей и супостатовъ, рачи. „Ибо естьли не изволите допомогти намъ въ настоящей военной „компаніи, то вѣдайте, же, якъ „Поляки насъ одолѣютъ, певне и „васъ всѣхъ Малоросіянъ, безъ „жаднаго браку и респекту, подлугъ давняго злаго намѣренія своего, не только огнемъ и мечемъ „зруйнуютъ и опустошатъ, але и „всеконечнымъ вѣры нашея благочестивыя и святыя искорененіемъ „и поруганіемъ, остатки ваши и „чадъ вашихъ въ плѣнъ загорнутъ „и въ непремѣнную всегдашней неволи облекутъ одежду. Лучше „теды и благополезнѣйше намъ за „вѣру Святую Православную и за „цѣлость отчизны на пляцу военномъ, отъ оружія браннаго полягти, нежели въ домахъ своихъ, „яко невѣстюхамъ, побіеннымъ быти. Гды же естьли умремъ за благочестивую вѣру нашу, то не „только слава и отвага наша лицарская во всѣхъ Европейскихъ и „иныхъ странахъ, дальнихъ земляхъ, славно провозгласится, але „и упованіе наше, еже за благочестіе умрети, будетъ безсмертія „исполнено и страдальческими вѣнцами отъ Бога вѣнчано. Не бойтеся теды, вашьмосци, братія „наша, шляхетно урожоная Малоросійская, Поляковъ, хочь бы „и найбольшія були ихъ войска! „Але прикладомъ славныхъ и великихъ Русовъ, предковъ своихъ, „при своей правдѣ, за благочестіе „святое, за цѣлость отчизны и за „поломаніе прежнихъ правъ и вольностей своихъ, станьте сполно съ „нами противъ тѣхъ, своихъ обидителей и разорителей, съ несумнѣнною надеждою своею отъ „бѣдъ настоящихъ освобожденія и „всемощныя благодати Божія, въ „наступающемъ случаѣ военномъ, „на супостатовъ нашихъ помощь „намъ сотворить готовыя, якой то „благодати Божественной уже и „суть знаки, *первое*: двукратная выше поименованная побѣда Поля-

„ковъ; *второе*: щирая прихильность „всего войска низоваго, Запорож„скаго, на помощь нашу въ готов„ность зостающаго, кромѣ того, „что ужъ при насъ есть тысячь „три съ лишкомъ; *третіе*: най„яснѣйшій Ханъ Крымскій зо всѣ„ми ордами помогати намъ при „нуждѣ готовъ есть на Поляковъ, „при которомъ, для лучшей пев„ности, и сына старшаго, Ти„моша, резидовать мы оставили, „и теперь готовой отъ его Хан„ской милости, доброй и военной „орды Крымской идетъ до насъ „тысячь съ четыре съ паномъ Ту„гай Беемъ, мурзою значнымъ; „*четвертое*: и Козаковъ реестро„выхъ, братіи нашей, пятнадцать „тысячь, що отъ Гетмана Ко„роннаго съ Барабашемъ Полков„никомъ и съ Нѣмцами при Гет„маничу выправлены були въ суд„нахъ водныхъ и рушомъ про„тивъ насъ, и у Кадака отдав„ши Барабаша, недруга отчизна„го, а похлѣбцу Лядскаго, Днѣ„провымъ глубинамъ, къ намъ „пристало и военной въ обѣихъ „разахъ экспедиціи значне допо„могло намъ, слушне тую присягу „зломавши, которую на вѣрность „Гетманамъ Короннымъ у Черка„сахъ предъ сѣданіемъ въ судна „водная подъ оружьемъ Лядскимъ, „яко невольники и плѣнники, бы„ло принуждено выконать, когда „сами Поляки до зломанія тоей „присяги суть виною и початкомъ, „сами первые поломавши, мимо „волю Королевскую, права и воль„ности древнія Козацкія и Ма„лоросійскія, и присягу свою на „пріязнь, при ненарушимой цѣло„сти давнихъ правъ и вольностей, „Козакамъ и всѣмъ Малоросіянамъ „взаимне учиненную; *пятое*: изъ „власныхъ ихъ людей три тыся„чи драгуніи предъ Кадацкою[143] „битвою, въ передней стражѣ быв„шей, вѣрность и присягу свою „зломаая и Гетмановъ Коронныхъ „оставивши, къ намъ доброволне „присовокупилася, такъ для того, „ижъ була укривженною въ сво„ихъ заслугахъ, якожъ и для того, „ижъ разумѣла ненависть и злобу „Гетмановъ своихъ Коронныхъ и „всѣхъ пановъ Польскихъ, ко всѣмъ „намъ Малоросіянамъ бывшую, и на „всеконечное наше и вѣры нашея „Православныя искорененіе и по„требленіе, великимъ гнѣвомъ у„стремившуюся, изволили лучше „послѣдовать намъ Малоросіянамъ, „при правдѣ и истинѣ сущимъ, „за права и вольности свои сто„ящимъ, нежели своимъ Поля„камъ, неправедно на искорене„ніе наше повставшимъ и гор„достною яростію воспаляемымъ; „*шестое*: и для того ласка Божія „и помощь Его всесильная при „насъ бути можетъ, ижъ при оби„дахъ нашихъ зачали войну сію „съ Поляками, не безъ вѣдома и „позволенія пана нашего, най„яснѣйшаго Королевскаго Величе„ства, Владислава Четвертаго, ко„торый року 1633, во время сча„стливой своей коронаціи, быв„шимъ и намъ при оной съ Бара„башомъ и иными знатными вой„ска Малоросійскаго товарищами, „прикладомъ прежнихъ найяснѣй„шихъ Князей и Королей Поль„скихъ, антецессоровъ своихъ, всѣ „наши войсковыя и Малоросій„скія давнія права и вольности, „при особливомъ утвержденіи вѣ„ры нашей Православной, новымъ „своимъ на паргаментѣ красно„писаннымъ Королевскимъ подпи„саніемъ власной руки и при за-

„вѣспстой коронной печати, ст-„вердивши привиліемъ, отправилъ „насъ, яко отецъ ласковый, уда-„ровавши каждаго значными по-„дарками. А при отправѣ нашей, „на единѣ бывшей, устнѣ Его Ве-„личество къ намъ мовилъ: „Абысь-„мо по прежнему Гетмана собѣ „постановили и при своихъ пра-„вахъ и вольностяхъ крѣпко стоя-„ли, не поддаючи оныхъ Поля-„камъ въ попраніе, щитячися Его „Королевскими и иными давними „привилегіями. А естьли бы пано-„ве Польскіе, или дозорцы, тыхъ „привилеевъ не слухали, то маете, „мовитъ Его Королевское Вели-„чество, мушкетъ и саблю при „боку: тыми прето можете боро-„нити свои отъ Поляковъ повре-„ждаемыя права и вольности!“ По-„слѣ чего въ колько лѣтъ, гды „непрестанно дѣялись отъ Поляковъ „злобныхъ бѣды и крайнія раз-„зоренія, тогда знову мы всѣ съ „Барабашемъ супликовалисьмо о „томъ черезъ нарочныхъ пословъ „нашихъ до Его Королевскаго Ве-„личества, Владислава, Пана своего „милостиваго, который, при отпра-„вѣ ихъ, яко словесно, такъ и при-„ватнымъ листомъ своимъ Королев-„скимъ до Барабаша и до всѣхъ насъ „Козаковъ, тоежъ свое Королев-„ское, прежде намъ самимъ мовлен-„ное, же, на оборону правъ имѣемъ „мушкетъ и саблю, подтвердилъ „и повторилъ слово. Но поневажъ „Барабашъ Полковникъ, недругъ „и нежелатель добра отчизны на-„шей, яко такое милостивое Ко-„ролевское слово и позволеніе, такъ „и привилею его таилъ и безъ „жадной пользы Малоросійской „крылъ у себе, не стараючися о „неизбраніи Гетмана Козацкаго, „объ увольненіи отъ обидъ Ляд-„скихъ всего народа Малоросій-„скаго теды я, Хмельницкій, взяв-„ши Господа Бога на помощь и „отобравши штучнымъ образомъ „у Барабаша привилегіи Королев-„скія, мусилемъ сіе военное съ „Поляками зачати дѣло, на ко-„торое Его Королевскаго Вели-„чества самой превысокой особы „войною на насъ порушенія нигды „не чаемъ, такъ для того, же зача-„лисьмо сію войну съ Поляками за „позволеніемъ Его Королевскимъ, „яко и для того, же Поляки легце Его „Королевскую превысокую персону „у себе важучи, мандатовъ и при-„казовъ Его не слухали и непре-„станныя Малоросіи утѣсненія на-„лагали. А естьли Король, ижъ „есть войску всему глава, самъ въ „войску Польскомъ противъ насъ „не пойдеть, то пановъ Польскихъ и „ихъ многособраннаго войска, яко „тѣла, альбо ока безъ главнаго най-„мнѣйше устрашитися не хотимо. „Бо, ежели ветхій Римъ, иже всѣхъ „Европейскихъ градовъ матерію на-„рещися можеть, многими Пан-„ствами и Монархіями владѣвый „и о шести стахъ четыредесяти и „пяти тысячей войска своего древ-„ле гордившійся, съ давнихъ о-„ныхъ вѣковъ далеко меньшихъ „противъ помянутой воинственной „силы Римской, валечныхъ Ру-„совъ изъ Русіи, отъ поморія Бал-„тійскаго альбо Нѣмецкаго, собран-„ныхъ, за предводительствомъ Кня-„зя ихъ, коль былъ взятый и четыр-„надцать лѣтъ обладаемый, то намъ „теперь гвалтомъ оныхъ древ-„нихъ Русовъ, предковъ нашихъ, „кто можетъ возбранити дѣльности „воинской и уменшити отваги ли-„царской? Що вамъ, братія нашей, „обще всѣмъ Малоросіянамъ, пред-„ложивши и до разсужденія здра-

„ваго подавши, поспѣхъ вашъ къ „намъ въ обозъ, подъ Бѣлую Церковь, прилежно и пильно жадаемъ, „и имъ же упрійме зычимъ отъ „Господа Бога здравія и благопо- „лучнаго во всемъ узнати поваже- „нія! Данъ въ обозѣ нашемъ подъ „Бѣлою Церквою, 1648 года, мѣсяца „Маія 28 дня."

Отъ командированныхъ Гетманомъ Хмельницкимъ корпусныхъ его начальниковъ получены имъ, подъ Бѣлою Церквою, донесенія: первое, отъ Писаря Генеральнаго, Кривоноса, что убѣжавшій отъ Каменца Подольскаго Гетманъ Польскій, Калиновскій, собравъ новую армію изъ Польскихъ и Литовскихъ войскъ, пробирается съ ними въ Подолію и, по словамъ пойманныхъ языковъ, переправился уже черезъ рѣку Случь; другое отъ Есаула Генеральнаго, Родака, что онъ, свѣдавъ при рѣкѣ Припети о походѣ Князя Литовскаго, Радзивила, съ войсками тамошними въ Сѣверію, отправился вслѣдъ за нимъ съ своимъ корпусомъ и засталъ его около мѣстечка Городни [143], торжествующаго побѣду свою, одержанную надъ Хорунжимъ, Буйносомъ, и Полковниками, Гладкимъ и Худорбаемъ, изъ которыхъ Буйносъ, Гладкій и Есаулъ Полковой, Подобай, со многими Козаками были убиты и вьюки ихъ, съ запасами и артиллеріею, достались непріятелю въ добычу, а Полковникъ Худорбай, съ остальнымъ войскомъ, присоединился къ нему Родаку, встрѣтилъ его въ Гомельщинѣ. Посему Есаулъ, Родакъ, съ крайнею поспѣшностію приближась къ табуру Радзивилову и, чрезъ разъѣзжія партіи свои и пойманыхъ языковъ, свѣдавъ, что войска Радзивиловы, упоенныя побѣдою своею, стоятъ безпечно и, безъ всякихъ осторожностей и приготовленій, покоятся въ лагерѣ, а мѣстами и пируютъ, напалъ на нихъ всѣми войсками своими, вышедшими нечаянно изъ-за лѣса, и въ первое стремленіе отогналъ конницею своею всѣхъ непріятельскихъ лошадей, бывшихъ на пастбѣ, а спѣшившимись Козаками сдѣлавши выстрѣлъ изъ артиллеріи и ружьевъ по табуру, напустилъ ихъ съ копьями на войска Литовскія, которыя, бывъ полунаги и невооруженны, шатались съ мѣста на мѣсто и хватались то за одѣяніе, то за вооруженіе. Но Козаки, не давъ имъ поправиться и построиться, всѣхъ ихъ перекололи и перебили, а спаслись одни разбѣжавшіеся въ лѣса, и командиръ ихъ, Князь Радзивилъ, перебравшійся, съ лучшею, но не многою, конницею, за рѣчку, и также въ лѣсахъ скрывшійся. Обширный лагерь Радзивиловъ, его великолѣпные экипажи, съ сервизами и буфетами, и обозъ войсковой, со всѣми запасами и артиллеріею, досталися въ добычу Козакамъ и ихъ обогатили, а мѣлкимъ оружіемъ и лошадьми надѣлили многія тысячи новыхъ воиновъ, и корпусъ Родаковъ съ Худорбаемъ отправился къ Новгороду Сѣверскому для дальнѣйшихъ поисковъ надъ Поляками и Жидами.

По рапорту Писаря Кривоноса, предписалъ ему Хмельницкій, возвращаясь съ своимъ корпусомъ въ Подолію, держаться въ сторонѣ праваго фланга непріятельской арміи и дать знать отъ себя Обозному, Носачу, чтобы онъ изъ Галиціи спѣшилъ къ нему сближиться, а самъ Хмельницкій, съ войскомъ, при немъ

бывшимъ, выступивъ отъ Бѣлой Церкви, направилъ походъ свой къ городу Корсуню и, пройдя его, получилъ увѣдомленіе о приближеніи арміи Польской. Посему, оставивъ Хмельницкій обозъ свой при Корсунѣ, расположилъ пѣхоту съ тяжелою артиллеріею въ садахъ и пасѣкахъ городскихъ и отправилъ ночью легкую партію къ Писарю, Кривоносу, чтобы онъ, сближась къ арміи Польской и ничего съ нею не начиная, ожидалъ первой пальбы изъ пушекъ отъ стороны города, и тогда бы наступилъ въ тылъ непріятелю. И за симъ распоряженіемъ, двадцать седьмаго Іюня, въ пятницу, выступилъ Хмельницкій съ одною конницею противу непріятеля. Поляки, свѣдавъ дорогою, что войска Козацкія разошлись многими корпусами въ разныя стороны, и надѣясь застать и атаковать Хмельницкаго, крующагося въ Корсунѣ съ малыми силами, спѣшили на него напасть. Хмельницкій, встрѣтивъ непріятеля своею конницею, началъ съ нимъ перестрѣлку и, дѣлая передъ нимъ кругъ обыкновеннымъ маякомъ, подавался притомъ назадъ, показывая видъ, что бѣжитъ онъ въ городъ. Поляки, во всемъ жару наступая на конницу Козацкую, не осматриваясь въ стороны, нашли самою срединою или центромъ своимъ на пѣхоту Козацкую, закрытую садами и окопами огородницкими. Учиненный отъ пѣхоты нечаянный и весьма близкій выстрѣлъ изъ пушекъ и ружьевъ, повалилъ великія кучи Поляковъ въ самой ихъ срединѣ, а повторяемые выстрѣлы совсѣмъ ихъ смѣшали и опрокинули; вышедшая же изъ окоповъ пѣхота докончила пораженіе ихъ своими копьми и они побѣжали въ полномъ безпорядкѣ, оставя на мѣстѣ всю артиллерію съ ея принадлежностью. На побѣгѣ встрѣтилъ Поляковъ Кривоносъ съ своимъ корпусомъ; и когда онъ пересѣкъ имъ путь и открылъ по нихъ пальбу изъ пушекъ и ружьевъ, то нагнавшій ихъ конницею своею Хмельницкій произвелъ тоже и сзади, и Поляки совершенно были разбиты и разсѣяны такъ, что спаслись изъ нихъ одни разбѣжавшіесь на лучшихъ коняхъ порозницею во всѣ стороны. Обозы ихъ, артиллерія и всѣ запасы достались въ добычу Козакамъ, а убитыхъ Поляковъ при погребеніи сочтено болѣе одиннадцати тысячъ. Но Гетманъ ихъ, Калиновскій, съ малымъ числомъ штата своего, спасся бѣгствомъ, и когда догонялъ его Козакъ и уже трогалъ копьемъ ему въ спину, то онъ, бросивъ на землю кошелекъ съ деньгами и часы золотые, тѣмъ отдѣлался.

Отъ Корсуня командированъ Хмельницкимъ Писарь Кривоносъ съ корпусомъ своимъ на городъ Баръ, въ которомъ, по извѣстіямъ, собрались многіе Поляки и Жиды, сбѣгшіесь съ Волыніи и Подоліи. Онъ, достигнувъ сего города, нашелъ его въ оборонительномъ состояніи, съ достаточнымъ гарнизономъ. Первое покушеніе Кривоноса на городъ отбито было гарнизономъ и гражданами съ великою потерею людей съ обѣихъ сторонъ. Кривоносъ, не имѣвъ при себѣ достаточной артиллеріи къ формальной осадѣ города, прибѣгнулъ къ хитрости, и въ одну ночь, призапасивъ множество со-

ломы и сѣна, велѣлъ это перевязать въ кули и, смочивши часть ихъ водою, набросать полны рвы съ одной стороны города, а послѣ все то зажегъ. Произведенный мокрою соломою и сѣномъ великой дымъ, натурально покрылъ одну сторону города и валовъ городскихъ, бывшую подъ вѣтромъ. На сіе мѣсто приготовлена была пѣхота съ лѣсницами и драбинами отъ возовъ для штурмованія валовъ городскихъ, и какъ народъ и гарнизонъ городской собрались къ мѣсту пожара для обороны строеній и въ ожиданіи сюда непріятеля, то отъ стороны Козацкой произведена пушечная пальба на самый огонь; а подъ шумъ поползла пѣхота Козацкая на валы городскіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ на нихъ больше дѣйствовала темнота отъ дыму, и вошедши въ городъ, отбили одни ближайшія къ нимъ вороты городскія, въ которыя также вошла пѣхота съ артиллеріею, и всѣми сими силами учинено на гражданъ и гарнизонъ жестокое и нечаянное нападеніе во флангъ и тылъ. Они, по недолгомъ сопротивленіи будучи сбиты и разсѣяны, побѣжали, иные съ гарнизономъ въ замокъ, а другіе скрылись по домамъ. Пѣхота, преслѣдуя бѣгущихъ, вошла вслѣдъ за ними въ замокъ и имъ овладѣла; и тогда произведено въ городѣ и замкѣ страшное убійство, а паче надъ Жидами и ихъ семействами, изъ которыхъ не осталось ни одного въ живыхъ, и выброшено изъ города и зарыто въ одномъ байракѣ мертвецовъ ихъ около 15,000. Поляки перебиты одни военные и худые начальники народные, а прочіе пощажены и выпущены въ Польшу; городъ разграбленъ и оставленъ въ управленіе тамошнимъ Рускимъ жильцамъ съ Казацкимъ гарнизономъ.

Отъ Есаула Генеральнаго, Родака, 13-го числа Іюня, получено Хмельницкимъ донесеніе изъ Сѣверіи, что онъ, очистивъ отъ Поляковъ и Жидовъ Черниговъ съ окружностію и всю Стародубщину съ городомъ Стародубомъ, поспѣшалъ съ корпусомъ своимъ къ Новгороду Сѣверскому, гдѣ, по извѣстіямъ, имъ полученымъ, собралось много Поляковъ и ихъ войска, отрѣзаннаго симъ корпусомъ отъ Литвы, Смоленщины и Бѣлорусіи. На пути встрѣтилъ его около Гремяча Хорунжій Новогородскаго повѣта, Фесько Харкевичь, и 110 старыхъ реестровыхъ того повѣта Козаковъ, въ отставкѣ бывшихъ, и разсказалъ ему о состояніи и числѣ войскъ Польскихъ, съ ихъ Шляхтою запершихся въ Новгородскомъ замкѣ, подъ начальствомъ Воеводы Сѣверскаго, Яна Вронскаго. Родакъ, не имѣвъ отъ гражданъ ни помочи, ни сопротивленія по малочисленности ихъ, учинившейся отъ временъ всеобщаго надъ ними убійства, произведеннаго Польскими войсками, водившимися съ извѣстнымъ Московскимъ самозванцемъ, Отрепьевымъ, приступилъ къ городу спокойно и, расположась станомъ при Ярославскихъ потокахъ или ручьяхъ, повелъ атаку на городъ изъ Зубровскаго рву, названнаго такъ по бывшему тутъ Княжескому звѣринцу и содержавшимся въ немъ звѣрямъ, зубрами называемымъ. Городъ занятъ Козаками безъ всякой обороны; но какъ дошли они до город-

скаго замку, то нашли его неприступнымъ и въ найлучшемъ оборонительномъ состоянiи. Сверхъ укрѣпленiй искуственныхъ, окружали его природные байраки и высокiя горы, на коихъ разставлены были пушки одна при другой, а для открытаго штурму приготовлено на вершинахъ горъ множество огромныхъ колодъ, висѣвшихъ надъ покатами горъ, кои бы, опущены бывши, могли передавить всѣхъ осаждающихъ. Родакъ по многимъ покушенiямъ и перестрѣлкамъ съ артиллерiи, не могши нимало успѣть, свѣдалъ наконецъ, что изъ замку былъ подземный ходъ за водою въ самую рѣку Десну и повелѣлъ ночью съ поперечной ему стороны вырыть въ него другой подземный проходъ. И какъ сiе изготовлено было, то въ одну ночь открылъ онъ фальшивый штурмъ на замокъ противу его воротъ и, во время продолжавшейся съ обѣихъ сторонъ пушечной и ружейной пальбы и поднятаго нарочито отъ войскъ Родаковыхъ крику, вошло подземнымъ проходомъ нѣсколько сотъ отборныхъ Козаковъ внутрь замка, и они, ударивъ на Поляковъ нечаянно въ тылъ, бросили при томъ вверхъ ракету, по которой узнавъ Родакъ, что войско его въ замкѣ и обратило на себя Поляковъ, бросился скоропостижно къ воротамъ и, выбивъ ихъ, вломился въ замокъ со всѣмъ войскомъ. Поляки, бывши окружены такимъ образомъ съ двухъ сторонъ, потеряли всю бодрость и начали хорониться подъ пушечные лафеты и въ строенiя; но Козаки, вездѣ ихъ преслѣдуя, перебили всѣхъ до послѣдняго, и только Воевода Вронскiй съ немногими людьми изъ штата своего, вбѣгши въ верхъ одной башни, просилъ пощады, обѣщаясь Козакамъ показать всѣ сокровища и запасы, зарытые въ землѣ. Онъ былъ пощаженъ со всѣми бывшими при немъ людьми; но когда вели ихъ по городу и встрѣтились съ Повѣтовымъ Хорунжимъ, Харкевичемъ, противъ церкви соборной Воскресенской, то Вронскiй, назвавъ Харкевича зрадцею и схизматикомъ, выстрѣлилъ въ него изъ картечки[144], спрятанной въ рукавѣ, и ранилъ въ бокъ, а Харкевичь тогда же выстрѣлилъ на Вронскаго изъ пистолета и повергъ его на землю; Козаки же, бывшiе при Харкевичѣ и провожавшiе Вронскаго, изрубили его въ куски, а всѣхъ бывшихъ при немъ Поляковъ перерубили безъ пощады; но и Харкевичь скоро послѣ того скончался.

Гетманъ Хмельницкiй, дождавшись при Корсунѣ Обознаго Генеральнаго, Носача, съ корпусомъ своимъ воротившагося изъ Галицiи, отправился съ нимъ къ рѣкѣ Случи, и на пути получилъ увѣдомленiе, что Польская армiя, состоящая изъ Польскихъ войскъ и наемныхъ Нѣмцовъ или такъ называемыхъ чужеземныхъ региментовъ, подъ командою Гетмановъ, Калиновскаго, Чернецкаго и Генерала Осолинскаго, идетъ къ нему на встрѣчу и расположилась при мѣстечкѣ Пилявцахъ. Хмельницкiй форсированнымъ маршемъ поспѣшивъ къ Пилавцамъ, напалъ на Поляковъ въ ту пору, когда они только располагали свое укрѣпленiе вокругъ стана, но еще неукрѣпили, и сiе было 6 Августа, 1648 года, въ день Преобра-

женія Господня, во вторникъ, на самомъ разсвѣтѣ. Сраженіе началось съ обѣихъ сторонъ жестокое и убійственное. Драгунія Нѣмецкая, построенная по своимъ регуламъ, наступала на Козаковъ фронтомъ; но Козаки, допустя Нѣмцовъ на ихъ карабинный выстрѣлъ и выстрѣливъ на нихъ изъ своихъ гвинтовокъ, тотчасъ разсыпались въ стороны и нападали на Нѣмецкій фронтъ сзади, а пока фронтами сдѣланы обороты къ оборонѣ, то уже заднія шеренги ихъ переколоты и повержены были копьями Козацкими на землю, а за поворотомъ фронта тоже сдѣлано и съ другой стороны. И такъ драгунія скоро была разстроена и перебита; но другія войска, а болѣе Нѣмецкая пѣхота, защищались и наступали съ удивительною храбростію и великимъ искуствомъ. Исправная и скороподвижная ихъ артиллерія весьма губительна была для пѣхоты Козацкой, и Гетманъ замѣтивъ сіе, тотчасъ прикрылъ ее конницею; а когда конница круглыми своими маяками или заѣздами занимала пѣхоту непріятельскую, то пѣхота Козацкая, позади конницы прошедъ непримѣтнымъ образомъ въ мѣстечко и съ него пробравшись жилищами [146] и садами на средину непріятельской арміи, ударила въ нее изъ ружьевъ и пушекъ и, не останавливаясь, бросилась съ копьями на Поляковъ, которые, обстрѣлявшись изъ своихъ ружьевъ, не могли устоять противу копьевъ Козацкихъ и начали бѣжать во всѣ стороны и тѣснить пѣхоту Нѣмецкую. А пѣхота сія, сдѣлавъ поворотъ своего фронта на оборону Польскую, показала тылъ свой конницѣ Козацкой, и конница, во всей опрометчивости бросясь на нее, смѣшала ряды и разстроила линіи пѣхотныя, занявъ при томъ и артиллерію ея. За симъ вся смѣшанная армія Польская, отступая задомъ, безъ всякаго устройства, не могла долго защищаться отъ нападающихъ по слѣдамъ ея войскъ Козацкихъ и, наконецъ, бросилась бѣжать врознь. Козаки, преслѣдуя бѣгущихъ, сдѣлали въ нихъ великое пораженіе, и ежели бы не прекратила убійства скоро наступившая ночь и великая темнота, то весьма не много бы спаслось бѣгущихъ; но и такъ сочтено на мѣстѣ сраженія и на погонѣ болѣе 10,000 Польскихъ и Нѣмецкихъ мертвецовъ и, въ томъ числѣ, самъ Гетманъ Калиновскій, разстрѣлянный и поколотый копьями, со многими офицерами, кои погребены при Польскомъ костелѣ съ подобающею воинскою почестью. Обозы со всѣми запасами и артиллерія съ ея парками достались побѣдителямъ, и добыча сія нарочито умножена бывшею въ мѣстечкѣ знатною свадьбою Польскаго вельможи, на которую съѣхалось было множество знатныхъ Поляковъ съ фамиліями, кои всѣ пощажены, а пожертвовали только дорогими вещами, сервизами и лошадьми, забратыми на войско.

Изъ полоненныхъ на Иплявскомъ сраженіи офицеровъ, 11-ть человѣкъ иностранныхъ отпустилъ Хмельницкій на честное слово и съ подпискою, что они противу Козаковъ воевать болѣе не будутъ, а 13-ть Поляковъ переслалъ къ сыну своему, Тимошу, въ Крымъ, для представленія въ подарокъ Хану; трехъ же Поляковъ: Ротмистра

Томаша Косаковскаго, Мечника Яна Червинскаго, и волонтера Людовика Осолинскаго, отправилъ въ Варшаву, и чрезъ нихъ, 11-го числа Августа, 1648 года, послалъ Хмельницкій къ Королю Владиславу и всѣмъ чинамъ республики представленіе свое слѣдующаго содержанія: „Свидѣтельствую небомъ и землею и самимъ Богомъ Всемогущимъ, что „подъятое мною оружіе и пролитая имъ многая кровь Христіанская есть дѣло рукъ нѣкоторыхъ „магнатовъ Польскихъ, противящихся власти найяснѣйшаго Короля, сего помазанника Божія „и милостивѣйшаго отца нашего, „и слѣдующихъ тиранскимъ своимъ склонностямъ и вымысламъ „на пагубу народа Рускаго. Онито жаждали крови человѣческой; „они искали жертвы сей законопреступной и варварской и, пусть „же ею насытятся, а я умываю „руки предъ народомъ и всѣмъ „свѣтомъ, что нимало неповиненъ „есмь въ крови сей Христіанской „и единоплеменничей! Извѣстны „всѣ чины республики, извѣстенъ „и самъ Свѣтлѣйшій нашъ Король, „да и самые архивы Государственные засвидѣтельствуютъ, сколько было представленій, сколько „было жалобъ и просьбъ, самыхъ „горчайшихъ и убѣдительнѣйшихъ „отъ чиновъ и народа Рускаго о „чинимыхъ имъ отъ распутныхъ „и своевольныхъ Поляковъ и ихъ „пьянаго воинства самыхъ несносныхъ насиліяхъ, грабежахъ, убійствахъ и всѣхъ родовъ тиранствахъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ, и въ самыхъ дикихъ народахъ едва ли извѣстныхъ! „Но никто по тѣмъ жалобамъ не „внялъ нимало, никто не здѣлалъ „по нимъ, хотя обыкновеннаго, разбора и удовлетворенія; самыя жалобы, наконецъ, сочтены преступленіемъ и злоумышленіемъ: оставленъ и брошенъ несчастный „народъ сей на произволъ одного „своевольнаго жолнерства и хищнаго Жидовства и повerженъ въ самое неключимое рабство и поношеніе. Все ему преграждено и воспящено было, и онъ доведенъ до „того, что никто о немъ болѣе не „проречетъ, ни возопіетъ. И такъ „единоплеменные ему Поляки не, „только не познавали единокровной „братіи своей, Савроматовъ, но не „признавали даже его и за созданіе Божіе, а всемѣрно презирали „и поносили, надавъ ему презрѣнные титулы хлопа и Схизматика. „Заслуги воевъ Рускихъ, тяжкія „брани ихъ со иноплеменниками, „подъятыя къ оборонѣ и расширенію предѣловъ Польскихъ, забыты и безстыдно попраны и презрѣны Поляками. Пролитая за „нихъ кровь Руская и падшія на „поляхъ ратныхъ тысячи и тьмы „воевъ Рускихъ награждены отъ „нихъ висѣлицами, сожигательствомъ въ мѣдныхъ быкахъ, спицами и всѣхъ родовъ мученіями „и варварствами. Но правосудіе Божіе, назирающее дѣла человѣческія, престало терпѣть таковыя „лютости и безчеловѣчія, и подвигло народъ къ оборонѣ собственнаго бытія своего, а меня избрало слабымъ орудіемъ воли Его. „Сей Промыслъ Божій явно доказанъ пораженіемъ Поляковъ, весьма неравными имъ силами Козацкими на семи главныхъ сраженіяхъ и на многихъ штурмахъ „и битвахъ. Арміи Польскія избиты и разсѣяны; вожди ихъ и начальство многое истреблено, а

„не малое предано въ плѣнъ Татар-„скій, да тоею мѣрою, ею же мѣ-„рили, возмѣрится и имъ! Остает-„ся руйновать жилища Польскія „и истреблять семейства ихъ въ „отмщеніе Рускимъ, сіе претерпѣв-„шимъ; но я судъ Божій на душу „мою призываю, что не желаю и „не ищу мести, постыдной Хри-„стіанству и человѣчеству, и под-„лежащей единому Богу и Его пра-„восудію въ день онъ, въ онь же ис-„тязаны будуть вси Царіе земстіи „и предержащіи власти міра се-„го о всемъ погибшемъ отъ нихъ „и чрезъ нихъ человѣчествѣ и о „пролитой невинно ихъ крови, „отъ самыхъ временъ братомъ уби-„таго Авеля. И тако отзываюсь „къ тебѣ, найясвѣйшій Королю, „справедливый и любимый Мо-„нархъ нашъ, отзываюсь и къ „вамъ, совѣтникамъ его и вельмо-„жамъ Польскимъ: убойтеся Бога „милосердаго, потребите вражду и „отрыньте злобу ея, губительную „собственнымъ вашимъ народамъ, „возстановите въ нихъ миръ и ти-„шину, да поживуть и васъ про-„славять! Сіе единственно отъ „васъ зависить. А я всегда готовъ „исполнить то, что долгъ мой и „обязанность къ Богу и народу „отъ меня требують."

Отпущенные Хмельницкимъ плѣнники, Косаковскій, Червинскій и Осолинскій, дали ему честное слово, что доставятъ отвѣтъ на представленіе его непремѣнно черезъ двѣ недѣли, или сами они тогда явятся у него и перескажутъ слышанное мнѣніе правительства по тому представленію; однако ни того, ни другаго по честному слову Поляки не сдѣлали, и болѣе у Хмельницкаго не являлись. И онъ, возобновивъ военныя дѣйствія свои на Поляковъ 29-го [146] Августа, выступилъ съ войсками отъ Пилявцовъ въ Галицію и, слѣдуя походомъ, отрядилъ въ обѣ околичныя стороны деташаменты и партіи, съ повелѣніемъ очищать города и селенія Малоросійскія отъ управленія Польскаго и отъ Уніятства и Жидовства, и возстановлять въ нихъ прежнія, на правахъ и обычаяхъ Рускихъ, устроенія и свободы, что и отъ самой арміи на пути производимо было. При чемъ тѣ изъ Поляковъ и Жидовъ жители, кои, не обладая Рускимъ народомъ, были ему полезны и обращались въ однихъ свободныхъ промыслахъ и ремеслахъ, оставлены на своихъ мѣстахъ безъ всякаго озлобленія. А по симъ правиламъ и обширный торговый городъ Броды, наполненный почти одними Жидами, оставленъ въ прежней свободѣ и цѣлости, яко признанный отъ Рускихъ жителей полезнымъ для ихъ оборотовъ и заработковъ, а только взята отъ Жидовъ умѣренная контрибуція сукнами, полотнами и кожами для пошитья реестровому войску мундировъ и обуви, да для продовольствія войскъ нѣкоторая провизія.

На походѣ явились у Гетмана Хмельницкаго Бояре Молдавскіе: Ваница, Курузи [147] съ двумя другими и съ письмомъ Господаря Молдавскаго, Василія Липулы, въ которомъ жаловался онъ, что Господарь Волошскій [148], соединенно съ Рагоціемъ [149], Княземъ Венгерскимъ, напавъ съ войсками своими на Молдавію, разорили ее злодѣйскимъ образомъ, безъ объявленія формальной войны и національныхъ претензій, и самаго его согнали

съ правленія, и что онъ проситъ у него помощи и защиты съ вѣдома Султана и правительства Турецкаго, по доброму сосѣдству и согласію народа Рускаго съ Молдавіею, и по близости отъ нея на сей разъ побѣдоносныхъ войскъ Козацкихъ, имъ, Хмельницкимъ, командуемыхъ съ такою громкою славою, какова во всѣ стороны распространилась, а особливо Турковъ восхищаетъ, яко гнушающихся всегда вѣроломствомъ и непостоянствомъ народа и правительства Польскаго. Но сами Турки помогать теперь никому не въ состояніи, по причинѣ ненадежнаго положенія ихъ съ сосѣдними Державами, а паче съ Венетами и Египетскими Беями. Хмельницкій, принявъ посланниковъ Молдавскихъ благосклонно, и отписавъ къ Господарю ихъ, Липулѣ, самимъ имъ словесно сказалъ, чтобы Господарь доставилъ ему письменное завѣреніе отъ Порты объ испрашиваемой помощи для провинціи, въ ея протекціи состоящей, и противъ такой же другой; а безъ того никакія правила политическія не позволяютъ входить въ земли чужія съ вооруженною силою. По полученіи же такого завѣрія, онъ готовъ помочь ему въ защиту справедливости, противу такихъ нахальныхъ непріятелей; а пока сіе исполнится, дозволяетъ онъ Господарю, въ образѣ страннопріимства, имѣть пристанище съ штатомъ своимъ въ Малоросійскомъ городѣ, Могилевѣ надъ Днѣстромъ, подъ охраненіемъ тамошняго горнизона.

Достигнувъ Хмельницкій въ Галиціи главнаго города Львова, Княземъ Кіевскимъ, Львомъ Даниловичемъ, построеннаго, осадилъ его войсками своими со всѣхъ сторонъ и, имѣвши у себя при арміи достаточно инженеровъ и артеллеристовъ изъ полоненныхъ имъ иностранцевъ, въ Рускую службу вступившихъ, открылъ противъ города и за́мка его траншеи съ осадною артиллеріею, при слабой пальбѣ пушечной изъ за́мка. Послѣ брошенныхъ въ городъ и за́мокъ нѣсколькихъ сотъ бомбъ и ядеръ, загорѣвшаяся отъ нихъ синагога Жидовская и лавки купеческія понудили гражданъ выслать отъ себя Депутатовъ въ станъ Козацкій, съ прозьбою къ Хмельницкому о пощадѣ города, который они сейчасъ ему сдаютъ и никогда его не запирали, а дѣлали то одни войска Польскія, въ за́мокъ убравшіясь, съ которыми граждане ни въ чемъ несогласны, а напротивъ того терпятъ отъ нихъ великія утѣсненія и своевольства. Гетманъ, вытребовавъ отъ гражданъ военную контрибуцію и согласясь объ ней съ ними, взялъ въ залогъ изъ знатнѣйшихъ семействъ гражданскихъ сорокъ девять аманатовъ, а затѣмъ, занявъ войсками своими городъ, приступилъ къ за́мку, который былъ еще запертъ и защищался гарнизономъ. Но когда встянутыми на поверхность одного костела пушками, начали бить ядрами во внутренность замка, а изъ траншей продолжали бросать въ него бомбы, то гарнизонъ, выставивъ на батареѣ бѣлое знамя, выслалъ отъ себя Депутатовъ и просилъ пощады, отдавая замокъ со всѣми запасами побѣдителю. Капитуляція на то была подписана съ обѣхъ сторонъ, и гарнизонъ обезорушенный выпущенъ въ Поль-

шу, съ договоромъ: не служить болѣе противъ Козаковъ никому изъ гарнизонныхъ чиновниковъ и рядовыхъ. Въ противномъ же случаѣ повинны будутъ взятые изъ нихъ послѣ того въ плѣнъ понесть безчестную казнь, т. е., висѣлицу. И такъ, овладѣвши Хмельницкій всѣмъ городомъ съ его войсками и другими запасами, и взыскавъ съ гражданъ договорную контрибуцію деньгами, сто тысячь битыхъ талеровъ, да суконъ лавочныхъ семьдесять пять поставовъ, со множествомъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ для войска мѣлочей, оставилъ сей городъ подъ управленіемъ гражданъ и съ Козацкимъ камендатомъ и гарнизономъ.

Отъ Львова продолжалъ Хмельницкій походъ свой съ войскомъ къ городу Замостью, и на пути дѣлалъ прежнія наблюденія въ очищеніи селеній Рускихъ отъ Поляковъ, Уніятовъ и Жидовства. Приближась къ городу войска Козацкія встрѣчены были въ форштатахъ его пальбою изъ ружьевъ отъ пѣхоты Польской, засѣвшей въ окопахъ садовыхъ и огородныхъ. Но посланные Хмельницкимъ пѣхотные отряды Козацкіе скоро выгнали Поляковъ изъ ихъ засады и многихъ перебили и полонили, а прочіе убрались въ замокъ городской и открыли съ него пальбу изъ пушекъ. Хмельницкій, осаждая городъ, увидѣлъ въ немъ вороты отворены и собравшихся при нихъ многихъ людей; посланный къ нимъ ординарецъ Гетманской, доносилъ Хмельницкому, что тѣ люди суть жители городскіе, испрашивающіе позволенія явиться у него съ своими мирными просьбами. Хмельницкій тотчасъ сіе дозволилъ, и граждане, состоящіе изъ Поляковъ и Жидовъ, жившихъ въ городѣ промыслами и ремеслами, ставши на колѣни, просили Хмельницкаго принять городъ ихъ съ жителями въ свое покровительство, объявляя, что они съ замкомъ и его гарнизономъ не имѣютъ ни малаго сообщенія и согласія, а зависитъ онъ отъ Коменданта и войскъ Польскихъ, которыя угнѣтаютъ ихъ своими требованіями и своевольствомъ. Гетманъ, обѣщавъ гражданамъ не дѣлать ни какого зла, если они сами не подадутъ къ тому причины, занялъ городъ войсками своими и началъ дѣлать разпоряженіе къ штурму на замокъ. Изъ домовъ обывательскихъ собраны были всѣ лѣсницы и возовыя драбины, а предъ свѣтомъ полѣзла по нихъ пѣхота Козацкая на валы замка; но спустясь въ него, удивились Козаки, что при валахъ никого не нашли, а только по батареямъ кричали изрѣдка обыкновенные сигналы ночные, разставленные на нихъ часовые, которые, по сближеніи войскъ Козацкихъ, тотчасъ оробѣли, бросали отъ себя ружья и, ставши на колѣни, просили себѣ пощадыименемъ найсвятѣйшей *Панны Маріи!* Пощада имъ для такого *великаго имени* тотчасъ дарована, и всѣ они сохранены безъ малѣйшаго озлобленія; и они разсказали притомъ войску, что гарнизонъ Польскій, подъ командою намѣстника Хребтовича и другихъ чиновниковъ, вышелъ ночью изъ замка скрытными воротами, оставивъ однихъ больныхъ и раненныхъ, да нѣсколько часовыхъ, повелѣвъ имъ подъ присягою и великими угрозами дѣлать во всю ночь сигна-

лы, а съ свѣтомъ отворить ворота замка и выйти къ непріятелю съ извѣстіемъ о выходѣ гарнизона въ городъ Збаражъ. Замокъ былъ занятъ, и въ немъ воинскихъ запасовъ найдено довольно; но хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ не нашлось ни мало, и Гетманъ, оставивъ въ замкѣ свой гарниэонъ, а въ городѣ прежнее начальство, и взыскавъ съ граждан легкую контрибуцію одними для гарнизона съѣстными припасами и нѣкоторымъ для него снабженіемъ, отступилъ отъ города.

Возвращаясь отъ Замостья, проходилъ Хмельницкій съ войсками города Рускіе: Владиміръ, Острогъ и другіе, возстановляя въ нихъ прежнее устроеніе Руское и изгоняя Польское; а найденные въ нихъ и въ околичности тамошней Поляки, владѣвшіе и управлявшіе народомъ Рускимъ, искупляли себя отъ плѣна контрибуціями, на войско взятыми, и высыланы послѣ за рѣку Случь, отъ чего вышла извѣстная пословица народная: „Знай, Ляше, по Случь наше.“ Приближась къ мѣстечку Полонному, встрѣтилъ Хмельницкій сына своего, Тимоѳея, прибывшаго изъ Крыму съ тамошнимъ мурзою, Тугай Беемъ, въ командѣ котораго состояло четыре тысячи конныхъ Татаръ, по давнему обѣщанію отъ Хана Крымскаго, въ помощь Хмельницкому присланныхъ. Ханъ извинялся при томъ черезъ Мурзу своего, что медленность въ присылкѣ войскъ оныхъ происходила отъ нерѣшимости Порты въ разныхъ ея военныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ и онъ долженъ былъ участвовать. Но Тимоѳей Хмельницкій пересказалъ наединѣ отцу своему, что Ханъ никогда не расположенъ былъ дѣлать ему помощи, а только манилъ и проводилъ его, чтобы себѣ что нибудь схватить и пріобрѣсть во время сосѣднихъ замѣшательствъ и изнеможеній. И для того имѣлъ онъ частыя сношенія секретныя съ Польскими вельможами, а паче съ Сенаторомъ тамошнимъ и Гетманомъ, Княземъ Іереміемъ Вишневецкимъ; а въ пересылки сіи употреблялся знатный купецъ Крымскій, Армянинъ Джержій, торгующій въ Польшѣ и переѣзжавшій туда чрезъ Бессарабію и Валахію, который и частые подарки съ собою оттоль привозилъ. А когда въ прошедшемъ мѣсяцѣ прибылъ изъ Царяграда придворный тамошній Бостанжій съ секретными письмами отъ Султана, то Ханъ, оказывая ему, Тимоѳею, небывалыя до того почести и ласкательства, сказалъ, наконецъ, собираться въ Русь съ Мурзою, Тугай-Беемъ, и наряженнымъ при немъ корпусомъ. Но онъ, между тѣмъ, помощію знатныхъ подарковъ, свѣдалъ отъ Кабинета Ханскаго, что Султанъ, описавши Хану великіе успѣхи Гетмана Хмельницкаго противъ Поляковъ и крайнее Польское изнеможеніе, велѣлъ ему стараться всемѣрно преклонить Гетмана отдать себя съ народомъ Рускимъ въ протекцію Турецкую на правахъ и свободахъ Молдавіи, Валахіи и самаго Крыма, и чтобъ Ханъ ничего не щадилъ въ угожденіе и услуги Гетману и народу Рускому. Но при отправѣ Мурзы подслушалъ одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ Ханскихъ, Ти-

моееемъ задобренныхъ, что Ханъ, имѣвши наединѣ длинный съ Мурзою разговоръ, до похода его относящійся, сказалъ ему при отпускѣ: „Помни всегда и не забывай, что хитонъ ближе къ тѣлу отъ чекменя!“

Гетманъ Хмельницкій тутъ же около Полоннаго получилъ чрезъ Боярина Молдавскаго, Костати, письмо Паши Силистрійскаго, Узукъ-
150 Алія, въ которомъ онъ, изъясняя волю Султанскую, въ фирманѣ его къ нему, Пашѣ, описанную, просилъ Гетмана о вспоможеніи Господарю Молдавскому, Липулѣ, на его непріятелей, противъ которыхъ употреблять Турецкія войска не позволяютъ теперь важныя политическія обстоятельства, и что Султанъ, его Господарь, много одолженъ будетъ Гетманомъ ко взаимной услугѣ. Гетманъ крайне доволенъ былъ такимъ случаемъ, который показалъ ему способъ отдѣлаться искусно отъ Тугай Бея и его Татаръ, ищущихъ всегда, что называется, ловить рыбу въ мутной водѣ, то есть, имѣющихъ врожденную склонность къ одному хищничеству и всѣхъ родовъ коварствамъ, занесеннымъ, видно, изъ прежняго отечества ихъ, Великой Татаріи, извѣстной всегдашними своими хищничествами и набѣгами, откуда ожидаютъ богословы новаго нашествія порываемыхъ корыстьми и грубою языческою сисмемою, Гога и Магога, на всемірную брань. И такъ, обольстивъ Хмельницкій Тугай Бея отличными пріемами и подарками, согласилъ его отправиться съ сыномъ своимъ, Тимоѳеемъ, и соединеными войсками въ Молдавію на помощь Господарю тамошнему. Корпусъ туда отряженъ изъ восьми тысячъ реестровыхъ и охочекомонныхъ Козаковъ и всѣми Тугай Беевыми Татарами, а командующимъ объявленъ Тимоѳей Хмельницкій, подъ руководствомъ обознаго Генеральнаго, Носача, при которомъ были отличные Полковники: Дорошенко, Станай и Артазій, и корпусъ сей выправленъ въ Молдавію 17-го Сентября, 1648-го года.

Отъ Полоннаго, распустя Хмельницкій войска свои на кантониръ-квартиры въ пограничные города и селенія, самъ, съ Гвардіею своею, состоящею изъ Чигиринскаго полка и трехъ сотъ волонтеровъ и со всѣмъ Гетманскимъ штатомъ отправился въ городъ Кіевъ, для принесенія благодарственныхъ Богу моленій за освобожденіе Малоросіи отъ ига Польскаго, и прибылъ туда 1-го Октября, въ день воскресный. Чины Малоросійскіе, товариство Козацкое и знатнѣйшее гражданство, собравшись въ Кіевъ завременно, встрѣтили Гетмана за городомъ съ подобающею честію и воздали ему живѣйшими чувствами всю свою благодарность за безпримѣрные подвиги его и труды, оказанные отечеству, и тогда же признали и провозгласили его отцемъ и избавителемъ отечества и народа. Гетманъ, поблагодаря краткою рѣчью за ихъ признательность и особливо за воинство, отъ ихъ семействъ къ нему собравшееся и съ толикимъ мужествомъ во бранѣхъ подвизавшееся, вступилъ въ городъ и прибылъ прямо въ соборную Софійскую церковь, гдѣ, выслушавши Божественную литургію, молебствовали и благодарили Бога прямо по Христіянски, съ сокрушеннымъ серд-

цемъ, и въ слезахъ и рыданіяхъ, самыхъ трогательныхъ, еже есть по псалмопѣвцу: рыдахъ отъ воздыханія моего сердца." Потомъ оборотясь Гетманъ къ чинамъ и народу, увѣщевалъ ихъ пребывать всегда Богу благодарными, а къ отечеству усердными, ревностными и межъ себя дружелюбными, не выпуская изъ мыслей обязанностей своихъ въ оборонѣ отечества и своей свободы; безъ чего, говоритъ, можемъ низринуться въ прежнее неключимое рабство и невольничество, и что непримиримые враги наши, Поляки, избиты только и изнеможены, а не совсѣмъ уничтожены, и могутъ вновь собраться и ратоборствовать съ нами, примѣтивъ наипаче слабость нашу и несогласіе, о которомъ самъ Спаситель нашъ и Богъ провѣщалъ въ мірѣ; и мы видимъ всегдашнее того событіе, что всякой народъ и Царство, на ся раздѣлившееся, неустоитъ, и всякъ домъ, на ся раздѣлившійся, запустѣетъ."

Пребывая Гетманъ въ Кіевѣ, 9-го Октября послалъ въ первый разъ секретно въ Москву Судію Генеральнаго, Григорія Гуляницкаго съ представленіемъ къ Царю, Алексѣю Михайловичу, что теперь самое удобное есть время отобрать Царю отъ Поляковъ городъ Смоленскъ съ его уѣздами и всю Бѣлорусію, захваченные Поляками въ смутныя времена прежде бывшихъ Рускихъ браней съ Татарами, Поляками, а паче съ подставленными отъ нихъ самозванцами, и что онъ, Хмельницкій, весьма желателенъ и готовъ помочь Его Величеству въ такомъ справедливомъ дѣлѣ и въ таковое время, когда Польскія силы вездѣ имъ разбиты и разсѣяны, и сама Польша находится въ крайнемъ изнеможеніи, а напротивъ того войска его, Козацкія, бывъ въ цвѣтущемъ состояніи и разогнавъ вездѣ Поляковъ, остаются почти безъ дѣла. Царь Алексѣй Михайловичъ, по осторожности своей, не отписавъ ничего къ Хмельницкому, присылалъ къ нему Князя Василія Васильевича Бутурлина, вмѣстѣ съ Гуляницкимъ, и чрезъ нихъ поблагодарилъ Хмельницкаго весьма признательно за его такъ великое усердіе къ нему, Царю, и Его державѣ, единовѣрной и единоплеменной съ народомъ Малоросійскимъ, пересказалъ при томъ на словахъ, что его народъ, претерпѣвъ страшныя руины и убыли во время междуцарствія и необычайныхъ браней, а самая Держава, бывши не разъ потрясена съ самаго ея основанія и установившись нѣсколько, съ великими уступками завистливымъ и вѣроломнымъ сосѣдамъ, не можетъ еще пуститься на новыя неизвѣстныя войны безъ надежныхъ союзниковъ и друзей. Но ежели бы онъ, Хмельницкій, съ народомъ Малоросійскимъ, соединился навсегда съ Царствомъ его, Московскимъ, то тогда имѣли бъ съ нимъ предпріятія надежныя для общей пользы. О чемъ совѣтуетъ ему помыслить и Царю чистосердечно открыться; онъ же, съ своей стороны, обѣщеваетъ и обнадеживаетъ честію и совѣстію Христіанскою и Царскою принять ихъ, яко своихъ кровныхъ, и установить все по договору и обычаю народа и думныхъ людей. Гетманъ Хмельницкій какъ ни секретно производилъ съ Царемъ свои сношенія, однако они были ему, въ послѣдствіи, самою горчайшею пилю-

лею, приправившею его даже къ смерти.

Король Польскій, Владиславъ Четвертый, имѣвшій всегда справедливыя и патріотическія мысли о народѣ Рускомъ, получа чрезъ плѣнныхъ офицеровъ Польскихъ послѣдній отъ Хмельницкаго отзывъ, самый убѣдительнѣйшій къ мирнымъ положеніямъ, сберегающимъ общее отечество отъ конечнаго раззоренія продолжающимся жестокимъ междоусобіемъ, прислалъ къ Хмельницкому въ Кіевъ Воеводу Кіевскаго, Кисиля, и Князя Четвертинскаго, съ своимъ къ нему рескриптомъ, утверждающимъ его въ Гетманскомъ достоинствѣ и съ знаками, достоинство сіе означающими, кои отъ посланниковъ оныхъ Хмельницкому торжественно и поднесены были, а именно: Гетманская булава, осыпанная адмазами, бунчукъ въ жемчугахъ и горностайная мантія. Гетманъ, поблагодаря Короля и пословъ его за сію важную присылку, а паче за преклонность къ миру, отдарилъ знатно пословъ Королевскихъ и отправилъ ихъ къ Королю съ мирными совѣщаніями и своимъ благодарственнымъ адресомъ. Но какъ только воротились они въ Варшаву, то противная Королю партія изъ чиновниковъ Польскихъ, подстрекаемая Примасомъ и Княземъ Іереміемъ Вишневецкимъ, отринули съ негодованіемъ мирныя намѣренія Короля, а посланниковъ его изгнали и выключили изъ должностей ихъ и достоинствъ, предвидя въ мирныхъ планахъ потерю свою невозвратную въ Рускихъ имѣніяхъ, ими силой захваченныхъ, и въ должностяхъ тамошнихъ, приносащихъ имъ великіе доходы. Король, бывши вновь поступкомъ симъ отъ чиновъ и подданныхъ своихъ крайне огорченъ и оконфуженъ и не имѣвши силъ и способовъ реванжовать противникамъ и озлобителямъ своимъ, впалъ въ безмѣрную печаль и задумчивость, и отъ того, въ 31-й день Октября, 1648 года, скончался. Нѣкоторыя не безъ основанія подозрѣваютъ причиною смерти Королевской злодѣйскій промыслъ Примаса, учиненный чрезъ Духовника Королевскаго, Урбина. Хмельницкій, получа о томъ печальное извѣстіе, возрыдалъ горько и велѣлъ по всѣмъ церквамъ и во всей Малоросіи править о душѣ Королевской панихиды и сорокоусты и вписать его въ церковные поминальные субботники, съ прилогомъ къ имени Владислава: „Пострадавшаго правды ради и за народъ благочестивый."

По кончинѣ Владислава вступилъ въ достоинство Королевское братъ его, Янъ Казимиръ. Онъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года прислалъ къ Гетману Хмельницкому прежде посыланнаго къ нему воеводу Кисиля, съ предложеніемъ, что начатыя братомъ его мирныя сношенія будутъ имъ докончаны, если Хмельницкій согласится и обяжется воевать съ Ханомъ Крымскимъ и Польскими войсками на Царство Московское, которому объявлена будетъ война съ требованіемъ пополненія давнихъ претензій Польскихъ на Московію и возвращенія Султану Турецкому и Хану Крымскому царства Астраханскаго съ городомъ того имени, въ которыхъ и онъ, Хмельницкій, получитъ прибыточный участокъ. Хмельницкій на

сіе предложеніе объявилъ Воеводѣ мнѣніе свое, на самой честности и справедливости основанное, что воевать съ Христіанскою державою, народу его и ему самому единовѣрною и единоплеменною, и воевать еще за чужія претензіи, почитаетъ онъ за тягчайшій грѣхъ предъ Богомъ и за великое предосужденіе предъ цѣлымъ свѣтомъ; ибо онъ вѣритъ несомнѣнно, и того оспорить никто не можетъ, что одна оборона естественнымъ образомъ человѣчеству позволяется противъ кого бы то ни было изъ своихъ враговъ, а нападать на человѣчество и терзать его самовольно и по однимъ прихотямъ есть разбойничество, варварство и самое звѣрство, ничѣмъ неизвинительное, и онъ лучше всего въ свѣтѣ лишится, чѣмъ преступить сіи правила Христіанскія и общія человѣческія. Воевода сколько ни обольщалъ Хмельницкаго разными посулами и обнадеживаніями со стороны Короля и Рѣчи Посполитой, ничѣмъ, однако, поколебать его не могъ и возвратился тщетно. А Хмельницкій, по отлучкѣ его, послалъ заразъ секретно Судью Гуляницкаго въ Москву съ объявленіемъ Царю всего, происходившаго съ посланникомъ Польскимъ о намѣреніяхъ Королевскихъ, и что онъ, Хмельницкій, по усердію его къ Царю и его народу, совѣтуетъ предупредить зло оное посылкою на Смоленщину войскъ Царскихъ, а отъ Крыма и нашествія Татарскаго избрать оборонительныя мѣры; а онъ всегда Царю и народу его вѣрный помощникъ и готовъ къ тому со всѣми войсками своими Козацкими. Царь благодарилъ Хмельницкаго чрезъ посланца его весьма признательно и снявши съ себя крестъ дорогой цѣны, послалъ его въ даръ Хмельницкому, съ увѣреніемъ, что за таковое искреннее усердіе пребудетъ онъ къ нему всегдашнимъ благодарникомъ и самымъ надежнымъ пріятелемъ; а о совѣтахъ его поразмыслитъ съ своими думными людьми и ему о томъ извѣститъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1649-го года посылалъ отъ себя къ Королю Польскому Князя Алексѣя Трубецкаго и Боярина Пушкина съ требованіемъ возвращенія Смоленска или заплаты за него ста тысячъ рублей денегъ. Посланники сіи, возвращаясь изъ Варшавы отъ Короля, заѣзжали, по повелѣнію Царскому, къ Гетману Хмельницкому и пересказали ему, что Король, выслушавъ требованіе ихъ и взявшись рукою за свою саблю, сказалъ, что сею отвѣчать онъ будетъ за Смоленскъ и на всѣ за него претензіи Московскія. Между тѣмъ, по наказу Царскому, соглашали послы оные Хмельницкаго, чтобы съ народомъ Рускимъ и войскомъ соединился онъ въ Царство Московское на такихъ условіяхъ, какія имъ заблагоразсудятся; а Царь готовъ, между прочимъ, признать его, Хмельницкаго, съ потомствомъ владѣтельнымъ земли тоя Княземъ и объявить тогда войну Польшѣ за Смоленскъ и Бѣлорусію. Гетманъ въ сильныхъ выраженіяхъ доказывалъ посламъ Царскимъ, что народъ, имъ предводимый, есть народъ вольный и готовый всегда умереть за свою вольность до послѣдняго человѣка и характеръ сей въ немъ врожденный и неудобенъ къ насилованію; а при томъ, не смотря на его наруж-

ную простоту, есть онъ разборчивъ и проницателенъ, то есть, знаетъ цѣнить важность[151] державъ и народовъ. И потому надобно Царю заразъ объявить войну Польшѣ, для двухъ, весьма важныхъ причинъ, самыхъ политическихъ: первое, чтобы народъ Малоросійскій узналъ прямо и увѣрился объ усердіи къ нему народа Московскаго, воюющаго въ помощь его на Поляковъ; а второе, чтобы Малоросіяне, увидѣвъ мужество народа Московскаго, перемѣнили о немъ тѣ мысли, кои имѣли о слабости его во время владѣнія Поляками городомъ Москвою и почти всѣмъ Царствомъ оимъ; а безъ того, хотя бы я и согласился на мысли Царскія, но со стороны народа надежда будетъ тщетная.

Новый Король, Янъ Казимиръ, въ началѣ 1649-го года объявилъ во всемъ Королевствѣ своемъ посполитое рушенье на Казаковъ и на ихъ Гетмана, Хмельницкаго, т. е. повелѣлъ вооружиться всему народу своему, способному владѣть оружіемъ, коего и считали вооруженнымъ болѣе трехъ сотъ тысячъ; а сборными мѣстами назначилъ имъ города: Лоевъ, Слуцкъ и Збаражъ. Хмельницкій, собираясь противъ такого отчаяннаго Польскаго вооруженія, умножилъ свои войска до семидесяти тысячъ, а въ городахъ учредилъ и оставилъ милицію изъ старыхъ Козаковъ и выслуженнаго товарищества и изъ молодыхъ, долженствующихъ поступить на укомплектованіе въ полкахъ реестровыхъ Козаковъ. Войска Козацкія воспріяли свое движеніе съ 1-го Марта, и одинъ ихъ корпусъ, подъ командою Полковниковъ: Мартына Небабы и Антона Горкуши, отправленъ къ городу Лоеву и рѣкѣ Припети для удержанія или затрудненія похода войскъ Литовскихъ; а другой, подъ командою Есаула Генеральнаго, Богуна, и Полковниковъ: Осипа Глуха и Данила Нечая, командированъ къ городу Слуцку. Имъ одинакое дано отъ Гетмана наставленіе: удерживать непріятеля въ его позиціяхъ, пока возможно; а дальше затруднять его походы на переправахъ чрезъ рѣки и во всѣхъ дефилеяхъ, отступая всегда къ главной своей арміи, которая направила походъ къ городу Збаражу, куда положено придти самому Королю съ главнымъ Польскимъ войскомъ.

Гетманъ Хмельницкій поспѣшилъ съ арміею Козацкою подъ Збаражъ Марта 25-го на разсвѣтѣ, и засталъ при немъ войскъ Польскихъ до 100 тыс., предводительствуемыхъ старымъ Гетманомъ Короннымъ, Іеремією Вишневецкимъ, самымъ злѣйшимъ врагомъ и гонителемъ Козацкимъ, со многими молодыми Генералами и другими чиновниками, вытянутыми почти со всего Королевства. Войска сіи стояли уже въ боевомъ порядкѣ, какъ Хмельницкій къ нимъ приблизился. По счастію Хмельницкаго, а по ошибкѣ военачальниковъ Польскихъ, выставлены были въ передовыя линіи самые новые люди, набранные въ нынѣшнее посполитое рушенье и только умѣвшіе стоять и держать ружья; а старые и обученные воины выстроены въ другую линію, позади новыхъ, съ тѣмъ, видно, умысломъ, чтобы первыхъ удержать на ихъ мѣстѣ; но сіе по-

служило къ самой гибельной непріятельской разстройкѣ. Козацкая армія построена была на три фаланги [152], составленныя изъ пѣхоты и конницы спѣшившейся; два конные отряда шли по флангамъ, а корпусъ пѣхоты и конницы слѣдовалъ позади резервомъ. Одинъ фланговой отрядъ занялъ заранѣ высоты, опущенныя Поляками противъ ихъ флангу. Фаланги, имѣвши достаточную у себя артиллерію, шли тихо, не смотря на пушечную пальбу непріятельскую, а потомъ на первые ружейные ихъ выстрѣлы, приближились къ передовымъ непріятельскимъ линіямъ на пистолетный выстрѣлъ, и тогда открыли на нихъ ружейную и пушечную пальбу съ великимъ успѣхомъ и пораженіемъ передовыхъ линій, которыя вдругъ замѣшались и подались назадъ; а поднятой при томъ крикъ отъ войска усугубилъ ихъ страхъ, и они, отступая прежде спиною, а потомъ совсѣмъ оборотясь въ бѣгъ, смѣшали вторую линію и ее почти собою завалили. Козацкая пѣхота, удвоивъ свои шаги, напала тотчасъ на вторую линію и, не давъ ей выстроиться и выкарабкаться изъ толпы бѣгущихъ, ударила на нее копьями; убійство продолжалось нѣсколько часовъ съ невѣроятною гибелью для войскъ Польскихъ. Они, не имѣвши времени заряжать ружьевъ, а и того меньше выстроиться, спасались однимъ бѣгствомъ и одинъ другаго тѣснили и опрокидывали. Конница Козацкая, пользуясь тѣмъ же замѣшательствомъ, ударила на бѣгущаго непріятеля во фланги, и только ей и было труда, что рубить и колоть бѣгущихъ въ безпамятствѣ Поляковъ. Наконецъ, убрались они въ городъ, оставивъ на мѣстѣ весь обозъ и багажъ свой съ превеликими кучами мертвецовъ и всею артиллеріею, коей собрано на мѣстѣ 57 орудій со всею ихъ принадлежностію. Тѣла убитыхъ нѣсколько дней свозили великими обозами въ отдаленность отъ города и тамъ ихъ хоронили, чтобы избѣжать города, а осаждающимъ его зловонія и вредныхъ испареній, а погребено ихъ, по перечоту, 19,373, съ убыткомъ Козацкимъ самымъ ничтожнымъ. Между убитыми Поляками много было ихъ чиновниковъ и знатной Шляхты, кои погребены отлично; да и самъ Вишневецкій тяжело раненъ въ лядвію и отнесенъ въ городъ на плащѣ жолнерскомъ.

Хмельницкій, хотя и зналъ, что въ городѣ артиллеріи и запасовъ почти не было, и потому штурмовать городъ весьма удобно, но зналъ при томъ и сіе, что провіантскихъ запасовъ на такое многолюдство, каково убралось въ городъ, не на долго станетъ. Посему рѣшился держать городъ въ тѣсной осадѣ и выморить Поляковъ голодомъ, а воиновъ своихъ сберегать для полевыхъ сраженій. И такъ, выжегши форштатъ вокругъ города, заперъ его со всѣхъ сторонъ, а противъ воротъ и всѣхъ проходовъ устроилъ редуты, укрѣпленные полисадами и артиллеріею съ сильными стражами. Между тѣмъ, съ перваго числа Іюня, начали возвращаться къ арміи отдѣльные корпусы Козацкіе, и перваго изъ нихъ командиръ, Полковникъ Небаба, доносилъ Гетману, что Князь Радзивилъ съ войсками Литовскими, въ числѣ 80 тысячь, переправясь чрезъ

рѣку Припеть около города Лоева, имъ, Небабою, завременно раззореннаго и сожженаго, нападалъ на корпусъ его своими авангардами четыре раза; но онъ, Небаба, всегда ихъ отражалъ и причинялъ арміи Радзивиловой при переправѣ рѣки и въ другихъ дефилеяхъ знатный убытокъ, а паче перетопилъ великое множество обозовъ съ запасами въ Припети; но, наконецъ, не могши пересилить такого многолюдства, уклонился отъ него около города Кіева; а Радзивилъ началъ Кіевъ осаждать и выжегъ нижній его форштатъ, Подоломъ называемый. Есаулъ Генеральный, Богунъ, прибывъ съ корпусомъ отъ Слуцка, рапортовалъ Гетману, что онъ, прошедъ съ корпусомъ до Бреста и раззоривъ сей городъ и мѣстечки Вишницу, Бобръ и другія, при многихъ битвахъ съ Поляками, возвратился къ [146] городу Слуцку и засталъ около его въ лагерахъ и по деревнямъ великія толпы Польскихъ войскъ, посполитымъ ихъ рушеньемъ собранныя, перебилъ ихъ нѣсколько тысячь, а послѣднихъ загналъ въ городъ, забравъ въ добычу всѣ ихъ обозы, запасы и множество верховыхъ и подъемныхъ лошадей; осаждать же города не посмѣлъ, за многолюдствомъ въ немъ войскъ, считающихся до 100 тысячь и за сближеніемъ Короля, поспѣшающаго къ Збаражу съ регулярными его войсками и гвардіею.

Гетманъ Хмельницкій по донесенію Богуна выступилъ заразъ съ главнымъ войскомъ на встрѣчу Короля и его арміи, а при Збаражѣ оставилъ писаря, Кривоноса, съ достаточнымъ корпусомъ. Въ два дни пути отъ Збаража освѣдомился Хмельницкій, что армія Королевская при самомъ Королѣ весьма къ нему близка. Онъ, набравъ заразъ мѣсто удобное при мѣстечкѣ Зборовѣ, построилъ войска свои въ ордеръ баталіи: умноживъ пѣхоту свою спѣшенными Козаками, поставилъ ее тремя фалангами въ обширную линію, а на интервалахъ или промежуткахъ между фалангами и на ихъ флангахъ построилъ крѣпкія батареи, обведенныя глубокими и широкими рвами. Фланги линій примкнуты были: одинъ къ болоту и проведенному въ него рву, а другой къ лѣсу, такъ же окопанному въ довольное разстояніе. Линія пѣхотная для того растянута и укрѣплена была, чтобы непріятель многолюдствомъ своимъ не могъ ее окружить. Позади линій на самой срединѣ оставленъ резервъ изъ пѣхоты и конницы, который могъ всѣ слабыя мѣста сикурствовать. Знатная часть лучшей конницы поставлена была впереди линіи, на ея лѣвой сторонѣ, за лѣсомъ, и начальникамъ ея отданъ приказъ, коль скоро армія непріятельская минуетъ ихъ дистанціи и сблизится съ пѣхотной Козацкой линіей, то тотчасъ сдѣлать разсыпную атаку конницею во фланги и въ тылъ непріятельской арміи и развлечь тѣмъ вниманіе ея и осторожность во всѣ стороны, и чтобы она, сочтя себя атакованною со всѣхъ сторонъ, не смѣла прорываться за линію. Между тѣмъ всѣмъ воинамъ сдѣлалъ Хмельницкій краткое, но важное увѣщаніе, доказывая, „что отъ нынѣшняго сраженія зависитъ все „счастье и несчастье наше и всего „отечества нашего, въ которомъ „отцы, братія и дѣти наши про-

„стираютъ къ намъ руки, прося „освобожденія своего изъ постыд-„наго и тиранскаго невольничества „Польскаго, а мертвецы наши, из-„битые и измученные Поляками, „заклиная насъ Самимъ Богомъ и „вѣрою въ Него, отъ Поляковъ по-„руганною, требуютъ праведна-„го мщенія за кровь ихъ, неповин-„но Поляками пролитую и всегда „попираемую.“ Но при томъ крѣп-ко Гетманъ приказывалъ всему воинству своему, чтобы никто, во время сраженія, не дерзалъ под-нять убійственной руки на Ко-роля и прикасаться къ нему, яко къ особѣ освященной, сирѣчь, по-мазаннику Божію, но при всякомъ случаѣ чтилъ бы его съ благого-вѣніемъ.

Іюня 17-го, въ середу, 1649 го-да, есть тотъ пресловутый день, ко-торый долженъ быть всегда досто-памятнымъ въ Исторіи Малоросій-ской. Онъ есть рѣшитель освобож-денія народа Рускаго отъ ига Поль-скаго, и въ немъ положенъ камень основанію новой апохи того наро-да. Предъ восходомъ солнца стала многочисленная армія Польская въ виду арміи Козацкой; она много-людствомъ своимъ подобилась гроз-ной тучѣ, закрывающей горизонтъ и помрачающей солнце. Всадники ея, блестящіе збруею и богатымъ убранствомъ, представляли страш-ную молнію, сверкающую въ тем-нотѣ ночной; а отъ множественной конницы подымающаяся пыль воз-носилась вихрами своими до об-лаковъ и помрачала зрѣніе человѣ-ческое, опускаясь на землю. Гет-манъ, разъѣзжая безпрерывно по своимъ фалангамъ, приказывалъ не спѣшить выстрѣлами, а допускать непріятеля въ самую ближайшую дистанцію, не смотря на его паль-бу и порывчивость. Но какъ толь-ко онъ сблизился довольно къ ли-ніямъ, то открыта вдругъ пальба изъ пушекъ и ружьевъ Козацкихъ, а отъ скрытой конницы произве-дена разсыпная атака во флангъ и тылъ непріятельскій. Громъ паль-бы, съ обѣихъ сторонъ произво-димой, и круженіе дыма, сдѣлав-шееся отъ безпрерывныхъ выстрѣ-ловъ, закрывали на долгое время рѣшимость сраженія; наконецъ, по-днявшійся крикъ въ срединѣ арміи Польской, далъ знать, что дѣлает-ся для воспрещенія ухода новыхъ войскъ изъ линій, которыя во многихъ мѣстахъ разорвали свой фронтъ и подѣлали въ немъ про-странные интервалы, перемѣшавъ и разстроивъ старыхъ своихъ во-иновъ. Гетманъ тое примѣтивши, выслалъ на слабыя мѣста непрія-тельскія одну фалангу своей пѣ-хоты, съ частію конницы, взятой изъ резерва; и пѣхота сія, уда-ривъ на разстроеннаго непріятеля копьями, тотчасъ обратила его въ бѣгъ. Покушавшійся непріятель о-кружить высланную пѣхоту, былъ встрѣченъ резервомъ Козацкимъ и обращенъ также въ бѣгство; а за тѣмъ и вся армія Польская, пер-вѣе подаваясь по немногу назадъ, наконецъ совсѣмъ побѣжала въ раз-стройствѣ, и Гетманъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія для осторожно-сти одну только фалангу, велѣлъ всѣмъ прочимъ войскамъ гнать и поражать непріятеля. Убійство при семъ надъ Поляками было страш-ное и повсемѣстное. Вся конница, дѣлавшая прежде разсыпную ата-ку, нападала на бѣгущаго непрія-теля цѣлою лавою или фронтомъ, и онъ, бывши въ разстройкѣ, не могъ стоять и обороняться про-

тивъ копьевъ, а спасался однимъ бѣгствомъ. Самъ Король нѣсколько разъ былъ окруженъ Козаками; но къ нему никто не прикасался и даже ничѣмъ на него не металъ, а пропускали его съ почтеніемъ, и онъ бросилъ отъ себя въ одну партію кошелекъ съ деньгами, а въ другую партію далъ часы золотые ея командиру, который принялъ ихъ, снявши съ себя шляпу и съ великимъ почтеніемъ, увѣривъ при томъ Короля, чтобы онъ изволилъ ѣхать спокойно и ничѣмъ не тревожась; ибо его никто не тронетъ, а всякъ чтитъ съ благоговѣніемъ, яко особу священную. Король, вздохнувъ и приподнявъ руки, выговорилъ Старшинѣ Козацкому: „Какъ я обманутъ отъ льстецовъ своихъ, называвшихъ васъ, Козаковъ, грубіянами и варварами! Напротивъ, вижу я въ васъ благородныхъ воиновъ и великодушныхъ Христіанъ." Погони и убійство надъ Поляками продолжались до заходу солнца; дороги и поле покрыты были мертвыми и умирающими Поляками на пятнадцать верстъ разстоянія. На мѣстѣ сраженія сочтено и погребено ихъ мертвецовъ до 20 тысячъ, и въ томъ числѣ Генералъ Осолинскій, со многими другими изъ вельможъ и знатныхъ чиновъ Польскихъ, кои погребены въ одной каплицѣ Католической; а въ добычу остался обширный станъ арміи Польской со всѣми обозами и запасами, вся артиллерія съ ея парками и весь станъ Королевскій и вельможескій съ богатыми палатками, сервизами и экипажами; словомъ сказать: обогатили и обременили добычею сею всю армію Козацкую.

Гетманъ, воротившись съ арміею своею къ Збаражу, послалъ въ городъ нѣсколько чиновниковъ Польскихъ, взятыхъ въ плѣнъ и близкихъ Гетману, Князю Вишневецкому, между коими былъ одинъ изъ его родни. Чрезъ нихъ уговаривалъ Хмельницкій Вишневецкаго сдать городъ, яко безнадежный, и пощадить невинный народъ, въ немъ гибнущій. Чиновники оные, побывавши въ городѣ, скоро воротились къ Хмельницкому съ тремя чиновниками изъ города, посланными Вишневецкимъ. Они, предлагая сдачу города, разсказывали ужасное зрѣлище въ городѣ: войска и народъ, въ немъ запертый, лишившись человѣческой пищи, болѣе уже мѣсяца питались однимъ мясомъ лошадинымъ, собачьимъ, кошечьимъ и мышечьимъ; а теперь питаются они всякими кожами и ремнями, и даже ѣдятъ обувь свою ременную; и самаго Князя Вишневецкаго нашли, при пользованіи его отъ ранъ, питающагося супомъ, съ мышачьимъ мясомъ свареннымъ, и что множество уже народа померло, а остальные порываются одинъ другаго ѣсть. Хмельницкій тотчасъ повелѣлъ одному отряду войскъ своихъ занять городъ, а войска, въ немъ запертыя, выпустить обезоруженными изъ города. Гетмана жъ Вишневецкаго, со всѣми чиновниками и Шляхтою, перемѣстить въ замокъ и содержать подъ стражею до дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Войска, вышедшія изъ города, похожи были на нѣчто чудовищное: они слонялясь по землѣ, представляли изъ себя одни скелеты тѣлъ человѣческихъ и просили у Козаковъ пищи, падая на землю. Хмельницкій, тотчасъ снабдивъ ихъ довольною пи-

щею, приказалъ важнѣйшимъ изъ нихъ беречь одинъ другаго, чтобы употребляли пищу съ великою осторожностію, дабы вдругъ не объѣдались и не померли, и за тѣмъ разпустилъ ихъ въ свои жилища. Князю Вишневецкому предложилъ Хмельницкій писать отъ себя къ Королю и послать къ нему своихъ чиновниковъ, кого изберетъ, и чтобы они скоро возвратились съ точною и надежною рѣшимостью, чего ему ожидать, мира или войны? Сей Князь, преизлиха гнавшій народъ Рускій и всегда разрывавшій съ нимъ заключаемые мирные договоры, писалъ къ Королю весьма убѣдительно, прося о заключеніи съ Козаками вѣчнаго и прочнаго мира, чего бы онъ ни стоилъ, „ибо видно," говорилъ онъ, „ненависть наша къ народу Рускому превзошла мѣру свою, и судъ Божій видимо гонитъ насъ, за его отмщевая."

При Збаражѣ прибылъ къ Хмельницкому сынъ его, Тимоѳей, воротившійся изъ Молдавіи вмѣстѣ съ Мурзою Крымскимъ, Тугай Беемъ. Они оба докладывали Хмельницкому, что непріятели Господаря Молдавскаго, Липулы, бывши разбиты войсками ихъ, Козацкими и Татарскими, на многихъ сраженіяхъ и на двухъ главныхъ, при Яссахъ и Бухарестѣ, разсѣяны, наконецъ, и уничтожены вовсе; а Венгерцы, съ Княземъ ихъ, Ракоціемъ, убрались въ свои границы, и Господарь остался спокойнымъ въ своемъ правленіи и достоинствѣ. Наединѣ открылся Тимоѳей отцу своему, что дочь Господаря, Липулы, Княжна Ирина, хочетъ быть его супругою, на что и мать ея согласна; но отецъ тому противится, подстрекаемъ будучи Польскимъ вельможею, однимъ изъ Потоцкихъ, предлагающимъ въ супружество сына своего, котораго Ирина не терпитъ. Хмельницкій, поблагодаривъ Тугай Бея за услуги и дружбу, подарилъ его весьма знатно и, пріумноживъ великія добычи, въ Молдавіи и Валахіи нажитыя, отпустилъ съ войскомъ Татарскимъ въ Крымъ, пославъ съ нимъ благодарственный адресъ къ Хану съ знатными также подарками. Къ Пашѣ Силистрійскому писалъ Хмельницкій, что по волѣ Султанской и по прозьбѣ его, Пашинской, въ разсужденіи Господаря Молдавскаго все сдѣлано, что было имъ желательно, и онъ въ своемъ достоинствѣ успокоенъ и утвержденъ; но сопротивленіе Господаря въ законномъ и добровольномъ бракѣ, его крайнѣ оскорбляетъ, и онъ проситъ Пашу прилежно въ томъ ему помочь. Паша отвѣчалъ Хмельницкому, что не только берется онъ уговорить Господаря на такое приличное и выгодное супружество, но донесетъ о томъ и самому Султану, своему государю, и надѣется отъ того самаго лучшаго успѣха.

Между тѣмъ воротились въ городъ Збаражъ посланные къ Королю чиновники Князя Вишневецкаго и привезли рескриптъ Королевскій, повелѣвающій Князю просить Хмельницкаго о заключеніи мирнаго трактата и присылки для того своихъ полномочныхъ комиссаровъ въ мѣстечко Зборовъ, куда высланы отъ Короля его полномочные: Воевода Кіевскій, Кисиль, и, Воевода Смоленскій, Грабовскій. Потому отъ стороны Малоросійской высланы Хмель-

ницкимъ на конгресъ Зборовскій писарь Генеральный, Кривоносъ, Есаулъ Генеральный, Демьянъ Многогрѣшный, и Секретарь Гетманскій, Иванъ Виговскій. Трактатъ Зборовскій былъ заключенъ по наставленію и наказу Хмельницкаго и полномочными съ обѣихъ сторонъ подписанъ, Сентября 7-го дня, 1649 года; онъ состоялъ въ слѣдующихъ статьяхъ:

1. Народъ Рускій, со всѣми его областями, городами, селеніями и всякою къ нимъ народною и національною принадлежностью, увольняется, освобождается и изъемлется отъ всѣхъ притязаній и долеглавостей Польскихъ и Литовскихъ на вѣчныя времена, яко изъ вѣковъ вольный, самобытный и незавоеванный, а по однимъ добровольнымъ договорамъ и пактамъ въ єдность Польскую и Литовскую принадлежавшій.

2. Обоюдная вражда, помста и все непріятельское, между сими народами бывшее, прекращается, уничтожается и предается вѣчному забвенію, и амнистія всему тому дается и утверждается полная и совершенная, служащая взаимно всѣмъ тремъ народамъ; тежъ и убытки альбо потери, войною и незлагодствомъ починенные и понесенные каждою націею и каждою особою, да зостаютъ безъ повраченья, поиску и упоминку на вѣчные часы.

3. Народъ Рускій отъ сего часу есть и ма буть ни отъ кого, кромѣ самаго себе и правительства своего, независимымъ; а правительство тое избирается и установляется общею порадою, добровольно отъ всѣхъ становъ, и приговоромъ чиновъ и товариства, по стародавнимъ правамъ и обычаямъ Рускимъ, и никто имъ въ томъ да не мѣшаетъ, ни посредствуетъ ни якимъ колвекъ способомъ, ни тайнымъ, ни явнымъ, а найбарзѣй усилствомъ.

4. Религія Каѳолическая Руская альбо Греческая, маетъ аупедьное равенство съ религіею Католическою Польскою альбо Римскою, и въ справахъ церковнихъ и засѣданіяхъ гдѣ колвекъ, Митрополита Рускій Кіевскій мае первое мѣсто по Примасу Польскомъ, а Епископы Рускіе съ Епископами Польскими заровно засѣдаютъ и такъ ся лагодятъ, якъ издавна бувало за Круля Баторія и инншихъ до начатку въ земли Руской Уніи, которую до хундаменту касуемъ и нивычимъ, яко смутившую народы, породившую въ нихъ вражду, и окипѣлую безмѣрною кровію Христіанскою; а въ иншихъ народахъ альбо земляхъ Польскихъ и Литовскихъ мае воня подлеглость доброй воли мирянъ и ихъ шацунку; а безъ того нихто ее да не приметъ и держати не мусить.

5. Границы Рускія земли установляются и утверждаются отъ Чернаго моря и лиману Днѣпровскаго вгору на полдень по рѣкѣ Днѣстру, а отъ вершины его до рѣки Горыни, а отъ Горыни до рѣки Прицети, и оттуду рѣкою Днѣпромъ до города Быхова, а оттуда къ рѣкѣ Сожъ и Сожемъ до уѣзду Смоленскаго; а граница промежду рѣчекъ по твердой землѣ указуется по гранямъ сельскимъ альбо вясковымъ, и яке селеніе куды сходитъ, туды и грань принадле-

жить; и тѣ грани разберутся и поновятся звыклыми судами Подкоморскими и Комисарскими.

6. Верховный начальникъ и Господарь земли Руской и народа того ма бути Гетманъ, избираемый чинами и войскомъ изъ между себя вольными голосами; а постороннему альбо инако поставленну, не бути ни кому ни въ яку пору. Достоинство Гетмана Рускаго на равенство зупельне съ Гетманами Коронными и Литовскими, а войска поволяно мѣти ему реестроваго въ полкахъ, наполняемыхъ отъ товариства, 40 т., а охочекомоннаго и Запорожскаго килько наберется; и Козаки реестровые судомъ и послушенствомъ повинны полкамъ и командамъ ихъ, донелѣ же козакують и стоятъ въ реестрахъ войсковыхъ; а по выслугѣ ворочаются подъ право свое Шляхетское и тому повиноватися учнуть, якъ и все посполитство мае судитись и разбиратись каждый станъ по своимъ стародавнимъ правамъ и артикуламъ, и нихто ихъ ни въ чемъ да не неволить, ни привлащаетъ, опричъ долеглиностей, правами установленныхъ.

7. Миръ и тишину въ народѣ Польскомъ съ народомъ Рускимъ уставуемъ вѣчные и незрадливые, подъ клятвою анафемы и арафемы, нарушителя и зрадцы людскаго. А оборона отчизны каждому народу есть поволына, и заводца изъ нихъ самъ за себе ратуетъ, а другаго не приневолюеть, и помочь между державами належитъ до зволгоды правленія народнаго и общей порады. А инакове невольно будеть каждому воевать альбо неутрально держать; и нихто за то ни неплятъ, ни помститъ подъ клятвами вышереченными, тежъ и союзъ, альбо протекція народа Рускаго съ народомъ Польскимъ и иншимъ, подлежитъ до порады и приговору зупельнаго отъ народа, якому въ Рѣчи посполитой щитатись третею республикою.

Получа Гетманъ Хмельницкій мирныя статьи чрезъ своихъ комисаровъ, очистилъ заразъ всѣ города и селенія Польскія, занимаемыя войсками его внѣ назначенныхъ по трактату границъ, и войска всѣ распустилъ по ихъ квартирамъ и жилищамъ, а самъ отправился, со штатомъ своимъ и гвардіею, въ городъ Кіевъ для приношенія Богу благодарственныхъ молепій за дарованныя имъ побѣды и возстановленіе мира и спокойствія народнаго. Въ городъ вступилъ Гетманъ 1-го Октября, съ тріумфомъ, при пушечной пальбѣ съ валовъ и колокольномъ звонѣ; а народъ и чины его, Гетмана, встрѣтили съ изъявленіемъ живѣйшей къ нему благодарности и своего полнаго удовольствія. По отправѣ молебствій во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ Кіевскихъ, повелѣлъ Гетманъ учинить тоже и во всей Малой Россіи, и пожививши въ Кіевѣ двѣ недѣли, переселился на житье въ городъ Чигиринъ. Трактатъ Зборовскій, по ратификаціи его Королемъ, Яномъ Казиміромъ, опубликованъ по всей Малороссіи и записанъ вездѣ въ книги судовыя и правительственныя, Марта 8-го дня, 1650 года, чрезъ Есаула Генеральнаго, Многогрѣшнаго, Полковника Брацлавскаго, Нечая, и Секретаря Выговскаго.

Въ Маѣ мѣсяцѣ, 1650 года, прибыли къ Гетману Хмельницкому въ Чигиринъ иностранные посланники съ поздравленіемъ отъ своихъ государей его въ Гетманскомъ достоинствѣ, увеличенномъ знатными воинскими пріобрѣтеніями и Зборовскимъ трактатомъ, признавшимъ его и народъ Рускій вольнымъ и ни отъ кого, кромѣ самихъ себя, независимымъ. Посланники сіи были: отъ Султана Турецкаго, Османъ Ага, съ Пашею Силистрійскимъ, Узукъ Аліемъ, и многими знатными Турками; отъ Царя Московскаго: Совѣтникъ его, Князь Василій Бутурлинъ, со многими Боярами, и, наконецъ отъ Короля Польскаго и Рѣчи посполитой, Канцлеръ, Князь, Любомирскій, съ воеводою Кисилемъ и многими другими. Послы Турецкіе поднесли Гетману отъ имени ихъ Императора булаву, осыпанную каменьями и жемчугами, саблю булатную дорогой цѣны и дулейманъ, похожій на мантію съ горностайными опушками, да сорокъ мѣшковъ серебряныхъ Турецкихъ левовъ въ даръ войску; и всѣ тѣ подарки были въ бумажныхъ мѣшкахъ и чехлахъ, покрытыхъ шелковою матеріею съ золотыми и серебряными цвѣтами. Послами Московскими представлены подарки, состоящіе въ дорогихъ мѣхахъ собольихъ и другихъ и въ коснкахъ разныхъ парчей и матерій, сложенные въ кули рогожаные, а казна, присланная для войска, въ боченкахъ, обвернутыхъ рогожами. Отъ стороны Польской выставлено въ подарки нѣсколько поставокъ тонкихъ суконъ и нѣсколько десятковъ дорогихъ поясовъ и ковровъ, а казна для войска покрыта дорогими коврами.

Послы оные были на аудіенціи у Гетмана. Послѣ обыкновенныхъ поздравленій и привѣтствій, предлагали каждый отъ своихъ государей и народовъ дружбу свою и союзъ къ нему, Гетману, и народу Рускому, а для вѣчнаго ихъ удержанія, соглашали Гетмана съ народомъ къ себѣ въ протекцію на такихъ положеніяхъ, каковы общими договорами установлены будутъ, при чемъ первымъ пунктомъ положится утвержденіе Гетманства наслѣдственнаго въ потомствѣ и фамиліи его, Хмельницкаго. На сіе Гетманъ сказалъ посламъ рѣшительно: „Союзъ и дружбу я „готовъ держать со всѣми народами, и никогда ихъ не презрю, „яко дара Божественнаго и всему „человѣчеству приличнаго; избраніе жъ народу протекціи, когда „она ему надобна будетъ, зависитъ отъ его доброй воли и общаго совѣщанія и приговора; а „отъ потомственнаго обладанія народомъ симъ моею фамиліею въ „качествѣ Гетмановъ я весьма отказываюсь и отъ того вѣчно убѣгать буду, яко противнаго правамъ [154] и обычаямъ народнымъ, по „которымъ они управляемы быть „должны выбранными изъ себя всѣми урядниками и самимъ Гетманомъ. И я, возстановивши въ нихъ „права сіи съ пожертвованіемъ великаго числа воиновъ, отъ нихъ „же избранныхъ и кровію своею „права оныя запечатлѣвшихъ, весьма совѣщусь и стыжусь помыслить даже о ихъ нарушеніи.“ Гетманъ, скоро по прибытіи въ Чигиринъ посланниковъ иностранныхъ, предписалъ во всѣ правительства и города Малоросійскія, чтобы отъ чиновъ и народа прибыли къ нему въ Чигиринъ на сеймъ

Генеральный всѣ депутаты, выбранные, по примѣру прежде посыланныхъ въ Варшаву на сеймъ вольный, а особо повелѣлъ отъ полка присылать по три депутата чиновныхъ и по четыре изъ Козаковъ. Симъ собравшимся депутатамъ и всѣмъ чинамъ Малоросійскимъ объявилъ Гетманъ грамоты иностранныхъ Дворовъ, ихъ подарки и казну и, напослѣдокъ, соглашенія или зазывъ въ протекцію. Чины и народъ Малоросійскій, побывши 268 лѣтъ въ соединеніи съ Польшею и 66 лѣтъ заодно съ Литвою, вкусили и напитались слишкомъ вольностей и своевольствъ тамошнихъ, то есть, добраго и худаго навыку, а урядники и чиновницы здѣшніе и того болѣе заразились властолюбіемъ и присвоеніемъ себѣ начальства и неподчиненности. Посему первымъ было несогласіе ихъ на всякую протекцію и подчиненность иностранную, а и того больше видѣть у себя наслѣднее Гетманство, посуленное Хмельницкому посланниками иностренными отъ ихъ государей. Гетманъ съ клятвою принужденъ увѣрять ихъ, что „предложенное ему наслѣдственное правленіе тогда же имъ отвергнуто и онъ на него никогда не согласится, яко на самый опасный камень претыкновенія, на который всѣ падшіе сокрушатся и востать не могутъ, и что онъ больше ихъ знаетъ, яко состарѣвшійся въ дѣлахъ политическихъ, каковому правительству въ народѣ Малоросійскомъ быть надлежитъ. А что принадлежитъ до протекціи, то она не токмо намъ полезна, но почти неизбѣжна, и здравомыслящій человѣкъ, или совершенный политикъ, съ перваго взгляду примѣтитъ, что самое положеніе земли нашей, открытой со всѣхъ сторонъ и неудобной къ укрѣпленію, дѣлаетъ насъ игралищемъ неизвѣстной судьбы и слѣпыхъ случаевъ. Ежели же обольстили и возгордили васъ многія и великія побѣды наши надъ непріятелемъ и пріобрѣтенная чрезъ то слава, почти всесвѣтная, то знайте, друзья и братія, что это работалъ себѣ болѣе энтузіазмъ народный, подвигнутый крайнею жестокостію Польскою и крайнимъ же огорченіемъ и наступленіемъ народнымъ; и сколько при томъ пріобрѣли мы славы, столько же нажили тѣмъ и завистниковъ, которые, при всѣхъ случаяхъ, а иногда и нарочито для собственной безопасности и осторожности своей, не преминутъ всѣчать въ насъ плевелы или испытывать и пробовать насъ, какъ лѣкари пробуютъ больныхъ своихъ, щупая за пульсъ. И мы вѣрно не всегда таковы будемъ, каковы были и есть, то есть, непобѣдимыми, чего ни одинъ народъ себѣ присвоить не осмѣлится, не отвергнувъ промысла Божія, который одинъ всѣмъ движитъ, и сего крѣпитъ и возводитъ, а сего разслабляетъ и низводитъ, судя по достоинствамъ и заслугамъ народнымъ; а замѣчательнѣйшій въ пораженіяхъ его есть гордость и высокомѣріе народовъ.“

. . . .

Чины и депутаты, успокоенные и тронутые рѣчью Хмельницкаго, начали было разсуждать о протекціи и избирать ее между державъ, приславшихъ своихъ посланниковъ. Но Польскую съ перваго разу единогласно отринули, а о прочихъ разбились на мнѣнія, но ни на одномъ не согласились. Старшие изъ нихъ, соединенно съ Гетманомъ,

соглашались на протекцію Московскую, яко къ народу единовѣрному и единоплеменному; но молодые весьма имъ противились, доказывая чрезъ партизанта своего и оратора, Есаула Генеральнаго, Богуна, что „въ народѣ Московскомъ владычествуетъ самое неключимое рабство и невольничество въ высочайшей степени, и что у нихъ, кромѣ Божьяго, да Царскаго, ничего собственнаго нѣтъ и быть не можетъ, и человѣки, по ихъ мыслямъ, произведены въ свѣтъ, будто, для того, чтобы въ немъ не имѣть ничего, а только рабствовать. Самые вельможи и бояре Московскіе титулуются обыкновенно рабами Царскими, и въ прозьбахъ своихъ всегда пишутъ они, что бьютъ ему челомъ; касательно жъ постолитаго народа, то всѣ они почитаются крѣпостными, какъ бы не отъ одного народа происшедшими, а накупленными изъ плѣнниковъ и невольниковъ, и сіи крѣпостные или, по ихъ названію, крестьяне обоего пола, то есть, мужчины и женщины съ дѣтьми ихъ, по недовѣдомымъ въ мірѣ правамъ и присвоеніямъ, продаются на торжищахъ и въ жилищахъ отъ владѣльцовъ и хозяевъ своихъ на ряду скота, а не рѣдко и на собакъ промѣниваются, и продаваемые повинны при томъ быть еще нарочито веселыми и отзываться о своемъ голосѣ, добротѣ и знаніи какого ни есть ремесла, чтобы по тому скорѣе ихъ купили и дороже заплатили. Словомъ сказать, соединиться съ такимъ неключимымъ народомъ есть тоже, что броситься изъ огня въ пламя.“

Духовенство Малоросійское, большею частію обращенное изъ Уніатства и крайнѣ сожалѣвшее втайнѣ о потерянной его власти надъ народомъ, поданной было имъ Поляками и близкой къ рабству, сплело нелѣпую басню въ разсужденіи посольства Московскаго и всѣхъ прочихъ, и бывшій съ нимъ въ собраніи протопопъ Черкаскій, Ѳедоръ Гурскій, почитавшійся въ народѣ отличнымъ богословомъ и проповѣдникомъ, взявши текстъ изъ священнаго Евангелія и употребляя его на зло самымъ страннымъ сравненіемъ, говорилъ въ собраніи, что, „какъ, де, отъ трехъ царей или волхвовъ поднесенные младенствующему Христу дары: злато, ладанъ и смирна, предзнаменовали бытіе и страданіе его въ мірѣ и возвращеніе въ небо, то есть, злато значило Царя, ладанъ мертвеца, а смирна показывала Бога, то такъ и сіи дары, подносимые отъ Царей народу, предзнаменуютъ, чѣмъ они одѣты или покрыты, въ томъ будетъ жить или покрываться народъ, ими прельстившійся, на примѣръ: дары Польскіе состоятъ въ сукнахъ, покрытыхъ ковромъ, то будетъ и народъ, съ Поляками жившій, ходить въ сукнахъ и имѣть ковры; Турецкіе дары одѣты и прикрыты бумагою и шелкомъ, то и народъ, за ними жившій, будетъ въ состояніи одѣваться шелковыми и бумажными матеріями; а Московскіе дары суть всѣ въ рогожахъ, то неизбѣжно и народъ, живучи съ ними, доведенъ будетъ до такой бѣдности, что уберется онъ въ рогожи и подъ рогожи. И эти заключенія суть вѣрны и превосходятъ всѣхъ оракуловъ въ свѣтѣ.“

Басня сія подѣйствовала больше всего на депутатовъ простѣйшихъ и на всѣхъ Козаковъ: они

подняли отчаянный ропотъ и шумъ на Хмельницкаго, „называя его зрадцею и предателемъ отечества, подкупленнымъ, яко бы, отъ пословъ, и что они, освободивши себя изъ неволи Польской съ пролитіемъ многой крови своей и пожертвованіемъ премногихъ тысячь братіи, положившей животъ свой за вольность отечества, опять предаются въ неволю самоизвольно, и предаются такому народу, который не подалъ имъ никакой помочи въ крайнихъ бѣдствахъ ихъ, не подалъ даже воды промыть кровавыхъ устъ нашихъ, и лучше намъ быть во всегдашнихъ бранѣхъ за вольность, чѣмъ налагать на себя новыя оковы работства и неволи. Да и кому изъ сосѣдствующихъ народовъ отдаться можно безъ ужаса и содроганія? Одни изъ нихъ безпрестанно угнѣтаются бусурманствомъ, не терпящимъ открытаго богослуженія Христіанскаго въ собственной землѣ ихъ; другіе торгуютъ собственною братьею своею и, не смотря на одновѣрство и однокровство, продаютъ одинъ другаго безъ стыда и угрызенія совѣсти. А вѣръ у нихъ столько, сколько слободъ и въ нихъ домовъ, а нерѣдко и въ одномъ домѣ нѣсколько ихъ вмѣщается, и одно семейство отъ разновѣрства не можетъ вмѣстѣ ни пить, ни ѣсть изъ одной посуды, а вся вѣра состоитъ у нихъ въ разборѣ образовъ и крестовъ, и кто изъ нихъ лучшій, тотъ есть и достойнѣй къ почитанію и сильнѣе къ помощи людской; для Бога же, Творца всѣхъ и Господа, не извѣстно, что у нихъ оставляется. И такъ ежели съ симъ народомъ соединиться намъ, то или они насъ распродадутъ по одиначкѣ, или переморятъ[155] на улицахъ своихъ и распутіяхъ; ибо никто изъ нихъ не пуститъ въ домъ свой никого нашего прохожаго, а паче съ табакомъ, употребленіе котораго почитается у нихъ страшнымъ грѣхомъ, смертнымъ грѣхомъ и единственнымъ человѣческимъ грѣхомъ во всемъ мірѣ.“

Гетманъ, успокоивъ ропотъ собранія повтореніемъ клятвъ своихъ, что „онъ никогда не имѣлъ въ мысляхъ и имѣть не будетъ намѣренія приневоливать ихъ къ поврежденію правъ своихъ и свободъ, совѣтовалъ только, по усердію своему къ нимъ и общему отечеству, поставить себя на крѣпкихъ ногахъ надежнымъ союзомъ и соединеніемъ съ другимъ народомъ, котораго всѣ благоустроенныя Державы всегда ищутъ, а намъ сугубо того надобно, въ разсужденіи, какъ я говорилъ уже, положенія земли и новости состоянія нашего,“ и за симъ распустилъ собраніе во свояси, и сеймъ ихъ тѣмъ окончился. Посланниковъ иностранныхъ отдарилъ Хмельницкій пристойно за ихъ подарки и, отписавъ на грамоты со всею вѣжливостію и благодарностію своею за привѣтствія и отзывы Монарховъ, далъ имъ отпускную аудіенцію и на ней увѣрилъ каждаго порознь о всегдашней преданности своей къ ихъ Монархамъ и непрерывной пріязни къ народамъ, и что при томъ онъ всемѣрно будетъ стараться о соединеніи съ ними и своего народа по прошествіи въ немъ перваго отвратительнаго къ протекціямъ жара, породившагося опостылостію тиранскаго надъ нимъ правленія Польскаго, которое и во снѣ имъ грезится и дѣйствуетъ на нихъ, какъ нѣкое страшное пугалище,

Господарь Молдавскій, Липула, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1650 года, прислалъ къ Гетману Хмельницкому чрезъ Боярина Молдавскаго, Морозія, письмо, соглашаясь въ немъ выдать дочь свою, Ирину, въ супружество сыну его, Тимоѳею, и объясняясь при томъ, что онъ всегда на бракъ сей былъ желателенъ, но препятствовали ему въ томъ продолжавшаясь война Хмельницкаго съ Поляками и угрозы тамошняго знатнаго вельможи, Потоцкаго, который давно ищетъ супружества дочери его за сына своего, а фамилія Потоцкихъ ворочаетъ почти всѣмъ правленіемъ Польскимъ. Но теперь, бывши онъ, Липула, совершенно увѣренъ о мирномъ спокойствіи, а паче имѣвши письмо отъ Двора Турецкаго и изволеніе на бракъ сей самаго Султана, его государя, завѣряющаго о своемъ, при всѣхъ случаяхъ, покровительствѣ, увѣряетъ Гетмана о непреложномъ его на бракъ оный согласіи и проситъ прислать сына своего къ нему въ городъ Яссы, съ достаточнымъ, однако, конвоемъ, чтобы отъ стороны Потоцкихъ не сдѣлано какого непріятельскаго покушенія; ибо онъ отъ лазутчиковъ своихъ свѣдалъ, что на границахъ Буковины собралась нарочитая партія Польскихъ гультяевъ или волонтировъ, предводимая молодымъ Потоцкимъ. Гетманъ выправивъ сына своего въ Молдавію съ пристойною свитою и достаточнымъ конвоемъ изъ своей гвардіи, послалъ въ слѣдъ за нимъ пятитысячный корпусъ Козацкій подъ видомъ пограничнаго разъѣзда. Но какъ только молодой Хмельницкій при городѣ Могилевѣ переправился чрезъ рѣку Днѣстръ и приближался къ городу Сорокѣ, то вышедшій изъ байраковъ и садовъ корпусъ Польскій атаковалъ его со всѣхъ сторонъ и принудилъ штатъ и конвой Хмельницкаго спѣшившись убраться въ одинъ цвинтарь церковный и тамо отбиваться, оставивши весь свой обозъ съ богатствомъ на расхищеніе Поляковъ, которые, торжествуя симъ выигрышемъ, начали было обозъ грабить, а Гетманича при томъ штурмовать въ цвинтарѣ, съ умысломъ перебить всѣхъ осажденныхъ до единаго и не выпустить извѣстника, дабы о такомъ злодѣйствѣ не вышло наружу. Но корпусъ Козацкій, назиравшій всегда походъ Гетманича, окружилъ Поляковъ въ самый расплохъ и, выстрѣливши по нихъ изъ ружьевъ, ударилъ копьями и всѣхъ почти до единаго переколол; около десяти Поляковъ и самъ молодой Потоцкій пробились было чрезъ войска Козацкія и убѣжали въ поле, но, на рѣчкѣ обваливши мостъ, Потоцкій утонулъ въ водѣ, а прочіе перебиты увязшими на берегахъ въ урочищѣ „Набатозѣ," и мертвецовъ Польскихъ похоронено до четырехъ тысячь человѣкъ, а послѣ сего побоища свадьба Гетманича въ Яссахъ совершена, и онъ воротился съ женою въ Чигиринъ. Гетманъ потомъ жаловался на Потоцкаго Королю о злодѣйскомъ нападкѣ на свадьбу сына его, добровольно и законно произведенную, но Потоцкимъ обруганную съ великимъ убыткомъ въ людяхъ и знатныхъ суммахъ, но притомъ и извинялся Гетманъ, если что непріятнаго произошло между свадебными и нападавшими на нихъ, то благоволено бъ приписать тое обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ трактаментамъ и

пиршествамъ, на которыхъ не бывъ нимало бывшимъ Король, хотя на перемѣну сію и не отвѣчалъ Хмельницкому; однако же произшествіе свадебное первымъ было поводомъ къ новой войнѣ.

Молодой Хмельницкій не долго пользовался своею женитьбою. Министерія Польская подвигнула Радулу, господаря Мултянскаго, и Ракоція, Князя Венгерскаго, согнать тестя его съ правленія Молдавскаго; и онъ долженъ былъ отправиться съ войскомъ Козацкимъ для возстановленія тестя въ прежнее достоинство. Походъ сей предпринятъ очень скоро, и такъ же очень скоро конченъ былъ съ желаемымъ успѣхомъ. Войска Мултянскія и Венгерскія вездѣ были разбиты и разсѣяны, и самъ господарь Мултянскій былъ убитъ подъ Бухарестомъ. Молдавскій господарь возстановленъ въ свое достоинство, и войска Козацкія, большею частію, распущены въ свои границы, а при Хмельницкомъ остался одинъ полкъ Корсунскій съ полковникомъ Мозырою. Но когда онъ, провождаемый тещею и женою своею, проходилъ съ тѣмъ полкомъ пограничною стороною Молдавіи съ Мултяніею, возвращаясь также въ свои границы, то на пути, около города Сочавы, окружили его великія толпы войскъ Польскихъ и Мултянскихъ, вмѣстѣ съ бунтовщиками Молдавскими, недовольными своимъ господаремъ, собравшими вновь Мултянъ и Поляковъ, знавшихъ о малыхъ силахъ Хмельницкаго. По краткомъ сраженіи вступилъ Хмельницкій въ городъ Сочаву и въ немъ заперся, во ожиданіи прибытія своихъ войскъ, за которыми послалъ онъ ночью надежнаго гонца. Укрѣпляя городъ, осматривалъ онъ притомъ важнѣйшія его мѣста, и въ то время выстрѣленнымъ отъ непріятеля пушечнымъ ядромъ оторвало ему руку по самое плечо, и онъ скончался чрезъ нѣсколько часовъ. Войска Козацкія поспѣшили къ городу на другой день смерти Хмельницкаго, разбили непріятеля на голову и весь станъ ихъ забрали; но, вмѣсто освобожденія, приняли изъ города тѣло Хмельницкаго и препроводили его, вмѣстѣ съ женою и тещею, къ старому Хмельницкому, который, увидѣвъ тѣло сына своего, близокъ былъ къ отчаянію извѣстнаго Царя Егея, бросившагося въ море, при появленіи на немъ черныхъ знаменъ сына своего. Плакалъ Хмельницкій неутѣшно и долго о семъ сынѣ своемъ, составлявшемъ всю его надежду, и который, при хорошемъ воспитаніи и отличныхъ дарованіяхъ, довольно пріученъ былъ имъ къ дѣламъ политическимъ и воинскимъ; а похоронилъ онъ его въ Субботовскомъ своемъ монастырѣ, въ каменной церкви.

Воевода Кіевскій, Адамъ Кисиль, происходящій изъ древней Руской фамиліи Святольдовъ, извѣстныхъ по исторіямъ съ 1128 года между Князьями Рускими, и съ нимъ судьи повѣтовые: Проскура, Воловичь и многіе другіе, также происшедшіе изъ Рускихъ породъ, обратившихся въ Католичество и Польское Шляхетство, скоро, по опубликованіи въ Малоросіи трактата Зборовскаго и устроеніи границъ и урядовъ первобытныхъ сего края, прибыли въ городъ Кіевъ, въ надеждѣ полученія родовитыхъ ихъ имѣній, войною потерянныхъ,

и начали искательства свои со стороны Гетмана и Малоросійскаго трибунала, доказывая, что они неважною отмѣною въ вѣрѣ, отъ важныхъ обстоятельствъ произшедшею, и службою ихъ въ Польскомъ Королевствѣ, терять родовыхъ имѣній не повинны ни по какимъ законамъ, и что они могутъ съ нихъ такъ же отправлять службу и въ Малоросіи, какъ отправляли ее въ Польшѣ. Гетманъ, по разсмотрѣнію и приговору трибунала, дозволилъ было просителямъ вступить въ свои владѣнія, съ присягою ихъ на вѣрность службы Малоросійскому своему отечеству. Но взбунтовавшіеся противъ того Кіевскіе, Бѣлоцерковскіе и Переяловскіе Козаки, подговоренные Судьею Гуляницкимъ и Полковникомъ Миргородскимъ Гладкимъ, выгнали всѣхъ оныхъ искателей изъ селеній Малоросійскихъ и многихъ изъ нихъ перебили и разграбили, отъ чего и самый Воевода, Кисиль, воротившійся въ Польшу, скоро послѣ того померъ. Гетманъ, принявъ поступокъ сей за преступленіе весьма важное, повелѣлъ разыскать его уголовному трибуналу, совмѣстно съ военною Коммиссіею, и виновниковъ судить по законамъ. Судилище оное, нашедъ главными виновниками Гуляницкаго и Гладкаго, осудило ихъ на смерть, и Гладкому отрублена голова, а Гуляницкій бѣжалъ и скрылся въ Молдавіи съ тремя Старшинами отъ войска; прочихъ же Старшинъ и многихъ изъ товариства и рядовыхъ Козаковъ наказано палками, тюрьмою и содержаніемъ окованныхъ на пушкѣ. И хотя таковымъ образомъ довольно наказаны убійства и обиды чиновниковъ Польскихъ, и многіе отысканные пожитки имъ возвращены, но Поляки признали поступокъ сей другою причиною къ войнѣ. Козаки означенныхъ полковъ, возроптавъ явно на Хмельницкаго, что онъ Полякамъ похлѣбствуетъ и ихъ безвинно гонитъ, вышли многіе съ семействами изъ своихъ жилищъ и, вооруженною рукою пришли въ низъ рѣки Донца и тамо поселились, гдѣ составили такъ называемый Рыбинскій Слободской [156] полкъ.

Ханъ Крымскій, съ Мурзою своимъ, Нагайбекомъ, 11 Ноября, 1650 года, прислалъ къ Гетману Хмельницкому Турецкаго Агу, Нурадина, съ письмомъ своимъ и предложеніемъ отъ стороны Султана, соглашая Хмельницкаго, съ народомъ Малоросійскимъ, соединиться съ Портою Турецкою въ протекцію Султанскую, на самыхъ выгодныхъ договорахъ и кондиціяхъ, какіе только онъ избрать и присланному Агѣ поручить можетъ, для донесенія и утвержденія Султану. Хмельницкій, принявъ посланниковъ съ отличными дружескими почестьми и угощеніями, отклонилъ, однако, предлагаемую протекцію до времени, представляя, что народъ, имъ командуемый, не расположенъ еще ни къ какимъ протекціямъ, опасаясь, дабы не нажить тѣмъ завистниковъ и не взорвать новой войны, отъ которой не совсѣмъ оправился, и что онъ всегда будетъ стараться преклонять народъ въ ихъ пользу. Посланники оные, не могши успѣть въ первомъ ихъ предложеніи, совѣщали Гетмана на другое, уговаривая его итти войною съ Ханомъ на Царство Московское, которому объявитъ Султанъ

войну за завладѣніе Царями Московскими Татарскимъ Астраханскимъ; Царствомъ и если оно Портѣ и Хану тою войною возвращено будетъ, то ему, Гетману, удѣленъ будетъ участокъ завоеванія изъ прилеглыхъ къ Малоросіи областей Московскихъ или Татарскихъ. Послѣднее предложеніе посланниковъ для политическихъ видовъ Хмельницкаго крайнѣ ему понравилось, и онъ, предвидя новую неизбѣжную войну съ Польшею, уповалъ привязать къ себѣ необходимостію въ ней самаго Хана Крымскаго съ лучшимъ отъ прежняго успѣхомъ. Потому объявилъ онъ посланникамъ увѣрительно, что по окончаніи съ Поляками наступающей войны, которую они по самымъ малымъ причинамъ и больше отъ заматерѣлой своей злости на Малоросію предпринимаютъ, онъ будетъ готовъ на всѣ Султанскія и Ханскія предложенія. А когда еще, по изволенію Султанскому, и Ханъ Крымскій благоволитъ сдѣлать въ ней ему пособіе, то и тѣ преграды, каковы между одновѣрцами поставляются самою религіею и предразсудками народными, воспріимутъ позволительный видъ вступиться за союзника и его интересы, почитающіеся въ таковыхъ случаяхъ общими, взаимностію одобренными. Посланники, бывъ такими завѣреніями Хмельницкаго удовлетворены, отправились отъ него довольными, а Гетманъ, обдаривъ при томъ ихъ щедро, писалъ чрезъ нихъ Хану о дружескомъ своемъ къ нему расположеніи и о заключенномъ съ посланниками совѣщаніи, прося Хана обнадежить его, съ своей стороны, помощію своею въ нужномъ случаѣ противу Поляковъ.

Хмельницкій, выправивши отъ себя посланниковъ оныхъ, писалъ заразъ къ Царю Алексѣю Михайловичу секретно, увѣдомляя о всѣмъ, произходившемъ у него съ посланниками, и о новой наступающей съ Поляками войнѣ, и просилъ при томъ Царя прилежно сдѣлать ему въ сей войнѣ пособіе или, по крайней мѣрѣ, учинить войсками своими диверсію въ Смоленщину и Бѣлорусію, и показать тѣмъ Малоросіянамъ и ихъ войскамъ благосклонность свою на ихъ пользу и защиту, которою они непремѣнно подвигнуты будутъ на приверженность къ нему, Царю, и его народу для вѣчнаго съ ними соединенія, и послужитъ она, такъ сказать, задаткомъ къ будущимъ впредь договорамъ и соглашеніямъ. Царь, поблагодаря Хмельницкаго за его доказанное къ нему и его народу усердіе и новое извѣщеніе, обѣщалъ учинить ему просимую помощь отправкою войскъ своихъ къ Смоленску и въ Бѣлорусію, не объявляя, однако, Польшѣ формальной войны, дабы не прослыть накадьнымъ нарушителемъ мира и заключенныхъ на него прежнихъ трактатовъ безъ слушныхъ къ тому причинъ, а сдѣлаетъ ту высылку войскъ своихъ подъ видомъ союзныхъ обязательствъ, если токмо не помѣшаютъ въ ней непріятные слухи, приходящіе отъ Астрахани и другихъ понизовскихъ мѣстъ, въ которыхъ съ недавнихъ временъ начало что-то шевелиться неладное.

Хмельницкій, заключая изъ увѣреній, столь неопредѣленныхъ, суетную для себя надежду, началъ пріуготовляться къ оборонѣ собственными силами народа Мало-

російскаго, и прежніе двадцать полковъ укомплектовалъ и составилъ сорокъ тысячь реестровыхъ Козаковъ; но число ихъ въ каждомъ полку положено неровное, а смотря по положенію селеній и по числу въ нихъ семействъ Козацкихъ, потерпѣвшихъ убыль выходомъ другихъ въ Слободской Рыбинскій полкъ. И по сему составились: полкъ Кіевскій, при Полковникѣ Антонѣ Адамовичѣ, въ 1200 Козаковъ, Черниговскій, при Полковникѣ Мартынѣ Небабѣ, въ 1200, Сѣверскій, при Полковникѣ Яковѣ Коровкѣ, въ 1200, Каневскій, при Полковникѣ Семенѣ Павицкомъ [157], въ 3000, Переяславскій, при Полковникѣ Өеодорѣ Лободѣ, въ 2000, Черкаскій, при Полковникѣ Иванѣ Воронченкѣ, въ 3000, Чигиринскій, при Полковникѣ Өеодорѣ Якубовичѣ, въ 3000, Уманскій, при Полковникѣ Осипѣ Глухѣ, въ 3000, Корсунскій, при Полковникѣ Лукьянѣ Мозырѣ, въ 3000, Брацлавскій, при Полковникѣ Данилѣ Нечаѣ, въ 2000, Калжинскій [158], при Полковникѣ Иванѣ Өеодоренкѣ, въ 2000, Кропивянскій, при Полковникѣ Филонѣ Дженджелеѣ, въ 2000, Острянскій, при Полковникѣ Тимофеѣ Носачѣ, въ 2000, Миргородскій, при Полковникѣ Максимѣ Таранѣ, въ 3000, Полтавскій, при Полковникѣ Мартынѣ Пушкаренкѣ [159], въ 2000, Гадяцкій, при Полковникѣ Сергѣѣ Бухалѣ [160], въ 1200, Нѣжинскій, при Полковникѣ Прокопѣ Шуменкѣ, въ 1200, Дубенскій, при Полковникѣ ДмитріѣКривоносѣ, въ 1200, Прилуцкій, при Полковникѣ Өеодорѣ Кисилѣ, въ 1200, и Винницкій, при Полковникѣ Петрѣ Стягайлѣ, въ 1600 Козаковъ. Сверьхъ означенныхъ реестровыхъ полковъ, имѣлъ Хмельницкій пушкарей съ артиллеріею и ея снарядами, подъ управленіемъ Вицеобознаго Генеральнаго, иностранца Фридрганна [161], 4550, да иностранцовъ при нихъ въ чинахъ старшинскихъ, считавшихся мастерами, 47 человѣкъ. Волонтировъ, раздѣленныхъ тогда на пятнадцать охочекомонныхъ полковъ, считалось 14,500 человѣкъ, да войскъ Запорожскихъ находилось въ готовности 12 тысячь. А всего имѣлъ Хмельницкій готоваго войска семьдесятъ одну тысячу съ небольшимъ, и въ томъ числѣ непремѣнной пѣхоты между реестровыми Козаками было двадцать тысячь, обученныхъ всѣмъ тогдашнимъ пѣхотнымъ строямъ и маневрамъ, а при надобности умножалась пѣхота спѣшившимись реестровыми конными Козаками, обученными батавой, и всему при томъ нужному.

Пограничные съ Польшею Козаки, а наче живущіе околицами и куренями около рѣкъ Стыри, Случи, Припети и Сожи, предвидя приближающуюся новую съ Поляками войну, выбрались изъ своихъ жительствъ подъ предлогомъ перехода ихъ внутрь Малоросіи, дабы не терпѣть руинъ пограничныхъ, но проходя далѣе, убрались къ рѣкѣ Донцу и поселились поблизу прежде ушедшихъ Рыбинскихъ поселенцовъ, составивъ изъ себя другой Слободской полкъ, назвавшійся Изюмскимъ, а выходъ сей учинили они подъ часъ комплектованія въ полки реестровыхъ Козаковъ. Посему Гетманъ велѣлъ произвесть во всей Малоросіи нобилитацію или производство въ Казаки, и учинено оное изъ свободныхъ войсковыхъ и городовыхъ жителей,

служившихъ въ прежнія войны волонтирами Запорожцами и въ охочекомонныхъ полкахъ и представившихъ на то достаточныя свидѣтельства; а другихъ никакихъ жителей въ сіе производство не допущено, и производство въ Козаки строго разбиралось, и надобно было къ тому имѣть природное произхожденіе, или доказательства на заслуги; ибо состояніе и порода Козацкая признаваемы были достоинствомъ Шляхетскимъ. Почему и сихъ, вновь произведенныхъ въ Козаки, опредѣленіями правительствъ приговорено написать въ компуты Козацкіе и привесть на то къ присягѣ, считая ихъ впредь на ряду другихъ Козаковъ и въ одномъ съ тѣми Шлехетномъ достоинствѣ. Но засвѣмъ тѣмъ, по компутамъ и переписямъ Козацкимъ видны при нѣкоторыхъ фамиліяхъ отмѣтки, что они произходятъ изъ новописанныхъ Козаковъ. И такъ несправедливо иные заключаютъ, что въ Малоросіи яко бы свободно было переходить изъ Козаковъ въ мужики, а изъ мужиковъ въ Козаки по произволу каждаго.

Миръ въ Малоросіи съ Поляками по трактатамъ Зборовскимъ продолжался только около года. Поляки нарушили его самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ. Они, не объявивъ по общему народному праву формальной войны, ни причинъ, къ тому ихъ побуждающихъ, напали нечаяннымъ образомъ ночью на корпусъ Бряцлавскаго Полковника, Нечая, стоявшій лагеремъ при мѣстечкѣ Краснопольѣ, и разбили его на голову въ 7-й день Іюля, 1650 года. Есаулъ Генеральный, Богунъ, услышавъ о пораженіи Нечая, переправился заразъ черезъ рѣку Бугъ и напалъ съ корпусомъ своимъ на Поляковъ въ ту самую пору, когда они торжествовали побѣду свою надъ Козаками и ликовали въ лагерѣ побѣжденыхъ. Убійство надъ ними произведено жестокое и безъ всякой пощады, яко надъ подлыми хищниками, а не надъ войсками Европейскими, и когда они просили пощады или по ихъ згоды, то отвѣчано имъ: „Згода воинамъ, а кара зрадцамъ.“ Спаслись отъ убійства одни разбѣжавшіеся врознь и куда кто попалъ, а оба лагери, Польскій и Нечаевъ, со всѣми обозами, запасами и артиллеріею, остались на мѣстѣ въ добычу Богунову корпусу, который похоронилъ и тѣла убитыхъ Козаковъ и Поляковъ, и сочтено было послѣднихъ 3,719 человѣкъ, и въ томъ числѣ Полковникъ Польскій, Казимиръ Каневскій.

Гетманъ Хмельницкій, увѣдомленъ бывши отъ Богуна объ открытыхъ Поляками непріятельскихъ дѣйствіяхъ и бывшихъ уже съ ними сраженіяхъ, командировалъ заразъ въ подкрѣпленіе корпуса Богунова другой Козацкій корпусъ, подъ командою Полковника Глуха, а къ Хану Крымскому послалъ нарочнаго гонца съ протестомъ объ открытой наглымъ образомъ Поляками войнѣ и съ испрошеніемъ присылки къ нему вспомогательныхъ войскъ, по учиненному съ посланникомъ, Нагайбекомъ, соглашенію, отъ него Хана утвержденному. Ханъ отвѣчалъ Хмельницкому, что онъ съ войсками его на помочь ему есть готовъ, но, по извѣстнымъ правительственнымъ обрядамъ, надобно доносить ему о томъ Султану, а получа отъ не-

го резолюцію, присылкою войскъ своихъ не умедлитъ онъ, а можетъ быть и самъ на помощь ему прибудетъ, если не помѣшаютъ какія чрезвычайности, а паче со стороны Москвитянъ, которые на границахъ своихъ противъ Крыма дѣлаютъ укрѣпленія и воинскія приготовленія.

Есаулъ Богунъ, подкрѣпленный Полковникомъ Глухомъ, отправился отъ Краснополья впередъ для преслѣдованія Поляковъ въ ихъ границахъ, и 18-го числа Іюля открылся ихъ лагерь около мѣстечка Купчинцы, при Вознесенскомъ монастырѣ. Войска Польскія были подъ командою Польнаго Гетмана, Потоцкаго, при которомъ волонтировалъ и юный Собіевскій. Они окопались подъ монастыремъ по самыя уши. Богунъ покушался разными маневрами вывесть Поляковъ въ поле на открытое сраженіе, но въ томъ не успѣлъ, ибо держались они окоповъ своихъ, не показывая головы. Богуну не оставалось другихъ способовъ выгнать Поляковъ изъ стана, какъ только произвесть на него формальный приступъ. Но расторопность его открыла къ тому выгоднѣйшіе пути, и онъ 21-го Іюля, раздѣливъ корпусъ свой на три части, повелѣлъ двумъ изъ нихъ приступить съ двухъ сторонъ къ стану Польскому на самой зарѣ и дѣлать фальшивую на него атаку, положась на землю, а третьей части, изъ отборныхъ Козаковъ составленной, подползти къ монастырю и завладѣть имъ, во чтобы то ни стало. Сія колонна, во время произведенной отъ фальшивыхъ колоннъ пальбы и нарочитаго крику, пробилась въ монастырь и завладѣла имъ весьма удачно, а по сдѣланному отъ нея знаку сблизились къ ней и другія двѣ колонны, и встянутою на монастырскія строенія артиллеріею произведена внутрь стана сильная на Поляковъ пальба, и они, не могши чрезъ него дѣйствовать своею артиллеріею, разставленною при окопахъ, приступили было къ монастырю съ одними саблями и карабинами, но встрѣчены и опрокинуты ружьями и копьями Козацкими. Отступленіе ихъ обратно внутрь стана сопровождалось также копьями отъ Козаковъ, и они повержены были въ тылъ превеликими кучами; оставшіесь спаслись бѣгствомъ чрезъ свои окопы съ тѣмъ только, что при себѣ имѣли, а обозы ихъ, со всѣми запасами и артиллеріею, остались въ стану и были знатною добычею Козакамъ и ихъ начальникамъ. Убитые Козаки погребены съ торжествомъ въ монастырѣ, и ихъ сочли 1,715 человѣкъ, а Поляковъ зарыли въ ихъ же окопахъ и насчитали 9,674 тѣла.

Есаулъ Богунъ, рапортуя Гетману о преславной своей надъ Поляками побѣдѣ, доносилъ при томъ, что, чрезъ пойманныхъ имъ языковъ и Польскихъ лазутчиковъ, Жидовъ, извѣстился онъ о великихъ силахъ Польскихъ, идущихъ изъ внутренности Польши на городъ Слуцкъ, подъ командою Князя Четвертинскаго, и что нуженъ ему сикурсъ въ однихъ людяхъ, а артиллеріи и запасовъ слишкомъ у него довольно. Гетманъ предписалъ Богуну въ резолюцію, чтобы онъ въ выгодномъ мѣстѣ ожидалъ прибытія его съ войскомъ, а самъ бы не отважился нападать на такого многочисленнаго непріятеля,

дабы имъ не былъ опрокинутъ, а непріятель тѣмъ не окуражился; ибо говорятъ, окураженный Полякъ заносчивѣй отъ всѣхъ дикихъ лошадей Татарскихъ. Между тѣмъ приходили слухи къ Гетману, что Князь Четвертинскій, впавши въ границы Малоросійскія, съ многочисленною Польскою арміею, продолжаетъ здѣсь походъ свой совсѣмъ по системѣ варварской, или по планамъ прежняго дикаго завоевателя Татарскаго, Батыя, и что сожигаетъ всѣ селенія Малоросійскія и истребляетъ жителей здѣшнихъ безъ всякихъ причинъ и надобностей, а дѣлаетъ только одну пустыню, никому неполезную. Гетманъ, поспѣшая съ главнымъ войскомъ своимъ противъ Князя Четвертинскаго, сошелся съ Богуномъ въ сторонѣ Житомира и повелѣлъ ему, пройдя впереди арміи Польской, разгласить въ селеніяхъ, что онъ только одинъ съ корпусомъ своимъ провѣдываетъ о арміи непріятельской и удаляется отъ нея въ сторону, не будучи въ состояніи противъ ея устоять. Онъ дѣйствительно, поворотя на сторону и расположа станъ свой въ выгодномъ мѣстѣ, укрѣпилъ его найлучшимъ образомъ и ожидалъ на себя непріятеля по назначенію Гетманскому, который стоялъ въ близкомъ, но закрытомъ отъ него, мѣстѣ и навѣдывался чрезъ разъѣзжія команды о движеніяхъ непріятельскихъ. Вопль народа и скота, бѣгущаго въ лѣса и другія укрывательства и поднявшіесь пожары и дымъ въ селеніяхъ, возвѣстили о сближеніи арміи Четвертинскаго. Богунъ выслалъ заразъ отрядъ лучшей конницы противъ его арміи и велѣлъ ей, нападая на авангардъ непріятельскій, удаляться отъ него назадъ къ своему корпусу. Такими движеніями непріятель приведенъ къ самому стану корпуса Богунова, и онъ, смекнувъ первымъ взглядомъ о его малости, безъ дальнѣйшихъ замѣчаній напалъ заразъ на станъ со всѣхъ сторонъ, отколь только могъ. Произведенная съ обѣихъ сторонъ пальба изъ пушекъ и ружьевъ и поднявшійся отъ того дымъ довольно заняли и покрыли сражающихся. Гетманъ, сего только и ожидавшій, выступивъ со всѣми силами своими изъ закрытаго мѣста, ударилъ съ тылу и во флангъ непріятелю и поставилъ его въ два огня. Непріятель, оборачиваясь назадъ для обороны, обыкновенно смѣшался тѣмъ и разстроился. Богунъ, не спуская глазъ съ непріятеля, примѣтивъ его разстройство, тотчасъ выпустилъ изъ стана своего пѣхоту съ копьями и ударилъ на смѣшанную пѣхоту непріятельскую, не допуская ее исправиться и перестроиться. Съ Гетманской стороны учинено тоже и непріятель, сбившійся въ толпы безъ всякаго порядку, отступалъ задомъ, не зная самъ, куда; конница же ихъ, примѣтивъ невозможность оборонить пѣхоту, пустилась открыто бѣжать, а конница Козацкая ударилась ее гнать. Пораженіе непріятеля было долгое и крайне губительное. Пѣхота, усмотрѣвъ себя оставленною отъ конницы и главныхъ начальниковъ, начала кричать згоду и, бросая ружья свои, становилась на колѣни и просила пощады для найсвятѣйшей Панны Маріи. При семъ великомъ имени все убійство тотчасъ прекращено и все утихло. Оставшаясь пѣхота Польская объявлена плѣнною, и ее сочтено 7,346 чело-

вѣкъ, и въ томъ числѣ 32 офицера, а между ими знатный, называвшійся Корибутъ; да приведено конницею 13 человѣкъ плѣнныхъ офицеровъ, взятыхъ на погонѣ, а убито и погребено Поляковъ на мѣстѣ сраженія и на поляхъ 17,139 человѣкъ. Случилось сраженіе сіе 13 Сентября, въ среду, гдѣ и Козаковъ убито съ ихъ старшинами 2,173 человѣка. Всѣ обозы и запасы Польскіе и вся ихъ артиллерія, состоящая въ 63-хъ пушкахъ, остались въ добычу Козацкую, а плѣнниковъ Польскихъ отослалъ Хмельницкій въ даръ Хану Крымскому, для полученія ему за нихъ выкупа, и получилъ отъ него увѣдомленіе, что войска его прибудутъ съ нимъ на помощь Хмельницкому въ слѣдующую весну.

Гетманъ, получа такъ знатную побѣду надъ Поляками, не былъ ею утѣшенъ; ибо окружавшія его толпами семейства Козацкія и всѣхъ другихъ жителей Малоросійскихъ, собравшіясь со многихъ селеній, Четвертинскимъ вызженныхъ и опустошенныхъ, приводили его до слезъ. Они вопіяли къ нему о пособіи, а онъ не зналъ, чѣмъ такому множеству помочь, а паче въ приближающееся зимнее время. И такъ, снабдя ихъ довольными съѣстными припасами, добычными лошадьми и волами, а бѣднѣйшихъ и деньгами, велѣлъ имъ идти на зимовье въ селенія Гадяцкаго и Полтавскаго полковъ, а по веснѣ селиться вгору по рѣкамъ Сулѣ, Пселу и Ворсклѣ, на Малоросійскихъ, такъ называемыхъ, Булавинскихъ земляхъ, объ отводѣ которыхъ даны въ тѣ полки отъ Гетмана повелѣнія. И сіи выходцы, оселивъ въ тѣхъ мѣстахъ многія слободы, положили основаніе тремъ Слободскимъ полкамъ: Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому, кои, умножившись другими Малоросійскими выходцами, дѣйствительно составили три полка оные. И были полки сіи съ другими такими же полками въ непремѣнномъ командованіи Гетмановъ и правительствъ Малоросійскихъ, и на всемъ правѣ и преимуществѣ Малоросійскомъ ажъ до временъ приключенія Гетмана Самуйловича; а съ того времени Полковники тамошніе, пожелавъ лучше быть каждому изъ нихъ маленькимъ самовластнымъ Гетманомъ, чѣмъ большому Гетману повиноваться, просили отъ двора Царскаго, или лучше сказать, отъ Князя Голицына, всѣмъ тогда управлявшаго, всякій себѣ особыя права, исключительныя отъ подчиненности Малоросійской. Земли же, подъ сими полками оставшіясь, назывались потому Булавинскими, что принадлежали онѣ на булаву Гетманскую и на нихъ содержались заводы Гетманскіе конскіе и скотскіе, также заводы и табуны воловіе и конскіе всей Малоросійской артиллеріи, и тутъ же табуны полковыхъ артиллерій, Гадяцкаго, Полтавскаго и другихъ ближайшихъ, и для того были на нихъ многіе хуторы съ жителями, въ тѣ полки послѣ причисленные.

Король Польскій, получа извѣстіе о послѣднемъ пораженіи арміи Польской, бывшей подъ командою князя Четвертинскаго и составлявшей всѣ лучшія Польскія силы, повелѣлъ во всемъ Королевствѣ своемъ быть вторичному посполитому рушенью на Малоросію. И между тѣмъ какъ въ Польскихъ

провинціяхъ все было въ движеніи и всякій, назначенный въ походъ, вооружался, Король вытребовалъ нарочитый корпусъ войскъ Нѣмецкихъ отъ Маркграфа Бранденбургскаго, который считался въ Польской Пруссіи вассаломъ Польскимъ и прислалъ корпусъ свой подъ командою Генерала Донгофа [162]. Отъ Герцога Курляндскаго Король также требовалъ вспомогательнаго корпуса; но какъ Герцогство сіе по правамъ своимъ не обязано давать войска внѣ государства, то Король и Республика Польская, прося Герцога убѣдительно, обязались письменно не считать высылки сей обязанностію, но доброю волею, учиненною по просьбѣ отъ Польши и по усердію къ ней Курляндцевъ. Гетманъ съ своей стороны не оставилъ также безъ приготовленія себя къ оборонѣ. Онъ, дополнивъ полки свои на мѣста убылыя новыми воинами, подкрѣпилъ пограничные города сильными гарнизонами изъ милиціи и достаточною артиллеріею со всѣми запасами, и имѣлъ тогда готоваго войска въ полѣ семьдесятъ три тысячи, кои расположены были на зимнія кантониръ-квартиры отъ Днѣстра до рѣки Припети.

Съ первыхъ чиселъ Марта мѣсяца, 1651 года, всѣ войска Польскія и Козацкія были въ движеніи и одно другаго присматривали. Король Польскій по извѣстіямъ направлялъ походъ свой съ главною арміею къ рѣкѣ Стыри, куда и другія его войска по границамъ своимъ стягались. Войска Козацкія своими корпусами собирались въ ту же сторону; Ханъ Крымскій съ двадцати-тысячною арміею своею, слѣдуя надъ Днѣстромъ вгору, сошелся съ арміею Хмельницкаго за день пути отъ рѣки Стыри. Свиданье Хана съ Хмельницкимъ было замѣчательно и, по признанію знатоковъ, не предвѣщало ничего добраго. Ханъ принялъ Хмельницкаго съ притворною ласкою, домогался отъ него клятвъ на подтвержденіе обѣщаній, сказанныхъ Нагайбеку въ разсужденіи Царства Астраханскаго, и не спускалъ съ него глазъ, замѣчая самыя его мины. Хмельницкій, выворачиваясь изъ сего лабиринта, отвѣчалъ Хану всегда двусмысленно и неопредѣленно и обѣщавалъ впередъ обстоятельнѣе о томъ потолковать. Разставанье ихъ было довольно холодно, а таковы же и обнадеживанія; однако выбрали они станъ для обоихъ войскъ Козацкаго и Татарскаго и расположили его при рѣкѣ Стыри, между болотъ, при мѣстечкѣ Берестечкѣ, гдѣ Гетманъ построилъ обозы свои вагенбургомъ и укрѣпилъ ихъ окопами съ артиллеріею, а Ханъ поставилъ вьюки свои особо отъ вагенбурга позади войскъ своихъ и построилъ ихъ батавою.

Отъ передовыхъ Козацкихъ войскъ получено извѣстіе, что Польская армія, переправясь заблаговременно чрезъ рѣку Стырь, идетъ надъ сею рѣкою къ Берестечку и считаютъ ее до 300,000. 11-го числа Мая стала она въ виду Козацкой и Татарской арміи и представляла ужасное зрѣлище блескомъ своимъ и стономъ земли отъ многолюдства, а паче отъ многочисленной конницы. Гетманъ выстроилъ армію свою на правомъ флангѣ Татарской; пѣхоту умножилъ спѣшенною конницею и по

ставилъ въ срединѣ обширною и толстою фалангою съ многочисленною артиллеріею по фасамъ и на срединѣ, и прикрылъ правый ея флангъ своею конницею. Сраженіе началось въ 9 часовъ утра страшною пальбою съ обѣихъ сторонъ изъ пушекъ и ружьевъ. Поляки, имѣвъ въ центрѣ своей арміи Прускія и Курляндскія войска, заняли все пространство Козацкой и Татарской арміи другими своими войсками, намѣреваясь ихъ окружить со всѣхъ сторонъ, но положеніе мѣста болотистаго въ томъ не позволяло. Пѣхота Козацкая, по первыхъ выстрѣлахъ, ударила на копья и опрокинула пѣхоту Нѣмецкую, смѣшавъ ее и погнавъ въ средину Польской арміи; но въ ту самую пору Татарская армія, прикрывавшая лѣвый Козацкій флангъ и занимавшая самыя лучшія высоты, удалилась съ своего мѣста и попустила Полякамъ атаковать пѣхоту сію во флангъ и въ тылъ, такъ что она стала съ трехъ сторонъ обнята и стѣснена. Гетманъ, примѣтивъ отступленіе Татаръ, повелъ было часть конницы своей на ихъ мѣсто позади пѣхоты, но уже сюда пробиться не могъ, и посему онъ, съ одною конвойною командою, удалившись отъ арміи своей, поскакалъ искать Татаръ, въ другую сторону, чтобы уговорить и упросить Хана къ возвращенію на свое мѣсто. Конница Козацкая, увидѣвши удаляющагося изъ арміи Гетмана, обратилась въ слѣдъ за нимъ, а пѣхота ихъ стала тогда окружена со всѣхъ сторонъ. Она, бывши вокругъ поражаема и оставлена на конечную гибель, рѣшилась пробиться къ болотамъ и тамо ожидать послѣдней своей судьбины. Нѣмцы кричали уже ей пардонъ, а Поляки згоду, то есть, требовали отдачи себя въ плѣнъ. Но она, отвѣчая, что лучше умереть со славою, чѣмъ жить поруганною, сомкнулась тѣснѣй и ручнымъ боемъ на копья и сабли пробилась въ густыя лозы, окружавшія болото, и тамо укрылась [163]. Поляки, считая, что пѣхота сія уже въ ихъ рукахъ и они всегда ее могутъ забрать въ плѣнъ или перебить всѣхъ до одного, оставили ее въ лозахъ до утра; ибо тогда было на заходѣ солнца, а всѣ обозы Козацкіе, бывшіе въ вагенбургѣ съ людьми тамошними и всѣми запасами, особливо со множествомъ лошадей верховыхъ и подъемныхъ, также вся артиллерія съ ея принадлежностью, достались въ руки Польской арміи.

Между тѣмъ, какъ Поляки торжествовали побѣду въ станѣ Козацкомъ и ликовали надъ ихъ запасами, Козаки, засѣвшіе въ лозахъ, безпрестанно помышляли о своемъ избавленіи и оправдали собою ту пословицу народную, что „нужда влагаетъ разумъ человѣкамъ.“ Они, дождавшись темноты ночной, положили копья свои по болоту, по пяти ихъ вмѣстѣ, въ полторы четверти одно съ другаго, а концами вровень одно съ другимъ; по симъ копьямъ, положась на нихъ, катился каждый Козакъ съ боку на бокъ до другаго края болота и, такимъ образомъ, перекатились всѣ они за болото на твердую землю, а послѣдніе изъ нихъ переволокли за собою и всѣ копья Не останавливаясь на твердой землѣ ни мало, пошли они искать конницы своей и Гетмана, и около полудня нашли ихъ, пасущихъ ло-

щадей и сѣтующихъ неутѣшно о пропадшей пѣхотѣ и о такомъ великомъ всѣхъ несчастіи. Радость была несказанная, увидѣвши одни другихъ. Они, сдѣлавши тутъ короткій пѣхотѣ отдыхъ, подчивали конные Козаки пѣхотныхъ опущками или стеблями травъ катрана и холодка, вмѣсто обыкновеннаго обѣда; ибо другой пищи, кромѣ травы, ни какой у себя не имѣли; а послѣ такого лакомства отправились всѣ въ дальнѣйшій путь къ Каменцу Подольскому. Гетманъ разсказалъ при томъ чиновникамъ своимъ исторію его съ Ханомъ Татарскимъ, что когда перенялъ онъ Хана за болотами по отступленіи Ханскомъ съ мѣста сраженія; то просилъ его найубѣдительнѣйше, поступая всѣ свои, каковы ни имѣлъ, сокровища, и что только ему угодно, чтобы онъ воротился на мѣсто сраженія и помогъ оборонить оставшіясь въ опасности Козацкія войска; но онъ, оттитуловавши Гетмана Христіанскимъ гяуромъ, сказалъ въ полной злобѣ и ярости, что на границахъ Буковины видѣлся съ нимъ судья Гуляницкій и пересказалъ всѣ бывшія у Гетмана съ Царемъ Московскимъ переписки и переговоры о союзахъ, уговорахъ и протекціяхъ, и что „скорѣе онъ, Гетманъ, сдѣлаетъ народъ свой злополучнымъ, нежели его осчастливитъ; ибо Ханъ никогда до такихъ союзовъ и протекцій не допуститъ, а наведетъ со всѣхъ сторонъ на землю его войска Турецкія, Татарскія и Польскія,“ и заразъ тому дѣлаетъ начинанія, если только Гетманъ не приметъ Турецкой и его стороны противъ Москвитянъ. Гетманъ, сколько не выговаривался, что ему въ нынѣшнее военное время и въ такомъ критическомъ бывши положеніи, ни какъ пуститься на новыя такія важныя предпріятія невозможно, а должно помышлять о томъ во время мира, однако Ханъ ничего того не уважилъ и разстался съ нимъ съ прежними угрозами, а Гетманъ послѣ свѣдалъ, что убѣжавшій отъ казни Судья Гуляницкій изъ Молдавіи пробрался въ Польшу, а оттоль посыланъ отъ Короля съ Сенаторомъ его, Лянцкоронскимъ, въ Буковину, на встрѣчу Хана съ великими къ нему подарками и нарочитыми суммами, которые Хану и поднесли, и всѣ тайны Хмельницкаго тогда Хану Гуляницкимъ открыты. Ханъ, приближась къ своимъ границамъ, захватилъ себѣ въ плѣнъ многихъ жителей Малоросійскихъ, очитавшихъ его союзникомъ и тѣмъ обезпеченныхъ, а Козаковъ Запорожскихъ такъ же упло не мало отъ Гетмана въ слѣдъ за Ханомъ, подъ предлогомъ обороны своихъ зимовниковъ отъ разоренія Татарскаго.

Король Польскій, окураженный коварнымъ предательствомъ Хана и полученною чрезъ то великою надъ Козаками побѣдою, раздѣлилъ превеликую армію свою на двое, и одну ея часть, подъ командою Князя Четвертинскаго, отправилъ для занятія города Кіева, въ который намѣревался Король прибыть съ штатомъ своимъ и арміею на зимовую, а съ другою арміею шелъ самъ Король на Волынь и до Каменца Подольскаго. Гетманъ Хмельницкій, потерявъ подъ Берестечкомъ войскъ своихъ около двѣнадцати тысячь, не потерялъ при томъ мужества своего нимало, и въ короткое время дополнивъ

армію свою изъ городовыхъ гарнизоновъ и милиціи, и вооруживъ ее запасною аммуниціею изъ арсеналовъ, Чигиринскаго и Черкаскаго, выступилъ съ нею противъ арміи Четвертинскаго. Сію армію засталъ Гетманъ при мѣстечкѣ Хвастовѣ, имѣвшую роздыхъ въ полной безпечности; ибо Поляки, по обыкновенному своему легкомыслію и надменности, не иначе судили о Хмельницкомъ и Козакахъ, какъ только, что они гдѣ ни есть кроются при отдаленныхъ границахъ, не смѣя имъ и показаться, и обыкновенно располагали уже, какъ имъ пиршествовать при Королѣ въ Кіевѣ и пресыщаться тамошними изобиліями и услугами Кіевлянокъ. Гетманъ, приступивъ къ арміи Польской на самой зарѣ, отрядилъ знатную часть пѣхоты своей въ сады и огороды Хвастовскіе, обнесенные окопами, которые служили пѣхотѣ Козацкой хорошими шанцами, а всѣми другими войсками наступилъ на лагерь Польскій и, производя сильную пальбу изъ пушекъ и ружьевъ, подавался всегда впередъ, ни мало не останавливаясь. Поляки, бывши полунагіе, хватались за вооруженіе, но уже построиться порядочно не могли, а сбѣжавшись кучами, подавались къ огородамъ и садамъ, чтобы при нихъ выстроится и выступить впередъ. Но пѣхота Козацкая, засѣвшая за окопами садовыми, допустя Поляковъ на самую ближайшую дистанцію, сдѣлала по нихъ самый исправный и сильный залпъ изъ ружьевъ и повергла на землю цѣлыя ихъ тысячи. Оставшіесь возвращались внутрь лагеря; но встрѣченные всѣми войсками Козацкими, претерпѣли второе отъ нихъ пораженіе. Конница Польская, садившаясь на лошадей и строившаясь въ линіи, тогда же опрокинута и перемѣшана выстрѣлами и копьями отъ конницы Козацкой и побѣжала врознь слѣдами Князя Четвертинскаго и его штата, убравшихся заблаговременно и почти въ однихъ шлафоркахъ. И такъ армія Четвертинскаго разбита была на голову и разогнана въ крайнемъ безпорядкѣ. Бывшія при ней войска Курляндскія, убравшись въ мѣстечко, прислали отъ себя депутатами своихъ офицеровъ, отдаваясь въ плѣнъ и прося пощады. Гетманъ, обезоруживъ ихъ, отпустилъ въ ихъ землю съ условіемъ и клятвами не возвращаться имъ къ Королю и Полякамъ и не дѣйствовать впредь непріятельски противъ Козаковъ, подъ опасеніемъ казни вѣроломцамъ шибеницею. Весь лагерь Польскій, со всѣми запасами, артиллеріею и богатою ставкою Четвертинскаго и другихъ вельможъ Польскихъ, достались въ добычу Козакамъ и вознаградили потерю ихъ въ сихъ вещахъ подъ Берестечкомъ. Убитыхъ погребено Поляковъ на мѣстѣ 13,972 тѣла, а взято въ плѣнъ Курляндцевъ и отпущено въ ихъ землю 3,215 человѣкъ. Происходило же оное сраженіе 27 числа Августа, въ четвертокъ.

При Хвастовѣ извѣстился Гетманъ Хмельницкій, что Князь Радзивилъ съ войсками его, Литовскими, пробираясь на помощь Четвертинскому, по правому берегу рѣки Днѣпра, раззорилъ многія селенія побережныя и самый городъ Кіевъ, бывшій безъ обороны, разграбилъ, а услышавъ о пораженіи Четвертинскаго, воротился обрат-

но въ Литву, со многими корыстьми. По сему извѣстію тотчасъ отправился Хмельницкій съ легкою конницею преслѣдовать Радзивила и, обошедъ его ночью, засѣлъ впереди у Маслова Прудища, и какъ только онъ съ корпусомъ, шедшимъ безпечно, поровнялся съ Хмельницкимъ, то сей, напавъ съ боку, разбилъ войска его на голову и воротилъ всѣ награбленныя корысти съ лихвою, получивъ весь обозъ Радзивиловъ съ запасами и собственными его богатствами. Возвращаясь Хмельницкій отъ Маслова, разбилъ еще сильныя войска Польскія подъ Бѣлою Церковью, кои шли отъ арміи Королевской искать и помочь Четвертинскому и насунулись на Хмельницкаго, бывъ жертвою его храбрости.

Король съ арміею своею, состоящею въ числѣ 150 тисячь, пройдя отъ Берестечка въ Подолье, осадилъ тамошній городъ Каменецъ. Гарнизонъ, бывшій въ крѣпости подъ командою Полковника Глуха, дѣлая сильный отпоръ непріятелю чрезъ 9 недѣль, наконецъ, по малочисленности своей и издержаннымъ запасамъ, 29-го Сентября сдался Королю на договоръ, и оный, въ числѣ 312 человѣкъ отосланъ военноплѣннымъ на Жмудь, а Король зимовалъ въ Каменцѣ и окрестностяхъ его. Гетманъ, имѣвъ при себѣ войска 60 тысячь въ полномъ вооруженіи и достаткѣ, въ 1652 году отправился съ нимъ на армію Королевскую и нашелъ ее при мѣстечкѣ Жванцѣ, расположенную весьма обширно или роскошно, то есть, съ небреженіемъ о непріятелѣ, а въ надеждѣ на свою многочисленность. Хмельницкій, въ первый день своего приближенія къ ней, рекогносцировалъ ее вокругъ съ малою, но отборною, конницею и съ легкими съ обѣихъ сторонъ перестрѣлками отъ наѣздниковъ. 29-го числа Апрѣля, во вторникъ, на самой темной зарѣ, открылъ Гетманъ атаку свою на армію Польскую со стороны мѣстечька, имѣвъ съ собою одну конницу съ малымъ числомъ легкой пѣхоты и артиллеріи; а главную пѣхоту посадилъ ночью въ сады и огороды (обведенные обыкновенными ихъ окопами), со стороны Хотина и Каменца Подольскаго. По первомъ выстрѣлѣ изъ пушекъ, армія Польская выстроилась противъ атакующихъ ее войскъ Козацкихъ и поставила тутъ лучшую свою пѣхоту Прускую съ артиллеріею. Гетманъ, занимая сію пѣхоту и весь правый флангъ непріятельскій круглыми своими или маячными наѣздами конницею, далъ знакъ главной пѣхотѣ своей и она, вышедъ скоропостижно изъ засады, ударила въ тылъ праваго непріятельскаго фланга и, по первомъ выстрѣлѣ, наступила на него съ копьями. Пѣхота Пруская, поворачиваясь къ оборонѣ, показала тылъ свой конницѣ Козацкой, а выступившая изъ-за нея легкая пѣхота, напала также съ копьями на Прусаковъ и они, бывши съ обѣихъ сторонъ атакованы, смѣшались и въ разстройкѣ подались на средину своей арміи. Пѣхота Козацкая, преслѣдуя ихъ, не давала имъ заряжать ружьевъ и построиться, а поражала своими копьями при оборонѣ непріятеля одними штыками. Гетманъ, примкнувъ къ пѣхотѣ своей съ обоихъ ея фланговъ, перемѣнилъ тѣмъ весь строй обѣихъ армій и обхватилъ

всю артиллерію праваго непріятельскаго фаса. Непріятель началъ было перестроиваться, дѣлая свой фронтъ противъ фронта Козацкаго, но Хмельницкій въ то самое время наступилъ на него всѣми своими силами и разорвалъ его на двое. Одна часть со всею почти конницею начала отступать къ Каменцу, подъ командою самаго Короля, и Хмельницкій велѣлъ войскамъ своимъ противъ ея только маскировать и показывать видъ наступательный, а другая часть съ пѣхотою Прускою опустилась въ мѣста низменныя къ сторонѣ Могилевской, и на сію Гетманъ наступилъ со всею жестокостію. Она, не имѣвъ у себя артиллеріи, скоро потребовала пардона и обезоружена, и Гетманъ, обнявъ ее кордономъ, отправилъ въ городъ Корсунь до разсмотрѣнія; а взято всѣхъ плѣнниковъ 11,313 человѣкъ, и въ томъ числѣ два Генерала, Донгофъ и Оссолинскій, коихъ удержалъ Гетманъ при себѣ со всѣми почестями и воротилъ имъ всѣ ихъ экипажи и пожитки, оставшіесь въ лагерѣ. Весь же лагерь съ обозами и артиллеріею достался Козакамъ; но и изъ него Королевскіе экипажи и палатки съ людьми и всѣмъ, что было Королевское, отправлены въ слѣдъ за Королемъ въ прикрытіи Козацкаго конвоя, который Королемъ знатно обдаренъ съ публичною признательностію предъ его войсками, „что грубые Козаки вѣжливѣй и великодушнѣй отъ насъ, славящихся эдукаціями, и они въ другой разъ лично меня одолжаютъ, къ стыду надменности нашей."

На другой день баталіи Жванской выступилъ Хмельницкій со всѣми войсками въ слѣдъ за Королемъ къ Каменцу Подельскому, но на пути встрѣтили его Сенаторъ Лянцкоронскій и Генералы Потоцкій и Собіевскій, предлагая миръ отъ Короля, утверждающій клятвами трактатъ Зборовскій во всемъ его пространствѣ; а въ залогъ того, пока отъ чиновъ и Рѣчи Посполитой послѣдуетъ формальное утвержденіе сего мира, и отъ Короля выйдетъ на него ратификація, оставляются у Гетмана аманатами вышеозначенные три чиновника и четвертый съ ними находящійся въ плѣну, Генералъ Оссолинскій; прочихъ же чиновниковъ плѣнныхъ и всѣхъ рядовыхъ просилъ Король отпустить въ ихъ жилища. По сему Гетманъ на все согласился, просимое выполнилъ и плѣнниковъ распустилъ, воротивъ при томъ Прускимъ войскамъ шпаги и все вооруженіе ихъ съ нужными обозами и путевыми запасами, напротиву чего и Малороссійскіе плѣнники Королемъ возвращены въ свое отечество. Ратификація, подписанная 27 Сентября, получена Хмельницкимъ 11-го Октября и во всей Малоросіи опубликована съ торжествами и молебствіями во во всѣхъ селеніяхъ и церквахъ. Войска распущены по своимъ мѣстамъ и все приведено въ мирное состояніе. Аманаты Польскіе объявлены свободными и отъ Гетмана съ почестьми и подарками отпущены въ ихъ землю и на дорогу всѣмъ нужнымъ напутствованы; но одинъ изъ нихъ, Сенаторъ Лянцкоронскій, имѣвъ секретныя отъ Короля инструкціи, остался жить въ Чигиринѣ приватно, до дальнѣйшихъ повелѣній Королевскихъ.

Въ Ноябрѣ, 1652 года, прибыли

къ Гетману въ Чигиринъ посланники Турецкіе, Нурадинъ Ага съ Эфендіемъ, Оглу-Селимомъ, да Крымскій Мурза, Нагайбекъ, съ ихъ штатами, а къ нимъ присоединился и Польскій Сенаторъ, Ланцкоронскій. Они всѣ вмѣстѣ, объявивъ волю своихъ Дворовъ и данныя отъ нихъ полномочія и наказы, соглашали Гетмана воевать, вмѣстѣ съ ихъ державами, на Царство Московское и отнять у него, въ пользу Хана, Царство Астраханское. Ханъ писалъ при томъ особо къ Гетману, что сдѣланные имъ противъ интересовъ Ханскихъ тайные договоры съ Московцами и всѣ непріятности онъ охотно Гетману оставляетъ и предаетъ ихъ вѣчному забвенію при первомъ согласіи Гетмана на нынѣшней конференціи, а что касается до загнанныхъ имъ въ нынѣшнее лѣто Малоросійскихъ плѣнниковъ, числомъ до трехъ тысячъ, то ихъ тотчасъ возвращаетъ въ свои жилища, и они у него не что иное значатъ, какъ аманаты въ залогъ обѣщаній Гетманскихъ взятые. Гетманъ, употребя все свое искуство въ политикѣ и все краснорѣчіе въ доказательствахъ, сколько ни отговаривался невозможностью вступить въ новую войну, потерпѣвши великіе убытки въ старыхъ, и что надобно ему время на размышленіе, на совѣты съ народомъ и на многія поправки, однако посланники ни на что тое не уважая, требовали у Гетмана лаконическаго отвѣта, т. е., такъ или инакъ, и вступаетъ ли онъ съ ними въ союзъ, или объявляетъ себя ихъ непріятелемъ, и что они имѣютъ отъ Дворовъ своихъ повелѣнія, на случай несогласія Гетманскаго, положить ему на столъ мечь и лукъ, войну означающіе. Гетманъ просилъ еще признать его неутральнымъ и онъ подъ симъ видомъ обяжется вспомогать имъ секретно, суммами, лошадьми, снарядами и другими воинскими надобностями, значущими въ войнѣ пунктъ немаловажный. Но и сіе предложеніе Гетманское отринуто и послы настаивали ему выставить армію свою противъ Московцевъ. Гетманъ, наконецъ, по многихъ переговорахъ, сказалъ, что онъ посылается на благоразуміе самихъ пословъ, по которому они найдутъ сами и признаютъ невозможность вступить ему заразъ въ новую наступательную войну, не укомплектовавши своихъ войскъ, потерпѣвшихъ великіе убытки и не получившихъ самаго необходимаго въ войнѣ знанія, безъ котораго легко можно принесть одинъ вредъ союзникамъ, вмѣсто ожидаемой помощи; а испорченное одинъ разъ, обыкновенно труднѣе, иногда, поправлять, чѣмъ вновь дѣлать. Послы, уваживъ, напослѣдокъ, такъ великіе Гетманскіе резоны, отсрочили ему на поправку арміи 10 мѣсяцевъ и, обдареные Гетманомъ щедро, разъѣхались во свояси, а Ханъ, въ слѣдъ за тѣмъ, воротилъ плѣнниковъ Малоросійскихъ.

Гетманъ, раздѣлавшись съ послами, выправилъ заразъ въ Москву секретно судью Генеральнаго, Якова Гонзевскаго, и чрезъ него писалъ къ Царю, Алексѣю Михайловичу, письмо слѣдующаго содержанія: „Многочасно и многообразно давалъ я знать Вашему Величеству о „намѣреніяхъ Султана Турецкаго „и Хана Крымскаго, вмѣстѣ съ „Королемъ Польскимъ, объявить „Вамъ войну за царство Астрахан-

„ское и другія ихъ претензіи, и „что они меня къ тому приглашаютъ противъ воли моей и желанія, и я отговаривался отъ нихъ „доселѣ разными предлогами, а „паче бывшими у меня съ Поляками всегдашними войнами. Но теперь, когда окончилъ я сіи войны Зборовскимъ и Жванскимъ „трактатами, то присланные отъ „всѣхъ оныхъ Державъ нарочные „посланники требовали у меня настоятельно воевать, вмѣстѣ съ тѣми державами, на царство Ваше; „въ противномъ же случаѣ объявляютъ они мнѣ войну и введутъ „въ Малоросію для того три свои „арміи. Я, сколько не отговаривался истощеніемъ силъ моихъ и „народныхъ частыми и тяжкими „войнами и крайнимъ моимъ несостояніемъ, требующимъ немалаго времени на поправку испорченнаго и на заведеніе оскудѣлаго, однако они ничего того не „внемлютъ и въ резоны не ставятъ, подозрѣвая меня особливо „въ приверженности и преданности „къ Вашему Величеству и народу „Вашему, по пересказамъ имъ измѣнника моего, бывшаго отъ меня въ посылкахъ въ Москву, но „послѣ, за злодѣяніе, на смертъ „осужденнаго, Судьи Гуляницкаго, „который, убѣжавши отъ казни, „кроется въ Крыму и Польшѣ и „на меня клевещетъ. И я насилу „могъ выпросить у посланниковъ „оныхъ, съ великими имъ пожертвованіями, одной отсрочки на 10 „мѣсяцевъ для приведенія арміи „моей въ надлежащій порядокъ, а „всѣ другія прозьбы мои, даже и „на самый неутралитетъ, осталися „тщетными. И такъ остается теперь судить о семъ дѣлѣ Вашему „Величеству и избирать средства „полезнѣйшія и надежнѣйшія; а „я призываю всѣ клятвы на душу „мою, что о войнѣ съ вами и съ царствомъ вашимъ и думать мнѣ несносно, и *предаю вѣчной анаѳемѣ и суду Божію всякаго, мыслящаго непріятельски на единовѣрцевъ и однородцевъ*, послѣднихъ „остатковъ свободнаго въ Греческой Церкви благочестія и древняго Апостолическаго православія „угнѣтеннаго и искаженнаго во „всемъ мірѣ Магометанствомъ и „Папежствомъ. Но ежели, Ваше „Величество, еще и теперь не „рѣшитесь упредить непріятелей „и попустите имъ войти въ Малоросію съ своими арміями и „принудите меня иттить съ войсками моими войною на царство „Ваше, то извините меня и не осудите, что стану Вамъ *по неволѣ непріятель*, и на таковъ случай протестуюсь я предъ Богомъ „и всецѣлымъ свѣтомъ, что неповиненъ буду въ крови единовѣрныхъ „Христіанъ, проливаемой за интересы народовъ невѣрныхъ и недовѣрковъ. Для отвращенія зла „онаго, или, по крайней мѣрѣ, ради его уменьшенія, есть средство „не безнадежное, т. е., объявить „Полякамъ войну и ввесть заразъ „въ землю ихъ двѣ арміи или хорошіе корпусы: одинъ въ Бѣлорусію и на Смоленскъ, а другой „въ Литву. Поляки непремѣнно „должны отвлечь туда всѣ свои „силы, а Турецкія и Татарскія „войска я, съ помощію Божію, надѣюсь тогда удержать въ ихъ „границахъ, слѣдуя системѣ оборонительной. Если же войска Вашего Величества осчастливлены „будутъ успѣхами, такъ я и на „дальнѣйшее поступить могу. Но „всѣ сіи положенія надобно утвер-

„дить договорами и клятвами, *чтобы не думалось о зрадахъ*; а я всю свою *душу обнажилъ* предъ Вами, и свидѣтель мнѣ Богъ, что говорю сущую правду.“

По адресу Хмельницкаго Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ къ нему Боярина, Василья Васильевича Бутурлина, своего Совѣтника, и съ нимъ другихъ двухъ думныхъ Бояръ, и чрезъ нихъ наказывалъ и писалъ Царь къ Хмельницкому слѣдующее: „Высокомочному и славному Малоросійскому и Козацкому Гетману, Зиновію Михайловичу Хмельницкому, наше Царское и почтительное слово. Извѣстіемъ Вашимъ о враждебныхъ помыслахъ сосѣднихъ Державъ и добрыми противу нихъ совѣтами, мы очень довольны и благодарны Вамъ, предостойный Гетманъ, а войска наши давно стоятъ на границахъ своихъ въ добромъ порядкѣ и благонадежности; а выступать имъ за границу безъ добраго пріятеля и надежнаго помощника сумнительно. А когда бы Ты, Гетманушка, *изволилъ съ нами соединиться*, то бы всѣ сумнительства на сторону, и мы поручили бъ Вамъ всю свою армію, такъ какъ человѣку умному и воину славному. А что Ты пишешь про договоры и обовязки, то мы готовы все исполнить вѣрою и правдою, какъ законъ Христіанскій и совѣсть повелѣваютъ. Однакоже чтобы впредь не было разнодумья и шатостей съ обѣихъ сторонъ, то *хорошо бы соединиться и укрѣпиться намъ на вѣчныя времена, какъ единовѣрнымъ и единокровнымъ, и чтобы враги наши не посмѣвались о насъ*; а договоры объ томъ и уставы суть пре-старые Малоросійскіе и Козацкіе, *которые мы за ними укрѣпимъ и подпишемъ за себя и наслѣдниковъ нашихъ, и не будутъ они нарушимы вѣчно.* А что ты придумаешь къ лучшему съ нашими Боярами и своими думными людьми, мы на тое будемъ согласны. А коль скоро согласіе утвердимъ, такъ и войска выправимъ на непріятелей, *и межъ себя вревать сохрани насъ, Господи!* Самъ дьяволъ развѣ на то поступить можетъ, а намъ, православнымъ, и мыслити о такомъ зломъ дѣлѣ, право, со грѣхомъ; *и дума наша есть и будетъ, ежебы защитити и охранити народъ православный отъ врага и мстника*, чего мы и отъ васъ ищемъ, и видитъ Богъ, что *въ правдѣ и истинѣ*, и подъ Его святой порукой, *соединиться вѣчно съ Вами и народомъ Вашимъ желаемъ*, и Вамъ объ томъ почтительно пишемъ.“ Переписка Зиновія Хмельницкаго съ Царемъ Московскимъ и другія сего Гетмана записки и дѣянія сообщены въ Каѳедральный Могилевскій монастырь изъ монастыря Староканевскаго Архимандритомъ тамошнимъ, Макаріемъ[164], у котораго проживалъ въ монастырѣ несчастный сынъ Зиновія Хмельницкаго, Юрій Хмельницкій, бывшій послѣ Гетманства своего въ монашествѣ.

По прибытіи въ Чигиринъ посланниковъ Царскихъ, Гетманъ Хмельницкій созвалъ заразъ чиновниковъ и знатнѣйшихъ Козаковъ отъ войска, занимавшихъ тогда всѣ правительства Малоросійскія и, объявивъ имъ о прибывшихъ къ нему послахъ Цар-

скихъ, приглашающихъ его съ войскомъ и народомъ къ соединенію съ царствомъ Московскимъ и бывшихъ прежде у него посланникахъ Турецкихъ и Польскихъ, вмѣстѣ съ Татарскими, требовавшихъ у него настоятельно соединенія съ ихъ державами и подъятія съ ними оружія на царство Московское за ихъ претензіи, предлагалъ при томъ, чтобы чины и войска, принявъ въ арѣлое разсужденіе всѣ оныя требованія иностранныя, рѣшили единогласно, которое изъ нихъ избрать полезнымъ и основать на немъ предбудущее свое состояніе? Ибо „по обстоятельствамъ настоящимъ, надобно быть намъ непремѣнно на чьей ни есть сторонѣ, когда неутралитетъ не пріемлется; да и на предбудущее время зависть и интересы сосѣдей не оставятъ насъ въ покоѣ и безъ попытокъ, какъ я и прежде о томъ вамъ говорилъ, а теперь событіе и сами вы видите." Молодые чиновники и Козаки объявили нервѣе согласіе свое на соединеніе съ Турками, доказывая, что „у нихъ воинской народъ въ нарочитомъ уваженіи и почтеніи, и для поселянъ нѣтъ у нихъ ни арендъ Жидовскихъ, ни великихъ налоговъ и индуктовъ, каковы въ Польшѣ; а что всего важнѣе, то нѣтъ у нихъ крѣпостныхъ и продажныхъ людей или крестьянства, какъ въ Московщинѣ тое водится, и сіе все видно и вѣроятно въ сосѣднихъ Княжествахъ Молдавскомъ и Волошскомъ, которые намъ служить могутъ примѣромъ. И когда намъ, по словамъ Гетманскимъ, не можно пробыть самимъ собою безъ сторонней протекціи, то Турецкая протекція есть отъ всѣхъ другихъ надежнѣй и пожиточнѣй, и, не смотря на ихъ бусурманство, каждый Турокъ, поклявшійся одною своею бородою, никогда уже клятвы своей не переступитъ и слова своего не перемѣнитъ. Христіанскія жъ клятвы и самыя присяги бываютъ одною маскою, подъ которою скрываются коварства, предательства и всѣхъ родовъ неправды, и самыя ихъ важныя дѣйствія, называемыя политикою и министеріею, суть одинъ искусный обманъ, и чѣмъ обманъ сей выработается большимъ и вреднѣйшимъ, тѣмъ славятся и превозносятся творцы онаго первѣйшими въ державахъ и единственными у нихъ умными людьми, или великими министрами и политиками."

Гетманъ и старые чиновники и Козаки, возражая молодымъ разными и многими противоположностями въ выгодахъ Турецкихъ, отъ ихъ насчитанныхъ, доказывали имъ, что „отдаться Христіанамъ самопроизвольно во власть невѣрныхъ, или задружить и общеніе имѣть съ ними есть для Христіанства грѣхъ смертельный и поступокъ предъ всѣмъ Христіанствомъ позорный и предосудительный, и есть тоже почти, что и самоубійство: ибо, имѣвши съ такими общеніе и единость, нельзя ни какъ не совратиться съ пути Христіанскаго и не зараниться мерзостями бусурманскими; а *что есть важнѣе въ мірѣ, какъ не соблюденіе отеческой своей вѣры*, божественной и единственной въ человѣчествѣ? Примѣчайте и внемлите, что Павелъ святый, сей избранный Апостолъ Христовъ, препрѣвшій и побѣдившій всѣхъ мудрецовъ міра сего доказательствами своими о вѣрѣ нашей Христіанской, что сказалъ,

онъ при концѣ жизни своей о собственной вѣрѣ своей во Христа. Онъ благодарилъ Бога найусерднѣйше, что „*теченіе жителъства окончахъ и вѣру соблюдохъ.*“ А когда такой великій мужъ и такой ревнитель Божій и угодникъ Его, подкрѣпляемый всегда благодатію свыше, когда онъ благодарилъ Бога за соблюденіе вѣры въ Него, то намъ грѣшникамъ сущимъ, *не надобно ли всемѣрно пещись о соблюденіи вѣры своей*, которою живемъ, движемся и есмы? Но сіе говорится только о собственной вѣрѣ нашей. А когда мы ее разсмотримъ и въ другихъ народахъ, то есть, когда соединясь съ невѣрными, *ударимъ на Царство Московское, на сей единственный и свободный остатокъ державы Христіанской, съ нами единовѣрной*, и покоримъ его подъ такое иго Магометанское, въ какомъ пребываютъ наши единовѣрныя Іерархества: Константинопольское, Іерусалимское, Антіохійское и Александрійское, то что мы тогда будемъ предъ лицемъ свѣта? По истинѣ, не что иное, какъ только *притча во языцѣхъ и поношеніе во людяхъ*, и будемъ еще окаяннѣйшіе отъ народовъ Содомскаго и Гоморскаго, погубленныхъ правосудіемъ Божіимъ съ толико страшною грозою. *Да и сами тогда останемся, яко обломанное судно въ пространномъ морѣ*, обуреваемое со всѣхъ сторонъ и не имущее пристанища и надежды ко спасенію, и будемъ тоже, что были послѣ нашествія Батыя подъ владѣніемъ Татарскимъ, т. е., невольники въ богослуженіи и Христіанствѣ, или *отступники и рабы неключимые, гибнущіе съ душею и тѣломъ.*“

Рѣчь Гетманская и старшинъ тронула, наконецъ, молодыхъ противоборцевъ до слезъ. Многіе изъ нихъ съ рыданіемъ говорили и повторяли Гетману: „*Право судили есте, и правы путіе ваши: да будутъ по глаголу вашему и мнѣнію!*“ Гетманъ, пользуясь смягченіемъ сердецъ, поручилъ Судьѣ, Самуилу Богдановичу и, Полковнику Переяславскому, Павлу Тетерѣ, написать договорныя статьи съ Царемъ Московскимъ и представить ихъ на разсмотрѣніе его и всего совѣта Малоросійскаго. Онѣ написаны, и по апробаціи Гетмана съ совѣтомъ, объявлены посламъ Московскимъ, которые, согласясь на все, въ нихъ уложенное, *подтвердили присягою своею отъ лица Царя и Царства Московскаго о вѣчномъ и ненарушимомъ храненіи условленныхъ договоровъ*. А за симъ требовали они взаимной присяги отъ чиновъ и народа Малоросійскаго въ равномѣрномъ соблюденіи тѣхъ договоровъ. Статьи договорныя подписаны Гетманомъ и чинами Генваря 6-го дня, 1654-го года, и присяга тогда же ими учинена; а прочимъ чинамъ и войску назначенъ сборнымъ мѣстомъ городъ Переяславль, гдѣ всѣ они также присягали въ присутствіи пословъ и получили отъ нихъ подарки Царскіе. Но послы требовали при томъ, чтобы и войско Запорожское имѣло совмѣстно съ Малоросіею согласіе на договоры и присягою утвердило. Однако на сіе объявилъ Гетманъ со всѣми чинами, что „*Запорожцы у насъ люди* „*не великіе*, и для того въ дѣло сіе „ставить ихъ не для чего, ибо они „*изъ насъ набираются и къ намъ* „*возвращаются*; а малость между „ими иностранцевъ почти ничто-

„жная, къ сему дѣлу ненадежна и „по всѣмъ обязанностямъ неспосо„бна; и сіе почитается у нихъ вер„ховною вольностію и, такъ ска„зать, ихъ пищею."

Статьи договорныя состоятъ во многихъ пунктахъ, но экстрактомъ изъ нихъ служатъ для Козаковъ и ихъ начальниковъ и народа только три: *первая*, чтобы пребывать имъ на всѣхъ прежнихъ договорахъ и пактахъ, заключенныхъ съ Польшею и Литвою и утвержденныхъ привиллегіями Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, и поникъ пользоваться всѣми преимуществами и свободами вѣчно и безо всякой отмѣны; *вторая*, чтобы собственность всѣхъ родовъ имѣнія ихъ и пріобрѣтенія его ненарушимо при нихъ и наслѣдникахъ ихъ пребыла вѣчно подъ охраненіемъ *правъ* ихъ стародавнихъ *Рускихъ*, *Литовскими называемыхъ*, и по нихъ шафовать ими и всякими образами корыстоваться было бы свободно и невозбранно; и *третья*, чтобы въ дѣла ихъ и судилища никто другой не входилъ и не мѣшался, а сами они судиться и управляться между собою должны по своимъ правамъ и своими избранными изъ себя судьями и начальниками. Въ преимуществахъ правительства національнаго положенъ, между прочимъ, сей пунктъ: „Ежели мы, Гет„манъ, съ старшиною и войскомъ, „кому за службу пожалуемъ ху„торъ, мельницу или деревню, а „онъ учнетъ просить Государя о „подтвержденіи, то Государь да из„волитъ оное подтвердить." Наконецъ, привнесена статья и о Шляхетствѣ Польскомъ, оставшемся по единовѣрству въ Малоросіи, чтобы имъ пребывать здѣсь при своихъ правахъ и преимуществахъ, равныхъ съ природною Шляхтою и подъ протекціею войска. Но статья сія была впослѣдствіи громовымъ ударомъ для правительства и горчайшею пилюлею для тѣхъ, кои ее допустили и въ протекцію свою такихъ зловредныхъ людей приняли. Они поблагодарили и воздали имъ точно такъ, какъ древнія племена Хананейскія и Аморейскія воздали племенамъ Израильскимъ за то снисхожденіе, что сіи ихъ не истребили, а сжалившись, вмѣстили при себѣ. Шляхетство оное, бывъ всегда въ первѣйшихъ чинахъ и должностяхъ по Малоросіи и въ ея войскахъ, подводило подъ правительство ея многія мины происками своими, контактами[165] и открытыми измѣнами, замышленными въ пользу Польши, а народу дало испить самую горькую чашу предательствами и введеніемъ ихъ въ *подозрѣніе*, *недовѣрчивость* и въ самыя тиранскія за то мученія, правительствомъ верховнымъ *по неосмотрительности* надъ нимъ произведенныя, *ибо всѣмъ замѣшательствамъ, нестроеніямъ и побоищамъ въ Малоросіи, послѣ Хмельницкаго происходившимъ, оніи - то были причиною*, и сколько ихъ ни скрыты сѣти и коварства отъ народа, но онъ узналъ виновныхъ, нѣсколькихъ истребилъ, и воспѣлъ, наконецъ, сію утѣшительную для себя пѣсенку, значущую больше, чѣмъ ея простота:

„Да не буде лучьче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Вкрайни:
Нема Панивъ,
Нема Ляхивъ,
Не буде й измины..."

Ненависть Польской Шляхты не преставала и за тѣмъ гнать Малоросіянъ, а паче Козаковъ во всякое время, и неудачи со стороны правительства и искушенія народнаго, хотя нѣсколько унизили ихъ, но не совсѣмъ истребили. Они мало по малу вошли вновь во всѣ уряды и командованія Козацкія и, занимая предъ ними и предъ чиновниками, изъ нихъ произшедшими, первенство и преимущество, тщеславясь одною породою своею и эдукаціею, забыли и затмили, наконецъ, то, что они пришельцы въ землѣ чужой и оставлены въ протекціи тѣхъ, коихъ презирали и ненавидѣли, и кои могли и должны были изгнать ихъ или истребить во время революціи, но удержаны отъ того одною вѣрою и снисхожденіемъ Гетмана Хмельницкаго, народомъ отмѣнно любимаго. Плодомъ поверхности ихъ надъ природными чиновниками и Шляхтою было униженіе сихъ въ собственной своей землѣ и въ своихъ природныхъ правахъ и преимуществахъ. Имъ позавидовавъ и поревновавъ, многіе изъ природныхъ Малоросіянъ, а паче изъ поповичей, вышедшихъ въ чиновники посредствомъ инспекторій, пристали къ ихъ системѣ и, приладивъ кой-какъ фамиліи свои къ Польскимъ, стали тщеславиться ихъ произхожденіемъ. А къ симъ еще премногіе возникнувъ изъ Жидовства, принужденнаго креститься въ прежде бывшія надъ ними всеобщія побоища, и поверстанные въ Шляхту извѣстнымъ о перекрестахъ статутовымъ артикуломъ, составили, наконецъ, изъ смѣшенія сихъ языковъ и породъ единственный бичь для Козаковъ и всѣхъ Малоросіянъ. Они управляя ими во всѣхъ урядахъ и правительствахъ и набогатившись около ихъ равными происками, а паче пользуясь тѣхъ простотою и подчиненностью, отняли у нихъ всѣ права ихъ Шляхетскія природныя, отъ самой неизвѣстной древности безпрерывно при нихъ бывшія, и подъ титуломъ рыцарства всѣми договорами и привиллегіями имъ подтвержденныя, присвоивъ ихъ однимъ своимъ породамъ. А напослѣдокъ, вытиснувъ многихъ изъ нихъ на слободы и другія провинціи, остальныхъ приправили въ то состояніе, въ каковомъ они нынѣ находятся. Отпуская Гетманъ пословъ Царскихъ съ договорными статьями, обдарилъ ихъ знатно Азіятскими и Польскими вещами, довольно богатыми, и съ ними послалъ своихъ посланниковъ, Судью Гонзевскаго и Полковника Тетерю, съ благодарственнымъ къ Царю адресомъ, въ коемъ, объяснивъ о всемъ, съ послами имъ произведенномъ въ пользу соединенной націи, просилъ при томъ Царя о ратификаціи и подтвержденіи договорныхъ статей особыми своими грамотами, которыя отъ Царя въ неукоснительномъ времени Гетману чрезъ его посланниковъ и присланы. И Царь, утверждая въ нихъ все, договорами положенное, оказалъ при томъ открытую благодарность свою къ Малоросійскимъ чинамъ и народу, сравнивъ ихъ личными преимуществами съ боярами, дворянами и всѣми степенями Московскими или Великоросійскими, чего въ договорахъ не было объясненно, а вмѣщалось то въ пактахъ съ Польшею и въ привиллегіяхъ Королевскихъ, статьями утвержденныхъ, въ коихъ нѣ-

сколько разъ узаконено и подтверждено, что соединяемся, яко равный съ равными и вольный съ вольными. Ратификованныя статьи и Царскія грамоты, за полученіемъ ихъ, опубликованы были во всей Малоросіи съ приличными торжествами, и копіи съ нихъ оставлены въ Архивахъ всѣхъ правительствъ, а оригиналы положены въ архивъ Трибунала Малоросійскаго, подъ охраненіе національнаго присяжнаго архиваріуса, которыя со многими другими національными документами и хранились съ таковымъ тщаніемъ болѣе ста лѣтъ, но, напослѣдокъ, во время частыхъ перемѣнъ Малоросійскаго Трибунала или правительства и по навѣтамъ антипатріотовъ народныхъ, произшедшихъ изъ смѣшенія Полятства и и Жидовства, стали онѣ сокровенны въ иномъ хранилищѣ.

Соединеніе Малоросіи съ Царствомъ Московскимъ встревожило всѣ почти дворы Европейскіе. Система о равновѣсіи Державъ начинала уже тогда развиваться. Царство Московское, хотя само собою и не дѣлало еще у сосѣдей важнаго замѣчанія, яко разоренное и униженное недавними ужасами самозванцевъ и междоусобій, однако зависть сосѣдей, знавшихъ довольную обширность соединявшейся съ нимъ Малоросіи и ея многолюдство, съ толикимъ храбрымъ и мужественнымъ воинствомъ, не осталась безъ своихъ дѣйствій. И сколько Польша ни набридла[166] сосѣднимъ державамъ тревогами своими и непостоянымъ правленіемъ; но всѣ желали лучше имѣть дѣло съ сею республикою, подверженною всегдашнимъ превратностямъ, чѣмъ видѣть въ Россіи державу абсолютную, вдругъ возвысившуюся въ степень Царствъ могущественныхъ и страшныхъ, безъ всякихъ при томъ потеряній и убытковъ, и какъ бы съ неба симъ безцѣннымъ даромъ обогащенную. По сему Гетманъ Хмельницкій со всѣхъ сторонъ атакованъ былъ нареканіями и угрозами за свою протекцію, и отъ многихъ Дворовъ требовано возвращенія его въ прежнее неутральное состояніе; а отъ стороны Турецкой, Польской и Крымской объявлена ему за то война, вмѣстѣ съ Царствомъ Московскимъ, и Хмельницкій принужденъ нѣсколько разъ повторять съ прискорбіемъ извѣстныя слова Царя Давыда: „Тѣсно мнѣ отвсюду!“ Однако великодушіе его и здравый умъ и разсудокъ, съ обширнымъ знаніемъ политики, превозмогли всѣ страхи и ни мало не поколебали въ приверженности къ Царю и Царству Московскому, и онъ, начавъ приготовляться къ новой войнѣ, сообщилъ Царю свои объ ней разпоряженія, которыя Царь во всемъ одобрилъ и заразъ сталъ производить въ дѣйствіе.

Армія *соединенной Россіи* раздѣлена была на четыре большіе корпуса, и дѣйствіе ихъ началось съ 15-го Апрѣля, 1655 года. Гетманъ съ тридцатью тысячами своихъ войскъ, выступивъ къ Польскимъ и Турецкимъ границамъ, разположился при городѣ Заславлѣ для отраженія Турецкихъ и Польскихъ войскъ, покушавшихся съ тѣхъ сторонъ своимъ нападеніемъ. Болярииъ Князь Бутурлинъ, въ числѣ 30 т. Великоросійскихъ войскъ и пяти тысячь Малоросійскихъ Козаковъ, разположенъ въ

устьѣ рѣки Ворсклы, поблизу Кадака, для удержанія Татарскихъ набѣговъ. Князь Хованскій съ 30 тысячнымъ корпусомъ Великоросійскихъ войскъ командированъ въ Бѣлорусію къ рѣкѣ Сожи для отраженія войскъ Польскихъ, на случай прихода ихъ къ городу Смоленску, а къ сему городу командированъ наказный Гетманъ Малоросійскій, Иванъ Золотаренко, опредѣленный Гетманомъ изъ Полковниковъ Нѣжинскихъ, коему, въ знакъ сего достоинства, даны отъ Великаго Гетмана клейноды войсковые, булава и бунчукъ, меньшіе отъ другихъ и означающіе полеваго Гетмана. Въ командованіи его состояли полки Нѣжинскій, Черниговскій и Стародубскій, переименованный изъ Сѣверскаго, и семь другихъ Малоросійскихъ полковъ, въ числѣ 20 тысячь реестровыхъ Козаковъ и пяти тысячь охочекомонныхъ; а въ числѣ чиновниковъ находился юный Гетманичь, Георгій Хмельницкій, посланный отцемъ для изученія и навыковъ въ военномъ искуствѣ. Наказному Гетману назначено Царемъ и Хмельницкимъ взять городъ Смоленскъ. Онъ осадилъ его со всѣхъ сторонъ 27-го Мая; осада встрѣчаема была частыми и жестокими со стороны Поляковъ вылазками и шармицерами; но Золотаренко, всегда ихъ отражая съ успѣхомъ и великимъ кровопролитіемъ непріятельскимъ, укрѣпилъ, наконецъ, осаду свою шанцами и редутами и открылъ изъ нихъ пальбу по городу изъ пушекъ и мортиръ. А продолжая ее нѣсколько недѣль по укрѣпленіямъ, дѣлалъ между тѣмъ насыпи для возвышенныхъ батарей, и по окончаніи ихъ, началъ производить пальбу внутрь города черезъ стѣны, отъ чего разбиты и сожжены многіе магазейны, казармы и другія строенія, и побито много солдатъ Польскихъ и народа.

Царь Алексѣй Михайловичъ, по причинѣ открывшагося того года въ городѣ Москвѣ мороваго повѣтрія или чумы, выѣхалъ изъ Москвы на жительство въ городъ Вязму и оттоль навѣдывался часто къ Смоленску въ станъ осаждающихъ. Гарнизонъ Смоленскій, сдѣлавъ въ городѣ на томъ холмѣ, что подъ соборною церковью, обсерваторію, примѣчалъ съ нея, что дѣлалось въ шанцахъ и въ стану осаждающихъ; и когда одинъ разъ примѣтилъ въѣздъ Царской въ станъ Козацкій, то, дождавъ ночи противъ 27-го числа Іюля, сдѣлалъ изъ города сильную вылазку вдругъ двумя отрядами, изъ которыхъ одинъ напалъ на шанцы, а другой направилъ стремленіе свое прямо на станъ. Золотаренко, имѣвъ каждую ночь для подкрѣпленія шанцовыхъ войскъ нарочитые резервы позади шанцовъ, коихъ осажденные съ обсерваторіи своей видѣть ночью не могли, окружилъ оба непріятельскіе отряды резервами и шанцовыми войсками, и по первомъ на нихъ выстрѣлѣ изъ пушекъ и ружьевъ, ударилъ копьями. Поляки, обстрѣлявшись изъ своихъ ружьевъ и пистолетовъ, не успѣли заряжать ихъ вновь и оборонялись одними саблями, но противъ копьевъ съ ними не устояли, а смѣшавшись толпами, начали бѣжать съ великою потерею въ городъ; но были окружены со всѣхъ сторонъ, пробиться къ городу не могли и, бросая ружья, просили згоды или

16*

пардона, который имъ и дарованъ, и они, обезоруженные, отогнаны до разсвѣта за станъ, а поутру насчитано сихъ плѣнниковъ и представлено Царю 2,389 человѣкъ, и въ томъ числѣ 33 начальника; убитыхъ собрано и похоронено внѣ шанцовъ 4,623 человѣка.

Царь, бывши благоразуміемъ и мужествомъ Золотаренковымъ и храбростію войскъ его отмѣнно доволенъ, благодарилъ имъ весьма признательно и уговаривалъ при томъ Золотаренка повесть тогда же на городъ генеральный приступъ и взять его штурмомъ; но сей военачальникъ доказывалъ Царю, что по правиламъ искуснаго воина тогда только надобно употреблять все напряженіе силъ и излишнюю потерю войска, когда чего не можно сдѣлать искуствомъ, и принудитъ самая необходимость иттить на таковую крайность; а онъ надѣется успѣть въ желаемыхъ намѣреніяхъ безъ дальнѣйшихъ потеряній народа. Царь, изъявивъ на мнѣніе Золотаренково сугубое удовольствіе, велѣлъ продолжать дѣйствіе его по своему знанію, и Золотаренко, усмотрѣвъ, что стѣна городская отъ рѣки Днѣпра устроена безъ насыпей землею, а такъ какъ монастырскія стѣны строются, въ надеждѣ, что разбивать ее пушечными ядрами съ низкаго мѣста невозможно, повелѣлъ рыть ночью подъ ту стѣну подкопъ или мину. А какъ мина сія изготовлена и порохомъ наполнена, то въ среднихъ числахъ Августа мѣсяца отдалъ онъ приказъ войску быть готовымъ къ генеральному приступу. Подкопъ взорванъ былъ на самомъ разсвѣтѣ, во вторникъ, и помощію сильнаго вѣтра подорванную землю и стѣнной матеріалъ понесло и разбросало по городу съ великимъ трескомъ и грозными ударами, причинивъ гарнизону и гражданамъ великій страхъ и убытокъ. Въ ту самую пору изготовленныя войска ввалились проломомъ въ городъ и произвели на всѣхъ, имъ попадающихся, жаркую пальбу изъ ружьевъ и полевыхъ пушекъ, которыя тогда же втянуты были въ городъ.

Войска Польскія, расположенныя врознь при бастіонахъ и валахъ городскихъ и умаленныя до половины при тѣхъ вылазкахъ и шармиціяхъ, начали было собираться и строиться противъ Козаковъ; но сіи, не давая имъ къ тому времени, поражали ихъ своими выстрѣлами, а паче копьями, и сдѣлали страшное между ними убійство и кровопролитіе, отъ чего они обратились въ бѣгство, иные за городъ, а другіе въ жилища городовыя и въ церкви. Золотаренко, щадя городъ и его зданія, не велѣлъ ихъ штурмовать и вредить, но приказалъ музыкѣ воинской играть на трубахъ и сурмахъ, а войску кричать миръ и згоду. По симъ знакамъ Поляки и граждане, выходя на улицы, бросали отъ себя оружія и становились на колѣни, цѣлуя каждый крестъ, изъ перстовъ своихъ сложенный. И такъ городъ Смоленскъ былъ взятъ силою оружія, и по очищеніи его отъ труповъ и руинъ и за устроеніемъ полиціи и стражи, въѣхалъ въ него Царь Алексѣй Михайловичъ съ полнымъ тріумфомъ, и торжествовалъ въ немъ побѣду свою въ соборной церкви благодарственнымъ Богу молебствіемъ, происходившимъ тогда же и во всѣхъ цер-

квахъ; а послѣ того даны были пиршества чинамъ и войску, коихъ, поблагодаря Царь лично за ихъ къ нему усердіе и достохвальное воинское мужество, обдарилъ ихъ разными вещами и суммами, по мѣрѣ заслугъ и отличія каждаго. Между тѣмъ знатнѣйшимъ чиновникамъ жалованы золотые и серебрянные коряки на лентахъ, кои носили чрезъ плечо, по примѣру нынѣшнихъ кавалерій; другимъ поднесены дорогія сабли, пистолеты и разныя убранства; Наказному жъ Гетману Золотаренку и Гемтану Хмельницкому сугубыя сдѣланы почести и подарки, а для всего вообще воинства Малоросійскаго жалована царская грамота, 16-го числа Сентября, 1655 года, состоявшаяся, въ коей, между прочимъ, такъ написано: „По природному нашему „человѣколюбію и великодушію къ „нашимъ вѣрноподданнымъ, а особливо, видя Малоросійскій военный народъ отмѣнной къ намъ „усердности, который, какъ при „взятіи города Смоленска не щадилъ своего живота, чему мы сами свидѣтели, такъ мы, въ разсужденіи таковаго онаго подвига и обнадеживши себя и впредь „отъ него таковою жъ вѣрностію и „ревностію, съ его Наказнымъ Гетманомъ Золотаренкомъ, жалуемъ „отнынѣ на будущія времена оного военнаго Малоросійскаго народа отъ высшей до низшей старшины съ ихъ потомствомъ, которые были только въ семъ съ „нами походѣ подъ Смоленскомъ, „честію и достоинствомъ нашихъ „Россійскихъ дворянъ. И по сей „жалованной нашей грамотѣ никто „не долженъ изъ нашихъ Россійскихъ дворянъ во всякихъ случаяхъ противъ себя ихъ понижать, какъ оный животомъ своего здоровья и непорочною вѣрностію заслужилъ сіе въ нашемъ „отечествѣ противу нашего неспокойнаго и лживаго непріятеля. И таковою нашею милостивѣйшею грамотою дозволили мы „вездѣ имъ тѣшиться и веселиться, и въ залогъ своей заслуги, „каждому при себѣ имѣти."

Отъ Смоленска командированъ Золотаренко съ корпусомъ своимъ въ Бѣлорусію и Литву, и онъ, пойдя до рѣки Сожи и переправясь черезъ нее, безъ всякаго съ Польской стороны сопротивленія, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1655 года, осадилъ городъ Гомель, принадлежащій къ Малоросіи, но отнятый недавно Поляками по истребленіи въ немъ Козацкаго гарнизона съ командиромъ ихъ, Сотникомъ Гомельскимъ, Аѳанасіемъ Зинченкомъ. Осада сего города и сопротивленіе въ немъ сильнаго Польскаго гарнизона были жестокія и убійственныя. Золотаренко, взявши городъ штурмомъ, приступилъ къ его замку, который былъ родъ полуострова, окруженный рѣкою Сожей и природными рвами, дѣлавшими изъ замка холмъ высокой и почти неприступный. Обложеніе замка и пальба въ него продолжались нѣсколько дней безъ всякаго успѣха, а производить штурмъ на него казалось невозможнымъ или слишкомъ губительнымъ. По сему Золотаренко, выбравъ изъ неминуемыхъ золъ меньшее, повелѣлъ втянуть на Спаскую церьковь и колокольню мортиры и пушки, и палить изъ нихъ внутрь замка, бросая при томъ и бомбы. Предпріятіе сіе подѣйствовало съ желаемымъ успѣхомъ. Бомбами заж-

жено въ замкѣ строеніе во многихъ мѣстахъ и весь замокъ наполнился пламенемъ, а погашенію его препятствуемо было пушечными ядрами. Поляки для спасенія себя предпріяли сдѣлать вылазку, съ умысломъ зажечь Спаскую колокольню и церьковъ, или, при неудачѣ, спасаться бѣгствомъ. И такъ, отворивши они замковыя вороты, двинулись изъ нихъ толстою колонною на городъ, а Золотаренко, сіе примѣтивъ, далъ время вытянуть колонну свою подальше, и тогда ударилъ на нее съ трехъ сторонъ, и по, одномъ только выстрѣлѣ съ обѣихъ сторонъ, началась сѣча саблями и пораженіе копьями. И сіе скоро превозмогло непріятеля, который истребленъ былъ почти безъ остатка, и замокъ съ городомъ и всею ихъ принадлежностью достались побѣдителямъ.

Изъ Гомеля выступилъ Золотаренко съ корпусомъ къ городу Новому Быхову, принадлежащему такъ же къ Малоросіи, и окруживъ его блокадою, расположенною въ околичныхъ селеніяхъ по причинѣ зимняго времени и великой стужи, дѣлалъ на городъ частыя изъ квартиръ покушенія одною пѣхотою. А наконецъ, подъ часъ Польскаго праздника Трехъ Крулей, когда Польскія войска, послѣ набоженства, занимались пированіями, а сдѣлавшаясь оттепель умѣрила стужу, подступилъ Золатаренко съ пѣхотою ночью подъ замокъ Быховскій и, помощію лѣсницъ и великихъ снѣговъ, вобрался въ него съ малымъ сопротивленіемъ отъ непріятеля; а по овладѣніи замкомъ, открылъ съ него пальбу изъ пушекъ по городу и городскимъ бастіонамъ. Польскія войска, выбитыя изъ замка и собравшіясь въ городъ, сколько ни приступали къ замку, съ намѣреніемъ его отнять, но всегда были отбиты Козаками съ великою для себя потерею; напослѣдокъ рѣшились они оставить городъ и пробраться пѣшими въ Литву или ближайшій къ ней городъ. Но квартировавшими въ селеніяхъ Козаками, по данному имъ завременно отъ Золотаренка велѣнію, были окружены въ лѣсахъ по Минской дорогѣ и, по маломъ сопротивленіи, принуждены сдаться въ плѣнъ, и сихъ плѣнниковъ, вмѣстѣ съ плѣнниками Гомельскими, числомъ до трехъ тысясь, отправилъ Золотаренко, при своемъ конвоѣ, къ Царю въ Смоленскъ, съ донесеніемъ о всѣхъ успѣхахъ его оружія. Царь, благодаря Золотаренка за его такіе великіе и отличные подвиги и успѣхи воинскіе, прислалъ ему знатные подарки и похвальный листъ, съ особою признательностію къ усердію Юрія Хмельницкаго, Золотаренкомъ отмѣнно рекомендованнаго.

Съ Польской стороны чрезъ прошедшую компанію ведена война во всѣхъ мѣстахъ оборонительная, и держались войска Польскія при однихъ городахъ и дефилеяхъ; а на 1656 годъ собрались Поляки открыть компанію наступательную; посему плану верховный военачальникъ ихъ, Князь Радзивилъ, съ многочисленною Польскою арміею, выступя изъ Литвы, направилъ походъ свой къ Бѣлорусіи. Наказный Гетманъ, Золотаренко, свѣдавъ о движеніи арміи Польской, въ Мартѣ мѣсяцѣ того года перешелъ рѣку

Днѣпръ, и соединился съ войсками Великороссійскими, бывшими подъ командою Князя Хованскаго и пришедшими къ нему отъ Города Могилева. Въ сихъ соединенныхъ силахъ двинулись оба военоначальники къ рѣкѣ Березинѣ на встрѣчу Польской арміи и, нашедши ее разположенною при той рѣкѣ, атаковали съ двухъ сторонъ. Сраженіе продолжалось долгое и упорное. Князь Радзивилъ, часто перемѣняя и подкрѣпляя свои линіи, держался всегда зарослей и луговыхъ при рѣкѣ впадинъ, и потому артиллерія соединенныхъ Россіянъ слабо дѣйствовала на непріятеля. И Золотаренко, соглася Хованскаго, наступилъ пѣхотою своею на самый центръ непріятельскихъ линій, на кои, сдѣлавъ одинъ выстрѣлъ изъ ружьевъ, ударилъ копьями и, опрокинувъ линіи, погналъ непріятеля съ мѣста баталіи къ рѣкѣ и мостамъ, на ней сдѣланнымъ, при которыхъ отъ тѣсноты и неспособности къ оборонѣ, страшное произведено надъ Поляками пораженіе. Спасавшіесь отъ убійства, многіе перетопились въ рѣкѣ, а прочіе пали на мѣстѣ; станъ непріятельскій со всѣми запасами и вся артиллерія съ ея снарядами достались побѣдителямъ, а непріятель, убравшись съ остаткомъ своимъ за рѣку, разломалъ и зажегъ на ней мосты, и въ полномъ разстройствѣ побѣжалъ во внутренность Польши.

По разбитіи арміи Польской раздѣлились войска Россійскія по прежнему на два корпуса; и они проходя остальную часть Бѣлорусіи, вступили въ Литву, Золотаренко держась съ Козаками средины тѣхъ провинцій, а Князь Хованскій съ Великороссійскими войсками слѣдовалъ пограничною стороною отъ Лифляндіи и Курляндіи. Въ проходъ ихъ не показывались никакія корпуса Польскія въ полѣ, а только держались войска ихъ при городахъ и укрѣпленіяхъ; и военоначальники оные, поражая вездѣ Польскіе гарнизоны и засады, гдѣ ихъ ни находили, брали при томъ Бѣлорускіе и Литовскіе города и мѣстечьки безъ дальнѣйшихъ затрудненій. И такимъ образомъ, овладѣвъ совершенно всею Бѣлорусіею и большею частію Литвы, покорили въ нихъ около двухъ сотъ городовъ, мѣстечекъ и укрѣпленныхъ замковъ; и, за удержаніе войскъ отъ грабежа, правами воинскими за сопротивленіе позволяемаго, взяли съ граждань контрибуцію, а паче съ городовъ знатнѣйшихъ, какъ то: Витебска, Полоцка, Минска и другихъ. Наконецъ, сошедшись оба войска къ столичному Литовскому городу Вильнѣ, осадили его со всѣхъ сторонъ и, по упорству гарнизона и граждань тамошнихъ, раздраживишхъ Россіянъ болѣе коварствами и обманами своими, учиненъ на тотъ городъ генеральный отъ всего войска Рускаго приступъ. И какъ онымъ всѣ войска Польскія у валовъ и бастіоновъ городскихъ бывшія, поражены и опрокинуты были, то убравшись они во внутрь города, стрѣляли съ строеній на войска Руския, кидали на нихъ разныя тяжести и обливали ихъ кипяткомъ въ проходѣ по улицамъ. По сему принуждены были Россіяне зажечь городъ со всѣхъ сторонъ и обратить его въ пепелъ и руины, а народы, избѣгавшіе отъ пламени, иные избиты а прочіе

разсѣялись и скрылись внѣ города. И такъ Вильна отъ злобы и непостоянства гражданъ своихъ претерпѣла такой ударъ, каковой Россіяне ей никогда не готовили и въ мысляхъ не имѣли.

Царь Алексѣй Михайловичь, получа отъ военачальниковъ своихъ, Золотаренка и Хованскаго, донесенія о покореніи державѣ его всея Бѣлорусіи и большой части Литвы, въ томъ же 1656 году воротился изъ Смоленска и Вязмы, гдѣ онъ тогда проживалъ, въ столичный городъ Москву, и тамо, сдѣлавъ великое торжество и собраніе всѣхъ Царственныхъ чиновъ, по отпѣтіи съ ними въ церквахъ благодарственныхъ Богу молебствій съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою, возсѣлъ тріумфально на тронъ царскій и, въ присутствіи всего правительствующаго, Духовнаго и Мирскаго, Синклита, принялъ на себя титулъ Царя и Самодержца *Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи*, а соединенно говоря, *Царя Всероссійскаго*; о чемъ тогда же провозглашено въ столицѣ и обнародовано грамотами въ провинціяхъ съ колокольнымъ такъ же звономъ и пальбою. И отъ сего времени начались и утверждены названіе Россіи и титулъ Царя Всероссійскаго; прежній же титулъ Царя Московскаго оставленъ и вмѣщенъ въ грамотахъ между титуловъ провинціальныхъ. Царь съ симъ новымъ титуломъ послалъ первѣе благодарственныя грамоты къ Гетману Хмельницкому за его разпоряженіе въ войнѣ и за мужественное воинство, а къ Наказному Гетману, Золотаренку, и Князю Хованскому за великіе ихъ подвиги и успѣхи воинскіе, за которые обослалъ ихъ знатными дарами и другими почестьми, повелѣвъ при томъ оставить при границахъ и крѣпостяхъ гарнизоны, а самимъ возвратиться на зимовлю въ средину Бѣлорусіи.

Наказный Гетманъ, Золотаренко, возвращаясь съ войскомъ по повелѣнію Царя, во внутрь Бѣлорусіи, и проходя городъ Старый Быховъ, ружейнымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ одной колокольни отъ засѣвшаго въ ней Католическаго органиста, Томаша, убитъ до смерти, а органистъ признался добровольно, что подговоренъ къ сему злодѣйству Католическими ксензами, кои дали ему ружейную пулю изъ священной чаши, по его словамъ освященную и укрѣпленную нарочитыми заклинаніями; а посулено ему за то на ряду мучениковъ царство Небесное и воспитаніе дѣтей его въ школахъ Іезуитскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по освидѣтельствованіи нашлась тая пуля необыкновенною, и въ ней внутренность была серебряная съ Латинскими литерами! Тѣло убитаго Золотаренка отвезено въ отечество его, въ городъ Корсунь, къ погребенію въ тамошней деревянной церкви, на коштъ его построенной. Но когда началось погребеніе въ присутствіи многочисленнаго народа и духовенства, то громовымъ ударомъ зажжена церковь, и тѣло убитаго, вмѣстѣ съ церковію, сгорѣло въ пепелъ. При чемъ нѣсколько погорѣло и людей изъ духовенства и народа, столпившагося при дверяхъ церковныхъ и задохнувшагось отъ тѣсноты и огня, чему много содѣйствовало то, что одни были въ церкви двери, такъ устроенныя по образцу Католическихъ церквей,

О сей случайности Польскіе народные писатели замѣтили въ хроникахъ своихъ и внесли въ Исторію нелѣпую басню, дѣлающую стыдъ просвѣщенному Христіанству, что будто Золотаренка пожралъ адъ, съ полнымъ своимъ дьявольскимъ тріумфомъ и величіемъ, за то, что вся Польша, судя о Золотаренку по воинскому искуству его и великимъ успѣхамъ, заключала и навсегда утвердила, яко бы онъ былъ большой характерникъ или чародѣй, то есть, волшебникъ, владѣвшій многими дьяволами, отъ коихъ имѣлъ такую необычайную силу въ войнѣ и, наконецъ, въ удовлетвореніе услугъ ихъ, взятъ съ такимъ торжествомъ прямо въ адъ. Но при семъ неизвѣстно, какъ они полагаютъ органиста Томаша и учителей его, причинившихъ злодѣйски Золотаренку смерть, въ сотовариществѣ ли они съ ихъ дьяволами, или только послушниками тѣхъ считаютъ, и какъ имъ дѣлиться въ посулахъ ксенжацкихъ?

Въ продолженіе компаніи 1655 года, какъ она отъ стороны Поляковъ ведена была оборонительною, Гетманъ Хмельницкій съ арміею своею, имѣя позицію около Заславля и Каменца Подольскаго, защищалъ границы тамошнія отъ Польши и Турціи, и бывшія съ нихъ набѣги волонтировъ и партій непріятельскихъ всегда отражалъ съ успѣхомъ и гибелью непріятеля; а Бояринъ Бутурлинъ производилъ тоже со стороны Крыма. Между тѣмъ отъ Поляковъ веденъ торгъ въ Крыму съ Ханомъ, Исламъ-Гиреемъ, о наступательныхъ дѣйствіяхъ, ибо Татары, не смотря на всѣ союзы и дружескія соглашенія, безъ денегъ и подарковъ ничего не предпринимаютъ, и друзей у нихъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. А какъ Польша довольно уже истощена всегдашними войнами и въ деньгахъ была скудна, то веденъ торгъ оный до половины 1655 года. Въ семъ же году смертію Исламъ-Гирея открылся путь къ сходнѣйшему торгу съ племянникомъ его, новымъ Ханомъ, Менгли-Гиреемъ, который, ни мало не дорожа своимъ народомъ, уговорился съ Польщею вести войну съ Россіею и Козаками за сто тысячъ талеровъ золотыми деньгами. Каковъ торгъ, таковы и дѣйствія молодаго Хана были, т. е., скоропостижны. Онъ со всѣми своими ордами, въ Октябрѣ мѣсяцѣ того 1655 года, напавъ нечаянно при рѣкѣ Самарѣ на Козацкій корпусъ, разбилъ его на голову. Командовавшій имъ, Наказный Гетманъ, Яковъ Томило, на мѣсто Золотаренка Хмельницкимъ произведенный, былъ убитъ на мѣстѣ сраженія, а войска остальныя, одни, пробившись сквозь непріятеля, соединились съ корпусомъ Боярина Бутурлина около Санжарова, а другія, подъ командою Полковника, Худорбая, скрывшись въ лугъ Днѣпровскій и его очереты и кустарники, отбивались въ нихъ до ночи, а ночью, переправясь на очеретовыхъ пучкахъ или связкахъ черезъ рѣку Днѣпръ, прошли въ Уманьщину и присоединились къ войскамъ Козацкимъ.

Гетманъ Хмельницкій, извѣстясь о разбитіи Татарами корпуса Томилова, разослалъ отъ себя другіе корпусы изъ-подъ Заславля къ рѣкѣ Днѣпру для удержанія Татаръ при сей рѣкѣ; но Ханъ, пере-

правясь уже через Днѣпръ, успѣлъ соединиться съ Поляками, прошедшими къ нему чрезъ Молдавію, и напалъ на корпусъ Козацкій, вступившій въ Уманьщину подъ командою Полковниковъ: Зеленскаго, Богуна и Дженжелія, который, спѣшившись и сомкнувшись въ батаву, держался много въ атакѣ, отражая непріятелей съ великимъ ихъ урономъ. Наконецъ, дождавшись ночи и построивъ фалангу, ударилъ на непріятеля въ одну сторону и, пробившись сквозь толпы непріятельскія, прошелъ, въ оборонительномъ состояніи, до города Бѣлой Церкви и тамо укрѣпился. Хмельницкій, обезсилившій армію свою отдѣльными корпусами, свѣдавъ о семъ разсѣяніи, выступилъ съ остальнымъ войскомъ изъ-подъ Заславля и, поспѣшая на подкрѣпленіе тѣхъ корпусовъ къ Бѣлой Церкви, атакованъ былъ соединенными непріятельскими силами въ урочищѣ, такъ послѣ названномъ, „Дрыжи Поле.“ Непріятели обрадовавшись, что нашли Хмельницкаго въ малыхъ силахъ, и бывши на него злобны до изступленія, напали на Козаковъ со всѣхъ сторонъ безъ всякаго разпоряженія, а только надѣясь на свое многолюдство. Хмельницкій, ведя себя въ войнѣ всегда осторожно, спѣшилъ войска свои завременно и сдѣлалъ изъ нихъ батаву; а допустя непріятеля въ самую ближайшую дистанцію, выстрѣлилъ по немъ изъ пушекъ и ружьевъ такъ удачно и жестоко, что повалилъ вдругъ изъ толстыхъ непріятельскихъ кучь цѣлыя тысячи. Непріятель, образумясь отъ своего пораженія, сталъ продолжать напуски свои отдаленнѣе; а Гетманъ, между тѣмъ, повелѣвъ собрать тѣла побитыхъ непріятелей, сдѣлалъ изъ нихъ обширной и довольно возвышенной ретраншаментъ, и такъ укрѣпившись собственными непріятельскими тѣлами, поражалъ изъ нихъ приближающагося непріятеля, какъ изъ крѣпости, ожидая при томъ помощи отъ Боярина Бутурлина, или отъ своихъ корпусовъ, кои о впаденіи непріятеля и объ осадѣ его въ малыхъ силахъ довольно знать могли. Но какъ таковой помощи ни отколь не было, а въ провіантѣ и фуражѣ сдѣлался крайній недостатокъ, да и стужа зимняя стала уже несносною; ибо сіе произходило въ послѣднихъ числахъ Декабря мѣсяца, то Хмельницкій рѣшился пробиться сквозь непріятеля силою и освободиться отъ его осады. Предпріятіе сіе сдѣлано ночью. Войска Козацкія, построившись фалангою съ легкою артиллеріею, подошли къ непріятелямъ тихими шагами и, заставъ ихъ спящихъ большими кучами при огняхъ, отъ которыхъ обыкновенно въ сторонѣ ничего не видно, ударили на нихъ во всей опрометчивости и побили ихъ цѣлыя тысячи почти безъ обороны. Произведенный при семъ громъ пальбы и крикъ народный, заставилъ прочаго непріятеля вооружаться къ оборонѣ; но фаланга Козацкая, очиствъ уже себѣ пространный путь, довольно удалилась отъ него въ полномъ порядкѣ и пришла въ Бѣлоцерковщину благополучно.

Отъ Бѣлой Церкви собравшись Хмельницкій съ достаточными силами Козацкими, выступилъ съ ними для поисковъ надъ непрія-

телями въ исходѣ Генваря мѣсяца, 1656 года, и заставъ ихъ въ округѣ Смѣлянской, укрывающихся отъ стужи по жилищамъ обывательскимъ порознь въ деревняхъ и хуторахъ, наступилъ на нихъ со всею жестокостію и, не давая имъ соединиться, гналъ изъ деревни въ деревню, производя повсемѣстное надъ ними убійство. Для чего раздѣлены были у него войска на многіе деташаменты съ резервами и легкою артиллеріею, а посрединѣ ихъ подкрѣплялъ и наступалъ самъ Гетманъ съ главными своими силами. Бѣгущіе непріятели собрались и остановились было около мѣстечка Межибожа, рѣшившись дать баталію; но Хмельницкій, наступивъ на нихъ пѣхотою своею и смѣшанною конницею, опрокинулъ всѣ ихъ ополченія, ибо войска непріятельскія, состоящія всѣ почти изъ конницы, за глубокими снѣгами, худо могли дѣйствовать, а сагайдаки Татарскіе въ сильные морозы и совсѣмъ были не дѣйствительны. Напротивъ того Козацкія войска оружіемъ своимъ и пушечными выстрѣлами безпрестанно ихъ поражали, и въ нѣсколько часовъ обратили въ бѣгство, съ потерею на мѣстѣ сраженія и въ жилищахъ убитыми до тринадцати тысячь своихъ воиновъ. На побѣгѣ раздѣлились непріятели на двое. Поляки вошли обратно въ Молдавію и оттоль пробрались въ Галицію и Польшу; а Татары потянулись степьми въ Крымъ, и взятые ими у Поляковъ за походъ сей талеры обратились имъ въ гибель, или самую горестную добычу, ибо, проходя они обширныя степи по глубокимъ снѣгамъ, отъ сдѣлавшагось на нихъ твердаго сирену, всѣ лошади свои нарѣзали и побросали, а сами едва доволоклись пѣшими въ свои аулы или жилища, потерявъ много людей замерзшихъ и засыпанныхъ снѣгами. А Гетманъ, по одинакимъ причинамъ и неудобствамъ, оставилъ свою за ними погоню.

Въ открывшуюсь тогда весну, соединившись Хмельницкій съ Бояриномъ Бутурлинымъ, предпринялъ походъ съ обоими Россійскими войсками во внутрь Польши, дабы предупредить и отвлечь Польскія войска отъ соединенія ихъ съ Турецкими и Татарскими. Продолжая они походъ свой до Бродъ, Львова и Замостья, побрали города сіи съ малымъ сопротивленіемъ, и Польскія войска, не смѣвъ показаться имъ въ полѣ, держались только при тѣхъ городахъ и ихъ замкахъ. А по сближеніи къ нимъ войскъ Россійскихъ, по первыхъ съ ними шармицерахъ и перестрѣлкахъ, сбиты они были и разсѣяны внѣ городовъ оныхъ, кои оставляли со всѣми снарядами и запасами, въ волю побѣдителей. Граждане жъ, имѣвъ въ свѣжей памяти побѣдоносныя Хмельницкаго надъ ними дѣйствія и его великодушное къ нимъ снисхожденіе, выходили за городъ и встрѣчали войска Россійскія съ мирными предложеніями и мольбами, пожертвовавъ при томъ нѣкоторыми для войска вспоможеніями. Почему и оставлены они въ покоѣ, безъ всякихъ воинскихъ поисковъ и притѣсненій; а только описано и забрано на Государя все, принадлежащее казнѣ или скарбу Рѣчи Посполитой Польской, и введены въ замки городскіе гарнизоны Россійскіе.

Отъ Замостья Хмельницкій направилъ походъ къ городу Люблину

ну, который почитался въ стороне той главнымъ и нарочито укрѣпленнымъ; а потому былъ онъ собраніемъ лучшихъ сокровищъ вельможъ Польскихъ и шляхетства тамошняго и убѣжищемъ самихъ ихъ. Достигнувъ сего города, Россіяне облегли его со всѣхъ сторонъ и, послѣ первыхъ попытокъ, учиненныхъ на городъ съ намѣреніемъ овладѣть имъ, съ пощадою народною и меньшимъ кровопролитіемъ, когда ни въ чемъ томъ не успѣли, и граждане, обнадеженные многочисленностію гарнизона, дѣлали сопротивленіе съ отчаянною жестокостію и подлыми коварствами, то полководцы рѣшились взять городъ сей формальною осадою, и для сего начали съ трехъ сторонъ города рыть шанцы и другія осадныя укрѣпленія. Граждане, соединенно съ гарнизономъ, дѣлая безпрерывно сопротивленія Рускимъ построеніямъ, обратили все свое вниманіе и осторожность на мѣста оныя и подали тѣмъ случай Гетману къ обыкновенной его въ осадахъ хитрости. Онъ въ одинъ день, отдавая приказы въ войска, разглашалъ ихъ нарочито противу воинскихъ обыкновеній, повелѣвая всѣмъ быть готовымъ къ ночи на генеральный къ городу приступъ со стороны шанцовъ. За наступленіемъ ночи дѣйствительно произведена съ шанцовъ пушечная пальба съ бомбандированіемъ, а по сторонамъ дѣланы ружейные выстрѣлы съ крикомъ и притворнымъ покушеніемъ на валы городскіе. А когда сія фальшивая атака производима была, и граждане съ гарнизономъ натурально собрались къ мѣстамъ, грозящимъ опасностію, то въ то самое время сильный отрядъ Козацкой пѣхоты подошелъ весьма тихо къ стѣнамъ цитадели или замка городскаго, вошелъ въ него по лѣсницамъ, и при шумѣ городскомъ, напалъ съ копьями на стражу замка и всю ее перекололъ, не оставивъ въ живыхъ ни кого, въ замкѣ бывшаго. И такимъ образомъ овладѣвши замкомъ, ввезена была въ него главная артиллерія съ мортирами и умножены войска, а на разсвѣтѣ произведена сильная пальба по городу и метаніе въ него бомбъ. Граждане и гарнизонныя войска, ощутившіе потеряніе замка, бросились было отнимать его со всѣмъ своимъ многолюдствомъ, насунувшись къ батареямъ и стѣнамъ безъ всякаго устройства, а только съ слѣпымъ ожесточеніемъ. Козацкія войска, заблаговременно разставивъ артиллерію перекресткомъ и допустя Поляковъ въ самую ближайшую дистанцію, сдѣлали изъ всѣхъ орудій и ружьевъ самый жестокій и мѣткій по нихъ выстрѣлъ, отъ чего повались изъ нихъ цѣлыя тысячи, а остальные разбѣжались въ ужасѣ, кто куда попалъ. Войска Козацкія, вышедъ тогда изъ замка, наступили на бѣгущихъ копьями и поражали ихъ, почти безпамятныхъ. Къ симъ присоединясь всѣ другія Россійскія войска, подъ часъ пальбы вломившіясь въ городъ чрезъ ихъ вороты, произвели въ городѣ страшное и повсемѣстное убійство и всеобщій грабежъ. И такъ городъ Люблинъ отъ упорства и ожесточенія своихъ граждань претерпѣлъ гораздо больше, чѣмъ Россіяне ему желали, и обогатилъ войска Россійскія безсмѣтными сокровищами и всѣхъ родовъ добычами до избытка.

При Люблинѣ свѣдалъ Гетманъ чрезъ своихъ шпіоновъ, что армія Польская, подъ командою обоихъ Гетмановъ, Короннаго и Литовскаго, намѣрена переправиться чрезъ рѣку Вислу для сопротивленія успѣхамъ Рускимъ, и потому выступивъ онъ съ Бутурлинымъ скоропостижно отъ Люблина, упредилъ армію Польскую и, переправясь со всѣми войсками Рускими на Варшавскую сторону рѣки Вислы, изумилъ тѣмъ Поляковъ и привелъ полководцевъ ихъ въ замѣшательство. Однако они, укрѣпившись на берегу Вислы, ожидали на себя нападенія; а Гетманъ съ Бояриномъ, разсмотрѣвъ положеніе стана Польскаго и сдѣлавъ нужныя разпоряженія, повелъ на него атаку. Нападеніе было жестокое но и отпоръ дѣланъ неменьше ожесточенный. Поляки, знавъ свою и національную крайность, защищали себя и станъ свой съ отчаяніемъ. Гетманъ нѣсколько разъ покушался напусками своими опрокинуть линіи непріятельскія, или ихъ разстроить, но ни мало въ томъ не успѣлъ, и они держались съ удивительнымъ упорствомъ, закрывая всегда разбитыя мѣста свои свѣжими войсками, почему сраженіе продолжалось долгое и неопредѣлительное въ обѣ стороны. Наконецъ, Хмельницкій позади праваго фланга своего, примыкавшагось къ берегу Вислы, провелъ сильный отрядъ пѣхоты своей, легко вооруженной. Онъ, спустясь въ низъ къ самой рѣкѣ и пробравшись камышами и кустарниками до половины стана Польскаго, вдругъ поднялся на гору и впалъ во внутренность его, а тамъ, по первомъ выстрѣлѣ изъ ружьевъ, ударилъ копьями въ тылъ линій непріятельскихъ, которыя, претерпѣвъ пораженіе и поворотясь къ оборонѣ, обыкновенно замѣшались и разстроились. Гетманъ, тое примѣтивъ, напустилъ на нихъ пѣхоту изъ своихъ линій и опрокинулъ весь лѣвый флангъ непріятельскій. Убійство и сѣча начались тогда ужасныя. Войска Польскія, не успѣвая заряжать ружьевъ, оборонялись одними саблями, и были избиваемы копьями въ великомъ числѣ. Слѣдствіемъ того было всеобщее замѣшательство и отступленіе непріятельское, а Козаки и всѣ Россіяне, преслѣдуя отступающихъ, выгнали ихъ совсѣмъ изъ стана и разсѣяли во всѣ стороны. За бѣгущими вытправленная конница гналась до темной ночи и докончила пораженіе непріятеля. Станъ его со всѣми запасами и снарядами достался побѣдителямъ и значилъ знатную добычу.

По истребленіи арміи Польской, когда Россійская армія выступила уже къ Польскимъ столицамъ, получено Гетманомъ извѣстіе чрезъ нарочитаго гонца, изъ Чигирина посланнаго, что Ханъ Крымскій, Менгли-Гирей, съ войсками своими поспѣшая на помощь Полякамъ, выступилъ изъ своихъ границъ и переправляется черезъ рѣку Днѣпръ для впаденія въ Малоросію. Гетманъ, оставивъ потому походъ свой къ столицамъ Польскимъ, переправился обратно черезъ рѣку Вислу и поспѣшилъ съ войсками своими къ Чигирину, а Боярина Бутурлина согласилъ разположиться съ войсками Россійскими около Каменца Подольскаго. Проходя Гетманъ Уманьщину, увѣдомленъ былъ здѣсь, что Ханъ

стоитъ съ войсками въ степяхъ при рѣкѣ Озерной. Онъ отправилъ къ нему Есаула Подковаго, Тугая [167], и съ нимъ трехъ офицеровъ Польскихъ, полоненныхъ на послѣднемъ сраженіи за Вислою; писалъ при томъ къ Хану, что „какъ онъ не подалъ ни какихъ причинъ ему и его народу ко взаимной враждѣ и непріятельскимъ дѣйствіямъ и поступкамъ, а напротивъ того питалъ всегда сосѣдственную дружбу къ предкамъ его и всей Татарской націи, дѣлая имъ многія и важныя пособія и одолженія, то проситъ Хана увѣдомить его, какъ ему считать ополченіе Татарское и нашествіе ихъ на земли Малоросійскія. Ежели его значитъ непосредственную войну отъ самаго Хана или его Крыма народу Рускому, такъ я на него отвѣчаю, продолжалъ Хмельницкій, и заразъ наступаю на всѣ силы Татарскія. Когда же оно назначено съ постыднаго найма на укомплектованіе или на пособіе армій Польскихъ, то даю знать, что ихъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и послѣдняя разбита и истреблена за Вислою, въ предѣлахъ самой столицы Польской, о чемъ завѣрить могутъ плѣнные офицеры Польскіе, бывшіе очевидными тому свидѣтелями и участниками со стороны страдательной."

Ханъ, отвѣчая Гетману, что онъ и Татары его вражды къ народу Рускому и претензій къ нему ни какихъ не имѣютъ, а имѣетъ надобность интересную къ самому Гетману и правительству Козацкому, просилъ при томъ Гетмана повидаться съ нимъ и объясниться обо всемъ персонально, въ лагерѣ Татарскомъ. Гетманъ, вытребовавъ отъ Хана въ аманаты двѣнадцать человѣкъ знатнѣйшихъ Мурзовъ и оставивъ ихъ въ своемъ лагерѣ, отправился самъ, съ штатомъ своимъ, въ лагерь Татарскій, и тамо, послѣ первыхъ обыкновенныхъ комплементовъ или привѣтствій, начались важные переговоры, и Ханъ съ жаромъ укорялъ Гетмана за соединеніе его съ Московіею и отдачу себя съ народомъ въ протекцію Царя тамошняго, доказывая, что „таковое соединеніе причинствовать будетъ къ вѣчной враждѣ на Козаковъ и на Московію отъ всѣхъ сосѣдствующихъ державъ, между которыми Малоросія, по положенію своему, есть первымъ и всегдашнимъ сборищемъ или плацомъ, удобнымъ къ нашествію непріятельскому, ихъ побоищамъ и раззореніямъ сего народа. Войны же съ Московіею суть неизбѣжны и безконечны для всѣхъ народовъ, ибо, не смотря на то, что она недавно вышла изъ владѣнія Татарскаго, единственно по случаю междоусобій Татарскихъ, которымъ и теперь есть данница, не смотря, что въ ней всѣ чины и народъ почти безграмотны и множествомъ разновѣрствъ и странныхъ мольбищъ сходствуютъ съ язычествомъ, а свирѣпостію превосходятъ дикихъ, не смотря, говорю, на невѣжество и грубіянство, припомнить надобно привязчивость ихъ за самыя мѣлочи и бредни, за которыя они вели сумазбродную и долголѣтнюю ссору и войны со Шведами и Поляками, замѣтивъ въ перепискахъ съ ними нѣчто въ словахъ нескладное, за что и между собою они безпрестанно дерутся и тиранствуютъ, находя въ книгахъ своихъ и крестахъ что-то неладное и не по праву каждаго.

Припомнить надобно жадность ихъ къ властолюбію и притязаніямъ, по которымъ присвоивають они себѣ даже самыя царства, имперіи Греческую и Римскую, похитивъ на тотъ конецъ Государственный гербъ царствъ оныхъ, то есть, орла двуглаваго, по наслѣдству, будто, Князю ихъ Владиміру, бывшему зятемъ царю Греческому Константину Мономаху, принадлежащаго, хотя тотъ Владиміръ былъ дѣйствительно Князь Рускій Кіевскій, а не Московскій, отъ Скиѳовъ происходящій. Припомнимъ, наконецъ, непостоянное правленіе ихъ царственное и истребленіе самыхъ Царей, которыхъ нѣсколько сами они злодѣйски умучили, а одного продали Полякамъ на убой[168]. А доказано уже, что, гдѣ нѣтъ постоянной религіи и добрыхъ нравовъ, тамъ и правленія постояннаго быть не можетъ, и Русаки ваши пресмыкаться будутъ между Москалями, какъ овцы между волками."

Гетманъ, возражая Хану на его поношенія, изчислилъ ему всѣ непостоянства и предательства Хановъ, его предшественниковъ, для народа Рускаго показанныя, а особливо на сраженіи съ Поляками подъ Берестечкомъ. Изчислилъ такъ же приношенія и жертвы, имъ отъ него бывшія и значущія великія сумы и, такъ сказать, царственныя богатства, безстыдствомъ отплаченныя. Припомнилъ при томъ и всѣ пособія Козацкія, многократно Крымцамъ оказанныя противъ ихъ непріятелей съ пожертвованіемъ многихъ воиновъ, животъ свой за нихъ положившихъ, за которыхъ вознаграждены тогда Козаки однимъ бардакомъ и кумысомъ Татарскимъ, то есть, ихъ нектаромъ и амброзіею, а въ послѣдствіи многими обманами, предательствами и всѣхъ родовъ хищеніями и наглостями, погубившими множество народа Рускаго, съ помощію протекторовъ своихъ, Турковъ, непримиримыхъ враговъ всего Христіанства, которые то и дѣлаютъ, что гонятъ его и истребляютъ безъ всякихъ причинъ, а по одному странному правилу Алкорана своего. „О Полякахъ же и говорить нечего; весь свѣтъ знаетъ, что у нихъ сколько Пановъ, столько и Королей; а каждому изъ нихъ угодить[169] и самъ адъ не согласится. И такъ, когда народъ Рускій нынѣшнею протекціею своею избралъ себѣ зло, то конечно, между зломъ, его окружавшимъ, избралъ меньшее; когда онъ есть несчастливъ, то повѣрь, несчастливъ своимъ сосѣдствомъ, которое, безъ всякихъ причинъ, всегда его тревожило и оскорбляло, а теперь объ немъ ревнуетъ и терзается такою жалостію, какова бываетъ аспидова надъ человѣческою головою. Извѣстно же по Исторіямъ, что народъ сей изъ самой отдаленнѣйшей древности былъ въ землѣ своей самостоятельнымъ и самодержавнымъ, подъ управленіемъ собственныхъ Князей своихъ, довольно славныхъ великими своими дѣяніями и войнами. Но первое нашествіе и опустошеніе Татарское съ Ханомъ своимъ Батыемъ завело его въ протекцію Литовскую, а послѣ и въ соединеніе съ Польшею. Сіе соединеніе разрушили сами Поляки неслыханнымъ и[170] тиранскимъ своимъ правленіемъ; а свободу и вольность народную возстановило правосудіе Божіе, подвигнувши народъ къ невѣроятной

храбрости и мужеству; и онъ, ставъ въ первоначальной своей точкѣ самовластія, могъ жить безъ помощи чуждой. *Но видно судьба Божія*, устрояющая дѣла человѣческія всегда къ лучшему, *избрала соединеніе его съ народомъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ по доброй и обоюдной волѣ и согласію непринужденному, которыхъ разрушать я почитаю за грѣхъ смертельный*, и съ тѣмъ жить и умереть хочу." Ханъ, сколько ни уговаривалъ Гетмана на свою сторону, и какъ ни велики были его посулы и обѣщанія, однако онъ ни на что не согласился, и разстались они съ откровенною злобою.

За прибытіемъ Гетмана въ Чигиринъ, засталъ онъ тамъ посланника Шведскаго съ письмомъ отъ Короля тамошняго, Карла Густава, требующимъ у Гетмана вспомогательнаго войска противъ Польши и нѣкоторыхъ владѣтельныхъ Германцовъ, воевавшихъ тогда со Шведами за претензіи Ливонскія, Померанскія и Голштинскія. А требованіе сіе произошло отъ Короля на основаніи союзныхъ трактатовъ, прежними Гетманами Малоросійскими, отъ лица всего народа здѣшняго, съ Швеціею заключенныхъ во время Польскихъ наглостей и тиранствъ и въ бывшія съ ними войны, въ которыя, хотя Швеція силою своею и деньгами Малоросіянамъ и не вспомогала, однако жъ предстательствами Королей своихъ и ихъ посланниковъ всегда за нихъ заступалась, а Польшѣ грозила диверсіями. Гетманъ, выполняя обязанности предмѣстниковъ своихъ и народныя, безпрекословно командировалъ въ армію Шведскую, къ Польскому городу, Кракову, десятитысячный корпусъ, изъ семи полковъ реестровыхъ Козаковъ и изъ трехъ охочекомонныхъ составленый, подъ командою Полковника Кіевскаго, Антона Адамовича; объявленнаго на тотъ походъ Наказнымъ Гетманомъ, а Царю Алексѣю Михайловичу доносилъ, что посылка войскъ Козацкихъ въ помощь Шведамъ есть необходима и полезна, какъ въ разсужденіи обязанностей договорныхъ, всѣмъ державамъ общихъ, по коимъ устрояется народная довѣренность и взаимная ихъ помощь и обязанность, такъ и по тому, что дѣлается она во вредъ общему непріятелю.

Король Шведскій, пользуясь помощію Козацкою, въ самое нужное время къ нему подоспѣвшею, овладѣлъ обоими столичными городами Польскими, Краковомъ и Варшавою, имѣвъ при семъ послѣднемъ съ Поляками сраженіе, продолжавшееся чрезъ три дни. Подвиги сіи награждены сокровищами Королевскими и вельможескими, почти безчисленными, и другими великими добычами, въ обѣихъ столицахъ оныхъ найденными. А послѣдствіемъ тому было крайнее разстройство и изнеможеніе Польское, грозившее сей націи конечнымъ ея паденіемъ и разрушеніемъ, которое тогда же было бы неизбѣжно, если бы сторонніе державы, доброжелательствовавшія Польшѣ, не произвели противныхъ тому дѣйствій, не столько для ея пользы, сколько для своихъ интересовъ, завистію подстрекаемыхъ. Король Датскій, по согласію съ другими державами, объявивъ Швеціи нечаянную войну, вступилъ съ арміею своею

скоропоспѣшно во внутренность ея и принудилъ Короля Шведскаго, оставивъ всѣ Польскія завоеванія, поспѣшать на оборону своего Королевства. Война сія продолжалась чрезъ три года и кончилась Оливскимъ миромъ въ пользу Короля Шведскаго, который, при другихъ успѣхахъ, осаждалъ столичный Датскій городъ, Копенгагенъ.

Императоръ Римскій или Германскій, Фердинандъ III, и Примасъ Королевства Польскаго, Урбанъ, писали тогда же къ Гетману Хмельницкому, „чтобы онъ отсталъ отъ союза съ Королемъ Шведскимъ, яко отъ противника обѣимъ Католическимъ религіямъ, Римской и Греческой, и самаго жестокаго Лютераниста, и чтобы онъ по прежнему соединился съ Польшею на одинакія съ нею права и преимущества, кои они гарантировать могутъ; а по крайней мѣрѣ не мѣшался бъ ни въ какую войну съ Польшею и держалъ бы неутралитетъ. Въ противномъ же случаѣ грозили ему, что подвигнуты будутъ всѣ силы Европейскихъ Католическихъ Христіанъ на разрушеніе его націи, какъ вредной всему Католичеству Римскому, которому она опаснѣе самыхъ Турковъ и Сарацыновъ. Гетманъ съ отличнымъ почтеніемъ отвѣчалъ Императору, что „вспоможеніе его Королю Шведскому есть обязанность трактатовъ, всѣмъ народамъ обыкновенныхъ и за святость почитаемыхъ, которые отнюдь не касаются до религіи или вѣроисповѣданія народнаго, а заключены оные съ Швеціею предмѣстниками его и народомъ Рускимъ въ тѣ времена, когда Поляки, неистовствуя въ своемъ поведеніи и правительствѣ, терзали народъ сей самыми неслыханными въ свѣтѣ варварствами и безчеловѣчными мучительствами, въ которыхъ Господа Римскіе Католики не только не подали несчастному народу сему ни какой помощи, но еще преизлиха гнали его, обращая на Унію, въ Римѣ выдуманную, а въ Руси проповѣданную съ самою жесточайшею лютостію, превосходящею всѣ священныя Римскія инквизиціи, и какой въ самомъ Магометанствѣ надъ Христіанами неслышно было. А народъ Руский есть тотъ самый, съ которымъ Императоръ Римскій, Максимиліанъ, отъ лица всея имперіи, Римской имѣлъ дружеской союзъ и государственную переписку съ самодержавными Князьями его, всегда доброжелательствовавшими и вспомогавшими императорамъ имперіи Римской, но уничиженъ и заглушенъ [171] былъ онъ злостію и коварствомъ Поляковъ, соединившихся съ нимъ добровольно и дружелюбно, а разставшихся съ враждою и местію безпримѣрными; и раны зла сего такъ неизцѣльны, что врачевать ихъ ни какая сила и мудрость человѣческая не въ состояніи.“

Переписка Гетмана съ Императоромъ и Примасомъ и угрозы при томъ отъ нихъ бывшія сопровождались дѣйствительно новою для Малоросіи опасностію. Въ началѣ 1657 года войска Императорскія собрались къ границамъ Галиціи, а войска Турецкія показались въ Бессарабіи и Молдавіи, и весь Крымъ былъ въ движеніи. Гетманъ, возвѣстивъ Царю о бывшихъ съ ними перепискахъ и о движеніяхъ войскъ сосѣдствую-

щихъ державъ, прикрылъ заразъ свои границы многими деташаментами и командами, а въ подкрѣпленіе ихъ учредилъ для главныхъ войскъ два лагеря: одинъ при рѣкѣ Ташлику, подъ командою сына своего, Юрія, вспомоществуемаго совѣтами старыхъ и опытныхъ чиновниковъ, при немъ бывшихъ, а другой около гогорода Заславля, подъ командою Наказнаго Гетмана, Дорошенка. Войска на границахъ были съ обѣихъ сторонъ въ безпрестанномъ движеніи, но непріятельскихъ дѣйствій между ими не произходило, а только показыванъ видъ всегдашняго ихъ бдѣнія и готовности къ войнѣ. Между тѣмъ прибыли посланники иностранные съ новыми требованіями.

Султанъ Турецкій, Ибрагимъ, и Императоръ Римскій, соединенною миссіею объявили Гетману чрезъ посланниковъ оныхъ, что „какъ Польское Королевство раззорено и приведено въ крайнее изнеможеніе безпрестанными войнами и побѣдами его, Гетмана, съ войсками Козацкими, губившими Польшу безъ пощады и уваженія и помогавшими въ томъ Шведамъ и Царю Московскому безъ слушныхъ причинъ, и что держава сія, бывъ на краю разрушенія своего, принуждена будетъ войтитъ въ одну державу съ Московіею способомъ переговоровъ или силою превозмогающаго оружія, а сосѣднія державы и вся Европа, бывши спокойными того зрителями, увидятъ, къ стыду своему, державу колоссальную, изъ ничего почти въ таковую степень возвысившуюсь на вредъ многихъ народовъ, а по времени и на самое ихъ низпроверженіе, то Монархи сіи, имѣя справедливѣйшія причины защищать права народныя и удерживать въ державахъ политическое равновѣсіе, напоминаютъ ему, Гетману, отстать вовсе отъ союзовъ съ Швеціею и соединенія съ Московіею, а совѣтуютъ соединиться по прежнему съ Королевствомъ Польскимъ подъ нынѣшнимъ своимъ правленіемъ и со всѣми правами и преимуществами, свободную націю значущими, [172], и на то сочинить, подъ посредствомъ ихъ, постановительную съ Поляками конституцію, которую Монархи оные берутся гарантировать и вѣчно защищать; въ противномъ же случаѣ принудятъ они къ тому силою оружія своего, и на тотъ конецъ объявятъ войну."

Гетманъ, возражая Посламъ на ихъ требованія, доказывалъ, что „сдѣланный Козаками Полякамъ отпоръ и ихъ уничиженіе есть дѣло Божіе, исполнившее священнѣйшія Его слова, никогда втунѣ не проходившія: „Ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ." Всѣмъ сосѣдствующимъ народамъ, а не меньше того и вашимъ державамъ, довольно извѣстно, сколько претерпѣлъ народъ Руской отъ распутствъ и тиранствъ Польскихъ; всякаго рода насилія, варварства и самыя звѣрскія надъ нимъ лютости превзошли мѣру всякаго вображенія. Всѣ терпѣнія, стенанія и вопли народа сего попраны и погружены въ собственной крови ихъ. Они, отнявши у него все, въ здѣшней жизни бывшее, коснулись затмѣвать и самую надежду его въ жизни будущей чрезъ обращеніе на Унію, грозящую чистилищами и анаѳемами. Всѣ миротворства, трактаты и договоры, у Рускаго наро-

да съ Поляками бывшіе и клятвами торжественно утвержденные, не что иное были, какъ только игра обмана, вѣроломства и самаго подлаго предательства, споспѣшествовавшаго гнуснымъ ихъ намѣреніямъ, мщенію и убійствамъ. И народъ Руский, когда предпринималъ противъ Поляковъ оружіе, то предпринимадъ его единственно къ оборонѣ и въ крайности, къ чему всѣ народы во всемъ мірѣ имѣютъ самое естественное право, ни чѣмъ не опровергаемое. И какая жъ тутъ будетъ справедливость и политика у державъ, равновѣсія ищущихъ, когда они за оборону претендуютъ, а тиранство и злодѣйство попускаютъ или ихъ оправдываютъ? Но при всемъ томъ защищать Поляковъ и подрѣплять ихъ остается въ волѣ державъ оныхъ, а приневоливать народъ Рускій въ подчиненность Полякамъ есть странность, несовмѣстная ни съ какими правилами политическими и моральными, и есть тоже, что соединять овцы съ волками на одну пажить, вопреки самой природы и здраваго разсудка. Воевать же за сіе и того безрасуднѣй и значитъ самоизвольное и беззаконное истребленіе народное, подлежащее неминуемой мести Божіей. Почему и сужу я о себѣ самомъ, заключилъ Хмельницкій, что, при случаѣ необходимости, лучше впасти въ руцѣ Божіи, нежели въ руцѣ человѣческія, и на сихъ правилахъ располагаю поведеніе мое въ разсужденіи Польши, не причинствуя отнюдь ея уничтоженію или порабощенію.

Такими неудовлетворительными переговорами хотя и отдѣлался, на первый случай, отъ посланниковъ Хмельницкій, но угрозы Монарховъ ихъ и учиненныя при томъ предложенія сдѣлали въ душѣ его великое впечатлѣніе. Онъ, будучи самой ревностной патріотъ народа своего, всегда искалъ ему благоденствія и послѣ долговременной, изнурительной войны спокойствія; но нашелъ, вмѣсто того, новыя искушенія и напасти, и разсуждая о предбудущихъ слѣдствіяхъ, когда, собравшаясь надъ отечествомъ его такъ страшная гроза, на него грянетъ, какому подвержено будетъ оно раззоренію и опустошенію отъ державъ, столько сильныхъ и его почти окружающихъ. Принять же систему ихъ почиталъ вѣроломствомъ, подлою трусостію и самымъ явнымъ злодѣяніемъ, значущимъ въ Христіанствѣ грѣхъ смертный, вѣчно непростительный. Отъ всѣхъ таковыхъ размышленій снѣдаемъ бывши Хмельницкій крайнею горестію и безпрерывною печалью, разтравившихъ прежнія его припадки, отъ чрезмѣрныхъ воинскихъ трудовъ и всегдашнихъ суететвъ и бдѣній зародившіесь, а не меньше и отъ удручавшей его старости, впалъ въ тяжкую болѣзнь и, по долгомъ въ ней страданіи, сталъ, наконецъ, къ жизни ненадеженъ.

Почувствовавъ Гетманъ Хмельницкій приближающуюсь кончину свою, созвалъ въ Чигиринъ чиновниковъ и начальниковъ отъ войска и урядовъ и товариство съ знатнѣйшими Козаками, и имъ, собравшимся къ нему въ домъ, объявилъ состояніе дѣлъ націи и всѣ тогдашнія министерскія обстоятельства. А за тѣмъ, исчисливъ прежнія на отечество напасти и происходившія отъ того тяжкія войны, въ

которыя они такъ славно и великодушно подвизались и перенесли бѣдствія собственнымъ своимъ мужествомъ и достохвальнымъ между собою согласіемъ, заключилъ тѣмъ, что онъ, чувствуя приближающуюсь кончину свою, съ сокрушеніемъ сердечнымъ и прискорбіемъ душевнымъ, оставляетъ ихъ на произволъ судьбы и совѣтуетъ имъ не ослабѣвать, при случаѣ надобности, въ мужествѣ и подвигахъ бранныхъ, *держась всегда единодушнаго согласія и братской дружбы, безъ чего ни какое царство и ни какое общество стоять не можетъ.* „А я, продолжалъ Хмель„ницкій, благодарю вамъ, братія, „и за послушаніе меня въ войнахъ „и за свое Гетманство! Благодарю „за тѣ достоинства, которыми вы ме„ня почтили, и за ту довѣренность, „которую вы мнѣ всегда оказы„вали! Возвращаю вамъ всѣ знаки „и клейноды, достоинство и власть „оную означающіе, и прошу васъ „простить меня, въ чемъ я, яко чело„вѣкъ, кому либо изъ васъ погрѣ„шилъ, или кого огорчилъ. Намѣ„ренія мои объ общемъ благѣ были „чистосердечны и истинны, и я „всего себя посвящалъ отечеству, „не щадя здоровья своего и самой „жизни. Но каждому угождать не „возродился еще никто изъ че„ловѣкъ. И такъ, въ разсужденіи „общаго добра, позвольте еще по„просить васъ сдѣлать мнѣ послѣд„нее удовольствіе: изберите себѣ „Гетмана при моей жизни, кото„рому бъ я могъ открыть нужныя „тайны и дать полезные совѣты въ „правленіи. А какъ въ нынѣшнее „критическое время надобенъ въ „Гетманы самый искусный, муже„ственный и опытный человѣкъ, то „я представляю вамъ таковыми Пол„ковниковъ, Переяславскаго Тете„рю, и Полтавскаго Пушкаренка, „да писаря Генеральнаго, Виговска„го. Изъ сихъ избирите вы одно„го, кого по общему совѣту за„благоразсудите.“

Чины и Козаки, возрыдавъ горько отъ изреченій Гетманскихъ, такъ трогательныхъ и ихъ поразившихъ, а паче о приближающейся кончинѣ его и своемъ сиротствѣ, начали вопить: „Кого из„беремъ на мѣсто твое? И кто досто„инъ наградить отеческіе къ намъ „заслуги твои и нашу въ тебѣ по„терю? Сынъ твой, Георгій, да на„слѣдуетъ мѣсто и достоинство твое! „Онъ одинъ пущай надъ нами на„чальствуетъ, и мы его избираемъ „въ Гетманы. Окаянны, безовѣстны „и безстыдны были бъ мы, если бы „предпочли ему кого другаго, за„бывъ и презрѣвъ великія твои къ „намъ благодѣянія и безпримѣрные „для отечества подвиги.“ Гетманъ, благодаря чинамъ и войску за ихъ къ нему признательность, отвращалъ выборъ ихъ на его сына, доказывая, что онъ очень молодъ и къ подъятію такой великой должности и въ такое критическое время еще не надеженъ. „А вы благо„дарность свою ко мнѣ можете надъ „нимъ оказать другимъ образомъ; „равно и онъ можетъ отечеству слу„жить въ другой степени, по мѣрѣ „способности своей и лѣтъ. А въ „должность Гетмана избирать на„добно человѣка возмужалаго и во „всѣхъ качествахъ и способностяхъ „опытами дознаннаго.“ Собраніе, возразивъ Гетману, что молодость сына его можно подкрѣпить добрыми совѣтами и надежными совѣтниками, которыхъ, по знанію своему, избрать самъ можетъ, при-

говорили единогласно, что лишить его отеческаго достоинства мы никого не допустимъ.

Гетманъ, по упорному настоянію собранія, согласясь на его волю, пригласилъ къ себѣ сына своего, Георгія, и поручилъ собранію, со изреченіемъ: „Вручается „онъ въ покровительство Божіе и „въ вашу опеку, и анаѳемѣ предаю того, кто совратитъ его съ „пути истиннаго и сотворитъ притчею во языцѣхъ и посмѣяніемъ „въ людѣхъ! Предаю и самаго его, „если онъ пойдетъ путемъ строптивымъ и удалится отъ правоты, „чести и Христіанскихъ добродѣтелей; и завѣщеваю ему на всю „жизнь его служить отечеству вѣрно и усердно, блюсти его, яко „зѣницу ока и пролить за него „всю кровь свою, ежели она будетъ ему полезна и спасительна! „Болѣе сея жертвы я ничего другаго отъ него не требую, и сіе „да будетъ ему всегдашнимъ моимъ паролемъ и лозунгомъ! А васъ „прошу и заклинаю подкрѣплять „его благими совѣтами и постояннымъ мужествомъ, которое всему „племени нашему Славянскому есть „искони сродно и наслѣдственно.“ За симъ вручены Гетманомъ сыну его клейноды войсковые и печать національная, со всѣми документами и дѣлами письменными; и онъ, по обычаю, поздравленъ и прикрытъ отъ чиновъ и товариства знаменами и шапками, и провозглашенъ Гетманомъ, съ пальбою изъ пушекъ и ружьевъ и съ музыкою войсковою, игравшею по городу на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ, а въ полки и города разосланы нарочитые съ универсалами. Происходилъ же и совершенъ выборъ сей въ 7 день Августа, 1657 года.

Старый Гетманъ предъ кончиною своею имѣлъ еще совѣтъ съ чинами и товариствомъ, и на немъ избраны совѣтниками и опекунами къ молодому Гетману: писарь Генеральный, Виговскій, и Полковникъ Полтавскій, Пушкаренко, бывшій уже въ походахъ Наказнымъ Гетманомъ. И старый Гетманъ, послѣдняго дни въ своей жизни побывши съ сыномъ своимъ и его совѣтниками нѣсколько часовъ на единѣ, скончался 15 Августа, по полудни. Вопль и стонъ домочадцовъ Гетманскихъ и выстрѣлъ изъ ломовой пушки возвѣстили въ городѣ о смерти Гетмана. Войско и народъ всякаго чина и сословія наполнили тотчасъ домъ Гетманскій и его окружили. Плачь и рыданіе раздирали воздухъ, и сѣтованіе продолжалось повсемѣстное и неизреченное. Всѣ оплакивали его, какъ роднаго отца своего; всѣ вопили: „Кто теперь пожe„нетъ враговъ нашихъ и защититъ „насъ отъ нихъ? Померкло солнце „наше, и мы остались во тмѣ на „разхищеніе волковъ алчныхъ!“

Достоинства сего Гетмана и подлинно стоили оплакиванія всенароднаго, и такихъ людей судьба Божія вѣками только производитъ въ человѣчествѣ для нарочитыхъ ея намѣреній и устроеній. Онъ, при превосходномъ своемъ разумѣ, былъ весьма добродушенъ и справедливъ; въ дѣлахъ національныхъ совершенный политикъ, а въ войнѣ неустрашимый и предпріимчивый вождь. Храбрость его равнялась равнодушію. Въ побѣдахъ своихъ никогда не тщесла-

вился, а въ неудачахъ вовсе не унывалъ. Терпѣніе его въ тягчайшихъ трудахъ и подвигахъ ни какъ ему не измѣняло. Голодъ и жажду, холодъ и зной, сносилъ онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ. Отечество свое и народъ такъ любилъ, что покоемъ своимъ, здоровьемъ и самою жизнію всегда ему жертвовалъ безъ малѣйшаго роптанія. Словомъ сказать, былъ совершенный въ народѣ верховный начальникъ, а въ войскѣ безпримѣрный вождь.

Похоронъ Гетману учиненъ съ великимъ, но печальнымъ, тріумфомъ и со всѣми воинскими и гражданскими почестями. Тѣло его, въ провожаніи многочисленнаго воинства и народа, перевезено изъ Чигирина въ собственное мѣстечко Гетманское, Субботовъ, и тамо погребено въ монастырской его церкви, съ надписями и эпитафіями. На сторонѣ гроба выставленъ подъ балдахиною портретъ Гетманскій съ сею надписью:

„Сей образъ начертанъ Козацкаго Героя,
Подобна Грекамъ тѣмъ, отъ коихъ пала Троя!
„Помпей и Цесарь что были у Рими,
У Руссовъ значилъ то Хмельницкій дѣлами своими:
„Польшу онъ низложилъ Козацкими полками,
Татаръ и Турковъ устрашилъ тѣми же войсками;
„Наказавъ варварство, пресѣкъ вѣроломство,
Вѣчно не забудетъ того Польское потомство.
„Унію онъ опровергъ, благочестіе возставилъ,
Ревность въ томъ свою въ родъ и родъ прославилъ;
„Непобѣдимъ во бранѣхъ, благой воспріялъ конецъ:
Изъ сына въ отечествѣ достойнѣйшій ему явился отецъ!"

Причиною смерти Гетманской полагаютъ нѣкоторые писатели продолжительную отраву, поднесенную ему однимъ знатнымъ Полякомъ, сватавшимся на его дочери, а послѣ скрывшимся. Но то уже достовѣрно, что на седьмой годъ по его смерти, при впаденіи въ Заднѣпровскую Малоросію Турецкихъ войскъ съ Султаномъ ихъ, Нурадиномъ, соединившіесь съ ними Поляки, напавши на мѣстечько Субботовъ, раззорили его до основанія, и кости Хмельницкаго, вырывши изъ гроба, сожгли, вмѣстѣ съ церковію и монастыремъ тамошнимъ, и тѣмъ кончили варварское свое и подлое надъ мертвымъ мщеніе.

Въ сіе время, именно въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1657 года Фридерикъ Вильгельмъ, Курфирстъ Бранденбургскій, прежде бывшій вассалъ Польскій, пользуясь крайнею слабостію республики Польской, изнемогшей долголѣтними ея несчастными войнами, получилъ отъ нея въ непосредственное владѣніе свое Королевство Пруское, въ Польскомъ владѣніи бывшее, но постановленіемъ Веллавскимъ за Курфирстомъ утвержденное, съ уступкою и другихъ дистриктовъ съ городомъ Эльбингомъ, по которымъ, въ послѣдствіи, принялъ онъ титулъ Короля Пруского, а за сію уступку обѣщался Курфирстъ вспомо-

ществовать Полякамъ противъ Царя Московскаго и Козаковъ и дать имъ, сверьхъ того, знатную сумму денегъ, чего, однако, не исполнилъ.

По кончинѣ Зиновія Хмельницкаго, Польское Правительство, совмѣстно съ державами, Полякамъ министерски помогавшими, не переставало домогаться у молодаго Гетмана рѣшимости его на соединеніе съ Польшею, отцу его предложенное. Но когда сей Гетманъ всемѣрно отъ того уклонялся, представляя причины, съ совѣта и плана отца его взятыя, то подведена подъ его мина чрезъ опекуна и писаря Генеральнаго, Виговскаго. Сей Виговскій, бывши природный Полякъ, сохранилъ въ себѣ характеръ націи своей во всей полнотѣ и, по безмѣрному честолюбію своему, всегда желалъ себѣ достоинства Гетманскаго, какимъ бы то ни было образомъ. Поляки, задобривши его великими подарками, а и того больше значущими посулами, склонили на предательство питомца своего, молодаго Хмельницкаго, и онъ первѣе намѣкалъ ему разными околичностями о согласіи, будто, отца его на соединеніе съ Польшею, но что, де, мѣшали ему въ томъ одни суевѣрные старики, предпочитавшіе Полякамъ и Туркамъ Московщину, единственно по одновѣрію, не смотря на то, что въ ней столько вѣръ, сколько у насъ повѣтовъ, и одна другую гонитъ и ненавидитъ. Потомъ увѣрилъ его совершенно, что таковое соединеніе есть полезно и неизбѣжно въ удовлетвореніе требованій первыхъ въ свѣтѣ Дворовъ, Турецкаго и Цесарскаго, которые, при дальнѣйшихъ сопротивленіяхъ, могутъ раззорить всю націю и лишить его Гетманства; а исполнивши ихъ желанія, можно укрѣпить вѣчно права свои и народныя, въ чемъ они берутъ на себя споручительство и утвержденіе за нимъ потомственнаго Гетманства, съ титуломъ и достоинствомъ владѣтельнаго Князя Сарматскаго.

Юрій Хмельницкій, бывши прельщенъ и устрашенъ уговорами Виговскаго, склонился на его контакты и, секретнымъ образомъ, 1658 года, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, взявши изъ скарбу Малоросійскаго миліонъ талеровъ, уѣхалъ въ городъ Заславль, въ сопровожденіи отряда своей гвардіи, а полкамъ реестровымъ Заднѣпровскимъ велѣлъ туда же слѣдовать подъ предлогомъ секретной экспедиціи. Въ Заславлѣ сыскалъ онъ Конгресъ, состоявшій изъ многихъ вельможъ Польскихъ, присланныхъ отъ Короля и Рѣчи Посполитой, и министровъ Цесарскато и Турецкаго. На немъ предложены были Гетману договорныя съ Польшею статьи, яко бы отцомъ его сочиненныя чрезъ уполномоченныхъ Старшинъ Генеральныхъ, Верещагу и Сулиму, и названныя Гадяцкими статьями. Онѣ состояли въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Народъ Рускій и земля его, составленная изъ Княжествъ или Воеводствъ, Кіевскаго, Черниговскаго, Сѣверскаго и Владимірскаго, со всѣми въ нихъ городами, повѣтами и селеніями, по гранямъ, Зборовскимъ трактатомъ положеннымъ, да пребудутъ вольными, отъ самихъ себя и правительства своего зависимыми и въ совершенной едности и равенствѣ съ народами Польскими, яко отъ единаго съ

ними племени Сарматскаго происходящими; а прежнія между ими распри, вражды и войны да уничтожатся и предадутся вѣчному забвенію съ соблюденіемъ и утвержденіемъ строжайшимъ обоюдной амнистіи. 2. Правительства Рускія да устрояются и пребываютъ на правахъ своихъ и привиллегіяхъ стародавнихъ, въ совершенномъ равенствѣ и одинакомъ преимуществѣ съ правительствами Польскими и Литовскими, подъ сѣнію одной Короны Королевской, всѣмъ тремъ народамъ равномѣрно державной и покровительной. 3. Верховнымъ начальникомъ народа Рускаго и правительствъ тамошнихъ признается Гетманъ, выбранный рыцарствомъ изъ самихъ себя, не допуская иностранныхъ, коего власть и преимущества почитать наровнѣ съ Коронными и Литовскимъ Великими Гетманами, а войска ему имѣть реестроваго сорокъ тысячь; охочекомоннаго жъ и Запорожскаго сколько сберется и содержать будетъ возможно. 4. Стража внутренняя и оборона внѣшняя въ землѣ Руской зависитъ отъ власти Гетмана и отъ силъ войска тамошняго, и въ таковыхъ случаяхъ признается онъ самовластнымъ Княземъ Рускимъ или Сарматскимъ, а въ общей оборонѣ и войнѣ всего Королевства учавствуетъ земля оная по общему съ нею совѣту и согласію, а иначе вольно въ обѣ стороны неутралъ держать. 5. Провинціальное управленіе земли Руской подлежитъ Воеводамъ, выбраннымъ изъ себя тамошнимъ рыцарствомъ, не попуская отнюдь инороднымъ, и они подчинены во всемъ Гетману и непосредственно подъ его повелѣніями состоятъ, и когда снаряжаемы и выправляемы будутъ отъ Воеводствъ и повѣтовъ земскіе послы и депутаты на Сеймъ Генеральный, то сіе чинится по повелѣнію Гетмана и съ его инструкціями и наказами. 6. При всѣхъ службахъ и обращеніяхъ рыцарства и народа Рускаго съ рыцарствомъ и народомъ Польскимъ и Литовскимъ, да признается совершенная едность и равенство съ обѣихъ сторонъ, съ увагою чести и могущества каждаго особо и всѣхъ вообще. 7. Религія Каѳолическая Руская или Греческая съ религіею Католическою Римскою или Польскою, да пребудетъ въ совершенномъ равенствѣ и согласіи, безъ малѣйшаго нарушенія правъ и свободъ каждой, и Духовенства обѣихъ религій въ собраніяхъ правительственныхъ и при всѣхъ засѣданіяхъ и общеніяхъ, да имутъ мѣста, приличныя по сану своему, и голосъ по правамъ своимъ и преимуществамъ.

Статьи сіи надобно было Гетману непремѣнно объявить чинамъ и войску, къ нему собравшемусь, и отобрать на нихъ общее всѣхъ мнѣніе и согласіе. Но когда онѣ имъ объявлены были, то всѣ чины и Козаки, узнавъ о перемѣнѣ толикой важности и столько для всѣхъ позорной, тотчасъ, нагрубивъ Гетману, проклиная подлое его поведеніе и злодѣйскіе умыслы, отстали отъ него и воротились къ городу Чигирину. А здѣсь, узнавши, что казна національная расхищена и старшины Генеральные удалились изъ города, пошли искать опекуна и совѣтника Гетманскаго, Пушкаренка, чтобы, съ общаго съ нимъ совѣта и согласія, принять свои мѣры, не надѣясь на товари-

ща его въ семъ дѣлѣ, Писаря Виговскаго, готоваго, по породѣ своей, на всѣ коварства и обманы. Хмельницкій же, оставленный чинами и реестровымъ войскомъ, презрѣнный Заславскимъ Конгресомъ и содѣлавшійся притчею въ людехъ, съ немногими, приверженными къ нему, охочекомонными Козаками, принужденъ бѣжать изъ Малоросіи въ Сѣчь Запорожскую и тамо скрываться. Козаки Запорожскіе, принявъ его въ свое покровительство, обѣщали ему всякую помощь при удобномъ случаѣ. Они крайне недовольны были соединеніемъ ихъ съ Россіею, а паче обращеніемъ съ ея войсками; а подали къ тому причины, кажется, ничего не значущія, но много подѣйствовавшія на умы народные. Въ бытность сихъ Козаковъ въ походахъ вмѣстѣ съ стрѣльцами и сайдачниками Россійскими, терпѣли они отъ сихъ солдатъ частыя и язвительныя насмѣшки по поводу бритья своихъ головъ. Солдаты оные, бывши еще тогда въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лычаныхъ [173] лаптяхъ, небритыми и въ бородахъ, то есть, во всей мужичей образинѣ [174], имѣли однако о себѣ непонятное высокомѣріе или какой-то гнусный обычай давать всѣмъ народамъ презрительныя названія, какъ-то: Полячишки, Нѣмчурки, Татаришки, и такъ далѣе. По сему странному обычаю называли они Козаковъ чубами и хохлами, а иногда и безмозглыми хохлами, я сіи сердились за то до остервененія [175], заводили съ ними ссоры частыя и драки, а наконецъ нажили непримиримую вражду и дышали всегдашнимъ отвращеніемъ.

Писарь Виговскій, коль скоро выправилъ Юрія Хмельницкаго на секретный Конгресъ Заславскій, тотчасъ отправилъ отъ себя нарочнаго гонца въ Москву съ донесеніемъ Царю о зловредныхъ намѣреніяхъ Гетманскихъ, и что національныя привиллегіи и всѣ документы и архивы имъ сбережены, и войска реестровыя на его сторонѣ и ему преданы. Царь по сему донесенію отправилъ въ Малоросію Боярина Богдана Матвѣевича Хитрова, повелѣвъ ему навѣдаться о здѣшнихъ произшествіяхъ и, по совѣту Виговскаго, устроить съ нимъ, что признають за нужное. Бояринъ Хитровъ, прибывъ въ Чигиринъ, имѣлъ переговоры съ однимъ Виговскимъ и, бывши имъ обдаренъ, обольщенъ и какъ бы очарованъ, поручилъ ему, именемъ Царскимъ, Гетманское достоинство и объявилъ всѣмъ наличнымъ [176] чиновникамъ и Козакамъ признавать его Гетманомъ, устроеннымъ по волѣ и милости Царской. Чины и Козаки, не имѣвши общаго всея націи совѣта, ничего на то не противорѣчили; а вострепетавъ отъ вводимаго въ ихъ землю такъ страшнаго, по ихъ мнѣнію, насилія, изумились и разошлись съ крайнимъ огорченіемъ. И такъ Бояринъ Хитровъ оказалъ себя весьма простымъ и, вмѣсто полезнаго устройства, сдѣлалъ неосмотрительный шагъ къ вреднымъ перемѣнамъ и положилъ первый камень къ междоусобіямъ.

Полковникъ Полтавскій, Пушкаренко, бывшій Совѣтникомъ Гетманскимъ, опредѣленнымъ съ общаго согласія всея націи, свѣдавъ о злонамѣренныхъ поступкахъ Юрія Хмельницкаго и знавъ, что инструментомъ тому есть Писарь Виговскій, доносилъ отъ себя Царю на ихъ обоихъ и, въ ожида-

ніи резолюція, когда собрались къ нему полки съ ихъ чинами, воротившіесь отъ Заславля, то онъ, въ числѣ двадцати тысячь войска, выступилъ къ Чигирину, съ намѣреніемъ осадить въ немъ Виговскаго и отобрать у него всѣ дѣла и документы національные, яко у Канцлера націи хранившіесь, да и самаго его арестовать къ осужденію по законамъ. Но Бояринъ Хитровъ, встрѣтивъ Пушкаренка подъ городомъ Лубнами, объявилъ ему изволеніе Царское, по коему Виговскій устроенъ Гетманомъ Малоросійскимъ, и что онъ, Пушкаренко, долженъ его таковымъ признавать и ему повиноваться со всѣми чинами и народомъ. Пушкаренко, пораженный симъ объявленіемъ, какъ громовымъ ударомъ, сколько ни убѣждалъ Хитрова не вѣрить Виговскаго обманамъ, исполненнымъ коварствъ и злоумышленій, каковыми они скоро и откроются, однакс Хитровъ, ничему не внимая, велѣлъ ему именемъ Царскимъ возвратиться на свое мѣсто въ Полтаву.

Новый Гетманъ, *Виговскій*, чтобы болѣе обольстить Царя притворнымъ своимъ къ нему усердіемъ и усыпить Министерство его со стороны дѣлъ Польскихъ, докладывалъ Царю, что Поляки, по уничтоженіи Гетмана Хмельницкаго, имъ крайне противнаго, согласились признать его, Царя, Электоромъ короны Польской, а по смерти нынѣшнаго ихъ Короля, возвесть на Польскій престолъ и соединить Польское Королевство съ Царствомъ Московскимъ. Царь, по обольщенію Виговскаго, отправилъ въ Польшу великолѣпное Посольство, со многими и богатыми подарками, которое отъ Поляковъ, игравшихъ съ Виговскомъ одну ролю, встрѣчено и провожаемо было въ столицу съ пышнымъ тріумфомъ. Послѣ первыхъ пріемовъ и пиршествъ, когда посланники Царскіе стали упоминать Министерству Польскому о обѣщаніяхъ въ разсужденіи Электорства и признанія Царя наслѣдникомъ короны Польской, то сіи Министры, съ обыкновеннымъ своимъ льщеніемъ, завѣряли посланниковъ о непремѣнномъ желаніи ихъ и всей Рѣчи Посполитой имѣть у себя Королемъ Царя Московскаго и соединить съ его Царствомъ Королевство Польское. Но что надобно взять терпѣніе, пока спорныя дѣла со Швеціею и другими державами окончены будутъ и Польша станетъ чрезъ то свободна къ собственнымъ своимъ устроеніямъ; между тѣмъ полезно бы было, продолжали Министры Польскіе, утвердить Гетманство Козацкое въ особѣ одного Виговскаго, яко человѣка миролюбиваго и эдукованнаго, а Хмельнищину и съ корнемъ выдернуть изъ народа, ненавидящаго мира и тишины и питающагось одними войнами, грабежами и убійствами, и который есть бичь для всѣхъ народовъ благоустроенныхъ. Для сего и намѣрено правительство здѣшнее отправить къ Виговскому своихъ посланниковъ съ привиллегіею, утверждающею его въ Гетманствѣ, и тѣмъ увѣрить народъ Польскій и Рускій предварительно о начинающейся едности и дружбѣ въ обоихъ сихъ народахъ.

Полковникъ Пушкаренко, удерживая въ своемъ начальствѣ многіе

реестровые полки, приверженные къ нему по прежней бытности его надъ ними Наказнымъ въ походахъ Гетманомъ, не переставалъ доносить Царю о злонамѣренномъ поведеніи Виговскаго и его контактахъ съ Поляками во вредъ Козакамъ и всея Россіи. А когда прибыли къ Виговскому посланники Польскіе съ признаніемъ и утвержденіемъ его въ Гетманствѣ и съ дипломомъ Королевскимъ на то достоинство, то Пушкаренко отправилъ къ Царю Есаула полковаго, Бурлія, съ донесеніемъ объ оныхъ посланникахъ и ихъ коммисіи, и что ими, совмѣстно съ Виговскимъ, возмущаются войска и народы Малоросійскіе на сторону Польскую и проповѣдуется едность съ Польшею, неизвѣстно на какой конецъ. Виговскій, перехвативъ посланца онаго на дорогѣ около города Сумъ, отобралъ у него пакетъ, а самаго повѣсилъ; на Пушкаренка же послалъ два полка Нѣжинскіе и два Стародубскіе, то есть, по одному изъ нихъ конному и по одному пѣшему, повелѣвъ имъ схватить Пушкаренка, или его истребить. Но Пушкаренко, свѣдавъ завременно объ ономъ умыслѣ, засѣлъ съ войсками своими въ лѣсахъ и байракахъ между Озеннаго и Будища. И когда полки оные расположились на ночлегъ, то онъ напалъ на нихъ на разсвѣтѣ и разсѣялъ ихъ совершенно, а начальниковъ, ими командовавшихъ, забралъ въ плѣнъ, отправилъ къ Царю въ Москву съ своимъ конвоемъ и пространнымъ донесеніемъ о всѣхъ Виговскаго поступкахъ и умыслахъ и о заведенныхъ чрезъ то междоусобіяхъ, и что новый его, предложенный Царю, проектъ о наслѣдіи Польскомъ не что иное есть, какъ только самый коварный обманъ, вымышленный единственно для того, дабы провесть Царя и выиграть время на уформированіе войскъ и ополченіе противу его, вмѣстѣ съ самимъ этимъ Виговскимъ и Княземъ Трансильванскимъ Ракоціемъ [17], котораго Поляки также на свою сторону подрядили.

Царь, еще не довѣряя Пушкаренку, но сомнѣваясь уже и въ Виговскомъ, послалъ нарочнаго въ Польшу гонца о томъ къ своимъ посланникамъ, ожидавшимъ тамъ согласія и приговора о Царскомъ въ Польшѣ наслѣдствѣ, повелѣвъ имъ секретно навѣдаться о состояніи войскъ Польскихъ и въ какихъ они положеніяхъ и приготовленіяхъ находятся. Посланники оные, сколько ни усыплены были отъ Поляковъ всегдашними пированіями, играми и танцами, но пробуждены бывши Царскимъ гонцомъ и указомъ, доносили Царю, что „въ Варшавѣ Поляки часто перешептываются между собою на ухо „и ихъ подсмѣхаютъ и подмаргиваютъ, а жолнерство ихъ по „городу и въ корчмахъ всегда при „нихъ пощелкиваетъ и саблями побрязгиваетъ, што ажно ужасть „беретъ; а по деревнямъ у нихъ „войскъ, говорятъ, и видимо невидимо и частешенько проговариваются хвастливые Полячишки, что „наши южъ Козацы, нашъ, дескать, „и Смоленскъ скоро будетъ, а о „чести-то нашей Посольской и въ „усъ не дуютъ; тоже и про наслѣдство твое, Государь, Польское никто ужъ и не шевельнется, „а на наши про то сказки и привязки отвѣчаютъ они одними усмѣшками и ножными шарканьемъ; и мы, „правду сказать, Государь, про-

„смыкаемся здѣсь столбиками и „посмѣшищемъ Поляцкимъ!“

Но донесенію посланниковъ оныхъ, Царь, отозвавъ ихъ изъ Польши и увѣрясь въ обманахъ и коварствахъ Поляковъ и Гетмана своего, Виговскаго, но, притворяясь предъ симъ послѣднимъ, что онъ ничего за нимъ не подозрѣваетъ, писалъ къ нему о прежней своей довѣренности и о вредныхъ упрямствахъ Пушкаренка, на котораго обѣщалъ Царь въ помощь къ нему, Виговскому, прислать корпусъ своихъ войскъ и съ ними повелѣвалъ ему, уничтоживъ ополченіе Пушкаренково, привести его силою подъ свое начальство, а Пушкаренка, оковавъ въ желѣзы, прислать въ Москву на судъ Царскій. Войска Царскія, въ числѣ тридцати тысячь человѣкъ, подъ командою Князя Трубецкаго, дѣйствительно вступили въ Малоросію въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1659 года, и Князю Трубецкому дано секретное повелѣніе, сошедшись съ Виговскимъ, арестовать его со всѣми приверженными къ нему чинами, а войскамъ, при немъ бывшимъ, повелѣть присоединиться къ Наказному Гетману, Пушкаренку, и пребывать въ его командѣ до избранія всѣмъ вообще войскомъ и народомъ Малоросійскимъ настоящаго Гетмана по своимъ правамъ. Виговскій, также притворяясь, что онъ ничего о подозрѣніяхъ на него не замѣчаетъ, пригласилъ тайно къ себѣ корпусъ войскъ Польскихъ, прошедшихъ къ нему лѣсами, подъ командою Хорунжаго Короннаго, Гуляницкаго, и ввелъ его въ городъ Конотопъ; а самъ, съ охочекомонными полками и частію Запорожцевъ, расположился около мѣстечка Смѣлаго и посылалъ отъ себя вѣстниковъ къ Князу Трубецкому, испрашивая отъ него увѣдомленія, гдѣ имъ соединиться. Князь, проходя отъ города Путивля къ городу Конотопу, встрѣченъ былъ отъ жителей Конотопскихъ и увѣдомленъ, что къ нимъ наведены Виговскимъ Польскія войска, не извѣстно съ какимъ умысломъ. Князь, вздумавъ мимоходомъ забрать Поляковъ въ плѣнъ, причитая то въ своей коммисіи, осадилъ Конотопъ. Но Виговскій, согласясь давно съ Гуляницкимъ, напали на него съ своими войсками съ двухъ сторонъ и армію его разбили на голову, а обозы, со всѣми запасами, забрали въ свою добычу. Князь же, съ немногими, разсѣянными остатками своихъ войскъ, пробрался лѣсами вгору рѣки Сейма и скрылся въ Путивлѣ. И отъ сего злодѣйскаго побоища вышла въ Малоросіи на обманщиковъ извѣстная пословица народная, что „такой-то обманщикъ провелъ такъ, какъ Виговскій Москву.“

По совершеніи Виговскимъ и Поляками такъ подлаго надъ Россіянами коварства, публиковалъ онъ въ Малоросіи соединеніе свое съ Польшею, приложивъ при томъ и вышеписанныя договорныя съ нею Заславскія статьи, яко бы тремя державами, Цесарскою, Турецкою и Польскою ратификованныя. Но войско и народъ Малоросійскій, воспротивясь явно злобредному намѣренію Виговскаго и ненавидя Поляковъ, обратились всѣ къ Пушкаренку и умножили его силы. Виговскій, не предвидя отъ своего ополченія и отъ Поляковъ надежнаго успѣха къ покоренію Малоросіи, нанялъ въ помощь

себѣ десять тысячь Крымскихъ Татаръ, которые, пришедши въ рѣкѣ Ворсклѣ, расположились, по согласію съ Виговскимъ, въ закрытомъ мѣстѣ, а Виговскій, между тѣмъ, съ своимъ войскомъ приближался къ Полтавѣ, чтобы въ немъ захватить и атаковать Пушкаренка. Но сей съ реестровыми Козаками и собравщимись къ нему волонтирами, встрѣтивъ Виговскаго за рѣкою Полтавкою, разбилъ его на голову и разсѣялъ войска его во всѣ стороны, при чемъ Поляки всѣ почти истреблены и Гуляницкій, командиръ ихъ, убитъ, а Виговскій, бѣжавшій въ безпамятствѣ, потерялъ Гетманскую свою булаву. Охочекомонные жь его Козаки, яко свои люди, обольщенные Виговскимъ, были при томъ пощажены, а только разгоняли ихъ и били тупыми ратищами и фухтелями. Но какъ обыкновенное всѣхъ побѣдителей слѣдствіе есть разстройка и изступленіе войскъ, то и съ Пушкаренкомъ тоже самое случилось. Войска его, гоняясь за побѣжденными и грабя ихъ станъ, были въ крайнемъ разстройствѣ, а въ то самое время, напавши на нихъ въ тылъ Татаре, изъ закрытія нечаянно вышедшіе, самихъ ихъ разбили и разсѣяли, а Пушкаренка убили и городъ Полтаву, безъ обороны оставленный, разграбили и раззорили.

По истребленіи такимъ образомъ Пушкаренка и по разсѣяніи его войскъ, Виговскій, все не могши преклонить въ свое послушаніе Малоросіянъ, началъ руйновать ихъ селенія прямо непріятельски и, зобравши бывшіе безъ обороны города и мѣстечки: Зиньковъ, Лютеньку, Сорочинцы, Богачку, Устимовицу, Яреси, Веприкъ и многіе другіе, отдалъ ихъ Татарамъ на грабежъ и плѣненіе. Между тѣмъ убѣжавшіе партизанства Виговскаго реестровые полки, собравшись къ городу Переяславлю, выбрали себѣ Наказнымъ Гетманомъ, Полковника Ивана Безпалаго, и съ нимъ выступили противъ Виговскаго и его Поляковъ и Татаръ, бродившихъ по Малоросіи и смущавшихъ народы; а разбивши ихъ на двухъ сраженіяхъ и на послѣднемъ около мѣстечка Глемязова, преслѣдовали ихъ по городамъ и селеніямъ, дававшимъ имъ убѣжище и пропитаніе, при чемъ раззорены и сожжены города: Лубны, Пирятинъ, Чернухи, Горошинъ, и другіе. И Виговскій, видя, наконецъ, что ему собрать новыя силы, а и того меньше удержаться напорно въ Гетманскомъ достоинствѣ невозможно, бѣжалъ съ остальными Польскими войсками внутрь Польши и болѣе въ Малоросіи не показывался; а жену свою съ семействомъ оставилъ въ Чигиринѣ на произволъ судьбы. И такъ онъ трагедію свою кончилъ въ полной мѣрѣ неблагодарности, подлости, и звѣрской лютости.

Царь, извѣстившись о пораженіи войскъ его Виговскимъ и о введеніи имъ въ Малоросію Поляковъ и Татаръ, и что приверженный къ Царю и Россіи, Наказный Гетманъ, Пушкаренко, убитъ ими, а войска его разсѣяны, послалъ противу ихъ Боярина, Григорія Григорьевича Ромодановскаго, и корпусъ войскъ, въ числѣ тридцати тысячь человѣкъ, повелѣвъ сему Боярину, по истребленіи Виговскаго, требовать отъ чиновъ и войска Малоросійскихъ выбору себѣ

Гетмана по правамъ ихъ и древнимъ уставамъ, и чтобы тотъ новоизбранный Гетманъ, въ утвержденіе договоровъ Гетмана Зиновья Хмельницкаго, съ Царемъ заключенныхъ, учинилъ предъ нимъ присягу и далъ отъ себя на то новое обязательство. Бояринъ Ромодановскій, вступая съ корпусомъ своимъ въ Малоросію, худо обрадовалъ народъ своимъ вспоможеніемъ, и первое его дѣйствіе было на городъ Конотопъ. Онъ, при встрѣчѣ его отъ города съ процессіями, помолившись и покрестившись предъ ними по Христіански, разграбилъ потомъ городъ и обывателей его по Татарски. Это значило мщеніе за Князя Трубецкаго и его войска, разбитыя при семъ городѣ, который ни мало въ томъ не участвовалъ и виновенъ не былъ; а напротивъ того завременно давалъ Князю знать о засадѣ въ немъ Польскихъ войскъ, Виговскимъ введенныхъ. Однако жъ ничего того не уважено и, на представленіе и мольбы гражданъ, сказано Бояриномъ, что „виноватаго Богъ сыщетъ, а войска его надо потѣшить и наградить за ихъ труды, „въ походѣ понесенные."

Проходя Бояринъ Ромодановскій съ корпусомъ своимъ далѣе въ Малоросію, извѣстился, что Виговскій и Поляки съ Татарами изъ нея уже выгнаны, и публиковалъ всенародно о выборѣ новаго Малоросійскаго Гетмана; а между тѣмъ не переставалъ попускать войску своему озлоблять Малоросіянъ, поносся ихъ то Виговцами, то хохлами, и причиняя имъ многія насилія и грабительства безъ всякой наказанности, отъ чего возродилось въ народѣ крайнее огорченіе и завелись новыя партіи, не знавшія прямо, чего держаться и кому вѣрить судьбу свою и подчиненность въ разсужденіи протекціи. Но, при всемъ томъ, собрались чины и войско въ городъ Чигиринъ и открыли элекцію на выборъ Гетмана, къ чему прибыли въ тотъ городъ и посланники, Цесарскій и Турецкій, а отъ Короля и республики Польской присланъ въ качествѣ посла Каштелянъ Волынскій[178], кои почитая, что Гетманъ Виговскій, отложась отъ Россіи, сдѣлалъ Малоросію вольною по прежнему отъ всѣхъ протекцій, за удаленіемъ его отъ Гетманства, признавая правленіе сіе праведнымъ. И потому предлагали собранію выбрать Гетмана на основаніи Гадяцкихъ статей, всѣми Дворами оными гарантированныхъ, и по нихъ дать полномочіе новому Гетману устроить свое правленіе за собою, или избрать протекцію по его волѣ и разсужденію. Чины и войско тогда же оспорили посламъ, что ихъ Гетманы никогда такого полномочія за собою не имѣли и имѣть не могутъ, яко правленіе ихъ земли и самые Гетманы зависятъ отъ чиновъ и войска, и отъ ихъ выборовъ и приговоровъ.

Юрій Хмельницкій, проживавшій въ Сѣчи Запорожской, свѣдавъ о выборахъ Гетманскихъ, прислалъ отъ себя въ собраніе повѣреннымъ Есаула Войсковаго Запорожскаго, Ивана Брюховецкаго, и чрезъ него писалъ къ чинамъ и войску, чтобы они воспомянули въ собраніи своемъ о великихъ заслугахъ отца его, Зиновія Хмельницкаго, отечеству оказанныхъ, и что онъ самъ усерденъ былъ всегда къ тому же

отечеству, Но рвеніе его на польzу народную, подстрекаемое обманами Виговскаго и Поляковъ, завело его на путь строптивый и скользкій, о чемъ онъ крайне со жалѣетъ и разкаевается. Собраніе, получивъ таковъ отзывъ отъ Хмельницкаго и уваживъ безпримѣрныя заслуги отца его, единогласно приговорило быть ему по прежнему Гетманомъ и, подписавъ на то свой выборъ, провозгласило его въ семъ достоинствѣ, объявивъ Брюховецкому, чтобы онъ вызвалъ Хмельницкаго въ Чигиринъ. Хмельницкій, сопровождаемый командою Запорожскихъ Козаковъ, вмѣстѣ съ Кошевымъ ихъ Атаманомъ, прозываемымъ Сѣркомъ, прибывъ немедленно въ Чигиринъ, благодарилъ собраніе за его признательность и благодѣяніе и учинилъ ему обыкновенную присягу на свою должность; а совершилось сіе 1660 года, Апрѣля 27 дня.

По утвержденіи Юрія Хмельницкаго въ Гетманскомъ достоинствѣ, тотчасъ приступили къ нему иностранные посланники съ признаніемъ его въ томъ достоинствѣ и съ требованіемъ объясненія, на какомъ основаніи, или по какимъ планамъ и положеніямъ, управлять будетъ онъ Рускимъ народомъ? А Каштелянъ Подьскій, Волынскій, поднося при томъ дипломъ Короля своего, утверждающій Хмельницкаго Гетманомъ, уговаривалъ его пристать по прежнему въ соединеніе съ Польшею. Гетманъ Хмельницкій объявилъ всѣмъ посланникамъ, а въ томъ числѣ и Каштеляну, что онъ съ народомъ Рускимъ, претерпѣвъ чрезъ протекціи свои ужасныя напасти и раззоренія, и бывши отъ нихъ освобожденъ прошедшими революціями и настояніемъ ихъ державъ, намѣренъ пребыть, въ разсужденіи интересующихся въ томъ державъ, неутральнымъ и отъ самихъ себя зависимымъ. Союзъ же со всѣми державами, по общимъ правамъ благоустроенныхъ народовъ, можетъ онъ учинить не иначе, какъ по разсужденію и согласію всего народа здѣшняго, смотря на времена и обстоятельства, побуждающія къ тому правленіе и народъ, и съ тѣмъ отправилъ всѣхъ посланниковъ во свояси. А собранію послѣ того открылъ онъ свое мнѣніе, что, какъ Польская держава находится при послѣднемъ изнеможеніи, то онъ намѣренъ держаться союза и соединенія съ Царемъ Московскимъ, что повторилъ и Боярину, Князю Трубецкому, присланному отъ Царя въ Чигиринъ съ подтвержденіемъ его въ Гетманскомъ достоинствѣ, дополнивъ сему Боярину, чтобы до дальнѣйшаго времени, а паче пока совершенный миръ съ Польшею утвердится, содержать прежнее положеніе съ Царемъ въ великой тайнѣ, дабы претендующія за то державы не навели прежнихъ народу Малоросійскому злоключеній.

Гетманъ Хмельницкій началъ правленіе свое изгнаніемъ изъ Малоросіи Поляковъ, Виговскимъ наведенныхъ; для сего отрядилъ корпусъ войскъ подъ командою Полковниковъ, Переяславскаго Цюцюры, и Уманьскаго Худорбая, которые, прошедъ города: Нѣжинъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Черниговъ, Кіевъ и ихъ окрестности, изгнали изъ нихъ всѣ Польскія войска, содержавшія въ городахъ гарнизоны и квартировав-

шія въ селеніяхъ; сопротивлявшіясь же изъ нихъ и подымавшія оружіе на оборону были избиты до послѣдняго; и у такихъ отбито пятнадцать знаменъ, тридцать семь пушекъ и множество другихъ снарядовъ воинскихъ, что все отослано въ городъ Нѣжинъ и представлено, проживавшему тамо, Гетману. Народъ Рускій, пограничный отъ Днѣпра, Припети и Случи, узнавъ отъ побоища Поляковъ, что война съ ними и ихъ союзниками будетъ продолжаться съ неминуемымъ раззореніемъ пограничнихъ селеній, собралися во множествѣ къ Хмельницкому и требовали отъ него обороны или пристаница, и Гетманъ позволилъ таковымъ переселиться въ Слободскіе полки, отцемъ его заведенные и заодно съ Малоросіею бывшіе, какъ-то: Сумскій, Ахтырскій, Харьковскій, Изюмскій и Рыбинскій.

Царь, увѣрившись по дѣйствіямъ Юрія Хмельницкаго, что онъ есть совершенный Полякамъ непріятель, а къ нему и Царству его имѣетъ прежнюю приверженность и усердіе, сдѣлалъ ему за то благодарственный отзывъ чрезъ Боярина своего, Василья Васильевича Шереметева, повелѣвъ сему Боярину въ оборонительныхъ мѣрахъ противу Поляковъ и Татаръ поступать по его планамъ и намѣреніямъ. И такъ, когда отъ стороны Польской, за избитыхъ въ Малоросіи Поляковъ, предпринята наступательная война и командированъ къ границамъ Малоросійскимъ Коронный Гетманъ, Собіевскій съ многочисленною арміею, умноженною тѣми войсками, кои дѣйствовали на границахъ Шведскихъ, но по умертвіи въ то время Короля Шведскаго, Адольфа, стали тамъ не надобными, то Гетманъ, согласясь съ Бояриномъ Шереметевымъ, выступили съ войсками своими противу арміи Польской. И Шереметевъ съ корпусомъ, состоящимъ изъ тридцати пяти тысячь, поднявшись отъ города Путивля и проходя мимо городовъ, Полтавы и Кадака, а дальше въ гору рѣки Буга, показывалъ маршемъ симъ готовность свою къ отраженію Татаръ и Турковъ, къ тѣмъ странамъ граничущихъ, ежели бы они за Поляковъ вступилисъ. А Гетманъ съ сорокатысячною арміею, слѣдуя срединою Малоросіи, соединился съ Шереметевымъ за городомъ Острогомъ, и тамо, свѣдавъ о сближеніи арміи Польской, расположили они станъ свой въ ордеръ баталіи. Пѣхота обоихъ войскъ и вся спѣшенная конница Великоросійская поставлены были въ центрѣ и прикрыты батареями и редутами съ артиллеріею. Часть конницы Козацкой скрыта была въ заросляхъ по лѣвую сторону стана, а другая часть конницы изъ охочекомонныхъ полковъ и волонтировъ[170], выслана на встрѣчу непріятеля, и сія конница, то нападая на непріятеля, то отступая назадъ, навела его на самый станъ Россійскій. Пальба изъ пушекъ и ружьевъ учинена и продолжалась съ обѣихъ сторонъ жестокая и долговременная. Насунувшаясь на фронтъ Россійскій непріятельская пѣхота принята и поражена была копьями съ страшнымъ убійствомъ; а въ то время наступившая изъ зарослей конница Козацкая ударила въ тылъ непріятеля и рѣшила сраженіе. Поляки, окруженные со всѣхъ почти сторонъ, смѣ-

шалисв и начали отступать въ безпорядкѣ, а Россіяне, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, наступили на нихъ всѣми силами и, опрокинувъ ихъ устройство, разсѣяли во всѣ стороны. Погоня, сдѣланная всею конницею, довершила пораженіе непріятеля. Всѣ обозы и запасы непріятельскіе со множествомъ артиллеріи и аммуниціи достались въ добычу побѣдителей, а убитыхъ Поляковъ погребено до тридцати тысячь.

Послѣ такого пораженія Поляковъ и когда ихъ силъ нигдѣ уже въ полѣ слышно не было, предпринято полководцами Россійскими руйновать Польскіе города и селенія; для того, проходя они съ войсками своими города: Львовъ, Броды, Замостье, Люблинъ, Слуцкъ и многія мѣстечки, вынудили отъ нихъ военную контрибуцію и другія прибыточныя корысти, а державшіесь въ нѣкоторыхъ городахъ слабые гарнизоны Польскіе были ими разбиты и разсѣяны. И такъ походъ сей вѣнчанъ былъ найлучшими для Россіянъ успѣхами. Все предъ ними падало и покорялось и ничто противу ихъ стоять не могло. Но зависть человѣческая, неразлучная сопутница полководцевъ и начальниковъ, сдѣлала тому конецъ самой постыдной на многое время. Полководцы оные, возвращаясь въ свои границы, завели обоюдныя претензіи за полученныя отъ непріятеля контрибуціи и добычи. Бояринъ Шереметевъ съ чиновниками своими претендовалъ пріобрѣтенную корысть въ сторону Царя и его войска, доказывая, что войска Царскія вели войну съ Поляками въ оборону Козаковъ и ихъ жилищъ, и по тому вся добыча принадлежитъ въ ихъ награжденіе. А Гетманъ Хмельницкій возражалъ Боярину, что у Козаковъ войны съ Поляками давно кончены миромъ, утвержденнымъ трактами, и они всегда ищутъ союза, а не войны съ Козаками. Нынѣшняя же съ ними война продолжается въ пользу Царя и царства Московскаго для удержанія завоеваннаго у Поляковъ Смоленска и части Бѣлорусіи и за наслѣдство Царское въ Польскомъ королевствѣ, посуленное Поляками и ими съ безчестіемъ Царю отмѣненное. Переговоры оные кончены самою грубою ссорою, и Хмельницкій вытолканъ изъ ставки Боярской съ крайнимъ безчестіемъ отъ пьяныхъ чиновниковъ.

Хмельницкій, отступя съ войскомъ своимъ отъ стану Шереметева, послалъ жалобу свою къ Царю через Старшину Генеральнаго, Тредьяковскаго, и въ ней, описавъ всѣ тяжкія обиды свои и оскорбительныя поношенія, отъ Боярина и чиновниковъ его причиненныя, дополнилъ при томъ, что самое поведеніе чиновниковъ оныхъ и ихъ подчиненныхъ воиновъ не имѣетъ ничего дружескаго или союзнаго къ нему, Гетману, и войску Малоросійскому, не имѣетъ даже и политическихъ видовъ, удерживающихъ народъ хотя въ притворномъ соединеніи и пріятельскомъ обращеніи; и все у нихъ дѣлается вопреки, а обхожденіе ихъ и разговоры дышутъ однимъ презорствомъ и издѣвками надъ здѣшнимъ народомъ. Поношеніе Виговцами и хохлами есть обыкновенными для ихъ титулами и названіями. Самая даже религія или вѣра народа здѣшняго, бывшая нѣкогда образ-

цовою и колыбелью для всей Россіи, поносится ими обливальщиною, не имущею крестовъ на шеяхъ и складней въ возахъ, и, словамъ сказать, едва признается народъ сей за созданіе Божіе. Царь, предваренъ бывши отъ Шереметева другими жалобами и доносами на Хмельницкаго, наказалъ сему последнему чрезъ посланника его, Тредьяковскаго, что „всякая шутка или насмѣшка суть „вздоръ и бредъ, не стоющіе ал„тына и не имѣющіе правды; а то „ужъ справедливо, что кто прихо„дитъ незванный, то и отходитъ „непровожанный; а свято мѣсто не „бываетъ пусто.“

Обруганный и униженный такимъ образомъ Хмельницкій обратилъ всю злость свою на Боярина Шереметева. Онъ подговорилъ первѣе реестровые полки вступить въ его предпріятіе; но когда сіи на то не согласились, то, подговоривъ съ собою охочекомонныхъ Козаковъ и волонтировъ, отправился съ ними въ Сѣчь Запорожскую, и тамо пребывая, объявилъ себя союзникомъ Поляковъ и Крымскихъ Татаръ. А реестровые полки, извѣстясь о сихъ противныхъ имъ и всей націи поступкахъ и намѣреніяхъ Хмельницкаго, объявили правленіе его въ Малоросіи празднымъ и приговорили быть выбору новаго Гетмана. Но до собранія чиновъ и открытія элекціи выбрали тогда же для правленія войскомъ Наказнаго изъ Есауловъ Генеральныхъ, Якима Самка, и съ нимъ пребывали непоколебимыми на сторонѣ Россійской, держась соединенія съ корпусомъ Боярина Шереметева, который расположился на зимовыя квартиры въ Заднѣпровскихъ городахъ и селеніяхъ около Житоміра и имѣлъ примѣчаніе и поиски за движеніями Поляковъ и Хмельницкаго съ Татарами, коихъ партіи безпрестанно были въ движеніи отъ самаго Крыма по-надъ Днѣпромъ до Галиціи.

Въ открывшуюсь 1662 года весну Хмельницкій, собравшись съ приверженными къ нему Запорожскими и охочекомонными Козаками и волонтирами и нанявши къ тому двѣ тысячи пять сотъ Донскихъ Козаковъ, соединенно съ Крымскимъ Ханомъ и Татарами, отправился по берегу рѣки Днѣпра къ рѣкѣ Стыри и тамо соединился съ Польскою арміею, состоявшею подъ командою самаго Короля Казиміра. Бояринъ Шереметевъ, гордясь прежними его воинскими успѣхами, мало уважалъ соединеніе оное и допустилъ его противу всѣхъ правилъ искуствъ воинскихъ въ крайнюю оплошность свою. Непріятельскія силы окружили его армію издали, а онъ ничего не уважая, шелъ на ихъ центръ. Обозы жъ свои съ запасами оставилъ въ сторонѣ съ слабымъ укрѣпленіемъ. Непріятель, по сближеніи своемъ, ударилъ на армію Шереметева со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ ее отъ обозовъ, завладѣвъ ими совершенно, а армію принудилъ обороняться вокругъ. По жестокомъ нападеніи и сильной оборонѣ принуждена армія сія, претерпѣвъ великой уронъ, отступать къ мѣстечку Чуднову и его Слободищу и укрѣпиться тамъ между окоповъ садовыхъ и огородныхъ. Непріятель, окруживъ армію Россійскую, стѣснилъ ее своими окопами и редутами и дер-

жалъ въ крѣпкой осадѣ. Шереметевъ, ожидая помощи себѣ отъ Князя Борятинскаго, стоявшаго съ корпусомъ своимъ около города Кіева, сильно защищался отъ нападеній непріятельскихъ. Но какъ таковой помощи вовсе не было, то онъ, державшись въ осадѣ болѣе трехъ недѣль и не имѣвши вовсе провіанта, издержалъ на прокормленіе войска своего всѣхъ верховыхъ лошадей и, наконецъ, видя, что ему и войску его должно померетъ съ голода, отдался со всѣмъ войскомъ въ волю непріятелей. Дѣлежъ и грабежъ надъ плѣнными производился тогда самый оскорбительный и варварскій. Самъ Шереметевъ съ частію чиновниковъ и со всѣми рядовыми воинами достались обнаженными на пай Татаръ и ими погнаны въ Крымъ для выкупа и на продажу; другая часть чиновниковъ забрана Поляками, а реестровые Козачьи полки, бывшіе при Шереметевѣ съ ихъ чиновниками, отданы во власть Хмельницкаго, который нѣсколько ихъ тутъ же перевѣшалъ, а послѣднихъ привелъ къ присягѣ о ихъ къ нему вѣрности и послушаніи. Никто при семъ не торжествовалъ такъ, какъ Хмельницкій, видя обидчика своего, Шереметева, влекомаго Татарами въ неволю, въ которой онъ пребывалъ двадцать лѣтъ.

Хмельницкій, ободренный гнусными своими успѣхами на вредъ собственнаго отечества, осадилъ городъ Чигиринъ, дабы его взять и сдѣлать своею резиденцію. Но Козаки, державшіесь стороны Россійской, къ тому его не допустили, защищая городъ безпрерывными вылазками и нападеніями на станъ Хмельницкаго; почему онъ, отступя отъ города, держалъ его въ блокадѣ, ожидая на помощь къ себѣ Хана Крымскаго, который, по рекомендаціи его, ходилъ съ Татарами для грабежа въ Задесенскую Малоросію и раззорилъ тогда города: Новгородъ, Стародубъ, Мглинъ, Погаръ и многія другія селенія. Между тѣмъ, когда еще Ханъ съ добычи своей не возвращался, Наказный Гетманъ, Самко, съ реестровыми полками: Переяславскимъ, Нѣжинскимъ, Черниговскимъ, Кіевскимъ и Лубенскимъ, соединясь съ Княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, стоявшимъ съ корпусомъ своимъ около города Козельца, переправились чрезъ рѣку Днѣпръ на Мишуриномъ Рогу и напали на Хмельницкаго при городѣ Крыловѣ [179], гдѣ его и разбили, а городъ, ему помогавшій, сожгли. Хмельницкій, отрѣзанъ будучи отъ убѣжища своего, Сѣчи Запорожской, и отъ Крыма, потянулся, съ остатками своихъ войскъ, вгору Днѣпра до города Канева, и тамъ соединился съ сильнымъ корпусомъ Польскимъ, бывшимъ подъ командою Воеводы Чернецкаго. Помощь Польская, весьма благовременно Хмельницкому случившаясь, ополчила его еще одинъ разъ противу отечества. Но ополченіе сіе было уже послѣднее въ его жизни и рѣшительное на его судьбу. Онъ, переправясь за Днѣпръ, атаковалъ Гетмана Самка подъ Переяславлемъ и довелъ было его до здачи. Но Князь Ромодановскій, подоспѣвъ съ своимъ корпусомъ къ Переяславлю, освободилъ Самка и, съ нимъ преслѣдуя войска Хмельницкаго, отступавшія къ Каневу, поразилъ его при Днѣпрѣ противу Канева, гдѣ многіе изъ нихъ

потонули въ рѣкѣ, и въ томъ числѣ однихъ Донскихъ Козаковъ перетопилось болѣе тысячи человѣкъ. Хмельницкій, побѣжавшій въ городъ Черкасы, преслѣдованъ былъ по одной сторонѣ Днѣпра Гетманомъ Самкомъ, а по другой Полковникомъ Приклонскимъ, который, упредивъ Хмельницкаго, занялъ Черкасы и, оставивъ въ немъ Полковника Гамалію съ его полкомъ, выступилъ самъ противу Хмельницкаго. Но сей, напавъ на него съ отчаяніемъ, разбилъ корпусъ Приклонскаго на голову и остатки опрокинулъ въ лугъ Днѣпровскій, гдѣ спасъ ихъ Князь Ромодановскій пушечною пальбою съ другой стороны Днѣпра. Хмельницкій послѣ того обратился было къ Каневу, чтобы въ немъ укрѣпиться или собраться съ новыми силами; но, Старшина Генеральный, Лизогубъ, оставленный отъ Самка въ Каневѣ, засѣвши передъ городомъ въ байракахъ, напалъ на войска Хмельницкаго нечаянно и ихъ разбилъ и разсѣялъ во всѣ стороны; а самъ Хмельницкій, бросившись въ лодку на берегу Днѣпра, спасся тѣмъ на другую сторону и прошелъ тайно въ монастырь Лубенскій къ другу своему, имъ нѣкогда облагодѣтельствованному, Архимандриту Амвросію Тукальскому.

Судьба Юрія Хмельницкаго есть странна, удивительна и превосходяща всѣ случайности: два раза избранъ былъ онъ Гетманомъ цѣлою націею и признанъ ею того достойнымъ; но два же раза лишался сего достоинства по интересамъ той же націи. Наконецъ, еще два раза возведенъ былъ въ то достоинство двумя Монархами; но никакимъ ихъ могуществомъ утвержденъ и удержанъ въ немъ не былъ. И такъ жизнь его была не что иное, какъ только игралище фортуны, самой коловратной. Послѣ вторичнаго лишенія своего достоинства, онъ не только презрѣлъ всѣ величія и почести мірскія, но отрекся и отъ самаго міра, и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, 1663 года, посвятился въ монахи въ томъ Лубенскомъ монастырѣ, который былъ послѣднимъ его убѣжищемъ. Для удаленія себя отъ всего, могущаго возмутить его въ такомъ знатномъ монастырѣ, каковъ былъ Лубенскій, сокрылся онъ весьма тайно въ Мошнинскую пустыню, что пониже Каневскаго монастыря въ въ лѣсахъ и байракахъ; но и тутъ злой рокъ гнать его не переставалъ. Во время страшныхъ послѣ его Гетманства въ Малоросіи возмущеній и притязаній, взятъ былъ онъ силою въ монастырской пустыни Польскимъ Королемъ, Яномъ Казиміромъ и, по уговору и разрѣшенію отъ монашества Митрополитомъ Кіевскимъ, Іосифомъ Тукальскимъ, провозглашенъ Гетманомъ для утишенія волнующагося народа; но народъ сей, принявши его въ то достоинство, требовалъ соединенія съ партіею, держащеюся стороны Россійской. И когда онъ на то присталъ и отзывался министерству Россійскому, то по доносу Наказнаго Гетмана Заднѣпровскаго, Тетери, подхваченъ опять въ Польшу и, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Тукальскимъ, сосланъ въ ссылку въ остроги и лѣса Жмудскіе. Наконецъ, когда продолжавшеесь въ Малоросіи несогласіе и возмущеніе поджигаемо было чрезъ присылку съ Москвы Воеводъ, и противныя тому пар-

тія искали протекціи у Порты Отоманской, то Султанъ Турецкій, Солиманъ Третій, вытребовавъ отъ Польши Хмельницкаго и, на основаніи статей Гадяцкихъ или Заславскихъ, Портою и другими державами гарантированныхъ, провозгласилъ его Княземъ Сарматскимъ и Гетманомъ Козацкимъ и, съ помощію Паши Силистрійскаго и Хана Крымскаго, ввелъ его въ Малоросію. Народъ и войска здѣшніе, принявъ съ охотою Хмельницкаго своимъ Гетманомъ, соглашали его возстановить съ Царемъ Московскимъ договоры отца его, посуленные ему съ уничтоженіемъ воеводствъ, и пребыть за тѣмъ по прежнему въ соединеніи съ Россіею. Хмельницкій, угождая народу, не щадя самого себя, склонился и на сіи его желанія; но Наказный Гетманъ, Дорошенко, искавшій, какъ и многіе другіе, настоящаго себѣ Гетманства, схватя Хмельницкаго, отдалъ Хану Крымскому, который сослалъ его въ городъ Бѣлгородъ, и оттолъ взятъ онъ въ Царьградъ и посаженъ въ Едикулъ или Семибашенный замокъ, гдѣ содержанъ четырнадцать лѣтъ въ заключеніи и, наконецъ, сосланъ въ одинъ Греческій островъ и тамо скончался пономаремъ въ одномъ Греческомъ монастырѣ. И такъ, ежели признавать въ человѣчествѣ владычествующими счастье и несчастье, то они оба въ высочайшей степени терзали бѣднаго Хмельницкаго черезъ весь его горестный вѣкъ и, сдѣлавъ бѣднѣйшимъ отъ всѣхъ ировъ на свѣтѣ, повергли съ тѣмъ въ бездну золъ невозвратно.

Послѣднее уничтоженіе Юрія Хмельницкаго возродило въ Малоросіи ужасное замѣшательство, междоусобіе и всѣхъ родовъ нестроенія. Вдругъ возстало въ ней *пять* самовольно назвавшихся Гетмановъ, избравшихъ себѣ разныя партіи и неистовыя протекціи: одинъ Турецкую, другой Польскую, а третій Россійскую! Два изъ нихъ были Заднѣпровскіе Полковники, *Тетеря* и *Дорошенко*, а два сегобочные Полковники, прежній *Самко* и Нѣжинскій *Васюта*, да одинъ изъ Запорожскихъ Есауловъ, Иванъ *Брюховецкій*. Сей, бывши при Юріи Хмельницкомъ великимъ фаворитомъ и предателемъ, умѣлъ нажить знатныя суммы, и когда командиръ его и благодѣтель пресмыкался изъ байрака въ байракъ, изъ тюрьмы въ тюрьму, онъ, между тѣмъ, подобралъ себѣ самую большую партію подарками и могоричами и, потому, выбранъ Гетманомъ отъ самаго большаго числа Козаковъ, а паче отъ Запорожцевъ, кои своевольно въ выборы сіи вмѣшались, а прежде они того чужды были. Полковникъ Васюта, пробивая себѣ дорогу въ Гетманы, вошелъ въ доносъ къ Царю о незаконномъ выборѣ Брюховецкаго, согласивъ себѣ въ предстатели важнаго тогда Архіепископа, Меѳодія; но Царь, по благоразумію своему и справедливости, далъ доносчику и предстателю слѣдующую резолюцію: „Понеже избраніе Гетмана Малоросійскаго „по силѣ договорныхъ статей имѣнитаго Гетмана Зиновія Хмельницкаго зависитъ отъ чиновъ и „Козаковъ тамошнихъ, то не мѣшать имъ въ томъ ни по какимъ „случаямъ; и ежели Брюховецій „выбранъ уже Гетманомъ, то такъ тому и быть, а Васюткѣ искать бла„говоленія Козачьего, чтобъ и его

„также по смерти Брюховецкаго „выбрали; а до того быть ему въ „прежнемъ чинѣ спокойно и безъ „шатостей [180].“

Доносы и жалобы на Брюховецкаго не прекратились, но усугублены къ Царю. Васюта, повторяя ихъ просилъ Царя разсмотрѣть и изслѣдовать оные. Наказный Гетманъ Самко также представляя Царю о нарушеніи правъ и договоровъ Малоросійскихъ фортельнымъ выборомъ Брюховецкаго, уважилъ тѣмъ предъ Царемъ представленія Васютины, ибо Самко многими заслугами воинскими довольно доказалъ приверженность свою къ интересамъ Царскимъ и всея Россіи, да и отъ войска достоинства его отлично почитаемы были. Посему Царь рѣшился нарядить Коммисію для изслѣдованія и рѣшенія жалобъ и доносовъ на Брюховецкаго. Коммисіантами опредѣлены Князь Гагинъ [181] и Бояринъ Кирило Осиповичь Хлоповъ, со множествомъ Думныхъ дьяковъ и подъячихъ. Но какъ Брюховецкій былъ нарочито богатъ и Запорожецъ, т. е., изъ числа тѣхъ людей, которые обыкновенно тамо жнутъ, идѣже не сѣютъ, и росточаютъ такъ, какъ и собираютъ, то всѣ доносы и жалобы на него въ глазахъ Коммисіантовъ и ихъ Думныхъ дьяковъ были паутиною, сквозь которую пробивается обыкновенно шершень, а муха въ ней вязнетъ, и жалобщики на семъ правилѣ обвинены очень скоро и осуждены Коммисіею, а о Брюховецкомъ въ рапортѣ къ Царю донесено, что, „Иванъ Мартыновичъ „есть честный человѣкъ и годит„ся быть Гетманомъ, понеже онъ „хотя не ученъ, да уменъ и ужасть „какъ воровать и исправенъ. По„садя его на границахъ, можно „спать въ Москвѣ безъ тороп„ливости.“ И между тѣмъ, какъ ожидали резолюціи Царской на то донесеніе, важнѣйшіе просители, Самко и Васюта, Коммисіею арестованы и отданы самому Брюховецкому подъ стражу, который, оковавъ ихъ желѣзами, содержалъ въ тюрьмѣ подземной; а въ одну ночь, пославъ въ тюрьму своихъ Запорожцевъ, отрубилъ имъ обоимъ головы. Варварское и злодѣйское убійство Самка и Васюты подвигло всѣхъ Полковниковъ Малоросійскихъ на Брюховецкаго и причинило великое смятеніе; но Брюховецкій однимъ и тѣмъ же орудіемъ, чрезъ сильную партію свою въ Москвѣ, умѣлъ утишить возставшее на него волненіе и предпріятіе и разными происками выгналъ изъ полковъ противныхъ ему Полковниковъ, а на ихъ мѣста ввелъ Запорожцевъ Полковниками. И сіи Полковники, зная одно распутство и своевольство, разрушили всю регулу и дисциплину военную, въ полкахъ реестровыхъ заведенную Гетманомъ, Княземъ Ружинскимъ, и укрѣпленную Гетманомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ, и вмѣстѣ того допущено въ нихъ янычарское убійство, самовольство и непослушаніе. Брюховецкій же, для наполненія своихъ убытковъ, понесенныхъ за удержаніе Гетманства, предпринялъ руйновать имѣнія Полковниковъ, имъ низверженныхъ, и для сего самъ ходилъ съ Запорожцами по Малоросіи и разграбилъ многія фамиліи, а паче семейства Васюты и Самка. И сего послѣдняго бывшія въ Переяславлѣ великія сокровища, собранныя для скарбу Малоросійскаго во время быт-

ности его Наказнымъ Гетманомъ, забралъ всѣ безъ остатка и подѣлился оными съ своими Запорожцами, а сіи Запорожцы, паче же бывшіе изъ нихъ чиновниками, надѣлали много наглостей по Малоросіи, умаленныхъ мало чѣмъ отъ раззореній Татарскихъ, и, не говоря о разнообразныхъ ихъ безчинствахъ, вся собственность жителей присвоена ими была за общую.

Заднѣпровскіе Полковники, видя необузданныя наглости Брюховецкаго и явную потачку за нихъ верховнаго правительства, отложились совсѣмъ отъ стороны Россійской и, согласясь съ своими Наказными Гетманами, Дорошенкомъ и Тетерею, соединились съ Польшею. Царь, желая востановить тишину и устроить порядокъ въ Малоросіи на основаніи прежнихъ съ нею договоровъ и постановленій, прислалъ было въ Батуринъ, хотя нѣсколько и поздно, Думнаго дьяка, Башмакова, съ повелѣніемъ собрать всѣхъ чиновъ и Козаковъ и согласить ихъ на утвержденіе Гетмана Брюховецкаго, или на выборъ другаго по общему приговору и согласію; но наличные чиновники и Генеральные Старшины, въ Батуринѣ бывшіе, объявили Башмакову, что собраній теперь дѣлать не кому инѣкогда, ибо половина Заднѣпровской Малоросіи, не могши снесть нынѣшняго правленія, отложилась отъ насъ и присоединилась къ Польшѣ, имѣя своихъ начальниковъ, а остальная, пресмыкаясь въ хаосѣ неизвѣстности о самой себѣ, должна готовиться къ отраженію непріятеля и защищенію семействъ своихъ; что Поляки, пользуясь растройствомъ Малоросіи, собрали великія силы и, подъ предводительствомъ Короля, идутъ къ здѣшнимъ границамъ. Думный дьякъ объявилъ на сіе, что, „по Соборному уложенію, „дѣло съ Королями до него не ка„сается,“ и уѣхалъ наскоро въ Москву.

Король Польскій, Янъ Казиміръ, въ началѣ 1663 года, приближась съ арміею своею къ границамъ Малоросійскимъ, командировалъ предъ собою Наказнаго Гетмана Заднѣпровскаго, Тетерю, и Полковниковъ тамошнихъ, Гуляницкаго, Богуна и трехъ другихъ, которые, проходя беззащитную Малоросію, грабили, раззоряли и сожигали всѣ ея селенія, имъ встрѣчающіяся, подъ предлогомъ, что они отмщаютъ такимъ образомъ Брюховецкому за обиды братьевъ своихъ и товарищей, имъ отъ него причиненныя. Но сіе мщеніе столь умно и справедливо, какъ разсудокъ Цыганскій, по которому Цыганъ за то мать свою бьетъ, чтобы жена его боялась. Между тѣмъ прошедъ Король съ арміею всю Малоросію, и не имѣвъ ни отъ кого сопротивленія, осадилъ формально городъ Глуховъ, въ которомъ заперся Судья Генеральный, Животовскій, съ тремя реестровыми полками, Черниговскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ. Осада города была жестока и продолжительна. Брошено въ него до 100,000 бомбъ и гранатъ, и сдѣлано нѣсколько приступовъ; но все было тщетно: осажденные частыми вылазками и нападеніями на станъ Польскій уничтожили всѣ ихъ предпріятія и причинили имъ великій вредъ, истребивъ множество ихъ народа. Наконецъ, простоявъ Король подъ городомъ 9[181] недѣль и не предвидя

успѣха, снялъ осаду и отступилъ отъ города, услышавъ притомъ, что Россійскія войска начали собираться: одинъ корпусъ подъ командою Князя Ромодановскаго въ Гадячѣ [182], при которомъ и Гетманъ Брюховецкій съ своими войсками находился; другой, подъ командою Князя Куракина, былъ въ Путивлѣ, а третій, подъ командою Князя Черкаскаго, шелъ отъ Брянска. Походъ Королевскій предпринятъ былъ отъ Глухова на Новгородъ Сѣверскій. Авангардомъ служили и на пути все раззоряли и сожигали войска Казацкія Заднѣпровскія, а въ аріергардѣ шелъ Коронный Гетманъ съ Польскими войсками.

Гетманъ Брюховецкій съ войсками Малоросійскими преслѣдуя армію Польскую, имѣлъ всегда въ виду своемъ ея аріергардъ и дѣлалъ на него частые напуски, и когда армія съ Королемъ переправилась чрезъ рѣку Десну при селѣ Пироговкѣ, то онъ, напавъ на аріергардъ, отбилъ его отъ переправы и всѣ обозы и запасы артиллерійскіе получилъ въ свою добычу. Коронный Гетманъ, отрѣзанный такимъ образомъ отъ Королевской арміи, ретировался лѣвымъ берегомъ Десны внизъ по ея теченію и, проходя сію часть Малоросіи до самаго города Остра, предавалъ огню и мечу все, ему встрѣчавшееся. Гетманъ Брюховецкій, его преслѣдовавшій, перешедъ Днѣпръ, учинилъ тамъ также всякія раззоренія и опустошенія Малоросійскому народу, отложившемуся къ Польшѣ, отмщевая на немъ равныя раззоренія, учиненныя на сей сторонѣ Днѣпра Гетманомъ ихъ, Тетерею, и его Полковниками. Таковыя неистовыя съ обѣихъ сторонъ мщенія или междоусобія, значатъ болѣе, нежели самое грубое невѣжество, и раззорять свой невинный народъ, ни мало не участвовавшій въ злодѣйствахъ своихъ полководцевъ, показываетъ дикое ихъ варварство и непонятное сумасбродство. Гетманъ Брюховецкій, предпріявъ покорить Заднѣпровскіе полки въ командованіе свое силою оружія, послалъ партизана своею, Кошеваго Запорожскаго Атамана, Сѣрка, къ городу Чигирину, чтобы въ немъ захватить Гетмана тамошняго, Тетерю, а самъ пошелъ на городъ Черкасы, который, доставши, разграбилъ непріятельски и поспѣшилъ къ Чигирину. Но Гетманъ Тетеря, свѣдавъ о сближеніи Сѣрка, забралъ всѣ свои сокровища и удалился съ войскомъ своимъ въ Заславль; а когда пошелъ за нимъ Брюховецкій, то онъ изъ Заславля, скрывшись отъ своихъ войскъ, пробрался съ пожитками внутрь Польши, гдѣ Поляки ограбили его донага и принудили бѣжать въ Молдавію въ крайней бѣдности. Брюховецкій, сошедшися съ Сѣркомъ подъ Чигириномъ, покусился его взять; но засѣвшій въ немъ послѣ Тетери Чернецкій, Воевода Рускій, съ сильнымъ Польскимъ гарнизономъ, ихъ отъ города отбилъ, а подоспѣвшіе къ Чернецкому на помощь Татары Великой Орды принудили Брюховецкаго и Сѣрка удалиться за Днѣпръ.

Воевода Чернецкій, возгордясь своими успѣхами подъ Чигириномъ, оставилъ сей городъ въ обереженіи гарнизона, а самъ съ Татарами пошелъ подъ городъ Бѣлую Церковь, бывшій на сто-

ронѣ Брюховецкаго, чтобы его взять и отдать на грабежъ Татарамъ. Но Козаки тамошняго полку, засѣвши около города въ байракахъ, сдѣлали удачное нападеніе на Чернецкаго, самаго его убили, а войско его разогнали. Между тѣмъ Кошевый Сѣрко съ реестровыми и своими Козаками, знавши о походѣ Великой Орды съ Чернецкимъ, отправился скоропостижно въ ея сторону и оную въ конецъ разорилъ, а главный городъ ея Акерманъ или Бѣлгородъ взялъ приступомъ, истребилъ его жителей и, разграбивши, сожегъ. Тоже сдѣлалъ и съ укрѣпленными ихъ мѣстечками, Буджакомъ, Паланкою и Каушанами. Наконецъ, услышавъ о поворотѣ въ свои жилища Ордъ, поспѣшавшихъ въ безпамятствѣ на помощь имъ, удалился отъ нихъ въ Молдавію и, переправясь чрезъ Днѣстръ около города Сороки, претерпѣлъ тутъ великій убытокъ отъ Генерала Польскаго, Маховскаго, напавшаго на него при переправѣ, отъ котораго, однако, отбился и возвратился въ свою Украйну.

Преемникъ Воеводы Чернецкаго, Шаблика, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1665 года, съ корпусомъ войска Польскаго, усиленнымъ наемными Калмыками и Татарами, напавъ на Гетмана Брюховецкаго, стоявшаго съ войсками Козацкими лагеремъ въ Бѣлой Церкви, атаковалъ его со всѣхъ сторонъ. Но Гетманъ, имѣвши станъ свой хорошо укрѣпленнымъ со многою артиллеріею, не только отбилъ нападавшаго непріятеля, но, построивши изъ пѣхоты сильную фалангу, напалъ взаимно на станъ Польскій и, по великомъ убійствѣ и кровопролитіи, разбилъ его и разогналъ во всѣ стороны, истребивъ при томъ великое число знатныхъ Поляковъ, готовившихся помѣщаться на уряды и должности въ городахъ и полкахъ Заднѣпрскихъ, въ которыхъ прибрежная сторона признавала Гетмана Брюховецкаго, а пограничные съ Польшею и Молдавіею полки выбрали себѣ Гетманомъ, на мѣсто Тетери, какого-то Старшину, называемаго *Опара*. Но Татары Бѣлгородскіе, мѣшавшіеся тогда въ дѣла Козацкія и въ ихъ выборы, словивши того Опару, отослали къ Королю Польскому, который велѣлъ его повѣсить; Гетманомъ же Заднѣпрскимъ признанъ отъ Татаръ и Польши Асаулъ Тетеринаго штату, бывшій иногда, какъ и онъ, Наказнымъ Гетманомъ *Петръ Дорошенко*. Но и другой называвшійся въ той сторонѣ Гетманомъ, нѣкто *Децикъ*, имѣлъ при себѣ войско изъ охотниковъ и раззорялъ съ ними Польскія селенія, но партіями Брюховецкаго словленъ и посаженъ былъ въ Нѣжинскую тюрьму, гдѣ и умеръ.

Гетманъ Брюховецкій, ославленный знатными его войсками и успѣхами, вздумалъ побывать въ Москвѣ, съ почтеніемъ у Царя своего, и для сего, въ началѣ Сентября мѣсяца, 1665 года, собравъ многочисленную себѣ кальвокату изъ Генеральныхъ Старшинъ и многихъ Полковниковъ, отправился съ ними въ Москву Встрѣча и пріемъ были для Гетмана чрезвычайные. Все, что пышность и изобиліе внушаютъ, употреблено притомъ со избыткомъ, и послѣ первыхъ привѣтствій, начавшіясь и повторяемыя пированія изумили Гетмана и привели его въ изступленіе; и когда онъ считалъ

себя восхищеннымъ въ лучшее небо, чѣмъ „Запорожская Сѣчь-мати, и великій лугъ-батько," то отъ Министерства Московскаго совѣтовано ему просить у Царя милости, чтобы онъ его пожаловалъ въ Бояре Московскіе, дабы, по словамъ ихъ „верстаться получше да поглаже съ столбовыми Боярами тутошними." Гетманъ взялся за сіе прошеніе, какъ верховное свое блаженство и, натурально, въ томъ ему ни мало не затрудняли, но тотчасъ пожаловали Великимъ Воеводою и Думнымъ Бояриномъ. Послѣ сего оженили его на Царской сродницѣ, а многихъ Полковниковъ и Старшинъ переженили на Боярскихъ дочеряхъ, и все шло съ нарочитымъ успѣхомъ. Угощенія при томъ сопровождались въ полной мѣрѣ щедротъ, ласкательствъ и всѣхъ возможныхъ избытковъ. По какъ сей переженненой Малоросіи сближалось время къ отъѣзду ея во свояси, то опять предложено Гетману Министерствомъ, что „ему не доб„ро быти единому въ Козацкой „землѣ, а надобно имѣть помощни„ковъ и хранителей отъ лица Цар„скаго. А понеже онъ, Милостію „Божіею и Царскою, есть Великій „Воевода, то должно быть при немъ „и малымъ Воеводамъ, которые бы „ему служили и помогали." И такъ уговорили Гетмана испросить у Царя малыхъ Воеводъ, что тогда же учинено съ отличнымъ успѣхомъ и великою милостію. Толковавшій сей пунктъ иначе, чѣмъ великая милость, Писарь Генеральный, Шийкевичъ[183], сосланъ изъ Москвы прямо въ Сибирскіе остроги на вѣчное жительство, прочіе же чины и самъ Гетманъ при отпускѣ обдарены отъ Царя весьма щедро.

Жалованные отъ Царя Воеводы начали съѣзжаться въ Малоросію въ Генварѣ 1666 года; они тянулись сюда разными дорогами и путями, и въ три мѣсяца наполнили Малоросію и заняли всѣ города и мѣстечки до послѣдняго. Штатъ каждаго изъ нихъ довольно былъ многолюдный: они имѣли при себѣ разныхъ степеней поддьячихъ, и съ приписью поддьячихъ, мѣровщиковъ, вѣсовщиковъ, приставовъ и пятидесяцкихъ съ командами. Должность имъ предписана въ Думномъ Приказѣ и подписана самимъ Думнымъ Дьякомъ, Алмазовымъ; а состояла она въ томъ, чтобы пересмотрѣть и переписать все имѣніе жителей до послѣдняго животнаго и всякой мѣлочи, и обложить все то податьми. Для сего открыты имъ были кладовыя, амбары сундуки и вся сокровенность, не изключая погребовъ, пасѣкъ, хлѣбныхъ ямъ и самыхъ хлѣвовъ и голубятенъ. По городамъ и мѣстечкамъ проѣзжія на базаръ дороги и улицы заперты были и обняты караулами и приставами. Со всего привозимаго на базаръ и вывозимаго съ него взымаема была дань по усмотрѣнію и расписанію Воеводъ, а отъ нихъ всякая утайка и флатировка истязаема была съ примѣрною жестокостію, а обыкновенныя въ такихъ случаяхъ прицѣпки и придирки надсмотрщиковъ оканчивались сдирствами и побоями. Новость сія, сколько, можетъ быть, ни обыкновенна была въ другихъ сторонахъ, но въ здѣшней она показалась жестокою, пагубною и самою несносною. Народъ отъ нея возстеналъ, изумился и считалъ себя погибшимъ. Ропотъ на Гетмана отзывался отъ одного конца земли до другаго.

Смягчительныя мѣры правительства Малоросійскаго не согласовали поведенія Воеводъ и ихъ подчиненныхъ, и возмущеніе народное стало неизбѣжно.

Заднѣпрскій Гетманъ, Дорошенко, пользуясь смутнымъ положеніемъ народа Малоросійскаго и подстрекаемъ бывши враждею къ его Гетману, Брюховецкому, возмутилъ первѣе городъ Переяславль; и граждане его, убивъ Воеводу своего, Полковника Дашкова, жившаго въ части города, называемой Богушевой, сожгли его квартиру и отдались въ команду Дорошенка. А онъ, соединясь съ ними и съ частію своихъ войскъ, отправился къ городу Золотоношѣ и въ немъ, квартировавшаго съ корпусомъ, Князя Щербатова, по легкой перестрѣлкѣ, выгналъ изъ города, а Воеводу со штатомъ его истребилъ. Поспѣшавшій на помощь Щербатову Полковникъ Маховскій прибылъ съ войскомъ своимъ къ городу въ ту пору, когда въ немъ Щербатова уже не было, и Дорошенко, окруживъ сей корпусъ, по слабомъ сопротивленіи, взялъ весь въ плѣнъ съ самымъ командиромъ. А какъ онъ, квартируя въ Малоросіи, дѣлалъ великія народу раззоренія, то, въ наказаніе за то, отогналъ всѣхъ плѣнниковъ оныхъ въ Крымъ и подарилъ ихъ Хану. Отъ Золотоноши проходя Дорошенко внутрь Малоросіи побралъ силою оружія своего города: Прилуку, Нѣжинъ и многія мѣстечка, и въ нихъ бывшихъ Воеводъ перебилъ. Цѣль его была, освободя народъ отъ ига Воеводскаго и оказавъ ему тѣмъ великое благодѣяніе, обратить его на свою сторону и сдѣлаться Великимъ Гетманомъ на всю Малоросію. Но народъ, сколько ни огорченъ былъ Воеводами, не потерялъ, однако, своего разсудка и добрыхъ нравовъ. Онъ, предвидя отъ худыхъ начинаній такія же и послѣдствія, всемѣрно удалялся отъ злодѣйствъ Дорошенковыхъ, и всѣхъ почти Воеводъ, не впадавшихъ въ его руки, спасалъ и хранилъ отъ убійства, а многихъ выпроводилъ съ своимъ конвоемъ въ ихъ границы; о Дорошенкѣ жь мыслилъ, какъ о искусителѣ и предателѣ подъ власть Поляковъ, съ которыми держался онъ заодно. Народъ же о соединеніи съ ними и слышать не хотѣлъ.

Правительство Польское, не зная, съ какимъ намѣреніемъ Дорошенко впалъ въ Заднѣпрскую Малоросію и возмущаетъ въ ней народъ, а зная, что то возмущеніе и истребленіе Московскихъ Воеводъ противно тамошнему правленію, замыслило воспользоваться симъ случаемъ и отторгнуть отъ Дорошенка въ непосредственное свое владѣніе тогобочную Малоросію. И для сего, въ 1667 году, весною, командировало туда, съ знатнымъ корпусомъ Польскихъ войскъ, Короннаго Гетмана, Яна Собіевскаго, который, вступивъ въ границы Малоросійскія, провозглашалъ народу, что онъ ихъ есть Гетманъ, а Дорошенко при немъ будетъ тогобочнымъ Польнымъ или Наказнымъ Гетманомъ. Народъ, изумленный непостоянствомъ своего правленія и всегдашними въ немъ перемѣнами, привыкъ уже всему вѣрить и не принималъ ничего въ свою оборону. Но Дорошенко, извѣстясь о посягательствахъ Польскихъ на его правленіе, отправился тотчасъ съ

войсками своими противъ Собіевскаго и, встрѣтивъ его за городомъ Заславлемъ, напалъ на корпусъ Польскій со всею жестокостію и, по долговременномъ упорномъ сраженіи, обратилъ его въ бѣгство, а обозы и запасы съ артиллеріею остались въ добычу Дорошенку. За симъ предпринята была погоня за Поляками; но прибѣжавшій къ Дорошенку гонецъ изъ Крыма, Мурза тамошній, Уметъ Кочуба, возвѣстилъ ему, что партизантъ Брюховецкаго, Кошевой Запорожскій, Сѣрко, во время нышнѣшняго откомандированія Татарскихъ войскъ, по фирману Султанскому, въ Закубанскія экспедиціи, напавъ съ Козаками своими на Крымъ, раззоряетъ тамошніе города и жилища и предаетъ все огню и мечу, а Хана самаго загналъ въ горы, и онъ проситъ отъ него обороны, съ обѣщаніемъ ему равномѣрныхъ пособій при случаѣ надобности. Дорошенко съ крайнею охотою принялъ предложеніе Хана, зная, сколько онъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, будетъ ему нуженъ, и потому отправился тотчасъ въ Крымъ съ одною конницею и успѣхи Сѣрковы заразъ прекратилъ, но самаго его и главнаго войска захватить не могъ. Ибо онъ, набравши въ приморскихъ Крымскихъ городахъ довольное число водныхъ судовъ, отправился на нихъ въ Лиманъ и прибылъ въ Сѣчь съ великими корыстьми.

Царь Россійскій въ семъ же, 1667, году, по политическимъ видамъ, или по прямой надобности, отправилъ было сильный корпусъ своихъ войскъ, подъ командою Воеводы Косогова [184], въ предѣлы Запорожскіе, къ городу Кадаку, подъ предлогомъ, что онъ защищать долженъ Запорожскихъ Козаковъ и часть Малоросіи отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ. Запорожцы, протолковавъ отрядъ сей для нихъ вреднымъ и яко бы для пресѣченія сообщеній съ Малоросіею выдуманнымъ, жаловались о томъ сильно Царю, предотавляя, что, „всяко правительство, подозрѣвающее свой народъ въ каковыхъ либо противъ себя замыслахъ, даетъ само народу тому способъ или орудіе иттить на то, чего имъ еще не предпринимано или не думано; а отдѣлять отъ насъ Малоросію всегдашнее наше отечество, раззоренное до крайности Воеводами и угнѣтаемое многими затѣями Московскими, есть тоже, что поддувать возженной огонь, или кидать въ него горючія вещества. Что же касается до набѣговъ Татарскихъ, то сіе считается у насъ съ ними за игру шахматную, и мы всегда сами противъ ихъ управлялись и защищать во всякое время себя въ состояніи.“ Царь, уваживъ представленіе Козацкое, воротилъ корпусъ Косогова къ своимъ границамъ.

Продолжавшіесь отъ нѣсколька лѣтъ между Россіею и Польшею переговоры о мирныхъ трактатахъ въ семъ году окончены и миръ заключенъ на 30 лѣтъ. Переѣзжавшіе тогда чрезъ Малоросію Поляки распустили нарочно слухъ въ народѣ, что съ Россійской стороны за городъ Смоленскъ съ его уѣздомъ, уступленный Польшею Россіи, отдается Польшѣ вся Малоросія съ ея жителями. Правительство Малоросійское, примѣтивъ по сему случаю великое въ народѣ и войскѣ волненіе, отправи-

ло въ Москву двухъ Канцеляристовъ войсковыхъ, Мокріевича и Якубовича, повелѣвъ имъ справиться тамъ, что положено о Малоросіи въ мирныхъ съ Польшею трактатахъ. Но сіи посланцы только и свѣдали, что Поляки, а паче ихъ посланники, отлично у Царя и Бояръ принимаются, и съ великими почестьми трактуются, а о содержаніи трактатовъ свѣдать они не могли, по тому, что сіе отъ нихъ весьма скрывали, и на вопросы ихъ отвѣчали, что „дѣла Министерскія до войска не касаются, и дѣло военное есть знать ружье и его употребленіе, а о Министеріи, до земля принадлежащей, должны знать Воеводы городскіе и провинціальные, которые если у васъ есть, то они про то и знать могутъ."

Неудовлетворительными справками канцеляристовъ и народною молвою [185] подвигнутый, Гетманъ Брюховецкій послалъ въ Москву Старшину Генеральнаго, Григорія Гамалію, и Канцеляриста Каспаровича, и писалъ чрезъ нихъ къ Царю, что „по поводу тайныхъ съ Польшею трактатовъ, разпущенные отъ Поляковъ слухи объ отдачѣ имъ въ подданство Малоросіи, возмутило войска Малоросійскія и ея жителей, и по тому проситъ онъ Царя увѣрить его и народъ о содержаніи тѣхъ контрактовъ, по которымъ, если подлинно отдается Малоросія Полякамъ, то онъ должностію обязанъ принимать оборонительныя противъ нихъ мѣры и избирать новые союзы и протекціи. Когда же она оставляется по прежнему въ протекціи Россіи, то вѣрность и приверженность народа сего къ державѣ Россійской суть неизмѣнны и постоянны, а тайна и предательство въ семъ случаѣ многогрѣшны суть и постыдны, паче же между народомъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ; ибо извѣстно всему свѣту, что народъ здѣшній, претерпѣвъ отъ Поляковъ неслыханныя въ человѣчествѣ варварства и всѣхъ родовъ гоненія, освободился отъ нихъ собственною силою своею и мужествомъ, а *соединился съ Россіею съ доброй воли своей и единственно по одновѣрству*. Слѣдовательно, укрѣплять его или другому дарствовать ни почему и никто не властелинъ, и въ противномъ случаѣ готовъ онъ опять защищать себя оружіемъ до послѣдней крайности, и лучше согласится умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ сносить постыдное иго отъ враговъ своихъ. И сіе есть истинно и непреложно, о Царю! Если же замѣшалась при семъ злоба за Воеводъ, то и тутъ главными орудіями есть не народъ, а правительство Россійское присылкою ихъ противъ правъ и договоровъ народныхъ, съ инструкціями, прямо Египетскими или Вавилонскими, и Польское подсылкою на нихъ Гетмана своего, Дорошенка, народъ возмутившаго. Но за всѣмъ тѣмъ самой разсудокъ учитъ, что за десять виновныхъ злодѣевъ не отвѣчаютъ милліоны невиннаго народа, оберегавшаго Воеводъ." Царь на представленіе Брюховецкаго написалъ къ нему только то, что прислано будетъ въ Малоросію тысяча человѣкъ пѣшихъ стрѣльцовъ съ недостающимъ числомъ Воеводъ, которые размѣщены будутъ по городамъ и уѣздамъ „и они учнутъ рядити народомъ и „жаловати его, смотря по заслугѣ „и обычаю каждаго, а шалуновъ „и неслушей карати судомъ и раз-

„правой; писано бо есть въ книгахъ Христіанскихъ: ему же честь, „честь, и ему же страхъ, страхъ, „сирѣчь: на худыхъ гнѣвъ, а на „добрыхъ милость. А тебѣ, Гетману, и всей старшинѣ Козацкой „смотрѣти войско и его снаряды „и служити съ нимъ вѣрою и правдою; а о войнѣ и мирѣ не хлопотати и о трактатахъ съ Польшею не стужати намъ; въ нихъ „все то написано, что ладно, а на „худо никто не пойдетъ."

Таковое предписаніе Царское смутило Брюховецкаго и всю Старшину съ нимъ, а полученное тогда отъ Заднѣпрскаго Гетмана, Дорошенка, письмо и совсѣмъ его изумило. Онъ пишетъ къ нему, что „Таковъ начальникъ въ народѣ, „каковъ ты, Иване, повиненъ есть „суду Божію и человѣческому. Народъ, ввѣрившій тебѣ судьбу свою, „пролилъ неизчетное множество „крови своей, потерялъ также безчисленныхъ предковъ своихъ и потомковъ, на брани избіенныхъ, „ведучи долголѣтныя войны съ Поляками за вольность свою и свободу. Но какую онъ имѣетъ теперь вольность и свободу? По „истинѣ никакой, а одну злобную „химеру! Годичные труды ихъ и „все, пріобрѣтенное потомъ ихъ, „отымаютъ у нихъ Воеводы и приставы; судъ же и разправа въ ихъ „рукахъ. И что остается несчастному народу? Одна бѣдность, тоска и стенаніе! Вы съ Старшинами своими обогащены въ Москвѣ „однѣми женщинами; но и то, за „приданное ихъ, народъ отплачиваетъ; и ты уподобляешься точно „такому пастуху, который держитъ „корову за рога, а другіе ее доютъ. Когда нѣтъ уже у тебя своей „силы и отваги, то можно поискать и сторонней, и когда нѣтъ „въ Христіанствѣ правды, то можно попытаться оной и у иновѣрцевъ. А то есть весьма справедливо, что когда человѣкъ тонетъ, „то и за бритву хватается; и это „не есть грѣхъ и глупость, но „крайность, вынужденная необходимостью. Я готовъ все уступить „на пользу народа, даже и самую „жизнь свою; но оставить его въ „тяжкой неволѣ и думать мнѣ несносно."

Брюховецкій, обуреваемъ будучи со всѣхъ сторонъ въ своей должности и угрожаемъ конечнымъ ея паденіемъ, въ 1668 году избралъ себѣ пристанище, самое отчаянное и постыдное. Онъ просилъ у Хана Крымскаго союза, а у Султана Турецкаго покровительства и вѣчной протекціи. Для сего послалъ въ Крымъ Старшину Генеральнаго, Степана Гречанаго, а въ Царьградъ Старшину Григорія Гамалію, и Канцеляриста Каспаровича, а между тѣмъ остававшихся въ Малоросіи Воеводъ выгналъ силою въ свои границы, ѣхавшихъ же сюда вновь не допустилъ до ихъ назначеній, но воротилъ назадъ. При чемъ многихъ перебилъ и перевѣшалъ изъ своихъ Старшинъ и Козаковъ, кои Воеводъ защищали.

Старые Козаки или товариство, обыкновенно прежде больше приверженные къ своей вѣрѣ и старымъ обычаямъ, вознегодовавъ на Брюховецкаго за покушеніе его въ союзъ и протекцію Магометанцевъ, непримиримыхъ враговъ Христіанства, и за умерщвленіе людей своихъ, Воеводъ хранившихъ, да-

ли о томъ секретно, знать Князю Ромодановскому, совѣтуя ему атаковать заразъ войсками своими городъ Котельву, гдѣ запасы Брюховецкаго и самъ онъ съ партизантами своими часто пребываетъ, а къ Дорошенку послали отъ себя повѣренныхъ, прося его прибыть къ нимъ въ Полтаву и принять на себя Гетманское достоинство, въ которое они его избираютъ. *Дорошенко*, поспѣшивъ по тому призыву въ городъ Опошне, засталъ тамъ великое собраніе товариства и Козаковъ, и отъ нихъ единогласно избранъ и признанъ былъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Малоросійскимъ Гетманомъ. Брюховецкій, извѣстясь о выборѣ Дорошенка, побѣжалъ было изъ Котельвы внутрь Малоросіи, съ намѣреніемъ искать себѣ партіи, которая бы его защищала; но Козаки, догнавъ его въ мѣстечкѣ Коломаку, и тамо осудивъ его контурнымъ судомъ, разстрѣляли, а жену его отослали съ честію къ Князю Ромодановскому.

Запорожскіе Козаки, бывъ всегда единогласны съ Брюховецкимъ, яко съ ихъ твореніемъ, не были согласны на выборъ Дорошенка Гетманомъ, и для того, отложась отъ подчиненности Дорошенку, избрали сами себѣ Гетмана, прозваніемъ *Суховія*, бывшаго у нихъ Писаремъ Войсковымъ, къ которому присоединились и нѣкоторые полки Заднѣпрскіе, смежные съ Запорожьемъ, какъ-то: Чигиринскій, Уманьскій и другіе Забугскіе. А чтобы обезпечить себя отъ поисковъ Дорошенка, чая его быть на сторонѣ Россійской, отъ которой также опасались мщенія за Воеводъ, ими побитыхъ, то на тотъ конецъ заключили Запорожцы связь съ Ханомъ Крымскимъ, признавъ его верховнымъ своимъ начальникомъ и главою. Дорошенко, свѣдавъ о произшествіяхъ Запорожскихъ, послалъ въ Сѣчь брата своего, Григорія, и нѣсколько старшинъ поздравить Суховія въ Гетманскомъ достоинствѣ и просить его и все войско тамошнее пребыть съ нимъ въ единомысліи и дружбѣ, стараясь соединенными силами оберегать отечество отъ всѣхъ стороннихъ притязаній, и что онъ не намѣренъ вдаваться ни въ какія протекціи, столько раззорившія народъ своими обманами, интересами и всѣхъ родовъ предательствами и неправдами. Но, свѣдавъ чрезъ брата своего, что Запорожцы къ нему и совѣтамъ его непреклонны, и что они союзныхъ имъ Татаръ намѣрены вести на грабежъ въ Украйну, отправился самъ въ Заднѣпрскіе полки для приведенія ихъ въ оборонительное состояніе, а на сей сторонѣ поручилъ начальство Асаулу Генеральному, Демьяну Игнатьевичу Многогрѣшному, объявивъ его въ войскѣ Наказнымъ Гетманомъ. Но сей Многогрѣшный, бывши честныхъ качествъ и хорошаго разсудка, предусмотрѣлъ, что шатаніе Дорошенка не обѣщаетъ ничего добраго, а замыслы его суть суетны и вредны, и по тому объяснился о томъ Князю Ромодановскому, увѣривъ его о непоколебимой приверженности своей и всего войска, имъ командуемаго, къ Царю и царству Россійскому, и просилъ только Князя помочь ему отразить Татаръ и Запорожцевъ, идущихъ для бунта и грабежа въ Малоросію. Князь отрядилъ тотчасъ сына своего проти-

ву Татаръ съ знатнымъ корпусомъ; но сей молодой Князь, не соединясь съ Многогрѣшнымъ, а надѣясь одному себѣ пріобрѣсть славу побѣдителя Татаръ, пошелъ на нихъ съ однимъ своимъ корпусомъ и былъ ими разбитъ и взятъ въ плѣнъ при мѣстечкѣ Гайворонѣ. Отецъ, не могши ему помочь, отмстилъ прискорбіе свое на гражданахъ Нѣжинскихъ, которые не пускали къ себѣ новаго Воеводы и заперли противъ его городъ. Ромодановскій, выбивъ городскіе ворота, отдалъ городъ на разграбленіе своему войску, а Многогрѣшный, между тѣмъ, разбивъ Татаръ и Запорожцевъ около города Лохвицы, гналъ ихъ и поражалъ до рѣки Самары и отнялъ у нихъ всѣхъ плѣнниковъ и награбленную добычу.

Въ началѣ 1669 года Князь Ромодановскій объявилъ Наказному Гетману, Многогрѣшному, изволеніе Царское, чтобы учинено было въ Малоросіи собраніе и выборъ настоящаго Гетмана на мѣсто погибшаго, Брюховецкаго, и чтобы отъ новаго Гетмана присланы были въ Москву Депутаты для подтвержденія прежнихъ постановленій и договоровъ Малоросійскихъ. По сему Многрѣшный, пригласивъ чиновъ и Козаковъ въ городъ Глуховъ, сдѣлалъ съ ними выборъ на Гетмана, и выборъ палъ на самаго *Многогрѣшнаго*: всѣ единогласно приговорили быть ему настоящимъ Гетманомъ и утвердили по формѣ такое избраніе. Депутатами отправлены къ Царю: Писарь Генеральный, Карпъ Мокріевичъ, и Обозный Полковый, Переяславскій, Лукашъ, и имъ даны наказы отъ Гетмана и собранія испросить у Царя подтвержденіе правъ ихъ и привиллегій, договорными статьями Гетмана Богдана Хмельницкаго утвержденныхъ, и чтобы, сверхъ тѣхъ статей, ничего новаго и отяготительнаго въ Малоросію вводимо не было, разумѣя тутъ и Воеводъ, въ отмѣну договорныхъ статей и постановленій недавно въ города насыланныхъ. Депутаты приняты у Царя съ отличною милостію и, по предстательству ихъ, всѣ прежнія постановленія, съ Гетманомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ сдѣланныя, возобновлены и утверждены во всемъ ихъ пространствѣ. Царь обѣщалъ за себя и за преемниковъ своихъ Царскимъ словомъ хранить ихъ вѣчно и нерушимо, прощая при томъ и предая вѣчному забвенію всѣ заговоры и мятежи, отъ нарушенія договоровъ происходившіе.

Дорошенко, свѣдавъ, что Наказный его Гетманъ, Многогрѣшный, избранъ отъ войска и утвержденъ отъ Царя настоящимъ Гетманомъ на всю Малоросію и, опасаясь поисковъ отъ сего Гетмана за достояніе его, въ Заднѣпріи, Дорошенку послушномъ, и что ему, по ссорѣ съ Поляками и Запорожцами, помощи отъ нихъ ожидать не можно, отправилъ отъ себя посланниками въ Царьградъ Судью Генеральнаго Заднѣпрскаго, Бѣлогруда, и Асаула Портянку, съ двумя другими Старшинами, и чрезъ нихъ просилъ Султана Турецкаго принять его въ свою протекцію и вѣчное подданство со всею Малоросіею, въ которой онъ есть верховнымъ начальникомъ или Гетманомъ, и чтобы Султанъ, въ знакъ его милости и покровительства, пожаловалъ ему обыкновенные свои знаки, бунчукъ и знамя, и далъ въ

помощь ему нѣкоторую своихъ войскъ противъ похитившаго у него нѣсколько провинцій, бунтовщика Многогрѣшнаго. Султанъ, принявъ благосклонно посланниковъ оныхъ чрезъ своего Визиря, согласился съ великою охотою принять Дорошенка и народъ Малоросійскій въ свое подданство и, въ знакъ на то своего благоволенія, послалъ Дорошенку клейноды свои, бунчукъ и знамя съ полумѣсячіемъ, а въ помощь его командировалъ 6,000 войскъ подъ командою одного Чауша, Исламъ-Экмена. Посланниковъ же оныхъ отъ лица Гетмана и народа на вѣрность ихъ подданства привели къ присягѣ, по обычаю Христіанскому, въ Соборной Патріаршей церкви, и отъ Патріарха Константинопольскаго на сіе, видно по повелѣнію Султанскому, дана посланникамъ открытая грамота, отлучающая отъ Церкви и предающая анаеемѣ всѣхъ непослушныхъ Гетману Дорошенку и противъ его бунтующихъ. Грамота сія надѣлала много шуму въ Малоросіи, но не меньше того повредила она и власти Патріарховъ, какову они имѣли прежде въ Церкви и Духовенствѣ Малоросійскомъ. Многіе изувѣры здѣшніе считали ее претящею повиноваться всякой другой власти, мимо Дорошенка, опасаясь въ таковомъ случаѣ анаеемы. Но Митрополитъ Кіевскій, Сильвестръ, оповѣстилъ посланіемъ въ Церкви и протолковалъ народу, что грамота оная есть или вынужденная властію Султана Турецкаго, или похищенная обманомъ и ложными донесеніями и происками Дорошенка, и она по тому вовсе для народа сего недѣйствительна и ничтожна, и онъ ее навсегда касуетъ и Патріарху возвращаетъ; а Патріарху писалъ Митрополитъ, что грамота его и анаеема причинила великую смуту въ народѣ Рускомъ и развратъ въ самой Церкви Христіанской. Всѣ считаютъ ее претящею повиноваться законной власти и повелѣвающею слѣдовать хотѣнію злодѣя и изверга рода человѣческаго, Дорошенка, и что сей Дорошенко, объ ней стряпавшій, есть изверженный изъ своего достоинства и лишенный прежней должности за контакты его съ народомъ иновѣрнымъ на пагубу народа Христіанскаго, и онъ теперь не что иное, какъ только обманщикъ и лжецъ, злодѣйски присвояющій достоинство Гетмана. Народъ же Рускій, избравши, по правамъ своимъ и уставамъ, другаго себѣ Гетмана, повинуется съ нимъ Царю Россійскому, т. е., Христіанскому, съ нимъ единовѣрному и единомысленному, слѣдовательно, повинуется власти законной, и анаеемѣ за то отнюдь не подлежитъ. Патріархъ, хотя по тому представленію и уничтожилъ заразъ грамоту свою, но уже всякаго вліянія на Церковь Малоросійскую вовсе лишился, и Церковь сія, бывъ прежде въ подчиненности Патріарха посредствомъ Митрополита своего, Кіевскаго, имѣвшаго санъ и должность экзарха Патріаршаго, стала, съ тѣхъ поръ, признавать одно надъ собою Іерарщество Россійское.

Гетманъ Запорожскій, Суховій, съ Козаками Запорожскими и Татарами Крымскими, отправился было въ Заднѣпровскіе полки, послушные Дорошенку, чтобъ ихъ принудить силою признать себя своимъ Гетманомъ; но, бывшій при Дорошенкѣ, Турецкій Чаушъ, при-

звавъ къ себѣ начальниковъ Татарскихъ, повелѣлъ имъ именемъ Султанскимъ отстать отъ Суховія и быть въ союзѣ съ Гетманомъ Дорошенкомъ, яко онъ есть подданный Султанскій. Татары по сему тогда соединились съ Дорошенкомъ, а Суховій съ Запорожцами, удалясь отъ Дорошенка изъ-подъ города Канева, пришелъ къ городу Уманю, и тамо, съ досады отъ своихъ неудачь, сложилъ съ себя Гетманство и вручилъ оное Полковнику Уманьскому, *Ханенку*, котораго Запорожцы также признали своимъ Гетманомъ. Дорошенко же, преслѣдуя Суховія и Ханенка, пошелъ было, съ Чаушемъ и Турками, осаждать Умань; но граждане тамошніе, ни мало ему не противясь, отворили городскія ворота, а о Ханенку объявили, что онъ съ Суховіемъ пошелъ за рѣку Бугъ для соединенія съ Бѣлогородскими Ордами. Дорошенко, по тому, продолжая преслѣдованіе свое съ одними Козаками и Татарами, зашелъ въ руки своихъ непріятелей, которые около Желтыхъ Водъ окружили его со всѣхъ сторонъ и погибель Дорошенка была неизбѣжна. Но Кошевой Запорожскій, Сѣрко, недовольный тѣмъ, что у него въ Сѣчѣ завелись уже Гетманы съ униженіемъ его власти, и по тому назиравшій всегда за симъ Гетманствомъ, напавъ нечаянно, съ партіею своею, на Ханенка и Суховія, уничтожилъ ихъ атаку и освободилъ Дорошенка, который, воротясь въ Бѣлоцерковщину, разставилъ своихъ Татаръ на зимнія квартиры, а они ему, благодаря за то по Татарски, забрали въ плѣнъ своихъ хозяевъ съ ихъ семействами и ушли въ Крымъ. Хотя же за сіе жаловался Дорошенко по Двору Султанскому, но ничего на то не получилъ, а сказано: „Таковъ есть хлѣбъ Татарскій и ихъ жалованье.“

Заднѣпрокая Малоросія съ 1670 года раздѣлена была на двое, между двумя самозванцами-Гетманами, непримиримыми между собою врагами, отъ чего она несла отрашныя междоусобія и опустошенія. Дорошенко удержалъ при себѣ Наднѣпрскіе полки до границъ Польскихъ, а Ханенку повиновались полки: Чигиринскій, Уманьскій и надъ Бугомъ и Днѣстромъ поселенные до самой Галиціи. Дорошенко тогда былъ въ протекціи Турковъ, а Ханенко, бывъ въ согласіи съ Запорожцами и Крымцами, искалъ еще протекціи у правительства Польскаго чрезъ вельможу тамошняго, Михайла Вишневецкаго. Но когда съ Польской стороны предложено было ему прибыть въ городъ Острогъ для конгреса и заключенія договорныхъ статей, то онъ на то не согласился а требовалъ въ залогъ столько аманатовъ изъ Сенаторовъ Польскихъ, сколько при немъ на конгресѣ будетъ чиновниковъ. Поляки, бывши въ семъ разѣ очень щекотливы, хотя въ собственныхъ интересахъ бываютъ они весьма низки, отказались отъ аманатства, а согласили Ханенка пребывать въ ихъ протекціи на послѣднихъ съ Малоросіею статьяхъ, называемыхъ Гадяцкими, сосѣдними державами гарантированныхъ, по коимъ признается вся Малоросія съ ними за едность, а Гетманъ верховнымъ и самовластнымъ ея начальникомъ. И по сему соглашенію отъ Короля Польскаго присланы Ха-

ческу булаву и всѣ знаки, достоинство Гетманское означающіе. Дорошенко, завиствуя Ханенку о утвержденіи его въ Гетманствѣ монархіею Христіанскою, со укрѣпленіемъ важными въ Христіанствѣ знаками, каковыхъ онъ не имѣлъ, напалъ съ своимъ войскомъ на городъ Умань, обыкновенное пребываніе Ханенково, и осадилъ его съ намѣреніемъ взять въ немъ Ханенка и истребить съ нимъ Гетманство сіе. Но Уманьскіе Козаки съ гвардіею Гетманскою, сдѣлавъ противъ Дорошенка удачную вылазку, разбили его войска и Полковника ихъ, Жеребилу, убили, а Дорошенко спасся бѣгствомъ.

Гетманство Дорошенка и воинство его не иное что было, какъ великая разбойничья шайка. Онъ съ нею безпрестанно нападалъ то на Малоросію, то на селенія вѣдомства Ханенкова. Наконецъ, подрядилъ себѣ Пашу Силистрійскаго и Орды Бѣлогородскія, и въ 1671 году, Августа мѣсяца, повелся съ ними на Малоросію. Гетманъ Многогрѣшный съ своими войсками выступилъ противъ ихъ на встрѣчу и, чтобы не впустить такого хищнаго непріятеля внутрь своихъ границъ, переправился онъ чрезъ Днѣпръ, противъ мѣстечка Чигринъ-Дубровы, гдѣ, укрѣпивъ станъ свой на горѣ, при рѣкѣ Днѣпрѣ, ожидалъ на себя непріятеля. Дорошенко не замедлилъ показаться и наступить съ силами своими на Многогрѣшнаго. Сраженіе было жестокое и продолжительное: съ утра почти до самаго вечера происходила съ обѣихъ сторонъ страшная сѣча и убійство; наконецъ, Многогрѣшный, преодолѣвъ упорство непріятельское, опрокинувъ его во всѣхъ пунктахъ и погналъ въ степь. Но только что отошелъ онъ отъ стана своего верстъ до двухъ, какъ Турецкая пѣхота, скрывавшаяся внизу стана въ чагарникахъ и камышахъ Днѣпровскихъ, подползши подъ станъ, ударила на него со всей опрометчивости, выбила въ немъ людей и завладѣла артиллеріею. Многогрѣшный, хотя воротился на подкрѣпленіе стана, но уже поздо, и Турки встрѣтили и поразили его же артиллеріею, а между тѣмъ напала и вся конница Татарская и Козацкая Дорошенкова, и Многогрѣшный, потерявъ много своего войска и весь обозъ съ запасами, принужденъ ретироваться оборонительно до устья рѣки Тясмина, и тамо переправиться чрезъ Днѣпръ, бывши самъ тяжело раненъ.

Въ 1672 году, Февраля 7-го дня, Гетманъ Многогрѣшный отъ ранъ своихъ умеръ, и съ великими почестьми, военными и церковными, въ Батуринѣ погребенъ. Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника. Онъ при всей своей нарочитой кротости, былъ хорошій вождь въ войскѣ, отличный политикъ и справедливый судія въ правленіи. Послѣ Зиновія Хмельницкаго одному ему приписать можно превосходныя качества. Для донесенія Царю о смерти Гетманской отправился въ Москву Писарь Генеральный, Карлъ Мокріевичъ, съ другими Старшинами. Царь принялъ ихъ очень милостиво, сожалѣлъ много о умершемъ Гетманѣ, столь достойномъ его уваженія и довѣренности, и, наконецъ, совѣтовалъ чинов-

никамъ онымъ выбрать себѣ такого Гетмана, который бы подобился характеру Многогрѣшнаго, а онъ обѣщаетъ и словомъ Царскимъ увѣряетъ содержать ихъ и народъ Малоросійскій въ протекціи своей на точномъ основаніи первоначальныхъ статей Зиновія Хмельницкаго. Для присутствія при выборахъ Гетмана опредѣлены отъ стороны Царской Министрами: Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Ржевскій и Аѳанасій Ташлыковъ; а выборъ произведенъ того жь года, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ лагерѣ Козацкомъ, между городами: Путивлемъ и Конотопомъ, на мѣстѣ, называемомъ Козацкая Дуброва, куда всѣ чины и депутаты собрались. И выбранъ Гетманомъ Обозный Генеральный, *Иванъ Самуйловичъ*, урожденный изъ города Зинькова, священническій сынъ, который тогда же, въ присутствіи Министровъ, приведенъ къ присягѣ со всѣми чинами и войскомъ на вѣрность службы Царю и его наслѣдникамъ.

Дорошенко, пресмыкаясь за Днѣпромъ съ мѣста на мѣсто, не предвидѣлъ для себя ничего благопріятнаго, а напротивъ того замѣтилъ въ народѣ и войскѣ преклонность ихъ къ сторонѣ Россійской и командованію Гетмана тамошняго. И для того сдѣлалъ всѣ усилія и подкупы со стороны Дивана Цареградскаго, чтобы подвигнуть самаго Султана съ арміею на завоеваніе, прежде вѣдомства Ханенкова, а потомъ всея Малоросіи. Султанъ, Магометъ IV, резидовавшій тогда въ Адріанополѣ, уговоренъ былъ и выступилъ дѣйствительно къ границамъ Рускимъ, а съ 1-го Августа, 1672 года, осадилъ Каменецъ Подольскій, при которомъ встрѣтили Султана Ханъ Крымскій и Дорошенко съ своими войсками. Граждане съ своимъ слабымъ гарнизономъ могли защищаться въ городѣ только 15 дней, а тамъ, за неимѣніемъ запасовъ и довольнаго войска, сдали городъ на капитуляцію 16 Августа. Султанъ, въѣзжая въ городъ, ознаменовалъ пышность свою тѣмъ, что велѣлъ прежде вырыть изъ земли всѣхъ погребенныхъ мертвецовъ, вывеять кости ихъ далеко за городъ и вынесть изъ всѣхъ церквей, Турками прежде разграбленныхъ, всѣ иконы, разложить ихъ по улицамъ городскимъ, вмѣсто помостовъ для Турецкихъ пѣшеходцевъ, а потомъ тѣ церкви обратить въ мечети Турецкія, изъ коихъ оставлено, по просьбѣ и искупу гражданъ, только три для Христіанъ и Армянъ. Султанъ, по таковымъ успѣхамъ, командировалъ Хана Крымскаго и Дорошенка съ ихъ войсками въ Галицію для завоеванія тамошнихъ городовъ, Львова, Бродъ и другихъ, а самъ проходилъ съ арміею своею поперекъ Украины, послушной Ханенку до рѣки Случи, и истреблялъ всѣ, ему встрѣчавшіяся, селенія огнемъ и мечемъ, т. е., по Турецки. Поляки, собравшись войсками своими и соединясь съ Ханенкомъ и его Козаками, выступили противъ Хана и Дорошенка и, разбивъ нѣсколько ихъ партій, дальнѣйшіе ихъ успѣхи уничтожили и прогнали самихъ ихъ къ главной арміи Турецкой, на которую, однако, напасть не отважились, а прибѣгли къ переговорамъ и искупленіямъ. И такъ, удовольствовавъ Министровъ Султанскихъ подарками, а самаго Султана знатною суммою

червонцевъ, подъ титуломъ военной контрибуціи, выжилъ его тѣмъ изъ своихъ предѣловъ, и онъ возвратился на зимовлю въ городъ Бухарестъ.

Татарскія Орды, воюющія со всѣми народами обыкновенно то по найму, то съ участкомъ въ добычи, приходили часто по сему ремеслу къ претендаторамъ Гетманства Малоросійскаго и къ Полякамъ, ихъ нанимавшимъ, и проходили они всякой разъ, по симъ случаямъ, земли Запорожскія и ихъ улусы съ неминуемыми обидами и шкодами Козакамъ тамошнимъ. Кошевой ихъ Атаманъ, Сѣрко, сколько ни былъ добрый и сговорчивый ихъ сосѣдъ, знавшій снисходить и уважать необходимости людей военныхъ, но когда въ 1673 году, проходя Татары земли Запорожцевъ на возвратѣ отъ Каменца Подольскаго, захватили много лошадиныхъ и скотскихъ табуновъ Запорожскихъ и нѣсколько ихъ мальчиковъ, которыхъ они всегда набираютъ въ Малоросіи изъ родни своей для наслѣдства, то Кошевой не считалъ уже поступка сего шуткою или игрушкою, а рѣшился воздать Татарамъ за то съ лихвою, и для того началъ ихъ казнить по порядку. Отправясь съ войскомъ своимъ въ Бѣлогородчину и, истребивъ аулы Татарскіе огнемъ и мечемъ до самаго Бѣлгорода, взялъ сей городъ приступомъ, разграбилъ его и выжегъ до основанія. Потомъ, собравъ въ пристаняхъ морскихъ, Бѣлогородской и Гаджибейской, довольное число судовъ, отправился на нихъ съ пѣхотою въ Крымъ, а коннинцѣ повелѣлъ итти туда рунемъ. Приставши къ берегамъ Карасубазара, побралъ и раззорилъ онъ всѣ приморскіе города, незнавшіе сего посѣщенія и, слѣдовательно, бывшіе безъ обороны, а потомъ, прошедъ весь Крымъ до города Ора или Перекопа, соединился тамъ съ своею конницею и продолжалъ раззореніе Татаръ по селеніямъ ихъ. И такимъ образомъ, отомстя Татарамъ за обиды свои сторицею, воротился въ Сѣчь съ безчисленными корыстьми. Сѣрко оный былъ въ родѣ своемъ человѣкъ необыкновенный и единственный. Онъ, съ малочисленнымъ войскомъ своимъ, всегда удачно воевалъ и былъ побѣдителемъ, не заводя, однако, ни съ кѣмъ неправедной войны. Сраженія у него почитались игрушкою, и ни одного изъ нихъ онъ не потерялъ. Татары Крымскіе и Бѣлогородскіе, сіи страшилища и бичь всѣмъ народамъ, были у Сѣрка пужливыми оленями и зайцами. Онъ нѣсколько разъ проходилъ насквозь ихъ жилища и укрѣпленія, нѣсколько разъ загонялъ всѣхъ Татаръ въ Кефскія горы, гдѣ и самые Ханы ихъ неразъ крылись въ ущельяхъ и кустарникахъ горскихъ. Татаре почитали Сѣрка великимъ волшебникомъ и обыкновенно титуловали его Рускимъ шайтаномъ; но въ спорныхъ между собою дѣлахъ всегда отдавались на его судъ, говоря: „Якъ Сѣрко скажеть, такъ тому и буть.“ При великихъ своихъ корыстяхъ и добычахъ, не былъ онъ ни мало стяжателемъ и корыстолюбивъ, но все то шло на другихъ, и даже на его враговъ. Одна Татарка того аула, изъ котораго отогнанъ Запорожцами скотъ, представъ предъ Сѣрка съ малыми дѣтьми, жаловалась ему, что у нея отнята выслуженная ею

корова, которая у нея одна и была, и „чѣмъ же мнѣ кормить дѣтей?" Сѣрко заразъ воротилъ весь табунъ скотскій того аула, и приказалъ аулу, когда не станетъ у просительницной коровы молока, то чтобы они, всѣмъ обществомъ, дѣтей ея отъ своихъ коровъ молокомъ кормили, а на одѣяніе ихъ далъ матери нѣсколько штукъ, съ приказомъ, чтобы они, возросши, не воевали съ Русанами. Словомъ сказать, Сѣрко былъ человѣкъ удивительный и рѣдкихъ свойствъ въ разсужденіи храбрости, предпріимчивости и всѣхъ воинскихъ успѣховъ, и, при достаточномъ числѣ войска, легко могъ сдѣлаться Тамерланомъ или Чингизъ - Ханомъ, т. е., великимъ завоевателемъ. Но, впрочемъ, онъ былъ и Запорожецъ, сіе есть родъ шута или юрода. Однажды писалъ къ нему Гетманъ Самуйловичъ, выговаривая, для чего на Запорожскихъ степяхъ кочуютъ свободно нѣкоторые аулы Татарскіе? Онъ на сіе ему отвѣчая, что то дѣлается по снисхожденію войска, отъ причинъ недорода у Татаръ травъ, и что въ такомъ случаѣ и они иногда отъ нихъ равномѣрнымъ снисхожденіемъ пользуются, заключилъ, наконецъ, тѣмъ: „Когда бы и чортъ, „Пане Гетмане, помогалъ людямъ „въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тѣмъ негодится; бо кажуть люде: нужда и законъ змѣняе. А когда мы, живя съ Татарами по сосѣдоки, помогаемъ одинъ „другому, то сіе умному ни мало „неудивительно, а то намъ тилько „дивно, що ты, Пане Гетмане, багато коло насъ хархируешь, мовъ „тій покійныкъ батюшка на хавтурахъ съ парахвіянами у Зинькови, „чего мы и Вамъ упрійме желаемъ."

Со вступленія Гетмана Самуйловича въ управленіе Малоросіею, вызывалъ онъ Заднѣпрскіе полки и всѣхъ тамошнихъ жителей въ соединеніе съ нимъ въ одну протекцію Россійскую, и многіе начальники тамошніе отзывались готовностью своею на сіе соединеніе, но пологали препятствіемъ въ томъ однихъ своихъ самозванныхъ Гетмановъ, Дорошенка и Ханенка, и ихъ нелѣпыя протекціи. По сему, въ началѣ 1674 года, предпринятъ походъ Самуйловичемъ и Княземъ Ромодановскимъ съ ихъ войсками въ Заднѣпровскую Малоросію для поисковъ надъ тамошними Гетманами. Походъ сей сначала сопровождался желаемыми успѣхами, Заднѣпровскіе полковые города: Черкасы, Генваря 7-го, а Каневъ, Февраля 3-го, сдались Самуйловичу при первомъ появленіи подъ ними войскъ Малороссійскихъ, а начальникъ Каневскаго гарнизона, Генеральный Старшина, Яковъ Лизогубъ, соединился съ Самуйловичемъ. Гетманъ Уманьскій, Ханенко, по смерти благодѣтеля своего, Короля Польскаго, Михаила Корибута Вишневецкаго, и когда въ Польшѣ выбранъ былъ Королемъ недоброжелательствовавшій ему, бывшій Коронный Гетманъ, Янъ Собіескій, въ Мартѣ мѣсяцѣ, того же года, сдалъ свое Гетманство Самуйловичу и ему вручилъ клейноды свои Гетманскіе, булаву и другіе, отъ Короля полученные. Ханенку опредѣлены отъ Самуйловича довольные на содержаніе доходы, а для пребыванія отведенъ домъ въ городѣ Кіевѣ. Дорошенко, видя успѣхи Самуйловича и преклонность къ нему народа, рвался отъ того неистовства и истреблялъ варварски селе-

нія и жителей, соединившихся съ Самуйловичемъ. Войска его, державшіясь подъ командою своихъ Полковниковъ: Михайла Забѣлы, Ефрема Уманьца, Григорія Бѣлогруда, Григорія Дорошенка, Остапа Гоголя, Андрея Соцкаго и Андрея Дорошенка, при Асаулѣ Генеральномъ, Григоріѣ Гамаліи, отправилъ онъ къ городу Корсуню и велѣлъ держаться при немъ въ оборонительномъ состояніи до его прибытія къ нимъ, а самъ, съ прибывшими къ нему помощными Крымскими Татарами, отправился къ рѣкѣ Днѣстру для вызову Турецкихъ войскъ отъ Паши Силистрійскаго и, въ ожиданіи ихъ, осадилъ городъ, Рашковъ, и сильно его штурмовалъ. Но жители и гарнизонъ, поддавшіесь Самуйловичу, отбили осаду Дорошенкову и самаго его прогнали. И онъ, извѣстясь, что, вмѣсто ожидаемыхъ войскъ отъ Паши Силистрійскаго, идетъ съ ними въ Молдавію самъ Султанъ Турецкій, пошелъ очищать ему путь по пламамъ Турецкимъ, т. е., огнемъ и мечемъ, и такимъ образомъ истребилъ всѣ жилища отъ Рашкова до города Лысянки, къ которому призвалъ Дорошенко отъ Корсуня свои полки, съ намѣреніемъ взять тотъ городъ приступомъ. Но Козаки и жители тамошніе, всегда отличавшіесь великою отвагою и храбростію своею, частыми вылазками изъ города и нападеніемъ на станъ Дорошенка, уничтожили его осаду и принудили отступить отъ города. Корпусъ войскъ Малороссійскихъ, состоящій изъ 20,000, подъ командою Полковника Переяславскаго, Думитрашка, командированный Самуйловичемъ на помощь городу Лисянкѣ, встрѣтивъ Дорошенка и его войско около мѣстечка Орловича, далъ ему сраженіе, и оно было самое жестокое и отчаянное съ обѣихъ сторонъ. Войска, пересиливая одно другаго, гонялись по степу съ остервененіемъ, и степь покрытъ былъ мертвецами и умирающими на 40 верстъ разстоянія; наконецъ, Дорошенко спасся бѣгствомъ и съ остаткомъ войскъ заперся въ городѣ Чигиринѣ.

Гетманъ Самуйловичъ и Князь Ромодановскій, свѣдавъ отъ Думитрашка о положеніи Дорошенка, осадили его въ городѣ Чигиринѣ и готовились къ приступу, но приближеніе къ сему городу Султана Турецкаго съ его войсками принудило сихъ полководцевъ снять осаду и удалиться за рѣку Днѣпръ, при которой они берегли только переправы для воспрещенія непріятелю при случаѣ его покушенія. Султанъ вошелъ въ Чигиринъ торжественно и все предъ нимъ падало и ползало по Азіатски. Колокола церковные замолкли и самыя церкви заперты и запечатаны были. Не смѣлъ никто шевельнуться ни по Богослуженію, ни по жительству, а всякъ считалъ себя ни живымъ, ни мертвымъ. Турки же все то дѣлали съ мущинами и женщинами, что только вздумали и что имъ необузданность и похотливость варварскаго внушала. Дорошенка командировалъ Султанъ съ войсками Турецкими взять городъ Умань, и онъ, осадивъ его, взялъ штурмомъ. Народъ и войска обезоруженные избиваемы были Турками въ глазахъ Дорошенка; не пощажено при томъ ни пола, ни возраста, и все предано мечу и губительству. Кровь по городу текла ручьями

а трупы мертвецовъ валялись кучами. У чиновниковъ городовыхъ и войсковыхъ, по повелѣнію Дорошенка, содраны съ живыхъ кожи и, набитые соломою, отосланы къ Султану въ Чигиринъ, гдѣ онѣ разставлены были около квартиры Султанской и составляли тріумфъ и увеселеніе его. Изъ Умани отправился Дорошенко, по ряду, во всѣ другіе Заднѣпрскіе города, которые сдавались ему безъ всякаго сопротивленія, и онъ спокойнымъ образомъ разграбилъ ихъ безъ милосердія, и, между прочимъ, отнялъ у нихъ нѣсколько тысячь мальчиковъ и ихъ представилъ въ даръ Султану, со многими награбленными пожитками и денежными суммами. Султанъ, повелѣвъ заразъ обрѣзать мальчиковъ по Турецки и сдѣлать ихъ Мусульманами, удовольствовался тѣмъ отъ Дорошенка за сдѣланную ему помощь. Заднѣпрскіе Козаки, видя неистовые поступки Дорошенка надъ собратіею своею, тамошними жителями, и гнусное его дружество съ Турками, сими непримиримыми врагами и гонителями Христіанства, иные перешли на жительство въ Малоросію и въ Слободскіе полки, а другіе, ближайшіе къ границамъ Польскимъ, просили себѣ покровительства у новаго Короля Польскаго, который, принявъ ихъ со всею охотою, опредѣлилъ надъ нимъ Гетманомъ, выбраннаго изъ нихъ же Старшинъ, Евстаѳія *Гоголя*. И сіи Козаки, въ числѣ 14,700 человѣкъ, съ новымъ Гетманомъ своимъ, Гоголемъ, бывъ во всѣхъ дѣйствіяхъ при Королѣ Собіевскомъ, славившемся отличными успѣхами надъ Турками, особенно содѣйствовали ему при побѣдѣ надъ Турецкимъ Визиремъ и его арміею, одержанной при столичномъ городѣ, Вѣнѣ, освобожденномъ тѣмъ отъ Турокъ въ часъ главнаго ихъ на него приступа, въ крайнее одолженіе Императора Нѣмецкаго или Римскаго, Леопольда, имѣвшаго съ Турками несчастную войну и ими выгнаннаго изъ той его столицы, которую Король Собіевскій въ цѣлости ему воротилъ и доставилъ Императору сему счастливый съ Турками миръ.

Въ 1675 году Дорошенко, по дѣламъ своимъ достойно наказанный презрѣніемъ отъ послушнаго ему прежде войска, съ Поляками соединившагось, оставшись въ Чигиринѣ съ одними Чигиринцами и Турецкою гвардіею, состоящею изъ нѣсколькихъ десятковъ Янычаръ, вздумалъ было отдаться въ протекцію Царя Московскаго, и для того, чрезъ посланника своего, Писаря Стебловскаго, отправилъ въ Москву всѣхъ Турецкихъ Янычаръ, представляя ихъ въ даръ Царю, и во увѣреніе того, что онъ болѣе съ Турками держать союза не будетъ. Но какъ въ Москвѣ такому зловредному человѣку всякая протекція и покровительство вовсе отказаны, а Турки, свѣдавъ о предательствѣ Янычаръ, грозили ему живому ободрать кожу и выставить чучелу его на Серальскихъ воротахъ, то онъ принялъ отчаянное намѣреніе обороняться въ Чигиринѣ до потерянія своей жизни. Гетманъ Самуйловичъ, расхаживая съ войсками своими въ Заднѣпріи для прикрытія переходящихъ оттоль поселенцевъ и для удержанія набѣговъ Татаръ и Поляковъ, осадилъ, между тѣмъ, городъ Чигиринъ. Дорошенко, видя въ немъ свою гибель, прибѣгнулъ къ милосердію Самуйло-

вича и просилъ его, чрезъ роднию свою, даровать ему жизнь и опредѣлить мѣсто для уединеннаго окончанія дней своихъ и разкаянія. Самуйловичъ, по убѣдительнымъ просьбамъ, сослалъ Дорошенка на его родину, въ городъ Сосницу, гдѣ онъ, подъ присмотромъ и поруками, жилъ до своей смерти.

Государь Царь Алексѣй Михайловичъ, къ неизчетной горести своихъ подданныхъ и, не меньше того, Малоросіянъ, за кротость его, отмѣнно его любившихъ, 30 Генваря, 1676 г., скончался; но народъ обрадованъ былъ возшествіемъ на тронъ царскій достойнаго сына его, пріемника Федора Алексѣевича. Царствованіе сего Государя началось продолженіемъ непріятельскихъ дѣйствій съ Турками въ пользу Римскаго Императора, Леопольда, имѣвшаго съ ними открытую войну, въ которой, съ Россійской стороны, дѣланы диверсіи. Султанъ, съ своей стороны, дѣлая также вредъ Россіи, выпустилъ изъ Эдикуля Юрія Хмельницкаго, бывшаго нѣсколько разъ въ Малоросіи Гетманомъ, и объявилъ его Княземъ Сарматскимъ или Малоросійскимъ и Гетманомъ Козацкимъ. Войска ему опредѣлены Татарскія подъ командою самаго Хана Крымскаго, и Турецкія, съ Пашею Ибрагимомъ. Хмельницкій, съ тѣми войсками разхаживая въ Заднѣпрской Малоросіи, подговаривалъ народъ тамошній къ соединенію съ нимъ въ протекцію Турецкую, но, не получивъ въ томъ ни мало успѣха, имѣлъ несчастіе видѣть своими глазами многія варварства и неистовыя лютости, произведенныя Турками и Татарами надъ народомъ Рускимъ, ему не покоряющимся. И когда примѣтили Турки врожденное въ Хмельницкомъ сокрушеніе надъ единовѣрнымъ и однороднымъ ему народомъ, то, оковавши его желѣзами, отослали обратно въ Эдикуль Цареградскій, изъ котораго, по времени, произведенъ онъ изъ Князей Сарматскихъ пономаремъ Греческой церкви въ одномъ изъ тѣхъ острововъ, въ которой онъ сосланъ на вѣчное заточеніе.

Султанъ Турецкій, свѣдавъ въ 1677 году, что городъ Чигиринъ, по уничтоженіи Дорошенка и его власти, остался во владѣніи Гетмана Самуйловича, отправилъ для завладѣнія тѣмъ городомъ и его окрестностями многочисленную армію свою, состоявшую изъ Турковъ и Татаръ, подъ командою Хана Крымскаго и Сераскира Паши, Ибрагима, и повелѣлъ имъ, взявши Чигиринъ, идти на Кіевъ и овладѣть онымъ и всею тогобочною стороною. Но не такъ-то дѣлается въ полѣ, какъ располагается Султаномъ въ Сералѣ. Ханъ съ Пашею и со всѣми войсками прибыли къ Чигирину того года въ Іюлѣ мѣсяцѣ и, осадивъ его со всѣхъ сторонъ, окопались подъ нимъ по самыя уши. Гарнизонъ, состоявшій изъ 7,000 пѣшихъ Козаковъ, подъ командою Полковника, Григорія Карповича Коровки, дѣлалъ во всѣхъ предпріятіяхъ непріятеля храброе сопротивленіе и безпрестанными вылазками изъ города всегда его поражалъ. Гетманъ Самуйловичъ и Князь Ромодановскій, бывши съ свойсками своими при Днѣпрѣ, дали знать чрезъ лазутчика въ городъ, о подсылкѣ къ нему свѣжихъ помочныхъ войскъ, и сіи войска, въ числѣ 7,000 пѣхоты, по данному имъ наставленію

и по согласію съ комендантомъ городскимъ, подойдя къ городу ночью, противъ 15 Августа, ударили на станъ Турецкій въ то время, когда изъ города сдѣлана на него вылазка. Пораженіе надъ Турками и Татарами учинено страшное: они, не зная настоящаго числа нападающихъ, пришли въ ужасъ и, бросивши станъ и укрѣпленія, удалились отъ города въ крайнемъ безпорядкѣ. При семъ убитъ и сынъ Ханскій, Османъ-Гирей. Султанъ, отмщевая за сіе пораженіе войскъ своихъ, велѣлъ умертвить съ тріумфомъ предъ сералемъ нѣсколько десятковъ Руских плѣнниковъ, взятыхъ подъ Чигириномъ, и такое подлое варварство почиталось во всемъ Мусульманствѣ славнымъ и богоугоднымъ.

Въ 1678 году, когда Гетманъ съ Княземъ Ромодановскимъ съ войсками своими занимались въ Заднѣпрской Малоросіи укрѣпленіемъ городовъ и устроеніемъ въ нихъ гарнизоновъ, Татары Крымскіе позади ихъ сдѣлали во всѣхъ силахъ своихъ нападеніе на Восточную Малоросію и, прошедъ до города Рославля, причинили въ ней великое опустошеніе, плѣняя народъ и сожигая все, имъ встрѣчавшееся. Въ тоже самое время Турецкая армія приближилась въ другой разъ къ городу Чигирину. Гетманъ съ Княземъ, выступивъ ей на встрѣчу, имѣли нѣсколько легкихъ сраженій, въ обѣ стороны нерѣшительныхъ. Наконецъ, дана генеральная баталія, и Турки ее выиграли. Они, укрѣпившись окопами со множествомъ артиллеріи, отбивались отъ Россіянъ съ утра до ночи и принудили ихъ отступать. Но сіи, отступая, успѣли подкрѣпить городской гарнизонъ свѣжими войсками и, въ помочь къ прежнему начальнику тамошнему, Коровкѣ, оставили въ немъ стольника, Ивана Карповича Ржевскаго. Турки осадили заразъ Чигиринъ и подѣлали около него многіе окопы и насыпи; осажденные, производя изъ города жестокую пальбу и частыя вылазки, уничтожили Турецкія приготовленія и самихъ ихъ нѣсколько разъ отбивали. Но, напослѣдокъ, Турки, подѣлавъ многія мины и подорвавъ ими городскіе валы, учинили генеральный приступъ въ сіи проломы. Гарнизонныя войска, видя неизбѣжную свою гибель, предприняли самое отважное намѣреніе и рѣшились, не отдаваясь вовсе въ плѣнъ, пробиться сквозь непріятеля во что бы то ни стало. Намѣреніе сіе исполнили съ удивительною храбростію и удачею. Они построились въ одну продолговатую толстую фалангу, и когда Турки, пройдя городскіе валы, растянулись въ широкую линію, чтобы обнять городскую внутренность, то Козаки ударили на Турковъ поперекъ ихъ линіи и, сдѣлавши на нихъ сильный залпъ изъ ружьевъ, приняли передовыхъ на копья и, такимъ образомъ, очистивъ себѣ проходъ въ довольную ширину, прошли за городъ въ полномъ порядкѣ и съ малою потерею. Нападавшіе съ тылу Турки повергаемы были копьями, и они, видя великую свою гибель, слабо гнались за Козаками. Однако Козаки въ оборонительномъ состояніи прошли до самаго Днѣпра, а тамо укрылись въ построенныхъ отъ арміи редутахъ и съ нихъ переправясь чрезъ Днѣпръ, соединились съ своею арміею. Войска сіи, оста-

вляя Чигиринъ, положили въ замкѣ его подъ пороховые магазейны зажженные фитили, а пушки также наполнили порохомъ съ фитилями, которые, возгорѣвшись, причинили изъ строеній ужасныя руины и истребили много Турковъ, наполнившихъ собою замокъ, стремясь за добычей. Изъ сихъ пробившихся войскъ составилъ Гетманъ шесть полковъ полевыхъ, Сердюцкихъ, т. е., непремѣнныхъ пѣхотныхъ, какъ они стали за Короля Польскаго, Баторія, и отличались отъ другихъ пѣхотныхъ полковъ реестровыхъ всегдашнею службою при границахъ, когда тѣ возвращались, по окончаніи похода, въ полковыя свои жилища. Жалованья положено имъ было по три рубля на человѣка въ годъ, а старшинамъ по чину каждаго, и мундиръ на два года, состоящій изъ куртки или камзола съ рукавами красной мальвы [186] бумажной, набитый часто бавелнею и выстеганный частыми полосами, и изъ шароваръ суконныхъ голубыхъ, а вмѣсто плащей изъ одного Турецкаго дуломана бѣлаго сукна, называвшагось габою, съ воротникомъ по поясъ. На сіе жалованье и снабдѣніе учредилъ Гетманъ новые поборы съ посполиства по алтыну отъ дыму [187] и покуховную пошлину съ горѣлки, за что возроптаяъ народъ и товариство и поднимали бунты.

По взятіи Турками Чигирина, въ 1679 году покушались они овладѣть всею Заднѣпрскою Малоросіею, и для того, укрѣпивъ нарочито при Днѣпрѣ городъ Черкасы, отправили корпусъ войскъ, составленныхъ изъ Турковъ, Татаръ и Чигиринскихъ Козаковъ, подъ командою нѣкогось Янепка, бывшаго Старшиною при Гетманѣ Юріѣ Хмельницкомъ, который и самъ былъ тогда при войскахъ, но подъ присмотромъ сего Яненка, а ему повелѣно покорять города, при Днѣпрѣ лежащіе. И онъ, во первыхъ, напавъ на городъ Каневъ, истребилъ его огнемъ и мечемъ, произведши неслыханныя варварства надъ таможними жителями при ихъ сопротивленіи. Потомъ, покорилъ другіе города безъ всякаго сопротивленія, яко устрашенные его лютостію; наконецъ, ворвался было и внутрь Малоросіи и раззорилъ многія селенія около Козельца, Носовки, Иркліева и Яблонова, провозглашая при томъ себя Гетманомъ Заднѣпрскимъ. Но выпавшіе въ томъ году необыкновенно глубокіе снѣга и сдѣлавшаясь къ тому крайне жестокая стужа, истребили большую часть людей и лошадей изъ корпуса Яненкова, и онъ, съ остаткомъ, въ силу могъ доволоктись къ городу Черкасамъ. Войска Россійскія при Гетманѣ и Ромодановскомъ расположены были тогда въ Кіевѣ и около онаго въ чаяніи, что всѣ силы Турецкія туда же обратятся; но, свѣдавши о походѣ одного Яненка, посланъ былъ на него сынъ Гетманскій, полковникъ Стародубскій, Семенъ, съ Казачьимъ корпусомъ, который, преслѣдуя убѣгающаго отъ него Яненка, побралъ и раззорилъ города: Черкасы, Корсунь, Драбовку и Мошны, а народъ тамошній перегналъ внутрь Малоросіи.

Турки, принявъ намѣреніе удержать за собою Украину Малоросійскую по Днѣпръ, въ 1680 году возобновили и укрѣпили надъ нимъ города Кизикирменъ и Кадакъ и

введи въ нихъ сильные гарнизоны, которые, сообщаясь съ крѣпостьми и гарнизонами Чигиринскимъ и Черкаскимъ, составляли пограничную цѣпь отъ Малоросіи. Татары Крымскіе, также присвояя владѣнію своему отъ рѣки Конской до вершины рѣки Ворсклы, раззорили и выжгли всѣ селенія Малороссійскія, вдоль и въ окрестности рѣки Мерлы бывшія. Гетманъ, съ войсками своими и Россійскими, прикрывая сторону Кіева и средину Малоросіи отъ нашествія Турецкаго, не могъ воспятить Туркамъ въ ихъ работахъ и укрѣпленіяхъ, ни Татарамъ при впаденіи ихъ въ Восточную Малоросію. Хотя же и посылалъ онъ свои повелѣнія Кошевому Запорожскому Атаману, Сѣрку, чтобы имъ съ войскомъ его учинено было нападеніе на Татаръ, бродившихъ около Мерлы, и на Турковъ, укрѣплявшихъ города около Сѣчи, но сей военачальникъ, видя себя оставленнымъ внутрь тогдашнихъ владѣній Турецкихъ и Татарскихъ, далеко уже отъ границъ Малороссійскихъ, ничего, по повелѣніямъ Гетманскимъ, не начиналъ, а, укрѣпивъ свои зимовники на разныхъ около Сѣчи Днѣпровскихъ островахъ, велъ себя образомъ неутральнымъ и ожидалъ конца посягательствамъ Турецкимъ и войнамъ ихъ съ Россіею и Цезаремъ. А какъ, между тѣмъ, именно въ 1682 году, Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, къ несказанной горести, скончался, а на мѣсто его воцарились младые братья его, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, обыкновенно за младость ихъ иностранцами мало уважаемые, то по тому и Сѣчь Запорожская съ Чигиринскимъ дистриктомъ считалась въ обладаніи Турковъ до заключенія съ ними мира.

Король Польскій, Янъ Собіевскій, присвояя себѣ Заднѣпрскую Малоросію, съ согласія, однако жь, Козаковъ тамошнихъ, бывшихъ съ нимъ въ безпрестанныхъ походахъ противъ Турковъ, по союзу съ Цесаремъ, въ 1683 году, возвращаясь изъ славной оной побѣды надъ Турками подъ Вѣною, опредѣлилъ въ Заднѣпрскіе полки Гетманомъ, выбраннаго Козаками изъ своихъ Старшинъ, Якима *Куницкаго*, на мѣсто убитаго подъ Вѣною Гетмана ихъ, Евстафія Гоголя. Но когда, въ 1684 году, командированъ былъ сей Гетманъ отъ Короля съ своими Козацкими полками въ Бессарабію для поисковъ надъ Бѣлогородскими Татарами, собравшимись идти войною на Венгрію, то онъ, увидя Татаръ въ большемъ числѣ отъ своего корпуса, оробѣлъ и скрылся подлымъ образомъ изъ своихъ полковъ, оставивъ ихъ въ нерѣшимости на произволъ судьбы. Козаки, провозгласивъ заразъ главнымъ начальникомъ своимъ Полковника Брацлавскаго, Димитрія *Могилу*, сдѣлали изъ полковъ своихъ, по его повелѣнію, пѣшую батаву или фалангу и, бывъ окружены со всѣхъ сторонъ Татарами, пробились сквозь ихъ толпы и воротились къ своимъ границамъ благополучно оборонительными мѣрами, а тамъ, сыскавъ убѣжавшаго отъ нихъ Куницкаго, убили его, по приговору всего войска, тупыми концами своихъ ратищъ. Король Собіевскій, утвердивъ Могилу надъ полками Заднѣпрскими Гетманомъ, въ 1685 году командировалъ его съ тѣми полками къ арміи Императора Нѣ-

мецкаго въ помощь на Турковъ, и онъ, проходя Буковину и Валахію, завоевалъ, пограничный съ Венгріею, городокъ Каменку, укрѣпленный Турками и ихъ гарнизономъ, потомъ, соединясь съ арміею Цесарскою, бывшею въ командѣ Текелія, содѣйствовалъ сильнымъ образомъ, выгнать изъ Венгріи Турковъ и Татаръ, разбитыхъ ими во всѣхъ мѣстахъ.

Съ Россійской стороны, не смотря на вредныя для ея движенія Турецкихъ и Татарскихъ силъ, въ началѣ 1686 года предпринята воинскія приготовленія противъ Польши, поводомъ сближенія тридцатилѣтняго съ нею перемирія или срочнаго мира. И для того повелѣно отъ Царей Гетману Самуйловичу вступить съ своими войсками въ предѣлы Литовскіе и Бѣлорускіе и показывать видъ войны наступательной. Гетманъ, исполняя повелѣнія Царскія во всей ихъ точности, выступилъ съ войсками своими, состоящими изъ 40,000 конницы и пѣхоты, къ границамъ Польскимъ и, переправясь чрезъ рѣки Сожъ и Припеть, занялъ города Гомель, Лоевъ и Чернобыль безъ всякаго кровопролитія и грабительства. Сими дѣйствіями подвигнутое къ дѣятельности Правительство Варшавское, согласясь съ Министерствомъ Россійскимъ, давно трактовавшимъ о мирныхъ условіяхъ, заключило, наконецъ, вѣчный между Россіею и Польшею миръ. Трактатъ сего мира подписанъ и ратификованъ, и въ немъ вѣчно уступленъ Россіи городъ Смоленскъ съ его уѣздомъ, а Малоросія оставлена на тѣхъ положеніяхъ, каковы отъ стороны Польской учинены съ нею трактатомъ Зборовскимъ и каковы заключены въ договорахъ съ Россіею при ея съ нею соединеніи. Россіяне, съ своей стороны, обязались защищать Польскія владѣнія отъ Татарскаго нападенія. Успокоившись, такимъ образомъ, Россія отъ стороны Польской, въ 1687 году предприняла походъ самый рѣшительный противу Крыма, съ намѣреніемъ покорить его своей власти, или вовсе раззорить. И для сего собраны многочисленныя арміи, какія давно Россія выводила, и надъ ними, по повелѣнію правительствующей Царевны, Софіи Алексѣевны, принявшей въ семъ году правленіе Государства по молодости братьевъ ея, опредѣленъ главнымъ командиромъ любимецъ сея Царевны, Бояринъ и Князь, Василій Васильевичъ Голицынъ, и у него было Великоросійскихъ войскъ 120,000; при немъ въ товарищахъ, но подъ его руководствомъ, былъ Гетманъ Самуйловичъ съ 60,000 Малоросійскихъ войскъ, конныхъ и пѣшихъ. Арміи сіи двинулись въ своихъ границахъ, одна за другою, однако обѣ вмѣстѣ и по одной дорогѣ или степи. Удивительный и невѣроятный страхъ отъ Татаръ, видно вкоренившійся въ Россіянъ отъ временъ великихъ оныхъ завоевателей, Батыя и Мамая, заставлялъ ихъ держаться вмѣстѣ всѣмъ, претерпѣвая необъятныя отъ того недостатки, стѣсненія и крайнія нужды такъ, что и самая вода почиталась иногда великою рѣдкостію и дороговизною, и торговавшіе ею наживали великія суммы. Въ такомъ, однако, устройствѣ дошли арміи спокойно до рѣки Конской, отдѣляющей земли Запорожскія отъ степей Крымскихъ. За сею рѣкою увидѣли они степь, выжженную на необозримое

пространство во всѣ стороны. Надежда пройти сіи пожарища и найти далѣе для скота паствбы, а не меньше и досада отъ неудачи похода, заставили полководцевъ идти впередъ; но сколько они ни силились преодолѣть крайность и достигнуть своей цѣли, только содѣлывали для войска и скота неизбѣжную гибель. Наконецъ, дошедъ до того, что лошади у конницы и скотъ въ обозахъ провіантскихъ всѣ почти отъ голода пали и запасы харчевые и другіе принуждены бросить и жечь, убѣждены тѣмъ воротиться къ своимъ границамъ и доволоклись къ нимъ съ великою потерею людей и скота отъ холоду и жажды. Неудачу похода сего и претерпѣнное въ немъ великое несчастіе сложили на одного Гетмана Самуйловича. Вина его подходитъ близко къ той баснѣ, въ которой волкъ винилъ овцу, для чего она возмутила ему воду внизу той рѣки, изъ которой сверху ея онъ пилъ. Обвиняли Гетмана, что онъ въ пользу Татаръ велѣлъ впереди себя выжечь передъ собою степь ту, по которой онъ самъ съ войскомъ своимъ шелъ и претерпѣлъ отъ того больше другихъ убытковъ упадкомъ лошадей и потерею запасовъ и экипажей. Въ другое время стали бы разсуждать, что такую обширную степь, по которой проходятъ великія конныя арміи, надобно обнять и зажигать цѣлыми сотнями людей и надобно бы сихъ людей отыскать и уличить тѣмъ Гетмана; стали бы еще судить и о томъ, что ближе всѣхъ выжечь степь самымъ Татарамъ, чѣмъ того ожидать отъ стороннихъ. Но такихъ подробностей тогда не учинено, а довольно было однихъ догадокъ и голословныхъ доносовъ, утвержденныхъ крестнымъ знаменіемъ, и зло оное истреблено съ его корнемъ такъ, что и отголосковъ не осталось. Князь Голицынъ былъ тогда въ самой силѣ при дворѣ Царевны: судъ и милость, животъ и смерть, состояли въ его рукахъ. И такъ, двумъ сынамъ Гетманскимъ, Полковнику Стародубскому, Семену, и Полковнику Нѣжинскому, Григорію, схваченнымъ тайно изъ корпуса, бывшаго противъ Бѣлогородскихъ Татаръ, отрубили обоимъ головы въ городѣ Путивлѣ, и тѣла ихъ зарыты на кладбищѣ абыякъ. [188], безъ Христіанскаго погребенія. Самаго Гатмана, взятаго ночью въ мѣстечкѣ Коломакѣ, въ тамошней церкви, во время слушанія всенощной, и младшаго сына его, Якова, при немъ бывшаго, безъ всякаго спроса и оправданія, завезено въ Сибирь въ заточеніе и скоро объявлено мертвыми. Имѣніе Гетманское и имѣніе сыновъ его Полковниковъ, яко орудіе настоящей вины ихъ, разграблены и разобраны по рукамъ, а недвижимость описана и забрана въ Казну. Доносъ на Самуйловича есть отрыжка старыхъ его враговъ и доносителей. Они появлялись еще съ первыхъ дней его Гетманства, и то были. Полковникъ Стародубскій, уроженецъ Рославскій, и протопопъ Нѣжинскій, Вольховичъ, и другіе, кои за ложь ихъ и фальши осуждены отъ Царя на смерть по законамъ, а Самуйловичемъ прощены по Христіанству. Страшное судилище надъ Самуйловичами и такъ слабыя на нихъ доказательства воздвигнуты тайнымъ ковомъ Асаула Генеральнаго, Ивана Степановича Мазепы, искавшаго давно Гетманскаго до-

стоинства. Онъ, бывши съ молодыхъ лѣтъ при домѣ Самуйловича учителемъ дѣтей; а потомъ любимцемъ его и фаворитомъ, посыланъ нѣсколько разъ отъ него въ Москву съ Козачьимъ, корпусомъ подъ часъ возмущеній Стрѣлецкихъ, и бывъ ученый при томъ приплецъ, или, какъ бы сказать, между слѣпыми одноглазый Король, сыскалъ въ Москвѣ такое обширное знакомство съ придворными и вельможами, что и сами Царевичи довольно его знали и за ученость и бывалость отмѣнно уважали. И такъ нетрудно уже ему было пріобрѣсть довѣренность у Министровъ, и особливо у верховнаго между ними, Князя Голицына. Доносителей на Гетмана также подобрать было не трудно; ибо, отъ частыхъ перемѣнъ Гетмановъ и другихъ чиновниковъ, завелось въ Малоросіи столько ябедниковъ, сколько было желателей подхватить что либо при перемѣнѣ, т. е., ловить рыбу въ мутной водѣ. И сіи доносчики были тѣ самыя Мазепины твари, коихъ послѣ онъ наградилъ отдачею имъ въ аренду разныхъ откупныхъ скарбовыхъ статей и чинами съ прибыточными должностьми. Осталось только подобрать и умножить голоса при выборѣ въ Гетманы. Но сіе такому искуснику, каковъ былъ Мазепа, ни мало было не затруднительно.

Элекція на выборъ Гетмана открыта была 30-го Іюня, 1687 года, въ присутствіи Министра, отъ Двора и Голицына назначеннаго. И какъ, по правамъ войсковымъ и народнымъ сей земли, должно собраться къ симъ выборамъ всѣмъ чинамъ воинскимъ и земскимъ, и выборъ обыкновенно предпочтительно производился изъ особъ первѣйшихъ чинами, заслугами и имѣніемъ, то пока съѣхались всѣ чины, наличные изъ нихъ, предпочитая всѣмъ генеральнымъ Старшинамъ Обознаго Лизогуба, яко особу въ земли всѣми достоинствами первѣйшую, приходили къ нему всякое утро на добрыдень, т. е., съ почтеніемъ. Асаулъ Мазепа то примѣтивъ, подвинулъ тотчасъ всѣ пружины, имъ изобрѣтенныя, чтобы приклонить чиновъ на свою сторону, и, во первыхъ, обдаривъ знатно Секретаря Министерскаго, Башмакова, увѣрилъ чрезъ него самыхъ Министровъ о знатныхъ суммахъ, имъ отъ него назначенныхъ, за выборъ его въ Гетманы и уговорилъ при томъ, чтобы они разгласили между чинами о непреложномъ благоволеніи Двора на выборъ его въ Гетманы, и что они и вся нація чрезъ такаго любимца Царскаго могутъ снискать себѣ благосостояніе, самое надежное. Такая проповѣдь, украшенная обѣтами, тотчасъ подѣйствовала на умы чиновниковъ. Съ перваго утра ея разглашенія обратились всѣ почти чиновники съ своимъ добрыденъ въ квартиру Мазепы, а Лизогуба уже обходили. Мазепа, усовершенствуя свою ролю, осыпалъ посѣтителей всѣхъ родовъ лщеніями, обнадеживаніями и частыми пирушками и, въ день выбора большинствомъ голосовъ, выбранъ онъ Гетманомъ, 25 Іюля, и, по обыкновеннымъ формамъ, утвержденъ въ семъ достоинствѣ. Оставалось *Мазепѣ* выполнить сіи обѣты Министерству, и онъ, съ помощію скарба Малоросійскаго и скарбовыхъ арендарей, жертвовалъ имъ съ лихвою и въ самой скорости.

Гетманъ Мазепа былъ природный Полякъ изъ фамилій Литовскихъ. Онъ, почитаясь изъ Польши бѣжавшимъ по неизвѣстнымъ причинамъ, принятъ первѣе въ домѣ Самуйловича и обучалъ его дѣтей чрезъ 7 лѣтъ, потомъ опредѣлился въ службу Малоросійскихъ реестровыхъ Козаковъ въ Переяславскій полкъ. И какъ сіи Козаки обращались въ безпрестанныхъ почти военныхъ дѣйствіяхъ то съ Поляками, то съ Татарами и Турками, а Мазепа всегда въ нихъ отличался храбростію, предпріимчивостію и всѣмъ воинскимъ искуствомъ, то, бывши за то награжденъ чинами, произошелъ, наконецъ, чрезъ 17 лѣтъ своей службы, съ помощію притомъ и отъ Гетмана Самуйловича, въ чинъ Асаула Генеральнаго. Но въ такіе чины и должности, каковы, по законамъ здѣшней страны, положены по выборамъ изъ природныхъ и осѣдлыхъ чиновъ, онъ никогда производимъ не былъ, ибо осѣдлости и фамиліи здѣсь у себя не имѣлъ, а только, съ первыхъ дней своего пребыванія, вызвалъ къ себѣ изъ Польши родную сестру свою, Ямелю, и выдалъ въ замужство за чиновника Переяславскаго полка, Мировича, и отъ сего супружества имѣлъ въ послѣдствіи племянниковъ и внуковъ, изъ коихъ были Полковники и другіе знатные чиновники Малоросійскіе. Извѣстный знатностью философъ и писатель, Г. Вольтеръ, въ Исторіи своей о Карлѣ XII-мъ, Королѣ Шведскомъ, пишетъ о Мазепѣ, что „онъ былъ породы Польской и воспитанъ въ тамошней сторонѣ Іезуитами, по чему зналъ онъ нѣсколько изящныхъ по тогдашнему наукъ. Но когда онъ служилъ „при дворѣ Короля Польскаго, „Казиміра, то, за любовныя интриги съ женщинами, гонимъ „былъ отъ одного знатнаго вельможи, искавшаго его погубить. „Отъ чего бѣжалъ онъ изъ Польши на дикой Козацкой лошади, „не зная самъ куда. Но лошадь занесла его на свою родину, въ жилище Козаковъ, которые, принявъ „его въ свое общество за знатныя „воинскія заслуги, сдѣлали, со временемъ, своимъ верховнымъ чиновникомъ. А Козаки сіи суть „народъ вольный и храбрый, защищающій вольность свою оружіемъ и готовъ ее всегда защищать противъ всѣхъ народовъ, „ищущихъ имъ порабощенія. Они „за сіе вели недавно долговременную и ужасами исполненную войну съ Поляками, и обратили сію „обширную, но нескладную, Республику въ пустыню. Перемѣна „ихъ протекціи грозитъ имъ паки „рабствомъ; но духъ вольности, „натурально, стремится къ защитѣ своей: онъ подобится пороху, слабому при влагѣ, а свирѣпствующему при огнѣ.“

Со вступленія Мазепы въ правленіе Гетманства первымъ его попеченіемъ было сдѣлать надежныя приготовленія къ походу на Крымъ. И для того чрезъ весь 1688 годъ нѣсколько тысячь Малоросійскихъ лопатниковъ, подъ прикрытіемъ знатнаго числа Козаковъ, дѣлали городъ Самаръ при устьѣ рѣки Самары, названный послѣ Богородичною крѣпостію, гдѣ устроенъ обширный магазейнъ и наполненъ оный великимъ числомъ провіанта и всякими другими запасами. Татары, занимаемые прошлогоднимъ походомъ Россійскимъ въ Крымъ и сеголѣтними къ не-

му пріуготовленіями, не могли сіи года отлучаться изъ Крыма и помогать Туркамъ противъ Цезаря, и потому Цезарь, пользуясь сею диверсіею Россійскою, знатно успѣлъ противъ Турковъ. Онъ 6 Сентября, 1688 года, взялъ приступомъ у Турковъ знатный городъ Бѣлгородъ, прежде бывшую столицу Сербскую при Дунаѣ, разбивъ первѣе подъ симъ городомъ армію Турецкую, чрезъ военачальника своего, славнаго Принца Евгенія, а когда сильный корпусъ Заднѣпрскихъ Козаковъ, подъ командою охочекомоннаго Полковника, Семена Палія, заперъ Бессарабію и руйновалъ въ ней Татаръ при Очаковѣ, Акерманѣ и Киліи, отколь вывелъ множество плѣнныхъ Татаръ и получилъ великія добычи, то плодомъ сихъ побѣдъ было занятіе Цесаремъ Салоники и другихъ околичныхъ городовъ и поддача въ его протекцію Княжества Трансильванскаго съ Княземъ своимъ, Михайломъ Ракоціемъ. Въ началѣ 1689 года предпринятъ Россійскою арміею вторичный походъ въ Крымъ. Войска, ее составлявшія, собрались очень рано весною къ новой крѣпости Самарской, и ихъ было: Великоросійскихъ 75,000, а Малоросійскихъ 50,000. Главнымъ начальникомъ опредѣленъ Царевною прежній Князь Голицынъ, а подъ нимъ Гетманъ Мазепа и Бояре: Долгоруковъ, Шереметевъ, Шеинъ и Шепелевъ. Расположеніе [189] похода сего происходило по планамъ и совѣтамъ Гетмана Мазепы, яко отмѣнно знающаго дѣла воинскія, а паче противъ войскъ Азіатскихъ, и потому походъ былъ благополученъ. Войска отъ Самары выступили первыхъ чиселъ Апрѣля мѣсяца и шли двумя путями, ведущими въ одну сторону, къ Перекопской линіи. Большая часть войскъ держалась рѣка Днѣпра по ея теченію, а другая часть, подъ командою Гетмана Мазепы, шла серединою степей Крымскихъ по вершинамъ рѣкъ Конской, Бѣлозерки и другихъ. Татары, нападавшіе въ разныхъ мѣстахъ на всѣ войска и покушавшіесь зажигать степь и портить воду всякою мертвечиною, были отбиваемы и преслѣдуемы съ великимъ ихъ урономъ, и армія достигла Перекопской линіи 20 Мая, въ полномъ порядкѣ и безъ дальнѣйшей нужды. Крѣпость Перекопская, называемая по Татарски Оръ, обнята была со всѣхъ сторонъ Россійскими шанцами и сдѣлано приготовленіе къ Генеральному на нее приступу. Но Ханъ Крымскій чрезъ посланниковъ своихъ предложилъ миръ, а за грабежъ и раззоренные города поднесъ Голицыну искупъ или военную контрибуцію, состоящую въ бурдюкѣ червонцевъ, между коими нашлась половина фальшивыхъ, и тѣмъ компанія кончена. Войска Малоросійскія явно и грозно роптали на Гетмана своего, что походъ, такъ многотрудный и убыточный, столь слабо конченъ и безъ всякой пользы, и что не допущено ихъ взять города приступомъ и раззорить его въ отмщеніе за многія ихъ селенія, Татарами раззоренныя. Князь Голицынъ, опасаясь отъ сихъ войскъ возмущенія, удалилъ отъ нихъ Гетмана и, нарядивъ его посломъ къ Царямъ и Царевнѣ съ реляціею своею, выправилъ туда тайно со многими Полковниками и Старшинами при своемъ конвоѣ. За прибытіемъ Гетмана въ Москву, принятъ онъ отъ Царей и Царевны

съ отличными знаками милости и почестей и прожилъ тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ полномъ удовольствіи и уваженіи, а только былъ при отъѣздѣ пораженъ несчастнымъ приключеніемъ благодѣтелю его, Князю Голицыну, который, за поворотомъ своимъ изъ арміи, изобличенъ, вмѣстѣ съ Царевною, Софіею Алексѣевною, въ заговорѣ ихъ на правленіе и жизнь Царя Петра Алексѣевича и былъ отъ него лишенъ всѣхъ достоинствъ и имѣнія и сосланъ въ вѣчную ссылку въ Сибирь, а Царевна заперта въ монастырь, многіе же Бояре казнены смертію. И такъ видѣли первое дѣйствіе судьбы Божіей, можетъ быть, отмщевающее за кровь невинно пролитую многихъ Самуйловичей. Остается ея ожидать надъ Мазепою; а то вѣрно уже, что конецъ дѣло блажитъ. Царь Петръ Алексѣевичъ съ сего времени принялъ на себя одного правленіе царства Россійскаго, съ согласія брата своего, Іоанна Алексѣевича, отказавшагось по слабости его сложенія.

Поворотясь Гетманъ Мазепа изъ Москвы, первымъ попеченіемъ имѣлъ осторожность къ своей безопасности, и чтобы неудовольствіе войска, обнаруженное при Перекопѣ, не распространилось навсегда и не произвело даже мщенія за погубленныхъ Самуйловичей, о которыхъ многіе въ войскѣ сожалѣли и явно за нихъ роптали, а изъ доносчиковъ ихъ нашлись нѣкоторые тайно умерщвленными, и для того учредилъ онъ особую гвардію свою: три полка пѣхотные Сердюцкіе, баталіонъ жолдаковъ и полкъ конныхъ Компанейцевъ, названныхъ компаніею надворной корогвы. И всѣ сіи войска вызвалъ изъ охотниковъ, а паче изъ Заднѣпровцевъ и всякой сволочи, и содержалъ ихъ на жалованьѣ въ городѣ Батуринѣ въ околичныхъ селеніяхъ, окружающихъ его резиденцію. Они были у Мазепы его ангелами-хранителями и духами, исполняющими самыя мановенія Гетманскія, и горе человѣку, впадшему въ ихъ руки! Лучшіе чиновники содрогались, увидя у себя въ домѣ кого либо изъ сихъ гвардѣйцевъ, за нимъ присланнаго, а чернію играли они, какъ мячемъ, по чему и ненавидѣлъ ихъ народъ, а войска національныя едва терпѣть могли, и при ихъ паденіи и разрушеніи были они притчею въ людехъ, такъ что, которые изъ нихъ не избиты при перемѣнѣ, тѣ питались заработками самыми низкими и презрѣнными, какъ-то: въ народныхъ баняхъ, винокурняхъ и поденщикахъ.

Въ 1690 году налетѣла въ Малоросію въ первый еще разъ зловредная сарана и истребила всѣ произрастѣнія и засѣвы хлѣбныя до ихъ корня. Она взялась изъ Закубанскихъ и Черкаскихъ степей, отъ Персіи и въ бывшія въ томъ году великія бури, т. е., сильные вѣтры восточные, перенеслась чрезъ Крымскія степи и пала въ Восточной и Полуденной Малоросіи, а оттоль распространилась во всю сію страну. Полетъ ея представлялъ страшныя тучи, затмѣвающія солнце такъ, что въ полдень казалась тьма ночная, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она опускалась, съѣла все произрастающее, даже самыя древесныя листья и погоны, оставляла землю черною, обнаженною и какъ

бы сильнымъ пожаромъ опустошенною. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ недоставало земнаго корму, ѣла людскую цвѣтную одежду, т. е., зеленую, красную и что было сверху крашенное: шапки, поясы и кафтаны. Полетъ ея сопровождался страшнымъ смрадомъ, наполняющимъ воздухъ на далекое разстояніе, а паче по вѣтру. Животное сіе есть изъ самыхъ большихъ насѣкомыхъ пресмыкающихся въ воздухѣ, а подобится тѣмъ прузамъ, кои описываются въ Священномъ Писаніи и зараждаются въ Сиріи, около Египта, въ Абиссиніи или и Ѳіопіи. По чему многіе изъ ученыхъ здѣшнихъ, а паче изъ священства, замѣтили на крыльяхъ ея или больше баснословили, что есть литтеры Ассирійскія, значущія гнѣвъ Божій. И такъ принялись было за набоженство и церковныя заклинанія и выходили многія парафіи съ процессіею церковною на встрѣчу летящей сараны; но когда увидѣли, что сарана садилась на хоругвы церковныя и на ризы священническія и грызла крашенную ихъ матерію, то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея погубленію. Въ тѣлахъ сихъ насѣкомыхъ не замѣчено ничего смертоноснаго, и нѣкоторыя животныя земнородныя, какъ то: собаки, свиньи и птицы, пожирали ихъ съ жадностію. Правительства гражданскія изобрѣли, по времени и по опытамъ, два надежныя средства къ истребленію сей сараны: одно выпахивать [190] осенью ея сѣмена, которыя кладетъ она въ рыхлую землю, а другое обводить рвами ту часть земли, въ которой выводится она и ползаетъ еще молодою, какову можно загнать во рвы и тамо пережечь. Не смотря на великій вредъ, причиненный сараною и на чрезвычайную скудость въ пропитаніи людей и скота, войска Малоросійскія и въ семъ году имѣли свои дѣйствія. Знатный ихъ корпусъ подъ командою Асаула Генеральнаго, Ломиковскаго, держалъ въ блокадѣ своей чрезъ два лѣта Очаковъ и Буджакъ, города Татарскіе, и форштаты ихъ и околичныя селенія разграбилъ и выжегъ до основанія. При семъ освобождено многое число обоего пола плѣнныхъ Христіанъ, набранныхъ Татарами разновременно изъ Валахіи, Венгріи, Польши и Россіи, и забрато самыхъ Татаръ также премножество, а скота ихъ и лошадей выгнато отъ нихъ число безсчетное, и вся добыча, полученная въ жилищахъ Татарскихъ, значила великія суммы, кои раздѣлены частію на войска, а частію на Гетмана и въ скарбъ національный. Другой же корпусъ Козацкій, подъ командою Полковниковъ, перемѣняясь чрезъ три мѣсяца, стоялъ при крѣпости Самарской и посылалъ партіи свои до рѣки Конской для примѣчанія за Крымскими Татарами и удержанія ихъ отъ набѣговъ въ границы и сикурсированія Ордѣ Бессарабской во время посѣщенія ихъ Ломиковскимъ.

Заднѣпрскіе Козаки подъ командою Полковника Винницкаго, Самуся, акомпанируя корпусу Ломиковскаго, играли такую же роль съ Татарами въ другой части Бессарабіи, за рѣкою Днѣстромъ. Они, напавъ на Татаръ около городовъ Акермана и Киліи, потребили ихъ жилища, угнали скотъ и самихъ полонили до нѣсколько тысячъ, при

чемъ освободили многихъ плѣнниковъ Христіанскихъ и разослали ихъ въ свои отечества, въ Венгрію, Польшу и Россію. Награжденіемъ Самуся было опредѣленіе его отъ Гетмана Мазепы въ Наказные или Полевые Гетманы. Король Собіевскій, благодаря Самусю за освобожденіе Польскихъ плѣнниковъ, прислалъ ему клейноды Полеваго Гетмана съ знатными подарками. И надобно знать, что Заднѣпрскіе Козаки, или полки тамошніе, состоявъ всегда подъ верховнымъ начальствомъ Малоросійскаго Гетмана и бывши признаны таковыми и послѣднимъ Россійскимъ съ Польшею мирнымъ трактатомъ, имѣли, однако, у себя особыхъ Гетмановъ Полевыхъ или Наказныхъ, зависимыхъ отъ Великаго Гетмана Малоросійскаго, изключая тѣхъ, кои въ революцію то отъ Польши, то отъ противныхъ партій, незаконно поставлены были. И сіи Козаки долго удерживали при томъ свободу свою, заведенную въ самой неизвѣстной древности и употребительную у всѣхъ вольныхъ народовъ, чтобы воевать за ту изъ иностранныхъ державъ, за которую согласятъ ихъ подарками, а найпаче общими національными выгодами. По сему-то и воевали они съ Королемъ Собіевскимъ за Цесаря Нѣмецкаго на Турковъ и Татаръ, а за Турковъ и Татаръ воевали на Польшу. И сія свобода видна въ самомъ стройномъ состояніи Малоросіи и во всемъ ея войскѣ, т. е., во дни Гетмана Вышневецкаго, когда воевали они за Царя Россійскаго на Турковъ и Татаръ, при Астрахани, и за Гетмана Богдана Хмельницкаго, какъ онъ, бывши уже подъ державою Россійскою, посылалъ сильный корпусъ свой на Цесарцевъ и Поляковъ, въ помощь Королю Шведскому. Поводомъ оной свободы въ Заднѣпріи оказался великимъ воиномъ Семенъ Палій. Онъ, бывши родимецъ Малоросійскаго города Борзны, женился въ городѣ Хвастовѣ и, бывъ первѣе Полковникомъ охочекомонным, потомъ произведенъ отъ Гетмана Мазепы въ Полковники реестровыхъ Козаковъ Хвастовскіе. Но, сверхъ сего полка, держалъ онъ при себѣ и охочекомонныхъ Козаковъ на своемъ жалованьѣ или съ удѣла добычи, и всегдашнее съ ними упражненіе было воевать за всѣхъ, кто бы его ни позвалъ, какъ бы на толоку. Такимъ образомъ воевалъ онъ, вмѣстѣ съ Королемъ Польскимъ, Собіевскимъ, за Цезаря Нѣмецкаго противъ Турковъ, воевалъ и отъ Турковъ противъ партіи Собіевскаго. Между тѣмъ велъ безпрестанныя войны со всѣми Татарами за отгонъ ими плѣнниковъ изъ державъ Христіанскихъ, коихъ онъ у нихъ отбивалъ и возвращалъ въ прежнія жилища, и за то обсылаемъ былъ отъ Государей и владѣтелей тѣхъ народовъ знатными подарками и почестьми; да и отъ самыхъ Татаръ взымалъ нѣсколько разъ знатныя контрибуціи, а паче когда взялъ было въ плѣнъ самаго ихъ Хана, Османъ Гирея, и нѣсколько Ханскихъ Калгіевъ. Тутъ они не щадили и самыхъ остатковъ сокровищъ предка ихъ, Чингисъ-Хана, ибо Батыевы сокровища, награбленныя въ Россіи, истощилъ уже у нихъ Запорожскій Кошевой Сѣрко, которому Палій во многомъ подобился. И онъ жилъ себѣ, какъ владѣтельный Князь, въ полной славѣ и изобиліи, признавая, впрочемъ, верховнымъ начальни-

комъ надъ собою Малоросійскаго Гетмана и исполняя всѣ его предписанія, до службы войсковой и внутренняго устройства касающіясь. Но зависть человѣческая, обыкновенная сопутница счастливцевъ, не приминула гнать и Палія съ той стороны, съ которой онъ и не чаялъ. Вельможи Польскіе, сіи министры правленія народнаго, обуревающіе всегда власть Королевскую, злобясь на Палія за партизанство его съ Королемъ, опасное ихъ могуществу, схватили Палія тайно на проѣздѣ его въ Кіевъ по набоженству и завезли въ крѣпость Магдебургскую на вѣчное заточеніе, гдѣ просидѣлъ онъ въ заключеніи около года. Козаки его командованія, которыхъ онъ составлялъ все благополучіе и самое бытіе, нахватали было многихъ знатныхъ Поляковъ въ свое заключеніе, чтобы обмѣномъ ихъ выручить Палія, но ни мало въ томъ не успѣли, ибо по представленіямъ Правительства Польскаго велѣно отъ Царя и Гетмана сихъ заключенныхъ освободить. Они по такой неудачѣ прибѣгли къ хитрости: и какъ во всю Польшу и часть Германіи безпрестанно выходятъ изъ Малоросіи купеческіе караваны большыми воловыми обозами съ пшеномъ, волною, разными кожами и другими продуктами, то они, снарядивъ великій обозъ на воловыхъ фурахъ и наложивъ на нихъ по части всѣхъ своихъ продуктовъ, помѣстили при нихъ фурщиками и внутри фуръ, покрытыхъ волною и кожами, до 300 Козаковъ съ ихъ сбруею и, такимъ образомъ, подойдя къ городу, Магдебургу, упросились съ обозомъ ночевать въ городѣ, а воловъ выгнали на наемную отъ города пастьбу, за которую дорого заплатить обѣщались. Въ наступившую ночь, когда въ городѣ все успокоилось, Козаки, вышедши изъ фуръ, пробрались тихо къ крѣпости, въ которой заключенъ былъ Палій и о которой завременно они развѣдали, схватили осторожно привратниковъ и другихъ нужныхъ стражей, за тѣмъ освободили Палія и взяли его съ собою, а съ нимъ увезли и 4 легкія пушки съ ихъ снарядами, въ городѣ же оставили порожнія фуры съ чучелами людей, якобы спящихъ подъ напредками. [191] И такъ собравшись прошли они всю ночь и часть дня, пока осмотрѣлись городскіе начальники и жители; но погоня ихъ была непродолжительна и безуспѣшна, а Козаки, проходя Польшу, разграбили многихъ Вельможъ, участвовавшихъ въ заключеніи Паліевомъ, и наградили свои убытки съ процентами. Вельможи Польскіе не приминули мстить Палію и дѣлать за нимъ поисковъ. Они, соглася Гетмана Короннаго Польскаго, мимо воли Королевской, отправили на него корпусъ войскъ наемныхъ иностранныхъ, т. е., Гусарскіе полки и Нѣмецкую пѣхоту, такъ называемаго чужеземнаго регименту, съ артиллеріею. Палій, провѣдавъ о семъ завременно, скрылъ свое войско въ лѣсахъ и садахъ за городомъ Хвастовомъ, и какъ только корпусъ Польскій приблизился къ городу тому, съ намѣреніемъ на него напасть, то Палій, напавъ нечаянно съ двухъ сторонъ на непріятеля, разбилъ его и разогналъ во всѣ стороны, а обозы и всю артиллерію получилъ въ добычу. Поляки не удовольствуясь симъ покушеніемъ, собрали еще другой корпусъ войскъ, большій перваго, со

многими волонтирами изъ знатной Шляхты и своихъ паничей, отправили его на Палія подъ командою изъ Венгровъ Полковника Рустича. Палій, узнавъ о превосходныхъ силахъ Польскихъ, пригласилъ къ себѣ, мимо знанія Наказнаго Гетмана, Самуся, Полковниковъ Заднѣпрскихъ: Абазу и Искру и другихъ съ ихъ полками, упредилъ съ ними Поляковъ и, напавъ на нихъ подъ городомъ Бердичевомъ на самомъ разсвѣтѣ, разбилъ ихъ на голову, такъ, что не многіе, оставшіесь въ живыхъ, убѣжали въ замокъ Майжелевскій съ командиромъ своимъ, Рустичемъ, который, бывши спущенъ ночью по веревкѣ съ каменной замковой стѣны, по примѣру Апостольскому въ Дамаскѣ, бѣжалъ проповѣдывать Полякамъ о своемъ пораженіи, а остальныя войска свои вбросилъ на жертву Козакамъ и обозы съ запасами въ ихъ добычу. Гетманъ Мазепа, не смотря на своевольную зацѣпку Поляковъ, не безъ причинъ считалъ и съ своей стороны произшествія Заднѣпрскія оскорбительными для обоюдныхъ мирныхъ трактатовъ, Польскаго и Рускаго, а можетъ быть и отъ обоихъ сихъ Дворовъ таковыми ихъ почитали. Но, зная при томъ неуступчивый духъ Паліевъ и страшный характеръ его, сложилъ всю вину на Наказнаго Гетмана, Самуся, яко на главнаго той стороны начальника, и для того требовалъ его къ отвѣту. Самусь заразъ прибылъ къ Гетману, подтвердилъ клятвами свою невинность и сложилъ тогда же должность Наказнаго Гетмана, и клейноды на сіе званіе вручилъ Мазепѣ, а самъ упросился быть Полковникомъ Богуславскимъ, чѣмъ онъ и оставленъ. Палія же, довольное спустя время, призвавъ къ себѣ Мазепа подъ предлогомъ воинскихъ распоряженій, тотчасъ арестовалъ и осудилъ на вѣчную ссылку въ Сибирь, а имѣніе его, состоящее въ великихъ сокровищахъ и пожиткахъ, конфисковалъ на скарбъ войсковой, обыкновенно не безъ своего удѣла. Палій, побывъ 15 лѣтъ въ заточеніи, освобожденъ изъ него Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ предъ извѣстною Полтавскою баталіею со Шведами, на которой, оказавъ чудеса храбрости и отваги, убитъ, наконецъ, пушечнымъ ядромъ.

Ханъ Крымскій, Исламъ Гирей, вѣдая о недовольствѣ многихъ Малоросійскихъ чиновниковъ и самыхъ войскъ на своего Гетмана за излишнія его строгости и великія сдирства и, знавъ еще о таковыхъ неудовольствіяхъ Великоросійскихъ Бояръ на своего Государя, вводившаго въ правленіе свое и войско многія новости, предпріялъ было завесть въ Малоросіи возмущеніе, конечно по планамъ правительства Турецкаго. И для того вызвалъ къ себѣ секретно въ Крымъ Канцеляриста войсковаго, любимца Мазепина, близкаго сродника знатному чиновнику Заднѣпрскому, Искрѣ, который, проѣхавъ первѣе въ Сѣчь Запорожскую подъ видомъ посланничества Гетманскаго, пробрался оттуда въ Крымъ. Ханъ, свѣдавъ отъ него о дальнѣйшихъ тайнахъ правительственныхъ и о состояніи сильнагоГосударства Россійскаго, обнадежилъ его возведеніемъ въ достоинство Гетманское и, 1692 года, зимою, выправилъ Петрика съ знатнымъ корпусомъ Татаръ внутрь Малоросіи,

въ городъ Переяславль, чтобы въ немъ провозгласить его Гетманомъ и соединиться съ войсками, преданными Палію, а недовольными Мазепою. Корпусъ сей удачно прошелъ пустую Заднѣпрскую степь до Чигринъ-Дубровы, а оттоль пробрался на Золотоношу и Домонтовъ до Переяславля, но свѣдавъ тутъ, что Есаулъ Генеральный, Гамалія, съ сильнымъ Козачьимъ корпусомъ преслѣдуетъ его со стороны Полтавы и заходитъ ему въ тылъ, бросился, во всей опрометчивости, бѣжать прежнимъ своимъ путемъ и захватилъ въ плѣнъ всѣхъ людей, на пути ему попадавшихся. Гамалія, преслѣдуя бѣгущихъ Татаръ, отнялъ у нихъ плѣнниковъ, разбросанныхъ по пути, но самихъ настигнуть и поразить не могъ. Въ 1693 году и послѣдующіе за нимъ три года, Петрикъ оный, съ Крымскими и Бѣлогородскими Татарами, подъ начальствомъ сына Ханскаго, Нурадинъ Султана, водился при границахъ Малоросійскихъ и нападалъ разновременно на селенія Полтавскаго, Миргородскаго и Переяславскаго полковъ, проповѣдуя въ нихъ себя Гетманомъ, яко бы отъ Султана Турецкаго, въ пріемство по Юрію и Дорошенку, устроеннымъ, и разглашая при томъ, что и Гетманъ Мазепа тайно на сіе согласуетъ, яко онъ есть его побочный сынъ и единственный по немъ наслѣдникъ. Но какъ народъ Малоросійскій о такихъ наслѣдствахъ и пріемствахъ, а не меньше о союзахъ и покровительствахъ Турецкихъ, и слышать не хотѣлъ, и вездѣ, гдѣ онъ ни показывался, принималъ противъ него оборонительныя мѣры и всячески ему противился, то Петрикъ, злобясь на народъ, раззорялъ и сожигалъ его селенія, а людей забиралъ въ плѣнъ. Гетманъ Мазепа, въ отраженіе разсѣваемой на него Петрикомъ, такъ постыдной и нелѣпой, клеветы, поступилъ тому, кто его достанетъ живаго или мертваго, 1000 талеровъ и публиковалъ о томъ письменными листами, выставленными въ пограничныхъ селеніяхъ, а для поисковъ надъ нимъ и Татарами командировалъ три сильные корпуса Козацкіе: одинъ подъ командою Полковника Кіевскаго, Коровки, и Переяславскаго, Ивана Мировича, другой подъ командою Полковника Черниговскаго, Якова Лизогуба, а третій подъ командою Полковниковъ, Галяцкаго, Михайла Боруховича, и Миргородскаго, Данила Апостола. Корпуса сіи поражали Татаръ вездѣ, гдѣ только достигнуть ихъ могли. Полковники, Коровка и Мировичь, гнавъ ихъ отъ Домонтова до самаго Очакова, раззорили весь тамошній округъ, предавая огню и мечу все, имъ встрѣчавшееся. А когда на защищеніе Очаковскихъ посадовъ вышло было изъ города нѣсколько тысячь Турковъ, то они, разбивъ ихъ на голову, 3,000 [192] Янычаръ съ двумя знаменами взяли въ плѣнъ и завоевали при нихъ семь пушекъ. Полковникъ Лизогубъ, преслѣдуя Татаръ до жилищъ ихъ Буджацкихъ, опустошилъ округъ сей огнемъ и мечемъ и много выгналъ оттуда своихъ плѣнныхъ, забравъ въ плѣнъ самыхъ Татаръ, со множествомъ лошадиныхъ и скотскихъ табуновъ и другихъ Татарскихъ пожитковъ. А Полковники, Боруховичь и Апостолъ, разбивъ Татаръ около мѣстечка Соколки, загнали ихъ въ устье рѣки Ворсклы цѣлыя тысячи. Всѣ ихъ вьюки

съ запасами и всѣхъ плѣнниковъ Рускихъ отняли у нихъ, считая, однако, при томъ великою потерею погибшаго отъ Татаръ охочекомонного Старшину, Якима Вечорку. Онъ, бывши прежде въ охочекомонномъ Паліевомъ полку, имѣлъ при себѣ небольшую партію свою изъ охотниковъ и самыхъ удальцовъ, жившихъ при немъ изъ добычи. Всегдашнее упражненіе сего Вечорки было служить при всѣхъ тѣхъ Малоросійскихъ корпусахъ, которые были въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Такимъ образомъ, приставъ онъ къ сему корпусу, дѣйствовалъ, съ партіею своею, на Татаръ съ отличнымъ и удивительнымъ мужествомъ и храбростію, и побужденіемъ, видно, поступленныхъ Мазепою талеровъ всегда напускалъ въ средину Татаръ и искалъ Петрика, и посему-то схваченъ онъ такъ, что другія войска примѣтить того не могли, и умерщвленъ Татарами тиранскимъ образомъ, что примѣчено на тѣлѣ его, изуродованномъ на многихъ мѣстахъ варварски. Но и Петрикъ тутъ же погибъ отъ удара, видно, Вечоркина. Трупъ его найденъ между Татарскими, пробитый на сквозь копьемъ и повѣшенный на крюкъ при мѣстечкѣ Кишенькахъ, съ надписью: „Бунтовщикъ и возмутитель народный.“

Въ 1694 году, во время похода войскъ Татарскихъ изъ Крыма и Бессарабіи къ границамъ Цесарскимъ, Гетманъ Мазепа, прикрывая со всѣми войсками своими границы Малоросійскія отъ ихъ впаденія, держалъ кордонъ отъ устья Самары до рѣки Днѣстра и самъ стоялъ лагеремъ у устья рѣки Синюхи и устроилъ тамъ земляный ретраншаментъ или обширный замокъ, по распоряженію Писаря Генаральнаго, Орлика, знавшаго работу инженерную, почему онъ и Орликомъ назвался. По удаленіи же Татаръ въ Валахію, повелѣлъ Гетманъ Запорожскимъ Козакамъ напасть на Перекопскую ихъ линію и тамошнюю крѣпость, и показывать видъ впаденія въ Крымъ, чтобы сею диверсіею отвлечь Татаръ отъ Венгріи. Для сего командировалъ въ помощь Запорожцамъ пять полковъ охочекомонныхъ или компанейскихъ подъ командою Полковниковъ ихъ, Федорины и Кожуховскаго. Войска сіи, во все лѣто штурмуя линію, взяли на ней три каменныя каланчи или круглыя батареи, построенныя на отмѣляхъ Гнилаго моря, называемаго Сивашемъ, забрали въ плѣнъ 60 человѣкъ Турковъ и нѣсколько сотъ ихъ убили, да отняли 8-мъ пушекъ и 5-ть знаменъ. Изъ главной ставки Гетманской посланные къ Очакову и Буджаку, съ деташаментами Козацкими, Полковники: Боруховичь и Коровка, пригнали нѣсколько сотъ Турковъ и Татаръ и нѣсколько тысячь ихъ скота и лошадей, и доказали то, что Татары отъ Венгріи начали возвращаться для защищенія своихъ семействъ. А Гетманъ отправилъ всѣхъ плѣнниковъ и ихъ знамена и пушки въ Москву чрезъ Полковниковъ, Мировича и Боруховича, кои получили отъ Государя знатные подарки, а къ Гетману благодарственные отзывы.

Въ 1695 году Государь Царь Петръ Алексѣевичь съ арміею своею предпріялъ первый походъ для завоеванія Турецкаго города, Азова, и городъ сей дѣйствительно,

но всѣмъ правиламъ воинскимъ осадилъ, а Гетмана Мазепу съ войсками Малоросійскими, и Боярина, Бориса Петровича, Шереметева, съ корпусомъ войскъ Великоросійскихъ, командировалъ внизъ рѣки Днѣпра, для осады тамошнихъ Турецкихъ и Татарскихъ городовъ и озабочиванія Татаръ, чтобы они не могли помогать Азову. Походы Гетмана и Шереметева сопровождались великими успѣхами. Они въ одно лѣто овладѣли 14 каменными Турецкими городами, и войска тамошнія съ жителями и начальниками забрали въ плѣнъ и разослали по Малоросійскимъ городамъ подъ стражу. Изъ тѣхъ же взятыхъ городовъ, Кизикирменъ и Кинбурнъ раззорили до основанія и предали запустѣнію, а на островѣ Таванѣ каменную крѣпость съ землянымъ валомъ подкрѣпили и оставили въ ней свой гарнизонъ изъ Козаковъ Малоросійскихъ и Запорожскихъ. Государь же въ сіе лѣто Азова взять не могъ, по причинѣ измѣны одного артиллерійскаго офицера, иностранца, Якова Янсона, который, заклепавъ всѣ осадныя пушки, предался къ непріятелю въ Азовъ, а не менѣе и по тому, что Государь недовольно у себя имѣлъ судовъ и города ими съ морской стороны осаждать не могъ, а Турки, напротивъ того, имѣвъ достаточную флотилію, дѣлали въ городъ изъ моря всякое пособіе, и нетолько съѣстными и другими запасами снабдили его съ изобиліемъ, но и свѣжими войсками довольно подкрѣпили. И такъ Государь, оставивъ въ одной только занятой каланчѣ достаточный гарнизонъ, отправился самъ для распоряженія на будущую кампанію въ Москву.

Пріуготовленіе ко второму походу на Азовъ и распоряженіе къ оному пребудутъ вѣчно достопамятны въ Исторіи Руской и они всегда прославлять станутъ премудрость Монарха, распоряжавшаго съ такимъ благоразуміемъ, и усердіе Россіянъ, содѣйствовавшихъ волѣ Монаршей съ безпримѣрною ревностію. Въ 10 почти мѣсяцевъ на рѣкахъ, впадающихъ въ Донъ, а изъ него въ Азовское море, сооружена была такая флотилія, какая и у старыхъ приморскихъ державъ вѣками только сооружается. Вдругъ покрыли Азовское море военные корабли, галеры, бригантины, галіоты и другія морскія суда, и ихъ считалось до 700, въ такой странѣ, которая о мореходствѣ прежде и понятія не имѣла. Построеніе этой многочисленной флотиліи совершено раскладкою матеріаловъ и работниковъ на достаточныхъ помѣщиковъ и обывателей, въ чемъ и монастыри, наравнѣ съ другими, съ усердіемъ участвовали, а успѣхъ происходилъ отъ соревнованія Россіянъ на пользу отечества и Монарха своего. Мастера же были выписаны изъ иностранныхъ морскихъ державъ, а паче изъ Голландіи. Походъ къ Азову открытъ весною 1696 года. Въ число многочисленной Россійской арміи вступило Малоросійскихъ войскъ 15,000, а надъ ними Наказнымъ Гетманомъ опредѣленъ Мазепою Полковникъ Черниговскій, Яковъ Лизогубъ, и Полковники: Гадяцкій Боруховичь, Прилуцкій Горленко, Лубенскій Свѣчка, да Компанейскіе Федорина и Кожуховскій, а Гетманъ Мазепа, со всѣмъ Малоросійскимъ войскомъ, составлялъ обсерваціонный корпусъ на степяхъ Крымскихъ и наблюдалъ, чтобы Ханъ Крымскій, съ

своими Ордами, не напалъ въ тылъ арміи подъ Азовомъ, и онъ многія такія покушенія Татарскія отвращалъ съ успѣхомъ. Войска Малоросійскія командованія Лизогуба, съ ихъ обозами и артиллеріею, по назначенію Государя, расположены были за Азовомъ отъ стороны Кубанской, для воспященія сообщенія съ городомъ Ордамъ Кубанскимъ. Всегдашнее бдѣніе сихъ войскъ въ ихъ препорученіи много способствовало войскамъ, осаждающимъ городъ, а осажденныхъ крайне стѣсняло въ городѣ. Татаре Кубанскіе не преставали нападать на станъ Козацкій, укрѣпленный обозами, артиллеріею и окопными батареями, но Козаки всегда ихъ отбивали и самихъ поражали съ желаемымъ успѣхомъ. Турки городскіе при нападеніи Татаръ всякой разъ рвались имъ пособлять вылазками изъ города, но равную съ тѣми имѣли участь и гонимы были отъ Козаковъ въ самый городъ съ великою потерею людей убитыми и въ поленъ взятыми, а въ послѣднюю таковую вылазку, сдѣланную Турками 17 числа Іюля, Козаки, отбивши ихъ отъ стана своего, вогнались въ самый городъ и овладѣли однимъ городскимъ болверкомъ съ четырьмя въ немъ большими пушками, въ которомъ укрѣпившись и прибавивъ къ тому 9 пушекъ своихъ, произвели внутрь города сильную пальбу, продолжавшуюсь безпрерывно цѣлыя сутки. А какъ въ ту пору и отъ стороны арміи, на поднятыхъ выше городскаго вала траншейныхъ батареяхъ, производилась по городу еще сильнѣйшая пальба, и была оная Туркамъ крайне раззорительна, то они 18 Іюля выставили на батареѣ бѣлое знамя и просили мира, который имъ и дарованъ, а городъ 19 числа, по указу Царскому, занятъ Бояриномъ и Воеводою Алексѣемъ Васильевичемъ Шеиномъ.

Государь, возвращаясь изъ сего похода, призвалъ къ себѣ изъ степей Крымскихъ въ городъ Острогожскъ или Рыбное, Гетмана Мазепу, благодарилъ его за успѣхи воинскіе и уѣхалъ въ Москву торжествовать оные. Потомъ, продолжая Государь противъ Турковъ и Татаръ дѣйствія, повелѣлъ Гетману Мазепѣ и Князю Якову Федоровичу Долгорукому, прикрывать войсками своими захваченные у нихъ города и страны и покушаться на завоеванія ихъ вновь, а паче на взятіе Очакова, самъ же Государь отправился, въ числѣ посольства своего, въ чужіе краи для союзовъ и ради примѣчанія того, что въ нихъ лучшее и ко введенію въ своей землѣ полезнѣйшее. И по сему Гетманъ и Князь Долгорукій въ 1697 году, отправясь съ войсками сухимъ путемъ и судами водными, встрѣтили въ Лиманѣ Днѣпровскомъ Турецкаго Исламъ Пашу, командированнаго Великимъ Визиремъ для занятія опустошеннаго Россіянами города, Кизикирмена, а самъ Визирь, разъѣзжавшій большимъ флотомъ по Черному морю, покушался отнять у Россіянъ крѣпость на островѣ Тавани. Гетманъ, опрокинувъ заразъ Исламъ Пашу съ его войскомъ и флотиліею, прогналъ его отъ Кизикирмена и, подчинивъ сей городъ, ввелъ въ него свой гарнизонъ съ артиллеріею. Но когда выступили за симъ къ Тавани, съ намѣреніемъ подкрѣпить тамошній гаризонъ, то увидѣли крайнюю невозможность пересилить легкою флотиліею своею большой флотъ Визи-

ра и осаждать съ моря Очаковъ. И такъ, сдѣлавъ нѣсколько сраженій съ передовыми судами Визирскими и подкрѣпивъ Таванскую крѣпость войскомъ и провіантомъ, возвратились на зимовье въ свои границы. Визирь, по отступленіи войскъ Россійскихъ, не преставалъ нападать на крѣпость Таванскую; онъ дѣлалъ при ней высадки, рылъ подкопы, кидалъ въ крѣпость бомбы и гранаты, но все было тщетно. Осажденные, отражая покушенія Турецкія, частыми вылазками своими причиняли имъ великое пораженіе и всѣ ихъ намѣренія уничтожали. По сему Визирь, отчаявшись въ своихъ предпріятіяхъ произвесть ихъ силою, приступилъ къ хитрости и сулилъ великія тысячи командующимъ гарнизономъ и на всѣхъ воиновъ давалъ по шести левовъ своихъ денегъ, съ тѣмъ договоромъ, что онъ ихъ отвезетъ къ Рускимъ границамъ со всѣмъ багажемъ и аммуниціею, увѣряя при томъ, что они брошены Гетманомъ умышленно для ихъ истребленія, дабы не вышло наружу, что и онъ побралъ отъ него великіе подарки за уступку крѣпостей оныхъ. Войска Малоросійскія съ презрѣніемъ отказали Визирю въ его подкупахъ и посулахъ и объявили торжественно, что они имѣютъ свою честь и совѣсть, хотя бы всѣ Гетманы и Визири вовсе ихъ не имѣли, и что устроенные на ихъ Руских землях непріятельскіе города, кровію ихъ завоеванные, не иначе, какъ за такую же цѣну уступить могутъ. Визирь, устыдясь въ неудачахъ на его искушенія, принужденъ былъ удалитѣся отъ крѣпостей и оставить ихъ свободными.

Въ 1698 году при городѣ Кизакирменѣ и крѣпости Тавани равныя прежнимъ происходили сцены. Турки отъ воды, а Татары отъ степей, окружили ихъ съ самой весны и дѣлали на нихъ разныя покушенія; но Гетманъ Мазепа и Князь Долгорукій, съ войсками своими и флотиліею, поспѣшивъ къ нимъ на помощь, поразили непріятеля во всѣхъ его пунктахъ и принудили къ отступленію. Они, снабдя гарнизоны свѣжими войсками и запасами, прикрывали ихъ чрезъ все лѣто и дѣлали свои покушенія на городъ Очаковъ. Но какъ флотилія Россійская еще все слаба была противъ флота Турецкаго, разъѣзжавшаго при Очаковѣ, то всѣ дѣйствія воинскія состояли въ сію компанію въ наѣздахъ съ обѣихъ сторонъ и шермниціяхъ, при чемъ всегда верхъ одерживали Россіяне, и отъ того имѣли они у себя 715 плѣнныхъ Турковъ и Татаръ, 9 пушекъ ихъ и 11 знаменъ, со множествомъ лошадей и скота Татарскаго, и съ тѣмъ воротились въ глубокую осень къ своимъ границамъ, снабдивъ при отходѣ оставленныя крѣпости всѣмъ нужнымъ и, сверхъ того, учредивъ при пограничной крѣпости Самарской нарочитый резервный корпусъ изъ отборной конницы Малоросійской, который держалъ разъѣзды свои до Кизикирмена и навѣдывался о состояніи тамошнемъ. Между тѣмъ воротился Государь изъ путешествія своего въ чужіе краи, призвалъ къ себѣ въ Воронежъ Гетмана Мазепу и почтилъ его знатными подарками, въ благодарность за воинскіе подвиги. Война съ Турками кончена 1699 года, и миръ съ ними заключенъ для Россіи на 30, а съ Императоромъ Леопольдомъ на 20 лѣтъ. Трактатъ мирныхъ условій подписанъ въ Карловичѣ того го-

да, Генваря 26 дня, и по сему уступлены отъ Турковъ Императору часть Венгріи, Трансильваніи и Славоніи по рѣку Саву, а Россіи городъ Азовъ съ его окрестностями; другіе же Турецкіе города и укрѣпленія, за Россіею бывшіе, положено срыть и вовсе уничтожить. По сему гарнизонныя Россійскія войска, выступая изъ тѣхъ укрѣпленій, срыли и подорвали ихъ до основанія, и видны многія таковыя развалины внизу рѣкъ Днѣпра и Дона и по рѣкѣ Конской.

Войска Малоросійскія, собравшись изъ походовъ и гарнизоновъ въ свои жилища, имѣли секретныя предписанія готовиться къ новымъ походамъ противъ Шведовъ, которымъ отъ Государя готовлена война по союзу его съ другими державами, а паче за оскорбленіе Его Величества отъ Шведовъ въ недавнемъ путешествіи.. Войска сіи принуждены напередъ сражаться съ голодомъ и дороговизною, случившимися тогда въ Малоросіи отъ бывшихъ сряду чрезъ два года великихъ въ хлѣбѣ неурожаевъ по причинѣ безмѣрныхъ жаровъ и долговременныхъ засухъ, отъ чего и въ рогатомъ скотѣ происходили тогда великіе падежи. Война со Швеціею открылась въ началѣ 1701 года и началась осадою Россійскими войсками города Нарвы, гдѣ и Малоросійскихъ войскъ было 7,000, подъ командою Наказнаго Гетмана, Стольника и Полковника Нѣжинскаго, Обидовскаго, да Полковника Полтавскаго, Искры. Армія Россійская, изъ 80,000 состоящая, осадила Нарву по всѣмъ правиламъ воинскимъ и, подѣлавъ траншеи и всѣ нужныя укрѣпленія, имѣла сначала довольный успѣхъ осаждающихъ. Но подоспѣвшій на помощь къ городу, Король Шведскій, Карлъ XII, съ 20,000 своею арміею, уничтожилъ всѣ успѣхи воинства Россійскаго и самое воинство сіе обезоружилъ. Сраженіе, при семъ бывшее, ни мало не заслуживаетъ сего названія, да и дѣйствительно почиталось оно съ первыхъ дней однимъ магическимъ искуствомъ, проклятымъ тогда же отъ Олонецкаго духовенства, потомъ справедливо признано ошибкою безпримѣрною начальствующихъ, которую и самая неключимая простота признать такою не усомнилась. Король, сколько ни нападалъ на Россіянъ во время дня, ничего сдѣлать не могъ и съ потерею возвращался; но когда Россіяне въ темноту ночную развели большіе огни внутрь стана своего и траншей, въ намѣреніи видѣть чрезъ то приближеніе непріятеля, то Шведы, подойдя темнотою къ стану и траншеямъ Россійскимъ, изъ которыхъ, натурально, ничего отъ огней въ сторонѣ не видно, высмотрѣли въ нихъ всѣ важные пункты, огнями освѣщенные, и напустили на пороховые ящики и запасы гранаты свои и бомбы, а на войско столпившееся пушечныя ядра и картечи. Войска, видѣвши великое свое пораженіе, но не видѣвши отъ кого обороняться, и бывши притомъ поражены ужасомъ отъ возгорѣвшихся пороховыхъ ящиковъ и запасовъ, бросались во всѣ стороны изъ траншей, не зная сами куда., и попадались въ руки Шведовъ безъ всякой обороны. Въ плѣнъ взяты были одни чиновники и что было отличное, а прочія войска распущены въ свои жилища, обозы же со всѣми запасами и амуниці-

ею остались въ добычу побѣдителямъ. Король Шведскій, по освобожденіи Нарвы, пошелъ съ арміею въ Курляндію и тамъ, разбивъ Польскія и Саксонскія войска, вступилъ, чрезъ Литву, въ Польшу. Малоросійскія войска, выступившія съ самымъ Гетманомъ къ городу Пскову, для прикрытія отъ Шведовъ границъ Россійскихъ, поручены въ команду Наказнаго Гетмана, Полковника Миргородскаго, Данила Апостола, и ихъ тутъ было 20,000, да другой корпусъ сихъ войскъ, въ числѣ 7,000, подъ командою Полковника Гадяцкаго, Боруховича, соединился съ корпусомъ Князя Рѣпнина, а самъ Гетманъ съ 10,000 вступилъ въ Польскую Бѣлорусію и наблюдалъ за движеніями Поляковъ, противныхъ Королевской партіи, въ окрестностяхъ города Могилева. Военныя дѣйствія оныхъ корпусовъ чрезъ нынѣшнюю кампанію состояли въ томъ, что Бояринъ Михайло Борисовичь Шереметевъ съ Наказнымъ Гетманомъ Апостоломъ, ходили подъ городъ Юрьевъ Ливонскій или Ревель, войска Шведскія, прикрывавшія сей городъ, разбили и вогнали въ городъ, при чемъ убитъ Полковникъ Компанейскій, Пашковскій, а изъ Шведской стороны, кромѣ побитыхъ, взято въ плѣнъ 70 человѣкъ солдатъ, двухъ офицеровъ, одну чугунную пушку и одинъ деревянный барабанъ. Князь Рѣпнинъ съ Полковникомъ Боруховичемъ проходили до города Риги и имѣли многія перестрѣлки съ конницею Шведскою, но въ главное сраженіе съ корпусомъ Шведскимъ, стоявшимъ подъ стѣнами Риги, вступить не отважились.

Войска Малоросійскія въ 1702 году, бывъ отдѣльными корпусами по прежнему въ арміяхъ Боярина Шереметева и Князя Рѣпнина, при своихъ начальникахъ, содѣйствовали имъ сильнымъ образомъ въ поискахъ надъ непріятелемъ въ провинціяхъ его Лифляндской и Курляндской [193] и въ оборонѣ своихъ границъ, а особый корпусъ ихъ изъ арміи главной Гетманской, прикрывавшей отъ Польши Малоросійскія границы, отряженъ былъ, подъ командою Полковника Стародубскаго, Михайла Миклашевскаго, къ Польскому городу, Быхову, гдѣ собрался корпусъ войскъ Польскихъ, преданныхъ Королю Шведскому, а противныхъ Королю Августу. Миклашевскій, совокупясь съ Польскимъ войскомъ партіи Короля Августа, бывшимъ въ командѣ Рейментара ихъ, Халецкаго, разбилъ войска противныя и загналъ начальника ихъ, Бельцыневича, въ городъ Быховъ; потомъ, сдѣлавъ на городъ сей приступъ, взялъ его штурмомъ и, полонивъ Бельцыневича, съ другими при немъ чиновниками, отослалъ ихъ къ Гетману въ Батуринъ. А когда самъ Миклашевскій возвращался съ войскомъ своимъ къ границамъ, то Чины и Шляхетство Литовское [194], союзное Россіи, сдѣлали представленіе Гетману о опасности ихъ отъ партій Шведскихъ, набѣгавшихъ изъ Польши и Курляндіи въ ихъ жилища. По сему Гетманъ повелѣлъ Миклашевскому остаться въ Литвѣ и дѣлать поиски надъ непріятелями тамошними.

При таковыхъ съ Россійской стороны военныхъ дѣйствіяхъ, и когда ими занимались всѣ полевыя войска, въ 1703 году открылось

для Россіи новое явленіе, подходившее близко къ войнѣ междоусобной или внутренней, явленіе, почти обыкновенное въ каждую войну и въ каждомъ народѣ и, такъ сказать, преслѣдующее сіи войны и дающее урокъ правительствамъ и министерству, какъ они съ народами поступать должны. Народъ Азіятскій, изъ племенъ языческихъ Татаръ, называемый Башкирцы, съ давнихъ временъ обитающій въ Азіятической Россіи, за рѣкою Волгою, бывъ озлобленный самыми неважными, кажется, случайностями, поднялъ оружіе и взбунтовался противъ Россіи. Слѣдствіемъ того было опустошеніе жилищъ и укрѣпленій Христіанскихъ и истребленіе самыхъ Христіанъ, а причинствовала сему одна степная ярмонка, на которую собираются многіе Азіятскіе и Европейскіе народы и племена съ своими товарами. На ней, между другими продуктами и издѣліями, множество бываетъ въ продажѣ разныхъ языческихъ кумировъ и малеванныхъ Христіанскихъ образовъ, а дѣлаютъ и продаютъ ихъ одни Христіане. По нерасторопности Земской Полиціи, такъ называемой выѣзжей для устройства ярмонки, поставлены были ряды кумировъ языческихъ въ одну линію съ рядомъ образовъ Христіанскихъ. Торговавшіе тѣ обои издѣлія, Христіане, Башкирцы и Калмыки, одни сравнивая образы съ кумирами, а другіе тому прекословя, имѣли между собою, первѣе обыкновенное преніе, потомъ крупную ссору, а наконецъ и самую драку. Христіане, бывъ тутъ многолюднѣе отъ язычниковъ, разогнали сихъ послѣднихъ, оплевали ихъ кумиры и многіе изъ нихъ побросали въ грязь и попирали ногами. Язычники, раздраженные до бѣшенства такимъ поношеніемъ ихъ чтилищъ, собрались со всей ярмонки, напустили на Христіанъ своими стрѣлами, многихъ изъ нихъ поранили и нѣсколько убили. Правительство страны тамошней осудило и перевѣшало за то многихъ Башкирцевъ, но не уважило и не удовлетворило при томъ ихъ претензіи, и сіе-то самое произвело бунтъ Башкирскій, а для его усмиренія командированъ изъ арміи Бояринъ Шереметевъ, и при немъ, съ 3,000 корпусомъ Малоросійскимъ, Судья Полковой Лубенскій, Каспаровскій. Бунтъ оный скоро утишенъ былъ не столько строгостію и способомъ воинскимъ, сколько кротостію и благоразуміемъ Бояринa.

Король Шведскій, озлобясь до ожесточенія на Короля Польскаго, Августа II, за то, что онъ воздвигнулъ на него войну и согласилъ на нее Царя Россійскаго и Короля Датскаго, поступилъ съ Августомъ такъ, какъ во времена варварскія поступали съ своими побѣжденными древніе Римляне, Александры, Тамерланы и другіе побѣдители. Онъ, разбивъ во многихъ мѣстахъ Польскія и Саксонскія войска, изгналъ Короля Августа изъ Польши и, въ 1704 году, лишилъ его Королевскаго достоинства, а на мѣсто его принудилъ Чиновъ Польскихъ выбрать себѣ Королемъ Воеводу Станислава Лещинскаго, который, бывъ у Короля Шведскаго Депутатомъ отъ Рѣчи Посполитой Польской, показался ему своею фигурою. Во время сихъ перемѣнъ Шведскія войска, бывши безъ дѣла, разхаживали по Польшѣ и дѣлали свои добычи; грабя монастыри и цер-

кви, а паче Руския и Униатския, которыя удерживали еще видъ устроеній Рускихъ: они, вмѣстѣ съ другими сокровищами церковными, обдирали иконы, отнимали потиры и всякую утварь, не оставляя ничего, что только имѣло цѣну. Гетманъ Мазепа, съ арміею своею, состоящею изъ 30,000 войскъ Малоросійскихъ, прикрывая границы Россійскія отъ впаденія въ нихъ Шведовъ, расхаживалъ чрезъ весь тотъ годъ около рѣкъ Припети и Любара, а прочія Малоросійскія войска, при прежнихъ своихъ начальникахъ, соединены были съ арміями Россійскими и дѣйствовали на Шведовъ въ Курляндіи, Лифляндіи и Литвѣ. Гетманъ Мазепа, продолжая съ арміею своею прикрывать границы и перемѣняя походы свои, смотря по движеніямъ непріятельскимъ, въ 1705 году имѣлъ повелѣніе отъ Государя вступить въ границы Польскія со стороны Галиціи. Онъ потомъ, войдя въ Польшу и расположась при городѣ Замостьѣ, командировалъ отъ себя сильный корпусъ Козацкій подъ командою Полковниковъ, Черниговскаго Полуботка, Гадяцкаго Боруховича и Компанейскаго, Танскаго, въ пограничное съ Цесаріею Спишское воеводство, въ которомъ собравшійся Польскій корпусъ, приверженный новому Королю, Лещинскому, на голову они разбили и воеводу Спишскаго убили. Гетманъ, не выходя изъ Польши, расположилъ войска свои на зимовыя квартиры въ части Галиціи и имѣлъ главную квартиру въ городѣ Бродахъ, а оттоль приходилъ зимою съ легкимъ корпусомъ къ городу Минску и былъ при томъ въ городѣ Слуцкѣ, яко бы для совѣщанія съ Польскими Вельможами о способахъ продолжать со Шведами войну съ лучшимъ противъ прежняго успѣхомъ и, поворотясь оттоль въ Броды, привелъ съ собою нѣсколько сотъ Польскихъ охотниковъ изъ жолнѣрства ихъ, будто приверженныхъ къ партіи прежняго Короля, Августа, и за то гонимыхъ партизантами нынѣшняго Короля Лещинскаго, которыхъ размѣстилъ онъ по своимъ полкамъ Гвардейскимъ, то есть, пѣшимъ Сердюцкимъ и въ конный Компанейскій.

Походы сіи въ Польшу были для Мазепы великимъ камнемъ претыканія и соблазна. Въ нихъ-то устроилъ онъ гибель свою и многихъ невинныхъ людей, имъ обманутыхъ. Близкое между собою разстояніе Шведскихъ и Малоросійскихъ войскъ, квартировавшихъ въ Польшѣ, дало ему случай свидѣться тайно съ Королемъ Шведскимъ и расположить съ нимъ предпріятіе свое отстать отъ Государя и предаться его непріятелю, и сіе происходило столь скрытно, что, по день событія, никто проникнуть не могъ. Гнусный умыселъ сей породила въ немъ адская злоба за личную обиду свою. Преданіе народное, взятое отъ приближенныхъ съ Мазепою особъ, повѣствуетъ, что въ недавнемъ отъ того времени былъ Мазепа на одномъ пиру съ Государемъ у Князя Менцикова, и за противорѣчіе въ разговорахъ ударилъ Государь Мазепу по щекѣ, и хотя за то скоро и помирился съ нимъ, но Мазепа, скрывъ наружно злобу, запечатлѣлъ ее въ сердцѣ своемъ. А многіе при томъ бывшіе, также злобные Бояре, недоброжелательствовавшіе Го-

сударю за перемѣны государственныя, а больше за погибшихъ въ бунты своихъ родственниковъ, сочли случай оный божественнымъ даромъ мщенія и утвердили Мазепу въ его отважномъ намѣреніи обѣщаніями своими о ихъ помощи. Господинъ Вольтеръ, повѣствуя о семъ случаѣ въ своей Шведской Исторіи, говоритъ такъ: „Государь, „имѣвши Мазепу за своимъ сто„ломъ, предложилъ ему завесть у „себя въ Малоросіи регулярное вой„ско и всѣ тѣ подати народныя и „пошлинныя, каковы заведены въ „Великоросіи. И когда на сіе отвѣ„чалъ Мазепа, что въ таковомъ во„енномъ и пограничномъ народѣ, „каковъ Малоросійскій, того вдругъ „сдѣлать не можно, а развѣ из„подоволь и по временамъ, то Го„сударь, разсердясь за сіе на Ма„зепу[195], разругалъ его, схватилъ за „усы и похвалялся лишить его Гет„манства.“ Обѣ оныя повѣсти, сложа вмѣстѣ, все выводятъ тоже, что Мазепа имѣлъ умыселъ, такъ вредный, побужденіемъ собственной его злобы и мщенія, а отнюдь не національныхъ интересовъ, которые, натурально, должны бы въ такомъ случаѣ подвигнуть войска и народъ къ ихъ удержанію онаго, но, вмѣсто того, народъ всемѣрно истреблялъ Шведовъ, яко своихъ враговъ, нашедшихъ непріятельски на его земли. Онъ-то ихъ истребилъ до половины при проходѣ незнаемыхъ лѣсовъ и путей и при безпечномъ квартированіи, какъ у своихъ союзниковъ.

Мазепа, очищая временно тотъ путь, по коему вела его излишняя отвага и крайнее ожесточеніе въ неизмѣримую пропасть, удалялъ отъ себя всѣхъ подозрительныхъ ему людей, неспособныхъ къ подражанію въ его предпріятіяхъ, а инымъ изъ таковыхъ искалъ и самой смерти. И съ симъ точно умысломъ въ 1706 году командировалъ онъ безвременно и въ противность всѣхъ правилъ воинскихъ Стольника и Полковника Стародубскаго, Михайла Миклашевскаго, съ его полкомъ въ Литовскій городъ, Несвижъ, а Полковника Переяславскаго, Мировича, противнаго другимъ Мировичамъ, Мазепинымъ родственникамъ, слѣдовательно и самому Мазепѣ, отправилъ съ полкомъ его въ Польскій городъ, Ляховичи, повелѣвъ имъ сражаться съ цѣлыми корпусами Шведовъ и Поляковъ и не допускать ихъ съ собою соединяться и составлять армію. Оба тѣ Полковники, со многими чиновниками и ихъ полками, наважденіемъ Мазепинымъ, были истреблены. Миклашевскій, сражавшись съ непріятелемъ подъ Несвижемъ и не могшій преодолѣть многолюдства, пробился сквозь непріятеля въ замокъ Несвижскій и тамъ отбивался пять дній, а наконецъ, изнемогши отъ усилій непріятельскихъ, былъ ими изрубленъ со всѣмъ полкомъ; а Мировичь, бывши окруженъ при Ляховичахъ многочисленнымъ непріятелемъ, послѣ продолжительной обороны, взятъ въ плѣнъ со многими чиновниками и знатными Козаками и отведенъ въ Шведскій столичный городъ, Стокгольмъ, гдѣ и умеръ.

Царь Петръ Алексѣевичь въ 1707 году, Іюля 1, прибывъ въ Черниговъ, отправился оттоль рѣкою Десною на судахъ въ городъ Кіевъ, гдѣ, вмѣстѣ съ Гетманомъ Мазепою, Августа 15, заложили крѣпость, названную Печерскою,

салютовали торжество сіе пальбою изъ ружьевъ и пушекъ. Войска Малоросійскія, кои работу сію начали, въ нѣсколько лѣтъ совершили. Изъ бывшихъ при семъ многихѣ чиновниковъ Малоросійскихъ, поданъ доносъ Государю отъ Судьи Генеральнаго, Кочубея, и швагра его, Полковника Полтавскаго, Искры, о умышляемой Царю измѣнѣ отъ Гетмана, преданнаго Королю Шведскому. Государь повелѣлъ изслѣдовать доносъ сей и судить по нему учрежденной для того особой Коммисіи подъ управленіемъ Министра своего, Шафирова. Слѣдствіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Доказательства и справки разбираемы были со всею строгостію и опытностію, но ничего на Гетмана подозрительнаго не найдено и не показано. Всѣ доказательства состояли въ наслышкахъ отъ ненадежныхъ людей, открывшихся при очныхъ ставкахъ, въ разговорахъ Гетманскихъ, сопровождавшихся подозрительными минами, и въ догадкахъ по пѣснямъ, сочиненнымъ отъ Гетмана съ аллегорическими выраженіями, а паче въ пѣснѣ, такъ называемой, Чайка, значущей страждущую и колеблемую Малоросію. Приговоръ Коммисіи, по окончаніи слѣдствія, осудилъ доносчиковъ на смерть, яко безъ доказательныхъ и обругавшихъ Гетмана такъ великимъ преступленіемъ. Государь утвердилъ приговоръ оный и отправилъ осужденныхъ для казни къ Гетману. Но сей, по обыкновенному своему притворству, отказался отъ удовлетворенія собственной своей претензіи, а предалъ виновныхъ въ волю Государя, какъ преступниковъ Государственныхъ, и Государь повелѣлъ надъ ними экзекуцію произвесть отъ Коммисіи, ихъ осудившей. По чему имъ и отрублены головы при селѣ Борщаговкѣ, подъ городомъ Бѣлою Церковью, въ виду войска, стоящаго здѣсь лагеремъ. Тяжкое преступленіе Мазепино, сокрытое тайною непроницательною, и легкія объ немъ доказательства, такъ худо произведенныя Кочубеемъ и Искрою, свидѣтельствуютъ о глубочайшей мудрости перваго и о пылкой простотѣ послѣднихъ, а преданіе народное завѣряетъ, что сіи такъ стремительно, но слабо, поступили побужденіемъ ревности за жену Искрину, имѣвшую подозрительныя обхожденія съ Гетманомъ.

Король Шведскій въ 1708 году, проходя съ арміею своею Польшу и Литву и возвратясь изъ Саксоніи, предпріялъ идти во внутренность Россіи, въ самую ея столицу, Москву, и по тому отъ стороны Россійской начались страшныя и безпрестанныя движенія войскомъ въ пограничномъ народѣ, а въ Малоросіи началась новая эпоха нашествія непріятельскаго, которая и до днесь таковою считается простонародіемъ въ ихъ лѣтосчисленіи достопамятностей, и не иначе объ ней воспоминаютъ, какъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ и удивленіемъ. Войска, переходя съ мѣста на мѣсто, занимали дефилеи и переправы по пути арміи Шведской, нападая безпрестанно на ея авангарды и фланги, а народъ Малоросійскій, выходя изъ жилищъ своихъ, занималъ и укрѣплялъ убѣжища свои въ лѣсахъ, болотахъ и мѣстахъ неприступныхъ, и дѣлалъ копья, бердыши и другія ручныя орудія, приготовлялясь къ оборонѣ.

Гетманъ Мазепа, укомплектовавъ и снабдивъ всѣмъ надобнымъ войска свои, состоявшія по арміи, а резиденцію свою, городъ Батуринъ, въ которомъ хранились всѣ сокровища, запасы и магазейны, подкрѣпивъ достаточнымъ гарнизономъ изъ Сердюцкихъ пѣхотныхъ полковъ и одного коннаго Прилуцкаго полка, подъ командою Полковника Носа, выступилъ самъ, съ остальными войсками Малоросійскими и со многими чиновниками воинскими и гражданскими, сверхъ обыкновеннаго штата нарочито умноженными, къ границамъ Бѣлорускимъ, яко бы для отраженія непріятеля. Но, переправясь чрезъ рѣку Десну и разположивъ лагерь свой между городовъ, Стародуба и Новгорода Сѣверскаго, около мѣстечка Семеновки, на мѣстѣ, по нынѣ называемомъ Шведчиною, объявилъ здѣсь прокламацію свою, сочиненную къ войску и народу Малоросійскому, а изъ нея говорилъ рѣчь всѣмъ чинамъ, тутъ собраннымъ, слѣдующаго содержанія: „Мы стоимъ „теперь, Братія, при двухъ про„пастяхъ, готовыхъ насъ пожрать, „ежели не изберемъ пути для се„бя надежнаго ихъ обойти. Вою„ющіе между собою Монархи, „приближившіе театръ войны къ „границамъ нашимъ, столь оже„сточены одинъ на другаго, что под„властные имъ народы терпятъ уже, „и еще претерпятъ, бездну золъ „неизмѣримую, а мы между ими „есть точка или цѣль всего зло„получія. Они оба, по своенравію „своему и присвоенію неограни„ченной власти, подобятся самымъ „страшнымъ деспотамъ, каковыхъ „вся Азія и Африка едва ли ког„да производили. И по тому по„бѣжденный изъ нихъ и падшій „разрушитъ собою и державу свою „и приведетъ ее въ ничтожество. „Жребій державъ оныхъ предо„предѣленъ судьбою рѣшиться въ „нашемъ отечествѣ и въ глазахъ „нашихъ, и намъ, видѣвши угро„зу сію, собравшуюсь надъ глава„ми нашими, какъ не помыслить и „не подумать о себѣ самихъ? Мое „сужденіе, чуждое всѣхъ пристра„стій и душевредныхъ поползнове„ній, есть таково: когда Король „Шведскій, всегда побѣдоносный, и „коего вся Европа уважаетъ и тре„пещетъ, побѣдитъ Царя Россій„скаго и разрушитъ царство его, „то мы неминуемо причислены „будемъ къ Польшѣ и преданы въ „рабство Полякамъ по волѣ побѣ„дителя, и въ волю его творенія и „любимца, Короля Лещинскаго, и „уже тутъ нѣтъ и не будетъ мѣста „договорамъ о нашихъ правахъ и „преимуществахъ, да и прежніе на „то договоры и трактаты сами собою „уничтожатся, ибо мы, натурально, „сочтены будемъ завоеванными или „оружіемъ покоренными, слѣдова„тельно, будемъ рабы неключимы, „и судьба наша послѣдняя будетъ „горше первой, которую предки „наши отъ Поляковъ испытали съ „толикою горестію, что и самое „воспоминаніе объ ней въ ужасъ „приводитъ. А ежели допустить „Царя Россійскаго сдѣлаться по„бѣдителемъ, то уже грозящія „бѣдствія изготовлены намъ отъ „самаго Царя сего; ибо вы ви„дите, что, хотя онъ происхо„дитъ отъ колѣна, выбраннаго на„родомъ изъ Дворянства своего, „но, присвоивъ себѣ власть неогра„ниченную, караетъ народъ тотъ „по своему произволенію, и не толь„ко свобода и имѣніе народное, но „и самая жизнь его порабощены

„единственной волѣ и прихоти Царской. Видѣли вы и послѣдствія „деспотизма сего, по коему онъ истребилъ многочисленныя семейства самыми варварскими казнями за вины, возведенныя ябедою „и вынужденныя тиранскими пытками, коихъ никакое человѣчество „стерпѣть и претерпѣть не можетъ. „Начало общихъ болѣзней нашихъ „испыталъ я на самомъ себѣ. Вамъ „извѣстно, что за отреченіе мое въ „замыслахъ его, разительныхъ для „нашего отечества, выбитъ я по „щекамъ, какъ несносная[196] блудница. И кто жъ тутъ не признаетъ, „что тиранъ, обругавшій столь позорно особу, представляющую „націю, почитаетъ, конечно, членовъ „ея скотомъ несмысленнымъ и своимъ пометомъ? Да и дѣйствительно таковыми ихъ почитаетъ, „когда посланнаго къ нему депутата народнаго, Войнаровскаго, „съ жалобою о наглостяхъ и „озлобленіяхъ, чинимыхъ безпрестанно народу отъ войскъ Московскихъ, и съ прошеніемъ подтвержденія договорныхъ статей, „при отдачѣ Хмельницкаго заключенныхъ, коихъ онъ еще не подтверждалъ, а долженъ по тѣмъ же „договорамъ подтвердить, онъ принялъ пощечинами и тюрьмою и „отправить хотѣлъ шибеницею, „отъ которой спасся сей однимъ „побѣгомъ. И такъ остается намъ, „Братія, изъ видимыхъ золъ, насъ „обышедшихъ, избрать меньшее, „чтобы потомство наше, повергнутое въ рабство нашею неключимостію, жалобами своими и проклятіями насъ не обременило. Я „его не имѣю и имѣть, конечно, не „могу, слѣдовательно, безпричастенъ есмь въ интересахъ наслѣдія, „и ничего не ищу, кромѣ благоденствія тому народу, который почтилъ меня настоящимъ достоинствомъ и съ нимъ ввѣрилъ мнѣ „судьбу свою. Окаяненъ былъ бы я „и крайне безсовѣстенъ, когда бы „воздавалъ вамъ злое за благое и „предалъ его за свои интересы! Но „время открыться вамъ, что я избралъ для народа сего и самихъ „васъ. Долголѣтнее искуство мое въ „дѣлахъ политическихъ и въ знаніи „интересовъ народныхъ, открыло „мнѣ глаза о нынѣшнемъ положеніи „дѣлъ Министерскихъ, и сколь они „приближены стали къ нашему отечеству. Первымъ искуствомъ почитается въ таковыхъ случаяхъ „тайна, непроницаемая ни отъ кого до ея событія. Я ее ввѣрилъ „одному себѣ, и она меня предъ „вами извиняетъ собственною своею важностію. Видѣлся я съ обоими воюющими Королями, Шведскимъ и Польскимъ, и все искуство мое употребилъ предъ ними, убѣдить перваго о покровительствѣ и пощадѣ отечества нашего отъ воинскихъ поисковъ и „раззореній въ будущее на него нашествіе, а въ разсужденіи Великоросіи, намъ единовѣрной и единоплеменной, испросилъ у него[197] „неутралитетъ, т. е., не должны мы „воевать ни со Шведами, ни съ Поляками, ни съ Великоросіянами „а должны, собравшись съ воинскими силами нашими, стоять въ „приличныхъ мѣстахъ и защищать „собственное отечество свое, отражая того, кто нападетъ на него „войною, о чемъ заразъ мы должны объявить Государю, а Бояре „его, не зараженные еще Нѣмещиною и помнящіе пролитую неповинно кровь ихъ родственниковъ, обо всемъ томъ извѣстны „и со мною согласны. Для всѣхъ

„же воюющихъ войскъ выставлять „мы повинны за плату провіантъ „и фуражъ, число возможное безъ „собственнаго оскудѣнія нашего; а „при будущемъ общемъ мирѣ всѣхъ „воюющихъ державъ положено поставить страну нашу въ то со„стояніе державъ, въ какомъ она „была прежде владѣнія Польскаго, „при своихъ природныхъ Княвьяхъ и при всѣхъ прежнихъ правахъ и преимуществахъ, вольную „націю значущихъ. Споручитель„ствовать за то взялись первѣй„шія въ Европѣ державы: Фран„ція и Германія; и сія послѣдняя „сильнымъ образомъ настаивала о „таковомъ положеніи нашемъ еще во „дни Гетмана Зиновія Хмельниц„каго, при Императорѣ Фердинан„тѣ III-мъ, но не сбылось оно по „междоусобію и необдуманности „предковъ нашихъ. Договоры на„ши о вышесказанномъ заключены „мною съ Королемъ Шведскимъ „письменнымъ актомъ, подписан„нымъ съ обѣихъ сторонъ и объ„явленнымъ въ означенныя держа„вы. И мы теперь почитать должны „Шведовъ своими пріятелями, со„юзниками, благодѣтелями и какъ „бы отъ Бога низпосланными для „освобожденія насъ отъ рабства, „презрѣнія и возстановленія въ пер„вую степень свободы и самодер„жавства. Ибо извѣстно, что преж„де были мы то, что теперь Мо„сковцы: правительство, первен„ство и самое названіе Руси отъ „насъ къ нимъ перешли. Но мы „теперь у нихъ, какъ притча во „языцѣхъ! Договоры сіи со Шве„ціею не суть новые и первые еще „съ нею, но суть они подтвердитель„ные и возобновительные преж„нихъ договоровъ и союзовъ, пред„ками нашими съ Королями Швед„скими заключенныхъ. Ибо извѣст„но, что дѣдъ и отецъ нынѣшняго „Короля Шведскаго, имѣвши важ„ныя услуги отъ войскъ нашихъ „въ войнѣ ихъ съ Ливонцами, Гер„манцами и Даніею, гарантирова„ли страну нашу и часто за нее „вступались противъ Поляковъ, а „потому и отъ Гетмана Хмельниц„каго, за соединеніемъ уже съ Рос„сіею, посланъ сильный корпусъ „Козацкій, при Наказномъ Гетма„нѣ, Адамовичѣ, въ помощь Коро„лю Шведскому, Густаву, и содѣй„ствовалъ ему при взятіи столицъ „Польскихъ, Варшавы и Кракова. „И такъ, нынѣшніе договоры наши „со Швеціею суть только продол„женіе прежнихъ, во всѣхъ народахъ „употребительныхъ. Да и что жъ „то за народъ, когда о своей поль„зѣ не радитъ и видимой опасности „не упреждаетъ? Такой народъ не„ключимостію своего уподобляется, „по истинѣ, безчувственнымъ тва„рямъ, отъ всѣхъ народовъ пре„зираемымъ."

По выслушаніи рѣчи Гетманской и по прочтеніи во всѣхъ ставкахъ и собраніяхъ войсковыхъ прокламаціи его, заключили иные, яко ко благу есть[198], а другіе—ни, а льститъ народы! И такъ препираясь съ собою нѣсколько дней, согласились въ одномъ только томъ, что нужна перемѣна ихъ состоянію и несносно презрѣніе въ землѣ своей отъ народа, ни чѣмъ ихъ не лучшаго, но нахальнаго и готоваго на всѣ обиды, грабленія и язвительныя укоризны; но чѣмъ тому пособить и за что взяться, о семъ придумать не могли; а что бы отстать отъ Царя и царства Христіанскаго и предать себя въ волю Монарха Лютеранскаго, попи-

рающаго иконы Святыхъ и сквернящаго середы и пятницы мясояденіемъ, о томъ и слышать не хотѣли. И, наконецъ, собравшись всѣ чины и Козаки по своимъ полкамъ, поднялись одного утра до разсвѣта изъ лагеря своего, оставивъ въ немъ Гетмана съ двумя Компанейскими полками и всѣхъ Старшинъ Генеральныхъ, со многими чиновниками, къ полкамъ не принадлежащими, кои какъ бы были подъ стражею у Компанейцевъ. Намѣреніе сихъ чиновъ и Козаковъ состояло въ томъ, чтобы соединиться имъ съ войсками Великоросійскими и донесть Государю о всемъ, у нихъ происходившемъ съ Гетманомъ, и что они въ замыслахъ его не участвуютъ и весьма противятся. За симъ, отправившись они на Стародубъ, нашли корпусъ Менщикова въ Бѣлорусіи, при которомъ и самъ Государь тогда присутствовалъ, донесли Государю о коварствѣ Мазепиномъ и о смутномъ состояніи правительства Малоросійскаго, и просили о разрѣшеніи имъ выбора новаго Гетмана по правамъ ихъ и привиллегіямъ, сіе узаконяющимъ. Государь, поблагодаривъ Козакамъ за ихъ вѣрность и обѣщавъ произвесть выборъ оный съ возвращеніемъ ихъ въ Малоросію, повелѣлъ имъ остаться въ командѣ Князя Менщикова и содѣйствовать ему въ поискахъ надъ Шведскимъ Генераломъ, Левенгауптомъ, который, по указу Короля своего, выступивъ съ помощнымъ войскомъ и со многими запасами изъ Лифляндіи, поспѣшалъ соединиться съ Королевскою арміею въ Бѣлорусіи.

Менщиковъ, Сентября 28 дня, 1708 года, напавъ на корпусъ и превеликій обозъ Левенгаупта, между мѣстечкомъ Пропойскомъ и деревнею Лѣснымъ надъ рѣкою Сожью, въ Бѣлорусіи, далъ ему сраженіе въ присутствіи самаго Государя. И какъ войска Великоросійскія отъ сильнаго и нечаяннаго нападенія Шведовъ на мѣстѣ сраженія не устояли, а смѣшавшись побѣжали, то Государь, самъ собравъ и выстроивъ ихъ по прежнему, поставилъ позади фронта и по флангамъ Малоросійскихъ Козаковъ, съ строгимъ повелѣніемъ рубить саблями и колоть копьями всѣхъ тѣхъ, кои во время сраженія подадутся назадъ, не щадя ни кого, ни самаго его, Государя, когда онъ впадетъ въ сію слабость. Возобновленное сраженіе увѣнчано было найлучшимъ успѣхомъ и полною побѣдою. Шведы повсюду разбиты и разсѣяны; преслѣдованіе ихъ продолжалось до самой ночи и до рѣки Сожи, гдѣ многіе изъ нихъ перетопились, а остальные переправлялись въ плавь черезъ нее. На мѣстѣ сраженія и на побѣгѣ въ плѣнъ взято Шведовъ до 12,000, и весь обозъ, состоящій во множествѣ тысячь повозокъ, съ запасами и артиллеріею, достались побѣдителямъ. Сраженіе сіе должно почитаться началомъ или преддверіемъ рѣшительной побѣды надъ Королемъ Шведскимъ и всѣхъ его несчастій. Онъ чрезъ него лишился всей нужной ему помощи въ свѣжемъ войскѣ и воинскихъ запасахъ.

Изъ Бѣлорусіи командированъ Менщиковъ съ корпусомъ его и Козаками въ Малоросію для предупрежденія арміи Короля Шведскаго и истребленія резиденціи Гетманской, города Батурина, яко хранилища многихъ запасовъ и

арсеналовъ національныхъ. Онъ поспѣшилъ туда въ послѣднихъ числахъ Октября, и зная коликой важности стоило овладѣть симъ городомъ въ самой скорости и избѣгая продолжительной осады по формѣ, принялъ отважное намѣреніе взять его приступомъ, и для того повелъ заразъ войска свои на городскія укрѣпленія. Войска Мазепины, называемыя Сердюки, составленныя изъ вольницы, а больше изъ Украинскихъ Поляковъ и Волоховъ, и содержавшія гарнизонъ въ городѣ, знавъ также, чего имъ ожидать должно отъ войскъ Царскихъ, защищали городъ и его укрѣпленія съ примѣрною храбростію и отвагою. Осаждающіе отбиваемы были нѣсколько разъ отъ городскихъ валовъ [199], рвы городскіе наполнялись трупами убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, но битва еще продолжалась около города во всѣхъ мѣстахъ. Наконецъ, наступившая ночь и темнота развели бьющихся, и Россіяне отступили отъ города и перешли рѣку Сеймъ для обратнаго похода. Но бывшій въ городѣ съ полкомъ своимъ, Полковникъ Прилуцкій, Носъ, несогласный также, какъ и другіе полки, на предпріятія Мазепины и гнушавшійся его вѣроломствомъ, а удержанный въ городѣ присмотромъ Сердюковъ, выслалъ ночью изъ города Старшину своего, прозваніемъ Соломаху, и велѣлъ ему, догнавши Менщикова на походѣ, сказать, чтобы онъ приступилъ къ городу предъ свѣтомъ и напалъ на указанное симъ Старшиною мѣсто, на которомъ разположенъ полкъ Прилуцкій, гдѣ самъ Полковникъ будетъ сидѣть на пушкѣ, окованный цѣпями, подъ видомъ арестанта, а войско его положится ничкомъ около валу; и се былъ знакъ или лозунгъ для пощады сихъ предателей при всеобщемъ губительствѣ гражданъ. Менщиковъ, увѣрясь на Полковника и его Старшину, приступилъ къ городу и вошелъ въ него на разсвѣтѣ со всею тихостію и когда Сердюки, поводомъ вчерашней ихъ викторіи, напились до пьяна и были въ глубокомъ снѣ, напалъ онъ со всѣмъ войскомъ на сихъ сонныхъ и просыпающихся, безъ обороны рубилъ ихъ и кололъ безъ всякой пощады, а виднѣйшихъ изъ нихъ перевязалъ въ крюкъ. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Сердюковъ, Менщиковъ ударилъ на гражданъ безоружныхъ и въ домахъ ихъ бывшихъ, кои ни мало въ умыслѣ Мазепиномъ не участвовали, выбилъ всѣхъ ихъ до единого, не щадя ни пола, ни возраста, ни самыхъ ссущихъ младенцевъ. За симъ продолжался грабежъ города отъ войскъ, а ихъ начальники и палачи занимались, между тѣмъ, казнею перевязанныхъ Сердюцкихъ Старшинъ и гражданскихъ урядниковъ. Самая обыкновенная казнь ихъ была живыхъ четвертовать, колесовать и на колъ сажать, а дальше выдуманы новые роды мученія, самое воображеніе въ ужасъ приводящіе. И удивительна ли сія жестокость въ такомъ человѣкѣ, каковъ Менщиковъ? Когда онъ былъ пирожникомъ и разнашивалъ по Москвѣ пироги, то слишкомъ ласкался къ тѣмъ людямъ, кои пироги его покупали, а когда сталъ Княземъ и полководцемъ, то уже слишкомъ варварски терзалъ людей, оставившихъ ему превеликія богатства. Трагедію свою Батуринскую кончилъ онъ огнемъ и жупеломъ:

весь городъ и всѣ публичныя его зданія, т. е., церкви и присудственныя мѣста съ ихъ архивами, арсеналы и магазейны съ запасами, со всѣхъ сторонъ зажжены и превращены въ пепелъ. Тѣла избіенныхъ христіанъ и младенцевъ брошены на улицахъ и стогнахъ града „и не бѣ погребаяй ихъ!" Менщиковъ, спѣша отступленіемъ и бывъ чуждъ человѣчества, бросилъ ихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, а самъ, обремененный безчетными богатствами и сокровищами городскими и національными, и взявъ изъ арсенала 315 пушекъ, удалился отъ города и, проходя окрестности городскія, жегъ и раззорялъ все, ему встрѣчавшееся, обращая жилища народныя въ пустыню.

Равной участи подвержена была большая часть Малоросіи. Разѣзжавшія по ней партіи воинства Царскаго сожигали и грабили всѣ селенія безъ изъятія, и по праву войны, почти неслыханному. Малоросія долго тогда еще курилась послѣ пожиравшаго ее пламени. Народъ, претерпѣвшій бездну золъ неизмѣримую, по счастію, приписывалъ злополучіе свое однимъ Шведамъ, ненавистнымъ ему за однѣ середы и пятницы, въ которыя они ѣли, купленныя у сего же народа, молоко и мясо.

Новгородъ Сѣверскій приготовленъ былъ отъ Мазепы для перваго пріема и раздоха Короля Шведскаго и его арміи. Онъ нарочито былъ укрѣпленъ и имѣлъ знатный магазейнъ въ своемъ замкѣ; а для охраненія крѣпости и магазейна введенъ въ него гарнизономъ одинъ Сердюцкій полкъ, подъ командою Полковника своего, Чечеля, и двѣ сотни реестровыхъ Козаковъ: Новгородская и Топальская, подъ командою Сотника Новгородскаго, Лукьяна Журавки. И какъ обыкновенно и реестровые Козаки всегда Сердюковъ ненавидѣли за безчинство ихъ и наглости и искали имъ за то отмщенія, а Царь съ войсками своими приближился тогда къ Новгороду и стоялъ на супротивномъ ему берегу, при рѣкѣ Деснѣ, въ селѣ Погребкахъ, квартируя самъ въ домѣ Козака тамошняго, Мальчича, то Сотникъ Журавка, согласно съ Протопопомъ Новгородскимъ, Лисовскимъ, и Козачьими Старшинами, чрезъ Хорунжаго, Павла Худорбая, увѣдомили Государя въ Погребкахъ, что они могутъ сдать городъ, если онъ благоволитъ прислать ночью свои войска къ городу съ луговой его стороны. Государь по сему извѣщенію командировалъ тотчасъ довольное число войскъ въ указанное мѣсто, а Сотникъ съ своею командою и гражданами провели и впустили ихъ въ городъ, такъ называемыми, Водными воротами, что между замка и кляштора. Войска Царскія, напавъ нечаянно на Сердюковъ по городу и въ замкѣ, всѣхъ истребили и городъ заняли. Государь чрезъ сутки посѣтилъ городъ и квартировалъ въ каменномъ домѣ Сотничемъ и намѣревался переказнить нѣсколько десятковъ гражданъ за пріемъ къ себѣ Сердюковъ и для устрашенія тѣмъ гражданъ другихъ городовъ, дабы они вражескихъ войскъ также не принимали; но случившійся при семъ Бояринъ, Графъ Шереметевъ, вступившись за гражданъ, доказывалъ

Государю, что, „Когда Ваше Величество, знавши больше Мазепу, чѣмъ сей народъ его зналъ, „могли въ немъ обмануться, дѣлая „ему довѣренность, самую почти „неограниченную, то какъ же въ „немъ не обмануться народу, удаленному отъ всѣхъ дѣлъ политическихъ и Министерскихъ, которыя вѣчно для нихъ закрыты „и непроницаемы? А Мазепа при „томъ былъ верховный ихъ командиръ, не дававшій имъ отчета въ „своемъ поведеніи.“ Государь, уваживши такъ слушные резоны и что, по счастію, не было при семъ Менщикова, простилъ гражданъ и наградилъ чиновниковъ, содѣйствовавшихъ въ сдачѣ города: Сотника Журавку жаловалъ Полковникомъ Стародубскимъ, а Протопопа Лисовскаго произвелъ въ Сотники Новгородскіе, и сей, съ приписью Протопопъ, по воскресеньямъ служилъ въ церкви въ епатрахили, а въ прочіе дни Присутствовалъ въ Сотенномъ правленіи при саблѣ, но бороды, однако, не брилъ, и судя людей тяжущихся, вмѣстѣ ихъ и благословлялъ. Но при семъ явленіи препрославленъ лучше всѣхъ спаситель невинности, Бояринъ Шереметевъ. Память его пребудетъ незабвенна и досточтима въ Новгородѣ въ роды родовъ.

Король Шведскій, вступивъ съ арміею своего изъ Польши въ Малоросію, нашелъ Гетмана Мазепу около рѣки Десны, въ предѣлахъ Новгорода Сѣверскаго. Видя его безъ войскъ и безъ всего того, что ему обѣщалъ, почелъ его обманщикомъ или предателемъ Царю своему и намѣревался за то казнить; но убѣдительныя жалобы Мазепы и трогательное его рыданіе увѣрили Короля, что онъ, Мазепа, самъ обманулся войскомъ и народомъ своимъ. Г. Вольтеръ, описуя дѣянія героя своего, Короля Шведскаго, говоритъ въ семъ мѣстѣ такъ: „Карлъ XII-й, „продолжая походъ свой изъ Поль„ши на Москву, вдругъ поворо„тилъ съ дороги Московской въ „окрестностяхъ Смоленскихъ и на„правилъ походъ свой въ Украи„ну, землю Козаковъ сего име„ни. Весь его Генералитетъ и са„мый любимецъ, Пиперъ, сему уди„влялись, но ничего не знали. На„конецъ, по многотрудныхъ и мед„лительныхъ походахъ чрезъ мѣ„ста лѣсныя и болотистыя, разте„рявши въ нихъ артиллерію и запа„сы, достигли тоя Украины, гдѣ „предсталъ предъ Короля, при рѣ„кѣ Деснѣ, владѣлецъ Украинскій, „Мазепа, и разрѣшилъ эту загад„ку, дотолѣ неразрѣшимую. Ко„закъ сей явился у Короля не „такъ какъ вождь какой нибудь ар„міи, но какъ бѣглецъ, съ немно„гими людьми изъ своего штата. „Король, его увидя, изумился, а „онъ донесъ ему, что войско отъ не„го отстало и народъ не послушал„ся, что не многіе полки его гвар„діи, вызванные изъ вольницы, ос„таются въ городѣ Батуринѣ, его „резиденціи, для сбереженія ма„газейновъ и запасовъ, и совѣто„валъ Королю поспѣшить туда „своимъ походомъ, чтобы Мос„ковцы и тѣмъ не обовладѣли.“ Вступленіе Шведовъ въ Малоросію ни мало не похоже было на нашествіе непріятельское, и ничего оно въ себѣ враждебнаго не имѣло, а проходили они селенія обывательскія и пашни ихъ, какъ друзья и скромные путешествен-

ники, не касаясь ни чьей собственности и не дѣлая во все тѣхъ озарничествъ, своевольствъ и всѣхъ родовъ безчинствъ, каковы своими войсками обыкновенно въ деревняхъ дѣлаются подъ титуломъ: »Я слуга »Царскій! Я служу Богу и Государю за весь міръ Христіанскій! Куры и гуси, молодицы и дѣвки, намъ »принадлежатъ по праву воина и »по приказу его Благородія!« Шведы, напротивъ, ничего у обывателей не вымогали и насильно не брали, но гдѣ ихъ находили, покупали у нихъ добровольнымъ торгомъ и за наличныя деньги. Каждый Шведъ выученъ былъ отъ начальства своего говорить по Руски сіи слова къ народу: „Не бойтесь! Мы ваши, а вы наши!" Но не смотря на то, народъ здѣшній уподоблялся тогда дикимъ Американцамъ, или своенравнымъ Азіятцамъ. Онъ, выходя изъ засѣкъ своихъ и убѣжищъ, удивлялся кротости Шведовъ, но за то, что они говорили между собою не по Руски и не мало не крестились, почиталъ ихъ нехристями и невѣрными, а увидѣвши ихъ ядущихъ по пятницамъ молоко и мясо, счелъ и заключилъ безбожными бусурманами и убивалъ вездѣ, гдѣ только малыми партіями и по одиночкѣ найти могъ, а иногда забиралъ ихъ въ плѣнъ и представлялъ къ Государю, за что давали ему жалованье, сначала деньгами по нѣскольку рублей, а напослѣдокъ по чаркѣ горѣлки, съ привѣтствіемъ: „Спасибо, Хохленокъ!"

Король Шведскій, вступя въ Малоросію, публиковалъ въ ней и выставилъ на публичныхъ мѣстахъ прокламацію свою къ здѣшнему народу слѣдующаго содержанія: „Преслѣдуя злобнаго своего непрі„ятеля, Царя Московскаго, воздви„гнувшаго на Швецію войну со всѣхъ »сторонъ безъ всякихъ причинъ, а »по одной злости своей и тщесла»вію, я вступаю въ землю Ко»зацкую не ради завоеванія ея или »покорыствованія сокровищами и »пожитками жителей здѣшнихъ, »но единственно для возстановленія »правъ ихъ и свободъ прежнихъ, »за которыя и предки мои, Коро»ли Шведскіе, противъ Польши »всегда вступались, и къ тому о»бязаны были важными имъ заслу»гами Козацкими и союзными съ »ними договорами и трактатами. »Ибо мнѣ извѣстно по сосѣднимъ »слухамъ и протесту Гетмана Ма»зепы, что Царь Московскій, бывши врагъ непримиримый всѣмъ »народамъ въ свѣтѣ и жаднчая »покорять ихъ своему игу, поверг»ши и Козаковъ въ неключимое свое »рабство, презирая, отнимая и »касуя всѣ ваши права и свободы, »торжественными съ вами догово»рами и трактатами утвержденныя, »забылъ при томъ и безстыдно »презрѣлъ самую благодарность, »всѣми народами за святость чти»мую, которою одолжена вамъ, Ко„закамъ, и народу Рускому Мо»сковія, доведенная междоусобія»ми своими, Самозванцами и По»ляками до ничтожества и почти »небытія, но вами удержана и уси»лена. Ибо извѣстно всему свѣ»ту, что народъ Рускій съ свои»ми Козаками, бывъ сначала наро»домъ самодержавнымъ, т. е., отъ »самаго себя зависимымъ, подъ пра»вленіемъ Князей своихъ или Са»модержцевъ, соединялся потомъ »съ Литвою и Польшею для со»противленія съ ними противъ Та»таръ, ихъ разорявшихъ, но пос-

»лѣ, за насиліе и неистовства Поляковъ, освободившись отъ нихъ »собственною своею силою и храбростію, соединился съ Московіею »добровольно и по одному единовѣрству, и, сдѣлавъ ее такову, какова она теперь есть, отъ нея »попираемъ и озлобляемъ нынѣ »безсовѣстно и безстыдно. И такъ »я обѣщаваю и предъ цѣлымъ свѣтомъ торжественно клянусь честію своею Королевскою, по низложеніи непріятеля своего, возстановить землю сію Козацкую »или Рускую въ первобытное ея »состояніе самодержавное и ни отъ »кого въ свѣтѣ независимое, о чемъ »я, съ Гетманомъ вашимъ, Мазепою, »и письменными актами обязался и утвердилъ, а гарантировать »ихъ взялись первѣйшія въ Европѣ державы.“ Государь, свѣдавъ о разосланныхъ по Малоросіи спискахъ прокламаціи Карла XII-го и въ такой же силѣ разсѣянныхъ универсалахъ Мазепы, которымъ, однако, народъ здѣшній ни мало не ввѣрялся, публиковалъ и отъ себя во всенародное извѣстіе манифестъ свой, подписанный собственною рукою и выставленный при всѣхъ церквахъ, и въ немъ изъяснялся, что »Взнесенныя на него »отъ упорнаго непріятеля, Короля »Шведскаго, и исчадія его, отступника Мазепы, клеветы, пороки и »подозрѣнія суть несправедливы, »змышлены и исполнены коварствъ »и обмановъ для прельщенія народнаго, и что онъ никогда и въ мысли не имѣлъ обижать, раззорять »и порабощать вольный народъ Малоросійскій, а паче касовать и уничтожать правъ ихъ и привиллегій, »утвержденныхъ родителемъ его, »Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ договорныхъ статьяхъ »славнаго и мудраго Гетмана, Зиновія Хмельницкаго, при соединеніи Малоросіи съ державою Великоросійскою заключенныхъ, но »по нихъ и по особой Царской милости, будетъ сей вѣрный и усердный народъ содержать при всѣхъ »его правахъ, волностяхъ и преимуществахъ вѣчно и нерушимо, »и можно нелестно сказать, что »ни единый народъ подъ солнцемъ »не можетъ хвалиться такою легкостію и свободою, яко же нашъ »народъ Малоросійскій, ибо ни единаго пеназя въ казну нашу брать »не велѣли съ него и наслѣдникамъ нашимъ о томъ завѣщали. »А что касается до противника нашего, Карла, то всему свѣту извѣстно, какія онъ съ арміею подѣлалъ раззоренія всѣмъ тѣмъ »народамъ, кои проходилъ: церкви ихъ и святилища грабилъ и »дѣлалъ ихъ конюшнями и поварнями, священнослужителей тиранилъ и умерщвлялъ, сосуды и »утвари Церковныя передѣлывалъ »на мирскія непристойныя вещи, »а иконы священныя ругалъ, сокрушалъ и ногами попиралъ, да »и въ Малоросію заведенъ онъ Мазепою съ однимъ и тѣмъ же умысломъ, чтобы, по раззореніи ея, предать народъ въ вѣчную неволю, въ »осылку Полякамъ, отъ которыхъ »онъ набралъ довольное число денегъ, а Мазепа и Лещинскій, яко »единородные Полякамъ, его твореніи, не что иное у него будутъ, »какъ только сборщики и тираны »народные, творящіе волю его, и »вѣчные Шведскіе данники или »Васалы.“ По обнародованіи Царскихъ манифестовъ, народъ Малоросійскій, и безъ того преклоненный на сторону Великоросійскую, натурально, по одновѣрству

и однородству, которыя сугубо тогда ему оттѣнивалъ народъ Шведскій языкомъ своимъ и иновѣрствомъ, приложилъ къ манифестамъ свои выдумки или басни, пронесенныя отъ языка въ языкъ на счетъ Шведовъ и Мазепы и составившія, наконецъ, непреложное и вѣчное преданіе народное, извѣстное даже до сего дне, что, будто, Шведы, ругаясь съ иконъ святыхъ и попирая ихъ ногами, заставляли также и Мазепу поругаться онымъ и потоптать ногами чудотворный образъ Богородичный въ селѣ Дегтяровкѣ, что надъ Десною, бывшій въ каменной тамошней церкви, имъ Мазепою созданной, ичто сей образъ испускалъ тогда жалостный стонъ, а Мазепа, стоя на немъ, отрекался отъ своея вѣры и присягалъ на вѣру Шведскую. Эхо объ этомъ раздалось тотчасъ во всю Малоросію, съ перемѣною только мѣста и названія иконы Богородичной. Одни говорили, что сіе послѣдовало съ образомъ Балыкинскимъ, а другіе съ Каплуновскимъ, и такъ далѣе. А между тѣмъ истребленіе Шведовъ отъ народа продолжалось во всѣхъ мѣстахъ и случаяхъ, гдѣ ихъ только удобно найти могли, и злость на нихъ умножалась отъ поревнованія народнаго за вѣру свою и ея поруганіе, отъ чего въ одну осень и зиму убавилось Шведовъ почти до половины.

Государь въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1708 года, собравъ въ городъ Глуховъ Чиновъ и Козаковъ Малоросійскихъ, которые въ разсужденіи военныхъ замѣшательствъ собраться только могли, велѣлъ имъ произвесть выборъ на Гетмана вольными голосами и по ихъ правамъ и заведеніямъ. Чины и Козаки объявили на то Государю, что они не иначе должны приступить къ выбору Гетмана, какъ подписавши первѣе приговоръ отъ лица всея націи, что выборъ тотъ производится съ утвержденіемъ Гетману всѣхъ правъ его, преимуществъ и прерогативъ, вольность народа и права его обезпечивающихъ, и просили при томъ Государя завѣрить ихъ о томъ своею грамотою. Государь увѣрилъ собраніе клятвенно, что онъ всѣ права Гетманскія, войсковыя и народныя и бывшія на то договорныя статьи, подтвердитъ непремѣнно, по прошествіи нынѣшнихъ военныхъ замѣшательствъ и неудобствъ. По чему, въ присутствіи Государя и его Министровъ, 7 Ноября, выбрали въ Гетманы Полковника Стародубскаго, бывшаго послѣ Маклашевскаго, Ивана Ильича *Скоропадскаго*, который тогда же отъ Государя и утвержденъ, и ему вручены клейноды войсковые и національные, Гетманское достоинство значущіе, т. е., булава, бунчукъ и печать, а отъ Государя особенно пожаловано знамя Государственное, изображающее двуглаваго орла съ регаліями Царственными.

По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія Гетманскаго, открылось тамъ же, въ Глуховѣ, новое явленіе, до того еще въ Малоросіи не бывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ въ адъ. Многочисленное духовенство Малоросійское и, ближайшее къ границамъ здѣшнимъ, Великоросійское, нарочито собранное въ Глуховъ, подъ начальствомъ и инспекторствомъ извѣстнаго Епископа, Прокоповича, и составившее изъ себя, такъ названный, помѣст-

ный соборъ, въ 9-й день того жь Ноября, предало Мазепу вѣчному проклятію или анаѳемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось въ каменной Николаевской церкви, въ присутствіи Государя и при многочисленномъ собраніи чиновниковъ и народа. Духовенство и клирики были въ черномъ одѣяніи, и всѣ со свѣщами черваго цвѣту. Портретъ Мазепы, висѣвшій до того среди города на шибеницѣ, влеченъ былъ по городу палачами и втянутъ внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы изъ Священнаго Писанія, потомъ, провозгласивъ и нѣсколько повторивъ: „Да будетъ такой-то Мазепа проклятъ!" оборотило на портретъ его возженныя свѣчи, а клирики, повторяя тоже самое пѣніемъ, оборачивали и они свѣчи свои ничкомъ. Начальствующій Епископъ ударилъ при томъ концемъ жезла своего въ грудь портрета, со изреченіемъ: „Анаѳема!" И тогда повлекли обратно портретъ изъ церкви и пѣли сей стихъ церковный: „Днесь Іуда оставляетъ „учителя и пріемлетъ діавола," и тѣмъ обрядъ тотъ кончился.

Во время расположенія Шведскихъ войскъ на зимовыя квартиры по Малоросіи, бывшіе между ними чиновники Малоросійскіе, вызванные прежде Мазепою для войны съ Шведами, а потомъ оставшіесь при немъ подъ присмотромъ, улучивъ удобное время къ своему побѣгу, уѣхали тайно отъ Мазепы изъ квартиръ своихъ и прибыли къ Государю съ изъясненіемъ своей невинности и вѣрной къ нему преданности. Они приняты отъ Государя благосклонно и оставлены въ прежнихъ ихъ чинахъ и должностяхъ. И сіи были: Данило Апостолъ, Иванъ Сулима, Дмитро Горленко, Иванъ Максимовичь, Михайло Ломиковскій, Гамалія, Кандыба, Бутовичь и Канцеляристъ Антоновичь; а прочіе премногіе чиновники и знатные Козаки, подозрѣваемые въ усердіи ихъ къ Мазепѣ, по тому что они не явились въ общее собраніе для выбора новаго Гетмана, отыскиваемы были изъ домовъ ихъ и преданы различнымъ казнямъ въ мѣстечкѣ Лебединѣ, что около города Ахтырки. Казнь сія была обыкновеннаго Менщикова ремесла: колесовать, четвертовать и на колъ сажать, а самая легчайшая, почитавшаясь за игрушку, вѣшать и головы рубить. Вины ихъ изыскивались отъ признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило препохвальное тогда таинство,— пытка, который догматъ и по нынѣ извѣстенъ изъ сей пословицы Руской: „Кнутъ не Ангелъ, души не вынетъ, а правду скажетъ," и которая производима была со всею аккуратностію и по узаконенію Соборнаго Уложенія, сирѣчь, степенями и по порядку, — батожьемъ, кнутомъ и шиною, т. е. разженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостію или медленностію по тѣламъ человѣческимъ, которые отъ того кипѣли, шкварились и воздымались. Прошедшій одно испытаніе, поступалъ во второе, а кто всѣхъ ихъ не выдерживалъ, таковый почитался за вѣрное виновнымъ и веденъ на казнь. Пострадало такимъ образомъ, не превозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки, до 900 человѣкъ. Число сіе можетъ быть увеличено; но, судя по кладбищу, отлученному отъ Христіанскаго и извѣстному подъ названіемъ „Гет-

минцовъ," должно заключать, что зарыто ихъ здѣсь очень не мало. И ежели въ человѣчествѣ славится тотъ великодушіемъ, кто презираетъ ужасы и опасности, то уже нѣтъ для тѣхъ и титуловъ, кои были орудіями и участниками Лебединскихъ тиранствъ и звѣрскихъ лютостей, ужасающихъ самое воображеніе человѣческое. Остается теперь размыслить и посудить, что, ежели по словамъ самаго Спасителя, въ Евангеліи описаннымъ, которыя суть непреложны и не мимо идутъ, ежели, „всякая кровь, проливаемая на земли, взыщется отъ рода сего," то какое взысканіе предлежитъ за кровь народа Рускаго, пролитую отъ крове Гетмана Наливайка, до сего дне, и пролитую великими потоками за то единственно, что искалъ онъ свободы, или лучшей жизни въ собственой землѣ своей и имѣлъ о томъ замыслы, всему человѣчеству свойственные?

Король Шведскій, съ арміею своею и Мазепою зимовавшій до праздника Рождества Христова въ Ромнѣ и его окресностяхъ, перешелъ послѣ праздника въ городъ Гадачь и въ его околичныя селенія, а въ Роменъ и его окрестности посланы отъ Государя Малоросійскія войска для раззоренія и опустошенія тѣхъ селеній. Экспедиція сія на Роменщину значила двѣ политическія причины, доказующія отмѣнную проницательность и правоту великаго министра и любимца Царскаго, Меншикова, ихъ придумавшаго: одну, наказать Роменцевъ за пріемъ къ себѣ въ квартиры арміи Шведской, отъ которой и самая армія Россійская весьма удалялась, а другую испытать, какъ на пробномъ камнѣ, вѣрность и усердіе войскъ Малоросійскихъ. И сіи войска, бывъ какъ бы ушибены и обезумлены тогдашнимъ хаосомъ, съ зажмуренными глазами и окаменѣннымъ сердцемъ, руйновали свою невинную братію, Роменцевъ, прямо, какъ непріятелей своихъ. Жилища ихъ были раззорены и сожжены, скотъ отогнатъ и розданъ по арміи, какъ добычный, и все приведено въ запустѣніе, а народы тамошніе сильнѣйшіе, пробѣгая сквозь руки своихъ гонителей, удалялись на рубежи Великоросійскіе, подъ протекцію великихъ тамошнихъ Бояръ, и оселили собою знатныя слободы: Юнаковку, Михайловку, и премногія другія, извѣстныя по нынѣ подъ названіемъ „Вольныхъ Черкасовъ." Слабые же и немощные скитались въ своихъ развалинахъ и погребахъ, между головнями и снѣгами, и исчезали медленно въ отечествѣ своемъ и при гробахъ предковъ своихъ. И такъ Роменцы сугубое претерпѣли раззореніе за то только, что были несчастливы. Шведы, навалившіесь на нихъ цѣлою арміею, и знавши, что ихъ Малоросіяне вездѣ убивали, поступали съ ними, какъ съ своими завоеванными непріятелями, и уже больше не говорили: „Мы ваши, а вы наши;" а дана имъ была такая воля отъ Короля, какъ черту на Іова, т. е., души только не коснись. Послѣдній же ударъ надъ ними совершили единородные и единовѣрные ихъ братія, Козаки Малоросійскіе, ужасавшіесь дѣлъ рукъ своихъ.

Между тѣмъ приближавшаясь компанія 1709 года показывала великій урокъ для обоихъ воюю-

щихъ Монарховъ и народовъ, и сей самый годъ сталъ замѣчательною эпохою Исторіи Сѣверной и всея Европы. Въ немъ-то сбылось неожиданное паденіе и уничиженіе Швеціи, а возвышеніе Россіи. Монархъ Россійскій, хотя и видѣлъ армію Шведскую, уменьшенную въ Малоросіи до половины, и что войска его столько возмужали и укрѣпились, что уже могли стоять противъ Шведовъ, въ трое отъ нихъ меньшихъ, однако, не надѣясь на счастіе свое, столь мало ему благопріятствовавшее, и опасаясь, чтобы дѣла его не приняли худшаго оборота, посылалъ и въ семъ году, и почти на канунѣ послѣдняго и рѣшительнаго сраженія, отзывы свои Королю Шведскому, соглашая его на мирныя предложенія, которыми оставлялъ ему всѣ прежнія требованія на Ингерманландію и Финляндію, а выговаривалъ себѣ одну только пристань на Балтійскомъ морѣ съ городомъ Петербургомъ и Шлиссельбургомъ. Но Король Шведскій, упоенный славою завоевателя и всегдашними своими побѣдами, отвергнувъ тѣ предложенія, сказалъ посланникамъ Царскимъ и иностраннымъ посредникамъ, на миръ его соглашавшимъ, что „помирится онъ съ Царемъ въ „столичномъ городѣ его, Москвѣ, „гдѣ принудитъ Московцевъ заплатить ему 30 милліоновъ талеровъ „за военные убытки, и покажетъ „Царю, надъ чѣмъ и какъ царствовать.“ Государь такимъ жестокимъ отказомъ ставъ безнадеженъ на мирные успѣхи, началъ стягать войска свои въ окрестность Полтавы, а на держанномъ при томъ военномъ совѣтѣ приговорено отъ всего Генералитета дать Шведамъ рѣшительное сраженіе во что бы то ни стало.

Король Шведскій, хотя и зналъ, что армія его знатно умалилась, и усилить ея неоткуда, да и во всѣхъ воинскихъ снарядахъ и запасахъ былъ крайній недостатокъ, и что счастіе, прежде отъ него неотступное, начало въ Малоросіи перемѣняться всегдашними неудачами, но, надѣясь на храбрость своихъ воиновъ и пытаясь собственною своею отвагою, которая изъ дѣтства вкоренилась въ немъ отъ воспитанія и внушенныхъ при томъ фальшивыхъ правилъ о извѣстной предестинаціи или предопредѣленіи, за одно почитаемомъ имъ съ языческимъ неизбѣжнымъ рокомъ, и что они, будто, заставляютъ человѣка вдаваться во всѣ опасности, презирая самыя невозможности вопреки здраваго разсудка, природою намъ внушеннаго. По симъ правиламъ предпринявъ продолжать съ Россіею войну, самую отчаянную, выступилъ изъ квартиръ своихъ въ началѣ Апрѣля мѣсяца тогоже 1709 года, и расположилъ станъ свой при мѣстечкѣ, Будищахъ, а тамъ простоявъ до половины Мая и наскучивъ праздностію, вздумалъ осадить городъ Полтаву, въ надеждѣ получить въ ней великія сокровища и запасы по завѣренію спутника своего, Мазепы. Осада и приступъ на городъ были жестокіе и странные въ правилахъ воинскихъ. За неименіемъ осадной артиллеріи и мортиръ съ бомбами, Шведы напали на бастіоны съ ружьями и палашами и нѣсколько ихъ взяли. Но комендантъ Полтавскій, иностранецъ Алартъ, съ солдатами и пѣшими Козаками, встрѣчали ихъ артиллеріею, а провожали и опрокидали съ валовъ копьями. Подоспѣвшія жъ изъ арміи свѣжія войска Россійскія, съ луговой стороны въ

городъ прошедшія, и со всѣмъ ту осаду уничтожили, и Король, собираясь послѣ того не перепустить чрезъ рѣку Ворсклу Россійской арміи, для переправы къ ней приступившей, поѣхалъ съ двумя своими гвардѣйцами ее рекогносцировать, а наѣхавъ ночью на Козацкій пикетъ, хотѣлъ его сбить, и для того, напавъ на него собственною своею особою, кололъ Козаковъ шпагою; но они, сдѣлавъ на него исправной выстрѣлъ изъ своихъ гвинтовокъ, убили одного гвардѣйца, а Короля тяжко ранили въ ногу и разшибли ея голень. И такъ Король, къ прежнимъ недостаткамъ армейскимъ, нажилъ и свой собственный, ставъ объ одной ногѣ. Случайность сія, хотя была не изъ сонма предестинацій, а отъ самопроизвольной и неприличной Королю запальчивости, однако давала ему знать, что къ личному командованію сраженіемъ онъ неспособенъ и долженъ отъ него удаляться и спасать свою армію.

Обѣ воюющія арміи собрались къ Полтавѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ и расположились одна въ виду другой, укрѣпивъ себя шанцами и другими нужными окопами. Армія Россійская состояла изъ 76,000, и въ томъ числѣ Малоросійскихъ отборныхъ войскъ, оставшихся отъ командированія прочихъ къ прикрытію границъ, было 20,000, подъ командою Генеральныхъ Старшинъ и прежде бывшаго Наказнаго Гетмана Заднѣпрскаго, Семена Палія, сысканнаго изъ Сибирскаго заточенія, который, бывъ отлично искусенъ въ наѣздахъ и разорваніи соединенныхъ фронтовъ, много пособствовалъ въ побѣдѣ непріятеля. Шведская армія немногимъ превосходила 20,000, да Мазепиныхъ войскъ, собравшихся къ нему изъ разкасированныхъ Компанейцевъ и Сердюковъ, не болѣе было одной тысячи; но они съ самимъ Мазепою во всякое время оставались при обозахъ своихъ и Шведскихъ, уклоняясь всегда отъ сраженій съ Россіянами и содержа противъ нихъ самый строгій неутралитетъ, выговоренный Мазепою у Короля Шведскаго и объявленный въ декларація хъ его во всей Малоросія. Ибо Мазепа, какъ всѣмъ извѣстно, бывъ христіанинъ, отмѣнно набожный, воздвигнувшій на свой коштъ многіе монастыри и церкви, почиталъ за смертный грѣхъ проливать кровь своихъ соотчичей и однодвѣрцевъ, и исполнялъ то съ рѣшительною твердостію, не преклоняясь ни на какія убѣжденія. А потому никто не докажетъ, чтобъ сіи его войска причастны были хотя одному убійству надъ Россіянами. Однако, не смотря на то, всѣ попадавшееся изъ его сширы узники въ руки Россіянъ, воспринимали одну участь съ Лебединскими мертвецами, и замѣчательно, что смыслъ о неутралитетѣ, яко словѣ иностранномъ, иначе тогда толковали отъ нынѣшнихъ о немъ понятій. Наконецъ, въ 27 день Іюня, 1709 года, совершилось то сраженіе, которое рѣшило судьбу Россіи и Швеціи, удивило Европу и сдѣлало переломъ въ политикѣ державъ и въ жребіи Королей: низверженнаго и вновь возведеннаго, разумѣя Польскихъ. Сраженіе сіе начали Шведы на самомъ разсвѣтѣ и конницею своею напали на регулярную конницу Россійскую и прогнали ее за ея шанцы. Но начальникъ Козацкій, Палій, съ Козаками своими напавъ тогда на

Шведовъ въ тылъ и на фланги ихъ фронтовъ и прорвавшись въ интервалы, сдѣлалъ великое имъ пораженіе копьями и изъ ружьевъ, отъ чего они, смѣшавшись, побѣжали къ своимъ шанцамъ и потеряли Генерала своего, Шлипенбаха, взятаго въ плѣнъ. Козаки, преслѣдуя Шведовъ до ихъ шанцевъ, провели позади себя сильную колонну пѣхоты Россійской, подъ командою Генерала Менцикова, и она, напавъ на шанцы Шведскіе и сдѣлавъ сильный залпъ изъ пушекъ и ружьевъ, увалилась въ нихъ штыками и погнала Шведовъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ обовладѣли шанцами и взяли въ плѣнъ командовавшаго ими, Генерала Розена, со многими офицерами и рядовыми. Шведы послѣ сего собрались и построились вновь между шанцами и обозами своими на открытомъ полѣ и ожидали нападенія Россіянъ. Государь выстроилъ и свои войска противъ Шведскихъ, поставивъ въ срединѣ пѣхоту съ артиллеріею, а по флангамъ конницу. Сраженіе возобновилось: пальба продолжалась съ обѣихъ сторонъ болѣе трехъ часовъ; наконецъ, Шведы, не имѣвъ артиллеріи и претерпѣвъ отъ Россіянъ великой уронъ, показали во фронтѣ своемъ многіе интервалы или пустоту, а Палій, сіе примѣтя, тотчасъ ворвался въ нихъ Козаками и произвелъ всеобщее замѣшательство въ непріятелѣ. Случившійся во весь тотъ день великій туманъ пособствовалъ Козакамъ обхватить ихъ съ тылу и во фланги, а Шведамъ помогалъ онъ скрыть свое отступленіе съ мѣста баталіи. Сіе началось порядкомъ ретирады, но послѣ, смѣшанные Козаками, обратились Шведы въ бѣгъ. Россіяне, гонясь за ними въ туманѣ, побрали въ плѣнъ: Фельдмаршала ихъ Реншильда, и двоюроднаго брата Королевскаго, Принца Виртембергскаго, а Министра и любимца Королевскаго, Пипера, нашли въ обозѣ Шведскомъ съ канцеляріею его и казною; обозъ со всѣмъ лагеремъ достался побѣдителямъ. Король Шведскій, во время сраженія не могши ѣздить на лошади верхомъ, по причинѣ раненной своей ноги, носимъ былъ солдатами на носилкахъ между рядами своихъ войскъ, коихъ поощрялъ онъ къ сраженію, держа въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой шпагу. Но какъ онъ, при пораженіи и замѣшательствѣ войскъ, нѣсколько разъ былъ съ носилокъ опрокинутъ на землю, и раненная нога его, вновь зашибенная, причинила ему боль несносную, то отъ того онъ впалъ въ обморокъ и былъ долго въ безпамятствѣ. И въ ту пору Генералы его, положа Короля въ коляску, выправили его внизъ по теченію рѣки Ворсклы къ Днѣпру, куда и остатки арміи Шведской бѣжали, съ намѣреніемъ переправиться чрезъ ту рѣку. Мазепа съ штатомъ своимъ также туда убирался и былъ Шведамъ единственнымъ проводникомъ, показавъ имъ одну только сію услугу между бездною золъ, отъ прожекта его Шведами претерпѣнныхъ.

Король, опамятовавшись въ дорогѣ, требовалъ къ себѣ любимца своего, Пипера, но ему отвѣчали, что ни Пипера, ни арміи его при немъ нѣтъ, а осталось все то при Полтавѣ, въ плѣну у Московцевъ, сопутствуетъ же ему одинъ Мазепа. Тогда онъ возопилъ: „Ахъ, Боже! Все мое погибло, а только грѣхъ

мой предо мною есть выну!“ Достигнувъ Днѣпра, они остановились при устьѣ рѣки Ворсклы, и когда всѣ остатки Шведскіе туда стягались, Мазепа, между тѣмъ, промышлялъ о переправѣ чрезъ Днѣпръ и, по счастію, собралъ нѣсколько лодокъ Запорожскихъ рыболововъ. Король, садясь въ нихъ съ Мазепою, прощался въ слезахъ съ Генераломъ своимъ, Левенгауптомъ, подоспѣвшимъ тогда съ войсками, и выговорилъ ему, „что лучше бы желалъ онъ въ сей рѣкѣ утопиться, тѣмъ васъ оставлять на жертву непріятелю!“ А когда Левенгауптъ еще спрашивалъ у него Монаршаго приказанія, что ему дѣлать, какъ атакуютъ его Московцы, остающагось безъ амуниціи и провіанта, Король на сіе отвѣчалъ: „Дѣлайте то, что общимъ совѣтомъ приговорите; а я не знаю самъ о себѣ, что со мною будетъ; предаюсь въ волю Божію и васъ тому поручаю, прося всѣхъ васъ простить меня за всѣ тѣ несчастія, въ которыя вы мною повергнуты.“ Потомъ, оборотясь къ Мазепѣ, сказалъ ему со вздохомъ: „Ахъ, Мазепа! Ты-то меня и армію мою погубилъ своими обнадеживаніями!“ и съ тѣмъ отплылъ за Днѣпръ. Переправилось чрезъ сію рѣку около 1,000 Шведовъ, не военныхъ, а болѣе придворныхъ и другихъ штатовъ, и они съ королемъ прибывъ къ границамъ Турецкимъ, переправились чрезъ рѣку Бугъ въ предѣлахъ Очаковскихъ, помощію Паши тамошняго, который проводилъ ихъ до города Бендеръ, гдѣ пробылъ Король по извѣстное въ исторіи время, а Мазепа того же года, Сентября 6-го дня, отъ печали умре, пребывъ остальные свои дни великимъ утѣшителемъ Королю Шведскому, почитавшему его за превосходный разумъ и здравое разсужденіе о великодушіи въ несчастіяхъ. О смерти Мазепиной то замѣчанія достойно, что онъ предъ самою кончиною своею велѣлъ къ себѣ подать ларчикъ съ бумагами и оныя при себѣ сжегъ, сказавъ предстоящимъ: „Пусть одинъ я буду несчастливъ, а не многіе, такіе патріоты, о которыхъ враги мои, можетъ быть, и не думали, или и думать не смѣли; но судьба жестокая все разрушила на неизвѣстный конецъ!“

По разбитіи Шведовъ подъ Полтавою и по взятіи всего, тутъ ихъ бывшаго, командировалъ Государь многихъ Генераловъ и Князя Меншикова съ корпусами для преслѣдованія ихъ по дорогѣ, ведущей къ Днѣпру. Корпуса сіи, идучи по слѣдамъ Шведскимъ, брали въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ постигали изъ слабыхъ, раненныхъ и заблудившихся въ странѣ незнаемой; а дорогу имъ показывали умершіе отъ ранъ и умирающіе по пути отъ изнеможенія; и состояніе ихъ было такъ жалостно, что не коснулся ихъ никто умерщвлять или же озлоблять, а всякъ вспомогалъ имъ пищею, а паче водою, безъ которой они томились жаждою и мучительно умирали. Достигши Днѣпра, нашли всѣ остатки Шведовъ въ узкомъ мѣстѣ, между Днѣпромъ и Ворсклою, при устьѣ сей послѣдней, за мѣстечкомъ Кишеньками, такъ названномъ, видно, по своему мѣстоположенію. Войска Россійскія выстроили тутъ линію свою противъ Шведовъ, отъ берега одной рѣки до другой. Но Шведы, бывъ подъ командою Генерала своего, Левенгаупта, безъ пороха и пуль, не дождавшись атаки Россіянъ,

предложили имъ сдаться на капитуляцію. Договоръ ея былъ короткій, и по нему сдались они, положа оружіе и отдавъ знамена и штандарты въ руки побѣдителямъ, со всѣмъ тѣмъ, что у нихъ ни было, принадлежащаго къ вооруженію, и за симъ взяты они въ плѣнъ; рядовые погнаты пѣшо, а офицеры повезены на подводахъ внутрь Россіи, и ихъ всѣхъ считалось въ плѣну до 17,000. Побѣда надъ Шведами, такъ славная и рѣшительная, торжествована была, обыкновенно, молебствіями и пированіемъ, на которое приглашены были и всѣ плѣнные Генералы и Министры Шведскіе. Имъ возвращены шпаги и оказаны отличныя милости Царя, на простыхъ же плѣнниковъ розданы суммы денежныя для путеваго ихъ снабдѣнія. За тѣмъ начались многія пожалованія и производства своимъ Генераламъ и офицерамъ, а рядовымъ произведено жалованье не въ счетъ обыкновеннаго. Одни Малоросіяне и ихъ войска остались при семъ поношеніемъ и притчею въ людѣхъ, т. е., безъ награжденія и благодарности. И хотя они въ истребленіи арміи Шведской болѣе всѣхъ показали ревности и усердія, хотя они около года губили Шведовъ въ землѣ своей, во всѣхъ мѣстахъ и случаяхъ, гдѣ только удобно постигнуть ихъ могли, не преклоняясь при томъ ни на какія льщенія и обнадеживанія Королевскія и Мазепинскія, однако предлогомъ невѣрности сего одного человѣка, избраннаго Царемъ въ свои наперсники, все то было забыто, и они за симъ неправеднымъ образомъ и единственно по навѣтамъ и ябедамъ злобнаго любимца, Менщикова, повержены въ презрѣніе, поруганіе и гоненіе; а убытки ихъ, раззоренія и опустошенія, двумя арміями причиненныя и почти неизчетныя, остались безъ всякаго вознагражденія и уваженія; словомъ сказать: „Воздали имъ злая за благая, и ненависть за возлюбленіе."

По смерти Мазепы провозглашенъ въ Бендерахъ, отъ стороны Порты Оттоманской и Короля Шведскаго, Гетманомъ Малоросійскимъ Писарь Мазепинъ, Семенъ *Орликъ*, и онъ универсалами своими разсѣвалъ плевелы въ полкахъ Заднѣпрскихъ и во всей Малоросіи, приглашая народъ и войска къ своему повиновенію, и продолжалъ сіе до половины 1711 года, т. е., до заключенія Турками съ Россіею вѣчнаго мира, а тогда изчезъ онъ со всѣмъ своимъ скопищемъ и очутился послѣ на жительствѣ во Франціи, отколь писалъ дважды въ Малоросію, чтобы съ нея подарено было ему 20,000 рублей денегъ, а онъ за то обѣщевалъ выдать въ Малоросію всѣ ея древнія привиллегіи и другіе важные документы національные, имъ при смерти Мазепиной захваченные. Войска и народъ Малоросійскій, отъ временъ Виговскаго и Мазепы, видѣвши столько обманщиковъ, сколько видѣла Великоросія Самозванцевъ, весьма презирали сумазбродства Орликовы и ни мало не внимали его льщеніямъ и затѣямъ, а были привержены непоколебимо къ законному своему начальству. И только одни Запорожцы, бывъ отъ многихъ лѣтъ становищемъ или Сѣчею въ серединѣ почти степей Татарскихъ, т. е., въ устьѣ Днѣпра и Буга, не знали, кому достаются они, и пристали къ Орлику, а съ нимъ и Та-

тарами Крымскими и Бессарабскими дѣлали многіе набѣги и раззоренія въ Малоросіи, а паче въ Заднѣпріи, отмщевая народу за его имъ непослушаніе и сопротивленіе.

Руины Шведскія и погибшія въ ней многія тѣла человѣческія, худо похороненныя или разнесенныя звѣрьми и птицами на поверхность земную, изринули въ 1710 году страшную въ Малоросіи моровую язву. Она началась изъ Полтавщины и протянулась въ Польшу и Галицію, отъ чего весьма много померло людей вездѣ, а паче въ Кіевѣ и другихъ лучшихъ городахъ, въ которые, обыкновенно, во время руинъ стекается народъ со всѣхъ раззоренныхъ селеній и приноситъ съ собою бѣдность, отчаяніе, болѣзнь и самую смерть. Сему губительству народному сопутствовало другое его несчастіе, равнявшееся почти первому. Зловредная саранча, налетѣвшая, какъ грозныя тучи, изъ обыкновеннаго отечества своего, Персіи и Закубанскихъ степей, напала на Малоросію и съѣла до корня засѣвы хлѣбные и все произрастающее. Народъ, пораженный таковыми двумя страшными ударами, думалъ въ отчаяніи, что пришла уже кончина міра, упражнялся въ моленіяхъ и пріуготовленіяхъ къ смерти, мало заботясь о своей жизни несносной. Но голодъ и постояльцы, вошедшіе на зимовлю, разогнали мракъ отчаянія народнаго и понудили его пещись о пропитаніи себя и сихъ гостей и избывать на то послѣднее свое имущество. Правительства народныя не властны были тогда облегчить состояніе своихъ подчиненныхъ, ибо все то отняли у нихъ постояльцы и ихъ начальники, и они сами представляли одинъ ноль, ничего незначущій.

Между тѣмъ Король Шведскій, пребывая въ Бендерахъ, подвигнулъ Турковъ въ Царьградѣ объявить въ пользу его войну Россіи, и походъ арміи Россійской въ Турціи открытъ въ началѣ 1711 года, весною. Въ сей походъ Малоросійскихъ реестровыхъ Козаковъ командировано, подъ начальствомъ Обознаго Генеральнаго, Лизогуба, 20,000, а съ прочими Козаками выступилъ, по указу Царскому, Гетманъ Скоропадскій противъ Крыма. Онъ, прикрывая съ той стороны свои границы отъ рѣки Донца до рѣки Буга, имѣлъ главный станъ свой у Каменнаго Затона. Армія Россійская, довольно многочисленная, но недовольно имѣвшая при себѣ провіанта, подъ предводительствомъ самаго Государя, вошла спокойно внутрь Турецкой Молдавіи, за рѣку Прутъ, но тамо, бывши атакована со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ и изнурена голодомъ, пришла въ послѣднюю крайность совсѣмъ погибнуть или отдаться въ плѣнъ непріятелю. По счастію, компанія сія преисполнена была ошибками съ обѣихъ старонъ, видно устроенными самою Судьбою для пощады человѣчества. Государь ошибкою зашелъ за Прутъ безъ провіанта, надѣясь его получить изъ Молдавіи, котораго, однако, не получилъ, а изнурилъ свои войска до крайности. Визирь Турецкій, обнявши, съ одной стороны Прута, Россійскую армію, также ошибся, убавивъ свою армію до половины и заславъ ее въ тылъ Россіянамъ за Прутъ, и когда бы Россіяне ударили тогда на оставшуюся часть

арміи Турецкой, навѣрно бы ее разбили и обогатились Турецкимъ провіантомъ прежде, чѣмъ Запрутскія войска ихъ могли бъ назадъ переправиться. Но Екатерина I-я, бывшая послѣ Императрицею Россійскою, всѣ тѣ ошибки прикрыла и исправила своимъ благоразуміемъ. Она уговорила Государя и подкупила Визиря помириться, не вступая въ сраженіе, и тѣмъ неизвѣстность сраженія кончила извѣстными на обѣ стороны пользами. Государь съ арміею выпущенъ изъ Турціи свободно и воротился въ свои границы благополучно, а Турки получили обратно завоеванный у нихъ городъ Азовъ, съ окрестностями, да въ пользу союзниковъ своихъ, Поляковъ, пріобрѣли Заднѣпрскую Малоросію по самый Кіевъ, которую принужденъ былъ Государь уступить Польшѣ тогдашнимъ своимъ трактатомъ. Но, поворотясь въ Россію, велѣлъ, говорятъ, онъ Гетману Скоропадскому протестовать о сей уступкѣ, яко неправильно учиненной надъ вольною страною, въ протекціи только Россійской бывшею, при своихъ правахъ и особыхъ съ Царями условіяхъ.

По возвращеніи арміи Россійской съ Турецкаго или Прутскаго похода, въ 1712 году, расположилась одна дивизія, подъ командою Фельдмаршала, Бориса Петровича Шереметева, на квартирахъ въ Малоросіи и навсегда уже она здѣсь оставлена подъ названіемъ Консистентовъ, а современно съ нею вошли и въ города знатнѣйшія Великоросійскія войска и составили въ нихъ непремѣнные гарнизоны, именно: въ Глуховѣ, Стародубѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Кіевѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ и Лубнахъ. Продовольство всѣхъ тѣхъ войскъ и ихъ лошадей провіантомъ и фуражемъ возложено на обывателей Малоросійскихъ, не обходя никого, и даже самыхъ служивыхъ реестровыхъ Козаковъ, а выстаченіе провіанта и фуража положено безъ заплаты и въ натурѣ, т. е., мукою, крупою, овсомъ и сѣномъ, и для сего всѣ селенія и жители обложены были порціонами и раціонами. Для сбору ихъ и представленія въ команды учреждены въ каждомъ городѣ, уѣздѣ или сотнѣ, коммисары, выбранные изъ грамотныхъ и имущественныхъ Козаковъ. Поставка сего провіанта и фуража въ войска значила не одно продовольство людей и лошадей, но служила она и хорошею контрибуціею для командировъ воинскихъ, а то дѣлалось такимъ образомъ: Когда въ удобное время поставляютъ коммисары провіантъ и фуражъ въ команды, то командиры его не принимаютъ, а говорятъ, что „онъ, завременно приготовленный, протухнетъ или вытхнется, и отъ того интересъ Государевъ постраждетъ.“ Когда же наступятъ обыкновенные годичные мѣсяцы, Мартъ и Ноябрь, съ крайнимъ бездорожьемъ, тогда они и потребуютъ сихъ выстаченій вдругъ, съ экзекуціями и побоями. Коммисары, зная невозможность поставки натурою, а паче изъ отдаленнаго разстоянія, прибѣгаютъ къ войсковымъ командирамъ, ползаютъ предъ ними, вытерпливаютъ всѣ ужасы придирокъ и самыхъ пощечинъ, и, наконецъ, умилостивляютъ ихъ и платятъ имъ всякую порцію и рацію деньгами, и вдесятеро больше, чего они стоятъ. Отважные же коммисары, поставившіе тогда участки свои нату-

рою, должны выдержать странное испытаніе фуража на самихъ себѣ, т. е., всѣ начальники, даже и рядовые, по перемѣнкамъ порютъ коммисара въ носъ и губы сѣномъ и овсомъ, говоря, что „онъ или крупенъ, или мелокъ, либо худаго урожая, и что много отъ того претерпитъ интересъ Государевъ;" за тѣмъ все кончится приношеніемъ и пожертвованіемъ. Но коммисаръ, возвращающійся отъ отдачи натурою, всегда уже примѣтенъ по разбитымъ губамъ и огромному носу, и отъ сего многіе Козаки потеряли имѣніе свое, откупаясь отъ коммисаровъ.

Гетманъ Скоропадскій, ища облегченія въ возложенныхъ тягостяхъ народу Малоросійскому, и безъ того раззоренному до крайности войною, язвою и сараною, подарилъ Князю Менщикову свою урядовую Гетманскую, Почепскую волость, съ городомъ Почепомъ, и просилъ его о ходатайствованіи у Царя милости въ пользу народную. Менщиковъ, получа отъ Гетмана такой знатной подарокъ, увеличилъ его собственною своею властію вдесятеро, и подъ видомъ древняго уѣзда Почепскаго, присоединилъ къ Почепской волости сотни: Мглинскую, Бакланскую, и части сотень Стародубской и Погарской, занявъ все то своимъ ограниченіемъ и проведенною притомъ чрезъ иностранцевъ всемогущею астролябіею, которой до толѣ во всей Руси не бывало и предъ которою все было безмолвно, почитая направленіе и дѣйствіе ея магнита божественнымъ или магическимъ произведеніемъ. Вошедшіе въ то ограниченіе владѣльцы, чиновники и Козаки, съ ихъ крестьянами или посполитыми, причислены къ Почепу и обложены всѣми повинностями посполитства тамошняго, считая всю Почепщину тогдашнюю удѣльнымъ княжествомъ Менщиковымъ; а разставленные во многихъ мѣстахъ гербы Княжескіе съ титуломъ его, оканчивающимся, обыкновенно, сими словами: „и прочая, и прочая, и прочая," заставляли всѣхъ думать, что древнія пагубныя дѣленія Руси на Княжества опять отрыгнулись. Между тѣмъ попавшіесь въ сіе химическое Княжество владѣльцы и чиновники жалованы были по волости бургомистрами городскими и войтами сельскими, и долго сносили иго сіе, какъ оглушенные или обмороченные. Гетманъ, увидя, что подарокъ его Менщикову послужилъ только къ порабощенію и раззоренію многихъ людей и даже благородныхъ, дѣлалъ къ Государю о томъ свои представленія, и по нихъ, говорятъ, Государь Менщикова штрафовалъ; но сіе еще больше раздражило Менщикова и сдѣлало его непримиримымъ врагомъ Гетману и всей вообще Малоросіи, которая въ послѣдствіи выпила отъ злобы любимца сего самую горестную чашу мщенія; а любовь къ нему Царская породилась еще во время его пирожничества и отъ обыкновенныхъ угожденій слабостямъ человѣческимъ. Но были онѣ необыкновенными въ обладаніи Царемъ и его склонностями такъ, что сей Государь, при всей добротѣ своей души, слѣпо повиновался Менщикову, угождая коварнымъ его намѣреніямъ. Первымъ сигналомъ мщенія Менщикова было посѣщеніе его всей Почепщины, а оттоль резиденціи Гетманской, города Глухова, гдѣ, хотя и дѣланы ему отъ Гетмана всевозможныя

встрѣчи, торжества и угощенія, однако велѣлъ онъ при себѣ поставить на площади Глуховской каменный столбъ, и на немъ воткнуть пять желѣзныхъ спицъ, по числу головъ, Гетманской и Генеральныхъ Старшинъ. Гетманъ не преминулъ опять жаловаться Государю за такую тяжкую ему обиду и самое презрительное поношеніе, и Государь, говорятъ, опять штрафовалъ за то Менщикова, но тѣмъ болѣе умножилъ злобу его и поиски надъ Гетманомъ и Малоросіею. Всеобщее мщеніе произведено Малоросіянамъ отъ Менщикова посылкою многочисленныхъ войскъ ихъ, при такомъ же числѣ чиновниковъ, на выдуманные имъ каналы и линіи около Ладоги, Сулака и Астрахани, гдѣ отъ тяжелыхъ работъ каторжныхъ, а паче отъ жестокости климатовъ тамошнихъ и крайне худаго содержанія, великія тысячи ихъ согнили и перемерли, а при повтореніи сихъ посылокъ и работъ чрезъ нѣсколько лѣтъ погибли и переведены всѣ ихъ устроенныя войска. Поступившіе же на ихъ мѣста молодые Козаки оставлены безъ всякаго устройства и повержены въ таковое же презрѣніе и употребленіе, удаленное почти отъ должностей воинскихъ. Владѣльцы Малоросійскіе, или знатные помѣщики тамошніе воспріяли участокъ мщенія Менщикова отборомъ многихъ у нихъ деревень и другихъ недвижимыхъ имѣній. Предлогомъ тому было жительство въ ихъ деревняхъ и на ихъ земляхъ Великороссійскихъ бѣглыхъ крестьянъ, помѣщичьихъ и коронныхъ, которые переселились сюда еще за Польскаго владѣнія Малоросіею. А бѣгали они изъ прежнихъ своихъ жительствъ, яко бы по причинѣ на нихъ гоненій за вѣру нѣкуюсь, старую Христіанскую, о которой въ Малоросіи и слуху не было, а только извѣстно въ ней, что въ началѣ XII-го вѣка одинъ бродяга Армянской ереси, Мартынъ Мнихъ, разсѣвалъ бредни свои подъ видомъ Греческаго Іеромонаха, въ сѣверной и восточной части Великоросіи, и многихъ заразилъ тамъ своимъ заблужденіемъ. Но когда приволокся онъ съ такимъ умысломъ на границу Малоросійскую, то въ селѣ Рублевкѣ, въ окрестности города Опошни, взятъ подъ арестъ и отправленъ въ Кіевъ, гдѣ сужденъ онъ Митрополитомъ и всѣмъ духовнымъ соборомъ тамошнимъ, и по приговору его, апробованному и утвержденному Константинопольскимъ Патріархомъ, которому тогда Малоросійское духовенство подчинено было, сожженъ публично со всѣми сочиненіями своими, исполненными самыхъ вздорныхъ бредней. Отобранныя у помѣщиковъ деревни названы Описными Государевыми слободами и изъяты отъ подчиненности Малоросійскихъ правительствъ, а подчинены особенной волостной Конторѣ, учрежденной въ слободѣ Климовой, подъ начальствомъ отставныхъ офицеровъ, и названа она Конторою описныхъ Малоросійскихъ раскольничьихъ слободъ. Названіе раскольниковъ приписываемо было всему крестьянству, въ вѣдомствѣ той Конторы бывшему; а названы они раскольниками по тому, что многочисленные акты ихъ или разнообразные толки не подходятъ ни въ какой сектѣ Христіанской и ниже къ деистической, а суть онѣ одинъ бредъ мужичій, взятый изъ самаго грубаго язычества и умноженный безумнымъ суевѣріемъ.

Онъ состоитъ въ выборѣ ручныхъ перстовъ, которыми бъ сильнѣй креститься, и въ разборѣ образовъ Угодничьихъ и крестовъ Христовыхъ, и который образъ отъ другихъ старѣе, богатѣе и безобразнѣе, тотъ у нихъ и достойнѣйшій къ почитанію; крестъ, имѣющій больше концевъ, есть предпочтительнѣе тѣхъ, которые о четырехъ концахъ, и сихъ иные считаютъ печатью Антихристовою. Равно и о книгахъ Христіанскихъ тоже бредятъ, что которая изъ нихъ старѣе и меньше вразумительна, та и священнѣе; и въ такихъ разборахъ весь ихъ догматъ состоитъ. О существѣ же самой религіи и законѣ Христіанскомъ и понятія они не имѣютъ, а готовы спорить за все съ найлучшими богословами до бѣшенства, и скорѣе пойдутъ на всѣ мученія, чѣмъ признаются въ томъ, чего не понимаютъ. Раскольники сіи умножились въ Россіи по мѣрѣ ихъ преслѣдованія, а разбѣгались изъ нея также по мѣрѣ сихъ преслѣдованій. Они наполнили выходцами своими всю Польшу, Пруссію, Молдавію и Бессарабію; но пострадали за нихъ одни помѣщики Малоросійскіе, да и то мірскіе. А монастыри, ублаживше Менщикова, удержали ихъ навсегда въ своемъ крестьянствѣ, и лишились ихъ уже при всеобщей своей руинѣ.

Гетманъ Скоропадскій чрезъ весь 1715 годъ стоялъ съ знатнымъ корпусомъ войскъ своихъ за Днѣпромъ, около Кіева, и примѣчалъ за движеніемъ Польскихъ вельможъ, ихъ урядниковъ и жолнѣрства, кои дѣлили тогда между собою прежде бывшіе Малоросійскіе Заднѣпрскіе полки, недавно имъ отъ Царя уступленные. Уступка сія, натурально, сдѣлана для Рѣчи Посполитой, т. е., въ пользу всей націи Польской; но вельможи, пользуясь тогдашнимъ безначаліемъ или междуцарствіемъ, на первомъ бывшемъ у нихъ Сеймѣ, задобривъ Примаса и управляющихъ Сеймомъ чиновниковъ, а раду ихъ, составленную, обыкновенно, изъ мелкой и убогой Шляхты, обдаривъ жупанами и удовольствовавъ пирушками, раздѣлили полки оные врознь между собою и утвердили дѣлежъ сей Сеймовымъ опредѣленіемъ, подъ предлогомъ, что они прежнее число войска Козацкаго сами выставлять будутъ для Рѣчи Посполитой, владѣя ими безъ посредства національныхъ чиновниковъ. И такъ обовладѣвши тѣми полками и отъ времени до времени раздробляя ихъ по своимъ фамиліямъ, поработили, наконецъ, сихъ Козаковъ въ свое крестьянство, и полки Заднѣпрскіе такимъ образомъ уничтожены; а только имѣли помѣщики тамошніе по нѣскольку Козаковъ для своихъ прислугъ партикулярныхъ, подъ именемъ служиваго хлопства. Чиновники и знатнѣйшіе Козаки полковъ Заднѣпрскихъ по имянному Царскому указу 1711 года, Сентября 23 дня, къ Полковникамъ: Бѣлоцерковскому, Антонію Танскому, и всѣмъ другимъ состоявшемусь, оставя въ Заднѣпріи недвижимыя свои имѣнія, перешли на сію сторону Днѣпра и размѣстились въ Малоросіи и Слободскихъ полкахъ. Переходъ сей продолжался и въ семъ году подъ прикрытіемъ корпуса Гетманскаго.

Полки Малоросійскіе, продолжая работы линій и каналовъ, раздѣлены были на большія коман-

ды или корпусы и состояли, при Царицынѣ, подъ командою Хорунжаго Генеральнаго, Ивана Сулимы, и инженера, прозваніемъ Перра, гдѣ дѣлали линіи отъ Ордъ Кубанскихъ и рыли каналъ для соединенія рѣкъ Дона и Волги. При Ладожскомъ же озерѣ командовали ими, съ перемѣною по годамъ: Наказный Гетманъ, Полковникъ Черниговскій, Павелъ Полуботокъ, Лубенскій, Полковникъ, Андрей Марковичъ, Наказный Гетманъ, Полковникъ Полтавскій, Иванъ Черньшъ. Они осушали непроходимыя болота и рыли каналы для прохода водныхъ судовъ къ Санктпетербургъ, городъ новопостроенный Государемъ на свое имя въ самыхъ Сѣверныхъ болотахъ, при устьѣ рѣки Невы, который созиданъ весь почти на сваяхъ и насыпяхъ и былъ могилою многочисленнаго народа, погибшаго отъ мокротъ, тягости и стужи. Да отъ стороны Персидскихъ и Горскихъ границъ начальствовали при рѣкѣ Сулакѣ, чрезъ три года, Полковники: Гадяцкій, Гаврило Милородовичъ, и Лубенскій, Марковичъ, и при нихъ дѣлана крѣпость Святаго Креста съ другими пограничными укрѣпленіями, и высыпаны плотины со многими каналами и насыпями.

По возвращеніи въ 1718 году Государя изъ чужихъ краевъ, въ которыхъ вояжировалъ онъ около 2-хъ лѣтъ и былъ при томъ во Франціи и столичномъ ея городѣ, Парижѣ, Гетманъ Скоропадскій, съ Старшиною Генеральною и Полковниками, отправился къ нему въ Москву съ поздравленіемъ его съ счастливымъ возвращеніемъ изъ такъ отдаленнаго путешествія и съ донесеніемъ о всемъ, въ отсутствіе его происходившемъ внутрь націи и на границахъ. Государь принялъ Гетмана и Старшину его очень благосклонно, возилъ ихъ съ собою въ новый городъ, С.-Петербургъ, и тамо ласковыми пріемами и такими жъ угощеніями довольно ихъ осчастливилъ. Но они почитали крайнимъ своимъ несчастіемъ присутствіе ихъ при необыкновенномъ судѣ, бывшемъ тогда надъ Царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ, которымъ сей Царевичь осужденъ на смерть и 26 Іюня [200] скончался. Въ вину Царевичу приписывали выѣздъ его изъ Россіи въ Цесарію безъ вѣдома и позволенія отца его и Государя; а выѣздъ тотъ имъ учиненъ, яко бы для избѣжанія обязательствъ на отреченіе свое отъ царства Рускаго и чтобы за тѣмъ удалиться въ монастырь и постричься въ монахи. Причина удаленія Царевича отъ наслѣдства и престола, хотя есть тайна непроницаемая, но, судя по наружности и по семейномъ состояніи фамиліи Царской, заключили многіе, что Царевичъ огорчилъ тогда отца своего, вступаясь за родную свою мать, сосланную въ монастырь, и что, по тому, предоставлялъ Царь наслѣдіе свое другимъ своимъ дѣтямъ, отъ втораго супружества бывшимъ. Какъ бы ни было, но Гетманъ и Старшины его отреклись отъ приговора Царевича на смерть, и когда у нихъ отбирано о семъ мнѣніе, то объявили съ твердостію, что „судить сына съ отцемъ и своимъ Государемъ они ни какой власти не имѣютъ, да и никто изъ согражданъ въ такомъ важномъ дѣлѣ безпристрастнымъ судіею быть не можетъ.“

Государь, учреждая въ томъ году равныя Коллегіи, учредилъ притомъ Духовный Правительствующій Синодъ на мѣсто прежде бывшаго Патріаршаго правленія, которое, вмѣстѣ съ симъ Патріархомъ, тогда упразднено, и для сего сочинены многіе уставы и Духовный Регламентъ, а къ выслушанію сего послѣдняго и дачи на него согласія съ подписками, звано въ С-Петербургъ Малоросійское первѣйшее духовенство. Митрополитъ Кіевскій, Іоасафъ Кроковскій, получа о томъ повелѣніе, держалъ первѣе у себя духовный Соборъ по поводу предметовъ оныхъ, и какъ при томъ пронесся слухъ, обыкновенный при всѣхъ новостяхъ, о отборѣ у духовенства недвижимыхъ имѣній, и что они останутся, иные на жалованьѣ, а другіе на доброхотномъ подаяніи, то Митрополитъ приговорилъ своимъ Соборомъ не соглашаться на таковыя постановленія и на нихъ не подписываться, а объявить въ общемъ собраніи Россійскаго духовенства, что они отьинуду имѣютъ свои имѣнія, а не отъ правительствъ Россійскихъ, и что даръ и надача тѣхъ имѣній на храмы Христіанскіе и на ихъ служителей учинены отъ такихъ особъ и властей, кои на то имѣли право и свободу, законами утвержденную; а законы оные подтверждены договорными статьями, съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и царствомъ Россійскимъ заключенными отъ ихъ націи. Но когда проѣзжалъ Митрополитъ Кроковскій съ Епископами и прочимъ духовенствомъ своимъ въ С.-Петербургъ, то, по подозрѣніямъ о Соборномъ его приговорѣ, донесеннымъ отъ чернеца Свинскаго монастыря, Иринея, взятъ онъ въ городѣ Твери подъ стражу и запертъ въ тамошній монастырь, гдѣ скоро умре. Первенство же надъ духовенствомъ имѣлъ Епископъ Переяславскій, Кириллъ Шумлянскій, который съ тѣмъ духовенствомъ все, отъ нихъ требованное, подписалъ безъ всякаго сопротивленія. Воротившееся изъ Петербурга духовенство, а паче первенствующій между Архимандритами, Кіевопечерскій Архимандритъ, Іоакимъ Сенютовичь, поражены были страшнымъ приключеніемъ, сочтеннымъ ими за вѣрный прогностикъ на перемѣну въ монашествѣ; а то былъ необыкновенный пожаръ въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, случившійся, отъ недосмотра Намѣстника, въ отсутствіе Архимандрита, который весь почти монастырь обратилъ въ пепелъ и развалины, при другихъ драгоцѣнностяхъ церковныхъ и монастырскихъ, цѣлыми вѣками собранныхъ. Неоцѣненною потерею считалась самая первая въ Россіи, многочисленная и найдревнѣйшая, библіотека, собранная и умноженная Великимъ Княземъ Кіевскимъ, Ярославомъ Владиміровичемъ, и сбереженная въ пещерахъ отъ всѣхъ прежде бывшихъ непріятельскихъ нашествій и руинъ, но нынѣ, къ стыду содержателей ея и къ крайнему сожалѣнію просвѣщенныхъ соотечественниковъ, среди благоденствія и тишины, пламенемъ поглощенная. Въ ней содержались великія тысячи книгъ рукописныхъ и разныхъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ, и многія между ними на такихъ, которые и ученымъ тогдашнимъ мужамъ не были свѣдомы, а особливо всѣ записки и документы, до исторіи правленія Славян-

скихъ племенъ и царствъ и до ихъ законовъ и устройствъ касающіесь. Государь, при печальномъ извѣстіи о такой важной потерѣ, не могъ удержаться отъ слезъ; но она была невозвратна.

Продолжавшаясь со Швеціею такъ долговременная война, наконецъ, въ Августѣ, 1721 года, кончилась миромъ, и трактатъ мирныхъ условій съ обѣихъ сторонъ подписанъ въ Нейштатѣ, при границѣ Шведской. По нему получила Россія многія провинціи отъ Шведовъ изъ завоеванныхъ ею, при Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ, Ливонскихъ земель. Трактатъ оный напечатанъ и публикованъ во всей Россіи съ обыкновенными торжествами, а главное торжество совершилось въ городѣ Москвѣ, при чемъ отъ Сената и Синода именемъ всего народа приписанъ и поднесенъ Царю титулъ: „Петръ Великій, Императоръ Всеросійскій и Отецъ Отечества.“ Гетманъ въ исходѣ сего года отправился съ Генеральною Старшиною, съ многими Полковниками и Бунчуковыми Товарищами въ Москву, съ поздравленіемъ Государя своего съ славнымъ миромъ и воспріятіемъ Императорскаго титула. При чемъ учинена Гетманомъ и всею Старшиною его, совмѣстно со всѣми Боярами и чиновниками Великоросійскими, присяга на содержаніе устава, такъ названнаго: „О правдѣ воли Монаршей,“ т. е., что Его Величество, кого восхощетъ опредѣлить по себѣ наслѣдникомъ скипетра Россійскаго, имѣетъ совершенную въ томъ свободу, о чемъ и во всей Россіи была генеральная присяга, равно учинена оная тогда же и въ полкахъ Малоросійскихъ. Но молва народная, преслѣдующая, обыкновенно, всѣ новизны, не оставила и ея безъ своего сужденія, и она отнеслась въ пользу наслѣдства, а не выбора, и доказывала врожденную склонность къ своимъ Монархамъ.

Гетманъ Скоропадскій, съ чиновниками своими возвращаясь въ 1722 году изъ Москвы въ Малоросію, получилъ, чрезъ Министра, Петра Андреевича Толстаго, новый отъ Императора имянной указъ, бывшій для него громовымъ ударомъ. Въ немъ повелѣлъ Императоръ быть въ Малоросіи Коллегіи, подъ предсѣдательствомъ Бригадира, Степана Вельяминова, и десяти при немъ офицерамъ гарнизоннымъ, смѣняющимся погодно. Должность имъ предписана учредить и взымать сборы, денежные и хлѣбные, со всѣхъ жителей Малоросійскихъ и со всего ихъ стяжанія, не обходя ничего и никого, а въ Коллегіи вершить дѣла по апеляціямъ отъ всѣхъ правительствъ Малоросійскихъ, къ нимъ на ревизію входящія, каковы въ тѣхъ правительствахъ рѣшены были на основаніи Малоросійскихъ правъ, въ Статутѣ начертанныхъ, который сличали бы они послѣ съ своимъ Статутомъ, въ присутствіи ихъ бывшимъ, и тѣмъ однимъ дѣла свои кончали. Гетманъ, прибывъ въ Глуховъ того года, Іюня 3-го дня, умре и погребенъ въ Гамаліевскомъ каменномъ монастырѣ, при рѣкѣ Шосткѣ, Гетманшею, Настасіею Марковичевою, построенномъ. По смерти его заразъ Коллегія учреждена прибывшимъ для того Бригадиромъ Вельяминовымъ и гарнизонными офицерами, между которыми вмѣщались Генеральные Старшины и Полковникъ Черниговскій, Павелъ Полуботокъ, назна-

ченный указомъ Сенатскимъ къ правленію должности Гетманской. Въ слѣдъ за симъ учреждены сборы со всѣхъ жительствъ, произрастеній, скотоводства, пасѣкъ и промышленности, не уваживъ при томъ ни какихъ состояній и привиллегій.

Императоръ въ томъ же году предпринялъ путь рѣками, впадающими въ Волгу, къ городу Астрахани. Армія его слѣдовала туда сухимъ путемъ, въ которой Малоросійскихъ Казаковъ находилось 12,000, подъ командою Наказнаго Гетмана, Полковника Миргородскаго, Данила Апостола, и Полковника Прилуцкаго, Игната Галагана, и Кіевскаго, Антона Танскаго. Отъ Астрахани сдѣланъ походъ всею арміею къ границамъ Персидскимъ, и армія, проходя жилища Горскихъ и Каракалпацкихъ Татаръ къ рѣкѣ Тереку, покорила многихъ изъ ихъ владѣльцевъ, а достигнувъ Персидскихъ границъ, обовладѣла тамошнимъ городомъ, Дербентомъ, почитавшимся за ключь Персіи съ сей стороны. Походъ сей, въ разсужденіи военныхъ дѣйствій съ Азіатическими народами, ни мало не отяготилъ войскъ Россійскихъ, и все имъ уступало и покорялось при первыхъ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ. Но въ разсужденіи положенія земли тамошней, ея горъ и утесовъ, а паче по причинѣ жаркаго и сухаго климата, былъ онъ для народа здѣшняго крайне несносенъ и губителенъ, и войска возвращались оттоль въ самомъ жалостномъ состояніи, безъ лошадей и провіянта, имѣвши видъ изсохшій и близкій къ Египетскимъ муміямъ, а знатная часть ихъ померла и растеряна въ скалахъ и пропастяхъ Горскихъ. Сверхъ сихъ, возвращающихся изъ Персіи, войскъ, въ началѣ 1723 года командировано еще 12,000 Малоросійскихъ Козаковъ на Коломакъ, въ команду Фельдмаршала, Михайла Михайловича, Голицына, при всѣхъ своихъ начальникахъ, гдѣ они пробыли до успокоенія границъ отъ Персіи и Крыма, которыя тогда тревожились.

Въ отсутствіе Императора Генеральные Малоросійскіе Старшины, съ правителемъ Полуботкомъ, сдѣлали представленіе въ Сенатъ о неумѣренныхъ налогахъ и податяхъ, установленныхъ, Бригадиромъ Вельяминовымъ, на всѣхъ чиновъ и Козаковъ Малоросійскихъ, безъ уваженія ихъ состояній и привиллегій, и вопреки самыхъ договорныхъ статей, съ Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ заключенныхъ. Сенатъ по тому представленію, насланнымъ въ Коллегію указомъ, уволнилъ было всѣхъ Старшинъ и Козаковъ отъ всѣхъ податей, уважая ихъ службу, на своемъ коштѣ и въ собственномъ вооруженіи производимую, которая несравненно болѣе стоитъ, чѣмъ тѣ подати. Но Государь, возвратившись изъ Дербентскаго похода, по доносу Вельяминова, опять велѣлъ подати оныя взыскивать, не обходя никого и не уважая ничего, а просившихъ о томъ Старшинъ Генеральныхъ и Полуботка сыскать къ отвѣту, въ Петербургъ, чрезъ нарочнаго курьера. По чему они, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 1723 года, туда отъ Коллегіи выправлены, а именно: Полковникъ Полуботокъ, Судья Генеральный, Чорнышъ, Писарь Генеральный, Семенъ Савичъ, и Бунчуковые Товарищи: Иванъ Корецкій, изъ Ста-

родуба, Карпика изъ Переяславля, Гребенка изъ Гадяча, да при нихъ Канцеляристы Войсковые: Володьковскій, Ханенко и Рамоновичь. Чиновники оные, прибывъ въ Петербургъ и представъ предъ Государя своего, просили его найубѣдительнѣйше, стоя на колѣняхъ, о пощадѣ отечества своего, угнѣтеннаго до крайности налогами и всѣхъ родовъ притѣсненіями, производимыми Бригадиромъ Вельяминовымъ и его Коллежскими чинами, и просили еще о возстановленіи правъ ихъ и привиллегій, договорными статьями и мирными Царскими грамотами подтвержденныхъ, и чтобы по нимъ позволено было имъ избрать себѣ Гетмана вольными голосами. Государь, по внушенію прежняго и единственнаго гонителя Малоросійскаго, Менщикова, всегда преслѣдовавшаго Малоросіянъ съ крайнею злобою и мщеніемъ, назвавъ ихъ измѣнниками и вѣроломцами, повелѣлъ истязать ихъ и судить Тайной Канцеляріи а квартиру ихъ, бывшую на Троицкой пристани, подлѣ кофейнаго дому, обнять крѣпкою стражею. Тайная сія Канцелярія, не сходствовала ни съ какими гражданскими и духовными судилищами и ихъ правами и обрядами, а была она единственною въ своемъ родѣ и во всемъ мірѣ, и только подобилась нѣсколько Священной Римской Инквизиціи. Въ ней не принимались доказательства и оправданія, ни письменныя, ни свидѣтельскія, ни совѣстныя, т. е., подъ присягою; но испытывали и взыскивали въ ней собственнаго признанія въ возводимыхъ винахъ, или подозрѣніяхъ. Не признающій себя виновнымъ долженъ вытерпѣть то пыткою чрезъ три пріема или перемѣны и разными орудіями, а наконецъ огненными, т. е., раскаленною желѣзною шиною и зажженною сѣрою. Такимъ образомъ, когда Писарь Генеральный, Савичь, въ оной Тайной Канцеляріи вопрошаемъ былъ самимъ Государемъ: „Знаетъ ли онъ о зломъ умыслѣ товарищей его и соотечественниковъ, кои душили барановъ?" а онъ отвѣчалъ на сіе съ обыкновенною тогдашнею Малоросійскою вѣжливостію: „Не скажу Вашеци!" то за сіе изреченіе, за сію вѣжливость, встрѣченъ былъ, на первый случай, хорошею пощечиною, а дальше приговоренъ въ пытку. По счастію Савича, ожидавшій здѣсь очереди своей, Канцеляристъ Володьковскій объявилъ Государю, что реченіе Савичево: „Не скажу Вашеци!" не значитъ упрямство или умышленное запирательство, а значитъ оно то, что по вѣжливости говорится иными: „Не могу доложить Вашему Величеству", или по простосердечію говорятъ: „Незнаю." Государь, хотя уважилъ объясненіе Володьковскаго и пріостановилъ пытку Савичу, но посылалъ въ Малороссію нарочнаго чиновника справиться, подлинно ли реченіе оное употребительно въ Малоросіи; и посылка сія стоила казнѣ 70 рублей, кои съ Савича и взысканы; а онъ, между тѣмъ, просидѣлъ до возвращенія посланца въ тяжкой неволѣ. Проведши Тайная Канцелярія въ изысканіяхъ своихъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, 10-го числа Ноября, осудила чиновниковъ Малоросійскихъ на вѣчное заточеніе и лишеніе имѣнія ихъ въ пользу Государя и его казны. И когда объявили имъ учиненный ею о томъ приговоръ, то Полковникъ Полу-

бетокъ присутствующему при семъ Государю Императору сказалъ: „Вижу, Государь, и понимаю, изъ „какого источника почерпнулъ Ты „злость тую, которая не сродна „сердцу Твоему и неприлична „характеру Помазанника Божія. „Правота и кротость, судъ и ми„лость, суть единственное досто„яніе всѣхъ Монарховъ міра сего, „и законы, управляющіе всѣмъ во„обще человѣчествомъ и охраняю„щіе его отъ золъ, есть точное зер„цало Царямъ и Владыкамъ на ихъ „должность и поведеніе, и они пер„вые блюстители и хранители имъ „быть должны. Откуда же произ„ходитъ, что Ты, о Государь! пос„тавляя себя выше законовъ, тер„заешь насъ единою властію своею „и повергаешь въ вѣчное заключе„ніе, присвоивъ въ казну собствен„ное имѣніе наше? Вина, на насъ „возводимая, есть одна должность „наша, и должность священная, во „всѣхъ народахъ тако чтимая, а „отнюдь не законопреступная и „осужденію повинная. Мы просили „и просимъ отъ лица народа своего „о пощадѣ отечества нашего, непра„ведно гонимаго и безъ жалости раз„зоряемаго, просимъ о возстановле„ніи правъ нашихъ и преимуществъ, „торжественными договорами ут„вержденныхъ, которыя и Ты, „Государь, нѣсколько разъ под„тверждалъ. Народъ нашъ, бывши „единоплемененъ и единовѣренъ „Твоему народу, усилилъ его и „возвеличилъ царство Твое добро„вольнымъ соединеніемъ своимъ въ „такое время, когда еще въ немъ „все младенчествовало и выходи„ло изъ хаоса смутныхъ временъ „и почти изъ самаго ничтожест„ва. И сіе одно недовлѣло бы ему „погубить у васъ изды своея; но „мы, съ народомъ своимъ, не пре„ставали, сверхъ того, знатно помо„гать вамъ всѣмъ во всѣхъ воинскихъ „ополченіяхъ и пріобрѣтеніяхъ ва„шихъ, и, не говоря о Смоленщинѣ „и Польшѣ, одна Шведская война „доказываетъ безпримѣрное усер„діе наше къ Тебѣ и Россіи. Ибо „всѣмъ извѣстно, что мы одни цѣ„лую половину арміи Шведской „погубили въ землѣ своей и въ „жилищахъ нашихъ, не вдаваясь „при томъ ни въ какія льщенія „и искушенія, и сдѣлавъ Тебя въ „состояніи переселить удивитель„ное мужество и отчаянную храб„рость Шведовъ; но за то пріоб„рѣли себѣ одно поношеніе и оз„лобленіе и, вмѣсто благодарности „и воздаянія, повержены въ само„неключимое рабство, платить дань „поносную и несносную, и застав„лены рыть линіи и каналы и осу„шать непроходимыя болота, уту„чняя все то тѣлами нашихъ мер„твецовъ, падшихъ цѣлыми тыся„чами отъ тяжестей, голода и кли„матовъ. Всѣ оныя бѣды и скорби „наши усовершенствованы, нако„нецъ нынѣшнимъ правленіемъ, на„шимъ. Владычествующіе надъ на„ми чиновники Московскіе, незнаю„щіе правъ и обычаевъ нашихъ и „почти безграмотные, знаютъ толь„ко одно то, что они властны дѣлать „намъ все, не касаяся однихъ душъ „нашихъ. И такъ, бывши мы окру„жены со всѣхъ сторонъ гоненія„ми и напастьми, къ кому иному „прибѣгать должны съ воплями „своими, какъ не къ Тебѣ, Авгус„тѣйшій Монархъ? Ты покрови„тель нашъ и споручитель за бла„годенствіе наше. Но злоба любим„ца Твоего, непримиримаго врага „нашего и местника, совратила „Тебя съ пути истины и мерзитъ

„царствоваваніе Твое. Повергать „народы въ рабство и владѣть рабами и невольниками есть дѣло „Азіятскаго тирана, а не Христіанскаго Монарха, который долженъ славиться и дѣйствительно „быть верховнымъ отцемъ народовъ. Я знаю, что насъ ждутъ оковы „и мрачныя темницы, гдѣ уморятъ „насъ гладомъ и притѣсненіемъ, по „обычаю Московскому; но, пока еще „живъ, говорю тебѣ истину, о Государь! что воздаси Ты непремѣнно отчетъ предъ Царемъ всѣхъ „Царей, Всемогущимъ Богомъ, за „погибель нашу и всего народа.“

Государь, выслушавъ терпѣливо рѣчь Полуботкову, не сдѣлалъ, однако, ни какого ему и товарищамъ его снисхожденія, но повлекли ихъ тотчасъ въ новую Петропавловскую крѣпость и тамо перековали и заключили ихъ въ темницы. Имѣніе, при нихъ бывшее, до послѣдней вещицы, отобрано отъ нихъ и роздано въ даръ разнымъ чиновникамъ и стражамъ темничнымъ, а иное переведено на деньги и причислено въ казну Государеву, равно и Малоросійскія ихъ имѣнія, движимыя и недвижимыя, да и самые жилые домы, по указу Государеву, конфискованы Коллегіею на Государя; а семейства узниковъ изгнаны изъ нихъ и скитались по разнымъ чужимъ домамъ, питаясь съ подаянія милостыни, на ряду нищихъ. Въ слѣдъ за сими узниками сысканы изъ Малоросіи оставшіесь въ ней чинами Коллегіи: Асаулъ Генеральный, Василій Жураховскій, Бунчужный Генеральный, Яковъ Лизогубъ, Полковники: Миргородскій, Апостолъ, и Гадяцкій, Милорадовичъ, кои также окованы и посажены въ темницы въ Петербургѣ, имѣнія же ихъ всѣ до послѣдка конфискованы и забраны на Государя. А еще въ слѣдъ за тѣмъ забраны со всѣхъ полковъ Малоросійскихъ правившіе полками и сотнями и посажены въ тюрьмы при Коллегіи въ Глуховѣ, а имѣнія ихъ, по одному и тому же плану, отобраны на Государя и причислены въ его казну. И такъ, въ сіи три пріема поражены были всѣ первенцы правительствъ Малоросійскихъ, а на ихъ мѣста опредѣлены чиновники Великоросійскіе, и между ими Полковники: въ Стародубъ Леонтій Кокошкинъ, въ Черниговъ Михайло Богдановъ, и въ Нѣжинъ Петръ Толстой. Вина связней сихъ объявлена была отъ Государя имяннымъ его указомъ, въ Малоросіи публикованнымъ, что, „По недоброжелательству ихъ „къ нему, Государю, и Царству, „его, не только не развели они, но „худо сберегли, тѣхъ овецъ и барановъ, кои онъ выписалъ дорогою цѣною изъ Шлезіи и раздалъ было на содержаніе и прокормленіе въ Малоросіи, гдѣ они „пропадали не по болѣзнямъ своимъ, а отъ неусердія и злыхъ замысловъ чиновниковъ, которые „мыслили только о Сеймахъ своихъ „и вредныхъ выборахъ.“ Заключенные такимъ образомъ чиновники томились въ темницахъ своихъ болѣе года, и отъ обыкновеннаго въ нихъ притѣсненія, а паче отъ сырости крѣпостныхъ строеній, въ 1724 году померли въ нихъ въ оковахъ, Полковники: Полуботокъ и Карпика, Писарь Савичъ, и Канцеляристъ Володьковскій, а прочіе пригнили и перекалечились.

О смерти Полуботка преданіе оставило сію достопамятность, что

когда, бывши онъ болѣнъ, почувствовалъ кончину свою и просилъ у тюремныхъ приставовъ призвать къ нему священника, а тюремщики о томъ дали знать Государю, то Государь приходилъ къ нему проститься, и онъ сказалъ ему: „Я „вражды къ Тебѣ никогда не имѣлъ „и не имѣю, и съ тѣмъ умираю, какъ „христіанинъ. Вѣрю несомнѣнно, „что, за невинное страданіе мое и „моихъ ближнихъ, будемъ судиться отъ общаго и нелицемѣрнаго „Судіи нашего, Всемогущаго Бога, и скоро предъ Него оба предстанемъ, и Петръ съ Павломъ тамо разсудятся." Государь дѣйствительно скоро послѣ того, и именно, Генваря 28-го, 1725 года, скончался.

Царствованіе по немъ воспріяла супруга его, Императрица Екатерина I-я, коронованная отъ него въ Москвѣ 1724 года, Мая въ 7 день. Первое отъ нея изыде повелѣніе освободить узниковъ Малоросійскихъ, оставшихся въ живыхъ, отъ ихъ заключеній и темницъ, и возвратить имъ все имѣніе и прежніе чины и достоинства, предавъ ничтожеству и забвенію всѣ возводимыя на нихъ примѣты и подозрѣнія, о которыхъ она совершенно знала, что они суть дѣло злобы и коварнѣйшей мести властолюбца Менщикова, владѣвшаго Государемъ своимъ и его склонностями почти обаятельно.

Начатые Петромъ I-мъ, покойнымъ Императоромъ, походы въ Персію, безпрерывно продолжались и въ 1725 годѣ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ командировано изъ Малоросіи 20,000 Козаковъ и нѣсколько сотъ бывшихъ Гетманскихъ гвардейцевъ, а съ ними и всѣхъ наличныхъ Бунчуковыхъ и Войсковыхъ товарищей, подъ командою Генеральнаго Старшины, Лизогуба, и Полковниковъ: Кандыбы и Горленка, да Обознаго Полковаго, Михайла Ограновича, которые, пополнивъ прежнія, командированныя туда, свои войска, пробыли въ Персидскомъ походѣ, въ Гилянской провинціи, что за городомъ Дербентомъ, до 5 лѣтъ. Отъ другаго похода туда же, продолжавшагось къ границамъ Персидскимъ и называвшагось Сулацкимъ, на сей разъ Малоросійскія войска увольнены. Но увольненіе сіе сдѣлалось достопамятнымъ, и указъ изъ Правительствующаго Сената былъ о томъ въ своемъ родѣ единственный и до него небывалый. Въ немъ предписывано выслать въ походъ 10,000 Козаковъ, или искупиться отъ того платою въ казну по нѣскольку рублей съ Козака. Старшины Генеральные и чиновники, въ походъ наряженные, имѣли о семъ предметѣ продолжительный совѣтъ и соглашались собрать въ казну, съ каждаго Козака, иные по два, а другіе по три рубли; но Козаки съ своими Старшинами, въ непремѣнномъ штатѣ съ ними служащими, протестовали противъ соглашенія главныхъ чиновниковъ своихъ, доказывая имъ, что они почитаютъ за стыдъ и крайнее пониженіе искупать себя деньгами отъ службы воинской, на которую посвящаютъ они жизнь свою, а не деньги, и когда походъ оный есть правильный и состоянію ихъ приличный, то они готовы идти въ него; естьли же оный инаковъ, чѣмъ правильный и состоянію ихъ приличный, то за что же имъ платить деньги такъ постыднымъ образомъ

и въ противность ихъ договорныхъ статей и всѣхъ привиллегій, въ которыхъ ни слова не сказано о искупленіяхъ, приличныхъ однимъ плѣнникамъ и невольникамъ, а не свободному народу, избравшему едность свою съ Россіянами добровольнымъ образомъ и по единовѣрству, а отнюдь не для даней и сдирствѣ? Старшины Генеральные, не могши въ такомъ критическомъ положеніи своемъ инаго придумать, какъ только отнестись о томъ въ Сенатъ, сдѣлали отъ себя въ него представленіе и получили въ резолюцію, въ 1726 году, указъ, чтобы „Козаковъ въ Сулацкій походъ не высылать, а взыскать за него съ каждаго Козака денегъ по 4 рубля," кои и взысканы съ насиліемъ, а всего 40,000 рублей.

Императрица Екатерина I-я, въ 1727 году, Мая 6-го, дня, умре, и того же числа воспріялъ Императорскій престолъ внукъ Петра I-го, Государь Петръ Алексѣевичь, сего имени Второй. Правленіе его началось дѣяніями, прямо Царскими. Онъ, возстановляя народамъ права ихъ и достоянія, властолюбіемъ и притворствами поврежденныя, подтвердилъ Малоросіи всѣ съ нею договоры и прежнія ея привиллегіи и, на основаніи оныхъ, заразъ уничтожилъ Малоросійскую Коллегію, и членовъ ея Великоросійскихъ разспустилъ по ихъ жилищамъ, а Малоросійскихъ оставилъ присутствовать въ Генеральной Канцеляріи и въ Генеральномъ Судѣ, которые тогда же возстановлены. Всѣ налоги и сборы, Коллегіею установленные, отрѣшилъ, а повелѣлъ собирать подати въ скарбъ Малоросійскій, на надобности національныя, по прежнимъ таковымъ заведеніямъ. Обладавшаго правленіемъ Государственнымъ и часто его потрясавшаго, Генералиссимуса, Князя Менщикова, безпрестанно сплетавшаго козни свои для чиновъ и народа, того же года, Сентября 18-го дня, повелѣлъ Государь арестовать со всѣмъ домомъ его и сослать въ вѣчную ссылку, въ Сибирскій городъ, Березовъ, имѣнія же конфисковать и причислить въ казенное вѣдомство. Пораженіе Менщикова послѣдовало въ то время, когда онъ льстилъ себя быть близкимъ родственникомъ Императору, прямуя ему въ супружество дочь свою, Марію, и догадываться можно съ довольною вѣроятностію, что при другихъ беззаконіяхъ Менщикова, обнаружились происки его на жизнь отца Императорскаго, Царевича Алексѣя Петровича, по причинамъ, такъ слабымъ, нагло умерщвленнаго. И такъ, помянена бысть предъ престоломъ Всевышняго кровь многихъ мертвенцовъ, неповинно пролитая на Руси, и изли Богъ чашу гнѣва своего на главу убійцы и на домъ его.

Государь Императоръ, продолжая благодѣтельствовать Малоросіянамъ, въ исходѣ того же, 1727, года, прислалъ въ Малоросію Министра своего, Федора Васильевича Наумова, съ грамотою, повелѣвающею чинамъ и войску открыть элекцію на выборъ Гетмана и избрать его вольными голосами по правамъ своимъ и привиллегіямъ. По сему, собравшись въ Глуховѣ, всѣ чины и реестровые Козаки Малоросійскіе, и всѣ Архіереи и знатное духовенство здѣшнее, открыли элекцію выбора, и сіе происходило такимъ образомъ: Въ первый день,

по утру данъ былъ сигналъ изъ 4-й пушки, на батареяхъ городскихъ разставленныхъ, и по нему начался сборъ чиновъ и войска въ соборную церковь, при которой устроенъ былъ обширный амфитеатръ. Отъ стороны Правительства несены были въ тріумфѣ клейноды національные, провождаемые многочисленнымъ коннымъ и пѣшимъ конвоемъ и разложены оные на амфитеатрѣ по приготовленнымъ для того столамъ. Министръ Императорскій предшествовалъ клейнодамъ съ Императорскою грамотою и положилъ ее на амфитеатрѣ при своемъ секретарѣ. За тѣмъ въ церкви началась литургія божественная, отправляемая всѣмъ духовенствомъ соборнѣ. По окончаніи оной началось пѣніе молебна и сдѣланъ при томъ вторичный выстрѣлъ изъ 41 пушки. Послѣ молебна приступили всѣ чины и Козаки къ амфитеатру и имъ прочтена Генеральнымъ Писаремъ Императорская грамота, которая, по прочтеніи, салютована была отъ войска бѣглымъ огнемъ, а изъ батарей городскихъ пушечными выстрѣлами. За тѣмъ объявлено отъ Министра чинамъ и войску соглашаться о голосахъ выбора и приготовить ихъ къ третьему дню, а между тѣмъ открыты и продолжались пированія, и въ первый день данъ балъ Министромъ отъ имени Императора, во второй сдѣланъ оный отъ націи, и на нихъ были приглашены чины и знатное духовенство, а на войска отпущались достаточные напитки и разныя жареныя кушанья. Въ третій день, по утру 1-го Октября сдѣланъ сигналъ изъ пушекъ и началось шествіе къ церкви и амфитеатру по примѣру перваго дня, и когда все въ немъ установилось въ порядокъ, то повторена отъ Министра краткою рѣчью воля Монаршая, на которую всѣ единогласно объявили, что они избираютъ Гетманомъ Полковника Миргородскаго, Данила *Апостола*, и избираютъ на всѣ прежнія права ихъ и преимущества. Послѣ сего начались подписки на выборъ отъ чиновъ, духовенства, и войска, а въ церкви отправлялась литургія и, наконецъ, молебенъ съ пальбою, при которомъ учинена присяга отъ новаго Гетмана на вѣрность Государю и отечеству и вручены ему отъ Министра клейноды войсковые, на амфитеатрѣ бывшіе, т. е. булава, знамя бунчукъ и печать національная. Кончилось все ето поздравленіями и всеобщимъ пированіемъ на счетъ Гетмана съ продолжительною пальбою изъ пушекъ и ружьевъ.

Гетманъ Апостолъ, по устроеніи уряда своего, отправился заразъ съ первѣйшими чиновниками въ Москву, съ приношеніемъ благодарности своей и отъ всей націи Государю Императору за его великія милости, такъ справедливо и отечески оказанныя. Государь принялъ Гетмана и чиновъ его въ полной мѣрѣ Монаршихъ благоволеній и повелѣлъ ему дожидаться Высочайшей коронаціи и присутствовать при ней, которая, со всѣми великолѣпными торжествами, совершена въ Февралѣ мѣсяцѣ, 1728 года. Между частными Монаршими милостями, для всѣхъ вѣрноподданныхъ изліянными, получилъ Гетманъ для народа и правительства Малоросійскаго рѣшительныя статьи, имъ поднесенныя и Государемъ 22-го Августа конфирмованныя, въ которыхъ, какъ преж-

нія договорныя статьи Гетмана Богдана Хмельницкаго, во всемъ ихъ пространствѣ подтверждены, такъ и вновь разширенные и изъясненные пунткты утверждены, между коими былъ одинъ и о переводѣ правъ съ Польскаго на Руский языкъ, что значило какъ бы контрмаршъ; ибо извѣстно, что права оныя переведены прежде съ Рускаго на Польскій языкъ, яко древнія Славянскія, въ Литвѣ заодно съ письмомъ Рускимъ принятыя. Гетманъ возвратился въ Глуховъ съ тѣми статьями и съ подтвердительною грамотою на его Гетманство, обогащенный при томъ знатными подарками Царскими. На основаніи старыхъ и новыхъ правъ и постановленій Малоросійскихъ, въ 1729 году было въ Малоросіи великое производство чиновъ, отъ короннаго утвержденія зависящихъ. Они были избраны чинами и войскомъ вольными голосами, и сихъ выбранныхъ было по три кандидата на каждую должность, а Государь утверждалъ и опредѣлялъ къ должностямъ по одному изъ трехъ. Такимъ образомъ произведены, изъ Бунчужныхъ въ Обозные Генеральные: Яковъ Лизогубъ, изъ Полковниковъ въ Судьи Генеральные: Кандыба, изъ Сотниковъ также въ Судьи: Михайло Забѣла, изъ Дозорцевъ Гадяцкихъ въ Писари Генеральные: Михайло Турковскій, изъ Полковниковъ въ Подскарбіи: Андрей Марковичь, изъ Сотниковъ въ Есаулы Генеральные: Иванъ Мануйловичь и Федоръ Лисенко, изъ Бунчуковыхъ Товарищей въ Хоружіе: Якимъ Горленко, да Иванъ Владиславичь Борозна въ Бунчужные Генеральные, а Григорій Гребенка въ Полковники Гадяцкіе. И всѣмъ онымъ Старшинамъ Генеральнымъ опредѣлены ранговыя деревни отъ 200 до 400 дворовъ изъ посполитаго народа, бывшаго до того въ управленіи Ратушъ и Скарбовой Канцеляріи, кои уже навсегда остались ранговыми деревнями и переходили во владѣніе того, кто былъ въ означенныхъ должностяхъ. Также и другимъ войсковымъ [201], чиновникамъ, въ полкахъ служащимъ, розданы ранговыя деревни и прочія имѣнія, кои ихъ до того не имѣли, и содержаніе чиновничества возвращалось въ первобытное состояніе, какъ за Королей Ягелоновъ устроено было.

Блаженство Малороссіи не долго продолжалось; послѣ долголѣтнихъ гоненій, ее угнетавшихъ, просіявшій лучь утѣшенія и надеждъ скоро затмился и померкъ. Благодѣтельствовшій народу, юный Государь Императоръ Петръ II-й, 25 Генваря [202], 1730 года, скончался отъ оспы, и произвелъ въ народѣ сѣтованіе и скорбь чрезвычайныя. Молва народная, быстрѣе всѣхъ Меркуріевъ и Геніевъ пронесшая общее несчастіе, раздавалась отъ предѣлъ Россіи до концевъ ея, и наполняла обиталища народныя томнымъ уныніемъ. Жалость общая усугублялась отъ того, что въ семъ Монархѣ кончилась мужеская линія избранныхъ Царей Россійскихъ изъ благословеннаго дому Романовыхъ. Вельможи Россійскіе и, бывшій тогда въ Москвѣ, Гетманъ Апостолъ, по тайнымъ совѣтамъ и соглашеніямъ, избрали и пригласили на царство, чрезъ депутацію свою, племянницу Петра I-го, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, Анну Ивановну, которая и воспріяла престолъ имперіи Всеросійской того года, Февраля 20-го

дня, и ей учинена во всей Россіи торжественная присяга отъ дворянства, гражданства и войска. Затѣмъ, въ 28 день Апрѣля, того же года, коронована она Императрицею по уставамъ, Церковному и Гражданскому.

Возвращавшійся изъ Палестины, Игуменъ Московскаго монастыря и Іеромонахъ Сухановъ, путешествовавшій туда, для поклоненія въ Іерусалимѣ Гробу Господню и другимъ Святымъ мѣстамъ, посѣтилъ въ семъ же 1730 году Кіевъ, гдѣ принимали его во всѣхъ монастыряхъ съ отличными почестями, а проживалъ онъ болѣе въ монастыряхъ Печерскомъ и Софійскомъ. Поворотившись Сухановъ изъ Кіева въ Москву, изданнымъ отъ себя путникомъ, порицалъ многія замѣченныя имъ въ Палестинѣ и во всей Греціи излишества въ обрядахъ и служеніяхъ церковныхъ и неблагочинія въ обителяхъ монастырскихъ, яко бы далечѣ отстоящихъ отъ благолѣпій Рускихъ и всѣхъ старыхъ преданій и обрядовъ благочестивыхъ Христіанскихъ. А на Малоросійское духовенство особо доносилъ Святѣйшему Синоду, что оно совсѣмъ исказило вѣру старую Рускую и заразилось треклятою Латинщиною Римскою, и что оно безъ угрызенія совѣсти креститъ младенцевъ, не погружая, а обливая ихъ водою, и не оплевывая при томъ всѣмъ клиромъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, а въ церквахъ, де, Малоросійскихъ во время великаго посту отправляются пять разъ по пятницамъ Страсти Христовы, съ полнымъ трезвономъ и Евангельскимъ чтеніемъ, напѣвая по нотамъ Римскимъ или Италійскимъ съ приступкою отъ пѣвцовъ старшихъ, какъ бы на игрищѣ, и что, наконецъ, всѣ Архіереи и Архимандриты Малоросійскіе, да и самъ Митрополитъ тамошній, имѣютъ на митрахъ своихъ кресты, уподобительные тѣмъ, каковы есть на коронахъ Царей Рускихъ, и къ нимъ они подбираются безъ ужаса и содроганія. Синодъ Святѣйшій, принявъ доносъ Суханова во всей важности, требовалъ отъ Митрополита Кіевскаго, Варлаама Ванатовича, строжайшаго отвѣта и объясненія на всѣ пункты доносителевы. И сей Митрополитъ отвѣчалъ Синоду, что запросы Суханова есть самый бредъ мужичій, истязаній и преній Богословскихъ нестоющіе, и есть они порожденіе безтолковаго Мартына, Мниха Армянскаго, въ Великоросіи нелѣпые толки свои и расколы посѣявшаго, а въ Кіевѣ за то осужденнаго и всенародно сожженнаго. А что касается до обрядовъ и правилъ церкви Малоросійской и ея духовенства, то суть они неизмѣнны и неповрежденны отъ самыхъ временъ введенія сюда религіи Христіанской Греческаго исповѣданія, первѣе чрезъ Апостола Христова, Андрея, потомъ чрезъ Княгиню Ольгу и Князя Владиміра Кіевскаго, и они во всемъ согласны и по днесь со всѣми Іераршествами и народами Греческаго исповѣданія, кромѣ послѣдователей Сухановыхъ, кои сами не вѣдятъ, что творятъ. По сему отвѣту Митрополитъ Ванатовичь тотчасъ сысканъ въ Петербургъ, признанъ отъ Синода еретикомъ и возмутителемъ Церкви Россійской, и, лишенный всѣхъ достоинствъ и самаго сана, сосланъ въ вѣчную ссылку простымъ монахомъ, а на его мѣсто присланъ въ Кіевъ

Митрополитомъ Рафаилъ Заборовскій.

Гетманъ Апостолъ въ 1731 году, по имянному указу сысканъ въ Москву и тамо пожалованъ Императрицею кавалеромъ Александра Невскаго. Тогда же повелѣно ему сдѣлать Малоросійскими Козаками земляную линію многими крѣпостьми и редутами, отъ рѣки Днѣпра до рѣки Донца, для защищенія той стороны отъ Крымскихъ Татарскихъ набѣговъ. Линія сія работана многіе годы, а посылано туда ежегодно по 20,000 Козаковъ и по 10,000 изъ посполитыхъ свободныхъ, войсковыхъ и владѣльческихъ, такъ названныхъ, лопатниковъ, надъ которыми погодно командовали Наказными Гетманами Полковники: Прилуцкій, Игнатъ Галаганъ, Лубенскій, Петръ Апостолъ, Кіевскій, Антонъ Танскій, и многіе другіе чиновники. Работа сія похитила опять многія тысячи народа, безвременно погибшаго отъ тяжестей, зноя и климата; но, судя, о неизмѣрномъ пространствѣ работъ оныхъ, судя о ширинѣ и глубинѣ рвовъ и каналовъ линейныхъ, о ихъ валахъ и насыпяхъ съ премногими наугольниками, батареями и разныхъ родовъ крѣпостьми, названными по именамъ Царственной фамиліи и по городамъ Великоросійскимъ, и, наконецъ, судя, что развернувши всѣ сіи сгибы въ прямую линію, составятъ они ее около 1000 верстъ, надобно заключить, что такая работа въ иныхъ странахъ была бъ почтена чудомъ произведенія человѣческаго и ни мало не уступила бы удивленіемъ изрытому Меридову озеру и всѣмъ каменнымъ работамъ и насыпямъ Египетскимъ, но сдѣсь-только что считается она Украинскою линіею, и отобраны къ ней многія Малоросійскія земли, заселенныя однодворцами и помѣщичьими крестьянами Великоросійскими. Малоросійскіе же поселенцы отъ прежнихъ и нынѣшнихъ тяжестей и гоненій удалившіесь многими тысячами изъ жилищъ своихъ, зазваны и оселены помѣщиками Великоросійскими на земляхъ своихъ въ Орловской, Курской, Воронежской и Тамбовской провинціяхъ и даны имъ нарочитыя льготы, со увольненіемъ отъ рекрутства и другихъ Государственныхъ повинностей; а напротивъ того, за пріемъ въ работу Великоросійскихъ крестьянъ, раззорены премногія фамиліи Малоросійскія платежемъ помѣщикамъ тѣмъ штрафовыхъ денегъ вдесятеро больше, нежели извѣстная цѣна, положенная отъ сыновъ Израилевыхъ. И поводомъ здирства сего было то, что помѣщики оные завели было промыслъ и подсылали нарочито крестьянъ своихъ въ Малоросію, которые, походивъ нѣсколько въ селеніяхъ здѣшнихъ подъ видомъ заработковъ и сдѣлавъ также нѣсколько ночлеговъ и поденщины у зажиточныхъ хозяевъ, возвращаются послѣ того къ своимъ помѣщикамъ и разсказываютъ имъ похожденіе свое, а сіи представляютъ ихъ въ Воеводскія Канцелярін къ допросамъ и берутъ отъ Воеводъ сыщиковъ съ инструкціями, наполненными многихъ указовъ, въ Малоросіи до того неизвѣстныхъ, и силою оныхъ берутъ отъ передержателей контрибуцію свою, а при случаѣ несостоянія ихъ къ платежу, грабятъ ихъ скотъ и движимость, а самихъ запираютъ въ тюрьмы.

Между тѣмъ, по кончинѣ Короля Польскаго, Августа II, въ 1733 году открылись Россійскимъ войскамъ походы въ Польшу для возведенія въ Короли Польскіе сына Королевскаго, Августа III, и для преслѣдованія и изгнанія изъ Польши прежняго творенія Шведскаго, Короля Станислава Лещинскаго, который вступилъ тогда въ Польшу по призыву Поляковъ, его партизантовъ, и завелъ съ ними Конфедерацію. Главнымъ начальникомъ надъ войсками Великоросійскими былъ Графъ Лассій, а надъ Малоросійскими Обозный Генеральный, Яковъ Лизогубъ. А когда по прошенію Императора Нѣмецкаго, Карла VI, командированъ къ нему въ томъ же году къ рѣкѣ Рейну Графъ Лассій, съ 16 полками въ помощь противъ Французовъ, съ Цесаремъ тогда воевавшихъ, то прибылъ на его мѣсто командиромъ Князь Алексѣй Шаховской, а съ помощными корпусами Генералъ Фельдмаршалъ Графъ фонъ Минихъ, и Полковникъ Прилуцкій, Галаганъ, и всѣхъ войскъ Малоросійскихъ въ походѣ тогда было 20,000. Войска сіи, преслѣдуя вездѣ по Польшѣ собравшіясь партіи Лещинскаго, имѣли съ ними многія сраженія и всегда ихъ разбивали и разгоняли. Наконецъ, 30 Іюля, взявъ приступомъ знатный городъ Гданскъ, выгнали изъ него самаго Лещинскаго, тамо скрывавшагось, который бѣжалъ изъ города въ рыбачьей лодкѣ, и въ такомъ убранствѣ сдѣлалъ конецъ мятежамъ Польскимъ. Пораженіе во многихъ мѣстахъ Поляковъ и взятіе ихъ укрѣпленій и запасовъ принесло много чести командиру Малоросійскому, Лизогубу, и его войскамъ, оказавшимъ отмѣнное мужество и усердіе. А Полковникъ Галаганъ удивлялъ всѣхъ хребростію своею и предпріимчивостію. Между другими его отличностями, до расторонности военной относящимись, оказалъ онъ одно въ предѣлахъ Слуцкихъ, гдѣ выступившій противъ его войскъ сильный корпусъ конницы, разсыпалъ предъ его фронтомъ на довольное разстояніе милліоны желѣзныхъ гвоздей, нарочито сдѣланныхъ съ тяжелыми головками, которые, павши на землю, натурально, оборачивались острыми концами своими вверхъ. Галаганъ, сіе замѣтивъ, повелѣлъ самой малой части своихъ войскъ маскировать предъ Польскимъ фронтомъ и гвоздями, а самъ, со всѣмъ главнымъ войскомъ, обошедъ непріятеля скрытными мѣстами, ударилъ по немъ въ тылъ и принудилъ его, отступая назадъ, насунуться на гвозди, на которыхъ, занозивши лошадей, не могъ онъ бѣжать и былъ избитъ на голову.

Гетманъ Апостолъ въ 1734 году, Генваря 17, умре, и погребенъ Митрополитомъ Кіевскимъ, Рафаиломъ, въ городѣ Сорочинцахъ, въ каменной церкви, Гетманомъ сооруженной. Женѣ Гетманской опредѣлено Императрицею изъ казны Малоросійской въ пенсію по 3,000 рублей ежегодно, а для управленія Малоросіею въ другой разъ учреждена Коллегія изъ трехъ чиновъ Великоросійскихъ и трехъ Малоросійскихъ, которымъ повелѣно указомъ присутствовать наравнѣ, первымъ по правой, а послѣднимъ по лѣвой сторонѣ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ Поручика, Сенатора и Кавалера, Князя Алексѣя Ивановича Шаховскаго; а по его смерти командовалъ Малоросіею и

ея Коллегіею Генералъ Поручикъ и Кавалеръ, Иванъ Федоровичъ Барятынскій, по смерти же его, заступилъ мѣсто его, Генералъ Поручикъ и Кавалеръ, Александръ Ивановичъ Румянцевъ. Командованіе Генераловъ оныхъ, по личнымъ ихъ добротамъ и благороднымъ характерамъ, хотя было кроткое, справедливое и для Малоросіянъ утѣшительное, но бывшая изъ членовъ ихъ, отдѣльная Министерская Канцелярія или, такъ названная, Тайная Экспедиція, заставляла трепетать Малоросіянъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ ихъ жилищахъ и въ своихъ домахъ. Она была точное изчадіе великой оной Санктпетербургской Тайной Канцеляріи, и не преставала, отъ времени до времени, допрашивать, разпрашивать, мучить разными орудіями и, наконецъ, пекти шиною попадавшихся ей несчастныхъ людей. Дѣла ея и подвиги значили бы въ нынѣшнее время бредъ горячки, или помѣшанныхъ умовъ, а тогда они были самыя важныя, таинственныя и прибыточныя. Въ ней истязывались и мучились люди, какъ бы въ Римскомъ чистилищѣ, единственно по доносамъ и всѣхъ родовъ прицѣпкамъ и придиркамъ перехожихъ и квартировавшихъ солдатъ, а паче изъ бѣглецовъ и другихъ бродягъ; а доносы состояли: о словѣ и дѣлѣ Государевѣ. И сіе слово и дѣло было для злодѣевъ и бездѣльниковъ какъ бы сигналъ, или лозунгъ, либо талисманъ, на ихъ злобу и мщеніе, и состояло оно изъ трехъ пунктовъ: касательно жизни, чести и благосостоянія Государевой особы и его фамиліи. Каждый обыватель, хотя бы онъ былъ найчестнѣйшій человѣкъ и дознаннаго поведенія, подвергался мучительствамъ по доносу самаго дознаннаго злодѣя и бездѣльника. Когда не уподчивалъ кто солдата и всякаго бродяги, когда не обдарилъ его или, по неосторожности, озлобилъ чѣмъ такого, то уже горе тому! Бродяга тотчасъ идетъ къ городскому или сельскому начальнику и кричитъ передъ нимъ, что имѣетъ на такого-то именно донесть слово и дѣло Государево: „Куй его и меня!" Начальство, не имѣя ничего о начальствѣ испытывать, но, оцѣпенѣвши отъ одного слова доносителева, оковываетъ въ цѣпи оговореннаго, равно и доносчика, отсылаетъ ихъ подъ крѣпчайшею стражею и видомъ самаго ужаснаго секрета въ Министерскую Канцелярію; а тамо, не входя въ изслѣдованіе о состояніи доносителя и оговореннаго, о причинахъ самаго доноса, и можетъ ли онъ быть справедливъ, и не входя даже въ разсудокъ, могъ ли оговоренный по разстоянію и способамъ жительства сдѣлать какое зло Государю и его фамиліи, которыхъ онъ никогда не видалъ и видѣть не можетъ, но, повинуясь слѣпо своей инструкціи, опредѣляютъ доносителя въ пытку, и когда онъ въ три разные ея пріемы выдержитъ и утвердитъ доносъ свой, то уже оговоренный есть безотвѣтенъ и его мучатъ и умерщвляютъ непремѣнно. Преданіе общее и достовѣрное повѣствуетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ была Министерская Канцелярія, что „ежели бы перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣстѣ ономъ, то ударила бъ изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая Министерскою рукою."

Извѣстно, что во всякомъ ро-

дѣ добра и зла, есть свои тонкости или вѣтви расширенія ихъ. Таковы имѣло и таинственное оное слово и дѣло Государево. Сверхъ трехъ его пунктовъ, довольно угнетавшихъ человѣчество и бывшихъ великимъ для него бичемъ, прибавлены еще къ нимъ поиски за честь и достоинство клейнодовъ и регалій Государственныхъ. И, не говоря о многихъ подробностяхъ жертвъ изысканій тѣхъ, довольно сего доказательства истины, что одинъ знатный помѣщикъ или владѣлецъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великія пакости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатяхъ употребляемаго. Переѣзжавшій чрезъ мѣстечко оное офицеръ армейскій, по имени Якинфъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его на одной печи горничной, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымалеваннаго мастеромъ орла, тотчасъ арестовалъ командою своею хозяина сего, отослалъ въ Министерскую Канцелярію съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ гербъ Государственный, невѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская Канцелярія, сочтя доносъ тотъ полусловомъ и дѣломъ Государевымъ, допрашивала помѣщика, съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей гербъ Государственный и его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что купилъ онъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ, Городнѣ, у гончара тамошняго, Сидора Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ, на украшеніе печей сдѣланныхъ, были, между животными, лица человѣческія, а между птицами и орлы, но что бы то было священное и заповѣданное, ему о томъ и въ умъ не приходило, и купилъ онъ всѣ печи, а между ими и ту зазорную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы. Однако, не смотря на всѣ извиненія, орлы стоили помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ.

При окончаніи походовъ Польскихъ, въ 1735 году открылись походы въ Крымъ и Турцію. Татаре Крымскіе, возмнивъ о удобностяхъ своихъ къ добычамъ во время отлучекъ войскъ Россійскихъ въ Польшу и на Рейнъ, стали чинить набѣги и хищенія въ границахъ Малоросійскихъ. Но главное ихъ стремленіе знатно отразилъ Генералъ Леонтьевъ съ Малоросійскими полками, новую линію прикрывавшими, именно: Полтавскимъ, Миргородскимъ, Лубенскимъ и Гадяцкимъ. Они гнали Татаръ до самаго ихъ Перекопа и отняли всѣ ихъ вьюки съ запасами и поразили ихъ. Между тѣмъ подоспѣлъ изъ Польскаго похода Фельдмаршалъ, Графъ фонъ Минихъ, и принялъ главное начальство надъ арміею, собравшеюся противъ Крыма у пустаго городища, называемаго Каменный Затонъ, куда прибыли и всѣ другіе Малоросійскіе полки, и подчинены оные отъ Фельдмаршала Полковнику Гадяцкому, Галецкому. Полковникъ сей, при многихъ заслугахъ своихъ, былъ особливо почитаемъ человѣкомъ отважнымъ, предпріимчивымъ и расторопнымъ, и по тому Фельдмаршалъ отлично его уважалъ и почиталъ. Но излишнее честолюбіе, сопутствующее обык-

новенно людей замысловатыхъ, завело его въ пропасть гибельную, съ поврежденіемъ доброй славы всего войска, ему подчиненнаго. Онъ прокладывалъ себѣ дорогу въ Малоросійскіе Гетманы, на мѣсто недавно умершаго Апостола, и вздумалъ прославиться нарочитыми подвигами воинскими и снискать чрезъ то сильную рекомендацію Фельдмаршалскую. И когда отъ передовыхъ разъѣздныхъ командъ донесено было Фельдмаршалу, что войска Татарскія въ нарочитыхъ силахъ выступили изъ внутренности Крыма и заняли, такъ называемую, Черную Долину или Черкесъ-Долину, которая и Гайманъ долиною называется, и имѣетъ она одни водяныя копани среди степей безводныхъ, чрезъ которыя всей арміи переходить должно, и Фельдмаршалъ наряжалъ на нихъ нарочитый корпусъ войскъ съ пѣхотою и артиллеріею, то Галецкій, внушивъ Фельдмаршалу, что то выступленіе Татарское есть неважное и значитъ только разъѣзжую команду, могущую перепортить однѣ водяныя копани, ежели ихъ не прогнать въ самой скорости легкимъ отрядомъ, взялъ при томъ на себя уничтожить замыслы Татарскіе и разогнать ихъ самихъ съ частію легкихъ войскъ, командованію его ввѣренныхъ. Фельдмаршалъ по сему завѣренію Галецкаго, поручилъ ему экспедицію сію, прибавивъ въ помощь ему два полка Драгунскіе. Полковникъ Галецкій, отрядивъ съ собою 4 полка Малоросійскихъ: Гадяцкій, Нѣжинскій, Стародубскій и Черниговскій, и взявъ легкую тѣхъ полковъ артиллерію и, назначенные ему, полки Драгунскіе, отправился съ ними на Татаръ. Походъ сей производили на нихъ по ихъ же правиламъ или хищнымъ ухваткамъ, т. е., середину дня покоились войска и кормили лошадей въ мѣстахъ скрытныхъ, а въ прочее время и во всю ночь продолжали свой маршъ, и такимъ образомъ достигли Гайманъ Долины на самой зарѣ. Но въ какое пришелъ изумленіе Галецкій, когда увидѣлъ при той долинѣ необозримую степь, покрытую Татарскимъ становищемъ! Отвага его не давала ему унывать, а рѣшимость запрещала медлить и попустить войску разсмотрѣть свое несчастіе. Онъ тотчасъ напалъ на Татаръ, пробуждавшихся отъ сна, и во всей своей опрометчивости прошелъ ихъ станъ во все его пространство и поразилъ цѣлыя тысячи, а прочихъ разсыпалъ по его сторонамъ. Но когда возвратился онъ въ долину, какъ въ единое пристанище, способное для роздыха и водопоя, то тутъ окруженъ былъ Татарами со всѣхъ сторонъ и принужденъ биться и устроить батарею, прикрытую по четыремъ угламъ легкою артиллеріею. Нападеніе и отпоръ продолжались во весь день съ равною отвагою и неустрашимостію, и отъ множества труповъ, побитыхъ съ обѣихъ сторонъ людей и лошадей, сдѣланъ былъ валъ вокругъ батавой, довольно возвышенный, на подобіе ретраншамента, и изъ него удобно защищались. Но въ вечеру повелѣно отъ Хана Татарскаго спѣшиться всѣмъ Татарамъ и бросить въ средину батавы знамена свои и бунчуки. По сему знаку полѣзли Татары въ батаву со всѣхъ сторонъ и, не взирая ни на какія ихъ пораженія, Галецкій, призвавъ сына своего, Петра, бывшаго въ Стародубскомъ полку Сотникомъ Погарскимъ, позволилъ ему спа-

саться, яко молодому человѣку, всѣми возможными способами, а о себѣ сказалъ, что онъ того дѣлать не будетъ по должности присяги и своего начальства. И такъ войска оныя были многолюдствомъ Татарскимъ разбиты на голову, и начальникъ Галецкій изрубленъ въ куски, а сынъ его и нѣсколько сотъ Козаковъ и Драгуновъ спаслись во время наступившей темноты ночной между труповъ и въ пустыхъ копанахъ. Убито же всѣхъ чиновниковъ и рядовыхъ 3,270. [203] Пораженіе войска Малоросійскаго разнеслось тотчасъ вездѣ, и даже въ самой столицѣ, съ обыкновенною прибавкою или увеличиваніемъ и, не смотря на смягчительныя донесенія Фельдмаршальскія, имѣлъ Минихъ отъ Двора грозные выговоры, а другіе чиновники понесли и тяжкія оштрафованія.

Съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ Фельдмаршалъ всѣхъ Малоросіянъ до крайности, и, не взирая на все то, что самъ былъ причиною, послѣдовавъ совѣтамъ высокопарнаго человѣка, гналъ ихъ при всѣхъ случаяхъ безъ милосердія и очернилъ своевольными, упрямыми и для Россіи неусердными людьми. А когда армія дошла до Перекопской линіи и предпринято взять ее штурмомъ, то для войскъ Малоросійскихъ назначена при семъ позиція, самая опасная и мстительная. Имъ повелѣно перейти въ концѣ линія заливъ Гнилаго моря, называемаго Сивашъ и атаковать съ той стороны линейную стражу. Войска сіи, помощію хорошихъ своихъ вожатыхъ, проживавшихъ часто въ Крыму по торговымъ промысламъ и знавшихъ по Сивашу отмѣли и броды, прошли ночью Сивашъ очень удачно, и тамо, спѣшившись, ударили на Татаръ съ полною злобою и мщеніемъ за своихъ побитыхъ, и, загнавши ихъ въ тотъ уголъ, что между крѣпости и Сиваша и уподобляется полумѣсяцу, выбили всѣхъ Татаръ, а на батареяхъ Турковъ, безъ всякой пощады, и, собравши ихъ трупы, заметали ими линейные рвы на довольное пространство, а по симъ трупамъ вся пѣхота, не имѣвшая въ пустой степи для штурма лѣстницъ и фашиннику, перешла удобно, какъ по плотинамъ. За сію чрезвычайную услугу, хотя войска Малоросійскія достойны были благодарности, но имъ сказано ее сквозь зубы, и прибавлено къ тому, что они уподобляются упрямой лошади, которая когда захочетъ, то и на гору везетъ, а когда не хочетъ, то и съ горы нейдетъ. Плодомъ взятія линіи Перекопской было то, что всѣ укрѣпленія и самый средній замокъ съ базаромъ были взяты, а каменныя батареи и башни подорваны порохомъ, и все тутъ опустошено и приведено въ небытіе. Послѣ того прошла армія всю внутренность Крыма, загнала Татаръ въ Кафскія горы, и самую столицу Хана ихъ, называемую Бахчисарай, разграбила и опустошила, и со многими корыстьми и плѣнниками воротилась на зимовлю въ селенія Малоросійскія. Ибо тогда какъ бы почиталось за грѣхъ зимовать въ чужой сторонѣ, не смотря на всѣ въ ней завоеванія и успѣхи, а возвращались всегда въ Малоросію въ глубокую осень и потерявши чрезъ то множество людей и весь почти скотъ, который опять набирали въ Малоросіи. Позади же арміи, обыкновенно, полонили рѣки Днѣпръ и Самаръ, чтобъ

Татары зимою ихъ по льду не переходили, и для сего изъ Малоросіи выгоняли другую армію рабочихъ людей, которые въ слѣдъ за морозами, рубили и очищали ледъ, погибая сами отъ морозовъ и не имѣя въ пустыхъ степяхъ чѣмъ согрѣться. Такимъ-то образомъ воевали въ старину, хотя не такъ отдаленную, но имѣвшую свои правила воинскія и разсудокъ политическій, о которыхъ всякой богословъ непремѣнно скажетъ, что они были по промыслу Божію, а вольнодумецъ заключитъ, что отъ непросвѣщенія умовъ. А то уже вѣрно, что Украинскіе народы гостепріимство свое вотъ какъ воспѣвали: »Москалыкы—соколыкы! »Поилы вы нашы волыкы; а колы »вернетесь здоровы, поисте и о»станни коровы!“ Но какъ бы то ни было, въ послѣдующую компанію взяты приступомъ знатные Турецкіе города: Очаковъ и Азовъ, коихъ подорвали порохомъ и до основанія раззорили, принудивъ тѣмъ Турковъ къ вѣчному съ нами миру, который долго продолжался.

Для утвержденія съ Турками мира, въ 1740 году отправленъ посломъ въ Царьградъ Правитель Малоросіи, Генералъ Румянцевъ, а до возвращенія его оттоль опредѣленъ на его мѣсто Генералъ и Кавалеръ, Михайло Леонтьевъ, и тогда въ Правленіи Малороссійскомъ все измѣнилось. Леонтьевъ началъ правленіе свое изысканіемъ первенства между членами Коллежскими, кто изъ нихъ большій или старшій? А пока сіе разрѣшено Сенатомъ, считалъ онъ Писаря Генеральнаго за Губернскаго Секретаря, а другихъ Старшинъ Генеральныхъ только въ чинахъ Капитанскихъ. Но Сержантъ Гвардіи всегда посѣдалъ ихъ мѣста; прочихъ же чиновниковъ едва признавалъ онъ за созданіе Божіе и, обыкновенно, подчинялъ ихъ Регистраторамъ Коллежскимъ и тѣмъ подобнымъ. Преимущество тѣхъ выводилъ изъ того, что они Россійскіе Императорскіе чиновники, а сіи, хотя также служатъ въ имперіи и суть коренные граждане Рускіе, но все еще что-то иное, нежели Имперскіе, потому только, что названіе чиновъ осталось старинное Руское, а не иностранное, недавно принятое въ Россіи. Замѣшательство и нестроеніе отъ того происходило всеобщее, и иные возмнили даже, что они къ имперіи Россійской болѣе не принадлежатъ, а отдаются Туркамъ; потому взошли въ Сенатъ представленія и жалобы, и Сенатъ указомъ повелѣлъ чинамъ онымъ имѣть равенство по прежнему, а засѣданіе, по указу 1734 года установленное; на мѣсто же Леонтьева опредѣленъ въ Предсѣдатели Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Иванъ Ивановичь Неплюевъ, благоразуміемъ котораго все утишилось и пришло въ прежній порядокъ.

Государыня Императрица, Анна Ивановна, въ томъ же году скончалась, и линія Царя Ивана Алексѣевича вскорѣ по ней пресѣклась. Государыня сія, собственною своею особою, довольно была кротка и милостива, но правленіе ея было часто, яко трость, колеблемо. Причиною всѣхъ шатаній и непріязней полагаютъ Министра ея и любимца, Бирона, возведеннаго ею въ Графское достоинство, а послѣ въ Герцоги Курляндскіе. Онъ, говорятъ, былъ человѣкъ умный, но крайне властолюбивый и къ ко-

рыстямъ жадный. Извѣстная Тайная Канцелярія, сіе пугалище дворянъ и всѣхъ зажиточныхъ людей, бывъ въ точной его дирекціи, была достаточнымъ орудіемъ выполнять всѣ его пожеланія и самыя мановенія. Всякъ, вѣруяй въ Бирона и творяй волю его, спасенъ и прославленъ, а не вѣруяй въ него и противяйся ему, осужденъ есть и погибшій. Наглая и лютая казнь знатнаго Министра, Волынскаго, даетъ совершенное понятіе о тогдашнемъ правленіи и о всѣхъ его превратностяхъ и варварствахъ Биронскихъ. О неистовствахъ брата его, слишкомъ хромаго и почти безногаго Бирона, содрогаются отъ одного воспоминанія обыватели Стародуба и его окружностей. Онъ, бывъ совершенный калека, имѣлъ, однако, чинъ полнаго себѣ Генерала Россійскаго, и, квартируя нѣсколько лѣтъ съ войскомъ въ Стародубѣ съ многочисленнымъ штатомъ, уподоблялся пышностію и надменностію самому гордому Султану Азіатскому; поведеніе его и того жъ больше имѣло въ себѣ варварскихъ странностей. И, не говоря объ обширномъ сералѣ, сформированномъ и комплектуемомъ насиліемъ, хватали женщинъ, особенно кормилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ заставляли грудью своею кормить малыхъ щенковъ изъ псовой охоты сего изверга; другіе же его скаредства мерзятъ самое воображеніе человѣческое.

Возшествіе на Всеросійской Императорскій престолъ Великой Княжны Елисаветы Петровны, родной дщери Петра I, въ 1741 году, разрушило до основанія систему правительства Биронскаго, вмѣстѣ съ опекунствомъ его и регенствомъ при иностранномъ наслѣдствѣ, введеннюмъ было въ Россію его же прожектомъ. Царствованіе Императрицы Елисаветы съ первыхъ еще дней озарило Россію великими надеждами къ ея блаженству, а въ послѣдствіи сіи надежды сугубо исполнились безпримѣрными добротами сея Государыни. Она была кротка, набожна и человѣколюбива, словомъ, преисполнена всѣхъ изящныхъ качествъ Верховной матери и Царицы своихъ народовъ. Она во всѣ дни царствованія своего не пролила ни одной капли крови своихъ подданныхъ, и смертная казнь самыхъ преступниковъ навсегда ею уничтожена и запрещена, а вмѣсто ея отлучались таковые отъ общества и ссылались въ вѣчное заточеніе на покаяніе и исправленіе. Самая Тайная Канцелярія, сія инквизиція Римская въ иномъ видѣ и облаченіи, тосковала безъ дѣла и, не имѣя пищи отъ крови человѣческой, изсыхала и превращалась въ чахотку, приближаясь поминутно къ своему паденію и ничтожеству; ибо доказано уже всегдашними опытами, что Правительство и начальники смотрятъ на Царей, какъ дѣти на отцовъ, а рабы на господъ своихъ, и каковы сіи, злы, порочны, или добродѣтельны, таковы и тѣ бываютъ, по крайней мѣрѣ наружностію имъ уподобляются, стыдясь идти не по ихъ правиламъ и нравамъ.

Государыня Императрица Елисавета въ 1744 году благоволила посѣтить, со всѣмъ дворомъ своимъ, Малоросію, путешествуя въ главный городъ ея, Кіевъ, по набоженству, которое она отправля-

ла здѣсь чрезъ нѣсколько недѣль съ примѣрнымъ благочестіемъ, посѣщала пѣшо священные храмы и всѣ чтимые народомъ мѣста съ нарочитымъ приготовленіемъ и благоговѣніемъ. При семъ розданы нарочитыя суммы нищимъ, бѣднымъ и всѣмъ церковнымъ служителямъ и монашеству, а въ храмы и гробницы дарствованы многія дорогія вещи и утвари. Во время путешествія сего веселилась Государыня и удивлялась встрѣчѣ и конвою войскъ Малоросійскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ Обознаго Генеральнаго, Якова Лизогуба, и всѣхъ другихъ Старшинъ и Полковниковъ. Десять ихъ реестровыхъ, полковъ, да два компанейскихъ и нѣсколько командъ Надворной Гетманской Корогвы изъ Запорожскихъ Козаковъ, разположены были на границѣ Малоросійской, около Толстодубова, въ одну линію, а двѣ шеренги. Первый полкъ, отсалютовши Государынѣ знаменами и саблями и пропустя Монархиню, поворачивался рядами съ праваго фланга и проходилъ позади втораго полка, а тамъ опять становился во фрунтъ въ концѣ всей линіи; второй, отправивши также салютацію свою, проходилъ по зади третьяго полка и занималъ мѣсто въ концѣ перваго. Итакъ дѣлая всѣ полки и команды, представляли непрерывный фронтъ и безконечную линію до самой ставки Монаршей. А какъ Государыня ѣхать изволила очень тихо, а нѣсколько часовъ иногда проходила и пѣшо, то конвой войскъ оныхъ продолжался и успѣвалъ въ маршахъ своихъ и поворотахъ безъ всякаго затрудненія. Войска сіи, бывъ всегда въ своихъ мундирахъ, имѣли тогда новые, которые состояли всѣ одинакіе: изъ черкески синяго сукна съ вылетами, и изъ куфайки и шароваръ по полкамъ, тоже и шапки одной фигуры и вышины, но при томъ были по полкамъ, а амуничныя вещи всѣ рядныя и одинакія. Отъ Кіевской Академіи помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія дѣланы Государынѣ разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ выѣзжалъ за городъ важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два піитическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и Князя Кіевскаго, Кія. Онъ встрѣтилъ Государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ Руской въ милостивое ея покровительство. Въ продолженіе пріемовъ Государыни отъ чиновъ и народа Малоросійскаго, съ живѣйшими чувствованіями непритворнаго ихъ усердія и полной радости, примолвила, однажды, Государыня, окруженная безчисленнымъ народомъ: „Возлюби мя, Боже, такъ „въ царствіи небесномъ, какъ я „люблю сей благонравный и не„злобивый народъ!“

Въ бытность Императрицы въ Кіевѣ подано ей прошеніе отъ чиновъ и войска Малоросійскаго о учрежденіи имъ Гетмана по правамъ ихъ и договорамъ. Государыня, принявъ просьбу сію благосклон-

но, повелѣла прислать о томъ депутацію свою въ Петербургъ ко дню торжественнаго бракосочетанія племянника ея и наслѣдника, Герцога Голштинскаго, Петра Ѳеодоровича, съ Принцессою Ангальтъ-Цербскою, Екатериною Алексѣевною. Депутатами избраны и отправлены: Обозный Генеральный, Яковъ Якимовичъ Лизогубъ, Хоружій Генеральный, Николай Даниловичъ Ханенко, Бунчуковый Товарищъ, послѣ бывшій Подскарбій Генеральный, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Василій Андреевичъ Гудовичъ. Сенатъ опредѣлилъ было на содержаніе ихъ по 10 рублей каждому на мѣсяцъ; но Государыня, свѣдавъ о томъ, повелѣть соизволила давать имъ, яко знатнымъ особамъ и за такимъ дѣломъ прибывшимъ, по сту рублей въ мѣсяцъ на каждаго, и отъ полиціи приличную квартиру, утверждая то и на будущія времена. Депутаты сіи почтены были, при бывшемъ, въ 1745 году, торжествѣ бракосочетанія Наслѣдника, весьма почетными мѣстами; но во время пированія зависть, или ненависть, не преминула явиться въ своей личинѣ. Нѣкоторые изъ Министерства вопрошали Депутатовъ съ видомъ насмѣшливымъ: „Что за причина, что ваши „Гетманы, когда не всѣ, то многіе, „были коварны и неусердны для „Россіи и искали для нея вреднаго?“—„Что касается до усердія „къ Россіи,“ — отвѣчалъ Депутатъ Гудовичъ,— „то никто къ ней изъ „вольныхъ народовъ не былъ такъ „приверженъ и усерденъ, какъ Малоросіяне. И сіе доказывается самымъ тѣмъ, что они, бывши свободны, отбившись отъ Польши, „предпочли Россію всѣмъ другимъ „народамъ, въ протекцію свою ихъ „зазывавшимъ, а избрали ее одну „къ тому, по однородству и единовѣрству своему, въ чемъ они „навсегда устояли и никогда не „поколебались, отринувъ и презрѣвъ многія сосѣднія льщенія „и страхи сильныхъ державъ, и „даже недавнія Шведскія, ко изкушенію самыя удобныя. А что „касается до нѣкоторыхъ Гетмановъ, то объ нихъ кстати служить можетъ извѣстная пословица: Якыхъ створылысте, такыхъ „и мате. Ибо то неоспоримо, что „только тѣ Гетманы были неусердны „къ Правительству Россійскому, которые имъ избраны, или избраны „по настоянію сего Правительства, и сему причины троякія „полагать можно: 1-ое, что Министерство Россійское не такъ хорошо знало ихъ, какъ свои природные чины знать объ нихъ должны, и по тому худыхъ избирало; 2-ое: Министерство Малоросійское, натурально, искало „такимъ паденія, которые не по „его волѣ избраны, и для того „попускало имъ совращаться; 3-е: „отъ стороны Россійской непремѣнно имъ, яко своимъ твореніямъ, больше довѣрялось, нежели „надобно было, а можетъ и того „больше, а по тому полагались на „нихъ въ своихъ интересахъ, несносныхъ симъ Гетманамъ и невмѣстимыхъ въ правленіи. А при семъ „томъ, судя по Христіански, можно „еще сказать, что все то есть прочно, что дѣлается справедливо, ибо „тутъ самъ Богъ споручитель и „поборникъ.“ Депутаты сіи отпущены въ Малоросію съ грамотою, обѣщававшею позволеніе на выборъ Гетмана, и имъ при отпускѣ жалованы собольи шубы, перстни съ

бриліантами и по 1,000 рублей каждому на проѣздъ.

Для элекціи при выборѣ Гетмана, въ 1750 году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Глуховъ, изъ С.-Петербурга Министромъ, Генералъ-Аншевъ и Кавалеръ, Графъ Иванъ Семеновичь Гендриковъ, и, послѣ обыкновенныхъ торжествъ и церемоній, продолжавшихся чрезъ три дни по прежнимъ церемоніаламъ, но съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, умноженнымъ, по мѣрѣ щедротъ и милостей благодѣтельствующей Монархини, 17-го Февраля всѣ чины духовнаго и мірскаго званія и Козаки реестровые, въ полкахъ служащіе, собравшись на площадь городскую къ Соборной церкви и выслушавъ прочтенныя на амфитеатрѣ, до выборовъ касательныя, грамоты и другіе постановительные акты, торжественно избрали Гетманомъ изъ природныхъ Малоросіянъ, Графа Кирила Григорьевича *Разумовскаго*, бывшаго въ то время Дѣйствительнаго Камергера, Академіи наукъ Президента, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Полковника и Кавалера. Съ донесеніемъ о томъ выборѣ и съ прошеніемъ его утвержденія отправлены были ко Двору посланники отъ народа: Бунчужный, Генеральный, Дамьянъ Васильевичь Оболонскій, Полковникъ Нѣжинскій, бывшій потомъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Генеральнымъ Обозным и Кавалеромъ, Семенъ Васильевичь Кочубей, и Бунчуковый Товарищь, послѣ бывшій Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Генеральнымъ Судьею, Илья Васильевичь Журманъ, съ довольною ассистенціею. Имъ дана публичная аудіенція Апрѣля 24-го, и при ней, въ отвѣтѣ чрезъ Канцлера, Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, сказано было объ утвержденіи народнаго выбора, а вскорѣ даны были и указы Правительствующему Сенату и Государственной Иностранной Коллегіи, въ вѣдомствѣ которой всегда Малоросія состояла, объ ономъ утвержденіи, и чтобы Гетману имѣть впредь мѣсто съ Генералъ-Фельдмаршалами и считаться между оными по старшинству съ пожалованія въ чинъ, а Великоросійскихъ членовъ, бывшихъ у дѣлъ Малоросійскихъ, тогда же выслать.

Гетманъ Графъ Разумовскій въ 1751 году получилъ на достоинство свое высочайшую грамоту въ тѣхъ точно выраженіяхъ, какова была дана Скоропадскому, и 29-го Іюня того года имѣлъ онъ торжественный въѣздъ свой въ городъ Глуховъ, гдѣ приняли его съ подобающими почестьми, собравшіесь завременно духовнаго и мірскаго званія чины, и всѣ Малоросійскіе полки, коимъ въ 1-й день Іюля публично прочтена Высочайшая грамота, съ салютаціею и троекратною пальбою отъ войска, бывшаго въ парадѣ, и отъ главной артиллеріи изъ пушекъ. Между тѣмъ поднесены и вручены Гетману клейноды войсковые и національные, съ приличными обрядами и церемоніями, а кончилось торжество парадным шествіемъ въ Соборную церковь и пѣніемъ въ ней литургіи и благодарственнаго Богу молебствія. Послѣ чего начались пированія, приготовленныя для чиновниковъ во дворцѣ Гетманскомъ, а для войска въ ихъ лагеряхъ, и сіе продолжалось на коштъ Гетманскій и частію на счетъ скарбовый. При отпускѣ

въ домы чиновниковъ и войска, объявлена имъ отъ Гетмана благодарность его за выборъ и почести, ему оказанныя, и что онъ посѣтитъ ихъ и отвизитуетъ скоро въ полковыхъ жилищахъ, и будетъ совѣтоваться съ ними о поправкѣ общихъ нуждъ и недостатковъ и о введеніи полезнаго. Старшинѣ же Генеральной объявлено при томъ собираться къ переводу резиденціи Гетманской и всего Малоросійскаго Трибунала въ городъ Батуринъ, въ которомъ на тотъ конецъ велѣно отъ Двора Митрополиту Кіевскому освятить со всѣмъ Малоросійскимъ духовнымъ соборомъ прежнее городовое мѣсто, опустошенное и превращенное въ могилу Генераломъ Менщиковымъ въ Шведскую руину, гдѣ въ послѣдствіи и построено нѣсколько домовъ и обширный дворецъ Гетманскій великимъ національнымъ иждивеніемъ, а работниками Козацкими. Гетманъ дѣйствительно въ 1752 году объѣхалъ всѣ Малоросійскіе полковые и знатнѣйшіе сотенные города и имѣлъ вездѣ встрѣчи и радостные пріемы отъ собиравшихся въ нихъ чиновъ, войска и народа. Вся, кажется, Малоросія тогда была въ движеніи и все въ ней ликовало, отправляя пріемы и проводы, оканчивавшіесь увеселительными пиршествами. Одинъ только случай смутилъ сіи народныя торжества, случай, конечно, обыкновенный, но молвою народною иначе протолкованный. Когда Гетманъ, бывши въ Черниговѣ, объѣзжалъ верхомъ, со многочисленною свитою, всѣ городовыя укрѣпленія, то подлѣ главнаго крѣпостнаго бастіона, при церкви Св. Екатерины, сорвалъ съ него вихрь голубую ленту ордена Св. Апостола Андрея, но подхватилъ ее, не допустя до земли, совѣтникъ Гетманскій и любимецъ его, Григорій Николаевичь Тепловъ, который сталъ было налагать ее на прежнее мѣсто, но Гетманъ, принявши отъ него и свернувши, положилъ въ свой карманъ. Возшумѣвшій тогда народъ выводилъ о семъ приключеніи разныя толки свои и нелѣпости, то о Гетманѣ, то о его совѣтникѣ, и сіе даже дошло до знанія самой матери Гетманской, которая старуха, бывъ тоже вѣка стараго, уговаривала нѣсколько разъ сына своего удалить отъ себя Теплова, или вовсе не принимать его совѣтовъ, предсказывая неизбѣжныя ему несчастія отъ сего совѣтника и его совѣтовъ.

Императрица Елисавета, всегда благодѣтельствуя Малоросійскому народу, осчастливила его, найпаче въ 1755 году, уничтоженіемъ тягостныхъ и затруднительныхъ внутреннихъ зборовъ, наложенныхъ прежними правительствами. Издревле, по привиллегіямъ и правамъ, народъ сей пребывалъ свободенъ отъ всѣхъ таковыхъ налоговъ; но нѣкоторые изъ Президентовъ Правительственныхъ, каковы были Леонтьевъ и ему подобные, подъ видомъ воинскихъ надобностей въ бывшіе походы, завели разные сборы, зависѣвшіе отъ постановленныхъ ими приставовъ и откупщиковъ, какъ то: покуховное, скатное, поковшовое и всякое другое, мѣровое и вѣсовое, мытничество, подъ титуломъ индукты и эвекты бывшее, которые въ общественныхъ промыслахъ стѣсняли и затрудняли народъ до крайности, и отъ того торговля въ Малоросіи была въ самомъ худомъ

состояніи, а къ большему ея стѣсненію учреждены были на Великоросійской границѣ таможни, и взаимные продукты подвергались отяготительному платежу пошлинъ. А вмѣсто того имѣла Малоросія свободный ввозъ чужестранныхъ товаровъ, на кои пошлина положена была безъ дальняго разбора, по надобности и прихоти. Тоже самое въ разсужденіи вывоза въ чужіи краи товаровъ и продуктовъ произходило. Императрица обрадовала народъ при сложеніи упомянутыхъ внутреннихъ сборовъ, разрѣшая притомъ свободный торгъ между Малою и Великою Россіею и распространяя полезныя учрежденія на внѣшнюю торговлю, изъ доходовъ которой сдѣлано удовлетвореніе Гетману и скарбу Малоросійскому.

Въ открывшуюсь съ Пруссіею войну, вспомогательную для союзницы Россійской, Маріи Терезіи, Императрицы Римской, въ 1756 году наряжено въ тотъ походъ Малоросійскихъ реестровыхъ Козаковъ 5,000, да компанейскихъ 1,000, съ приличною артиллеріею, а къ нимъ начальниками опредѣлены: Генеральный Есаулъ, Яковъ Дамьяновичъ Якубовичъ, Полковникъ Прилуцкій, Галаганъ, и Обозные полковые: Стародубскій, Скорупа, Кіевскій, Солонина, и другіе Старшины, полковые и сотенные, сколько ихъ по числу войска надобно было. Корпусъ сей командированъ разновременно, 4-мя отдѣленіями: два изъ нихъ пригнали въ армію 10,600 воловъ, а два привели до 8,000 лошадей, собранныхъ въ Малоросіи. И войска сіи были при баталіи Эгерсдорфской и на другихъ сраженіяхъ 7-мь лѣтъ, а воротились по окончаніи войны, въ двухъ мундирахъ и вооруженіяхъ: одни въ Гусарскихъ, а другіе въ Чугуевскихъ. И сіе значитъ, что они, за убылью Гусаръ и Чугуевскихъ Козаковъ, сформированы были и служили на мѣсто тѣхъ войскъ, кои набирались, обыкновенно, изъ вольницъ, и отъ того часто убывали и уничтожались. Сверхъ сихъ войскъ набрано было въ началѣ сей войны 8,000 погонщиковъ, изъ мѣщанъ и посполитыхъ Малоросійскихъ наряженныхъ, кои, бывъ отправлены къ арміи въ Пруссію, размѣщены тамо по полкамъ въ солдаты, фурщики и деньщики, и по окончаніи войны воротились оттоль очень не многіе, а больше ихъ померло и изкалечено. Произошло же сіе не отъ климата или воздуха, который въ Германіи и Пруссіи нарочито здоровый, но по худому содержанію сихъ людей начальниками, а паче ихъ инспекторіею, кои, считая ихъ на ряду Лопарей и Камчадаловъ, вгоняли ихъ въ чахотки, или ипохондріи, за одно свое нарѣчіе, и что они не скоро понимали выговаривать тогдашнія преизящныя реченія: намнясь и намѣдни, и придомковъ ихъ, ушь и кабышъ.

Гетманъ Разумовскій, во время правленія своего, часто ѣзживалъ, со всѣмъ домомъ своимъ, въ Петербургъ, и больше тамо проживалъ у брата своего, Рейсъ-Графа, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Правленіе же Малоросіи поручалъ Генеральнымъ Старшинамъ, и въ немъ расширилъ онъ Судъ Генеральный, прибавивъ къ нему 10 депутатовъ, выбранныхъ изъ Шляхетства, и возстановивъ его по прежнему въ право Трибуналь-

ное, а въ полковыхъ жилищахъ возстановилъ и учредилъ 20 повѣтовъ и въ нихъ суды Земскіе, Градскіе и Подкоморскіе, оставивъ въ Сотенныхъ правленіяхъ одни словесные разборы между Козаками о маловажныхъ ихъ спорахъ. Земскія же и градскія дѣла ихъ предоставилъ разбору Судовъ Повѣтовыхъ, наряду чиновной Шляхты, въ числѣ которой и они вмѣщались на точныхъ основаніяхъ стародавнихъ ихъ привиллегій и договоровъ, по которымъ всѣ справы ихъ производились и вершились по артикуламъ, для Шляхетства узаконеннымъ, безъ всякой для нихъ отмѣны, ибо другихъ имъ правъ изобрѣтено еще не было, да и самая Польская Шляхта, оставшаясь, по договорнымъ статьямъ, въ протекціи войска, не дерзала еще присвоивать ихъ себѣ одной, лишая того Козаковъ, своихъ протекторовъ. Шляхта сія ежедневно почти умножалась новыми выходцами изъ музыкантовъ, мастеровыхъ и панскихъ служителей, которымъ никакого разбора здѣсь не было, а когда кто покажется изъ Польши, то уже и Шляхтичъ, какъ бы онъ былъ избраннаго рода Левитскаго отъ древнихъ Іудеевъ.

Частыми поѣздками въ Петербургъ пріобрѣлъ Гетманъ въ собственное и наслѣдственное владѣніе города: Батуринъ и Почепъ съ ихъ уѣздами, да волости Шептаковскую и Бакланскую, бывшія ранговыя или столовыя Гетманскія. Онѣ пожалованы ему въ вѣчность въ въ 1760 году, и молва народная, пронесшаяся вдругъ отъ одного края Малоросіи до другаго, сочинила о семъ пожалованіи разные толки. Одни говорили, что Гетмана впредь уже не будетъ, а кончится сіе Іерарштество на Разумовскомъ, другіе же доказывали, что оно утвердится въ потомствѣ его родовитымъ и будетъ, вмѣсто избирательнаго Гетманства, наслѣдственное Герцогство Малоросійское, по примѣру древнихъ, въ ней бывшихъ, наслѣдныхъ Княжествъ. Послѣднее мнѣніе стало было выходить наружу. По прошествіи 3 лѣтъ сочинена была просьба къ Императрицѣ отъ лица всей Малоросіи, съ прошеніемъ непремѣннаго Гетманства въ потомствѣ Разумовскаго и съ показаніемъ тому причинъ, крайне оскорбительныхъ для самыхъ просителей и ихъ потомства. Въ ней безъ пощады озлословлены и обмараны были прежде бывшіе правители и подчиненные Малоросійскіе, живые и мертвые. Просьба сія значила вмѣстѣ приговоръ и декретъ на злостные поступки Малоросіянъ, о которыхъ двадцать девять ихъ тридесятыхъ долей ничего того не знали, но увлечены стали силою въ ненавистные пороки и въ то, что называется: „Отъ устъ вашихъ сужу васъ.“ Сочиненіе сіе было дѣло рукъ извѣстнаго Гетманскаго фаворита, почитавшагось иногда и менторомъ его. Другая рука, а паче гражданина природнаго, задрожала бы отъ первыхъ почерковъ, такъ хульныхъ и злобныхъ на Малоросію; но тотъ питомецъ ея во всей точности исполнилъ пророческія и царскія слова: „Иже яша хлѣбы моя, возвеличиша на мя запинанія.“ Какъ бы то ни было, но собранные въ Глуховъ изъ всей Малоросіи чиновники и Шляхетство таковой просьбы не подписали, и сколько ни были они обольщаемы, обнадеживаемы и,

такъ сказать, обаяны пріемами и великолѣпіями, почти царственными, однако, по одиначкѣ и по ночамъ, разбѣжались всѣ они изъ Глухова. Въ слѣдъ за ними посыланы были въ повѣты и сотни нарочитые чиновники для подписовъ на той же просьбѣ. Но собранные въ нихъ чиновники и знатные Козаки, не обинуясь сказали симъ посланцамъ, что они такую нелѣпую просьбу и выдумку почитаютъ весьма противною ихъ правиламъ, привиллегіямъ и самому разсудку, и никогда на нее не согласятся. Въ послѣдствіи отплатилъ, говорятъ, Гетманъ неудовольствіе свое Малоросіянамъ самою жестокою сатирою: онъ въ просьбѣ своей аттестовалъ ихъ Монархинѣ самыми коварными, злостными и подлыми людьми, и тѣмъ поблагодарилъ имъ за свое Гетманство. А сличая благодарность сію съ благодарностью славнаго онаго Гетмана, Зиновія Хмельницкаго, сего великаго политика, великаго вождя и удивительнаго воина, можно посудить и почудиться о вѣкахъ и нравахъ прошедшихъ и настоящихъ, и видѣть, что въ нихъ благодѣтельнѣе и просвѣщеннѣе, и что мрачно и грубо. Гетманъ Графъ Разумовскій въ послѣднихъ числахъ Октября мѣсяца, 1761 года, отозванъ ко Двору въ Петербургъ, а въ Малоросіи, для правленія дѣлъ, оставилъ Обознаго Генеральнаго, Семена Васильевича Кочубея, Подскарбія, Василія Андреевича Гудовича, Писаря, Андрея Яковлевича Безбородька, и Есаула, Ивана Тимоѳеевича Журавку. 25 Декабря, сего года, скончалась Императрица, Елисавета Петровна, и кончила собою знатный вѣкъ для Малоросіи, въ который царствованіе ея таковымъ почиталось и всегда почитается.

На престолъ Императорскій вступилъ племянникъ ея, Петръ III. Для возвѣщенія о томъ и приведенія къ присягѣ чиновъ и войска присланъ былъ въ Малоросію Дѣйствительный Камергеръ, Петръ Кириловичь Нарышкинъ, котораго во всѣхъ Малоросійскихъ городахъ принимали съ воинскими почестями, иллюминаціями и пальбою изъ пушекъ и мортиръ, а онъ публиковалъ посольство свое и читалъ манифестъ торжественно въ собраніяхъ и Соборныхъ церквахъ съ молебствіями. Къ присягѣ приводимы были чиновники и Козаки, служащіе и отставные, и ихъ мужескаго пола дѣти отъ 7-лѣтняго возраста, а изъ городовыхъ жителей одни ихъ урядники и начальники, до посполитаго же народа сіе не касалось. Посланнику оному, при окончаніи его коммисіи и послѣ пріемовъ и угощеній, подносимы были во всѣхъ полкахъ и городахъ нарочитые подарки денежные и хорошими вещами, а въ Глуховѣ отъ дома Гетманскаго поднесенъ перстень съ брилліантами въ 3,000 рублей. Всѣ же подарки Малоросійскіе оцѣнены до 200,000 рублей, но оные учинены весьма доброхотно, и пріемъ ихъ угождалъ и увеселялъ народъ.

Царствованіе Петра III, продолжавшееся только половину года, отличилось воинскими ополченіями, экзерциціями и приготовленіями къ нимъ. Столица его и окрестности ея наполнились звукомъ оружія, шумомъ воиновъ и громомъ пальбы ихъ изъ ружьевъ и пушекъ, при всегдашнихъ почти эво-

люціяхъ и торжествахъ. Въ Малоросію посланы отъ сего Государя зазывы, самые лестные для молодыхъ людей, приглашающіе ихъ въ военную службу Голштинскую. Юношество здѣшнее всѣхъ состояній и воспитаній, какъ бы волшебною силою, возмутилось и поднялось птичьимъ полетомъ съ Полудня на Сѣверъ. Всѣ дороги наполнены были къ Петербургу сими Голштинцами. Одѣтые изъ нихъ въ тонкое шелковое платье, т. е., панычи, текли вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними красными гарусными галстуками, надѣтыми на подобіе обрончиковъ на ихъ шеи. Студенты и ученики Кіевскихъ, Черниговскихъ и Переяславскихъ училищъ, канцеляристы и аускультанты Глуховскихъ Департаментовъ и всѣхъ полковъ и Сотенныхъ канцелярій, а равно судовые и магистратскіе приказные служители, оставивши перья, приняли на себя военные обрончики и тянулись въ слѣдъ за первыми вербаками. Вербунки сіи хотя въ Малоросіи были обыкновенными, и ими всегда комплектовано здѣсь 4 полка Гусарскіе и столько же Компанейскихъ; но нынѣшній вербунокъ ни чему тому не уподоблялся, а похожъ былъ онъ, нѣкоторымъ образомъ, на Посполитое рушенье, ибо всѣ почти молодые люди, оставивши дѣла свои и науки, поднялись и, столпившись великими партіями, потянулись на Столицу, какъ бы она войною и облеженіемъ угрожаема была. При всѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, обыкновенно почти являются характеры народные или ихъ склонности, такъ, на пр., при охотѣ Малоросіянъ къ военной службѣ, открылась охота Іудейская къ подрядамъ. Одинъ изъ Евреевъ, Полковникъ Гадяцкій, Крыжановскій, природный Жидъ и свѣжій перекрестъ, всегдашними арендами своими и откупами дошедшій до богатства и чина Полковника, увидѣлъ необыкновенный успѣхъ при вербункѣ Голштинцовъ, тотчасъ взялся за ряду и отозвался о томъ Государю, съ обѣщаніемъ поставить ихъ цѣлый полкъ конный на своемъ иждивеніи. Государь, уважая усердіе Крыжановскаго, но не зная его счетовъ, въ которыхъ, по совѣсти Іудейской, непремѣнно поставлялъ онъ всякой обрончикъ въ четверо дороже отъ его цѣны, произвелъ Крыжановскаго на первый случай Бригадиромъ. А онъ дѣйствительно изъ Козацкихъ дѣтей своего полку, да изъ стадниковъ и чобановъ заводской и всякой другой сволочи, сформировалъ было полкъ, такъ назвавшійся, Подцабольскій. Но какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой же конецъ, то и Голштинцы съ Подцабольцанцами тѣмъ же были поражены: они, съ Іюня мѣсяца, 1762 года, т. е., по кончинѣ Государя, бывъ уничтожены и распущены во свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малоросію, и по мѣрѣ ихъ поступковъ, оказанныхъ въ тріумфальномъ своемъ походѣ до Петербурга, вездѣ на возвратномъ пути презираемы были отъ жителей до омерзѣнія. Достаточные изъ нихъ и, что называется, панычи, возвращались наравнѣ съ другими въ одной формѣ, т. е., въ сѣрыхъ крестьянскихъ зипунахъ, босикомъ, и, подходя къ своимъ, жилищамъ, прятались въ лѣсахъ и байракахъ до ночи, не показываясь отъ стыда своимъ знакомымъ, а ночью уже убирались

въ свои домы, и не вдругъ познаваемы были семействами своими по ихъ убранствамъ и личнымъ перемѣнамъ. Между тѣмъ Государь Петръ III, въ краткое царствованіе свое издалъ два пространные законы: одинъ о преимуществахъ дворянства, со учрежденіемъ для нихъ Герольдіи, а другой объ уничтоженіи навсегда Тайной Канцеляріи и ея судилищъ, яко беззаконствовавшихъ въ Россіи.

Вступленіе на Всероссійскій престолъ Императрицы Екатерины Алексѣевны II-й послѣдовало Іюня 20 дня, 1762 года, а священное коронованіе ея совершилось въ Москвѣ того же года, Сентября 22, къ которому посыланы были депутаты отъ Малоросіи, Генеральные: Обозный, Семенъ Васильевичь Кочубей, и Судья, Илья Васильевичь Журманъ, съ большею свитою знатнаго дворянства и другихъ чиновъ. Царствованіе Императрицы Екатерины II-й началось и долголѣтно продолжалось великами намѣреніями въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ и такими же успѣхами въ предпріятіяхъ гражданскихъ и воинскихъ, которыми возведена Россія на верхъ величія и славы, ко удивленію и позавидованію всѣхъ народовъ, а производились они подъ девизомъ: „Недоконченная совершаемъ?“ Въ сей планъ вошло, между прочимъ, великое число повѣтовъ и сотень Малоросійскихъ, со всѣми ихъ жителями. Одинъ изъ генераловъ, нѣкто Мельгуновъ, проживавшій въ Заднѣпрскихъ селеніяхъ подъ видомъ вояжира, или и хуже, доносилъ ко Двору, что онъ нашелъ въ оной сторонѣ такихъ людей, которые никакому правительству не принадлежатъ, и суть они тоже, что и Американцы, но къ военной службѣ признаются способными и охотными. Правительство предписало ему вербовать сихъ людей въ Пикинеры и подчинить ихъ пограничнымъ начальстамъ. Вербунокъ тотъ охватилъ всѣ Заднѣпрскія селенія Малоросіи и часть полковъ: Миргодскаго, Лубенскаго, и весь почти Полтавскій, на сей сторонѣ Днѣпра состоящіе. А происходилъ онъ такимъ образомъ: Разъѣжавшій по селеніямъ Мельгуновъ, останавливался, обыкновенно, въ корчмахъ сельскихъ и въ нихъ созывалъ тамошнихъ Козаковъ. Послѣ первой попойки, предлагалъ имъ записываться въ Пикинеры, т. е., въ такую службу, которая есть также Козацкая, но съ лучшими отъ Козачей преимуществами и выгодами, по которымъ нынѣшнихъ начальниковъ ихъ не только бояться они не должны, но и шапокъ предъ ними снимать не обязаны. Народъ, такъ близкій сосѣдствомъ къ Азіятскимъ жителямъ, слѣдовательно и къ ихъ грубостямъ, тотчасъ хватался за слово, не бояться начальства и не шапковать предъ нимъ, и началъ записываться въ Пикинерію, столько, по ихъ мнѣнію, своевольную. Однако записывались въ нее самые мѣлкіе хозяева и великіе изъ нихъ опіяки и буяны. Такимъ образомъ навербованные Пикинеры изъяты заразъ изъ вѣдомства Малоросійскихъ правительствъ и въ нихъ насланы о томъ письменные наказы. Между Пикинерствомъ же нажалованы имъ ротмистры и поручики изъ грамотныхъ шинкарей и церковниковъ, вербунку оному споспѣшествовавшихъ. Въ слѣдъ за вербаками, очень по немногу изъ

каждаго селеній набравшимися, вошли въ отказъ самыя селенія, со всѣми безъ изъятія жителями, ни мало не соглашавшимись на перемѣну ихъ состоянія и правъ природныхъ, и поверстаны всѣ они подъ права Новоросійской губерніи, недавно устроенной, а селенія ихъ раздѣлены на 4 полка: Елисаветградскій, Днѣпровскій, Полтавскій и Донецкій. Сотенныя правленія скасованы, и знамена ихъ и архивы, иные заперты въ церквахъ, а другіе употреблены Ротмистрами и ихъ женами на домовыя свои снадобья. Отъ правительствъ полковъ Малоросійскихъ многія были представленія къ Гетману объ отборѣ изъ ихъ вѣдомства такъ многихъ селеній въ Пикинерію, да и отъ частныхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ также внесены ему жалобы о уничтоженіи стародавнихъ ихъ правъ, многими Монархами упривиллегированныхъ. Гетманъ обо всемъ томъ дѣлалъ свои представленія ко Двору и въ Правительствующій Сенатъ, но все было тщетно, и отъ Сената объявленъ на то готовый указъ, еще въ сороковыхъ годахъ состоявшійся, коимъ повелѣвалось причислить къ проводимой тогда Украинской линіи пустопорожнихъ земель, въ поперечнику на 30 верстъ, а въ длину на сколько та линія простираться будетъ. Новоявленная Пикинерія пользовалась нарочитыми льготами около 7-ми лѣтъ: ни какихъ податей и службы съ нихъ не требовано, а только внушалось имъ о ихъ преимуществахъ, и что они отъ Малоросіянъ суть лучшіе и предпочтительнѣе. Для сего отличія нашиты имъ на обыкновенныхъ ихъ шапкахъ бѣлые банты изъ холста и тесьмы. Они снимали сіи шапки съ головъ только внутри церкви, но и то уже предъ алтаремъ. Встрѣчаясь съ Малоросіяниномъ, обыкновенно грозилъ ему Пикинеръ: „Вороты зъ дороги, Гетманецъ; бо я за тебе лутчый!“ А когда вопрошано его, по чему лучшій? то отвѣчалъ: „Я и самъ того. не знаю; але Рохмыстры нашы такъ говорять и лыбонь за тымъ, що маемъ корону на шапкахъ. А Рохмыстры нашы все письменны: изъ прасоливъ и шынкаривъ, а деякы и изъ поповичивъ жалованы.“ Таковою химерою усыплена была Пикинерія до того, что никто въ ней больше не отзывался о древнихъ своихъ правахъ и привиллегіяхъ, а хвастался каждый настоящимъ величіемъ. Но въ послѣдствіи неизбѣжная судьба, преслѣдующая, обыкновенно, безпечную надменность, дала изпить симъ лучшимъ самую худшую чашу горестей. Въ открывшуюсь съ Турками войну повелѣно формировать Пикинеровъ въ регулярныя войска: ротмистрамъ ихъ объявлены чины противъ армейскихъ прапорщиковъ, но и то за урядъ, а не имѣвшіе сихъ урядовъ и всѣ чины нижніе, въ сравненіи съ урядовыми и армейскими, значили только Христіанъ Украинскаго исповѣданія. Простымъ Пикинерамъ начали шить мундиры съ пуговицами и пріучать ихъ къ экзерциціи; но они, оставивши все лучшее, разбѣжались въ зимовники Запорожскіе и хутора Новосербскіе, и тамо скрывались въ чаяніи видѣть кончину свою. Старики ихъ, изъ прежде бывшихъ Козацкихъ Старшинъ, и именно: мѣстечка Нехворощи, Павло Головко и многіе другіе, вздумали было отзываться

о прежнихъ своихъ правахъ и свободахъ, и что они, по договорнымъ статьямъ Гетмана Хмельницкаго, имѣютъ свою службу, въ нихъ назначенную, которую готовы отправлять безпрекословно и со всякою ревностію, а другой нести не желаютъ ее никогда и не искали. За сіи отзывы всѣ, въ нихъ участвовавшіе, сочтены бунтовщиками, причинствовавшими къ побѣгу Пикинеровъ, и пограничною Бѣлевскою Коммисіею осуждены къ наказанію кнутомъ. Но наказаніе сіе превзошло мѣру свою, и превосходитъ, кажется, самыя тиранства Нероновскія. Осужденные вожены были по всѣмъ ротнымъ мѣстечкамъ, въ Пикинерномъ полку назначеннымъ, и въ каждомъ биты кнутомъ безъ пощады. Засѣченные изъ нихъ на смертъ, привязаны къ хвостамъ конскимъ и таскаиы по улицамъ городскимъ, а наконецъ, разтерзанныя такимъ образомъ тѣла ихъ, бросаны въ навозныя ямы и зарываны въ нихъ наровнѣ скотскихъ надалищъ, безъ всякаго Христіанскаго, и даже человѣческаго погребенія. Экзекуцію сію отправлялъ Полковникъ Пикинерный, нѣкто окрещенный Турокъ, Адобашъ, съ Донскими Козаками, и экзекуторы такіе были превзбранные мужи, достойные судейскаго приговора и его дѣйствія. Они въ каждомъ мѣстечкѣ, выгнавши изъ домовъ народъ на площадь смотрѣть экзекуцію, разграбили домы тѣ чисто по Татарски и подѣлились добычею съ своимъ Туркомъ, чѣмъ роды сіи отъ вѣковъ отличались, и въ семъ-то состоитъ прямое достоинство ихъ, ославленное воинскимъ.

Между тѣмъ, Гетманъ Разумовскій, бывши въ Петербургѣ, оставилъ тамъ при Дворѣ совѣтника своего, Теплова, помѣщеннаго въ Кабинетѣ Императрицы докладчикомъ. Онъ, надѣясь на него, какъ на самаго себя, и по его точно совѣтамъ, воротившись въ Глуховъ, производилъ вышезначущіесь Генеральные сеймы или собранія для испрошенія себѣ непремѣннаго и потомственнаго гетманства. Но также по совѣту одной и той же особы внесены тогда же и донесенія ко Двору отъ Оберъ-Комендантовъ Малоросійскихъ, внутреннихъ и пограничныхъ городовъ, о необыкновенныхъ собраніяхъ и движеніяхъ чиновъ здѣшнихъ, подозрѣваемыхъ въ неизвѣстномъ имъ намѣреніи, и что, для предосторожности, приведены ими въ движеніе войска, консистующія въ Малоросіи, и поднята на батареи артиллерія въ крѣпостяхъ. Изъ двухъ оныхъ совѣтовъ, такъ между собою несогласныхъ и противныхъ, но ославленныхъ высочайшею Министеріею, вышелъ одинъ результатъ, довольно согласный и рѣшительный. Гетманъ позванъ, чрезъ нарочнаго курьера, въ Петербургъ, а артиллерія Малоросійская, съ ея принадлежностію, арестована и взята въ особое отъ прежняго вѣдомство. За пріѣздомъ Гетмана объявленъ ему гнѣвъ Монаршій и чтобъ онъ не являлся ко Двору, до испрошенія себѣ увольненія отъ Гетманства. Чрезъ нѣсколько седмицъ, именно, въ Ноябрѣ, 1764 года, просьба о томъ подана, и Гетманъ, Всемилостивѣйше увольненный отъ его достоинства, допущенъ во Дворецъ подъ именемъ и титуломъ Фельдмаршала. Встрѣча ему во внутреннихъ чертогахъ Царскихъ учинена Кабинетскимъ Министромъ, а его прежнимъ со-

вѣтникомъ и фаворитомъ, Тепловымъ, который, во время обыкновенныхъ привѣтствій, съ восхищеніемъ облобызалъ Гетмана, а стоявшій тогда на дверяхъ противной комнаты, Графъ Орловъ, акомпанируя лобзаніе сіе, оправдалъ при томъ пророчество матери Гетмановой, сказавъ публично: „И лобза, его же предаде.“

При уводненіи Гетмана Разумовскаго отъ Гетманскаго достоинства, утѣшеніемъ ему было пожалованіе всѣхъ остальныхъ Гетманскихъ волостей въ вѣчное и потомственное его владѣніе, между коими вмѣщались многіе курени Козачьи, также Стрѣлецкіе, и нѣсколько монастырей съ ихъ землями и угодьями, поступившіе въ то владѣніе наряду ранговыхъ имѣній и крестьянъ; а были изъ нихъ первые караульными посыльными въ Гетманскихъ дворцахъ, а послѣдніе выбраны изъ Козаковъ для добычи звѣрей и птицъ на столъ Гетманскій и на его штатъ, но остались они въ крестьянствѣ, яко безгласные. Сіе пожалованіе произвело новую молву въ Малоросіи въ разсужденіи Гетманства; но, наговорившись до вольно, стали вѣрить несомнѣнно, что Гетмана болѣе не будетъ у нихъ, ни наслѣднаго, ни избирательнаго, и что, по неимѣнію на сей урядъ деревень, и выбирать его не на что, а доброхотное для него подаяніе лишитъ церковниковъ и жильцовъ въ богадѣльняхъ и тюрьмахъ препитанія. Старшины Генеральные и Полковники, имѣвшіе долгъ въ другія времена дѣлать собраніе и посылать депутацію ко Двору о выборѣ новаго Гетмана, на сей разъ приутихли съ симъ выборомъ, а возмнивъ, что всѣ урядовыя имѣнія, по примѣру Гетманскихъ, осуждены въ вѣчную раздачу нынѣшнимъ ихъ владѣльцамъ, яко послѣднимъ изъ старой системы урядникамъ, спокойно ожидали событія онаго, и, льстя себя надеждою содѣлаться на счетъ націи хорошими владѣльцами, оставили сію націю ожидать обѣтованія Отча свыше, но и сами во мнѣніи своемъ грубо ошиблись; ибо въ послѣдствіи сбылось съ ними не тако.

На мѣсто правленія Гетманскаго, въ 1765 году учреждена въ Малоросіи Коллегія, съ правомъ и преимуществомъ, равнымъ другимъ двумъ Государственнымъ Коллегіямъ. Чинами въ ней опредѣлены 4 чиновника Великоросійскіе и 4 Малоросійскіе изъ Генеральныхъ Старшинъ, а Президентомъ въ Коллегіи и Генералъ-Губернаторомъ въ Малоросіи опредѣленъ Генералъ-Аншефъ, Петръ Александровичь Румянцевъ. Коллегія сія вошла въ правленіе, яко роса на пажить, и яко иней на руно, т. е., съ полною тишиною и кротостію, отличающею ее отъ прежнихъ Коллегій Малоросійскихъ, имѣвшихъ духа бурна и характеръ презорства и ненависти. Особенно народъ Малоросійскій обрадованъ былъ своимъ Генералъ-Губернаторомъ, памятуя благодѣянія отца его, бывшаго прежде въ Малоросіи правителемъ, и онъ дѣйствительно оправдалъ надежды народныя патріотическими своими поступками для его блага; и во первыхъ: усмирилъ раззорявшія народъ воинскія команды, прохожія и квартировавшія, коихъ поступки съ народомъ здѣшнимъ умалены были мало чѣмъ отъ нашествія Татарскаго и другихъ не-

пріятелей. Десятокъ солдатъ разгонялъ прежде цѣлыя деревни, а капральство ихъ потрясало самыя города и мѣстечка; управа же на нихъ была самая ближайшая: Кіевъ, Полтава и Смоленскъ, гдѣ начальства ихъ такъ были неприступны, какъ Султаны Азіятскіе, а привязки ихъ и претензіи мудренѣе всѣхъ узловъ Гордіанскихъ. Все у нихъ до послѣдней булавки значило интересъ Государевъ, и за него придирки и взысканія были безконечны.

Графъ Румянцевъ, скоро за прибытіемъ въ Малоросію, обозрѣлъ всѣ пограничные и другіе знатнѣйшіе города и селенія и ихъ устройство; замѣтилъ, между прочимъ, что продовольствіе консистующихъ и пограничныхъ войскъ выстаченіемъ на нихъ отъ обывателей въ натурѣ провіанта и фуража, есть одинъ поводъ къ злоупотребленіямъ и сдирствамъ отъ чиновъ воинскихъ, и что сіи нарочито требуютъ выстаченія оныхъ во время, къ поставкамъ неудобное, и потому вымогаютъ и берутъ за то деньгами, по чему сами захотятъ, отягощая и раззоряя народъ до крайности. Въ отвращеніе сего зла, учредилъ Графъ одинакій сборъ денежный со всѣхъ обывателей Малоросійскихъ, обходя однихъ чиновниковъ и служащихъ Козаковъ, повелѣвъ платить съ каждаго дыма, т. е., съ жилой хаты, по рублю и двѣ копѣйки въ годъ, что составляетъ съ души мужеска пола по 35 копѣекъ. И сія подать вносится въ Казначейства Повѣтовыя, для того учрежденныя, а изъ нихъ, повелѣніемъ Канцеляріи скарбу Малоросійскаго, отпускаются деньги въ полки и команды воинскія на продовольствіе войскъ и ихъ лошадей, по установленнымъ штатамъ и цѣнамъ. Народъ Малоросійскій, такими учрежденіями бывъ довольно облегченъ и облагодѣтельствованъ, прославлялъ за то новое свое начальство. Но какъ блаженство человѣческое, по недовѣдомымъ судьбамъ, всегда почти преслѣдуется какимъ ни есть зломъ, его обременяющимъ, и даетъ матерію самымъ философамъ препираться цѣлые вѣки о началахъ добра и зла, доселѣ ими нерѣшенныхъ, то и народъ Малоросійскій, при благоденствіи своемъ, посѣщенъ былъ симъ общимъ жребіемъ злаго навѣта. Графъ Румянцевъ въ 1767 году повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію Генеральную опись, которая, какъ въ своемъ родѣ, такъ и способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ Великоросійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ Коммисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, державный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе,

хозяевъ. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ Комисіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями, и тутъ-то потрясали всѣ сокровища каждаго. Обыкновенно домогались нѣякихсь Писцовыхъ книгъ и жалованныхъ Царскихъ грамотъ; но онѣ здѣсь были у однихъ поповъ на парафіи, да и то Архіерейскія; а какъ помѣщикамъ, по правамъ и договорнымъ статьямъ ихъ, всѣ надачи и пожалованья происходили отъ Гетмановъ и Трибунальныхъ правительствъ, а только не многіе имѣли на то подтвержденія Царскія по ихъ желаніямъ и случившимся нарочитымъ оказіямъ, то и представлены отъ всѣхъ владѣтелей универсалы Гетманскіе и декреты Судовые; но ихъ сначала считали за пашпорты или покормежныя, а не много что за свидѣтельства обыкновенныя, и послѣ уже мало по малу приходили онѣ въ свою силу, смотря по старательствамъ владѣльцевъ и ихъ пожертвованіямъ. Опись оная, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаясь съ Турками война за дѣла Польскія дала Малоросіянамъ другую работу. Все въ ней кипѣло и шумѣло, и все занималось выстаченіемъ войска, работниковъ, погонщиковъ, фуръ съ волами и провіанта къ арміямъ, со всѣми другими къ нимъ принадлежностями. Малоросіяне, не смотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодѣтельствовавшаго, приписывая Промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ Генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго.

Предъ начинаніемъ войны войска Малоросійскія воспріяли другой видъ и устроеніе. Въ Коллегію Малоросійскую послѣдовалъ имянной указъ Императрицы, повелѣвающій служащихъ Козаковъ подчинить, по судамъ и должности, военному уставу, а только по земству и имѣніямъ вѣдаться имъ и семействамъ ихъ, по прежнимъ правамъ своимъ въ Повѣтовыхъ судилищахъ. Для сего разосланы по полкамъ и сотнямъ военные уставы и послѣдняго изданія диспозиціи, напечатанныя на двухъ языкахъ, Рускомъ и Нѣмецкомъ; для управленія жь полковъ и сотенъ открыта при Коллегіи особая Коммисія. Подъ ея распоряженіемъ переформированы и комплектованы полки непремѣнными Козаками, которые записаны въ военный списокъ до положеннаго на выслугу времени. И сіе устроеніе въ многомъ подобилось самымъ древнимъ распоряженіямъ здѣшнимъ, заведеннымъ отъ Гетмана Князя Ружинскаго и опущеннымъ послѣ руинъ Шведскихъ и отдачи Полякамъ Заднѣпріи. Ради экзерциціи учреждены два лагеря, при Полтавѣ и Переяславлѣ, и компаментъ тамо продолжался цѣлое лѣто, а послѣ сего, въ началѣ 1769 года, послѣдовалъ войскамъ всеобщій походъ и открылась дѣйствительная съ Турками война, которая чѣмъ кончится, Богъ вѣсть!

ПОДРОБНЫЙ ОБЗОРЪ

ИСТОРІИ РУСОВЪ.

Происхожденіе Славянъ отъ Афета, сына Ноева, и названіе по родоначальнику и князю своему, Славену, потомку князя Росса, внука Афетова. Его жительство послѣ выхода изъ Азіи по Вавилонскомъ смѣшеніи языковъ отъ горъ Рифейскихъ и моря Каспійскаго до р. Вислы и моря Варяжскаго, и отъ Дуная, до Сѣвернаго океана и Балтійскаго моря. Доказательство на то находится въ исторіи преподобнаго Нестора Печерскаго и его продолжателей, основанной на Свящ. Писаніи и разныхъ сочиненіяхъ, хранившихся въ Кіевской библіотекѣ, погибшей въ нашествіе варваровъ. Другимъ доказательствомъ тому служатъ опустѣлые города и развалины съ Славянскими названіями, равно какъ надписи на камняхъ, кладбищахъ и статуяхъ каменныхъ; даже названіе рѣкъ, озеръ и горъ въ Крыму, за Волгой и на Тамани. Иноплеменники же въ тѣхъ предѣлахъ были перехожія и иностранныя колоніи, вскорости удалившіяся на югъ и западъ, а Греки и Генуезцы — купцы, поселившіеся, съ согласія Славянъ, въ ихъ приморьѣ. 1.

Греческіе историки приписываютъ древность Славянамъ за 1610 лѣтъ до Р. Х., утверждая, что они, гоняя другихъ народовъ, пришли, съ одной стороны къ Дунаю и далѣе, до Адріатическаго моря, а съ другой до р. Одры и Балтійскаго моря, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, называютъ ихъ различно, судя по образу жизни и виду: Восточныхъ — Скифами или Скитами, отъ скитанья, Южныхъ — Сарматами, по ящуринымъ глазамъ, также Русами, по волосамъ, Сѣверныхъ — Варягами, по хищничеству, а Срединныхъ по родоначальникамъ ихъ, по князю Русу — Роксоланами и Россами, по князю Мосоху, кочевавшему при р. Москвѣ и давшему ей такое названіе — Мосхами и Москвитами. 2.

Сами Славяне еще больше надѣлали себѣ названій: такъ Булгарами называли жившихъ на р. Волгѣ, Печенѣгами питавшихся печеною пищею, Полянами и Полощами обитавшихъ въ поляхъ, Древлянами въ лѣсахъ, а Козарами ѣздившихъ на коняхъ и чинившихъ набѣги. По послѣднимъ получили названіе и всѣ воины Славянскіе, избранные для войны и защиты отечества. Греческій императоръ, Константинъ Мономахъ, переименовалъ ихъ изъ Козаръ въ Козаковъ во время вспоможенія ему противъ непріятелей его, и такое названіе осталось уже за ними навсегда. Войны же Славянъ съ Печенѣгами, Половцами, Казарами и друг. Славянскими народами, были просто междоусобія за рубежи областные и прочія притязанія и ссоры. 2.

Земля между рр. Дунаемъ и Двиной, Чернымъ моремъ и Стырью, Случью, Березиной, Донцемъ и Сѣвой, получаетъ названіе Руси, а народъ ея — имя Русовъ. Въ послѣдствіи она дѣлилась на Русь Червонную, по землѣ, производящей красильныя травы и червецъ, и Русь Бѣлую, по великимъ снѣгамъ ея. Провинціальныя же дѣленія ея были на княжества: Галицкое, Переяславское, Черниговское, Сѣверское, Древлянское и главное, или великое княжество, Кіевское. Князья выбирались народомъ на всю династію. Изъ нихъ знатнѣйшіе были: Каганъ, осаждавшій судами Царьградъ, спасенный чудомъ Богоматери; Кій, основатель Кіева, Оскольдъ и Диръ, Игорь, Святославъ и Владиміръ, самодержецъ Русовъ, введшій въ нее христіянство Греческаго исповѣданія. До него же всѣ Славяне были язычники Восточные, признававшіе единаго Бога, символомъ или жилищемъ коего почитали солнце, а орудіемъ — громъ или перунъ, почему чествовали солнце воспаленіемъ огня и вверженіемъ въ него начатковъ отъ всего произябаемаго, называя праздникъ этотъ Купалой. 3.

Впрочемъ, крещеніе Руси было трояхое: первое апостоломъ Андреемъ, второе великой княгиней Ольгой, и третье Владиміромъ, по смерти коего царство его раздѣлилось между 12 его сыновьями, повиновавшимися князю Кіевскому, какъ главѣ своему. Знатнѣйшіе изъ в. князей Кіевскихъ по Владимірѣ были: Яро-

славъ, сочинитель Рускихъ законовъ и учредитель въ Кіевѣ главнаго училища богословія и обширной библіотеки, и Владиміръ Мономахъ. Усобицы князей за первенство ослабили Кіевское княжество и породили много другихъ великихъ княжествъ: Галицкое, Владимірское на Клязьмѣ и Московское, славившихся только до нашествія Мунгальскихъ Татаръ, разорившихъ и покорившихъ себѣ Русь, которую въ половинѣ XV стол. освободилъ отъ зависимости ихъ Московскій в. князь, Иванъ Васильевичь III. Внукъ его, Иванъ IV, совокупилъ многія княжества въ одно, и объявилъ себя, ок. XVI ст., царемъ и самодержцемъ Московскимъ, въ послѣдствіи Россійскимъ. Это царство, въ отличіе отъ Червоной и Бѣлой Руси, стало называться Великою Россіею, а тѣ, вмѣстѣ взятыя, Малою. 5.

Знатнѣйшія фамиліи Малой Росіи, вмѣстѣ съ немногими княжескими семействами, удалились, во время Татарскаго нашествія, въ сосѣдственное княжество Литовское и, проживая тамъ, породнились съ тамошними вельможескими домами, помощью чего подвигнули великаго князя Литовскаго, Гедимина, освободить землю ихъ отъ владѣнія Татарскаго и соединить съ своею державою. Въ 1320 году Гедиминъ, собравъ свое и Руское войско (послѣднее подъ начальствомъ своихъ воеводъ: Пренцеслава, Свѣтольда и Блуда, да полковниковъ: Громвала, Турнила; Перунада, Ладиша и др.), разбилъ Татаръ на 3-хъ сраженіяхъ, изъ коихъ въ послѣднемъ, при р. Ирпенѣ, убиты были князья ихъ, Тымуръ и Дивлетъ. Послѣ сего князь Литовскій возстановилъ правленіе Руское подъ начальствомъ выбранныхъ народомъ особъ, надъ коими поставилъ намѣстника своего, князя Ольшанскаго. Изъ преемниковъ его особенно замѣчателенъ Симеонъ Александровичь, возобновившій, въ 1470 г., церкви и монастыри Кіевскіе послѣ 200-лѣтняго опустѣнія ихъ. Гедиминъ подтверждаетъ права и обычаи Руские и вводитъ ихъ, вмѣстѣ съ грамотою Рускою, въ своей землѣ. Коренное право Руское, извѣстное подъ именемъ судныхъ статей, собрано было послѣ въ одну книгу и названо Статутъ. 5.

Несправедливость мнѣнія о покореніи Руси Гедиминомъ силою оружія. 6.

Остатки владычества Татаръ надъ Русью, между прочимъ, суть: гербы Магометанскіе на древнихъ церквахъ и колокольняхъ подъ крестами, то есть, полумѣсячія, обратившіяся послѣ въ обычныя украшенія на колоколахъ, поставляемыя мастерами ихъ. 6.

Услуги, оказанныя Малоросіянами Литовцамъ въ благодарность за освобожденіе, въ войнахъ съ Крижаками, Ливонцами и Прусами, и соединеніе Малоросіи и Литвы съ Польшей въ 1386 году, яко равныя съ равными, и вольныя съ вольными, что подтверждалось каждымъ королемъ при вступленіи своемъ на престолъ, подъ названіемъ „Pacta conventa.“ На основаніи этого учреждены были въ трехъ націяхъ три равные гетмана, или намѣстники королевскіе и верховные военачальники: коронный Польскій, Литовскій и Рускій. На содержаніе этихъ послѣднихъ опредѣлены были староства или ранговыя деревни. Пребываніемъ Малоросійскому гетману назначенъ Черкасъ, а провинціальное дѣленіе Руси было на воеводства и повѣты: Кіевское, Брацлавское, Волынское и Черниговское. Гетманы и чины городскіе и земскіе выбирались изъ рыцарства вольными голосами и утверждались королемъ съ сенатомъ. Составъ сената и дѣленіе народа на шляхту, духовенство и поспольство или простолюдиновъ: права тѣхъ и другихъ. 7.

Завладѣніе Казиміромъ III-мъ, королемъ Польскимъ, ок. половины XIV стол., Галиціей и привилегія его ей. 8.

Первые Гетманы въ Малоросіи и Литвѣ, послѣ соединенія ея съ Польшею, были потомки природныхъ князей Рускихъ (Свѣтольдовъ, Ольговичей или Олельковичей, Острогскихъ пр.). Изъ нихъ *Венцеславъ Свѣтольдовичь* оказалъ важныя услуги первому королю своему, Ягайлу, въ войнѣ съ Крижаками, именно въ 1401 г. въ сраженіи при Динабургѣ, начальствуя 37 тысячами Рускихъ (предводимыхъ воеводами: Ольговичемъ и Острогетомъ, и полковниками: Рогдаемъ, Полеличемъ, Громваломъ, Колядичемъ и Купальдѣемъ), гдѣ Крижаковъ пало и взято въ плѣнъ до 50 тыс. Награжденіе королемъ за то Рускихъ и гетмана ихъ разными почестями и подарками, и пожалованіе имъ, 1409 г., апрѣля 13 дня,

подтвердительной привилегіи на пакты соединенія, по коей присягали короли Польскіе при коронаціи права Русовъ до самыхъ Сигизмундовъ, а этѣ возобновляли ихъ новыми привилегіями. 9—10.

Правленіе короля Владислава II-го: первая война его съ Турками въ 1439 г. и разбитіе султана на границѣ Угорской близъ Дуная; тутъ было Руских 43,700 подъ начальствомъ воеводъ: Кіевскаго, Свѣвольдовича, и Сѣверскаго, Ольговскаго, да полковниковъ: Влудича, Дулепы, Претича, Станая, Бурлія и Артавія, получавшихъ, между другими дарами королевскими, гербы и золотые корякн на шелковыхъ шнурахъ черезъ плечо. Вторая война съ Турками по наущенію папы Евгенія IV-го, въ 1444 году, и битва при Варнѣ, проигранная Поляками и Рускими, предводимыми, въ числѣ 30,000, воеводой Ольговскимъ и полковниками: Тризной, Гудимомъ, Бурліемъ, Станаемъ, Претичемъ, и друг.: около половины Рускихъ пало на сраженіи, а прочіе спаслись въ Булгаріи у соплеменниковъ своихъ и послѣ воротились домой. 11—13.

Пресѣченіе, въ царствованіе короля Александра, мужеской линіи князей Рускихъ въ князѣ Симеонѣ Олельковичѣ и, послѣ постановительныхъ конституцій королевства, избраніе, 1506 г., отъ рыцарства *перваго гетмана Рускаго*, *Пренцлава Лянцкоронскаго*, изъ фамиліи сенаторской, зятя князя Острогскаго и родича королевскаго. Услуги перваго гетмана королевству Польскому, разбившаго въ 3-хъ сраженіяхъ Турковъ, Татаръ и Волоховъ, нападавшихъ на Галицію и Волынь и, въ слѣдствіе того, возвращеніе земель около Днѣстра и устья Днѣпра, захваченныхъ Татарами со времени Батыя. Для охраненія ихъ учреждена имъ стража изъ козаковъ между Бесарабіи и Крыма, пониже Днѣпровскихъ пороговъ, отъ чего они прозвались *Запорожскими* козаками, а мѣсто пребыванія ихъ Сѣчью, отъ сѣченія деревъ, на палисады употребленныхъ, или засѣкъ. Устройство ея правительствомъ и подчиненіе гетману Малоросійскому. 13—14.

Гетманъ князь *Димитрій Вишневецій*, преемникъ Лянцкоронскаго, заботился особенно о внутреннемъ устройствѣ своего народа и получилъ отъ него имя отца народа. Погибель отъ жестокости стихій Крымскихъ Татаръ, прорвавшихся тайно въ нижнюю Подолію или Побережье. 14—2.

Гетманъ князь Евстафій *Ружинскій*, выбранный въ 1514 г. Путешествіе его въ молодости по Германіи и Франціи и преобразованіе войскъ Малоросійскихъ. Древнее устройство козаковъ до него и раздѣленіе имъ Малоросіи на 20 непремѣнныхъ козацкихъ полковъ, въ 2000 каждый, получившихъ названіе по знатнѣйшимъ городамъ; составъ полковъ, чины ихъ, одѣяніе, вооруженіе, содержаніе и военная наука. Разбитіе имъ съ новоустроеннымъ своимъ войскомъ, въ 1516 г., Крымскаго хана, Меликъ Гирея, шедшаго, по союзу съ княземъ Московскимъ, Василіемъ Ивановичемъ, войною на Польшу, на р. Донцѣ, при г. Бѣлгородѣ, а Турковъ и Татаръ при р. Кодымѣ. 15—18.

Мнѣніе разныхъ писателей о происхожденіи Малоросійскихъ козаковъ: отъ Скифовъ, Татаръ, Кабарды Черкаской, Козаровъ, а по мнѣнію Поляковъ отъ разной вольницы, поселенной ихъ королями на пустошахъ въ низовьяхъ Днѣпра и Буга. Опроверженіе этѣхъ мнѣній и производство имени Козакъ и Козаръ отъ легкости ихъ коней, уподобляющихся козьему скоку. Названіе Малоросіянъ Черкасами дано Великоросіянами по главному ихъ городу, Черкасу, при Днѣпрѣ, столицѣ Рускихъ гетмановъ, и догадка о происхожденіи Черкесовъ отъ смѣшенія Славянъ съ Грузинами и Татарами. 18—20.

Гетманъ *Венжикъ Хмельницкій*, изъ генеральныхъ есауловъ въ 1534 году. Выступивъ, по повелѣнію короля Сигизмунда I-го, противъ Татарской Орды, пробиравшейся, чрезъ Молдавію и Волынь, въ Польшу на грабежъ, онъ поразилъ ее и воротился съ великою добычею въ Заславль, за что король прислалъ ему благодарственные похвальные листы, а Поляки давали, куда ни приходилъ, тріумфальныя встрѣчи. При немъ, на главномъ сеймѣ въ Варшавѣ, по случаю уравненія Литовскаго и Рускаго шляхетства съ Польскимъ, король, подтверждая прежнія начальныя привилегіи и законоположенія, 1563 г., іюня 7-го дня, дозволилъ Рускому и Литовскому рыцарству привилегіи правъ и вольностей земскихъ

вписать въ новосочиняемый статутъ, наровнѣ съ Польскими, а въ 1569 году, іюня 7-го дня, особой привилегіей изъялъ и освободилъ землю Рускую и княженіе Кіевское, всѣхъ вообще и каждаго, отъ послушанія, владѣнія и повелѣній великаго княжества Литовскаго и присоединилъ къ Польскому королевству, какъ равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свободнымъ. 20—21.

Гетманъ князь *Михайло Вишневецкій*, изъ воеводъ. Въ 1569 г., отправившись, по волѣ короля, на освобожденіе отъ Турокъ и Татаръ Астрахани, а въ помощь Московскимъ войскамъ царя Ивана Василія Грознаго, дважды разбилъ непріятелей и избавилъ Астраханскихъ гражданъ отъ осады. Запорожцы, недовольные на него за то, что онъ отдалъ всю тяжелую Турецкую артилерію Московскимъ войскамъ, отдѣлились, въ числѣ 5,000, ночью отъ козаковъ, ушли къ устью Дона, гдѣ построили городъ, назвавъ его, по имени своей столицы, Черкаскомъ, пригласили къ себѣ Донцевъ, жившихъ въ своемъ городкѣ, Донцѣ, соединились съ ними, приняли всѣ ихъ обычаи и сдѣлали свой городъ главнымъ всему войску Донскому. 21—23.

Гетманъ Григорій *Свирговскій*, выбранъ былъ на мѣсто Вишневецкаго, отправленнаго королемъ въ званіи посла въ земли иностранныя, изъ обозныхъ генеральныхъ 1574 г. Посланный Польскими министрами, управлявшими королевствомъ по выѣздѣ Генриха Валуа обратно во Францію, на помощь Волошскому господарю, Іоану Липулу, обезпокоемому Турками, далъ сраженіе послѣднимъ при г. Сорокѣ 23-го апрѣля, 1575 г., и разбилъ ихъ на голову. Послѣ сего, часть войска отправилъ онъ съ полковникомъ Савой Ганжей къ столичному городу Валахіи, Букаресту, а самъ пошелъ къ Галацу, куда приказалъ явиться и Запорожскому кошевому, Феську Покотылу, съ своей флотиліей для недопущенія Турец. десанта въ Дунай и Днѣстръ. Очистивъ Молдавію и Валахію отъ Турковъ, гетманъ осадилъ, наконецъ, Килію, но былъ поднятъ взорванными минами на воздухъ со многими козаками, а остальные, присоединясь къ Ганжѣ, воротились съ трудомъ домой. 23—24.

Гетманъ *Федоръ Богданъ*, съ 1576, изъ полковниковъ. Въ 1577 г., по приказанію короля, Стефана Баторія, отправился весной въ Крымъ, въ отмщеніе за нападенія Татаръ на границы Малоросіи въ отсутствіе Свирговскаго. Въ сраженіи, между Кинбургскихъ кучугуровъ и каменнаго Даріева моста, съ ханомъ, Дивлетъ Гиреемъ, побѣдилъ Крымцевъ, переправился черезъ Гнилое море, взялъ Перекопъ, Кафу (при помощи Запорожцевъ на судахъ подъ нач. есаула Нечая, отправленнаго заблаговременно) и заключилъ выгодный миръ съ ханомъ. Запорожцы получили приказаніе наказать Турецкіе приморскіе города (между коими особено пострадали Синопъ и Трапезонтъ) за покупку ими у Татаръ Христіанскихъ плѣнниковъ. Другой походъ его предпринятъ былъ (по просьбѣ Христіанъ Подунайскихъ, для отвлеченія силъ Турецкихъ въ другую сторону) въ Малую Азію, куда онъ прибылъ черезъ Кавказъ, проникъ до Царьграда, опустошилъ его предмѣстія и, переправившись въ Булгарію, узналъ о поспѣшномъ поворотѣ Турковъ изъ Сербіи къ Адріанополю; потомъ осадилъ и взялъ Килію и съ богатой добычей воротился домой. 27—28.

Король, воздая гетману и его народу должное, наградилъ заслуги ихъ почестями и многими преимуществами: далъ первому бунчукъ, въ знакъ побѣдъ надъ Азіятцами, построилъ столицу при р. Сеймѣ, назвавъ ее по своему имени, Батуринъ, а послѣднему, между прочимъ, повелѣлъ, по дѣламъ военнымъ, судиться въ своихъ полкахъ и сотняхъ. Несправедливо, будто козаки судились всегда, по всѣмъ дѣламъ, какимъ то правомъ козацкимъ, отмѣннымъ отъ шляхетскаго. Составъ Малоросійскаго трибунала: изъ 7-ми департаментовъ, а для награды товариства, невходившаго въ составъ полковъ, учреждены была три степени товарищей войсковыхъ: Бунчуковые, Войсковые и Значковые товарищи, служившіе на собственномъ содержаніи въ мирное и военное время, но въ награду отличія получавшіе отъ гетмановъ деревни, хутора и подоби. Привилегія короля Баторія народу и воинству Рускому на этѣ права, данная 1579 г., апрѣля 19-го дня, и свидѣтельствующая объ особенномъ расположеніи его къ нимъ. 26—29.

Гетманъ Павелъ *Подкова*, избранный, въ 1579 г., изъ полковниковъ, былъ родомъ Волохъ и при томъ изъ фамиліи тамошнихъ господарей. Походъ его въ Валахію по просьбѣ дяди своего, господаря Волошскаго, Петра Подковы, изгнаннаго подданными. Разбивъ въ двухъ сраженіяхъ Волоховъ, онъ подступилъ къ Букаресту и былъ упрошенъ принять господарскій престолъ, но вскорѣ убитъ измѣннически однимъ вельможей въ загородномъ домѣ, на крестинахъ. 29—30.

Гетманъ Яковъ *Шахъ*, другъ Подковы, сдѣлался преемникомъ ему въ 1582 г. и тотчасъ рѣшился отмстить смерть его. Испросивши повелѣніе короля защищать границы со стороны Молдавіи отъ Турковъ, онъ нежданно явился подъ Букарестомъ и принудилъ выдать себѣ виновниковъ смерти Подковы, которыхъ всѣхъ приказалъ повѣсить въ виду столицы съ приличной надписью. Однако султанъ потребовалъ удовлетворенія отъ короля Польскаго за такой насильственный поступокъ, и послѣдній, по приговору военнаго Малоросійскаго трибунала, былъ отрѣшенъ отъ гетманства и сосланъ на вѣчное заточеніе въ Каневскій монастырь, въ коемъ тихо кончилъ жизнь свою въ монашествѣ. 30—31.

Гетманъ Дамьянъ *Скалозубъ*, изъ полковниковъ, 1583 г. Крымцы, мстя за самоуправство предыдущаго гетмана съ Волохами, ворвались въ Малоросію и разорили окрестности Опошнаго и Котельвы, но новоизбранный гетманъ тотчасъ бросился на перемъ ихъ со стороны Крыма, въ чемъ, однако, не успѣлъ. Получивши же послѣ повелѣніе короля, не открывая явной войны, освободить плѣнныхъ искусснымъ образомъ, онъ тотчасъ отправилъ Запорожцевъ на судахъ, подъ нач. войсковаго писаря, Ивана Богуславца, и полковника Карпа Перебійноса, въ море, приказывая имъ запередь Крымскія гавани, а самъ, съ конницей и пѣхотой, пустился къ Орской линіи, откуда, на запорожскихъ лодкахъ, проникъ въ море, соединился съ, прежде отправленной, флотиліей и поплылъ, въ Керчинскій заливъ, надѣясь тамъ перехватить самую большую переправу плѣнниковъ, но, окруженный Турецкими военными судами, вышедшими изъ Азовскаго и Чернаго м., взятъ былъ, по долгомъ сопротивленіи, и отвезенъ въ Царьградъ, гдѣ и уморенъ голодомъ. Писарь же Богуславецъ, захваченный при г. Козловѣ, освобожденъ Запорожцами при помощи жены Турецкаго паши, выѣхавшей съ нимъ въ Малоросію и вышедшей за него; а прочія войска съ обознымъ Сурниломъ и полковникомъ Перебійносомъ воротились въ свои границы. 30—32.

Гетманъ Федоръ *Косинскій*, бывшій прежде генеральнымъ есауломъ, занялъ мѣсто Скалозуба въ 1592 г. Начало Уніи и соборъ въ Брестѣ Рускомъ, иначе Литовскомъ; сильныя представленія гетмана противу ея въ самой соборъ и къ королю: и тотъ, и другой приглашали его прибыть въ Брестъ, и когда онъ явился туда, тотчасъ схваченъ, сужденъ и замурованъ въ одномъ монастырѣ въ каменной столпъ, гдѣ и умеръ отъ голода. Козаки, числомъ 7,000, отправились было на его освобожденіе, но встрѣчены подъ мѣстечкомъ Пяткой Польскими войсками и разогнаны. Послѣ сего коронный гетманъ получилъ повелѣніе занять Малоросію, запретить выборъ новаго гетмана и помогать Брестскому духовенству вводить Унію. Окружное посланіе этого послѣдняго о приглашеніи соединиться съ нимъ и причины отпаденія его отъ Цареградскаго патріарха. Поступокъ Польскаго войска съ нехотѣвшими принимать Унія. 32—35.

Гетманъ Павелъ *Наливайко*, генеральный есаулъ, избранный чинами и козаками Малоросійскими въ 1596 году, въ Чигиринѣ: онъ сейчасъ послалъ, съ депутатомъ, полковникомъ Лободой, просьбу къ Сигизмунду III-му, въ коей, исчисляя услуги Руского народа коронѣ Польской, протестовалъ противъ вводимой Уніи и просилъ подтвержденія въ своемъ избраніи; но отъ короля получилъ только, черезъ посланнаго своего, обѣщаніе объ уничтоженіи, при первомъ сеймѣ, затѣй министровъ и духовенства, и приказаніе вести себя съ войскомъ мирно и согласно съ Поляками, что тотъ и исполнилъ самымъ дѣломъ. Но, увидѣвши скопленіе послѣднихъ около Черкасъ и Бѣлой Церкви подъ нач. короннаго гетмана, Жолкевскаго, и самъ явился съ войскомъ у Чигирина и, окопавшись при рѣкѣ Тясминѣ, поджидалъ Поляковъ.

Произошла знаменитая битва, увѣнчавшая козаковъ и стоившая Полякамъ слишкомъ 17 тысячь убитыми. Послѣ этой битвы, гетманъ одну часть войска отправилъ съ Лободой очищать города Заднѣпровскіе и Задесенскіе, а съ другой самъ пошелъ между рр. Днѣпра и Днѣстра, при чемъ сожжены Могилевъ на Днѣстрѣ и Слуцкъ, что произведено въ 3½ мѣсяца. Сошедшись же съ полковникомъ Лободой при р. Сулѣ, онъ окружилъ гетмановъ, короннаго и Литовскаго, и готовился уже, послѣ четырехдневной осады, взять въ плѣнъ, какъ прибывшіе изъ Варшавы королевскіе посланники остановили его, и тотчасъ былъ заключенъ миръ, на коемъ подтверждены всѣ права Рускихъ и объявлено всепрощеніе. Этимъ кончилась 1-я война съ Поляками. Воротясь въ Чигиринъ, гетманъ принялся за возстановленіе прежняго устройства и порядка, нарушеннаго войной, и очищеніе церквей отъ Уніи. Онъ явился, 1597 г., съ 4-мя депутатами (отъ четырехъ воеводствъ, на кои раздѣлялась Малоросія) въ Варшаву на главный сеймъ, но былъ, въ первую же ночь, съ ними схваченъ, брошенъ въ темницу и, черезъ два дня, посаженъ на площади въ разженнаго мѣднаго быка. Мнѣніе польскаго историка, Вагнера, о подобныхъ поступкахъ Поляковъ съ козаками. 35—40.

Приговоръ Рускому народу, объявленный, по истребленіи гетмана Наливайка, Польскимъ правительствомъ, въ коемъ онъ названъ бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. А потому Полякамъ, нахлынувшимъ отвсюду въ Малоросію, дана была власть дѣлать все, что имъ угодно, съ народомъ Рускимъ, что и исполняли они съ лихвою. Страшное страданіе Руси и неимовѣрное гоненіе на нее, отъ котораго, для сохраненія при себѣ своихъ мѣстъ и имѣній, Руское дворянство, переходитъ, сперва въ Унію, а потомъ къ Католичеству, что, въ послѣдствіи, повело его къ отреченію и отъ самаго происхожденія своего. 40—42.

Появленіе самозванца Отрепьева въ Малоросіи и походъ его, въ сопровожденіи короннаго гетмана, Калиновскаго, и Сѣверскаго полковника, Заруцкаго, къ Новгороду Сѣверскому, осада и разореніе его Поляками за Московцевъ; отступленіе Отрепьева, при помощи козаковъ, къ Батурину. 42—44.

Гетманъ Петръ *Конашевичъ Сагайдачный*, поставленный изъ генеральныхъ обозныхъ, въ 1598 г. Запорожцами: онъ первый сталъ писаться гетманомъ Запорожскимъ, чему послѣдовали и всѣ его преемники, даже самое войско Малоросійское нерѣдко называлось Запорожскимъ. Причины тому. Походъ его въ Крымъ въ отмщеніе за набѣги Татаръ на пограничныя Малоросійскія селенія и плѣненіе народа; городъ Кафа взятъ, разграбленъ и сожженъ, а плѣнники освобождены; тоже готовилось и г. Козлову, если бы граждане его не умолили гетмана о пощадѣ, выпустивъ добровольно плѣнныхъ. 44—45.

Появленіе соперника Конашевичу въ лицѣ сотника Дамьяна *Кушки*, избраннаго Поляками въ Запорожскіе гетманы, который тотчасъ отправился въ Бесарабію для освобожденія захваченныхъ въ плѣнъ Христіянъ Татарами на границахъ Подоліи, но, окруженный близъ Акермана Турками и Татарами, полоненъ и убитъ. На мѣсто его Поляки выбрали новаго соперника Конашевичу, старшину козацкаго, *Бородавку*, который былъ схваченъ первымъ, и, по приговору военнаго суда, разстрѣлянъ. Послѣ такихъ безуспѣшныхъ попытокъ, Поляки, нуждаясь въ помощи Запорожскаго гетмана противъ Турковъ, подтвердили его гетманомъ на всю Малоросію. Походъ его, вмѣстѣ съ Польскими войсками, противу Турокъ въ Буковину и битва, на коей пало послѣднихъ около 10,000, да въ плѣнъ взято болѣе 1,000 и 7 пашей. Дальнѣйшее преслѣдованіе Турокъ и сраженіе при Галацѣ съ главной ихъ арміей подъ нач. сераскира, разбитіе и взятіе въ плѣнъ всего стана, со множествомъ артилеріи, запасовъ и богатствъ. На возвратномъ пути въ Малоросію по приказанію короля Польскаго, примирившагося съ султаномъ Турецкимъ, гетманъ получилъ вѣсть отъ Запорожскаго кошеваго, Дурдила, о проходѣ Крымцевъ въ Малоросію на грабежъ; оставя пѣхоту, онъ съ конницей поспѣшилъ за ними и засѣлъ въ лугахъ ок. устья Конскихъ Водъ, гдѣ поджидалъ возврата Татаръ и потомъ вышелъ имъ на встрѣчу при Самарѣ, напалъ нежданно и поразилъ на го-

лову до послѣдняго. Послѣ этого Сагайдачный не участвовалъ уже лично въ военныхъ походахъ, но отправлялъ за себя, наказнаго гетмана, Петра Жицкаго, и другихъ старшинъ, а самъ занимался внутреннимъ устройствомъ Малоросіи, противудѣйствуя Уніи и подкрѣпляя Православіе. Между прочимъ онъ возобновилъ Софійскій соборъ, построилъ Братскій монастырь, при коемъ, съ помощію митрополита, Петра Могилы, обновилъ академію, и послѣ, болѣе нежели 20-лѣтняго, славнаго правленія своего, скончался, 1622 г., и погребенъ въ упомянутомъ монастырѣ. 45—48.

Не смѣя при Сагайдачномъ явно обижать Малоросіи, Поляки тотчасъ по кончинѣ его возобновляютъ свои гоненія на нее во всемъ прежнемъ объемѣ. 48.

Пораженіе Поляковъ, подъ предводительствомъ короннаго гетмана, Жолкевскаго, при Цецорѣ, Турками. 6-ть Малоросійскихъ полковъ подъ нач. генеральнаго есаула, Потребича, отличились тутъ своимъ примѣрнымъ отступленіемъ, коимъ спасли множество Поляковъ. Въ этомъ сраженіи палъ, со стороны Малоросіянъ, сотникъ Черкаскаго полка, Михайло Хмельницкій, а молодой сынъ его, Зиновій, полоненъ и отосланъ въ Турцію. Родословная Хмельницкаго, его воспитаніе, похожденія и отличія. 49—50.

Предстательство предъ королемъ Польскимъ, Сигизмундомъ III-мъ, за народъ Малоросійскій, князя Константина Ивановича Острогскаго, воеводы Кіевскаго, самаго королевича, Владислава, уважавшаго услуги козаковъ Польшѣ, и даже Шведскаго короля, Густава Адольфа 51.

Гетманъ Тарасъ *Трясило*, избранный, въ 1624 г., изъ Корсунскихъ полковниковъ и разбившій Поляковъ подъ Переяславлемъ, ночью, отъ чего битва эта слыветъ у народа подъ именемъ *Тарасовой ночи*. Очищеніе имъ Малоросіи отъ Поляковъ и Жидовъ. 51—52.

Гетманъ Семенъ *Перевязка*, изъ полковыхъ обозныхъ въ 1632 г.: измѣна его своему народу, преданіе военному суду и бѣгство, при помощи жида, въ Польшу. 52.

Мѣсто его досталось генеральному хорунжему, *Павлюгѣ*, 1633 г.; сраженіе его съ коронымъ гетманомъ, Конецпольскимъ, подъ Кумейками, и вѣроломный плѣнъ Поляками въ мѣстечкѣ Боровицѣ, а послѣ мучительная смерть въ Варшавѣ съ обознымъ Гремичемъ и есаулами: Побѣдимомъ, Летягой, Шкураемъ и Путыломъ. 53.

Послѣ Павлюги избранъ былъ, 1638 г., въ гетманы, Нѣжинскій полковникъ, Степанъ *Остряница*, а къ нему приданъ въ совѣтники изъ стараго заслуженнаго товариства, Леонъ Гуня, отличавшійся между козаками своимъ благоразуміемъ. Искусное очищеніе Приднѣпровскихъ городовъ отъ Поляковъ и возстановленіе сообщенія жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Знаменитое пораженіе гетмана Польскаго, Лянцкоронскаго, при р. Старицѣ, въ коемъ, однако жъ, палъ и Гуня; осада перваго въ замкѣ мѣстечка Полоннаго и примиреніе, при посредствѣ Рускаго духовенства, съ гетманомъ Остряницей. Послѣ того распустивъ все войско, отправился онъ, съ старшиной своей, въ Каневскій монастырь для принесенія благодарственнаго моленія Богу, и былъ въ расплохъ схваченъ Поляками, проведенными ночью туда Жидами, а потомъ замученъ, съ 37-ю товарищами, самымъ страшнымъ образомъ въ Варшавѣ; члены ихъ развезены по Малоросіи и развѣшаны на сваяхъ по городамъ. 53—56.

Не смотря на потерю Острялицы, козаки собрались при р. Мерлѣ и выбрали, 1639 г., изъ полковыхъ есауловъ, новаго гетмана, Карпа *Полторакожуха*. Онъ, при всемъ усиліи своемъ, не могъ очистить Малоросіи отъ Поляковъ, наславшихъ въ нее своихъ воеводъ, комисаровъ и старостъ, а потому, держась степовъ Крымскихъ и Запорожскихъ, ограничивался однимъ лишь отраженіемъ ихъ. Кромѣ того помогалъ Крымскому хану въ войнѣ его съ Калмыками и, послѣ 3-лѣтней дѣятельной и бурной жизни, скончался и погребенъ, въ порожней горѣлочной бочкѣ, у Каменнаго Затона. 57.

Мѣсто его занялъ полковой обозный, Максимъ *Гулакъ*, 1642 г.. Чигиринскій староста, Чернецкій, разбилъ его при р. Тясминѣ и взялъ весь его обозъ съ запасами и артилеріею, послѣ чего и онъ, подобно Полторакожуху, державшійся южной окраины Малоросіи, предводя только 7-ю тысячами козаковъ,

съ конми служилъ сосѣдамъ своимъ; между прочимъ ходилъ онъ, по приглашенію Турецкаго султана, въ походъ противъ Персовъ до самой Эривани, за что былъ одаренъ Турками, и послѣ 5-тилѣтней дѣятельной жизни, скончался въ мирѣ, а войско его соединилось съ Запорожцами. 57—58.

Поляки, запретивъ выборы гетмановъ Малоросійскихъ, рѣшились держать, однако же, въ войскѣ его *наказныхъ гетмановъ*, поставленныхъ ими самыми изъ преданныхъ имъ старшинъ козацкихъ. Такимъ наказнымъ гетманомъ былъ первый *Иванъ Барабашъ*, избранный Поляками въ Чигиринѣ изъ Чигиринскихъ полковниковъ, 1646 года, при коемъ оставленъ генеральнымъ писаремъ служившій прежде въ королевскомъ кабинетѣ, Зиновій Хмельницкій. Представленіе Барабаша, по совѣту своего генеральнаго писаря, королю Владиславу IV-му, о гоненіяхъ на Малоросіянъ, благосклонное принятіе имъ онаго и предложеніе сенату на разсужденіе и уваженіе, который, однако же, отказалъ просившимъ во всякомъ снисхожденіи, что побудило короля дать согласіе свое на возстаніе Малоросійскаго народа противу своихъ притѣснителей. Утаеніе объ этомъ рескрипта королевскаго отъ народа и хитрость, съ коей Хмельницкій досталъ его у Барабаша. Бѣгство Хмельницкаго съ добытымъ рескриптомъ короля въ Запорожскую Сѣчь, въ которую, прибывши 7-го авг., 1647 г., собралъ тамошнихъ Запорожцевъ (всего 300) и реестровыхъ козаковъ гетмана Гулака, проживавшихъ въ Сѣчи, объявилъ о волѣ короля на поднятіе оружія противъ гонителей вѣры и народности Руской, Поляковъ. Козаки тотчасъ согласились на его предложеніе и провозгласили было его своимъ гетманомъ, чего, однако, онъ не принялъ, но тотчасъ отправился съ ними для покоренія важной крѣпости, Кадака, препятствовавшей сообщенію Запорожья съ Малоросіей, взялъ ее и назначилъ сборомъ для своего войска. Разсылка имъ въ окружные города и селенія извѣстительныхъ писемъ о своемъ предпріятіи и приглашеніе стать за родную землю; прибытіе къ нему 3-хъ полковъ, Полтавскаго, Миргородскаго и Гадяцкаго. Барабашъ увѣдомляетъ Поляковъ о возстаніи козаковъ и пожалованіе его королемъ въ гетманы; походъ его съ коронынымъ гетманомъ, Потоцкимъ, къ Кадаку, и разбитіе обоихъ Хмельницкимъ: Потоцкій взятъ въ плѣнъ, а Барабашъ самъ бросился въ Днѣпръ; знаменитая рѣчь Хмельницкаго къ козакамъ Барабаша, приплывшимъ съ нимъ на флотиліи, и отвѣтъ ихъ на нее. По соединеніи Барабашева войска съ своимъ, Хмельницкій провозглашенъ былъ отъ него дѣйствительнымъ Малоросійскимъ *гетманомъ*, октября 15-го, 1647 года. 58—64.

Первымъ попеченіемъ гетмана Хмельницкаго было возстановленіе и устройсьво реестровыхъ полковъ, потомъ отправленіе плѣнныхъ Поляковъ въ даръ хану Крымскому, съ просьбой о вспоможеніи, въ чемъ тотъ отказалъ ему, извиняясь миромъ султана съ Поляками и войной съ Европейскими и Азіятскими сосѣдями, въ кою назначены и Татарскія войска; впрочемъ, ханъ предложилъ ему въ услуги мурзу, Тугай Бея, съ его 4-тысячною ордой, имѣвшаго право гдѣ и противу кого угодно служить, а гетманъ тотчасъ отправилъ къ мурзѣ, для договора, сына своего, Тимоѳея, поручивъ ему также наблюдать за ханскимъ дворомъ. 64—65.

Очищеніе гетманомъ Малоросіи отъ Поляковъ и Жидовъ по Каневъ и Кіевъ, а равно и мирное удаленіе изъ нея вельможъ Польскихъ Рускаго происхожденія, отличавшихся своимъ тихимъ поведеніемъ. 65.

Битва, апрѣля 8, 1648 года, гетмана Хмельницкаго съ Поляками подъ нач. короннаго гетмана, Павла Потоцкаго, на *Желтыхъ Водахъ*, на коей пало первыхъ болѣе 12,000, и въ плѣнъ захваченъ самъ полководецъ, котораго тотъ немедленно отправилъ въ Крымъ къ хану въ подарокъ, и отъ него получилъ обѣщаніе въ готовности помогать ему при первомъ зовѣ. 66.

Битва Хмельницкаго подъ *Каменцемъ Подольскимъ*, неприступной крѣпостью и гнѣздомъ Польскихъ сборовъ на Малоросію, взятіе ея имъ и совершенное пораженіе гетмана Калиновскаго; потеря Поляковъ ок. 13,000. 67.

Оставивъ въ Каменцѣ Подольскомъ достаточное войско для прикрытія его,

Хмельницкій посылаетъ многіе корпусы во всю Малоросію, сопредѣльную съ Польскими и Литовскими рубежами для изгнанія и истребленія Поляковъ и Жидовъ, под начальствомъ: генеральнаго обознаго, Носача, и полковника Дорошенка, въ Галицію и княжество Острогское, генеральнаго писаря, Кривоноса, и полковника Шаблюку, чрезъ Кіевъ, къ Слуцку, генер. есаула, Родака, и полковниковъ: Нестелія и Богуна, къ Припети и далѣе въ Литву, генер. хорунжаго, Буйноса, и охочекомонныхъ полковниковъ: Гладкаго и Худорбая, въ Полѣсье и Сѣверію, а самъ, прошедши Малоросію срединой, остановился при г. Бѣлой Церкви и оттоль, 28 мая, разослалъ всюду знаменитую прокламацію свою или универсалъ, въ которомъ подробно излогаетъ причины, побудившія его поднять оружіе, и призываетъ всѣхъ Рускихъ под свои знамена противу губителей народности и вѣры. 67—74.

Донесенія отъ отправленныхъ гетманомъ корпусныхъ начальниковъ, именно: отъ Кривоноса, о вторичномъ собраніи гетманомъ коронымъ, Калиновскимъ, войска и походѣ съ нимъ въ Подолію, отъ Родака, о пораженіи княземъ Радзивиломъ корпуса Буйносова и убитіи самого предводителя и его полковниковъ, кромѣ Худорбая, успѣвшаго присоединиться къ нему, и о разбитіи имъ непріятеля, упоеннаго своей побѣдой надъ Козаками и взятіи въ плѣнъ всего богатаго Радзивилова обоза. Первому (Кривоносу) Хмельницкій предписалъ возвратиться изъ Подоліи и держаться праваго фланга непріятеля, потомъ пригласилъ Носача къ себѣ изъ Галиціи, а самъ выступилъ къ г. *Корсуну*, гдѣ, 27-го іюня, разбилъ Поляковъ, положивъ на мѣстѣ болѣе 11 тысячь; но Калиновскій успѣлъ спастись 74—75.

Взятіе Кривоносомъ, отправленнымъ отъ Корсуна гетманомъ, г. Бара помощію военной хитрости. 75—76.

Такое же взятіе Новгорода Сѣверскаго и его замка Родакомъ, и встрѣча хорунжаго Новгородсѣверскаго, Харкевича, съ Вронскимъ, Сѣверскимъ воеводой. 76—77.

Присоединивъ къ себѣ корпусъ Носача, воротившійся изъ Галиціи, Хмельницкій отправился къ р. Случи, но на пути, узнавъ о расположеніи Поляковъ и наемныхъ Нѣмцевъ под началь. гетмановъ Калиновскаго, Чернецкаго и генерала Осолинскаго, при мѣстечкѣ *Пилявцахъ*, поспѣшилъ усиленнымъ походомъ и, напавъ нежданно на нихъ, 6-го августа, поразилъ совершенно, такъ что самъ Калиновскій палъ, а съ нимъ болѣе 10 тысячь его воиновъ; изъ плѣнныхъ ротмистра Косаковскаго, мечника Червинскаго и волонтера Осолинскаго, отправилъ въ Варшаву съ письменнымъ представленіемъ королю и чинамъ о прекращеніи гонснія на Малоросіянъ и возстановленіи нарушеннаго равенства народовъ. 77—80.

Походъ Малоросійскаго гетмана, въ концѣ августа, въ Галицію и обхожденіе его съ городомъ Бродами. На этомъ походѣ явились къ нему послами Молдавскіе бояре отъ господаря своего (Василія Липулы), жаловавшагося на господаря Волошскаго и князя Угорскаго (Ракоція), изгнавшихъ его съ престола, и просившаго у него помощи противъ нихъ; отвѣтъ имъ гетмана и дальнѣйшій походъ подъ Львовъ, столицу Галиціи, осада его и депутація граждань о пощадѣ, что и даровано имъ, но взята военная контрибуція и 40 заложниковъ изъ знатнѣйшихъ семействъ, послѣ чего направилъ путь свой къ Замостью, съ которымъ также поступилъ; обратный путь назадъ мимо Владиміра, Острога, и др. городовъ, въ коихъ возстановлено было прежнее Руское правленіе, а Поляки высланы за Случь, съ словами: „Знай, Ляше, по Случь наше“. 80—83.

Остановившись под мѣстечкомъ Полоннымъ, гетманъ встрѣтилъ сына своего, Тимофѣя, съ мурзою Тугай-Беемъ и 4,000 Татаръ, присланныхъ въ помощь Крымскимъ ханомъ, извинявшимся въ медленности нерѣшительностью Порты; но Тимофѣй объявилъ отцу истинную причину тому. Тутъ же доставлено было ему письмо, чрезъ Молдавскаго боярина, Костати, отъ Силистрійскаго паши, въ коемъ, изъясняя согласіе султана на помощь Малоросіянъ Молдавскому господарю, Липулѣ, просилъ поспѣшить его, куда и отправилъ гетман Тугай-Бея съ Татарами, и сына своего, Тимофѣя, съ 8 тысяч. реестровыхъ Козаковъ, подъ руководствомъ генеральнаго обознаго, Носача, съ полковниками: Дорошенкомъ, Станаемъ и Артазіемъ, двинувшимися 17-го

сентября. Послѣ того, распустя войска свои въ пограничныя мѣста на квартиры, Хмельницкій (съ гвардіею своею, Чигиринскимъ полкомъ и 300 волонтеровъ), отправился отъ Полоннаго въ Кіевъ для приносенія благодарственныхъ Богу моленій за освобожденіе Малоросіи отъ ига Польскаго, куда и прибылъ 1-го октября и былъ принятъ съ торжествомъ всѣми чинами, товариствомъ и знатнѣйшими гражданами, провозгласившими его отцемъ и избавителемъ отечества и народа; отвѣтъ гетмана на это въ Софійскомъ соборѣ, коимъ увѣщевалъ народъ болѣе всего къ единодушію, безъ котораго всякой народъ и царство запустѣютъ. Отсюда же отправилъ онъ первое посольство, 9-го октября, въ Москву, въ лицѣ генеральнаго судьи, Григорія Гуляницкаго, съ представленіемъ царю, Алексѣю Михайловичу, о томъ, что теперь самое удобное время для возвращенія Смоленска и Бѣлорусіи отъ Поляковъ, и готовности своей помочь въ такомъ справедливомъ дѣлѣ, особливо, когда Польскія силы вездѣ имъ разсѣяны и сама Польша находится въ крайнемъ изнеможеніи, а напротивъ войска его остаются почти безъ дѣла. Царь, слѣдуя осторожности, не отписалъ гетману ничего, но прислалъ къ нему Василья Вас. Бутурлина, съ благодарностью за усердіе и извиненіемъ въ невозможности царству его, послѣ сильнаго напраженія въ междуцарствіе, пуститься въ новыя войны, безъ надежныхъ союзниковъ, а потому не худо бы Малоросійскому народу соединиться съ Великоросійскимъ, яко единоплеменному и единовѣрному. 83—86.

Рескриптъ Польскаго короля, Владислава IV-го, къ Хмельницкому, черезъ кіевскаго воеводу, Кисиля, и князя Четвертинскаго, коимъ утверждалъ его въ гетманствѣ и прислалъ притомъ знаки на оное: булаву, бунчукъ и мантію, на что тотъ отвѣчалъ благодарственнымъ адресомъ. Но примасъ и князь Іеремія Вишневецкій, боясь потерять имѣнія свои въ Руси, убѣдилъ просить чиновъ отринуть мирныя намѣренія короля, отъ чего тотъ впалъ въ безмѣрную печаль и задумчивость, низведшихъ его въ гробъ 31 октября, 1648 года. Сожалѣніе Хмельницкаго о королѣ и повелѣніе править по душѣ его во всѣхъ Малоросійскихъ церквахъ панафиды и сорокоусты, со вписаніемъ его въ церковные поминальные суботники. 86.

Посольство новаго короля Польскаго, Яна Казиміра, брата Владиславова, къ Хмельницкому, съ предложеніемъ, черезъ Кіевскаго воеводу, Кисиля, воевать съ Москвой, въ награду за что мирныя сношенія его съ Польшей, начатыя при покойномъ королѣ, продолжатся и онъ получитъ свою часть въ завоеваніи Московскомъ. Отвѣтъ гетмана и причины, непозволяющія подымать ему оружія противу царя: единоплеменство и единовѣрство. По удаленіи же воеводы онъ тотчасъ отправилъ тайно судью Гуляницкаго въ Москву объявить объ этомъ и совѣтовалъ предупредить нападеніе Поляковъ посылкой войскъ на Смоленщину, въ чемъ онъ готовъ отъ души помочь царю. Царь, въ благодарность, послалъ гетману крестъ дорогой цѣны, снявъ его съ себя, а особѣ обѣщалъ поразмыслить съ думными людьми. Требованіе отъ Польши царемъ, въ февралѣ 1649 года, черезъ князя Трубецкаго и боярина Пушкина, возвращенія Смоленска, или заплаты за него ста тысячь рублей, на что король отвѣчалъ угрозами. Послы царскіе на обратномъ пути заѣзжали къ гетману склонить его на соединеніе съ царствомъ Московскимъ на какихъ угодно ему условіяхъ, послѣ чего царь обѣщался признать его владѣтельнымъ княземъ,и объявить войну Польшѣ за Смоленскъ и Бѣлорусію. Отвѣтъ Хмельницкаго и побужденія, почему слѣдуетъ тотчасъ объявить войну Полякамъ. 86—88.

Посполитое рушенье (всеобщее вооруженіе) Поляковъ противъ Малоросіянъ и сборъ ихъ въ Лоевѣ, Слуцкѣ и Збаражѣ въ числѣ 300 тысячь. Гетманъ выставилъ противъ нихъ 70 тысячь. Учредивъ въ городахъ милицію изъ старыхъ Козаковъ и заслуженнаго товариства, онъ, 1 марта, двинулся въ походъ: корпусъ подъ нач. полковниковъ: Небабы и Горкуши, отправленъ къ Лоеву, а подъ нач. генер. есаула, Богуна, и полковниковъ: Глуха и Нечая, къ Слуцку, съ приказаніемъ затруднять непріятеля при переправахъ и под., отступая сами къ главной своей арміи, подъ Збаражъ, куда гетманъ прибылъ 25-го марта и засталъ ок. 100 тысячь Польскаго войска подъ

предводительст. князя Іереміи Вишневецкаго, злѣйшаго врага Козаковъ, котораго разбилъ и загналъ въ городъ, отнявъ весь обозъ и 57 артилер. орудій, а убитыми положилъ слишкомъ 19 тысячь. Потомъ онъ осадилъ городъ. Тутъ начали возвращаться отдѣльные корпусы, изъ коихъ предводитель перваго, Небаба, доносилъ о переправѣ князя Радзивила съ 80 тысячами черезъ р. Припеть ок. Лоева, нападеніи на него корпуса его, и отраженіи имъ онаго, а равно занятіи и сожженіи Кіевскаго Подола. Богунъ извѣщалъ о разореніи Бреста, разбитіи множества Поляковъ при Слуцкѣ и загнаніи остальныхъ въ самый Слуцкъ, коего не смѣлъ, однако, осадить, по причинѣ многолюдства и приближенія короля съ гвардіей и регулярными войсками. Узнавъ объ этомъ, гетманъ тотчасъ выступилъ съ главнымъ войскомъ на встрѣчу королю, оставивъ при Збаражѣ Кривоноса. При мѣстечкѣ *Зборовъ* выбралъ онъ мѣсто для сраженія, укрѣпился и поджидалъ прибытія короля, который и явился 17-го іюня, 1649 г. Приказавши строго никому не прикасаться къ королю, яко къ особѣ священной, Хмельницкій далъ бой Полякамъ, въ коемъ пало ихъ 20 тысячь, между прочимъ и генералъ Осолинскій: поле покрыто было мертвыми на 15 верстъ, станъ короля и вельможъ, со всѣми обозами и пр., достался въ добычу, а король, попадавшійся нѣсколько разъ въ руки Козакамъ, которые не посмѣли прикоснуться къ нему, принужденъ былъ отозваться о нихъ, какъ о благородныхъ воинахъ и великодушныхъ христіянахъ. Этой битвой совершилось освобожденіе Малоросіи отъ ига Польскаго и положено основаніе новой эпохѣ ея обитателей. 88—92.

Возвращеніе Хмельницкаго къ Збаражу и склоненіе князя Вишневецкаго не только сдаться, но и писать еще къ королю о заключеніи мира съ Козаками во что бы то ни стало. 92.

Пока сношеніе съ королемъ продолжалось, явился къ гетману сынъ его, Тимофѣй, воротившійся изъ похода своего въ Молдавію, гдѣ, разбивъ на двухъ сраженіяхъ (при Ясахъ и Букарестѣ) непріятеля, возвелъ господаря, Липулу, на престолъ, и открылся отцу въ любви своей къ дочери господаря, несоглашавшагося, впрочемъ, выдать ее за него, напротивъ за одного изъ Потоцкихъ. Гетманъ писалъ объ этомъ къ Силистрійскому пашѣ, прося вступиться и склонить господаря на бракъ, на что тотъ отвѣчалъ своей готовностью. 93.

Прибытіе къ гетману посланныхъ княземъ Вишневецкимъ къ королю чиновниковъ, привезшихъ рескриптъ его князю, повелѣвавшій просить Хмельницкаго о заключеніи мирнаго трактата и присылкѣ для того своихъ полномочныхъ въ мѣстечко *Зборовъ*, куда назначены отъ него: воеводы Кіевскій и Смоленскій (Кисиль и Грабовскій). Гетманъ тотчасъ отправилъ генер. писаря, Кривоноса, генер. есаула, Многогрѣшнаго, и, секретаря своего, Виговскаго, которые и заключили, по наставленію и наказу гетмана, договоръ 7-го сентабря, 1649 года, въ 7-ми главныхъ статьяхъ, утвердившихъ независимость и самостоятельность Малоросіи, равно какъ и границы ея: отъ Чернаго моря по вершину Днѣстра, Горынь и Припеть, откуда вверхъ Днѣпромъ по г. Быховъ, р. Сожь до самаго Смоленскаго уѣзда. Въ силу этого договора Хмельницкій вывелъ свои войска изъ городовъ и селъ, занятыхъ внѣ упомянутыхъ предѣловъ, которыя распустилъ по квартирамъ и жилищамъ, а самъ, со штатомъ и гвардіею, отправился въ Кіевъ для благодаренія Бога за побѣды и освобожденіе своего народа, гдѣ встрѣченъ былъ 1-го октября, съ торжествомъ; чрезъ двѣ же недѣли переселился въ Чигиринъ. Зборовскій трактатъ опубликованъ по всей Малоросіи и записанъ всюду съ судовыя и правительственныя книги, 8-го марта, 1650 г., генеральнымъ есауломъ, Многогрѣшнымъ, Брацлавскимъ полковникомъ, Нечаемъ, и, секретаремъ гетманскимъ, Виговскимъ. 93—95.

Поздравленіе Хмельницкаго въ маѣ 1650 г. иностранными послами: отъ султана Турецкаго, царя Московскаго и короля Польскаго, съ Зборовскимъ трактатомъ и народной независимостью и самобытностью, которые поднесли ему драгоцѣнные подарки и соглашали гетмана къ себѣ въ протекцію на какихъ угодно ему условіяхъ. Отвѣтъ гетмана, въ которомъ, принимая онъ союзъ и дружбу ихъ, отъ потомственнаго гетманства отказывал-

ся, какъ несогласнаго съ понятіями и обычаями своего народа, а касательно выбора протекціи предписалъ собраться депутатамъ изъ всего народа на генеральный сеймъ въ Чигиринъ. Собравшіеся чины и депутаты отвергли всякую протекцію и подчиненность иностранную. Рѣчь гетмана въ пользу протекціи и избранія ея: старики съ гетманомъ соглашались на протекцію Московскую, какъ съ народомъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ, но молодые сильно возстали противъ того въ лицѣ генеральнаго есаула, Богуна (рѣчь его объ этомъ) и Черкаскаго протопопа, Федора Гурскаго (рѣчь его), которые склонили на свою сторону всѣхъ; дальнѣйшія причины противъ всякой протекціи и распущеніе гетманомъ сейма, равно какъ отпускная аудіенція посланъ, изъ коихъ каждаго увѣрилъ о стараніи своемъ въ будущемъ склонить народъ подъ покровительство его государя. 95—99.

Присылка Молдавскимъ господаремъ, Дипулой, въ апрѣлѣ 1650 г., боярина Морозія о согласіи на бракъ дочери своей съ гетманскимъ сыномъ, Тимофѣемъ. Гетманъ немедленно отправилъ сына съ свитой, а за нимъ 5-тысячный отрядъ; стычка перваго съ Поляками Потоцкаго, напавшими изъ засады, укрытіе въ одномъ церковномъ погостѣ, и нападеніе подоспѣвшаго Козацкаго отряда на Поляковъ, разбитыхъ и разсѣянныхъ имъ при урочищѣ „На Батозѣ"; послѣ чего свадьба въ Ясахъ и обратный путь съ женою въ Чигиринъ. Жалоба гетмана на Потоцкаго. 100.

Молдавскій господарь, по проискамъ Польши, изгнанъ господаремъ Волошскимъ и княземъ Седмиградскимъ; походъ гетманскаго сына для возвращенія тестя своего на отнятый престолъ: разбитіе непріятеля и убитіе самаго Волошскаго господаря подъ Букарестомъ; послѣ сего Тимофѣй распустилъ свои войска, а самъ отправился съ однимъ только Корсунскимъ полкомъ домой и былъ окруженъ, близъ гор. Сочавы, Поляками и Волохами, заперся въ замкѣ Сочавскомъ и убитъ ядромъ, при осмотрѣ укрѣпленій. Пораженіе непріятеля возвратившимися Козаками и прибытіе ихъ съ тѣломъ, женой и тещей къ гетману, который похоронилъ его въ Суботовѣ. Достоинства убитаго. 101.

Кіевскій воевода, Кисель, и многіе изъ Рускаго дворянства, обратившагося въ Католичество и Польское шляхетство, по опубликованіи Зборовскаго договора, воротились въ Малоросію и просили позволенія вступить имъ въ свои владѣнія; но Козаки Кіевскіе, Бѣлоцерковскіе и Переяславскіе возстали противъ того подъ нач. Миргородскаго полковника, Гладкаго, и судьи Гуляницкаго, и большую часть ихъ изгнали. Гетманъ нарядилъ военную комисію для суда надъ этимъ: Гладкому отрублена голова, Гуляницкій бѣжалъ въ Польшу, а прочіе наказаны тѣлесно. Козаки упомянутыхъ полковъ, недовольные такимъ поступкомъ гетмана, вышли съ семействами изъ своихъ жилищъ и пришли къ низовьямъ Донца, гдѣ поселились и составили Рыбинскій слободской полкъ. 102.

Крымскій ханъ присылаетъ съ мурзой своимъ въноябрѣ 1659 года, Турецкаго агу къ гетману, съ предложеніемъ отъ султана на поступленіе въ протекцію Турковъ и войну противъ царя Московскаго, которому султанъ объявилъ её за Астрахань. Отклоненіе того и другаго гетманомъ и новое посольство въ Москву для склоненія царя дѣйствовать за одно въ предстоящей войнѣ съ Поляками, на что тотъ согласился, но безъ объявленія формальнаго разрыва съ Польшей. 103.

Приготовленіе гетмана къ оборонѣ собственными силами и пополненіе прежнихъ 20 полковъ: число Козаковъ въ каждомъ и имя полковника; всѣхъ реестровыхъ считалось слишкомъ 70 тысячь. 104.

Второе выселеніе Козаковъ изъ своихъ жилищъ, именно отъ рр. Стыри, Случи, Припети и Сожи, которые, избѣгая предстоящей войны, отправились къ Донцу же и утвердились поблизу Рыбинцевъ, составивъ изъ себя Изюмскій полкъ. Нобилитація или производство въ Козаки, изъ свободныхъ войсковыхъ и городскихъ жителей, служившихъ прежде волонтирами. 104—105.

Нарушеніе Зборовскаго мира чрезъ годъ Поляками, напавшими на Брацлавскаго полковника, Нечая, при мѣстечкѣ Краснополѣ, и пораженіе его 7-го іюня, 1650 года.; генеральный есаулъ, Богунъ тотчасъ переправился чрезъ р. Бугъ и

мышленіе и поправку арміи; послѣднее посольство его къ Алексѣю Михайловичу съ предложеніемъ о соединеніи и угрозой въ противномъ случаѣ. Отвѣтъ Царя чрезъ боярина В. В. Бутурлина, въ коемъ объявляетъ свое согласіе на соединеніе Малоросіи съ Великоросіей, какъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ, и общую войну противъ Поляковъ и всякихъ непріятелей. Источникъ, изъ коего почерпнуты свѣдѣнія объ этомъ сочинителемъ. 114—117.

Созваніе гетманомъ въ Чигиринъ представителей народа, объявленіе имъ о прибытіи пословъ Царскихъ, предложеніи ихъ и Турецкаго, Татарскаго и Польскаго пословъ, и настояніе не брать кого-либо изъ соискателей въ покровители, такъ какъ неутралитетъ ни кѣмъ изъ нихъ не пріемлется. Молодые подаютъ голось въ пользу соединенія съ Турками, подкрѣпляя то своими причинами; возраженіе на то и опроверженіе представленій молодежи гетманомъ и стариками, тронувшее противниковъ до слезъ и склонившее всѣхъ на соединеніе съ царствомъ и народомъ Московскимъ. Порученіе гетманомъ генер. судьѣ, Самуилу Богдановичу, и Переяславскому полковнику, Павлу Тетерѣ, написать договорныя статьи съ царемъ и представить на разсмотрѣніе его и всего совѣта Малоросійскаго, что и исполнено, одобрено, подписано Московскими послами отъ лица царя и народа и утверждено присягою о вѣчномъ храненіи. Послѣ того тоже сдѣлано со стороны гетмана и чиновъ 6-го генваря, 1654 года, а для прочихъ назначенъ былъ сборнымъ мѣстомъ Переяславль. Отзывъ гетмана о Запорожцахъ по случаю требованія Московскими послами приведенія и ихъ къ присягѣ. Основные три пункта договорныхъ статей: 1) сохраненіе всѣхъ прежнихъ договоровъ съ в. князьями Литовскими и королями Польскими; 2) сохраненіе всѣхъ родовъ имѣнія ихъ и пріобрѣтенія его вѣчно; 3) не вмѣшательство въ дѣла ихъ и судилища никого посторонняго. Особая статья о шляхетствѣ Польскомъ, оставшемся, по единовѣрству, въ Малоросіи, и мнѣніе сочинителя о немъ, какъ главномъ виновникѣ всѣхъ неустройствъ послѣ Хмельницкаго. Отпускъ гетманомъ пословъ царскихъ и отправленіе своихъ (судьи Гонсевскаго и Тетери) въ Москву съ благодарственнымъ адресомъ и просьбой о подтвержденіи договорныхъ статей особыми своими грамотами, что и послѣдовало вскорѣ. Особая благодарность царя Малоросіянамъ касательно сравненія ихъ личными преимуществами съ своимъ народомъ, чего не было въ договорахъ, а вмѣщалось въ пактахъ съ Польшею и привилегіяхъ королевскихъ. Публикація утвержденныхъ статей и царскихъ грамотъ во всей Малоросіи и оставленіе копій съ нихъ въ архивахъ всѣхъ правительствъ, оригиналъ же положенъ въ архивѣ Трибунала Малоросійскаго. 117—122.

Впечатлѣніе, произведенное соединеніемъ Малоросіи съ Великоросіей, на Европейскіе Дворы. Начало системы равновѣсія державъ. Важность Малоросіи для Великоросіи по сознанію иностранцевъ, упреки и угрозы ихъ гетману Хмельницкому, а отъ Турковъ, Крымскихъ Татаръ и Поляковъ объявленіе войны за то. Постоянство его въ своемъ дѣлѣ и приготовленіе къ новой войнѣ; сообщеніе плановъ и распоряженій о ней царю и одобреніе ихъ послѣднимъ. 122.

Открытіе военныхъ дѣйствій арміи соединенной Росіи 15 апрѣля, 1655 года. Самъ гетманъ, съ 30 тысячами, расположился при городѣ Заславлѣ для отраженія Турецкихъ и Польскихъ войскъ. Бутурлинъ, съ такимъ же числомъ Великоросіянъ и 5 тысячъ Малоросіянъ, остановился поблизу Кодака для удержанія Татаръ, а князь Хованскій тоже съ 30,000 Великоросіянъ отправленъ въ Бѣлорусію къ р. Сожѣ для недопущенія Поляковъ къ Смоленску, подъ который посланъ наказный гетманъ, Иванъ Золотаренко, съ 20,000 реестровыхъ и 5,000 охочекомонныхъ, при коемъ находился и сынъ гетмана, Юрій, посланный для изученія военнаго искуства. Осада Смоленска въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, проживавшаго въ Вязьмѣ по случаю моровой язвы въ Москвѣ и часто навѣдывавшагося туда, и взятіе онаго Козаками; торжественный въѣздъ царя въ него и благодарность Малоросійскому войску особенной грамотой отъ 16-го сентября, 1655 го., по коей всѣ участвовавшіе во взятіи Смоленска, отъ высшаго до низшаго

старшины, съ ихъ потомствомъ пожалованы въ Російскіе дворяне. 123—125.

Походъ наказнаго гетмана отъ Смоленска въ Бѣлорусію и Литву, взятіе приступомъ Гомеля и Новаго Быхова. Отсюда онъ двинулся къ князю Хованскому, съ которымъ соединясь, отправился противъ князя Радзивила, шедшаго съ многочисленной арміей противъ нихъ, которого они разбили на голову при р Березинѣ. 125—127.

Послѣ Березинскаго сраженія Козаки пошли среднной Литвы, а Великоросіяне пограничной чертой межъ Ливоніей и Куроміей; покореніе ими всей Бѣлорусіи и большой части Литвы и снова соединеніе подъ Вильной, которую осадили и обратили въ пепелъ за сильное сопротивленіе граждан. Торжество въ Москвѣ по случаю покоренія Бѣлорусіи и принятіе царемъ титла „Царя и самодержца Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи“ или „Царя Всеросійскаго;“ благодарность Алексѣя Михайловича къ гетману, Золотаренку и Хованскому и приказъ послѣднимъ зимовать въ срединѣ Бѣлорусіи. Смерть наказнаго гетмана, убитаго, при проходѣ черезъ старый Быховъ съ одной колокольни органистомъ, подговореннымъ Католическимъ духовенствомъ; препровожденіе тѣла его на родину, въ Корсунь, отпѣванье въ церкви и сожженіе ея съ мертвецомъ отъ громоваго удара. Мнѣніе поляковъ о Золотаренкѣ. 128.

Склоненіе Поляками новаго хана Крымскаго къ войнѣ противъ Рускихъ и разбитіе имъ, въ октябрѣ 1655 года, при р. Самарѣ наказнаго гетмана, Якова Томиліа, потомъ нападеніе, въ Уманьщинѣ, на другой Козацкій корпусъ подъ нач. Богуна, Зеленскаго и Джежелія, успѣвшаго, однако, отразить его и пробиться къ Бѣлой Церкви, куда, изподъ Заславля отправился и самъ гетманъ, но былъ атакованъ Татарами при *Дрыжиполѣ*. Непріятель, зная ослабленіе арміи гетманской отправленіемъ частыхъ отрядовъ въ разныя стороны, считалъ его погибшимъ, но тотъ искусно пробился сквозь него и благополучно прибылъ въ Бѣлоцерковщину. 129—130.

Собравшись съ силами, гетманъ отправился отъ Бѣлой Церкви, въ исходѣ генваря, 1656 г., для поисковъ надъ Татарами и Поляками и поразилъ ихъ близъ мѣстечка *Межибожа*. 131.

Весной, 1656 г., гетманъ, соединившись съ Бутурлинымъ, пошелъ внутрь Польши для недопущенія дѣйствовать общими силами Полякамъ съ Турками и Татарами. На пути взяты были, съ малымъ сопротивленіемъ, Броды, Львовъ и Замостье и осажденъ Люблинъ, въ которомъ собраны были огромныя сокровища и который, послѣ кровопролитной осады, взятъ приступомъ и разоренъ. 132.

Отъ Люблина гетманъ, узнавъ о намѣреніи Польской арміи переправиться чрезъ Вислу, отправился ей на встрѣчу, перешелъ Вислу, и напалъ съ Бутурлинымъ на Поляковъ въ ихъ станѣ, заставилъ его бросить и обратиться въ поспѣшное бѣгство. Намѣреваясь потомъ идти къ столицамъ королевства, гетманъ получилъ вѣсть, что ханъ Крымскій, спѣша Полякамъ на помощь, переправляется черезъ Днѣпръ; потому онъ сейчасъ поспѣшилъ къ Чигирину, а Бутурлина уговорилъ расположиться ок. Каменца Подольскаго. Узнавъ о прибытіи хана съ войсками при р. Озерной, гетманъ посылаетъ къ нему полковаго есаула, Тугая, съ извѣстіемъ о несуществованіи больше Польскихъ арміи на свѣтѣ, что, говорилъ, подтвердятъ и Польскіе офицеры, препровождаемые имъ къ нему. Свиданіе хана съ гетманомъ и взаимныя укоризны другъ другу, равно какъ оправданіе гетманомъ соединенія Малоросіи съ Великоросіей: холодное прощаніе обоихъ съ давной злобой. 132—136.

Послы отъ Шведскаго короля, Карла Густава, къ гетману въ Чигиринъ, съ просьбой о вспоможеніи противъ Поляковъ и нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ государей, и отправленіе 10,000 корпуса, подъ нач. Кіевскаго полковника, Антона Адамовича, объявленнаго наказнымъ гетманомъ, къ Кракову, который помогъ Шведамъ овладѣть обѣими Польскими столицами: паденіе Польши было неизбѣжно, если бы не вступились за нее другія державы и не заставили Шведовъ заключить Оливскій миръ. 136—137.

Письма Нѣмецкаго императора, Фердинанда III-го, и Польскаго примаса къ гетману, въ конхъ уговаривали его отстать отъ союза съ Шведами, какъ Лютеранами и, потому, противниками ихъ

и его, соединиться, по прежнему, съ Польшею или, по крайности, не мѣшаться ни въ какую войну съ нею другихъ, грозя, въ противномъ случаѣ, поднятіемъ на него силъ всей Католической Европы. Отвѣтъ гетмана императору и причины невозможности соединенія когда либо Малоросіянъ съ Поляками. Угрозы Нѣмцевъ и другихъ гетману оправдывались движеніемъ императорскихъ войскъ, въ началѣ 1657 г., къ границамъ Галиціи, а Турецкихъ въ Молдавіи и Бесарабіи, равно какъ и всего Крыма. Извѣстя о томъ царя, гетманъ немедленно прикрываетъ свои предѣлы и назначаетъ два лагеря для войскъ, при р. Ташликѣ, подъ нач. сына своего, Юрія, и при г. Заславлѣ, подъ распоряженіемъ наказнаго гетмана, Дорошенка. Прибытіе иностранныхъ пословъ съ новыми требованіями, т. е., склонявшими гетмана отстать отъ соединенія съ Московіей, обѣщавшей, при его помощи, сдѣлаться колосальной державой и низпровергнуть другія царства, но войти, по старому, въ союзъ съ Поляками, грозя, въ случаѣ, отказа, принудить его къ тому силой оружія. Гетманъ, въ отвѣтѣ имъ, снова оправдываетъ свое поведеніе и причины соединенія съ царемъ Московскимъ, и рѣшается лучше впасть въ руцѣ Божіи, нежели отстать отъ того. 137—139.

Угрозы и предложенія иностранныхъ державъ гетману сдѣлали на него сильное впечатлѣніе, и онъ, раздумывая о бурѣ, собравшейся надъ его народомъ, и послѣдствіяхъ ея, впалъ въ тяжкую болѣзнь, приведшую его, но долгомъ страданіи, къ гробу. Чувствуя смерть, онъ сзываетъ въ Чигиринъ чиновъ и представителей народа, объясняетъ положеніе дѣлъ націи, благодаритъ ихъ за свое гетманство и проситъ избрать, еще при жизни его, преемника ему, коему бы могъ онъ открыть нужныя тайны и дать совѣты; въ гетманы предлагаетъ 3-хъ: Тетерю, Пушкаренка и Виговскаго; но собраніе избираетъ въ гетманы сына его, Юрія. Возраженія Хмельницкаго и настояніе чиновъ, въ силу коего онъ принужденнымъ находится согласиться на желаніе народа и, поручая новоизбраннаго покровительству Божію и опекѣ старшинъ, предаетъ проклятію всякаго, кто только совратитъ его съ пути праваго, равно и его самаго, если пойдетъ путемъ строптивымъ. Это происходило 7-го августа, а 15, избравъ въ опекуны и совѣтники сыну своему, Виговскаго и Пушкаренка, онъ скончался по полудни. Достоинства его и погребеніе въ Суботовѣ. Догадка нѣкоторыхъ объ отравѣ его однимъ знатнымъ Полякомъ, сватавшимся на его дочери. Святотатственный поступокъ съ костями Хмельницкаго Поляковъ черезъ 7 лѣтъ послѣ его смерти. 139—142.

Поляки, ища всюду помощи противъ соединенной Росіи, объявляютъ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1657 г., курфирста Бранденбургскаго вольнымъ отъ всякой зависимости имъ, съ обязательствомъ за то помогать коронѣ Польской противъ Козаковъ и Московскаго царя. 142.

Домогательство Поляковъ у молодаго гетмана на соединеніе его съ ними, несогласіе его на то и интриги ихъ черезъ генеральнаго писаря, Виговскаго. Характеръ послѣдняго и совѣты его Юрію, въ силу коихъ, въ апрѣлѣ 1658 г., отправляется онъ въ Заславль съ своей гвардіей на конгресъ Поляковъ, въ присутствіи пословъ Цесарскаго и Турецкаго. Здѣсь соглашается онъ на соединеніе съ Польшей и принимаетъ статьи, яко бы отцемъ его сочиненныя и извѣстныя подъ именемъ Гадяцкихъ. Чины и войско Заднѣпровскихъ полковъ, пришедшее туда подъ предлогомъ тайной експедиціи, отвергло этѣ статьи и, нагрубивъ гетману, воротилось назадъ въ Чигиринъ, а оттуда къ опекуну гетманскому, Пушкаренку. Юрій, оставленный войскомъ и презрѣнный Заславскимъ конгресомъ, принужденъ бѣжать на Запорожье, которое, недовольное обращеніемъ съ ними Москалей, а потому и соединеніемъ съ Москвой, охотно приняло его къ себѣ и обѣщало помочь. 143—145.

Коварство Виговскаго въ отношеніи къ гетману Юрію Хмельницкому послѣ отправленія его въ Заславль, т. е., донесеніе объ измѣнѣ гетмана царю и удержаніи при себѣ войска и пр., преданныхъ съ нимъ Москвѣ. Отправленіе царемъ для развѣдыванія о томъ боярина Хитрова, который, обольщенный Виговскимъ, объявляетъ его, отъ имени царя, гетманомъ Малоросійскимъ, что возбудило общее не-

удовольствіе и положило первый камень къ междоусобіямъ. 145.

Донесеніе Полтавскаго полковника, Пушкаренка, царю о поступкахъ Юрія Хмельницкаго и Виговскаго, и походъ его подъ Чигиринъ съ 20,000 войска противъ послѣдняго; впрочемъ, онъ, встрѣченный подъ г. Лубнами Хитровымъ, принужденъ былъ, по настоянію его, воротиться въ Полтаву. 146.

Поступокъ новаго гетмана, *Виговскаго*, съ царемъ для удержанія за собой благоволенія его, т. е., ложное донесеніе, будто Поляки соглашаются на возведеніе его (царя), по смерти своего короля, на Польскій престолъ и соединеніе королевства своего съ Московскимъ царствомъ. Въ силу того царь отправляетъ великолѣпное посольство въ Варшаву. Пока посланники хлопочутъ въ Варшавѣ, Пушкаренко снова доноситъ царю о проискахъ Виговскаго, разбиваетъ войско его между Опошнымъ и Будищами, и предводителей онаго отправляетъ въ Москву. Царь наряжаетъ въ Польшу къ посламъ своимъ нарочнаго разузнать о Польшѣ и отношеніи къ ней Виговскаго и, получа подтвержденіе объ истинѣ донесеній Пушкаренка, отправляетъ князя Трубецкаго съ 30,000 въ апрѣлѣ 1659 г. въ Малоросію, повелѣвая, подъ предлогомъ дружескимъ, овладѣть гетманомъ и соединиться съ Полтавскимъ полковникомъ а потомъ приступить къ избранію новаго гетмана. Виговскій, притворясь, что онъ довѣряетъ царю, заманиваетъ Трубецкаго подъ Конотопъ, въ коемъ находился уже, по его распоряженію, Гуляницкій съ Поляками, и стѣснивши его съ двухъ сторонъ, разбиваетъ на голову. Отсюда пословица: „Провивъ, якъ Выговскый Москву.“ 146—148.

Объявленіе Виговскаго во всей Малоросіи о соединеніи своемъ съ Польшей, но народъ и войско отвергаютъ оное и обращаются къ Пушкаренку; посему тотъ нанимаетъ 10,000 Крымцевъ и вступаетъ въ битву съ Пушкаренкомъ при Полтавѣ, проигрываетъ ее, бѣжитъ и теряетъ гетманскую булаву; разстройство побѣдителей отъ упоенія побѣдой и пораженіе ихъ Татарами, вышедшими нежданно изъ засады, причемъ самъ Пушкаренко палъ, а Полтава разорена. 148—149.

Разореніе Малоросіи Виговскимъ и Татарами, которыхъ поражаютъ на двухъ сраженіяхъ реестровые Козаки, избравшіе своимъ предводителемъ и наказнымъ гетманомъ, въ Переяславлѣ, полковника Ивана Безпалаго, послѣ чего Виговскій принужденъ былъ бѣжать въ Польшу и больше уже не показывался, оставивъ даже жену свою въ Чигиринѣ на произволъ судьбы. 149.

Царь, узнавъ объ убіеніи Пушкаренка и пораженіи войскъ его, отправляетъ боярина Григ. Григ. Ромодановскаго съ 30,000 противъ Виговскаго, повелѣвая избрать новаго гетмана. Напрасное разореніе Ромодановскимъ Конотопа и неумѣнье его обходиться съ народомъ. Открытіе выбора новаго гетмана въ Чигиринѣ и предложенія на немъ пословъ, Царскаго, Турецкаго и Польскаго. Вторичное избраніе въ гетманы Юрія Хмельницкаго за заслуги отца его, 27-го апрѣля, 1660 года. Отвѣтъ его иностраннымъ посламъ о своемъ и народа своего неутралитетѣ, а послу Московскому о желаніи союза и соединеніи съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Изгнаніе имъ изъ Малоросіи Поляковъ Виговскаго черезъ полковниковъ: Переяславскаго, Цюцюру, и Уманьскаго, Худорбая. Переселеніе Рускихъ между Днѣпромъ, Припетью и Случью, по поводу предстоящей войны, въ Слободскіе полки. Благодарность Царя Юрію за его приверженность къ нему и отправленіе въ помощь противъ Поляковъ боярина Вас. Вас. Шереметева, съ 35,000; соединеніе съ Великоросіянами гетмана съ 40,000 за г. Острогомъ и пораженіе короннаго гетмана, Собіевскаго, потерявшаго до 30,000. Разореніе Польши соединенной Руской арміей и ссора предводителей ея на обратномъ пути отъ Слуцка за добычу, безчестіе Малоросійскому гетману отъ Шереметева и жалоба его на то царю; пристрастное рѣшеніе этого спора Алексѣемъ Михайловичемъ и месть Юрія, удалившагося съ охочекомонными въ Сѣчь и объявившаго себя тамъ союзникомъ Татаръ и Поляковъ. Реестровые Козаки, не одобряя того въ Юріѣ, объявляютъ новый выборъ гетмана, а между тѣмъ поставляютъ наказнаго изъ генер. есауловъ, Якима Самка. Въ 1662 году Юрій съ Запорожцами, охочекомонными,

Крымцами, нанятыми Донцами и Польской арміей, подъ командой самаго короля, даетъ сраженіе Шереметеву около Житомира и мѣстечка Чуднова и заставляетъ его, окопавшагося станомъ, отдаться, избѣгая голода, совсѣмъ въ свои руки, котораго Татаре уводятъ въ Крымъ, гдѣ онъ проводитъ 20 лѣтъ въ неволѣ. Послѣ сего Юрій осадилъ Чигиринъ, но не могъ взять его, былъ разбитъ Самкомъ и Ромодановскимъ при г. Крыловѣ, потомъ, послѣ соединенія его съ Поляками подъ нач. Чернецкаго, при г. Каневѣ, и въ третій разъ тутъ же генер. старшиной, Лизогубомъ, такъ что едва могъ самъ спастись, скрывшись въ Лубенскій монастырь къ другу своему, архимандриту Амвросію Тукальскому. Дальнѣйшая судьба Юрія: четыре раза былъ онъ гетманомъ, потомъ монахомъ, сосланъ въ Жмудь Поляками, въ Бѣлгородъ Татарами, а въ Едикуль Цареградскій Турками, изъ коего, спустя 14 лѣтъ, отправленъ на одинъ Греческій островъ, гдѣ и умеръ звонаремъ при Греческомъ монастырѣ. 150—157.

Неустройство послѣ уничтоженія Юрія Хмельницкаго породило вдругъ 5-ть самозванцевъ гетмановъ: два изъ нихъ Заднѣпровскіе полковники, Тетеря и Дорошенко, а два сегобочные, Самко и Васюта, да одинъ изъ Запорожскихъ есауловъ, Брюховецкій; каждый изъ нихъ отдавался въ какую нибудь протекцію, Турецкую, Польскую, Московскую. *Брюховецкій* прежде всѣхъ успѣваетъ въ своемъ намѣреніи, т. е., признанъ былъ гетманомъ отъ царя, не смотря на доносы Васюты и Самка. Комисія для изслѣдованія жалобъ ихъ на новаго гетмана въ лицѣ Великогагина и Хлопова, оправданіе его и наглая смерть противниковъ, убитыхъ по его повелѣнію; имущество ихъ и приверженцевъ ихъ расхищается Запорожцами съ согласія гетмана. Это раздражаетъ Заднѣпровцевъ, которые, съ своими наказными гетманами, Тетерею и Дорошенкомъ, отдаются Польшѣ. Пріѣздъ Думнаго дьяка, Башмакова, въ Батуринъ для склоненія Козаковъ признать Брюховецкаго своимъ гетманомъ и отвѣтъ полковниковъ ихъ ему. 157—159.

Вторженіе короля Польскаго, въ 1663 г., въ Малоросію и неудачная осада имъ Глухова, защищаемаго генер. судьей, Животовскимъ, съ 3-мя полками, Черниговскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ; послѣ 9 недѣль Поляки отступаютъ къ Новгороду Сѣверскому. Очищеніе Брюховецкимъ Заднѣпровья отъ Поляковъ и осада разныхъ городовъ; бѣгство Тетери изъ Чигирина съ своими богатствами въ Польшу, которыя отнимаютъ тамъ Поляки и скитаніе его въ крайней бѣдности въ Молдавіи. Отраженіе Чернецкимъ Брюховецкаго и Кошеваго Сѣрка отъ Чигирина, походъ его подъ Бѣлую Церковь и смерть подъ нею отъ Козаковъ. Послѣдній въ свою очередь нападаетъ на жилища союзниковъ Чернецкаго, Татаръ, разоряетъ ихъ и удаляется, при вѣсти о возвратѣ ихъ домой, въ Молдавію, гдѣ сталкивается съ Польскимъ генераломъ, Маховскимъ, и отбивается отъ него при г. Сорокѣ. Пораженіе Брюховецкимъ Поляковъ, Татаръ и Калмыковъ, въ апрѣлѣ 1665 г. при Бѣлой Церкви. Появленіе 3-хъ гетмановъ: *Опары*, *Децика* и *Дорошенка*, изъ коихъ первый схваченъ былъ Бѣлогородскими Татарами и отосланъ Польскому королю, который приказываетъ его повѣсить; второй, пойманный войскомъ Брюховецкаго, попадаетъ въ Нѣжинѣ въ тюрьму, гдѣ и умираетъ, а третій признается гетманомъ Заднѣпровскимъ отъ Татаръ и Польши. 159—161.

Поѣздка гетмана Брюховецкаго въ Москву, въ сентябрѣ 1665 г., пріемъ ему въ ней, женитьба его и его свиты на дочеряхъ Московскихъ бояръ, пожалованіе ему званія Думнаго боярина и Великаго воеводы и отправленіе съ нимъ воеводъ въ Малоросію для управленія ею подъ верховнымъ начальствомъ гетмана; злоупотребленія ихъ и неудовольствіе народа. Дорошенко, пользуясь этѣмъ, возмущаетъ, прежде всего, Переяславь, который убиваетъ своего воеводу, Дашкова, потомъ осаждаетъ въ Золотоношѣ князя Щербатова и истребляетъ его, равно какъ и подоспѣвшаго на выручку къ нему, полковника Маховскаго, котораго, за его, обиды народу, даритъ Крымскому хану; послѣ того истребляетъ въ другихъ городахъ воеводъ, пологая тѣмъ склонить на свою сторону народъ, но тотъ не дается ему въ обманъ. Поляки же, пользуясь его отношеніемъ къ Московскому Двору,

отправляютъ противъ него короннаго гетмана, Собіевскаго, для отторженія отъ него Заднѣпрья; но Дорошенко разбиваетъ его подъ Заславлемъ, а оттуда, по приглашенію хана, поспѣшаетъ въ Крымъ противъ кошеваго Сѣрка, громившаго Татаръ, останавливаетъ его и заставляетъ удалиться черезъ Лиманъ въ Сѣчь. Воевода Косоговъ подъ Кодакомъ и представленія Запорожцевъ царю о томъ, который и отзываетъ его назадъ. Миръ царя Московскаго съ Польшей на 30 лѣтъ; волненіе, произведенное этѣмъ въ Малоросіи и отправленіе нарочныхъ въ Москву разузнать подробнѣе о договорныхъ статьяхъ; отвѣтъ Московскаго правительства на ихъ распросы. 161—165.

Письмо гетмана Брюховецкаго къ царю, черезъ генер. старшину, Григорія Гамалію, и канцеляриста Каспаровича, о слухахъ объ отдачѣ Малоросіи въ подданство Польшѣ, въ которомъ возстаетъ противъ скрывательства отъ него и народа его договора и клеймитъ то именемъ предательства, коего не должно быть съ народомъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ, соединившимся съ Великоросіянами по доброй волѣ; въ противномъ случаѣ грозитъ защищаться оружіемъ до послѣдней крайности. Отвѣтъ царя, запрещающаго тужать себѣ о войнѣ и мирѣ съ Польшею и обѣщающаго прислать въ Малоросію тысячу пѣшихъ стрѣльцевъ съ недостающимъ числомъ воеводъ. Это смутило гетмана и всю старшину, а письмо Заднѣпровскаго гетмана, Дорошенка, укорявшаго его въ трусости и предательствѣ своего народа, заставило Брюховецкаго обратиться съ просьбой о союзѣ къ хану Крымскому, а султану Турецкому отдаться въ покровительство, для чего къ первому отправилъ генеральн. старшину, Степана Гречанаго, а ко второму старшину Григ. Гамалію и канцеляриста Каспаровича. Изгнаніе прочихъ воеводъ изъ Малоросіи и недопущеніе въ нее ѣхавшихъ вновь. 165—166.

Старые Козаки, негодуя на Брюховецкаго за союзъ и покровительство Магометанцевъ, совѣтуютъ князю Ромодановскому осадить его въ Котельвѣ, а *Дорошенка* приглашаютъ къ себѣ въ Полтаву, который тотчасъ отправляется къ нимъ въ Опошное и провозглашается тамъ *гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра*. Узнавъ о томъ, Брюховецкій бросился внутрь Малоросіи искать партіи, но былъ пойманъ въ Коломакѣ и разстрѣлянъ, по приговору военнаго суда. Запорожцы отказываются признать Дорошенка гетманомъ и выбираютъ въ него войсковаго писаря своего, *Суховія*, что одобряютъ и смежные полки: Чигиринскій, Уманьскій и Забугскіе, а для большаго обезпеченія себя, они заключаютъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ. Отправленіе Дорошенкомъ своего брата, Григорія, въ Сѣчь для склоненія ея на свою сторону, неудача въ томъ и поспѣшное отбытіе въ Заднѣпрье для приведенія онаго въ оборонительное состояніе; на сей же сторонѣ Днѣпра онъ объявляетъ наказнымъ гетманомъ генер. есаула, Дамьяна Многогрѣшнаго, который вступаетъ въ сношеніе съ князем Ромодановскимъ и проситъ у него помощи противъ Запорожцевъ, Татаръ и самаго Дорошенка. Ромодановскій посылаетъ къ нему сына своего, который одинъ вступаетъ въ бой съ Татарами и попадаетъ въ плѣнъ имъ при мѣстечкѣ Гайворонѣ; Многогрѣшный, съ своей стороны, разбиваетъ Татаръ и Запорожцевъ при Лохвицѣ и преслѣдуетъ до самой р. Самары. 167—168.

Гетманъ *Дамьянъ Многогрѣшный*, избранный, въ началѣ 1669 г., въ Глуховѣ, Козаками, по волѣ царя, на мѣсто Брюховецкаго, тотчасъ отправляетъ въ Москву генерали. писаря, Карпа Мокріевича, и обознаго полковаго, Лукаша, съ просьбой подтвердить права Козацкія по договору Богдана Хмельницкаго, что и исполнено царемъ, предававшимъ вѣчному забвенію всѣ мятежи, отъ нарушенія договоровъ происходившіе. Узнавъ объ этомъ, Дорошенко посылаетъ къ султану генеральн. судью, Бѣлогруда, и есаула, Портянку, съ предложеніемъ вѣчнаго подданства Малоросіи и просьбой пособія противъ Многогрѣшнаго, что тотъ охотно дѣлаетъ и немедленно присылаетъ ему гетманскіе знаки, 6,000 войска подъ нач. Чауша и еще патріаршую грамоту, отлучавшую отъ Церкви и предававшую проклятію всѣхъ непослушныхъ Дорошенку. Поступокъ Кіевскаго митрополита, Сильвестра Косова, съ этой грамотой и посланіе его къ патріарху, который,

хотя и уничтожилъ, по его представленію, грамоту свою, однако же съ тѣхъ поръ лишился всякаго вліянія на Малоросію, начавшую признавать оттолѣ одно надъ собою іераршество Російское. Приходъ Запорожскаго гетмана, Суховія, въ Заднѣпрье съ Запорожцами и Крымцами, съ цѣлію принудить признать себя своимъ гетманомъ, но Татары, по приказанію Чауша, переходатъ къ Дорошенку; послѣ сего Суховій удаляется въ Умань и тамъ передаетъ свое гетманство Уманьскому полковнику, Ханенку, и оба вмѣстѣ идутъ въ степь для соединенія съ Бѣлогородскою ордою. Дорошенко, погнавшись за ними, окруженъ былъ при Желтыхъ Водахъ и чуть не погибъ, если бъ Кошевой Запорожскій, Сѣрко, недовольный тѣмъ, что въ Сѣчѣ завелись гетманы, не напалъ на Ханенка и Суховія и не освободилъ Дорошенка. Ханенко, повелѣвавшій полками Чигиринскимъ, Уманьскимъ и надъ Бугомъ и Днѣстромъ обитавшими до самой Галиціи, искалъ усилить себя покровительствомъ Польши, которой отдался въ г. Острогѣ на основаніи Гадяцкаго договора. Желая истребить Ханенка, Дорошенко осадилъ мѣстопребываніе его, Умань, но былъ имъ разбитъ и прогнанъ. Послѣ сего онъ пригласилъ къ себѣ Силистрійскаго пашу и Бѣлогородскихъ Татаръ, и въ августѣ, 1671 г., сразился съ гетманомъ Многогрѣшнымъ при Чигеринъ Дубровѣ, гдѣ сначала былъ пораженъ, но послѣ, при помощи Турковъ, ударившихъ на Многогрѣшнаго изъ засады, заставилъ его отступить за Днѣпръ. Смерть Многогрѣшнаго отъ раны, полученной въ этомъ сраженіи февраля 7-го, 1672 г., и погребеніе его въ Батуринѣ. Характеръ и достоинства его. 168—171.

Гетманъ *Иванъ Самуйловичъ*, избранный въ полѣ, въ Козацкомъ станѣ между Путивлемъ и Конотопомъ, близъ урочища Козацкой Дубровы, въ присутствіи царскихъ депутатовъ, былъ сынъ священника города Зинькова. Появленіе султана Турецкаго, Магомета IV-го, въ Малоросіи съ войскомъ по просьбѣ Дорошенка, взятіе имъ Каменца Подольскаго послѣ двухнедѣльной осады и обращеніе церквей въ мечети. Отправивши Дорошенка и хана Крымскаго для покоренія Галиціи, султанъ самъ пошелъ поперекъ Ханенковой Украйны по р. Случъ. Поляки съ Ханенкомъ разбили хана и Дорошенка и прогнали ихъ къ Турецкой арміи, на которую, не нападая, склонили султана подарками удалиться въ Валахію. 172—173.

Наказаніе Татаръ Кошевымъ Сѣркомъ за разореніе ими Запорожскихъ земель въ 1673 г.; характеръ и свойства Сѣрка; мнѣніе о немъ Татаръ и отношеніе его къ гетману Самуйловичу. 173—174.

Походъ гетмана Самуйловича съ кн. Ромодановскимъ противъ Заднѣпровскихъ гетмановъ въ 1674.; взятіе городовъ: Черкасъ и Канева, и отреченіе отъ гетманства Ханенка, сдавшаго свои клейноды Самуйловичу и получившему, въ замѣнъ того, довольные на содержаніе доходы. Неудачная осада Дорошенкомъ городовъ, Рашкова и Корсуня, и пораженіе, потерпѣнное имъ отъ Переяславскаго полковника, Думитрашка, ок. мѣстечка Орловича, послѣ чего запирается онъ въ Чигиринѣ, въ которомъ принимаетъ Турецкаго султана. Пребываніе султана въ этомъ городѣ и приказаніе Дорошенку взять съ Турками Умань, который былъ весь истребленъ; также судьба постигла и прочіе Заднѣпрскіе города; отсылка имъ нѣсколькихъ тысячь мальчиковъ султану, которыхъ этотъ приказалъ сдѣлать Музульманами. Свирѣпства его заставили однихъ Заднѣпрянъ снова переселиться въ Слободскіе полки, а другихъ искать заступленія у короля Польскаго, который далъ имъ гетмана, Евстафія *Гоголя*. Участіе этого гетмана съ 14,000 Козаковъ въ походѣ Яна Собіевскаго противъ Турковъ подъ Вѣну. Оставленный Козаками, передавшимися Полякамъ, Дорошенко, запершись въ Чигиринѣ, искалъ покровительства царя Московскаго, который, однако же, не повѣрилъ ему въ томъ, и онъ принужденъ былъ сдаться Самуйвичу, пощадившему его и сославшему только на родину въ его, гор. Сосницу, гдѣ жилъ до самой своей смерти. 174—177.

Кончина царя Алексѣя Михайловича, 30 генв., 1676 г., и восшествіе на престолъ сына его, Федора Алексѣевича, при коемъ война съ Турками продолжалась по прежнему. Султанъ выпускаетъ въ это время изъ Эдикуля Юрія Хмельницкаго, объявляетъ его княземъ Сарматскимъ и гетманомъ Козацкимъ, и приказываетъ Крымско-

му хану помогать ему съ пашей Ибрагимомъ; неудача Хмельницкаго и ссылка его на одинъ Греческій островъ въ вѣчное заточеніе. Осада Чигирина Турецкимъ пашей, Ибрагимомъ, и ханомъ Крымскимъ, въ 1677 г., въ коемъ заперся полковникъ, Григ. Коровка, съ 7,000 Козаковъ, и пораженіе ихъ. Въ 1678 г. снова являются Турки подъ Чигириномъ, разбиваютъ Самуйловича и Ромодановскаго, и осаждаютъ городъ, защитники коего, видя невозможность устоять, рѣшаются пробиться сквозь Турецкую армію, что исполняютъ съ успѣхомъ, потомъ переправляются черезъ Днѣпръ и соединяются съ своими. Гетманъ изъ нихъ составилъ 6-ть Сердюцкихъ полковъ. Одѣяніе и устройство ихъ. Въ 1679 г. Турки, укрѣпивъ Черкасы, послали корпусъ, подъ нач. Яненка, прежняго старшины при Юріѣ Хмельницкомъ, покорять Придиѣпровскіе города, что имъ не только исполнено, но онъ даже ворвался внутрь Малоросіи, провозглашая себя всюду гетманомъ; впрочемъ, глубокіе снѣга и страшные морозы вскорѣ истребили большую часть Яненкова отряда, преслѣдуемаго также Козаками подъ командой Стародубскаго полковника, Семена Самуйловича, сына гетмана. Въ 1680 г. Турки возобновили и укрѣпили города: Кизикирменъ и Кадакъ, которые, сообщаясь съ крѣпостями Чигириномъ и Черкасами, составляли пограничную цѣпь, отдѣлявшую Заднѣпрье отъ прочей Украины. Цѣль Турковъ была удержать Малоросію за собой по Днѣпръ. Съ другой стороны Татары присвояли себѣ отъ р. Конской до вершинъ Ворсклы, и гетманъ прикрывалъ съ войсками своими и Московскими сторону Кіева и средину Малоросіи, а Запорожскій Кошевой, Сѣрко, видя себя середи владѣній Турецкихъ и Татарскихъ, укрѣпился на островахъ Днѣпровскихъ и наблюдалъ неутралитетъ. Кончина царя Федора Алексѣевича 1682 г. 177—180.

Польскій король, Янъ Собіевскій, присвояетъ себѣ Заднѣпрскую Малоросію съ согласія ея Козаковъ и даетъ ей, 1665-г, въ гетманы Якима *Куницкаго*, на мѣсто убитаго подъ Вѣной Гоголя. Походъ его, гетмана, по приказанію короля, въ Бесарабію противъ Бѣлогородскихъ Татаръ, трусость и бѣгство его. Оставленные Козаки выбираютъ на его мѣсто полковника Брацлавскаго, Димитрія *Могилу*, пробиваются сквозь непріятеля и приходятъ счастливо къ своимъ границамъ, гдѣ, нашедши Куницкаго, убиваютъ его, по приговору всего войска, тупыми концами своихъ ратыщъ. Отправленіе Могилы королемъ, въ 1685 г., въ пособіе Нѣмецкому императору, на Турковъ, который, соединясь съ Цесарской арміей подъ Текеліемъ, сильно помогъ изгнать Музульманъ изъ Угріи. 180—181.

Въ началѣ 1686 г. гетманъ Самуйловичь вступаетъ, по предписанію Московскаго правительства, въ Бѣлорусію съ 40,000 войска, беретъ Гомель, Лоевъ, Чернобыль и др. города, и тѣмъ, послѣ 30-лѣтняго перемирія, побуждаетъ Поляковъ къ скорѣйшему заключенію мира съ Росіей, по коему они навсегда отказались отъ Смоленска, а Малоросія оставлена на договорахъ Зборовскомъ и заключенныхъ ею съ Московскимъ государствомъ при своемъ соединеніи съ нимъ. Обезпечивъ себя со стороны Польши, Росія предпринимаетъ, въ 1687 г., самый рѣшительный походъ противъ Крыма, съ цѣлію покорить, или разрушить его. Главнымъ военачальникомъ опредѣленъ князь Вас. Вас. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, принявшей въ это время кормило правленія въ свои руки. 120,000 Великоросіянъ и 60,000 Козаковъ подъ нач. гетмана грозили раздавить Крымъ, но недостатокъ въ продовольствіи и под. тому причины не допустили до того, а неудача похода сложена была на Самуйловича, котораго, съ младшимъ сыномъ его, Яковомъ, велѣно было схватить ночью, въ мѣстечкѣ Коломакѣ, въ церкви, и отправить въ Сибирь, а другимъ двумъ сыновьямъ (полковникамъ, Стародубскому и Нѣжинскому, Семену и Григорію), отрублены головы въ Путивлѣ. Главной причиной несчастія Самуйловича былъ генер. есаулъ, Иванъ Мазепа, искавшій гетманства, сперва воспитатель дѣтей Самуйловича, потомъ любимецъ его, облагодѣтельствованный имъ передъ всѣми прочими. 181—183.

Гетманъ Иванъ Степановичь *Мазепа*, избранный 25-го іюля, 1687 г. Подробности избранія его въ гетманы. Происхожденіе его: природный Полякъ изъ

фамиліи Литовской; прибытіе въ Малоросію и воспитаніе дѣтей Самуйловича; поступленіе въ Переяславскій полкъ на службу, отличіе его въ походахъ этого полка противъ Поляковъ, Татаръ и Турокъ и полученіе званія генер. есаула чрезъ 17 лѣтъ. Сестра его, Янеля, выдана была имъ за чиновника Переяславскаго полка, Мировича, отъ коей имѣлъ племянниковъ и внуковъ. Мнѣніе Вольтера о происхожденіи, воспитаніи и похожденіяхъ Мазепы. 183—184.

Приготовленіе Мазепы ко второму походу Рускихъ на Крымъ въ продолженіе 1688 г., который и открытъ въ началѣ 1689: Великоросіянъ 75,000, да Малоросіянъ 60,000, подъ главнымъ нач. того же князя, Вас. Вас. Голицына, что и въ первомъ походѣ. Расположеніе похода было по плану гетмана, знакомаго съ Татарами, и потому онъ удался; ханъ просилъ мира. Ропотъ Козаковъ на гетмана за слабое окончаніе такого многотруднаго похода, и отправленіе его Голицынымъ, для предупрежденія возмущенія, посломъ въ Москву съ вѣстью о мирѣ. Пріемъ его въ ней и присутствіе при паденіи царевны Софіи и восшествіи на престолъ Петра І-го. Возвращеніе въ Малоросію Мазепы и учрежденіе имъ особой гвардіи для себя подъ именемъ Надворной коровгы, въ которую поступали охотники изъ Заднѣпрья: это были его ангели-хранители и исполнители всѣхъ его велѣній. Судьба ихъ. 184—186.

Первое появленіе *саранчы* въ Малоросіи въ 1690 г., налетѣвшей изъ Закубанскихъ степей черезъ Крымъ; описаніе полета ея и опустошенія, причиняемаго ею; мнѣніе о происхожденіи ея; средства противъ нея. 186—187.

Осада генер. есауломъ, Ломиковскимъ, Очакова и Буджака, коему помогалъ другой корпусъ Козацкій при крѣпости Самарской, разъѣзжавшій отдѣльно до р. Конской. 187.

Отличіе Винницкаго полковника, Самуся, противъ Татаръ Бесарабскихъ и опредѣленіе его, въ награду, Мазепой въ наказные гетманы. Мнѣніе о наказныхъ Малоросійскихъ гетманахъ на правой сторонѣ Днѣпра и свобода Заднѣпровскихъ Козаковъ — воевать за того, кто ихъ согласитъ подарками, а наипаче народными выгодами. Представитель этой свободы—Семенъ Палій, полковникъ Хвастовскій, родомъ изъ г. Борзны. Походы его противъ Турковъ съ королемъ Польскимъ, Собіевскимъ, за цезаря, и съ Турками противъ Собіевскаго. Безпрестанные раздоры и стычки его съ Татарами за плѣнныхъ христіанъ, равно какъ и съ Поляками за насилія ихъ въ Заднѣпрьѣ; заточеніе его послѣдними въ Магдебургскую крѣпость, въ коей просидѣлъ около года и освобожденъ былъ хитростью своихъ Козаковъ. Разбитіе Паліемъ двухъ Польскихъ отрядовъ, одного подъ Хвастовымъ, а другаго подъ Бердичевымъ, что не нравилось Мазепѣ, считавшему этѣ дѣла нарушеніемъ мирныхъ договоровъ съ Польшей, и потому приказавшему схватить, хитрымъ образомъ, Палія и сослать въ Сибирь, откуда, спустя 15 лѣтъ, былъ онъ вызванъ Петромъ І-мъ подъ Полтаву, гдѣ, въ сраженіи съ Шведами, убитъ пушечнымъ ядромъ. 188—190.

Появленіе самозванца Петрика, войсковаго канцеляриста, родича Искрѣ и любимца гетмана, выдававшаго себя, по навѣтамъ Крымскаго хана, Исламъ Гирея, гетманомъ, поставленнымъ отъ султана Турецкаго въ преемники Юрію Хмельницкому и Дорошенку, и, кромѣ того, побочнымъ сыномъ Мазепы. Прежде всего съ знатнымъ Татарскимъ корпусомъ онъ показался, 1692 г., ок. Переяславля; противъ него выслапъ Мазепой генер. есаулъ, Гамалія, обратившій его въ бѣгство; послѣ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, Петрикъ, съ Бѣлогородскими и Крымскими Татарами, безпокоилъ разновременно южную часть Малоросіи; наконецъ, отправлены на него были гетманомъ три корпуса подъ нач. полковниковъ: Кіевскаго, Коровки, Черниговскаго, Лизогуба, Гадяцкаго, Боруховича, и пр.: первый преслѣдовалъ Татаръ до самаго Очакова; второй гналъ Буджаковъ до самой Бесарабіи, которую сильно опустошилъ, а третій поразилъ Татаръ при мѣстеч. Соколкѣ, при чемъ палъ, однако жь, охочекомонный старшина, Якимъ Вечорка, служившій прежде у Палія и рѣшившійся, во что бы ни стало, заслужить 1000 талеровъ, объявленныхъ гетманомъ за Петрика тому, кто его доставитъ ему мертваго, или живаго; Пет-

рикъ палъ тоже тутъ, можетъ быть, отъ руки самаго Вечорки. 190—192.

Мазепа держитъ кордонъ отъ устья Самары до Днѣстра во время прохода Татаръ къ границамъ Цезарскимъ въ 1694 г., откуда отправляетъ разные отряды въ Крымъ и Буджакъ для отвлеченія Татаръ отъ Угріи. 192.

Первый походъ Петра I-го подъ Азовъ въ 1695 г.: гетманъ съ Шереметевымъ, по волѣ царя, занимаютъ Татаръ осадой ихъ городовъ, коихъ берутъ въ одно лѣто 14-ть; неудача перваго похода отъ измѣны иностранца, Янсона, заклепавшаго осадныя пушки подъ Азовымъ, и отъ недостатка морскихъ судовъ для блокированья крѣпости съ моря. Приготовленія ко второму походу: въ 10-ть мѣсяцовъ сооружена флотилія на рѣкахъ, впадающихъ въ Донъ, которая, въ 1696 г., явилась на Азовскомъ морѣ, а съ твердой земли многочисленная армія, въ коей было 15,000 Козаковъ подъ нач. наказнаго гетмана, Лизогуба, сильно содѣйствовавшихъ взятію Азова 19-го іюля; гетманъ же съ прочими Малорос. войсками наблюдалъ на степяхъ Крымскихъ за ханомъ. Въ 1697—98 г. Мазепа съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ осаждаетъ Очаковъ, который приказано было имъ взять царемъ, но не успѣлъ въ томъ. Возвращеніе царя изъ путешествія по Европѣ и заключеніе мира съ Турками на 30 лѣтъ 1699 г., въ Карловцѣ, по коему Русскіе пріобрѣтаютъ себѣ Азовъ. 193—196.

Война съ Швеціею и осада, 1701 г., Нарвы 80,000 Русихъ, съ коими Малоросіянъ было 7,000 подъ нач. наказнаго гетмана, Обидовскаго; пораженіе ихъ Карломъ XII-мъ, который бросился потомъ въ Польшу. Малоросійскій корпусъ въ 20,000, подъ командой Миргородскаго полковника, Данила Апостола, да 7,000 съ Гадяцкимъ полковникомъ, Боруховичемъ, дѣйствуютъ за одно съ княземъ Репнинымъ противъ Шведовъ, а гетманъ съ 10,000 стоялъ ок. Могилева. Апостолъ и Шереметевъ проникаютъ до Ревеля, а Репнинъ и Боруховичь до Риги. Въ 1702 г. Малоросійскія войска продолжаютъ участвовать въ корпусахъ Шереметева и Репнина, а особый корпусъ подъ нач. Стародубскаго полковника, Мих. Миклашевскаго, соединясь съ Поляками стороны короля Августа, подъ командой Халецкаго, поражаетъ приверженцевъ Шведовъ, беретъ Быховъ и отсылаетъ предводителя ихъ, Бельцыневича, къ гетману въ Батуринъ, который предписываетъ потомъ Миклашевскому защищать Литву. 196—197.

Ссора Рускихъ съ Башкирцами на одной степной ярмаркѣ 1703 г., бунтъ послѣднихъ и усмиреніе его Шереметевымъ и полковымъ судьей, Кашпаровскимъ, нач. 3000 Малоросійскихъ Козаковъ. 198.

Изгнаніе Карломъ XII Польскаго короля, Августа, изъ Польши и выборъ, на его мѣсто, Станислава Лещинскаго, 1704 г. Мазепа прикрываетъ границы Рускія отъ Польши ок. рѣкъ Припети и Любара съ 30,000 Козаковъ, а прочіе находятся въ арміи царя въ Ливоніи, Курoніи и Литвѣ. Въ 1705 т. гетману приказано было вступить въ Галицію, куда онъ отправилъ корпусъ подъ нач. полковниковъ: Черниговскаго, Полуботка, Гадяцкаго, Боруховича, и Компанейскаго, Танскаго, разорившихъ Спижское воеводство, а самъ остался въ Замостьѣ, потомъ зимой въ Бродахъ, отколь проходилъ къ Минску и Слуцку. Воротясь домой, онъ привелъ съ собой нѣсколько сотенъ Полаковъ, коихъ размѣстилъ въ своей гвардіи. Въ этѣ походы въ Польшу, гетманъ тайно видѣлся съ Шведскимъ королемъ и рѣшился передаться ему. Поступокъ Петра I-го съ Мазепой на пиру у князя Менщикова, т. е., пощечина, отсюда начало злобы и мести гетмана къ царю, поджигаемой и одобряемой боярами, недовольными нововведеніами послѣдняго. Разсказъ Вольтера о другой обидѣ царя гетману. Очищая путь къ измѣнѣ, Мазепа удалялъ и истреблялъ тѣхъ, кои могли препятствовать ему; съ такой цѣлью отправилъ онъ, въ 1706 г., въ противность всѣхъ правилъ воинскихъ, Миклашевскаго въ Несвижъ, а Мировича, полковника Переяславскаго, въ Ляховичи, приказывая сражаться имъ съ цѣлыми корпусами Шведовъ и Поляковъ: первый былъ убитъ, а послѣдній взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Стокгольмъ, гдѣ и умеръ. 199—200.

Заложеніе Петромъ I-мъ съ Мазепой 15-го августа, 1707 г., крѣпости въ Кіевѣ. Въ это время поданъ царю въ Кіевѣ доносъ генер. судьей, Кочубеемъ, и полковникомъ Полтавскимъ, Искрой, о затѣваемой гетманомъ измѣнѣ: наряженіе комисіи для раслѣдованія этого доноса подъ нач. Шафирова и приговоръ ея къ смерти доносчиковъ; казнь ихъ при селѣ Борщаговкѣ въ виду войска, стоявшаго здѣсь. Причины ненависти доносителей на гетмана. 201.

Походъ Карла XII-го, въ 1708 г., въ Малоросію и сопротивленіе ему жителей ея. Укрѣпленіе Мазепой столицы своей, Батурина, и отбытіе его, со многими войсками и чиновниками, къ границамъ Бѣлорусіи, гдѣ, переправясь за Десну, онъ разбиваетъ станъ свой между Стародубомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ, подлѣ мѣстечка Семеновки, и объявляетъ свою знаменитую прокламацію къ войску и народу Малоросійскому о причинахъ, побудившихъ его перейти на сторону Шведовъ. Толки войска о прокламаціи и оставленіе имъ гетмана только съ двумя Компанейскими полками и генеральной старшиной, которые, отправившись къ Стародубу, встрѣтили корпусъ кн. Меншикова въ Бѣлорусіи, при коемъ находился и государь: тутъ они ему тотчасъ доносятъ ему объ измѣнѣ гетмана своего и просятъ позволенія выбрать новаго. Благодарность царя за вѣрность ихъ, обѣщаніе выбора по возвращеніи ихъ въ Малоросію и приказаніе помогать ему въ поискахъ противу Шведскаго генерала, Левенгаупта, спѣшившаго соединиться съ королемъ въ Бѣлорусіи. Разбитіе Левенгаупта 28-го сент., между мѣст. Пропойскомъ и деревней Лѣснымъ, при р. Сожѣ, и участіе въ томъ Малоросійскихъ Козаковъ. 202—205.

Взятіе княземъ Меншиковымъ Мазепиной столицы, Батурина, при помощи измѣны Прилуцкаго полковника, Носа, и ужасное разореніе ея со всѣми жителями и зданіями: однихъ пушекъ взято было 315, не говоря о безчисленномъ множествѣ прочихъ военныхъ запасовъ и сокровищъ. Сдача Новгорода Сѣверскаго, сильно укрѣпленнаго гетманомъ, при посредствѣ сотника Журавки и протопопа Лисовскаго, царю Петру I-му; заступленіе Шереметева за Новгородцевъ, коихъ царь сбирался истребить для страха прочимъ, и спасеніе ихъ отъ смерти. 206—208.

Свиданіе гетмана Мазепы съ Карломъ XII около р. Десны и пріемъ его послѣднимъ. Поведеніе Шведовъ въ Малоросіи, ничего въ себѣ враждебнаго не обнаруживавшее, и сравненіе его съ поведеніемъ другихъ войскъ; однако народъ Малорускій, считая ихъ бусурманами и нехристами, не дался въ обманъ и убивалъ, гдѣ только могъ, отъ чего ихъ убавилось въ одну осень почти до половины. Прокламація Шведскаго короля къ народу, универсалы Мазепы и, какъ противодѣйствіе онымъ, манифестъ царя Рускаго. Мнѣніе народа о Шведахъ и своемъ гетманѣ. 208—211.

Избраніе, новаго гетмана, полковника Стародубскаго, Ивана Ильича *Скоропадскаго*, въ Глуховѣ, 1708 г., ноября 7-го дня, и преданіе, 9-го того же мѣсяца, въ этомъ городѣ, анаѳемѣ прежняго гетмана, Мазепы, мѣстнымъ Малоросійскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Ѳеофана Прокоповича, что совершено было въ Николаевской церкви, въ присутствіи самого государя. Добровольное возвращеніе нѣкоторыхъ Малоросійскихъ старшинъ отъ Мазепы и принятіе ихъ Петромъ I-мъ, предоставившимъ имъ прежнія мѣста и должности, именно: Апостола, Сулимы, Горленка, Максимовича, Ломиковскаго, Гамаліи, Кандыбы, Бутовича, и проч., и преданіе страшной пыткѣ и казнямъ въ мѣстечкѣ Лебединѣ (что близъ Ахтырки) тѣхъ, коихъ подозрѣвали въ усердіи къ Мазепѣ и кои не явились на выборъ гетмана. Описаніе самой пытки, производимой Меншиковымъ. Экспедиція Меншикова на Роменщину по выходѣ изъ нея Шведскаго короля съ Мазепой въ Гадячь послѣ праздника Р. Х.; цѣль этой экспедиціи заключалась въ наказаніи Роменцевъ за пріемъ ими Шведовъ и испытаніе вѣрности Козаковъ, коимъ поручена была эта экспедиція. Выселеніе нѣкоторыхъ Роменцевъ, избѣгавшихъ мученія, на сосѣдніе Великоросійскіе рубежи и основаніе ими слободъ подъ названіемъ „Вольныхъ Черкасовъ“. 211—213.

Походъ 1709 года: Петръ I-й ищетъ примириться съ Карломъ XII-мъ, усту-

ная ему всѣ требованія на Ингерманландію и Финляндію, но выговаривая себѣ только одну пристань на Балтійскомъ морѣ; отказъ короля царю, съ угрозой подписать миръ въ Москвѣ, взять 30 миліон. талеровъ за издержки и научить противника надъ чѣмъ и какъ царствовать. Въ слѣдствіе того приготовленіе царя къ главному сраженію въ окрестностяхъ Полтавы, которую Карлъ XII, съ половины мая, вздумалъ осадить, надѣясь въ ней получить большія сокровища и запасы, какъ увѣрялъ его Мазепа. Недопущеніе короля переправиться черезъ р. Ворсклу Руской арміи, подоспѣвшей на встрѣчу осажденной Полтавѣ, и тяжелая рана въ ногу, полученная имъ, во время разъѣзда своего ночью, отъ Козаковъ. Составъ Руской арміи, считавшей въ себѣ 76,000, въ числѣ коихъ было 20,000 Малоросійскихъ Козаковъ, оставшихся отъ прочихъ, посланныхъ для прикрытія границъ; этѣми 20,000 начальствовалъ Семенъ Палій, возвращенный изъ Сибири царемъ. Шведская же армія состояла съ небольшимъ изъ 20,000, да 1,000 Мазепиныхъ Козаковъ, собравшихся къ нему изъ Компанейцевъ и Сердюковъ, которые, однако, всегда оставались при обозахъ и уклонялись отъ сраженія съ Рускими въ слѣдствіе неутралитета, выговореннаго предводителемъ ихъ у короля. Битва 27-го іюня, рѣшившая судьбу Росіи и Швеціи. Помощь, оказанная Малоросійскими Козаками для одержанія побѣды и смерть предводителя ихъ, Палія. Бѣгство Шведовъ съ королемъ своимъ и Мазепой къ Днѣпру, переправа черезъ него на лодкахъ Запорожскихъ рыболововъ; прощаніе его съ Левенгауптомъ и обращеніе къ Мазепѣ, который, прибывши съ королемъ въ Бендеры, умеръ 6-го сентября, отъ печали и похороненъ Карломъ XII-мъ, уважавшимъ его за превосходный разумъ и здравое сужденіе. Умирая, Мазепа велѣлъ подать себѣ всѣ бумаги и сжегъ ихъ. Взятіе Левенгаупта съ его отрядомъ при устьѣ Ворсклы (у мѣстечка Кишеньки) простиравшихся до 17,000. Торжество послѣ такой побѣды, награды и пожалованія участвовавшимъ въ ней, кромѣ обойденныхъ Малоросіянъ и ихъ войскъ, по навѣтамъ Меншикова 213—218.

Объявленіе Семена Орлика, Мазепина писаря, со стороны короля Шведскаго и Порты преемникомъ Мазепѣ, но изъ Малоросіянъ одни только Запорожцы признаютъ его гетманомъ и безпокоятъ съ нимъ и Татарами границы Малоросіи до 1711-й годъ, т. е., до заключенія Росіей съ Турками вѣчнаго мира, послѣ чего Орликъ скрывается во Францію и, оттуда пишетъ въ Украйну прислать ему 20,000 тысячь рублей, а онъ за то готовъ выдать всѣ ея древнія привилегіи и другіе важные народные документы. Моровая язва въ 1710 году въ Малоросіи отъ множества человѣческихъ труповъ, худо похороненныхъ, которая, начавшись въ Полтавщинѣ, проникла было до самой Польши и Галиціи. Къ язвѣ присоединилась саранча, налетѣвшая изза Кубани, и квартированіе Великоросійскихъ войскъ. 218—219.

Война съ Турціей по проискамъ короля Шведскаго и походъ весной 1711 г. въ Молдавію; число Малоросіянъ, участвовавшихъ въ немъ подъ нач. генеральнаго обознаго, Лизогуба, простиралось до 20,000, а Гетманъ Скоропадскій выступилъ, по волѣ царя, противъ Крыма, и прикрывая границы отъ Донца до Буга, стоялъ у каменнаго Затона. Ошибки съ обѣихъ сторонъ, т. е., Рускихъ и Турковъ; миръ Прутскій, по коему Руcкіе воротили Портѣ Азовъ, а союзникамъ ея, Полякамъ, уступили Заднѣпрскую Малоросію по Кіевъ. Впрочемъ, возвратившись въ Росію, царь велѣлъ гетману Скоропадскому протестовать противу такой уступки, какъ неправильно учиненной надъ вольною страною, бывшею только въ протекціи Російской, и имѣвшей свои права и договоры съ царями. 219—220.

По возвращеніи арміи Руской изъ Турецкаго похода, одна дивизія, подъ нач. Бориса Петров. Шереметева, расположилась была, въ 1712 г., на квартирахъ въ Малоросіи и навсегда уже осталась въ ней подъ названіемъ *Консистентовъ*, а вмѣстѣ съ нею вошли въ знатнѣйшія города и войска Великоросійскія, именно: въ Глуховъ, Стародубъ, Нѣжинъ, Черниговъ, Кіевъ, Переяславль, Полтаву и Лубны, въ коихъ составили они собой гарнизоны. Комисары, выбранные изъ грамотныхъ и имущественныхъ Козаковъ

и приставленные въ каждомъ городѣ, уѣздѣ или сотнѣ для надзора за сборомъ и доставленіемъ въ команды провіанта и фуража, возложеннаго на Малоросіянъ, не обходя ни кого, даже самыхъ реестровыхъ Козаковъ, чрезвычайно страдали отъ притѣсненій и придирокъ командировъ. Для облегченія страданій народа, гетманъ дарить князю Менщикову свою урядовую гетманскую, Почепскую, волость, которую этотъ увеличиваетъ самовольно вдесятеро. Всемогущая астролябія и гербы княжескіе, выставленные всюду съ титуломъ его, оканчивающимися таинственными „и прочая, и прочая, и прочая." Жалоба гетмана государю на притѣсненія Менщикова, наказаніе его государемъ и непримиримая месть князя къ Малоросіянамъ. Посѣщеніе имъ Почепщины и каменный столбъ, поставленный по его повелѣнію въ Глуховѣ и на немъ столько желѣзныхъ спицъ, сколько было головъ главныхъ Малоросійскихъ старшинъ. Новая жалоба гетмана государю на Менщикова, новое наказаніе его имъ и новое мщеніе Малоросіи посылкою многочисленныхъ войскъ ея на выдуманные имъ каналы и линіи около Ладоги, Сулака и Астрахани, гдѣ отъ работъ, климата и худаго содержанія множество перемерло, что, повторяясь нѣсколько лѣтъ, погубило и перевело всѣ ея устроенныя войска. Кромѣ того, самые помѣщики Малоросійскіе не избѣжали гоненія Менщикова, отобравшаго у нихъ многія деревни подъ предлогомъ жительства въ нихъ бѣглыхъ Великоросійскихъ крестьянъ. Эти деревни названы были Отписными государевыми слободами. Мартынъ Минхъ и Раскольники. 220—223.

Нахожденіе гетмана съ знатнымъ корпусомъ войскъ за Днѣпромъ въ продолж. всего 1715 г. для примѣчанія за движеніемъ Польскихъ вельможъ, дѣлившихъ тогда между собою Малоросійскіе Заднѣпрскіе полки, недавно уступленные имъ царемъ. Способъ, какимъ они достигли позволенія на этотъ дѣлежъ отъ націи Польской и обращеніе Козаковъ въ крестьянъ. Нехотѣвшіе же подвергнуться тому, переходили, съ 1711 по 1716 г., на лѣвой берегъ Днѣпра и размѣщались въ Малоросіи и Слободскихъ полкахъ. 223.

Начальники надъ Малоросійскими полками, рывшими каналы и рвы: при Царицинѣ генер. хоружій, Иванъ Сулима, при Ладожскомъ озерѣ, съ перемѣною по годамъ: наказный гетманъ, Павелъ Полуботокъ, Лубенскій полковникъ, Андрей Марковичъ, Полтавскій полковникъ, Иванъ Чернышъ, а при Сулакѣ: Гадяцкій полковникъ, Гавр. Милорадовичъ, и Лубенскій, Марковичъ. 223—224.

Судъ надъ царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ, наряженный государемъ, по возвращеніи его, въ 1718 г., изъ чужихъ краевъ, и отреченіе гетмана и старшинъ Козацкихъ, случившихся въ Петербургѣ, отъ подписанія смертнаго приговора царевичу. 224.

Приглашеніе въ Петербургъ Кіевскаго митрополита, Іоасафа Кроковскаго, для слушанія Духовнаго регламента; мѣстный соборъ въ Кіевѣ по случаю распространившагося слуха объ отборѣ у духовенства недвижимыхъ имѣній, и опредѣленіе его не соглашаться на то ни конмъ образомъ; взятіе подъ стражу митрополита, по доносу чернеца Свинскаго монастыря, Иринея, въ Твери, и смерть въ монастырѣ; но преемникъ его, Переяславскій епископъ, Кирилъ Шумлянскій, первенствуя надъ духовенствомъ при совѣщаніи, согласился на все. По возвращеніи изъ Петербурга Кіевопечерскаго архимандрита, Іоакима Сенютовича, Лавру постигаетъ страшный пожаръ, истребившій, при другихъ драгоцѣнностяхъ, церковныхъ и монастырскихъ, цѣлыми вѣками собиравшихся, многочисленную и древнѣйшую библіотеку ея. Вѣсть о томъ исторгаетъ слезы изъ глазъ у самаго государя. 224—226.

Окончаніе войны съ Швеціей Нейштадтскимъ миромъ 1721 г. и поѣздка гетмана съ старшиною въ Москву для поздравленія государя съ нимъ и воспріятіемъ императорскаго титла; тутъ же присяга, вмѣстѣ съ другими, на содержаніе устава о „Правдѣ воли монаршей." Молва народная отозвалась, однако же, въ пользу наслѣдства, а не выбора. 226.

Учрежденіе въ Малоросіи Колегіи подъ предсѣдательствомъ бригадира, Степана Вельяминова, и 10 при немъ гарнизонныхъ офицеровъ, смѣнявшихся ежегод-

но. Должность Колегіи состояла въ учрежденіи и взысканіи денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ съ жителей и вершеніе дѣлъ по апеляціямъ. Указъ объ этомъ объявленъ гетману чрезъ министра, Петра Андр. Толстаго, отъ котораго, по прибытіи въ Глуховъ, онъ и скончался іюня 3-го, 1722 г., и погребенъ въ Гамаліевскомъ монастырѣ при р. Шосткѣ. Въ правленіе должности гетманской назначенъ, указомъ Сенатскимъ, Черниговскій полковникъ, Павелъ Полуботокъ. 226—227.

Персидскій походъ государя, въ которомъ Малоросійскихъ Козаковъ находилось 12,000, подъ нач. Миргородскаго полковника, Данила Апостола, Кіевскаго, Антона Танскаго, и Прилуцкаго, Игната Галагана. Гибельное вліяніе климата Персидскаго на Руское войско. Кромѣ того, въ началѣ 1723 года, отправлено еще 12,000 Малоросійскихъ Козаковъ на Коломакъ, подъ нач. Фельдмаршала, князя Мих. Мих. Голицына. 227.

Во время нахожденія государя въ Персидскомъ походѣ, наказный гетманъ и старшина представляютъ сенату о неумѣренныхъ налогахъ и податяхъ, собираемыхъ Колегіей; увольненіе Сенатомъ всѣхъ старшинъ и Козаковъ отъ податей, въ уваженіе службы ихъ на своемъ содержаніи, стоящей несравненно болѣе всякихъ податей. Но государь, по возвращеніи своемъ, уничтожаетъ такое распоряженіе Сената и приказываетъ сыскать къ отвѣту въ Петербургъ Полуботка, генеральныхъ старшинъ: Чорныша, Савича, бунчуковыхъ товарищей: Корецкаго, Карпику, Гребенку, и канцеляристовъ: Володковскаго, Ханенка и Романовича, которые, по пріѣздѣ, были, по наущенію Меньшикова, преданы Тайной Канцеляріи для суда и истязаній. Знаменитое „Не скажу" генеральнаго писаря, Савича, и розыскъ значенія его въ Малоросіи. Послѣ 4-мѣсячныхъ разслѣдованій Тайная Канцелярія осуждаетъ Малоросійскихъ чиновниковъ на вѣчное заточеніе и лишеніе имѣнія въ пользу казны. Рѣчь наказнаго гетмана, Полуботка, къ государю, заключеніе его и его старшинъ въ Петропавловской крѣпости, а въ слѣдъ за тѣмъ сысканы изъ Малоросіи и прочіе чины Колегіи: генеральн. есаулъ, Вас. Жураховскій, генер. бунчужный, Як. Лизогубъ, полковники: Миргородскій, Апостолъ, и Гадяцкій, Милорадовичь, посаженные туда же, и, наконецъ, въ третій пріемъ, забраны правившіе полками и сотнями Малоросійск. войска и брошены въ темницы Глухова. Мѣста ихъ отданы были Великоросійскимъ чиновникамъ. Вина заключенныхъ состояла, по Указу, въ недоброжелательствѣ ихъ къ царству, обнаружившемся въ худомъ присмотрѣ за овцами и баранами, выписанными дорогою цѣною изъ Шлезіи и розданными на содержаніе въ Малоросіи, гдѣ они пропали отъ неусердія и злыхъ замысловъ чиновниковъ, мыслившихъ только о сеймахъ своихъ и вредныхъ выборахъ. Спустя годъ, померли въ темницѣ: Полуботокъ, Карпика, Савичь и Володковскій, а прочіе пригнили и перекалечились отъ сырости. Петръ I-й, по преданію, навѣстилъ было однажды Полуботка въ темницѣ и просилъ прощенія; отвѣтъ на то умирающаго наказнаго гетмана. 227—231.

Первымъ попеченіемъ Екатерины I-й по восшествіи своемъ на престолъ было освобожденіе Малоросійскихъ старшинъ, оставшихся въ живыхъ, и возвращеніе имъ ихъ имѣній, чиновъ и достоинства. 231.

Отправленіе въ Персидскій походъ, въ Галянскую область, въ 1725 г. 20,000 Малоросійс. Козаковъ подъ начальс. генер. старшины, Лизогуба, и полковниковъ: Кандыбы и Горленка, да обознаго полковаго, Мих. Огроновича, пробывшихъ тамъ ок. 5 лѣтъ. Увольненіе 10,000 Козаковъ отъ другаго похода въ Сулакъ, съ условіемъ внести за то въ казну по нѣсколько рублей съ Козака; протестъ простыхъ Козаковъ противъ того, почитавшихъ откупъ деньгами отъ службы безчестіемъ себѣ, и неуваженіе Сенатомъ ихъ протеста, предписавшимъ взыскать съ каждаго человѣка по 4 рубля. 231—232.

Восшествіе на престолъ Петра II-го, паденіе злѣйшаго врага Малоросіи, князя Менщикова, и подтвержденіе прежнихъ договоровъ и привилегій ея, въ слѣдствіе чего Малоросійская Колегія тотчасъ была распущена, а на мѣсто ея возстановлены Генеральная Канцелярія и Генеральный судъ. Въ концѣ 1727 г. присланъ

въ Малоросію Федоръ Васил. Наумовъ, съ грамотой, позволявшей выборъ гетмана, которымъ и былъ постановленъ 1-го окт., Миргородскій полковникъ, Данило *Апостолъ*. Поѣздка гетмана въ Москву для принесенія благодарости государю за свое избраніе, откуда возвращается съ подтвержденіемъ правъ и преимуществъ Малоросійскихъ, на основаніи коихъ, въ 1729, было большое производство чиновъ, получившихъ, для содержанія своего, отъ 200 до 400 дворовъ изъ посполитаго народа, бывшаго до того въ завѣдываніи ратушъ и Скарбовой канцеляріи, которыя навсегда уже остались ранговыми и переходили во владѣніе того, кто былъ въ должности. Это былъ поворотъ въ первобытное состояніе содержанія чиновниковъ, какое было въ правленіе королей Ягайловскаго Дома. 232—234.

Участіе гетмана Апостола въ избраніи на престолъ, по кончинѣ Петра II-го, Анны Ивановны, 20-го февраля, 1730 года. Доносъ іеромонаха Суханова, возвратившагося изъ Іерусалима черезъ Кіевъ въ Москву: онъ порицалъ замѣченныя имъ въ Палестинѣ и Греціи излишества въ обрядахъ и служеніи церковныхъ и неблагочиніе въ монастыряхъ, какъ отступленія отъ благолѣпія Рускаго. При этомъ обличалъ и Малоросійское духовенство въ искаженіи, будто бы имъ, старой Руской вѣры, заразѣ Латынщиною и т. п. Отвѣтъ на то, потребованію Синода, Кіевскаго митрополита, Варлаама Ванатовича, назвавшаго доносъ Суханова мужичьимъ бредомъ, за что, однако же, онъ сысканъ былъ въ Петербургъ, названъ еретикомъ и возмутителемъ Церкви Руской и, какъ такой, лишенъ своего сана и сосланъ монахомъ въ Сибирь вѣчно, а на его мѣсто назначенъ Рафаилъ Заборовскій. 234—235.

Приказаніе, въ 1731 г., указомъ построить гетману Малоросійскими Козаками земляную линію съ крѣпостьми и редутами отъ Днѣпра до Донца для защищенія границы отъ Крымскихъ Татаръ. Для построенія ея посылалось ежегодно 20,000 Козаковъ и 10,000 простолюдиновъ подъ начал. полковниковъ: Прилуцкаго, Игн. Галагана, Лубенскагб, Петра Апостола, и Кіевскаго, Ант. Танскаго. Зазовъ Малоросіянъ Великорускими помѣщиками селиться въ гг. Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской, и строгое взысканіе за пріемъ Великоросійскихъ крестьянъ Малорускими чиновниками, къ которымъ нарочно подсылали своихъ людей, кои, поживъ у нихъ нѣсколько времени, возвращались назадъ и доносили помѣщикамъ, а тѣ воеводамъ, о похожденіяхъ своихъ. Въ 1733, по случаю возведенія на престолъ Августа III-го, открылся походъ въ Польшу, въ коемъ Малоросіянъ было 20,000 подъ нач. генер. обозмаго, Як. Лизогуба. Изъ Малоросійскихъ начальниковъ въ особенности отличился тутъ Прилуцкій полковникъ, Галаганъ, въ предѣлахъ Слуцкихъ. Смерть гетмана Апостола 1734 г. генв. 17, погребеннаго въ Сорочинцахъ. 235—237.

Въ 1734 г. вторично была учреждена Колегія изъ 3-хъ чиновъ Великоросійскихъ и 3-хъ же Малоросійскихъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-поручика, князя Алексѣя Ивановича Шаховскаго, послѣ коего начальствовалъ ею генер.-поручикъ Ив. Федор. Боратынскій, а по немъ генер.-поручикъ, Александръ Иван. Румянцевъ. Всѣ они были, по личнымъ характерамъ своимъ, благородные и добрые правители; но бывшая изъ членовъ ихъ, Министерская канцелярія подъ именемъ Тайной экспедиціи, заставляла трепетать Малоросіянъ всюду. Въ ней производились истязанія и пытки по доносамъ большей частью солдатъ, бѣглыхъ и бродягъ, а доносы состояли о словѣ и дѣлѣ государевѣ. Происшествіе съ однимъ знатнымъ помѣщикомъ мѣстечка Горска за одного орла гербоваго по доносу армейскаго офицера, видѣвшаго его на одномъ изразцѣ горничной печи. 237—239.

Вторженіе Крымцевъ въ границы Малоросіи въ 1735 г. и отраженіе ихъ генераломъ Леонтьевымъ съ Миргородскимъ, Полтавскимъ, Лубенскимъ и Гадяцкимъ полками, прикрывавшими линію, кои преслѣдовали Татаръ до самаго Перекопа. По возвращеніи графа Миниха изъ заграничнаго похода, главное начальство надъ арміей противъ Крыма поручено было ему; она собралась у Каменнаго Затона. Малоросійскіе полки ввѣрены были имъ Гадяцкому полковнику, Галецкому, человѣку отважному, пред-

пріимчивому и расторопному. Прокладывая дорогу къ гетманству, онъ искалъ случая отличиться, и потому, увѣривъ Миниха, что собравшееся Татарское войско въ Черной или Черкесъ Долинѣ (иначе Гаймаиъ), составляетъ незначительной отрядъ, онъ испросилъ у него позволеніе напасть на Татаръ съ своими 4-мя Малорос. полками (Гадяцкимъ, Нѣжинскимъ, Стародубскимъ и Черниговскимъ), да двумя Драгунскими, но былъ, послѣ упорнаго сопротивленія, разбитъ многочисленнымъ непріятелемъ и изрубленъ въ куски. Эта неудача навлекла Миниху грозный выговоръ Двора и поселила въ немъ ненависть къ Малоросіянамъ, которыхъ онъ обошелъ въ своемъ донесеніи о взятіи Перекопской Линіи, доставленной въ руки его единственно храбростію ихъ. Въ 1740 г. отправленъ въ Царьградъ, для заключенія мира съ Турками, правитель Малоросіи, Румянцевъ, а его мѣсто поручено было генералу Мих. Леонтьеву, заведшему тотчасъ споръ о первенствѣ между Великоросійскими и Малоросійскими, членами Колегіи, сильно оскорбившій послѣднихъ, принужденныхъ жаловаться Сенату, предписавшему не мѣстничать и быть всѣмъ имъ равными; Леонтьевъ замѣненъ тайнымъ совѣтникомъ, Иваномъ Иван. Неплюевымъ. Въ этомъ же году скончалась императрица Анна Ивановна, находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ любимца своего, Бирона, чрезвычайно и съ ожесточеніемъ гнавшаго Руских и все Руское. Особенно братъ его прославился своимъ варварствомъ въ Малоросіи во время квартированія въ Стародубѣ. 234--243.

Восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны 1741. и посѣщеніе ею 1744 Кіева: пріемъ, сдѣланный ей Малоросіянами на границѣ и при въѣздѣ въ Кіевъ, и отзывъ ея о томъ. Прошеніе чиновъ и войска Малоросійскаго, поданное императрицѣ въ Кіевѣ объ избраніи гетмана и приказаніе ея прислать о томъ депутатовъ въ Петербургъ, коими и назначены: обозный генер., Як. Лизогубъ, хорунжій генер., Никол. Ханенко, бунчуковый товарищь, Васил. Гудовичъ. Пріемъ ихъ государыней, содержаніе и упреки со стороны Великоросіянъ въ измѣнѣ Малоросійскихъ гетмановъ; умной отвѣтъ на то Гудовича, и возвращеніе назадъ съ грамотой на выборъ гетмана. Самой выборъ въ гетманы происходилъ 17-го Февр., 1750 г., въ Глуховѣ, въ присутствіи нарочно присланнаго для того изъ Петербурга генер.-аншефа, графа Ив. Семен. Гендрикова; выборъ палъ на графа Кирила Григорьевича *Разумовскаго*. Съ донесеніемъ о томъ отправились ко двору: генер. бунчужный Даміянъ Вас. Оболонскій, полковникъ Нѣжинскій, Сем. Вас. Кочубей, и бунчуковый товарищъ, Илья Вас. Журманъ, имѣвшіе аудіенцію 24-го апрѣля; въ указѣ Сенату гетманъ сравненъ съ генералъ-фельдмаршаломъ. По пріѣздѣ новаго гетмана столица Малоросіи переведена въ г. Батуринъ. Въ 1752 г. гетманъ объѣзжаетъ полковые и знатнѣйшіе сотенные города и случай съ нимъ въ Черниговѣ при осмотрѣ городовыхъ укрѣпленій, перетолкованный народомъ въ дурную сторону. Въ 1755 императрица уничтожила тягостные внутренные сборы. Въ войну съ Прусіей наряжено было, 1756 г., Малорос. Козаковъ 6,000 подъ нач. генер. есаула, Як. Даміян. Якубовича, Прилуцкаго полковника, Галагана, и обозныхъ полковыхъ, Стародубскаго, Скорупы, Кіевскаго, Солонины, и др., участвовавшихъ въ сраженіи подъ Эгерсдорфомъ и пр. Смерть большой части Малоросійскихъ погонщиковъ, наряженныхъ въ этотъ походъ и погибшихъ отъ худаго содержанія. Расширеніе Генеральнаго суда прибавкой 10 депутатовъ изъ дворянства, который обращенъ, по прежнему, въ Трибуналъ, и учреждено 20 повѣтовъ, а въ нихъ судовъ земскихъ, градскихъ и подкоморскихъ: Частыми поѣзками въ Петербургъ, гетманъ пріобрѣлъ въ свою собственность города: Батуринъ и Почепъ съ ихъ уѣздами, да волости: Шептаковскую и Бакланскую, бывшія до того ранговыми гетманскими; въ 1700 г. пожалованы они ему въ вѣчное владѣніе. Толки народа по этому случаю. Въ 1763 г. прошеніе отъ лица Малоросіи къ императрицѣ о непремѣнномъ гетманствѣ въ потомствѣ Разумовскаго, но собранные въ Глуховъ представители народа не захотѣли подписать онаго, какъ противнаго ихъ привилегіямъ. Мстя за то, гетманъ атестовалъ Малоросіянъ государынѣ съ самой дурной стороны. Смерть императри-

списокъ до положеннаго на выслугу времени. Такое устроеніе напоминало собой древнее распоряженіе, заведенное Гетманомъ княземъ Ружинскимъ и опущенное послѣ Шведской войны и отдачи Заднѣпрья Полякамъ. Для воинскихъ упражненій учреждены были два лагеря, при Полтавѣ и Переяславлѣ, а въ началѣ 1769 г., послѣдовало предписаніе всѣмъ войскамъ отправиться въ походъ противъ Турковъ.

УКАЗАТЕЛЬ

къ

ИСТОРІИ РУСОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОСІИ.

(Числа 1 и 2 означаютъ столбцы, а прочія самыя страницы.)

В.

Г.

Д.

Е.

Т.

У.

Ф.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

РАЗНОСЛОВІЯ,

встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ спискахъ Исторіи Русовъ, достойныя по чему либо особеннаго вниманія.

1. Пропущено: произшедшій отъ племени Афета, сына Ноева.
2. Славяну.
3. Проп.: внука Афетова.
4. Проп.: отъ временъ Вавилонскаго языковъ смѣшенія.
5. Или.
6. Славнаго.
7. У Славянъ.
8. Вѣры.
9. Проп.: Священныхъ библій и изъ.
10. Мороты.
11. Чужеплеменныя.
12. Гуэнцы.
13. Руснаками, Руссіянами.
14. Рюсу, Россу.
15. Польскихъ.
16. Сѣва.
17. Русняками.
18. Андреевскимъ.
19. Изнеможенія.
20. Не разжигался.
21. Славнѣйшіе.
22. Соблюдшій.
23. За раздѣломъ.
24. Назывались.
25. Въ Чермной Россіи.
26. Въ.
27. Въ.
28. Сіи же.
29. Принцеслава.
30. Блудича.
31. Ладыша.
32. Или Калги Султаны, т. е., Прицы Султанскіе.
33. Прибавлено: Олельковичь
34. Литовскій и Польскій.
35. Руссіи.
36. Многимъ.
37. Оставшіеся.
38. Магометанами.
39. Чтимыя.
40. Пропущено: одни.
41. Ягела.
42. Державамъ.
43. Догматическихъ.
44. Наслѣдниковъ.
45. И другія.
46. Черкаскъ, Черкасы.
47. Состоявшимъ изъ депутаціи, посыланной отъ 3-хъ классовъ народа.
48. По природѣ.
49, Одно Рыцарство.
50. Вѣчною.
51. Только: отъ слова.
52, Первоначально.
53. Прибавлено: въ скарбъ.
54. Постановленіями.
55. И Малороссіи.
56. Зъ родными.
57. Всякихъ.
58. Коренному.
59. О родности.
60. Нѣтъ: своимъ народомъ.
61. Рѣкахъ.
62. Ягеллѣ.
63. Нѣтъ: Гетмана.
64. На пункты.
65. Уржендованы.
66. Янзыкомъ.
67. Славяцкіемъ, Славѣцкимъ.
68. Супречне.
69. Боронили.
70. Сударей.
71, Прибавлено: въ Королены.
72. Перваго.
73. Мировали.
74, Учинкамъ.
75. Калишскій, Калицкій.

76. Компутамъ.
77. Прибавлено: Восточные.
78. Руснакамъ, Руснякамъ, Русакамъ.
79. Порощамъ и по пасѣкамъ городскимъ.
80. Кашеевъ, кащеевъ, кишеевъ.
81. Ранговаго.
82. 5-го.
83. Днѣпръ.
84а. Кафы.
84б. Мурзъ.
85. Прибавл: Руских.
86. Безпрепятотвенно.
87. Чрезъ Донъ и Кубань.
88. Противъ Турокъ, тамо кочующихъ и живущихъ селеніями.
89. Владѣнія.
90. Нѣтъ: или Полеваго Гетмана.
91. Всего етого нѣтъ.
92. Всѣ.
93. Выбранныхъ.
94. Подъ.
95. На.
96. Наровнѣ.
97. Полковые.
98. Внутри.
99. Селилъ.
100. Прибавл: и довѣренность братская Епископовъ.
101. Рыцарствомъ и звоевательствомъ.
102. Нѣтъ: Богдана.
103. Шехъ, Жахъ.
104. Не умедлили.
105. 1586,1588.
106. Варварски.
107. Сербулитской.
108. За.
109. Воинскій.
110. Кунискимъ, Купинскимъ.
111. Лежейскій, Леженскій, Леокайскій.
112. Туптовольскій, Тупталькій, Туптало.
113. Обрѣзавши.
114. Всѣ единодушно.
115. Народовъ.
116. Маеткамъ.
117. Случѣ.
118. Фортельно.
119. По 20.
120. Талеровъ, Тинфовъ.
121. Чинимое.
122. Страшное.
123. Петержицкаго, Петрижицкаго.
124. Скабичевскаго.
125. Побѣдиша, Побидсила.
126. Недругайло.
127. Баюкъ, Боюкъ.
128. Гейдеровскій.
129. Запалый.
130. Сутяга, Супига.
131. Окуловичь.
132. Мантей, Метыляй.
133. Наше въ Руси; Руское.
134. И самую свободу, раззоривъ и вѣроисповѣданіе наше.
135. Яблоновскій.
136. Кисель, Кисѣль.
137. Раданъ.
138. Нестелей, Нестельный.
139. Худобрай.
140. И всей.
141. Корсуня.
142. Попамъ.
143а. Корсунскаго.
143б. Горка.
144. Кратички.
145. Улицами.
146. 26.
147. Курузы, Карузы.
148. Мултянскій.
149. Ракочіемъ.
150. Узулъ, Узупъ.
151. Свободу.
152. Фланга.
153. Приб.: съ 15-ю тысячами воротился.
154. Правиламъ.
155. Переморозятъ.
156. Нѣтъ: Слободской.

157. Новицкомъ.
158. Калишскій, Калницкій.
159. Пушкарѣ.
160. Буханѣ.
161. Фридргейма.
162. Денгофа, Донгова, Дайтова Дештова, Данилова.
163. Укрѣпилась.
164. Не тѣмъ ли Макаріемъ, котораго мощи почиваютъ въ Соборномъ Переяславльскомъ Храмѣ Полтавской губерніи, тоже Архимандритомъ Каневскимъ, замученнымъ Турками?
165. Кокшактами, Кокіяктами.
166. Наприкла.
167. Чугая.
168. Смерть.
169. Угождать.
170. Тиранскимъ.
171. Заглумленъ, затлумленъ, затомленъ.
172. Свободу націи.
173. Волияныхъ.
174. Формѣ.
175. Омерзѣнія.
176. Началнымъ.
177. Рогозою.
178. Велинскій, Вилинскій.
179. Ирклїевъ.
180. Шалостей.
181[а]. Гагаринъ.
181[б]. 5-ть.
182. Батуринѣ.
183. Шишкевичъ, Шимкевичъ.
184. Косагова.
185. Мольбою.
186. Мольбы.
187. Дому.
188. Опіякъ.
189. Распоряженіе.
190. Зыкапивать.
191. Напрядками.
192. 30 тысячь, и просто: 30.
193. Эстляндской и Лифляндской.
194. Ливонское.
195. Нѣтъ: схватилъ за усы.
196. Безчестная.
197. Для того.
198. Благо, благодать.
199. Воротъ.
200. 28.
201. Вышнимъ.
202. 18-го.
203. 3,217.

ОБЪЯСНЕНІЕ

нѣкоторыхъ словъ Малоросійскихъ въ Исторіи Русовъ, непонятныхъ для Великоросіянина.

Балка, долина, буеракъ, въ лѣсу, полѣ, и под.

Ватажка, отъ ватага, стадо: пастухъ стада; начальникъ, предводитель.

Вовна, волна, шерсть.

Выстаченье, поставка, доставка.

Вытхнется, протухнетъ, и под.

Габа, родъ платья.

Драбына, грядка, облочокъ, бока въ повозкѣ, телегѣ.

Добрыдень, доброй день; на добрыдень, съ добрымъ утромъ.

Корогва, хоругвь, знамя.

Каплыця, часовня.

Маентокъ, имѣніе, имущество помѣстье.

Могорычь, угощеніе водкой и под. послѣ сдѣлки.

Нѣякійсь, кто-то, неизвѣстный, какой-то, нѣкто.

Опіяка, пьяница.

Опуцькы, отъ опуцёкъ, стебли, употребляемые въ пищу.

Очеретъ, тростникъ, камышъ.

Парахвія, парафія, церковной приходъ.

Покуховная пошлина, сборъ, пошлина, съ продажи напитковъ, вина, и под. тому, бочками.

Прямуя, проча, назначая.

Румъ, дорога, путь.

Руйновать, разорять, уничтожать.

Сегобочный, по сю сторону (бокъ) находящійся.

Степъ, поле, на коемъ ростетъ больше всего трава, обнаженное почти совершенно отъ лѣсовъ, и т. п. Слѣдовательно, ето вовсе не то, что степь.

Сурма, родъ трубы, свирѣли.

Толока, непаханное поле, на которое выгоняютъ скотъ; отъ толочить, выбивать посѣянный хлѣбъ, или траву, скотомъ.

Тогобочный, по ту сторону находящійся.

Утрактованный, угощенный, задобренный.

Фрасунокъ, печаль, жалость.

Хавтуры, оставшееся отъ поминальнаго обѣда, и самыя поминки.

Холодокъ, тѣнь подъ чѣмъ отъ зноя; родъ растѣнія.

Цвынтарь, кладбище, погостъ.

Чагарныкъ, камышъ и кусты прирѣчные и под. тому.

Чекмень, армякъ.

Шахвовать, дѣлать, приготовлять, и под.

Шыбеныця, висѣлица.

Шынкаръ, корчмарь, трактирщикъ, кабачникъ, продавецъ горячаго вина, цѣловальникъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ *.

ЧАСТЬ I-я.

Стр.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

* Слѣдующее оглавленіе находится только въ одномъ Великорускомъ спискѣ Исторіи Русовъ, отличающемся большею новковою слога подлинника; въ прочихъ же, Бѣлорускихъ и Малорускихъ, спискахъ его вовсе нѣтъ.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ЧАСТЬ II-я.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ЧАСТЬ III-я.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

C. Wurm
Buchbinder

